Міністэрства адукацыі Рэспублікі Беларусь
Установа адукацыі
«Гродзенскі дзяржаўны універсітэт імя Янкі Купалы»

Працэсы ўрбанізацыі ў Беларусі: XIX – пачатак XXI ст.

pawat.net

Зборнік навуковых артыкулаў

Гродна
ГрДУ імя Я.Купалы
2010

УДК 94(476-21)

Рэдакцыйная калегія:
І.П. Крэнь, кандыдат гістарычных навук, прафесар (адк. рэд.)
І.В. Соркіна, кандыдат гістарычных навук, дацэнт (адк. рэд.)
З.В. Шыбека, доктар гістарычных навук, прафесар
В.А. Белазаровіч, кандыдат гістарычных навук, дацэнт
А.М. Загідулін, кандыдат гістарычных навук, дацэнт
А.М. Макрушыч, выкладчык кафедры гісторыі Беларусі ГрДУ імя Я.Купалы

Рэцэнзенты:
С.А.Піваварчык, доктар гістарычных навук, загадчык кафедрай археалогіі і этналогіі Гродзенскага дзяржаўнага універсітэта імя Янкі Купалы;
А.М.Чарнякевіч, кандыдат гістарычных навук, дацэнт кафедры эканамічнай тэорыі Гродзенскага дзяржаўнага універсітэта імя Янкі Купалы

Працэсы ўрбанізацыі ў Беларусі: XIX – пачатак XXI ст.: зб. навук. арт. / ГрДУ імя Я.Купалы; рэдкал.: Я.А.Роўба, І.П. Крэнь, І.В. Соркіна (адк. рэдактары) [і інш.]. – Гродна: ГрДУ, 2010. − 389 с.

У аснову зборніка пакладзены матэрыялы міжнароднай навуковай канферэнцыі “Працэсы ўрбанізацыі ў Беларусі ў XIX – пачатку XXI ст.”, якая была праведзена кафедрай гісторыі Беларусі ГрДУ імя Янкі Купалы 29 – 30 кастрычніка 2010 г. Выданне падрыхтавана ў рамках выканання Дзяржаўнай комплекснай праграмы навуковых даследаванняў на 2006 – 2010 гг. «Гісторыя беларускай нацыі, дзяржаўнасці і культуры» (навуковы кіраўнік праграмы – доктар гістарычных навук, прафесар А. А. Каваленя). Разглядаюцца пытанні, звязаныя з узаемадзеяннем працэсаў урбанізацыі і дэмаграфічнай, сацыяльна-эканамічнай, культурнай трансфармацыі Беларусі ў XIX – пачатку XXI ст.

Рэдкалегія не заўсёды падзяляе думкі аўтараў артыкулаў. Рэдкалегія не нясе адказнасці за дакладнасць цытатаў і спасылак.

Адрасавана навукоўцам, выкладчыкам, аспірантам, магістрантам, студэнтам, настаўнікам, усім зацікаўленым гісторыяй гарадоў і урбанізацыі Беларусі.

ПРАДМОВА

Імклівая ўрбанізацыя ва ўсім свеце робіць аднаўленне аб'ектыўнай гістарычнай панарамы гарадскога жыцця Беларусі адной з актуальных і важных задач гістарычнай навукі. Гістарычная урбаністыка ў Беларусі набывае ўсё большую папулярнасць. Адным з яе асяродкаў з'яўляецца кафедра гісторыі Беларусі Гродзенскага дзяржаўнага універсітэта імя Янкі Купалы, што звязана з распрацоўкай навуковага праекту пад кіраўніцтвам прафесара І.П. Крэня "Працэсы урбанізацыі ў заходнім рэгіёне Беларусі ў XIX – XX стагоддзях". Гэты праект ажыццяўляецца ў рамках Дзяржаўнай комплекснай праграмы навуковых даследаванняў «Гісторыя беларускай нацыі, дзяржаўнасці і культуры» на 2006 – 2010 гг., кіраўніком якой з'яўляецца доктар гістарычных навук, прафесар А. А. Каваленя.

Правядзенне ў Гродне навуковых канферэнцый, прысвечаных праблемам гістарычнай урбаністыкі, ужо стала традыцыяй. На гэты раз 29 – 30 кастрычніка 2010 г. на факультэце гісторыі і сацыялогіі ГрДУ імя Янкі Купалы выканаўцы названага праекту (І.В.Соркіна, З.В.Шыбека, А.М.Загідулін, В.А.Белазаровіч, А.М.Макрушыч, Г.С.Вайцешчык) арганізавалі міжнародную навуковую канферэнцыю па тэме "Працэсы ўрбанізацыі ў Беларусі ў XIX – пачатку XXI ст." Абмяркоўваліся актуальныя пытанні, звязаныя з узаемадзеяннем працэсаў урбанізацыі і трансфармацыі Беларусі ў XIX – пачатку XXI ст. у палітычнай, сацыяльна-эканамічнай і культурнай сферах. У праграме канферэнцыі было каля 50 дакладчыкаў з устаноў навукі і адукацыі Беларусі і суседніх краінаў – Польшчы, Літвы, Украіны. Канферэнцыя атрымалася міждысцыплінарнай: сярод яе ўдзельнікаў былі прадстаўнікі не толькі гісторыі, але і геаграфіі, сацыялогіі, культуралогіі. Пасля многіх выступаў завязваліся працяглыя дыскусіі. Абмен думкамі атрымаўся цікавым і карысным як для гасцей канферэнцыі, так і для яе гаспадароў.

На аснове матэрыялаў канферэнцыі складзены гэты зборнік. Сярод яго аўтараў вядомыя і маладыя даследчыкі з Беларусі (Гродна, Мінск, Брэст, Віцебск, Магілёў, Ліда), Польшчы (Варшава, Вроцлаў), Літвы (Вільня), Украіны (Кіеў). Зборнік мае тры раздзелы. Гісторыкі, археолагі, географы, сацыёлагі, культуролагі, мастацтвазнаўцы, краязнаўцы асвятляюць праблемы ўзаемадзеяння ўрбанізацыі і дэмаграфічных працэсаў, урбанізацыі і эканомікі, урбанізацыі і культуры. Артыкулы суправаджаюцца анатацыямі на рускай мове, што абумоўлена міжнародным характарам аўтарскага калектыву.

Выданне зборніка здзейснена пры фінансавай падтрымцы Беларускага рэспубліканскага фонду фундаментальных даследаванняў. Ёсць надзея, што выкладзеныя ў ім матэрыялы і меркаванні будуць карыснымі не толькі навукоўцам, але і муніцыпальным дзеячам, спецыялістам у галіне гарадской гаспадаркі і культуры.

Рэдкалегія

1. УРБАНІЗАЦЫЯ І ДЭМАГРАФІЧНЫЯ ПРАЦЭСЫ

УДК 323(476)

Захар Шыбека (Мінск)

МЕНТАЛІТЭТ БЕЛАРУСКІХ ГАРАДЖАН У КАНТЭКСЦЕ ФАРМАВАННЯ ГРАМАДЗЯНСКАЙ НАЦЫІ

В статье изучаются сущность и происхождение недоурбанизированной (маргинальной) ментальности белорусских горожан, основные черты этой ментальности, сдерживающие процесс формирования гражданской нации, а так же роль современного города Беларуси в нациотворческом процессе.

Уступ

Беларусы чамусьці думаюць трошкі не так, як іншыя. Нялёгкі гістарычны лёс краіны і спецыфічна праведзеныя бальшавіцкай партыяй цывілізацыйныя мадэрнізацыі прывялі да істотнай дэфармацыі іх ментальнасці. Беларусаў не разумеюць людзі з Захаду. Беларуская інтэлігенцыя не разумее свой народ. І больш таго, беларусы часам не разумеюць адзін аднаго. Пра жыхароў Беларусі, звычайна, мяркуюць па закаранелых стэрэатыпах, якія не заўсёды адпавядаюць рэчаіснасці. А ўсе ідзе ад таго, што не ведаем ўласнай ментальнасці, мала даследуем яе і не расказваем пра сябе іншым. Асаблівую актуальнасць набывае вывучэнне менталітэту гараджан, што абумоўліваецца ўскладненнем жыцця ў сучасных гарадах, калі на першы план усё часцей выступаюць сацыяльна-псіхалагічныя праблемы.

Менталітэт, ментальнасць (фр. mentalité ад лат. mentalis – разумны), своеасаблівы спосаб (тып) мыслення, светабачання асобнага чалавека або якой-небудзь супольнасці. Складваецца стыхійна, пад уздзеяннем умоў пражывання. Адлюстроўваецца ў спецыфічных неўсвядомленых уяўленнях людзей аб прасторы, часе, прыродным і сацыяльным асяроддзі, уяўленнях аб саміх сябе і прадстаўніках іншых груп насельніцтва. Ментальнасць не ідэнтычная нацыянальнаму характару, які выяўляецца ў такіх феноменах, як тэмперамент, эмоцыі, пачуцці. Тэрмін "менталітэт" упершыню ўвёў амерыканскі філосаф Р.Эмірсон у сярэдзіне XIX ст.

Праблемам ментальнасці прысвечаны шмат прац філосафаў, сацыёлагаў, псіхолагаў, культуролагаў Захаду. Сярод гісторыкаў першымі да праблемы менталітэту яшчэ ў 20-30 гг. XX ст. звярнуліся лідэры школы “Аналаў” М.Блок і Л.Февр, якія вывучалі Сярэднявечча і Рэнесанс. Аднак і на Захадзе менталітэт сучасных гараджан застаецца малавывучаным. Сярод гісторыкаў Расіі першым праблему ментальнасці пачаў даследаваць Ф.Я.Гурэвіч [5]. Ментальнасці сучасных гараджан прысвяціў важную для дадзенай тэмы працу польскі філосаф Войцех Буршта [1].

У Беларусі асаблівасці менталітэту гараджан апошнім часам усё часцей улічваецца псіхолагамі, эканамістамі, журналістамі для павялічэння эфектыўнасці сваёй працы [2, 8, 9, 10, 11, 15]. Значнае месца праблема

ментальнасці беларусаў займае ў навуковай манаграфіі этнографа і этнолага Юліі Чарняўскай [14]. Сярод гісторыкаў Беларусі першым гэта праблема параўнаўча нядаўна пачала цікавіць Эдуарда Дубянецкага [6, 7]. Пэўны вопыт вывучэння менталітэту беларускіх гараджан мае аўтар гэтых радкоў [17, с. 291–310]. Аднак спецыяльных і фундаментальных даследаванняў па абранай тэме пакуль няма. У дадзеным артыкуле звяртаецца ўвага на гістарычныя карані менталітэту сучасных гараджан і на тое, як яны ўплываюць на фармаванне грамадзянскай нацыі ў сучаснай Беларусі. Прыведзеныя тут высновы грунтуюцца на разуменні інертнасці ментальнасці (яна не паспявае за зменамі ў грамадстве), асабістых назіраннях, а галоўнае – на даследаванні гісторыі урбанізацыі Беларусі. Для больш грунтоўнага вывучэння менталітэту гараджан патрэбна выкарыстоўваць серыйныя крыніцы, бо з'ява гэта па свайму характару – масавая. Аднак такой мажлівасці ў аўтара не было.

Фармаванне недаўрбанізаванай ментальнасці

Горад мяняе ментальнасць людзей. Іх мысленне нібы ўрбанізуецца. Узнікае, так бы мовіць, новая своеасаблівая папуляцыя людзей – гараджане. У Беларусі ва ўмовах адсутнасці ўласнай дзяржаўнасці мысленне карэнных жыхароў урбанізавалася спецыфічна і запаволена. Жыхары Беларусі дагэтуль застаюцца вясковымі людзьмі, калі мець на ўвазе не толькі матэрыяльны, але і духоўны бок гарадской цывілізацыі. У гарады перасяліліся вяскоўцы. У гарадскіх кватэрах яны жывуць вясковым клопатам, думаюць па-вясковаму: трэба дапамагчы бацькам накасіць сена, выкапаць бульбу. Перазімаваўшы ў горадзе, такія гараджане ад'язджаюць на лецішчы ці ў вёску, ім не да гарадскіх справаў. Прыгарады таксама нагадваюць вёску. Захоўваецца вясковы ўклад жыцця: драўляныя дамкі, кветнікі, садкі, лёхі пад гародніну, пасаджаная пад электралініяй высокага напружання бульба, куры на двары, козы на ўскрайку гарадскіх дарог...

Усё гэта дае пэўную падставу сцвярджаць, што ўрбанізацыя Беларусі з улікам побыту і менталітэту гараджан застаецца незавершанай, хоць, паводле перапісу 2009 г., у гарадах і пражывае каля 74% насельніцтва.

Нагадаем асноўныя асаблівасці ўрбанізацыі ў Беларусі. З канца XVIII ст. у Заходняй Еўропе імкліва ўзрастала роля гарадоў. Якраз тады Вялікае Княства Літоўскае выпала з гэтага працэсу. Пад царскай Расіяй урбанізацыя запаволілася, а галоўнае, яна абмінала карэнную нацыю – беларусаў. У гарадах колькасна дамінавалі яўрэі і рускія. Прыток вяскоўцаў у гарады ўскладняўся. Сяляне адхіляліся ад небяспечных гарадскіх справаў. Іх свядомасць не ўрбанізавалася [16, с. 35–67]. Напрыканцы XIX ст. доля гараджанаў сярод беларусаў не перавышала і 17% [16, с. 169].

Савецкая індустрыялізацыя 1960-х гг. зрабіла гараджанаў бальшынёй беларускага грамадства, змяніла іх склад на карысць беларускай нацыі. Аднак і савецкі горад не ўключыў жыхароў Беларусі ў гарадскую цывілізацыю, не паспрыяў урбанізацыі іх ментальнасці. Горад служыў палігонам для масавай камунізацыі свядомасці мясцовага насельніцтва праз адукацыю, СМІ, сістэму палітінфармацыі. Традыцыі буржуазнага горада вынішчаліся, а наўзамен ім насаджаліся сялянска-калгасныя ідэалы жыцця.

Існавалі і аб'ектыўныя прычыны для запавольвання ўрбанізацыі. На думку сацыяльных псіхолагаў, новы тып асобы – «ўрбанізаваны чалавек» – фармуецца на працягу жыцця двух-трох пакаленняў. Калі прыток вяскоўцаў у горад нязначны, горад іх перавыхоўвае. Калі ж адбываецца масавы прыток – вяскоўцы перавыхоўваюць гараджанаў. Імклівая ўрбанізацыя за кароткі час (у 1960-я гг.) прывяла да таго, што ўздзеянне сельскіх мігрантаў на гарадскі лад жыцця атрымалася большым, чым гарадскога на вясковы. У складзе СССР вясковая свядомасць перамагала свядомасць гарадскую. Гарады раслі коштам вёскі і станавіліся вясковымі, а іх жыхары не бралі за мэту засваенне здабыткаў гарадской цывілізацыі, бо жылі клопатам вёскі і не мелі ў гарадах прыватнай уласнасці. Пасляваенны горад БССР быў створаны вёскай для працы ўзімку [3, 12, 13]. Нават у Мінску з яго развітай культурнай інфраструктурай па асноўных паказніках засваення культуры мігранты з вёскі, паводле назіранняў 1985 г., значна адставалі ад карэнных гараджанаў [4, с. 200].

Пасля абвяшчэння незалежнасці Беларусі ў 1991 г. слаба мадэрнізаваная сацыяльна-эканамічная структура гарадоў абумовіла кансервацыю ў іх каштоўнасцяў савецка-беларускай культуры, вясковай па сваім паходжанні. Гэтаму спрыяў і масавы выезд з краіны яўрэяў, нашых спрадвечных гараджанаў.

Такім парадкам, гістарычныя абставіны не дазвалялі жыхарам Беларусі ўрбанізавацца як след. У нашым выпадку ўрбанізацыя вёскі была недастаткова моцная. Магутны націск урбанізацыі і імклівае пашырэнне гарадскога жыцця з яго нормамі і прынцыпамі, з аднаго боку, і ўкаранёная традыцыя вёскі і вясковай дзяржавы, з другога боку, спарадзілі своеасаблівы феномен – недаўрбанізаваную (маргінальную) ментальнасць беларускіх гараджанаў. Склалася такая сітуацыя, што жыхары беларускіх гарадоў па сваёй ментальнасці ўжо не вяскоўцы, але яшчэ не гараджане.

Асноўныя рысы недаўрбанізаванай ментальнасці

Беларускія навукоўцы ў вывучэнні ментальнасці беларусаў прыкладна сходзяцца ў сваіх меркаваннях пра асноўныя рысы гэтай ментальнасці. Аднак адпаведна спецыялізацыі ці навуковага інтарэсу, выкарыстоўваюць розныя словы-вызначэнні, расстаўляюць розныя акцэнты – падкрэсліваюць адно, прыглушаюць іншае. У гэтым артыкуле звяртаецца ўвага на тыя характарыстыкі ментальнасці беларускіх гараджан, якія так ці іначай запавольваюць фарміраванне ў Беларусі грамадзянскай нацыі. Прыналежнасць да такой нацыі вызначаецца на аснове беларускага грамадзянства, а не на этнічнай аснове.

1. Найважнейшая рыса недаўрбанізаванай ментальнасці – *міфалагізацыя*, якая захавалася ў беларускіх сялянаў яшчэ са старажытнасці і абумоўлівалася, у значнай ступені, хараством беларускіх ландшафтаў, якія выклікалі захапленне. Узнік прыярытэт эмоцый над розумам. Міфалагізацыя спарадзіла схільнасць да казак, утопіяў, у тым ліку і да ўтопіяў сацыялістычных. Учорашнія вяскоўцы перакананыя ў існаванні элементарнага спосабу дасягнення роўнасці і справядлівасці. Зямлі многа – усім хопіць, яе трэба толькі

перадзяліць: адабраць лішак у багачоў і перадаць бяднейшым. Падзяліць ці перадзяліць – гэта ідэалогія паўпераў, былых вяскоўцаў, якія трапілі ў горад, дзе і спрабуюць спраўдзіць свае ідэалы. Сацыялістычныя ідэалы былі характэрныя зусім не для забяспечаных гарадскіх рабочых, якія мелі сталую працу, а для паўпераў, людзей, што страцілі сродкі для існавання і падчас урбанізацыі траплялі ў горад. Не выпадкова росквіт сацыялістычных ідэй супадае з перыядам інтэнсіўнай індустрыялізацыі і ўрбанізацыі. Завяршэнне ўрбанізацыі, у тым ліку і ўрбанізацыі вёскі, робіць сацыялізм неактуальным. Чым меншы ў краіне традыцыйна вясковы сектар, тым меншая прастора для сацыялістычных утопіяў, для міфалагізацыі палітычных лозунгаў увогуле.

2. Недаўрбанізаванасць выяўляецца ў *адсутнасці гістарычнай свядомасці*. Ва ўсе часы беларусам уласціва прывязанасць да сваёй зямлі-карміліцы, свайму роднаму краю. Вяскоўца цікавіць не мінулае ўсёй Беларусі, а пераважна родны кут. Беларусы ў XIX ст. былі ў большасці вяскоўцамі, не мелі сваёй эліты, інтэлігенцыі, іх кругагляд абмяжоўваўся роднай вёскай. Таму яны і страцілі (ці не набылі) гістарычную свядомасць, гэта значыць усведамленне дачынення найперш да спадчыны ВКЛ. Гэта была самая істотная страта. Сучасным жыхарам Беларусі не стае пачуцця супольнасці шматвяковага гістарычнага лёсу, гонару за ўласных герояў мінулага. Такім нізкім станам гістарычнай свядомасці беларусаў скарысталіся ў другой палове XIX – пачатку XX стст. палякі і літоўцы, прыватызаваўшы нашу агульную гістарычную спадчыну падчас барацьбы за ўласную дзяржаўнасць. У выніку цяпер мы імкнемся падзяліць шляхту і высокую культуру былой Рэчы Паспалітай з палякамі, літоўцамі і ўкраінцамі ды падзяліць гістарычную спадчыну ВКЛ з этнічнымі літоўцамі. І ў гэтым выяўляецца наша вясковая ментальнасць – вера ў справядлівы падзел, нібыта Рэч Паспалітая ці ВКЛ – нейкія пляцы зямлі.

3. *Адсутнасць духоўнага суверэнітэту* можна лічыць трэцяй асаблівасцю недаўрбанізаванай ментальнасці беларусаў. Гэтая акалічнасць абцяжарвае карыстанне супольнай спадчынай. Здавалася б, простая рэч: зразумець, што ВКЛ – гэта і наша спадчына ды пачаць ёй карыстацца. Сярод беларускай інтэлігенцыі вядуцца спрэчкі: ці можна Адама Міцкевіча лічыць беларускім паэтам. Вядома ж, праблематычна назваць яго нацыянальным творцам. Мы страцілі яго. Але ніхто не забараняе карыстацца талентам Адама Міцкевіча, і рабіць гэта неабходна. Для таго, праўда, патрэбныя ўрбанізаваная ментальнасць, духоўны суверэнітэт, гэта значыць павага да сябе і свайго народа. Урэшце, для пачуцця духоўнага суверэнітэту нам дае падставу дзяржаўны суверэнітэт, які мы набылі ў 1991 г. Толькі духоўны суверэнітэт – цвёрдая і акрэсленая самаідэнтыфікацыя з беларускім народам і яго культурай – дазволіць нам, не асцерагаючыся русіфікацыі або паланізацыі, шырока карыстацца супольнай гісторыка-культурнай спадчынай разам з суседзямі.

4. Духоўны суверэнітэт шчыльна злучаны з нацыянальнай свядомасцю. Для недаўрбанізаванага і вясковага менталітэту якраз і характэрная *адсутнасць нацыянальнай свядомасці*. Вёска дэманструе парадаксальную сітуацыю. З аднаго боку, толькі дзякуючы ёй захавалася традыцыйная культура і нацыянальная мова, а з другога – менавіта вёска не ўсведамляла важнасці таго. Вяс-

ковец, трапіўшы ў горад, лёгка цураўся ўсяго бацькоўскага. На варце нацыянальнай свядомасці кожнай нацыі стаяць уласная нацыянальная дзяржава, уласны нацыянальны горад. Паколькі беларусы былі нацыяй не толькі бездзяржаўнай, але і негарадской, то гэта непазбежна запавольвала фармаванне іх нацыянальнага самавызначэння. Пад ціскам зверху мясцовыя жыхары да 1830-х гг. паланізаваліся, пасля антыцарскага паўстання 1831 г. – русіфікаваліся, у 1920-я гг. на загад бальшавікоў беларусізаваліся. У перыяды абвастрэння барацьбы палякаў і рускіх за Беларусь (1831 г., 1863 г., 1919–1920 гг.) мясцовыя сяляне ўвогуле ўхіляліся ад самавызначэння на карысць якога-небудзь з нацыянальных бакоў і тым ратаваліся ад ангажавання ў канфлікт. На Беларусі тады быць беларусам было нават небяспечна – за тое заўсёды каралі ці рускія, ці палякі. Таму беларусы і называлі сябе "тутэйшымі", а пазней – савецкімі людзьмі. Даўней, у падцарскай Беларусі, мова, на думку польскага сацыёлага Рышарда Радзіка, праз нізкую нацыянальную самасвядомасць «тутэйшых» успрымалася не як паказнік нацыянальнай рознасці, а як паказнік сацыяльнага стану: беларуская – вясковая, польская – панская, руская – чыноўніцкая. Каб выбіцца ў людзі, трэба было выбіраць польскасць або рускасць. За савецкім часам руская мова непарыўна звязвалася з горадам. Лічылася, што ў горадзе можна размаўляць толькі па-руску. Горад выступаў магутным інструментам русіфікацыі карэннага насельніцтва Беларусі. На жаль, разумення важнасці беларускай мовы няма і цяпер. Мова ёсць найважнейшым сімвалам дзяржаўнасці. Таму з пазіцый нацыянальнай годнасці беларускую мову павінен ведаць кожны грамадзянін Беларусі. А з пазіцый закона аб роўнасці двух моў, не веданне беларускай мовы можна нават расцэньваць і як злачынства.

5. Наступная рыса недаўрбанізаванай ментальнасці, як і вясковай, – *імкненне да самаізаляцыі*, хутарскога жыцця, хавання ад усіх (улады, злога суседа, дурнога вока). Здавалася б, у гэтую парадыгму неяк не ўпісваецца беларуская талака. Аднак у беларускай талацэ выяўлялася хутчэй грамадская пазіцыя вяскоўцаў, чым іх ментальнасць. Пра імкненне да адасобленасці беларусаў сведчыць той факт, што ў Заходняй Беларусі 40% сялянскіх гаспадарак былі хутарскія. Схільнасць да самаізаляцыі ва ўмовах горада яшчэ больш узмацняецца. Гараджане слаба кантактуюць паміж сабой, асабліва на грамадскім узроўні. Яны дэкансалідаваныя. Гараджане з урбанізаванай ментальнасцю ніколі да самаізаляцыі і не дадумаюцца. У горадзе ўсе мусяць быць узаемазалежнымі і адказнымі адзін перад адным. Дастаткова вывесці са строю электрастанцыю, каб гарадская цывілізацыя прыпынілася. Калі мы гаворым пра самаізаляцыю краіны як пра рэальную рэч, нашымі вуснамі гаворыць наш продак – вясковец з XIX ст.: тады яшчэ можна было самаізаляваццa на ўласнай гаспадарцы, дый таксама адносна.

6. Недаўрбанізаваная, як і вясковая, ментальнасць жыхароў Беларусі характарызуецца *апалітычнасцю*. Сялянам у прынцыпе ўсё адно, якая улада, абы не замінала працаваць на зямлі. Досвед падказваў, што пад любую ўладу давядзецца падладжвацца. Сялянскія нацыі таму і безабаронныя перад знешняй небяспекай. Беларуская сялянская нацыя лёгка прыстасоўваецца да ўлады, на-

ват калі яна чужынская. Аднак па меры ўрбанізацыі апалітычнасць паступова саступае месца ўпэўненасці ва ўласныя сілы, у здольнасць кіраваць краем самастойна. З узрастаннем нацыянальных гарадскіх цэнтраў з'яўлялася ўсведамленне, што тут, у Беларусі, наша Масква, наша Варшава, наш Парыж. Ідэя палітычнай аўтаноміі Беларусі ў складзе Расіі была вынікам паскарэння ўрбанізацыі беларускага грамадства (з 1880-х гг.). Узнікненне ідэі палітычнай незалежнасці звязанае са значнай ступенню ўрбанізацыі ў перыяд Першай сусветнай вайны, калі Мінск і іншыя прыфрантавыя гарады перапоўніліся беларускімі бежанцамі [17, с. 294–299].

7. Гараджане Беларусі захоўваюць такую адметнасць вясковай ментальнасці як *цярплівасць*, якая склалася ў нашых продкаў на працягу апошніх двух стагоддзяў. Цярплівасць не варта блытаць з *талерантнасцю*. Першае характэрна для нізоў грамадства, другое – для эліты. Гэта менталітэт аграрнай арыстакратыі вылучаўся ў мінулым талерантнасцю, што абумоўлівалася шматканфесійнасцю ВКЛ і яго геапалітычным становішчам – на стыку двух цывілізацый. Аднак пад царскім і бальшавіцкім панаваннем беларускі народ страціў сваю эліту. Лепшыя яе якасці не маглі распаўсюдзіцца на ўсё грамадства, як гэта было на Захадзе. А ва ўмовах царска-бальшавіцкага прыгнёту якраз цярплівасць, а не талерантнасць стала для сялянскага народа своеасаблівым механізмам самазахавання. Талерантным можа быць толькі свабодны народ ці чалавек. І зараз беларусы выказваюцца за захаванне смяротнай кары. Яны не супраць нашкодзіць з-пад цішка. Цярплівыя да выпрабаванняў і злоўжыванняў з боку начальства, яны часта дэманструюць нецярпімасць да людзей іншых поглядаў. Якая ж гэта талерантнасць? Міф аб талерантнасці беларусаў атрымаў надзвычай шырокае распаўсюджванне як у краіне, так і за яе межамі.

8. Цярплівасць мяжуе з рабскай пакорлівасцю. *Сервілізм*, ці, як кажуць, халуйства мае таксама вясковае паходжанне. Рабская псіхалогія трывала ад прыгоннага права. У Беларусі 54% насельніцтва ў першай палове XIX ст. былі пад прыгонам, тады як у расійскіх губернях – 38%. Нават у казках далей пачуцця варожасці і спробаў падмануць пана сяляне не ідуць. Фізічную расправу з прыгнятальнікамі ўчыняюць звычайна чэрці! Таму і зараз маўклівая большасць гараджан, учарашніх сялян, па-ранейшаму спадзяецца, што нехта збоку наладзіць ім добрае жыццё – добры цар ці чорт (замежнікі) [14, с. 5]. Да бальшавіцкага перавароту 1917 г. сялянства яшчэ не паспела вызваліцца ад сіндрому непаўнавартасці, а калектывізацыя толькі ўзмацніла яго. Абарона свайго гонару не стала сялянскай традыцыяй. Дарэчы, бальшавізм генетычна звязаны з сялянскім халуйствам. Гэта ідэалогія паўпераў, маргіналаў, няўдачнікаў, адарваных ад вёскі і не адаптаваных да ўмоваў гарадскога жыцця. Бальшавікі якраз і ёсць тыповымі носьбітамі недаўрбанізаванай ментальнасці.

9. Можна вылучыць яшчэ адну рысу сялянскай ментальнасці, якая захоўваецца ў гараджанаў. Гэта – *хамства*. Што казаць, не было ў сялянаў звычкі паважліва адносіцца да роўных. На тое яны і роўныя (не паны ж!), каб з імі не цырымоніцца. Хамства залівае беларускія гарады, у тым ліку і сталіцу. З ім можна сутыкнуцца паўсюды – на вуліцы, у краме, транспарце, тэатры. На-

ват людзям адукаваным бывае цяжка пазбавіцца ад вясковай спакусы і бальшавіцкай традыцыі пакрыць адзін аднаго матам. Крыніцай непрымірымасці, на маю думку, доўгі час з'яўляліся творы Уладзіміра Леніна: у іх падтэксце адчуваецца рускі мат, скіраваны супраць апанентаў. Сваім хамствам мы вылучаемся сярод еўрапейскіх краін. Заходняя дэмакратыя сцвердзіла паважлівыя формы ўзаемаадносінаў, якія раней былі характэрнымі толькі для дваранства. Дэмакратычныя грамадствы складаюцца зараз з паноў, сеньёраў, сэраў. Атмасфера ўзаемапавагі ўзнікала стагоддзямі. І горад паказваў у гэтым прыклад ужо ў сувязі з ушчыльненнем у ім насельніцтва. А ў не беларускім горадзе Беларусі такога не назіралася.

10. І нарэшце яшчэ адна істотная рыса недаўрбанізаванай ментальнасці – гэта *зайздрасць*. Кажуць, найлепшая радасць для беларуса, калі ў суседа карова здохла. Сапраўды, беларусам бракуе імкнення да ўзаемадапамогі [17, с. 299].

Халуйства, хамства і зайздрасць – гэта тыя рысы вясковай ментальнасці, якія шкодзяць нашай згуртаванасці і кансалідацыі. Пералічаныя рысы ў той ці іншай ступені былі характэрныя і гараджанам іншых краінаў, якія са спазненнем прайшлі стадыю індустрыялізацыі, але ў Беларусі яны выявіліся надзвычай яскрава і моцна. Патрэбен большы час і большыя магчымасці, каб халуйства і хамства вытравіць.

Рэшткі сялянскага менталітэту ва ўмовах гарадской цывілізацыі – рэч даволі небяспечная. Недаўрбанізаванай свядомасцю лёгка маніпуляваць. Звычайна людзі аграрнага светапогляду вылучаюцца павышанай агрэсіўнасцю. Усе вясковыя дзяржавы праходзілі праз таталітарызм і аўтарытарызм: кіраванне Сметаны ў Літве, рэжым Ульманаса ў Латвіі, рэжымы Салазара, Франка, Хорці, Антанэску. Сучасныя гараджане з недаўрбанізаванай ментальнасцю такія самыя псіхалагічна праблемныя і сацыяльна небяспечныя, як і паўперы XIX ст. Асабліва негатыўны змест недаўрбанізаваная ментальнасць набывае зараз у вялікіх гарадах. Жыхары вялікіх гарадоў эмацыйна больш халодныя, стрыманыя і жорсткія. Недаўрбанізаваная ментальнасць выступае адной з прычынаў варожасці да гарадской цывілізацыі. Гэта трансфармуецца ў варожасць да Захаду. Таму каб стаць еўрапейцамі, беларусам неабходна стаць гараджанамі па ментальнасці і ўсвядоміць сябе адзінай сучаснай нацыяй.

Уплыў менталітэту гараджанаў на працэс нацыятворчасці

На Захадзе горад меў вялізарнае значэнне ў грамадскім прагрэсе. Пра гэта сведчыць ужо той факт, што там гарадская ідэнтычнасць перарасла ў ідэнтычнасць нацыянальную (ад формулы «усе жыхары Парыжа – парыжане» да формулы «усе жыхары Францыі – французы»). Паводле класіка еўрапейскай урбаністыкі Фернана Брадэля, фармаванне сучаснага еўрапейскага горада прайшло праз тры этапы: 1-ы – адкрыты, аграрны горад; 2-і – закрыты, гандлёвы самадастатковы і свабодны горад; 3-і – горад індустрыяльны, падпарадкаваны дзяржаве, умантаваны ў нацыянальную дзяржаву, якая і сама фармавалася на ўзор свабодных гарадоў.

На беларускіх землях існаваў адкрыты горад у час Кіеўскай Русі і ранні перыяд ВКЛ. Склаўся ў Беларусі і паўзакрыты горад, вольны, але не зусім незалежны ад мясцовых феадалаў у час росквіту ВКЛ і перыяд Рэчы Паспалітай.

Тады ж узмацнілася гарадская ідэнтычнасць. Гараджане называлі сябе адзіным урбонімам – “палачане”, “берасцяне”, “случане”, “мяняне” і г. д. Яны трымаліся правілаў абшчыннага жыцця: узаемападтрымкі, узаемаадказнасці. Аднак нацыянальная дзяржава на ўзор вольных гарадоў узнікнуць не паспела. Жыхары ВКЛ так і не прыйшлі да агульнага саманазову – “ліцвіны”. У Расіі не горад панаваў над вёскай, а вёска – над горадам. У расійскай гісторыі не існавала перыяду закрытага, вольнага для эксперыментаў горада. Таму не горад мадэляваў нацыянальную дзяржаву, а дзяржава па сваім падабенстве мадэлявала гарадскія паселішчы. А дзяржава была дэспатычная, бо фармавалася пад татара-мангольскім панаваннем і на ўзор жорсткага падпарадкавання вясковым князькам з часоў ваеннай дэмакратыі. Такі шлях развіцця быў характэрны не толькі для Расіі, але і для іншых краінаў Азіі.

У выніку жорсткай дзяржаўнай рэгламентацыі гарады Расійскай імперыі і Беларусі былі перароблены на аўтакратычны манер. Адсюль і беларуская спецыфіка гарадской ідэнтычнасці: яна не перарасла ў дзяржаўную ідэнтычнасць. Дзяржаўная ідэнтычнасць мела вясковае паходжанне, а вясковая ідэнтычнасць істотна ўплывала на ідэнтычнасць гарадскую.

Гэтая адметнасць шмат у чым тлумачыць спецыфіку беларускай краіны і яе непаразуменні з еўрапейскімі дзяржавамі. Спецыфікай гарадской ідэнтычнасці ў Беларусі тлумачыцца і абыякавасць беларускіх гараджанаў да гісторыка-культурнай спадчыны сваіх гарадоў і найперш сваёй сталіцы, іх дэкансалідаванасць, слабая прыстасаванасць да гарадскога жыцця [17, с. 301–302].

Таму беларускае грамадства стаіць перад праблемай фармавання не толькі нацыянальнай, але і гарадской ідэнтычнасці. Вырашэнне гэтых праблем шмат у чым залежыць ад узаемаадносінаў горада і дзяржавы. Досвед царскай Расіі (вясковай дзяржавы) паказвае, што праект фармавання адзінай расійскай нацыі праваліўся. Нічога не выйшла і з праекта зрабіць савецкі народ. Толькі гарадская мадэль дзяржавы заходняга ўзору стварае сітуацыю гамагеннасці: усе жыхары Рыма – рымляне, усе жыхары Італіі – італьянцы. Дзяржава вясковага паходжання звычайна параджае міжэтнічныя сваркі, а потым тым і займаецца, што развязвае канфлікты. Беларуская дзяржава, таксама вясковая па паходжанні, пакуль не вельмі спрыяе фармаванню сучаснай палітычнай нацыі. У сучасным Мінску жывуць мінчукі, а ў Беларусі рускія, палякі, яўрэі, украінцы, многія іншыя – і ўсе самі па сабе. Пакуль яны не бачаць сябе беларусамі рускага, польскага, яўрэйскага, украінскага ці іншага паходжання.

У сувязі з гэтым узнікае пытанне: ці здолее беларускі горад пашырыць сярод сваіх жыхароў гарадскую ментальнасць, нацыянальна крышталізаваць асобу і кансалідаваць нацыю, як гэта зрабіў заходнееўрапейскі горад? Ці зможа ён стаць ўзорным горадам дэмакратыі, каб і дзяржава на яго прыклад стала дэмакратычнай? Іншымі словамі, ці зможа ён прайсці той перарваны царска-бальшавіцкай экспансіяй шлях ва ўзаемадачыненнях з дзяржавай, які прайшлі гарады Захаду? Гэта – не проста. Тым больш, што той заходні горад, які раней стаяў ля калыскі нацый і цярпліва гадаваў нацыянальную ідэнтычнасць, цяпер становіцца транснацыянальным і транскультурным і, нібыта, пачынае разбу-

раць нацыянальныя традыцыі. Некаторыя інтэлектуалы бачаць у дэнацыяналізацыі жыхароў Беларусі нейкую перавагу ў інтэграцыйных працэсах ва ўмовах глабалізацыі.

І ўсё ж існуе шэраг аргументаў на карысць поспеху.

1. Пераскочыць праз гістарычныя этапы, перахітрыць усіх не ўдасца. Некалі бальшавіцкія тэарэтыкі таксама натхнялі манголаў на пабудову сацыялізму тым, што сцвярджалі пра магчымасць гэтага, мінуючы капіталізм. Беларускі горад не можа ўступіць у разбуральную фазу, мінуючы стваральную. Працэс глабалізацыі закрануў яго не так моцна, як гарады Захаду. Яшчэ ёсць шанец даўрбанізавацца па-беларуску.

2. Аптымізму дадае і тая акалічнасць, што беларусы захоўваюць ліберальную мадэль ментальнасці. Гэта, а не дэнацыяналізацыя, якраз і будзе спрыяць інтэграцыі беларускага грамадства ў еўрапейскую супольнасць.

3. На карысць поспеху нацыянальнага самасцвярджэння сведчыць і досвед еўрапейскіх краінаў. Кожная еўрапейская нацыя перажыла ў сваім развіцці паласу сацыяльных канфліктаў, выпакутавала сацыяльную талерантнасць і ўрэшце дасягнула сацыяльна-эканамічнай і духоўна-культурнай кансалідацыі. І горад быў пры гэтым выдатным узорам. Ён пастаянна дэманстраваў неабходнасць узаемадапамогі людзей дзеля выжывання. Захад паспяхова пераадолеў паўперызм і недаўрбанізаванасць шляхам дэмакратызацыі – стварэння адзіных універсальных законаў і магчымасцяў для самасцвярджэння ўсіх жыхароў краіны на аснове агульнанацыянальных каштоўнасцяў.

4. Мяркуючы па выказваннях блогераў у Інтэрнэце (а гэта пераважна гараджане маладога веку), ужо зараз менталітэт многіх жыхароў беларускіх гарадоў паступова пазбаўляецца ад празмернай ідэалагізацыі, сервілізму, бязбожжа, кансерватызму. У ім замацоўваюцца ідэі шанавання незалежнай дзяржавы, дэмакратычнага грамадства, правоў чалавека, грамадзянскай актыўнасці, беларускай мовы, нацыянальнай годнасці [14, с. 337–446]. Грамадзянская нацыя і ўтвараецца тады, калі яе жыхары пачынаюць усведамляюць сябе не толькі жыхарамі дзяржавы, але і яе грамадзянамі, гэта значыць, актыўнай сілай, здатнай уплываць на сітуацыю ў грамадстве.

Праўда, як сведчыць вопыт, станоўчыя перамены ў светаўспрыманні жыхароў Беларусі адбываюцца ва ўмовах пераходнага грамадства вельмі павольна, з часовым вяртаннем да ментальнасці мінулых гадоў. Бачыцца дзве асноўныя ўмовы канчатковага замацавання поспехаў. 1. Пакуль горад не падпарадкуе сабе вёску, не пашырыць на яе гарадскую свядомасць, не ўрбанізуе вяскоўцаў, датуль нельга гаварыць пра адзіную кансалідаваную нацыю. Для таго кожны гараджанін мусіць вучыцца карыстацца здабыткамі гарадской цывілізацыі. Урбанізацыя ментальнасці вяскоўцаў вядзе да паступовай ліквідацыі іх супрацьстаяння гараджанам і каштоўнасцям Захаду. 2. Канчатковае ўсталяванне гарадской ментальнасці і грамадзянскай нацыі адбудзецца ў Беларусі толькі пасля правядзення шырокай прыватызацыі, калі і ў горадзе і ў вёсцы з’явяцца гаспадары. Інакш кажучы, праблемы з урбанізацыяй і нацыянальнай кансалідацыяй знікнуць толькі тады, калі Беларусь стане багатай і дэмакратычнай дзяржавай. А ўрбанізаваная і нацыянальна кансалідаваная нацыя

ў сучасных умовах – гэта дадатковы рэзерв для паспяховага эканамічнага і грамадскага прагрэсу.

Лёс сялянскай ментальнасці

Недаўрбанізаваная ментальнасць падаецца тут няшчасцем і выпрабаваннем для людзей, як і ўсякі пераходны стан у іх жыццядзейнасці. Аднак ідэалізаваць гарадскую ментальнасць не варта. Што ўяўляе з сябе сучасны гараджанін Захаду з яго цалкам урбанізаванай ментальнасцю? Буйны горад на Захадзе складаецца выключна з вольных асобаў. Метрапалітальны чалавек (гараджанін з урбанізаванай ментальнасцю), на думку філосафа Георга Зімеля, усё "падлічвае розумам". Ён ацэньвае людзей выгодамі стасункаў з імі. У выніку нараджаецца тыповая буйнагарадская ментальнасць. Зімель пералічвае яе асноўныя рысы:

1) перасычанасць (эфект злоўжывання пачуццёвымі ўцехамі і трактаванне рэчаіснасці праз суадносіны з грашыма);

2) стрыманасць уласных антыпатый да іншых і недапушчэнне ўзнікнення відавочных антаганізмаў;

3) касмапалітызм [1, с. 95].

Прыходзіцца толькі шкадаваць, што заняпад вёскі азначае паступовае знішчэнне натуральнага суседскага асяроддзя. Знікаюць паняцці роднай хаты, роднага кута. Ва ўмовах гарадскога асяроддзя страчваецца народная (вясковая) супольнасць з яе моцнай групавой салідарнасцю і стабільным маральным ладам. Жыццё ў вялікім горадзе, з аднаго боку, непамерна лёгкае і атракцыйнае, з другога – зусім няпростае, бо чалавек заблытваецца ў безасабовым культурным змесціве горада, страчвае маральнасць і духоўнасць, пазбаўляецца асноўных арыенціраў, што фармуюць яго асобу і пачуццё прыналежнасці да супольнасці.

Аўтар гэтых радкоў ніколі не лічыў урбанізаваную ментальнасць ідэальнай з'явай. Гэта ж не што іншае як страшэнная дэфармацыя натуральнай ментальнасці жыхароў сельскай мясцовасці. Ідэальнай і натуральнай ментальнасць магла быць толькі ў вяскоўца. Аднак логіка развіцця свету няўмольная: няма вяртання да вясковай супольнасці. Будучыня свету – будучыня метрапалітальная. Гэта непазбежная рэальнасць. З ёй даводзіцца лічыцца і зміраццa.

Тым не менш, горад выявіў сваю няздольнасць вынішчыць прыродную матрыцу чалавечай ментальнасці. Гараджане ўсё часцей вяртаюцца да натуральнага побыту – на лецішчы для адпачынку, у катэджы, прыгарады, маленькія гарады на сталае жыхарства. Ва ўмовах урбанізаванасці нараджаецца настальгія як спроба ўцёкаў з гарадской цывілізацыі. Гэтаму спрыяюць тры фактары: веданне гісторыі, незадаволенасць сучаснасцю, прысутнасць артэфактаў мінулага. У выніку ў гараджанаў з'яўляецца прага стварыць хоць бы часовую супольнасць у выглядзе розных таварыстваў і захаваць пры тым уласную незалежнасць (адсюль пашырэнне гарадскіх субкультур). Мы жывём у горадзе, а міфічная настальгія дае ўпэўненасць, што заўсёды маем магчымасць уцёкаў з гарадскога пекла. Горад ёсць праклёнам, але мы таго не ведалі б, калі б не існавала вёска, хай сабе толькі ў нашым уяўленні.

Таму ёсць падставы спадзявацца, што ў працэсе фарміравання ў Беларусі гарадской ментальнасці яна можа ўвабраць у сябе і лепшае ад ментальнасці сялянскай. Для беларускіх гараджанаў, як і для вяскоўцаў, па-ранейшаму найважнейшымі застаюцца такія станоўчыя рысы, як жыццяўстойлівасць, дысцыплінаванасць, адказнасць, павага да працы іншых.

Спіс літаратуры

1. Буршта, Войцех. Горад і вёска – апазыцыя мітычных настальгіяў / В. Буршта // Фрагменты. – 2006. – № 11. – С. 88–101.
2. Бусько И. В. Специфика ментальности белорусов в контексте современной социокультурной ситуации / И.В. Бусько // Веснік Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэту. Серыя 1. – №3. – 2003. – С. 42-49.
3. Город и маятниковая миграция населения. – Минск, 1973. – 263 с.
4. Грамадскі быт і культура гарадскога насельніцтва Беларусі. – Мінск, 1990. – 246 с.
5. Гуревич, А.Я. Проблема ментальностей в современной историографии / А.Я. Гуревич // Всеобщая история: дискуссии, новые подходы. – Вып.1. – Москва: Наука, 1989. – С.75 – 89.
6. Дубянецкі, Э. Менталітэт беларусаў: спроба гіст.-псіхал. аналізу / Э. Дубянецкі // Беларусіка=Albaruthenica. – Кн. 2. – Мінск, 1993. – С. 192–201.
7. Дубянецкі, Э. Ментальнасць грамадзян Беларусі ў сучасны перыяд / Э. Дубянецкі // Кантакты і дыялогі. – 1996. – № 7-8.
8. Лапіч, К. Г. Нацыянальная самасвядомасць і менталітэт беларусаў / К.Г. Лапіч // Адукацыя і выхаванне. – № 3. – 2000. – С. 64–65.
9. Мельников, А. П. Национальный менталитет белорусов / А.П. Мельников. – Мінск, 2004. – 84 с.
10. Навумаў, Д. І. Значэнне менталітэту ў генезісе палітычнай культуры беларусаў / Д.І. Навумаў // Весці нацыянальнай акадэміі навук Беларусі. – № 4. – 2002.
11. Нацыянальныя пытанні: Матэрыялы III Міжнароднага кангрэса беларусістаў «Беларуская культура ў дыялогу цывілізацый». 1 сесія – 21 – 25 мая. – Мінск, 2001.
12. Польский, С. А. Урбанизация в Белорусской ССР. / С.А. Польский. – Минск, 1985. – 299 с.
13. Сенявский, А. С. Урбанизация России в XX веке: Роль в историческом процессе / А.С. Сенявский. – Москва, 2003. – 315 с.
14. Чернявская, Юлия. Белорусы. От "тутэйшых" – к нации / Ю. Чернявская / Под общей редакцией А. Е. Тараса. – Минск, 2010. – 512 с. : ил. – (Неизвестная история).
15. Штэінер, І. Стрыбаговы унукі: міфалагічныя асновы беларускага менталітэту / І. Штэінер // Роднае Слова. – № 9. – 2003.
16. Шыбека, Захар. Гарады Беларусі (60-я гады XIX – пачатак XX стагоддзяў). – Мінск: ЭўроФорум, 1997. – 320 с.
17. Шыбека, Захар. Гарадская цывілізацыя: Беларусь і свет. – Вільня: ЕГУ, 2009. – 370 с.

Захар Васільевіч Шыбека (1948 г.н.), доктар гістарычных навук, прафесар, працуе ў Беларускім дзяржаўным эканамічным універсітэце. Аўтар кніг “*Минск в конце XIX – начале XX в.: Очерк социально-экономического развития*” (1985), “*Гарады Беларусі (60-я гады XIX – пачатак XX стагоддзяў)*” (1997), “*Нарыс гісторыі Беларусі. 1795–2002*” (2003), “*Мінск сто гадоў таму*” (2007), “*Гарадская цывілізацыя: Беларусь і свет*” (2009).

УДК 910.2:911.3 (476)

Геннадий Ридевский (Могилёв)

УРБАНИЗАЦИЯ И ПРОЦЕССЫ РЕГИОНАЛИЗАЦИИ В БЕЛАРУСИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XXI вв.

В статье рассмотрены процессы формирования территориальных систем расселения и хозяйства, обусловленных ростом населения и экономического потенциала крупнейших городских центров (регионополисов) Беларуси в конце XIX – начале XXI вв. Быстрый рост регионополисов в рассматриваемый период позволяет утверждать, что этот процесс стал главной формой урбанизации в Беларуси, трансформирующей территориальную структуру её хозяйства и расселения.

Урбанизация – это, прежде всего, процесс роста крупнейших городских центров. Развитие городов приводит к регионализации территории, т.е. формированию территориальных систем расселения и хозяйства, включающих крупнейшие городские центры и зоны их жизнеобеспечения. Подобные территориальные системы можно назвать социально-эколого-экономическими районами (СЭЭР). Каждый СЭЭР – органически целостное сочетание природы, населения и хозяйства, формирующееся в результате протекания неразрывно связанных процессов социально-экономического развития и природопользования [1].

Целью настоящего исследования является анализ процесса формирования и развития СЭЭР Беларуси в конце XIX – начале XXI вв. Выявление наиболее крупных СЭЭР конца XIX – начала XXI вв. осуществлялось методами узлового районирования с использованием материалов переписей населения разных лет.

За рассматриваемый период произошли три существенные трансформации территориальной структуры хозяйства и расселения в стране, что позволило выделить четыре этапа развития СЭЭР Беларуси [2, с. 186–194]:

1. С конца XIX в. до начала 20-х годов XX в., когда территория Беларуси развивалась в составе одной страны – Российской империи, а затем Советской России и Советской Беларуси.
2. С начала 20-х годов до конца 30-х годов XX в., когда территория Беларуси была разделена между Польшей и БССР.
3. С начала 40-х годов до начала 70-х годов XX в. В этот период процессы регионализации проявлялись на всей территории Беларуси – союзной республики в составе СССР.
4. С начала 70-х годов XX в. по начало XXI в. включительно, когда регионализация в Беларуси характеризовалась не только развитием региональных центров, но и трансформировалась под влиянием ускоренного роста столицы – г. Минска.

С конца XIX в. до начала 20-х годов XX в. (до Рижского мирного договора 1921 г.) вся территория современной Беларуси развивалась в составе одной страны – Российской империи, а затем Советской России и Советской Беларуси. В этот период в стране существовали 15 СЭЭР и три зоны тяготения

к крупным городским центрам, расположенным ныне за пределами современной территории Беларуси (рис. 1).

Рисунок 1 – Регионализация Беларуси в конце XIX – начале XX вв.

В 15-ти региональных центрах (регионополисах) Беларуси в 1897 г. проживало 492,5 тыс. чел., что составляло около 7,3 % населения страны и около 55 % её городского населения (см. таблицу 1).

Таблица 1 – Уровень урбанизации и доля региональных центров в населении Беларуси с конца XIX до начала XXI вв.

Год	Уровень урбанизации, %	Доля в населении страны региональных центров, %	Доля региональных центров в численности городского населения, %	Средняя численность населения регионального центра, тыс. чел.
1897	13,5	7,3	55,0	32,8
1939	20,9	13,1	62,8	58,2
1970	43,4	30,5	70,4	144,7
2010	74,5	52,1	70,0	274,5

Примечание – Таблица составлена автором по данным: [3; 4; 5].

Среди трёх зон тяготения белорусских земель к крупным городским центрам современных сопредельных стран были выявлены: зона тяготения к Двинску (теперь – Даугавпилс в Латвии), зона тяготения к Вильно (теперь – Вильнюс в Литве) и зона тяготения к Рославлю (город в Российской Федера-

ции). В каждом СЭЭР выделялся один региональный центр, а в большинстве СЭЭР – субрегиональные центры, многие из которых не имели городского статуса и являлись местечками (на рисунке 1 пунсоны местечек показаны более светлым цветом). Субрегиональные центры в системе расселения Беларуси выполняли и выполняют сегодня роль полупериферии. Характерными чертами этого этапа регионализации Беларуси являлись множественность субрегиональных центров (34 единицы, из них 12 местечек) и ограниченная численность населения регионополисов.

В 20-30-е годы XX в. территория Беларуси была разделена между БССР и Польшей. Расположение белорусских земель в пределах разных государств существенно трансформировало границы ряда СЭЭР. В этот период в современных границах Беларуси было выявлено 17 СЭЭР и зона тяготения к г. Вильно на северо-западе польской части Беларуси. В сравнении с первым этапом регионализации Беларуси в стране сформировались Лидский и Кричевский СЭЭР (рис. 2). Из 17 СЭЭР, существовавших в 20 – 30-е годы XX в., 15 были моноцетричными, а два – полицентричными. В Барановичском СЭЭР выделялись два региональных центра: Барановичи и Слоним, а в Кричевском СЭЭР – даже три региональных центра: Кричев, Климовичи и Мстиславль.

Рисунок 2 – Регионализация Беларуси в 20-30-х годах XX в.

К концу 30-х годов XX в. из 31 крупнейшего города Беларуси 20 были региональными и 11 субрегиональными центрами. Число крупнейших поселений, сосредотачивающих более 0,5 % горожан страны, сократилось с 49 еди-

ниц в 1897 г. до 31 в 1939 г., т.е. на 37 %. В 20-ти региональных центрах было сосредоточено 1164,3 тыс. чел., т.е. 62,8 % всех горожан Беларуси и 13,1 % всего населения страны.

С конца 30-х годов XX в. начался новый этап формирования территориальной структуры БССР, который продолжался до начала 70-х годов. К 1970 г. городское население Беларуси составило более 3,9 млн. чел. или 43 % населения страны. Как и в 1939 г., в стране существовало 17 СЭЭР. При этом Речицкий СЭЭР прекратил своё существование и оказался разделённым между Гомельским и Мозырским СЭЭР, а на северо-западе Беларуси в зоне тяготения к Вильнюсу сформировался новый Молодечненский СЭЭР (рис. 3).

Рисунок 3 – Регионализация Беларуси с конца 30-х до начала 70-х гг.

Число полицентрических СЭЭР сохранилось, однако Барановичский СЭЭР трансформировался в моноцентрический, поскольку г. Слоним существенно отстал от Барановичей и превратился в субрегиональный центр вышеназванного СЭЭР. Новым полицентрическим СЭЭР стал Солигорский СЭЭР. Быстрый рост Солигорска сделал этот молодой город белорусских шахтёров главным регионополисом региона, а исторический центр региона г. Слуцк стал вторым по населению и экономическому потенциалу городом Солигорского СЭЭР. В полицентрическом Кричевском СЭЭР г. Мстиславль окончательно потерял свою роль регионального центра.

К началу 70-х годов XX в. в стране существовало 19 регионополисов и 10 субрегиональных центров. При этом впервые появились парные регионополисы, т.е. практически сросшиеся города: Полоцк-Новополоцк и Мозырь-Калинковичи.

В региональных центрах, включая парные города, в 1970 г. проживало 2749,2 тыс. чел., т.е. 70,4 % всех горожан и 30,5 % всего населения Беларуси. Средний размер регионального центра (без вторых городов в составе парных городских поселений) составил около 144,7 тыс. чел.

С начала 70-х годов XX в. в Беларуси сформировалась современная территориальная структура хозяйства и расселения, соответствующая схеме социально-эколого-экономического районирования страны, проведенного в 2003 г. [6]. Становлению Минского СЭЭР, поглотившего Борисовский и Молодечненский СЭЭР, способствовал взрывной рост Минска: с 1965 по 1982 гг. население города возросло на 92 % (с 721,5 тыс. чел. до 1385,6 тыс. чел.). Абсолютный прирост населения в Минске в это время был одним из самых значительных за всю его историю и составил 39,1 тыс. чел. ежегодно.

Быстрому росту численности населения Минска и резкому пространственному расширению Минского СЭЭР способствовала электрификация путей железнодорожного транспорта, соединявших столицу Беларуси с другими регионами. В 1966 г. был электрофицирован участок Минск-Молодечно (78 км), в 1973 г. – Минск-Осиповичи (108 км), в 1974 г. – Минск-Борисов (70 км), в 1980 г. – Борисов-Орша (131 км), в 1981 г. – Минск-Столбцы (77 км), в 1982 г. – Столбцы-Барановичи (65 км), в 1983 г. – Барановичи-Брест (204 км) [7, с. 218–219]. Электрификация путей железнодорожного транспорта, вызвав расширение границ Минского СЭЭР, фактически способствовала имплозии (сужению) его пространства за счёт возрастания скорости движения пригородных электропоездов. В результате Минский СЭЭР стал самым большим в стране, площадь которого примерно в три раза превышает площадь других СЭЭР Беларуси.

Значительную трансформацию территориальной структуры страны вызвала катастрофа на Чернобыльской АЭС. В результате переселения населения из наиболее пострадавших от радиоактивного загрязнения районов Беларуси значительно уменьшился их демографический, социально-экономический и пригодный для использования природно-ресурсный потенциал. Для оптимизации управления наиболее пострадавшими от радиоактивного загрязнения административными районами Беларуси, их необходимо сконцентрировать в трёх СЭЭР: Кричевском, Гомельском и Мозырском. В силу этого, Славгородский район, который традиционно тяготел к Могилёву, необходимо включать в состав Кричевского СЭЭР.

К середине 70-х годов XX в. в стране сложилась система из 15 СЭЭР (рис. 4). Из 15 СЭЭР Беларуси 13 моноцентрические, а два полицентрические. В полицентирическом Солигорском СЭЭР, как и 35-40 лет назад, два региональных центра: Солигорск и Слуцк.

Рисунок 4 – Регионализация в Беларуси с начала 70-х годов XX в.

В Кричевском СЭЭР в 90-е годы после строительства Белорусского цементного завода на базе крупнейшего в стране месторождения цементного мергеля и мела Коммунары сформировался новый региональный центр - г. Костюковичи. Таким образом, в Кричевском СЭЭР в настоящее время три региональных центра: Кричев, Климовичи и Костюковичи. В двух моноцентричных СЭЭР центрами являются парные города: Полоцк-Новополоцк и Мозырь-Калинковичи.

В настоящее время основу национальной системы расселения и территориального каркаса СЭЭР образуют 20 регионополисов и 18 субрегиональных центров. В качестве центров СЭЭР Беларуси следует рассматривать также городские поселения, подчинённые Новополоцкому, Витебскому, Оршанскому и Гомельскому горсоветам. Таким образом, в число городских поселений – центров СЭЭР необходимо включить также г.п. Боровуха, г.п. Руба, г. Барань, г.п. Болбасово, р.п. Костюковка.

С начала 70-х годов в каждом СЭЭР Беларуси существенно возросла численность населения, проживающего в региональных центрах (регионополисах) (таблица 2). Процесс увеличения численности населения регионополиса во всём населении региона сопровождается возрастанием роли регионального центра во всём социально-экономическом, социокультурном и экологическом развитии региона. Этот процесс можно назвать процессом регионополизации [8]. Регионополизация – основная форма регионализации в течение всего рассматриваемого периода.

Таблица 2 – Доля региональных центров в населении соответствующих социально-эколого-экономических районов Беларуси в 1970–2010 гг.

Социально-эколого-экономические районы	Доля региональных центров в численности населения, %		
	1970	1989	2010
1. Брестский	21,6	37,6	45,1
2. Барановичский	18,4	28,6	34,0
3. Пинский	15,5	28,3	34,5
4. Витебский	48,1	62,0	69,0
5. Оршанский	32,4	40,7	45,7
6. Полоцкий	21,2	29,1	43,4
7. Гомельский	35,4	53,9	60,0
8. Мозырский	16,5	34,4	46,1
9. Гродненский	25,2	44,4	55,1
10. Лидский	13,8	27,8	35,9
11. Минский	38,8	52,3	59,2
12. Солигорский	20,7	40,2	49,9
13. Могилёвский	38,8	59,5	66,4
14. Бобруйский	22,3	32,2	35,0
15. Кричевский	15,4	26,8	35,7

Примечание – Таблица рассчитана автором на основе данных [5].

Частным проявлением регионополизации является метрополизация, т.е. процесс возрастания роли крупнейшего городского центра, как правило, её столицы, в социально-экономическом, социокультурном и экологическом развитии всей страны [9]. Так, с 1959 г. население Минска возросло с 516,0 тыс. чел. до 1834,2 тыс. чел., т.е. в 3,6 раза при росте числа горожан в стране за тот же период в 2,8 раза. При этом доля минчан в населении страны возросла с 6,4 до 19,3 %, а доля жителей Минска во всем городском населении Беларуси увеличилась с 20,6 до 26,0 %.

Если учесть, что население большинства региональных центров Беларуси в сравнении с 1999 г. уменьшилось, следовательно, в большинстве СЭЭР Беларуси в настоящее время происходит регрессивная регионополизация, т.е. доля регионального центра в населении региона повышается не за счёт роста его населения, а в результате более медленного сокращения численности населения в региональных центрах, чем в других поселениях СЭЭР. Прогрессивная регионополизация за счёт абсолютного роста населения региональных центров характерна только для Минского, Гомельского, Брестского, Витебского, Гродненского и Барановичского СЭЭР. Но существенный рост населения в последние годы характерен только для Минска, Гродно и Бреста. С 1999 г. по 01.01.2010 г. население этих городов увеличилось соответственно на 9,1, 8,8 и 8,5 % [5].

Значительная доля населения некоторых СЭЭР Беларуси сконцентрирована в их субрегиональных центрах. Более 10 % населения СЭЭР проживает в субрегиональных центрах Оршанского, Минского и Лидского СЭЭР, но особенно велика доля субрегиональных центров в населении Бобруйского СЭЭР. В последнем она составляет почти 34,5 % всего населения региона и соизмерима с населением самого Бобруйска.

Наличие в моноцентрических СЭЭР субрегиональных центров позволяет разделить их на: узловые (отсутствуют субрегиональные центры), бицентричные (в СЭЭР имеется один субрегиональный центр, который выступает в роли бицентра) и дисперсные (в СЭЭР несколько субрегиональных центров). К группе узловых моноцентрических СЭЭР относятся Могилёвский, Витебский и Мозырский СЭЭР. Бицентричными СЭЭР являются большинство СЭЭР страны: Гродненский (бицентр Волковыск), Лидский (Новогрудок), Брестский (Кобрин), Пинский (Лунинец), Гомельский (Речица), Полоцкий (Поставы), Оршанский (Горки), Барановичский (Слоним). К дисперсным моноцентрическим СЭЭР следует отнести Минский и Бобруйский СЭЭР. В каждом из них – целая система субрегиональных центров. В Минском СЭЭР это города Молодечно, Борисов, Жодино, Лепель, Вилейка, Сморгонь. В Бобруйском СЭЭР субрегиональные центры – города Светлогорск, Жлобин, Рогачёв и Осиповичи [2, с. 196].

Все СЭЭР Беларуси по доли в них населения региональных центров можно разделить на три группы: с доминирующим региональным центром (доля населения регионального центра превышает 50,0% всего населения региона), с развитыми региональным и субрегиональными центрами (доля регионального центра и субрегиональных центров превышает 50 %) и с региональными центрами потенциального развития (доля региональных и субрегиональных центров менее 50,0% населения региона). К первой группе СЭЭР можно отнести: Витебский, Могилёвский, Гомельский, Минский и Гродненский СЭЭР. Вторая группа регионов представлена Бобруйским и Брестским СЭЭР. Третья группа включает семь СЭЭР: Лидский, Барановичский, Пинский, Мозырский, Полоцкий, Кричевский и Солигорский.

В процессе развития территориальной структуры Беларуси необходимо отметить пять её главных особенностей:

- Территориальная структура страны за последние сто лет не претерпела коренной трансформации, что было обусловлено фактором инерционности её развития. С конца XIX в. сохранились 13 из 15 СЭЭР Беларуси. Два СЭЭР: Речицкий и Борисовский были поглощены более быстро развивающимися соседними регионами. Речицкий СЭЭР был разделён между Гомельским и Мозырским СЭЭР, а Борисовский СЭЭР целиком был поглощён Минским СЭЭР.
- За рассматриваемый период в Беларуси смогли сформироваться только три новых СЭЭР: Кричевский, Лидский и Молодечненский. Все новые СЭЭР Беларуси возникли в зонах тяготения крупных городов Российской империи, которые ныне находятся в сопредельных странах. Причём, Молодечненский СЭЭР успел не только сформироваться, но и войти в состав быстрорастущего Минского СЭЭР.
- Два СЭЭР Беларуси за рассматриваемый период поменяли свою региональную «столицу». Центр одного из СЭЭР переместился из Слонима в Барановичи, а главный центр другого СЭЭР переместился из Слуцка в Солигорск, причём Слуцк остался вторым региональным центром.

- Регионализация в Беларуси проявлялась, прежде всего, как процесс регионополизации, т.е. процесс повышения значимости региональных центров. Доля регионополисов Беларуси в населении страны увеличилась с конца XIX до начала XXI вв. с 7,3 до 52,1 %.
- Регионополизация в Беларуси сочеталась с нарастающей метрополизацией территориальной структуры страны посредством повышения роли в социально-экономическом, социокультурном и экологическом развитии государства её столицы-метрополиса города Минска. На рубеже 70-х годов XX в. Минский СЭЭР существенно расширил свои размеры и поглотил Молодечненский и Борисовский СЭЭР, при этом бывшие регионополисы Молодечно и Борисов превратились в субрегиональные центры Минского СЭЭР.
- Поскольку городское население Беларуси с конца XIX до начала XXI вв. возросло с 13,5 до 74,5 %, т.е. в 5,5 раза, а доля регионополисов – в 7,1 раза, можно утверждать, что урбанизация в Беларуси в рассматриваемый период протекала, главным образом, в форме регионополизации. Регионополизация и её частный случай - метрополизация стали главными процессами трансформации территориальной структуры расселения и хозяйства Беларуси в конце XIX - начале XXI вв.

СЭЭР Беларуси, сложившиеся к началу XXI в., обладают всеми необходимыми характеристиками для сбалансированного развития, поскольку их региональные центры имеют значительный демографический и экономический потенциалы, а периферийные территории – важные природные ресурсы. Сбалансированность ресурсного потенциала СЭЭР Беларуси создаёт благоприятные условия для разработки и реализации в их границах эффективных стратегий перехода регионов страны к устойчивому развитию. Последнее позволяет рассматривать СЭЭР в качестве пространственной основы для модернизации административно-территориального деления Беларуси.

Список литературы

1. Ридевский, Г.В. Социально-эколого-экономическое районирование как основа модернизации административно-территориального деления для обеспечения устойчивого развития / Г.В. Ридевский // Теоретическое наследие Б.Н. Семевского и современная социально-экономическая география – Смоленск : Универсум, 2007. – С. 128–134.
2. Ридевский, Г.В. Территориальная организация Республики Беларусь: социально-эколого-экономическая модель перехода к устойчивому развитию / Г.В. Ридевский. – Могилёв, 2007. – 525 с.
3. Беларусы : этнагеаграфія, дэмаграфія, дыяспара, канфесіі. Атлас / Рэдкал.: С.А. Польскі (стар.) [і інш.]. – Мінск, 1996 г. – 32 с.
4. Раков, А.А. Население / А.А. Раков // Белорусская ССР. Краткая энциклопедия. – Минск : БСЭ, 1981. – Т. 4. – С. 5–10.
5. Регионы Республики Беларусь 2010 : стат. сб. – Минск, 2010. – 801 с.
6. Ридевский, Г.В. Социально-эколого-экономическое районирование Республики Беларусь / Г.В. Ридевский // Восточная Европа: вопросы исторической, общественной и политической географии : сб. науч. ст. – Псков : Издательство ПГПИ, 2003. – С. 87–96.
7. География Белоруссии : учебное пособие / М.С. Войтович [и др.] ; под ред. М.С. Войтовича, Б.Н. Гурского.– Минск : Вышэйшая школа, 1984. – 304 с.

8. Ридевский, Г.В. Регионополизация территориальной структуры хозяйства и расселения Республики Беларусь / Г.В. Ридевский // Северо-западная Россия: проблемы экологии и социально-экономического развития. – Псков : Центр «Возрождение», 2004. – С. 304–306.

9. Ридевский, Г.В. Метрополизация территориальной структуры Беларуси и проблемы реализации национальной стратегии устойчивого развития / Г.В. Ридевский // Проблемы прогнозирования и государственного регулирования социально-экономического развития : в 5 т. / Редкол.: С.С. Полоник [и др.]. – Минск : НИЭИ Мин-ва экономики Респ. Беларусь, 2004. – Т. 3. – С. 223–225.

Геннадий Владимирович Ридевский, кандидат географических наук, доцент, декан факультета повышения квалификации УО «Могилёвский государственный институт развития образования», автор монографий: “*Комплексная оценка устойчивости регионального развития (на примере Могилевской области*)” (Могилев, 2002), “*Территориальная организация Республики Беларусь: социально-эколого-экономическая модель перехода к устойчивому развитию*“ (Могилев, 2007). Сфера научных интересов: региональная экономика, социально-экономическая география, региональная политика и управление.

УДК 94(476-21)

Іна Соркіна (Гродна)

РОЛЯ МЯСТЭЧАК У ПРАЦЭСАХ УРБАНІЗАЦЫІ Ў БЕЛАРУСІ Ў КАНЦЫ XVIII – ПАЧАТКУ XX СТ. (НА ПРЫКЛАДЗЕ ГРОДЗЕНСКАЙ ГУБЕРНІ)

В статье показывается специфика урбанизационной модели Беларуси, одной из особенностей которой являлось наличие местечек, в которых концентрировалась значительная часть городского населения. На примере Гродненской губернии конца XVIII – начала XX в. исследуется роль местечек в процессах урбанизации Беларуси.

У сучаснай урбаністыцы ўрбанізацыя разумеецца не проста як павелічэнне колькасці гарадскога насельніцтва, а як працэс узрастання ролі горада ў развіцці грамадства, пашырэння гарадскога тыпу адносін, гарадскога ладу жыцця [1, с. 153]. Урбанізацыя, як правіла, разглядаецца не як універсальны, а як канкрэтна-гістарычны феномен: узнікненне ўрбанізацыі як працэсу звязваецца з фарміраваннем капіталістычных адносін [2, с. 15].

Перыяд развіцця капіталістычных адносін на беларускіх землях, калі адбывалася трансфармацыя традыцыйнага феадальна-прыгонніцкага грамадства ў прынцыпова новую якасць – індустрыяльную цывілізацыю, прыпадае на часы, калі Беларусь знаходзілася ў складзе Расійскай імперыі. Пад уплывам комплексу фактараў урбанізацыя ва ўмовах Расіі набыла сваю спецыфіку. Моцная дэфармацыя ўрбанізацыйных працэсаў на тэрыторыі Беларусі адбывалася ў гэты перыяд у выніку мераў расійскіх уладаў па высяленню яўрэяў з сельскай мясцовасці ў гарады і мястэчкі. У выніку палітыкі штучнай “урбанізацыі” яўрэйскага насельніцтва ў заходніх губернях

фарміраванне гарадскога насельніцтва Беларусі ішло не столькі эканамічным шляхам, колькі з'яўлялася вынікам юрыдычна-адміністрацыйнага прымусу з боку царскіх уладаў. Працэс вымывання беларускага і наогул хрысціянскага насельніцтва гарадоў Беларусі, які пачаўся яшчэ ў Рэчы Паспалітай, актыўна працягваўся.

Альберт Кагановіч не без падстаў лічыць адміністрацыйнае высяленне яўрэяў у гарадскія цэнтры ўдалым для ўладаў, а таксама і для яўрэяў урбанізацыйным праектам, які быў важнай перадумовай для развіцця эканомікі, што праявілася ў значным росце рамесных майстэрняў, дробных прамысловых і гандлёвых прадпрыемстваў, узрастанні ролі гарадскога і местачковага базарнага гандлю. Безумоўна, яўрэі ў выніку рэалізацыі высяленчых мерапрыемстваў уладаў панеслі вялікія выдаткі, але ў цэлым яны адносна хутка пераадольвалі гэтыя негатыўныя наступствы [3, с. 100]. А вось для беларусаў такая палітыка мела нашмат больш трагічныя вынікі. Яны апынуліся, пераважна, у баку ад урбанізацыйных працэсаў, ператвараліся ў непоўнаскладовую сялянскую нацыю з характэрнай неўрбанізаванай ментальнасцю [1, с. 293].

Спецыфіку працэсаў урбанізацыі ў Беларусі вызначала ў вялікай ступені і наяўнасць шчыльнай сеткі мястэчак. Якое ж месца займалі мястэчкі ў працэсах урбанізацыі ў Беларусі ў перыяд Расійскай імперыі?

Мястэчкі арганічна спалучалі рысы і сельскіх, і гарадскіх паселішчаў. Гэта праяўлялася ў планіроўцы і забудове, разнастайнасці гаспадарчых заняткаў і структуры насельніцтва. Нават адзенне местачковага насельніцтва ўяўляла сабой арганічны сплаў гарадскога і сельскага касцюма. Аднак стракатасць складу насельніцтва мястэчак пры іх невялікіх памерах і адсутнасць ананімнасці вялікага горада, павольнасць штодзённага жыцця ва ўмовах традыцыйнага грамадства, своеасаблівы эканамічны і культурна-побытавы ўклад гэтых паселішчаў стваралі непаўторную атмасферу сусвету мястэчка, адрозную як ад горада, так і ад вёскі. Гэты сімбіёз вясковага і гарадскога жыцця, побыту селяніна і гараджаніна пры захаванні спецыфікі, "уласнага твару" гэтых паселішчаў быў адной з галоўных прычын таго, што царскія ўлады ніяк не маглі разабрацца ў мястэчках.

Заканадаўства Расійскай імперыі не давала пэўнага і дакладнага вызначэння паняцця мястэчка. Гэта былі паселішчы, невядомыя раней Расіі (расійскія пасады, якія былі падобныя на беларускія мястэчкі ў сэнсе пераходнага стану паміж вёскай і горадам, усё ж не мелі яўрэйскага насельніцтва і рэдка з'яўляліся прыватнаўласніцкімі). Да 1860 г. мястэчка вызначалася як гандлёва-прамысловы цэнтр без умацаванняў, заселены пераважна яўрэямі на тэрыторыі, далучанай у выніку падзелаў Рэчы Паспалітай [4, с. 283]. Аднак імперскае заканадаўства ў адных выпадках адносіла мястэчкі да гарадскіх паселішчаў, а ў іншых – да сельскіх. Адна і тая ж мясцовасць у афіцыйных дакументах называлася то мястэчкам, то сялом, то нават вёскаю. Нават праз 7-8 дзесяцігоддзяў пасля далучэння Беларусі да Расійскай імперыі царскія ўлады так і не вызначыліся, што рабіць з мястэчкамі. У перыяд падрыхтоўкі гарадской рэформы 1870 г., калі збіралася

інфармацыя пра мястэчкі, чыноўнікі канстатавалі супярэчнасць заканадаўства наконт гэтых паселішчаў: “По существующим узаконениям местечки относятся частию к городским, частию к сельским поселениям, так по Уставу строительному местечки сравнены с селами и деревнями; по правилам же об устройстве полиции в некоторых местечках учреждается особое городское полицейское управление. По положению 9 февраля 1865 г. о пошлинах за право торговли и промыслов местечки отнесены к разряду городских поселений; равно же Положениями о налоге в пользу казны с недвижимых имуществ (1 января 1863 г. и 4 октября 1866 г.) местечки облагаются этим налогом наряду с городами и посадами” [5, с. 153].

У 80-х г. XIX ст. адносіны ўрада да вызначэння мястэчак сталі больш адказнымі, што дыктавалася неабходнасцю дакладнага размежавання гарадскіх і сельскіх паселішчаў у сувязі з уступленнем у дзеянне “Часовых правілаў” ад 3 мая 1882 г., якія забаранялі яўрэям зноў сяліцца і набываць нерухомую маёмасць па-за межамі гарадоў і мястэчак. Мястэчкамі прызнаваліся тыя паселішчы, якія побач з афіцыйнай назвай мелі мяшчанскае кіраванне і дзе збіраўся падатак з нерухомай маёмасці. Аднак усё ж агульнапрынятага і бясспрэчнага паняцця мястэчка юрыдычна так і не было выпрацавана. Статус іх тлумачыўся па-рознаму, у залежнасці ад тых інтарэсаў, якімі кіраваліся ўлады.

Жыхары мястэчак у афіцыйнай статыстыцы не адносіліся да гараджан, хаця гэтыя паселішчы канцэнтравалі значную частку неземляробчага насельніцтва. Гарадскімі саслоўямі ў Расіі лічыліся *купцы, мяшчане і ганаровыя грамадзяне*[*]. Без уліку прадстаўнікоў гарадскіх саслоўяў, якія пражывалі ў мястэчках, карціна дынамікі росту гарадскога насельніцтва будзе няпоўнай.

Паводле падлікаў Анатоля Лютага з 1796 па 1861 г. насельніцтва 42 гарадоў Беларусі павялічылася з 79,1 тыс. да 319,9 тыс. чал. (у 4 разы) [6, с. 32]. Па звестках Захара Шыбекі з 1863 г. па 1913 г. колькасць гараджан узрасла з 350,8 тыс. да 983,3 тыс. (у 2,8 разы) [7, с. 58, 217]. Ступень урбанізацыі ў Беларусі змянялася наступным чынам: 1796 г. – 3,5 %; 1861 г. – 10 %; 1863 г. – 10,4 %; 1885 г. – 11,9 %; 1897 г. – 10,1 %; 1913 г. – 11 %. [7, с. 59]. Для параўнання: у 1913 г. у цэлым па Расійскай імперыі доля гараджан у структуры ўсяго насельніцтва складала 14,4 %; у Англіі – каля 50 %; Нідэрландах – 36 %; Францыі – 20 %; Германіі – 16 % [8, с. 209].

Звяртае на сябе ўвагу той факт, што з 1885 г. па 1913 г. удзельная вага гараджан у беларускім краі памяншалася: адбывалася дэурбанізацыя, якая абумоўлівалася штучнай перанаселенасцю гарадоў. З улікам мястэчак дынаміка ступені ўрбанізацыі выглядае па-іншаму. У мястэчках Беларусі ў канцы XVIII ст. налічвалася каля 105 тыс. чалавек свабодных саслоўяў (купцоў

[*] *ганаровыя грамадзяне* – прывілеяваная група гарадскога насельніцтва ў Расійскай імперыі ў 1832 – 1917 гг., падзяляліся на патомных (асабістыя дваране і духоўныя асобы, якія мелі адукацыйны цэнз, обер-афіцэры, чыноўнікі, якія мелі ордэн св.Ганны або св.Станіслава, купцы, якія прабылі ў 1-й гільд. 10 год, у 2-й – 20 год, вучоныя і мастакі са ступенню і інш.) і асабістых (асобы, якія скончылі некаторыя ВНУ, і інш.)

і мяшчан), а ў 50-я гады XIX ст. – каля 208 тыс. [6, с. 45]. У 1863 г. у мястэчках пражывала 297 тыс. чал., 1904 – 1909 гг. – 593 тыс. [7, с. 217]. Калі да афіцыйна ўлічанага гарадскога насельніцтва дадаць колькасць жыхароў буйных мястэчак (з насельніцтвам больш 2 тыс. чал.), то ўдзельная вага гарадскога насельніцтва ў беларускім краі складзе ў 1863 г. 13,1 %, у 1897 г. – 14 %, 1913 г. – 15,9 % [7, с. 60]. Калі ж да гараджан дадаць усіх местачкоўцаў, то ступень урбанізацыі ў Беларусі набывае наступныя лічбавыя паказчыкі: канец XVIII – каля 8 %; 1861 г. – 16,5 %; 1909 – 1913 гг. – 17,6 %. Значыць, з улікам мястэчак у Беларусі працэс урбанізацыі адбываўся больш інтэнсіўна і бесперапынна.

Урбанізацыя мела рэгіянальныя асаблівасці. Разгледзім больш падрабязней ролю мястэчак у працэсах урбанізацыі на тэрыторыі Гродзенскай губерні. Яна была ўтворана ў 1802 г. у складзе 8 уездаў: Брэсцкі, Ваўкавыскі, Гродзенскі, Кобрынскі, Лідскі, Навагрудскі, Пружанскі, Слонімскі. У 1843 г. да губерні былі далучаны Беластоцкі, Бельскі і Саколкаўскі ўезды, Навагрудскі ўезд перададзены Мінскай губерні, Лідскі – Віленскай. У 1848 г. у Гродзенскай губерні налічвалася 9 уезных, 16 па-заштатных гарадоў, 84 мястэчкі [9, с. 125].

У адпаведнасці з велічынёй мястэчкі можна ўмоўна падзяліць на чатыры групы: мястэчкі-сёлы, дробныя, вялікія, буйныя. Колькасная мяжа паміж гэтымі групамі залежыць ад адпаведнага храналагічнага перыяду. Для другой паловы XIX – пачатку XX ст. З.Шыбека прапаноўвае наступныя лічбы: мястэчкі-сёлы (да 500 жыхароў), дробныя (ад 500 да 2000), вялікія (ад 2000 да 5000), буйныя (больш 5000) [7, с. 79]. Для характарыстыкі мястэчак Гродзенскай губерні па ўзроўні заселенасці звернемся да такой каштоўнай крыніцы, як статыстычныя звесткі аб мястэчках паўночна-заходніх губерняў Расійскай імперыі, якія былі сабраныя ў канцы 1860-х гг., калі рыхтавалася новае “Гарадавое палажэнне”, прынятае ў 1870 г. [10].

Табліца 1. ***Статыстычныя дадзеныя аб узроўні заселенасці мястэчак Гродзенскай губерні ў 1870 г.*** [10, с. 88 – 91]

Уезды	Колькасць мястэчак					Колькасць жыхароў у мястэчках	Сярэдняя колькасць жыхароў у мястэчку
	усіх	буйных (звыш 5 тыс.чал.)	вялікіх (ад 2 да 5 тыс. чал.)	дробных (ад 500 да 2 тыс. чал.)	мястэчак-сёлаў (да 500 чал.)		
Гродзенскі	10	-	1	7	2	12710	1271
Сакольскі	1	-	-	1	-	720	720
Беластоцкі	6	-	-	6	-	9202	1534
Бельскі	5	-	2	2	1	8588	1718
Брэсцкі	9	-	1	5	3	10254	1139
Кобрынскі	7	-	2	5	-	11642	1663
Пружанскі	5	-	1	4	-	8592	1717
Слонімскі	12	-	1	7	4	10116	843
Ваўкавыскі	11	-	-	10	1	12053	1096
Усяго ў губерні	66	-	8(12%)	47(71%)	11 (17%)	83877	1271

Гродзенская губерня вылучалася сярод іншых губерняў большым узроўнем заселенасці мястэчак (1271 чал. у сярэднім на адно мястэчка), лідзіравала па ўдзельнай вазе вялікіх мястэчак (12 %). Больш за 2000 жыхароў мелі Шарашова (4356), Камянец (3719), Семяцічы (3228), Дывін (2706), Цэханавец (2684), Моталь (2659), Крынкі (2641), Ружаны (2264) [10, с. 88 – 91].

У залежнасці ад ступені набліжанасці мястэчак да афіцыйных гарадоў можна выдзеліць: 1) мястэчкі – сёлы (мелі менш 500 жыхароў); 2) уласна мястэчкі (налічвалі 500 жыхароў, але не мелі больш паловы занятых па-за сельскай гаспадаркай); 3) мястэчкі гарадскога тыпу (мелі больш 500 чалавек і пераважна неземляробчы характар) [7, с. 80]. Крыніцы дазваляюць правесці падобную класіфікацыю ў дачыненні да мястэчак Гродзенскай губерні на 1830 г. Па нашых падліках, сярод 80 мястэчак “мястэчкі-сёлы” складалі 17 (21,3%), “уласна мястэчкі” – 34 (42,5%), “мястэчкі гарадскога тыпу” – 29 (36,2%) [11, с. 384]. У Гродзенскай губерні, такім чынам, пераважалі “уласна мястэчкі”, потым ішлі “мястэчкі гарадскога тыпу”, “мястэчак-сёлаў” было найменш. Гродзеншчына вылучалася высокай удзельнай вагай мястэчак гарадскога тыпу – 36,2% (у цэлым, па Беларусі яны складалі прыблізна 33,8%). Мястэчкі гарадскога тыпу мелі функцыю комплекснага ўздзеяння на бліжэйшае наваколле, якое выяўлялася найперш у інтэнсіўных гандлёвых сувязях з вёскай.

К пачатку XX ст. колькасць буйных і вялікіх мястэчак на тэрыторыі Гродзенскай губерні ўзрасла да 36. Больш за 5 тыс. жыхароў мелі Бяроза (6226), Семяцічы (6151), Цэханавец (5569), Шарашова (5079), Ружаны (5016). Набліжаліся да 5-тысячнага насельніцтва Крынкі (4957) і Моталь (4297). 13 мястэчак мелі насельніцтва ад 3000 да 4000 чал., 16 мястэчак – ад 2000 да 3000 чал. [12].

Для гарадскіх цэнтраў была характэрная саслоўная стракатасць насельніцтва. У мястэчках, як і ў гарадах, можна было сустрэць прадстаўнікоў усіх тагачасных саслоўяў. Саслоўную дынаміку мястэчак узмацнялі змены ў размеркаванні яўрэяў паміж населенымі пунктамі Беларусі. У разглядаемы перыяд у мястэчках пераважна за кошт перасяленняў яўрэяў, а часткова і ў выніку эканамічных чыннікаў, адбываўся рост гарадскіх саслоўяў (мяшчан, купцоў).

Табліца 2. ***Статыстычныя дадзеныя аб насельніцтве мястэчак Беларусі ў 1870 г.*** [10, с. 88 – 91]

Губерня	Усіх жыхароў	Дваран і	Купцоў і мяшчан	Асобаў сельскага стану	% адносна агульнай колькасці жыхароў

	у мяс-тэчках	духа вен-ства	хрысціян	іўдзеяў (яўрэяў)	хрысціян	іўдзеяў (яўрэяў)	асобаў гарадскіх саслоўяў	асобаў сель-скага стану	іўдзеяў (яўрэяў)
Віцебская	29374	483	2321	16889	9429	252	60,3	39,7	58,3
Віленская	69995	1633	2552	35179	30124	365	56,5	43,5	50,7
Гродзен-ская	83877	901	4210	47593	30870	-	63,2	36,8	57,7
Магілёўская	93793	1143	2371	56349	33318	612	63,8	36,2	67
Мінская	102883	2796	14451	46673	38949	14	62,2	37,8	45,3
Усяго	**379922**	**6956**	**25905**	**202683**	**142690**	**1243**	**61,2**	**38,8**	**55,8**

У мястэчках Беларусі (пяці так званых “беларускіх” губерняў), як відаць з табліцы, прадстаўнікі гарадскіх саслоўяў складалі 61,2 % усяго насельніцтва, сельскага стану – 38,8%. Найбольшы працэнт гарадскіх саслоўяў мелі мястэчкі Магілёўскай (63,8 %) і Гродзенскай (63,2 %) губерняў. Гэта яшчэ адзін аргумент на карысць гарадской сутнасці мястэчак. Існаванне купцоў і мяшчан было самым непасрэдным чынам звязана з гарадскім жыццём і народжана ім. Менавіта яны вызначалі лад гарадскога жыцця і складалі той пласт гарадскога насельніцтва, які называўся “грамадзяне” або “гарадское грамадзянства”.

Адметнай рысай гарадскіх грамадаў з’яўлялася іх этна-канфесійная стракатасць, што вызначала шматкультурнасць гарадоў. Мястэчкі ў гэтых адносінах амаль не саступалі гарадам. Так, этнаканфесійную разнастайнасць жыхароў мястэчак ускосна пацвярджаюць матэрыялы першага ўсеагульнага перапісу насельніцтва Расійскай імперыі 1897 г., якія адлюстроўваюць размеркаванне насельніцтва па роднай мове і саслоўях ва ўездах. Для прыкладу разгледзім інфармацыю па Гродзенскаму ўезду, дзе мяшчане і купцы паказаныя без г. Гродна, а значыць гэта, як правіла, жыхары мястэчак.

Табліца 3. ***Склад мяшчан Гродзенскага ўезда ў 1897 г. па роднай мове*** [13].

Родная мова	мужчыны	жанчыны
велікаруская	217	88
маларуская	3	3
беларуская	3229	3122
польская	715	762
літоўская	3	2
латышская	1	1
нямецкая	69	69
цыганская	1	-
яўрэйская	8843	9391
фінская	1	1
не указалі	2	2
усяго	**13084**	**13441**

Як бачым, 26525 мяшчан мястэчак Гродзенскага ўезда лічылі роднай 10 моваў. Самай шматлікай групай местачковых мяшчан з'яўляліся яўрэі, на другім месцы былі тыя, хто назваў роднай мовай беларускую (10515 чал. ці 22,4 %), на трэцім – польскую, на чацвёртым – рускую. Купецтва мястэчак Гродзенскага ўезда паводле мовы падзялялася на тры групы: яўрэі (26 чал.), рускія (12 чал.), беларусы (8 чал.), што паказана ў наступнай табліцы.

Табліца 4. ***Склад купцоў Гродзенскага ўезда ў 1897 г. па роднай мове*** [13].

Родная мова	мужчыны	жанчыны
велікаруская	5	6
беларуская	4	4
яўрэйская	13	13
усяго	**22**	**18**

Мястэчкі, такім чынам, як і гарады, з'яўляліся прыкладам "сужыцця" у згодзе пад "адным дахам" розных этнасаў, вераў, моваў і культур, своеасаблівай кантактнай зонай паміж імі. "Напрацоўкай" і заслугай мястэчак, прадуктам местачковага жыцця назваў Вячаслаў Рагойша такія характэрныя для беларусаў якасці, як "нацыянальная, моўная, палітычная талерантнасць, пачуццё сужыцця "у адной лодцы" і інш. [14]. Можна сцвярджаць, што і мястэчкі прычыніліся да таго, што Беларусь зрабілася антыподам Вавілонскай вежы: тут Госпад даў паразумецца мноству моваў [15].

Культура мястэчка не ўяўляла адзінага тыпу, накшталт традыцыйнай культуры вёскі. Яна, як і гарадская культура, эклектычна спалучала ў сабе скібы рознай сацыяльнай, этнічнай, канфесійнай афарбоўкі. Феномен поліэтнічнай, поліканфесійнай, полілінгвістычнай местачковай культуры прасочваецца ў фальклоры, музычным і тэатральным жыцці, адукацыі, архітэктуры і інш.

Нягледзячы на палітыку царскіх уладаў, накіраваную на разбурэнне культурнай інфраструктуры, якая склалася да канца XVIII ст., у мястэчках назіралася актывізацыя культурнага жыцця і яны працягвалі адыгрываць важную ролю ў развіцці культуры Беларусі, у першую чаргу адукацыі, у тым ліку яўрэйскай. Яны выступалі значнымі адукацыйна-асветніцкімі цэнтрамі, тут знаходзіліся навучальныя ўстановы, бібліятэкі і музейныя зборы. Неад'емнаю часткай паўсядзённага жыцця местачкоўцаў былі тэатр і музыка. Мястэчкі ў разглядаемы час выступалі захавальнікамі мясцовай культурнай традыцыі і, у прыватнасці, аўтахтоннай архітэктуры. Тут складвалася своеасаблівая культура ўрбанізаванага побыту, якая мела мясцовае паходжанне. Хваля расійскай універсалізацыі яшчэ не паспела да мястэчак дакаціцца.

Сваю характэрную структуру і эстэтыку мелі планіроўка і забудова мястэчак, хаця ў мястэчках спалучаліся архітэктурна-планіровачныя рысы і горада, і вёскі. Аднак нашы мястэчкі запазычылі заходнееўрапейскую горадабудаўнічую аснову. Менавіта гандлёвая плошча з'яўлялася планіровачным ядром забудовы мястэчак, што было характэрна для еўрапейскіх гарадоў XIII – XV ст. Для мястэчак былі ўласцівыя і іншыя рысы планіровачнай структуры горада: пляцавая забудова, досыць разгалінаваная

сетка вуліц. У меншай ступені праявілася тут тэндэнцыя да кампактнага размяшчэння, асабліва гэта тычыцца невялікіх мястэчак. Больш вялікімі былі ў мястэчках і памеры пляцаў і двароў наогул. Гэта тлумачыцца параўнальна нязначнай ступенню заселенасці мястэчак, што давала магчымасць лягчэй прыстасоўвацца да ландшафта мясцовасці і камунікацыйнай сітуацыі, не аддаляючыся адначасова ад рынку на значныя адлегласці. Аднак па меры павелічэння колькасці дымоў у мястэчках узмацняецца і агульная для ўсіх гарадоў тэндэнцыя да стварэння радыяльна-веернай сістэмы планіроўкі. Большая ўрбаністычная накіраванасць была ўласціва архітэктурнаму абліччу мястэчак заходняга рэгіёна Беларусі.

Надзвычай разнастайнай была гаспадарчая дзейнасць мястэчак Беларусі, у тым ліку і Гродзеншчыны. Вядучую ролю ў ёй адыгрываў гандаль, які з'яўляўся галоўным фактарам, што фарміраваў іх аблічча як спецыфічных паселішчаў, блізкіх да гарадскіх. У мястэчках развіваліся ўсе формы ўнутранага гандлю: кірмашовая, развозна-разносная, базарная і стацыянарная. У сетцы кірмашовага гандлю Беларусі мястэчкі займалі галоўнае месца, пакідаючы гарадам другарадныя пазіцыі. У мястэчках, як і ў цэлым па Беларусі, прасочваецца паступовы пераход ад перыядычнага гандлю (кірмашы, базары) да стацыянарнага. Ускосныя звесткі дазваляюць дапусціць, што многія мястэчкі пераўзыходзілі гарады па колькасці стацыянарных гандлёвых пунктаў на душу насельніцтва, а таксама па ўдзельнай вазе занятых у сферы гандлю. Акрамя ўнутранага, мястэчкі актыўна ўдзельнічалі ў міжрэгіянальным і замежным, у тым ліку транзітным, гандлі Беларусі.

Колькасць рамеснікаў і рамесных спецыяльнасцей ў мястэчках была ніжэйшай, чым у гарадах. Аднак і колькасць жыхароў у мястэчках, як правіла, была меншай. Па канцэнтрацыі рамеснага насельніцтва (удзельнай вазе сярод усіх жыхароў) многія мястэчкі маглі пераўзыходзіць гарады (з-за больш значнай праслойкі ў гарадах чыноўнікаў і ваенных). З улікам невялікіх памераў мястэчак варта прызнаць дастаткова высокім і узровень рамесніцкай спецыялізацыі ў некаторых з іх. На працягу канца XVIII – пачатку XX ст. узрасла таварнасць рамеснай вытворчасці, адбывалася паступовае пераадольванне лакальнага характару местачковага рамяства. Мястэчкі станавіліся значнымі цэнтрамі развіцця прамысловасці Беларусі. Асобныя мястэчкі ў гэтых адносінах стаялі на ўзроўні гарадоў, а іншы раз і пераўзыходілі іх, у прыватнасці, мястэчкі ішлі наперадзе гарадоў па колькасці прадпрыемстваў мануфактурнага тыпу. У мястэчках раней, чым у гарадах, узнікла фабрычная вытворчасць (Хомск і Косава Гродзенскай губерні). Аднак структура прамысловасці ў мястэчках была менш складанай у параўнанні з гарадамі.

Значнае месца ў эканамічным жыцці мястэчак займалі сельскагаспадарчыя заняткі: земляробства, агародніцтва, жывёлагадоўля, птушкагадоўля, бортніцтва. У разглядаемы перыяд узрастала таварнасць сельскай гаспадаркі ў мястэчках, якая, з улікам яўрэйскай арэнднай жывёлагадоўлі і садоўніцтва, татарскага агародніцтва, была вышэйшай, чым у вёсках. Верагодна, што і гаспадарка местачковых сялян-беларусаў была больш

звязаная з рынкам, чым гаспадарка вяскоўцаў. Продаж сваёй прадукцыі для местачковых сялян аблягчаўся наяўнасцю такой магчымасці непасрэдна ў самім мястэчку. Местачковыя сяляне ў большай ступені, чым вясковыя, займаліся гандлем і адыходнымі промысламі, набывалі рамесніцкія спецыяльнасці. Камунікацыйную, гандлёвую інфраструктуру мястэчак для рэалізацыі сваёй прадукцыі актыўна выкарыстоўвалі не толькі сялянскія гаспадаркі мястэчак, але і навакольных вёсак, а таксама фальваркавыя гаспадаркі памешчыкаў. Актывізацыя тавараабмену паміж вёскай і мястэчкам уцягвала ў таварна-грашовыя адносіны вясковыя сялянскія гаспадаркі. А значыць мястэчкі ўносілі ўклад у працэс капіталізацыі (росту таварнасці) сельскай гаспадаркі.

Неабходна звярнуць увагу на той факт, што калі местачковая сельская гаспадарка адрознівалася ад вясковай, то істотных адрозненняў паміж гандлёва-прамысловай дзейнасцю ў мястэчках у параўнанні з гарадамі не было. Больш за тое, мястэчкі па шэрагу паказчыкаў развіцця гандлю і прамысловасці нават пераўзыходзілі гарады.

Такім чынам, эканамічная палітра мястэчак была надзвычай разнастайнай. Тут суіснавалі, спалучаліся і узаемадапаўнялі адна адну розныя формы арганізацыі вытворчасці і гандлю, забяспечваючы гэтым паселішчам надзвычай важную ролю ў эканамічным развіцці Беларусі. Мястэчкі здолелі заняць сваю нішу ў эканоміцы краю У прыватнасці, яны садзейнічалі трансфармацыі памешчыцкай гаспадаркі і таварызацыі сельскагаспадарчай вытворчасці ўвогуле. Пра гэта сведчыць канцэнтрацыя ў мястэчках вотчынных мануфактур, якія папярэднічалі буйной капіталістычнай прамысловасці, і кірмашовага гандлю, які папярэднічаў аптоваму капіталістычнаму гандлю. Па аб’ёму мануфактурнай вытворчасці і кірмашовых абаротаў, узнікненні фабрык некаторыя мястэчкі апярэджвалі гарады і тым мацавалі базу для індустрыялізацыі і ўрбанізацыі Беларусі. Наяўнасць у многіх мястэчках развітой дробнатаварнай вытворчасці ў форме рамяства і дробнакапіталістычных прадпрыемстваў, поўнага спектру вядомых на той час формаў арганізацыі гандлю з’яўляюцца сведчаннем шырокага распаўсюджвання прадпрымальніцкай ініцыятывы местачкоўцаў, значнай ролі мястэчак у захаванні эканамічнай самадастатковасці Беларусі.

Такім чынам, нашы мястэчкі, як і гарады, з іх складанай этнаканфесійнай, саслоўнай, прафесійнай структурай не ператварыліся ў расійскія правінцыйныя цэнтры, а працягвалі заставацца эканамічна самадастатковымі, шматкультурнымі гарадскімі цэнтрамі Цэнтральна-Усходняй Еўропы. За ўніфікаваным фасадам рэгламентаванага дзяржаўнага механізму Расійскай імперыі яскрава бачыцца мазаіка розных культур. Гарады і мястэчкі Беларусі, у тым ліку і Гродзеншчыны, здолелі пераадолець цывілізацыйную манаполію Расійскай імперыі і не пакінуць сваёй цывілізацыйна-культурнай прасторы.

Беларусь, у тым ліку і яе заходняя частка, захавала і традыцыйную урбанізацыйную мадэль, у якой важную ролю трансфарматараў эканамічнага і культурнага ўзаемаабмену паміж горадам і вёскай працягвалі адыгрываць

мястэчкі. Разглядаемы час быў яшчэ перыядам аграрнага грамадства: жыццё абсалютнай большасці насельніцтва віравала ў сельскіх паселішчах. Гарады былі рэдкай з'явай сярод шматтысячных сельскіх населеных пунктаў Беларусі. Дзякуючы шчыльнай сетцы мястэчак забяспечвалася распаўсюджванне гарадскога ўплыву на значныя тэрыторыі. Паводле вобразнага параўнання З.Шыбекі, калі гарады былі артэрыямі, то мястэчкі – капілярамі рыначнага арганізму беларускага краю. Праз мястэчкі буйныя гарады трансфармавалі свой палітычны, эканамічны і культурны ўплыў на навакольныя сельскія паселішчы.

Спіс крыніц і літаратуры

1. Шыбека, З.В. Гарадская цывілізацыя: Беларусь і свет / З.Шыбека. – Вільня: ЕГУ, 2009.
2. Урбанизация в формировании социокультурного пространства. – М.: Наука, 1999.
3. Каганович, А. Речица: История еврейского местечка Юго-Восточной Белоруссии / А.Каганович. – Иерусалим, 2007.
4. Миронов, Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.) / Б.Н.Миронов. – Т. 1. – СПб., 1999.
5. Материалы, относящиеся до нового общественного устройства в городах империи (городовое положение 16 июня 1870 г.). – Т. V. – СПб., 1879.
6. Лютый, А.М. Социально-экономическое развитие городов Беларуси в конце XVIII – первой половине XIX в. / А.М.Лютый. – Минск.: Наука и техника, 1987.
7. Шыбека, З.В. Гарады Беларусі (60-я гады XIX – пачатак XX ст.) / З.В.Шыбека. – Мн.: ЭўроФорум, 1997.
8. От аграрного общества к государству всеобщего благосостояния. Модернизация Западной Европы с XV в. до 1980-х гг. – М.: Российская политическая энциклопедия, 1998.
9. Энцыклапедыя гісторыі Беларусі: У 6 т. Т.3. Мн.: БелЭн, 1996.
10. Материалы, относящиеся до нового общественного устройства в городах империи (городовое положение 16 июня 1870 г.). – Т. V. – СПб., 1879. – С. 82 – 102.
11. Соркіна, І. Мястэчкі Беларусі ў канцы XVIII – першай палове XIX ст. / І.Соркіна. – Вільня: ЕГУ, 2010.
12. Города и поселения в уездах, имеющие 2000 и более жителей. – СПб., 1905. – С. 20 – 21.
13. Первая всеобщая перепись населения Российской империи1897 г. – СПб., 1903. – Т. XI. Гродненская губерния. – С. 290.
14. Рагойша, В. Заходнебеларускае мястэчка як асяродак беларуска-польскага культурнага сумежжа (на прыкладзе Ракава) / В.Рагойша // На шляхах да ўзаемаразумення. Беларусіка. – Кн.15. – Мінск, 2000. – С. 62.
15. Гэтае трапнае выказванне пра Беларусь належыць Паўлу Севярынцу: Севярынец, П. Люблю Беларусь / П.Севярынец. – Вільня, 2008. – С. 298.

Іна Валер'еўна Соркіна, кандыдат гістарычных навук, дацэнт, Гродзенскі дзяржаўны ўніверсітэт імя Я.Купалы. Навуковыя інтарэсы звязаныя з гістарычнай урбаністыкай. Даследуе гісторыю мястэчак Беларусі, аўтар манаграфіі *"Мястэчкі Беларусі ў канцы XVIII – першай палове XIX ст."* (Вільня, 2010).

УДК 271.2(476):929.522.1

Мікалай Мароз (Мінск)

ДА ПЫТАННЯ АБ ЗМЕНАХ У ПРОЗВІШЧАХ МЯШЧАН-ХРЫСЦІЯН КАПЫЛЯ Ў ПЕРШАЙ ТРЭЦІ XIX СТАГОДДЗЯ

Статья посвящена выявленной автором на основе архивных источников тенденции изменения фамилий мещан-христиан местечка Копыль Слуцкого уезда Минской губернии на “польский” лад в первой трети XIX века.

У Нацыянальным гістарычным архіве Беларусі захоўваецца шэраг дакументаў па гісторыі капыльскіх мяшчанскіх родаў. Сярод іх можна адзначыць інвентары, рэвізскія сказкі, метрычныя кнігі, судовыя справы і інш. Адзначаныя крыніцы даюць даволі поўнае ўяўленне аб прозвішчах капыльскіх мяшчан-хрысціян у другой палове XVIII – першай палове XIX стагоддзяў.

Капыль, пачынаючы яшчэ з часоў князёў Алелькавічаў з’яўляўся адным з асяродкаў праваслаўя – працэсы ўніі амаль не закранулі мястэчка. Адпаведна, і пераважная большасць мяшчан-хрысціян прытрымлівалася праваслаўнага веравызнання. Капыльскі касцёл, вядомы з XV ст., абслугоўваў духоўныя патрэбы навакольнай шляхты. Уніяцкая Капыльска-Аножкаўская царква, вядомая па дакументах першай трэці XIX ст., не мела нават асобнага будынку і з’яўлялася філіяльнай пры касцёле. Прыхаджанамі яе былі сяляне з навакольных вёсак, а таксама нешматлікія мяшчане. Колькасць прыхаджан кальвінскага збора, вядомага з сярэдзіны XVII ст., была ў гэты час, відаць, зусім нязначнай. Стракатасць этнаканфесійнай сітуацыі ў мястэчку надавалі наяўнасць невялікай колькасці татар-мусульман, а таксама досыць значнай часткі яўрэйскага насельніцтва.

Поліэтнічнасць і поліканфесійнасць насельніцтва Капыля ілюструюць наступныя звесткі. У 1669 г. места Капыль (з 1652 г. мела Магдэбургскае права) налічвала 252 дыма, 13 з якіх належала яўрэям (каля 5 %). Рэвізія Капыля 1750 г. (пасля вялікага пажару) зафіксавала 136 хрысціянскіх і 53 (ці 28 %) яўрэйскіх двароў. У 1765 г. яўрэі валодалі 54 з 234 дымоў (каля 23 %) [7, с. 164]. Па звестках інвентару 1818 г. у Капылі было 309 двароў: 134 яўрэйскіх (каля 43 %), 172 хрысціянскіх і 2 татарскіх. К 1848 г. колькасць татарскіх двароў павялічылася да 7, а яўрэйскіх – да 172. Паводле інвентару 1846 г. у мястэчку існавалі драўляныя праваслаўная царква, рымска-каталіцкі касцёл, кірха евангелічная, 3 яўрэйскія малітоўныя школы, 1 з іх была мураваная [6]. У гадавой справаздачы па Мінскай губерні, накіраванай у Цэнтральны статыстычны камітэт у 1857 г., у м.Капыль значыліся 897 праваслаўных мяшчан (прыхаджане Уваскрасенскай царквы), 28 мяшчан і дваран евангеліцка-рэфармацкай веры (пазначаныя як палякі), 526 мяшчан-іудзеяў [8, с. 205]. У канцы XIX ст. мужчыны Капыля па веравызнанню размяркоўваліся наступным чынам: праваслаўныя – 1511 (59 %), каталікі – 73 (каля 2,9 %), іудзеі – 868 (каля 33 %) , мусульмане – 109 (4,3 %) [9, с. 37].

Інвентары Капыля часоў Вялікага Княства Літоўскага і Рэчы Паспалітай, напрыклад інвентар 1765 г., фіксуюць традыцыйныя беларускія прозвішчы мяшчан-хрысціян: Бурма, Быка, Бяляй, Краска, Маўчановіч, Зарубейка, Плаксіч, Серада, Манкевіч, Валоха, Кахановіч, Скурка, Гарох, Некраш, Кулік і інш. [6, арк.84 адв. – 87 адв.]. Парадаксальным з’яўляецца тое, што з

уваходжаннем Капыля ў склад Расійскай імперыі пэўная частка прозвішчаў **праваслаўных** (выдзелена аўт.) мяшчан пачала змяняцца на гэтак званы “польскі” лад. Так, Быкі станавіліся Бучынскімі, а потым Бычынскімі, Краскі – Красуцкімі, Зарубейкі – Зарамбоўскімі, Серады – Серадзінскімі, Балогі – Балажынскімі, Скуркі – Шкурынскімі, Азярцы – Язерскімі, Бяляі – Бяляўскімі. Трэба адзначыць, што змены адбываліся паступова, і пэўны час старыя варыянты працягвалі суіснаваць разам з новымі, а ў некаторых выпадках адна з галінаў роду працягвала насіць стары варыянт прозвішча. Працэс гэты добра прасочваецца па метрычных кнігах і рэвізскіх сказках першай трэці XIX ст. [1, арк. 243 – 246; 2, арк. 217 – 229; 3, арк. 377 – 385; 4, арк. 356 – 372; 5, арк. 900 – 908]. Улічваючы тое, што згаданыя прозвішчы насіла немалая частка мяшчан, можна казаць пра пэўную тэндэнцыю, што была характэрна для першай трэці XIX ст. Тэндэнцыя гэта магла быць, з аднаго боку, адбіткам палітыкі расійскага ўраду, якая, пачынаючы з падзелаў Рэчы Паспалітай і да паўстання 1830 – 1831 гг. не толькі не абмяжоўвала, а нават пашырала польскі ўплыў на землях былога Вялікага Княства Літоўскага. З другога боку, не выключана, што і мяшчане пры дапамозе змены прозвішчаў імкнуліся стаць бліжэй да прывеліяванага шляхецкага саслоўя.

Змяненне прозвішчаў капыльскіх мяшчан-хрысціян з’яўляецца адным з адметных эпізодаў гісторыі Капыля першай трэці XIX ст. На жаль, слабая распрацаванасць генеалагічнай базы, адсутнасць даследаванняў па дадзенай тэме, не дае магчымасці прасачыць, ці адлюстраваны згаданы працэс у іншых, у прыватнасці, геаграфічна блізкіх да Капыля мястэчках, але, разам з тым, пакідае перспектывы для далейшых даследаванняў.

Спіс крыніц і літаратуры

1. Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі (у далейшым НГАБ). Фонд 136. – Воп. 13. – Адз. зах. 565. Метрычныя кнігі цэркваў Слуцкага павету аб нарадзіўшыхся, ўступіўшых у шлюб і памершых за 1802 год.
2. НГАБ. Фонд 136. – Воп. 13. – Адз. зах. 569. Метрычныя кнігі цэркваў Слуцкага павету аб нарадзіўшыхся, ўступіўшых у шлюб і памершых за 1806 год.
3. НГАБ. Фонд 136. – Воп. 13. – Адз. зах. 601. Метрычныя кнігі цэркваў Слуцкага і Ігуменскага паветаў аб нарадзіўшыхся, ўступіўшых у шлюб і памершых за 1825 год.
4. НГАБ. Фонд 136. – Воп. 13. – Адз. зах. 603. Метрычныя кнігі цэркваў Слуцкага і Ігуменскага паветаў аб нарадзіўшыхся, ўступіўшых у шлюб і памершых за 1827 год.
5. НГАБ. Фонд 333. – Воп. 9. – Адз. зах. 241. Рэвізскія сказкі памешчыцкіх сялян Слуцкага павету за 1816 г. / Літары Б, В, Г, Д, Е, Ж, З, І.
6. НГАБ. Фонд 694. – Воп. 2. – Адз. зах. 3676. Інвентар Капыльскага княства за 1701 – 1815 гг.
7. Мароз, М. Некаторыя пытанні тапаграфіі Капыля ў XVII – XVIII ст. / М.Мароз // Гістарыяграфія і крыніцы па гісторыі гарадоў і працэсаў урбанізацыі ў Беларусі: Зборнік навук. артыкулаў / ГрДУ імя Я.Купалы; рэдкал.:, В.В.Даніловіч, І.П.Крэнь, І.В.Соркіна Г.А.Хацкевіч (адк. рэдактары) [і інш.]. – Гродна: ГрДУ, 2009. – С. 158 – 165.
8. Соркіна, І. Мястэчкі Беларусі ў канцы XVIII – першай палове XIX ст. / І.Соркіна. – Вільня: ЕГУ, 2010. – 488 с.
9. Соркина, И. Местечко, в котором я никогда не была / И.Соркина // Мишпоха.– № 15. – Витебск, 2005. – С.37 – 43.

Мікалай Сяргеевіч Мароз, суіскальнік кафедры гісторыі Беларусі ГрДУ імя Янкі Купалы; навуковы кіраўнік: кандыдат гісстарычных навук, дацэнт І.В.Соркіна

УДК 94(476)(XVIII-пач.XIX ст.)

Наталья Зиневич (Киев)

ЧАСТНОСОБСТВЕННЫЕ ГОРОДА ЗАПАДНОГО КРАЯ В ПРОЦЕССЕ ИНТЕГРАЦИИ В СОСТАВ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В XIX В.

В статье рассмотрена такая своеобразная группа поселений как частновладельческие города, принадлежавшие магнатам, процесс их интеграции в Российской империи в XIX в.

Реч Посполитая со своим специфическим сочетанием конфедеративного уклада и выборной монархии при доминировании шляхты в общественно-политической жизни страны была уникальным явлением в истории Европы. Особое значение для освещения вопросов функционирования помещичьих имений имеют фамильные фонды магнатов-поляков, которые сосредоточили в своих руках огромные латифундии в пределах «восточных кресов». Значительный интерес для современного исследователя составляет вопрос о развитии частновладельческих городов, которые входили в состав помещичьих владений, в частности, в период инкорпорации края Россией.

После прекращения существования Речи Посполитой в конце XVIII в., ее бывшие восточные земли стали именоваться Западным краем Российской империи, а украинские земли Правобережья – Подольская Волынская и Киевская губернии – Юго-Западным краем. На них стали распространяться ее управленческие стандарты, несмотря на то, что приращенные территории были опустошены войнами. Вместе с тем, исчезновение польского государства не отменяло политических амбиций польской шляхты. Местным дворянам – представителям польской шляхты – были подтверждены права собственности на города и местечки, которые принадлежали им ранее [6].

На Волыни в частной собственности пребывали до 1917 г. 5 городов (Ровно, Дубно, Заслав, Острог, Староконстантинов) и 118 местечек; в Киевской губернии в 1860-х гг. – Бердичев и Липовец, в Подольской губернии Ямполь и другие [3, с.57]. В Волынской губернии их удельный вес среди городских поселений составлял 41,7%. Даже с изменением геополитической ситуации в сознании значительной части российского общества украинское Правобережье еще долго воспринималось как осколок “старой Польши” и ареал еврейского расселения [1; 2]. Активное разыгрывание “польской” карты Наполеоном, отстаивание польской шляхтой своих «давних прав и привилегий», поначалу очевидная благосклонность Павла I, а потом уступчивость Александра I, присутствие лидера польского движения Адама Чарторыйского при петербургском дворе и его активная деятельность там способствовали формированию агрессивной политической доктрины поляков [4].

Молодые реформаторы, которые группировались около царя, в т.наз. негласный комитет предложили серию либеральных реформ с целью создать отраслевой механизм управления. Однако создание министерств в 1802 г. натолкнулось на ограниченные возможности “вертикального” управления ввиду региональной мозаичности. В частности, для окраинных регионов Александр I вернул систему наместничеств и генерал-губернаторов как своеобразных “министерств на местах”.

На порядок управления присоединенными территориями оказывало влияние множество факторов, среди которых наиболее заметны способ и время административного освоения, уровень экономического и государственного развития края и населения; а также юридическая политика Российского государства, в общем, и применительно к отдельным регионам, в частности [7].

На протяжении всего XIX в. в Российской империи проводилась дальнейшая централизация и бюрократизация системы управления, причем система перекраивания территорий была обычной практикой. Иногда она сопровождалась попытками учитывать региональный и этнический факторы. Одним из таких проявлений и было существование в исследуемом регионе на протяжении века частновладельческих городов и местечек. Во времена Речи Посполитой механизм перехода городских поселений к частным лицам проходил путем дарения уже существующих, а также основания новых. К разряду частнособственных причислялись и давние вотчины, как, например, Острог – вотчинное владение князей Острожских. Магнаты были заинтересованы в создании и развитии в своих владениях поселений городского типа, так как от них поступали налоги, пошлина с торговли, различные сборы с жителей, ремесленные изделия. Города становились для них военными опорными пунктами.

Интуиция подсказала российским управленцам, что спокойствие в регионе в значительной мере будет зависеть от степени его русификации. В государственной политике по отношению к областям прослеживается стремление к унификации и распространению общеимперских принципов управления, и учет специфических особенностей, исторически присущих отдельным местностям. В связи с этим, полномочия областных и уездных управлений подразделялись на общие с губернскими органами, и особенные, вызванные спецификой географического положения, необходимостью учета интересов местных властных элит, традиций и обычаев государственного управления коренного населения.

Украинская исследовательница Е. Прищепа считает, что частнособственнический правовой статус городов в Волынском регионе был одной из причин, которая негативно влияла на экономическое развитие края [11, с.129]. Официальные статистические источники второй половины XIX в. фиксируют на Волыни 12 городов (как и губернский центр Житомир, все они были административными центрами поветов: Ровное, Дубно, Заслав, Староконстантинов, Острог, Владимир-Волынский, Новоград-Волынский, Овруч, Ковель, Кременец, Луцк), а также 141 местечко, имевших статус городских поселений [11, с.129]. Некоторые из частных городов имели постоянных владельцев, как, например, Ровное (принадлежало князьям Любомирским). При переходе осталь-

ных из рук в руки частный статус городов сберегался, несмотря на то, что пять из них были центрами поветов. Царская администрация считала необходимым в будущем выкупить их у частных лиц в государственную казну, однако такие случаи были единичными, а законодательная база так и не была выработана.

Важным признаком землевладения в Подольской губернии было то, что подавляющее большинство имений находилось в частной собственности. Причем, если на протяжении XVIII в. отдельные семьи магнатов (Любомирские, Потоцкие) сосредоточили в своей собственности огромные латифундии, то со времени присоединения края к России продолжался процесс демагнатеризации землевладений, что объяснялось накоплением капиталов бывшими арендаторами и посессорами указанных поместий, которые смогли их выкупать, а также наследственными распределениями латифундий [17]. В связи с господством натурального хозяйства, жизнь частновладельческого города первой трети XIX в. мало чем отличалось от сельской. Большинство населения городов и местечек составляли крепостные крестьяне, занимавшиеся земледелием. Купеческое и мещанское сословие было в основном представлено еврейскими кагальными общинами. В отдельных городах (Махновка, Могилев, Тульчин, Немиров) существовали мещанские общины иностранцев. Лишь в Тульчине коренное украинское население пользовалось мещанскими правами в соответствии с предоставленной С.-Щ. Потоцким привилегией. [16].

В течение первой половины XIX в. многие белорусские города Слуцк, Несвиж, Старый Быхов, Сено, Ошмяны, Друя, Докшицы долго оставались в частном владении. Старый Быхов – уездный город, но до 1831 г. принадлежал Сапегам, конфискован после восстания 1831 г. Слуцк выкупила казна в 1846 г. за 343 тыс.р., у наследников князя Витгенштейна (получил город как приданое за женой – княжной Радивилл). Большинство частновладельческих белорусских городов были выкуплены казной в 1850-е гг. Почти все местечки принадлежали крупным и средним землевладельцам. Некоторые магнаты имели по несколько местечек. Графы Хрептовичи – Вишнево, Бешенковичи. Князь Витгенштейн – Налибоки, Глубокое, Крево. Граф Тышкевич – Воложин, Логойск. Князья Любомирские – Дубровно, Баево, Межев. Князья Сангушки – в Копысском уезде – Новый и Старый Толочин, Крупки, Смольяны. Сапеги – только в Быховском уезде – Пропойск, Новый Быхов, Дашковка, Гейшин. Все местечки Могилевской губернии были владениями частных лиц. Жители местечек, в основном крепостные крестьяне, занимались сельским хозяйством, ремеслом и торговлей, работали на промышленных предприятиях помещиков [15].

Частнособственный статус городов порождал ряд противоречий. Как отмечает, Е. Прищепа, только в этих городских поселениях еще со времен средневековья соседствовало переплетение прав частных с государственными. В частности, за их владельцами сохранялись права собственности на землю, сбора различных налогов с промыслов и торговли, а также т.наз. пропинационное право – монопольное производство и продажа спиртных напитков. Последнее, с введением государственной винной монополии в конце XIX в., было выкуплено у владельцев городов [11, с.129].

Ненормированными законодательно оставались и земельные отношения владельцев городов с жителями – собственниками движимого имущества, поскольку правом собственности на него владела лишь незначительная часть горожан. Кроме церквей, монастырей, и государства, которые владели земельными участками с недвижимостью, большинство городских жителей владели недвижимостью на чиншевом праве и платили в пользу собственников городов специальный земельный налог – чинш [11, с.130]. Жители частновладельческих городов, кроме того, выполняли определенные повинности в пользу владельца и не могли без разрешения администрации покидать город [14]. Укрепляя и защищая свои резиденции и города, магнаты ставили мещан в зависимость от своей политики в вопросах обороны, практически держа в своих руках механизмы руководства городским ополчением.

Уездные местечки, как правило, принадлежали местным земельным магнатам, которые руководили местечковой жизнью через своих представителей: управляющих местными предприятиями и экономов. Однако оседлость в городках евреев, число которых постоянно увеличивалось и которые приписывались к мещанскому или купеческому податному состоянию, привела к формированию в городках значительных еврейских общин, имевших свои выборные органы. В городах Волыни численный перевес был за евреями как следствие той политики, которую проводило правительство Российской империи, определив для них черту оседлости и не позволяя покупать землю. Ключевая роль еврейского населения проявлялась и в преобладании его в сфере городской торговли, ремесленного производства, предпринимательской деятельности. Местечковые евреи находились под большим влиянием религии, в частности, различных хасидских течений. Поскольку часть местечек стала волостными центрами, то руководители еврейских кагальных общин постоянно искали взаимопонимание с волостным начальством, с представителями земельных магнатов. Те, в свою очередь, вынуждены были также учитывать позицию еврейского местного руководства при проведении политики царского правительства в волости.

Особенность централизаторской политики царского правительства на территориях национальных окраин состояла в создании дополнительного уровня управления. Как отмечает Л. Лаптева, само существование указанного института свидетельствовало, что в империи есть значительные периферийные территории, которые не управляются общероссийскими законами. Локально-региональные особенности интеграции Западного края, по мнению исследовательницы были следствием своеобразного компромисса между централизаторскими устремлениями российского правительства и автономистскими устремлениями местной элиты [8; 9]. По мнению В. Шандры, генерал-губернаторство как административно-территориальная единица открывало определенные, хотя и весьма ограниченные, возможности выхода за рамки централизованного администрирования. Высокий статус генерал-губернатора и нечеткое законодательство относительно полномочий последнего создавало во многом уникальную ситуацию. Она имела место и ввиду ситуации острой конфликтности, которая существовала на территории Западного края в течении всего XIX в.

Стремясь укрепить свои позиции на территории недавно присоединенных западных земель, самодержавие сохранило за правящими состояниями Речи Посполитой важные привилегии, требуя за это политической лояльности к Российской империи [10; 5].

Таким образом, можно сделать вывод, что частновладельческие города на территории Западного края Российской империи представляли собой самостоятельные административно-территориальное образования. Они существовали как реликтовые явления на присоединенных или приграничных территориях с целью постепенной интеграции последних в общеимперскую систему государственного устройства и местного управления. Сохранение местных особенностей управленческо-регулятивного характера, отражающих специфику геополитического положения, этнического состава населения, а также традиции социального управлении и нормативного регулирования общественных отношений было одной из составляющих региональной политики государства. Поскольку колонизационные устремления российского правительства в Юго-Западном крае наталкивались на сопротивление польских элитных прослоек и невосприятие низшими слоями малороссийского крестьянства, на новоприсоединенных территориях с отменой магдебургского права в городах и Литовских статутов ускорилось переведение края в рамки российской правовой системы, как централизованного так и местного управления, с целью их унификации и стабилизации.

Список источников и литературы

1. Бовуа, Д. Російська влада та польська шляхта в Україні 1793-1830 рр. / Д. Бовуа / Пер. з фр. З. Борисюк. – Львів: Кальварія, 2007. – 296 с.
2. Бовуа, Д. Шляхтич, кріпак і ревізор: польська шляхта між царизмом та українськими масами (1831 – 1863) / Д. Бовуа / Пер. з фр. З. Борисюк. – Київ: ІНТЕЛ, 1996. – 416 с.
3. Воронин, А. Записка о владельческих городах и местечках Юго-Западного края / А. Воронин. – К.: Тип. Е.Я. Федорова, 1869. Ч.1. 140 с.
4. Громакова, Н. Правобережна України як об’єкт реалізації польської “теорії східних кресів” у першій половині XIX ст./ Н. Громакова // Наддніпрянська Україна: історичні процеси, події, постаті: Збірник наукових праць. – Дніпропетровськ: Видавництво Дніпропетровського університету, 2006. Вип.4. С.38-45.
5. Чернецький, Є. Правобережна шляхта за російського панування (кінець XVIII – початок XX ст.). Джерела, структура стану, роди / Є. Чернецький. – Біла Церква: Видавець Олександр Пшонківський, 2007. 167с.
6. Денисюк, В. Польська політична доктрина та Волинь у кінці XVIII – 30-их роках XIX ст. / В. Денисюк // Матеріали III Волинської Міжнародної історико-краєзнавчої конференції. 12-13 листопада 2010 року. – Житомир: Видавництво Житомирського державного університету ім. Івана Франка, 2010. – С..36-38.
7. Дамбаева, О.П. Область в системе государственного устройства и управления Российской Империи (XVIII – начало XX вв.): дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01. / О.П. Дамбаева – Екатеринбург, 2006. – 245 с.
8. Лаптева, Л.Е. Региональное и местное управление в России (вторая половина XIX в) / Л.Е. Лаптева. – М., 1998.
9. Лаптева, Л.Е., Шутов, А.Ю. Из истории земского, городского и сословного самоуправления в России / Л.Е. Лаптева, А.Ю. Шутов. – М., 1999.

10. Поляки на Хмельниччині: погляд крізь віки. Збірник наукових праць за матеріалами міжнародної наукової конференції (23-24 червня 1999 р.). – Хмельницький: Поділля, 1999. – 600 с.
11. Прищепа, О.П. Правові та економічні аспекти розвитку приватновласницьких міст Волині у другій половині XIX – початку XX ст. / О.П. Прищепа // Бердичів древній і вічно молодий: матеріали науково-краєзнавчої конференції, 8-14 червня 2005 року / гол.ред. М.Ю. Кострица. – Житомир: видання М. Косенко, 2005. – С. 128-132. (Велика Волинь: наук. зб. пр. Житомирського науково-краєзнавчого товариства дослідників Волині. Вип.32)
12. Прищепа, О. Порівняльні характеристики формування бюджетів державних і приватновласницьких міст Волинської губернії (друга половина XIX – початок XX ст. / О. Прищепа // Наукові записки університету «Острозька Аакадемія». – Острог, 2001. Вип.1. – С.95-101.
13. Левицький, Д. Вплив середньовічного міського права на формування правових систем Центральної та Східної Європи / Д. Левицький // Право України. – 2005. – №2. – С.112-114.
14. Грицкевич, А.П. Частновладельческие города Белоруссии в XVI–XVIII вв./ А.П. Грицкевич. – Мн., 1979.
15. Чепко, В.В. Города Белоруссии в первой половине XIX века: экономическое развитие / В.В. Чепко. – Мн., 1981. – 143 с.
16. Петренко, О.С . Панський маєток на Східному Поділлі наприкінці XVIII – у першій третині XIX ст.: соціально-економічні та етноконфесійні відносини: Автореф. дис... канд. іст. наук: 07.00.01 / НАН України; Інститут історії України / О.С. Петренко. – К., 2005. – 19 с.
17. Петренко, О.С. Цеховий устрій приватних міст та містечок Східного Поділля / О.С. Петренко // Проблеми історії України XIX – поч. XX ст. – К.: Вип. II. – 2001. – С. 127 - 136.

Наталья Алексеевна Зиневич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института украинской археографии и источниковедения им. М.С. Грушевского Национальной академии наук Украины.

УДК 94(476)[18/19]:314.1

Сергей Шимукович (Минск)

ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ В УЕЗДНЫХ ГОРОДАХ БЕЛАРУСИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКОВ КАК ФАКТОР, ВЛИЯЮЩИЙ НА УПРАВЛЕНИЕ РЕГИОНОМ (НА ПРИМЕРЕ УЕЗДНОГО ГОРОДА ДИСНА ВИЛЕНСКОЙ ГУБ.)

Статья посвящена анализу демографической ситуации в отдельно взятом белорусском городе. Показана неоднозначность статистического учета населения города на протяжении XIX - начала XX века. Анализируются разнообразные факторы, влиявшие на изменение числа жителей города, их социальную и конфессиональную принадлежность. Проанализированы некоторые аспекты, связанные с управлением городами и правительственной политикой по развитию городов белорусского региона.

Северо-Западный край был особым регионом в Российской империи. Эта территория, входившая ранее в состав Речи Посполитой, за столетний период нахождения в составе российского государства все равно сохранила многие отличия, не смотря на активную политику по унификации края. Национальная

политика русификации, проводимая на протяжении XIX века, сопровождалась мероприятиями, направленными на экономическое и правовое сближение Северо-Западного края и русского центра империи. Тем не менее, многие атавизмы бывшей Речи Посполитой продолжали определять жизнь края, это и наличие черты еврейской оседлости, и «ополяченность» многочисленной, преимущественно очень бедной шляхты при существовании огромных латифундий местных магнатов.

Еще одной отличительной особенностью края было достаточно большое число городских поселений, преимущественно небольших по размерам и числу населения, а также длительная историческая традиция городского самоуправления белорусских городов. Белорусские города в этническом плане представляли собой островки концентрации нацменьшинств на территории, заселенной белорусами. Все эти факторы серьезно влияли на подходы, которые применяло центральное правительство по управлению городами и регионом.

Городовое положение 1870 года, на основании которого в империи была проведена реформа управления, в Северо-Западном крае было введено только в 1875 году. Область действий городских органов строго ограничивалась территорией города, однако не было чёткого разграничения компетенции между городским самоуправлением и полицейским управлением, более того, самоуправление находилось в прямой зависимости от полиции. По проектам обязательных для жителей города постановлений думы, управа должна была получить заключение начальника местного полицейского управления. Важнейшие из постановлений, касавшиеся, например, изменений планов городов, отчуждения принадлежащих городу земель, получения крупнейших займов, поручительства от имени города и установления новых сборов, утверждались центральным правительством или соответствующим министерством [1, с. 160].

В задачи городского самоуправления входили в основном культурно-хозяйственные дела: «внешнее благоустройство города (согласно утвержденному правительственными властями плану), содержание городских коммуникаций, попечение о благосостоянии городского населения (народное продовольствие, здравоохранение, принятие мер против пожаров, содержание больниц, театров, библиотек, музеев и т.д.), забота о народном образовании и прочее» [2, с. 78].

Городские общества белорусских городов и их выборные органы контролировались правительственной властью, мешая городским органам принимать решения необходимые в той или иной ситуации. Еще более жесткий контроль был введен по принятию Городового положения 1890 года, по которому был увеличен имущественный ценз выборщиков и еще больше ограничено участие «иноверцев» в выборных органах самоуправления.

Тем не менее в конце XIX века белорусские города активно росли, чему способствовало железнодорожное строительство, отмена крепостного права, промышленный переворот и другие факторы. В начале XIX века белорусские города еще «спали», промышленность, за редким исключением, в них отсутствовала, лишь торговля играла значительную роль. К концу XIX века наблюда-

ется бурное промышленное развитие, складывались будущие промышленные центры Беларуси. Их образованию способствовали экономическая конъюнктура, наличие свободных капиталов, рабочих рук, близость и удобство путей сообщения, наличие местных традиций, особенностей.

Рост числа жителей любого города всегда напрямую связан с его экономическим состоянием, в кризисные годы его население, как правило, уменьшалось, в годы роста конъюнктуры соответственно, увеличивалось. В конце XVIII века в переживавшей серьезную депрессию Дисне, по оценке Ottona Hedemanna, проживало около 2100 человек. Эти цифры историк получил из расчета, что в каждом из 307 домов, зафиксированных в городе на 1790 год, проживало в среднем по 7 человек [3, p. 46].

Первая точная цифра о числе жителей города приводится относительно к 1828 году в годовом отчете минского губернатора. Население Дисны составило 2802 жителя, в городе имелось 330 жилых домов [4, с. 511]. Косвенно эти данные подтверждают относительную правильность расчетов O. Hedemanna, хотя по этим данным на один жилой дом в городе приходилось в среднем по 8,5 жителя, в то время как польский исследователь исходил из расчета 7 человек, проживающих в одном жилом строении.

По прошествии десяти лет, к 1838 году, население города не выросло, в Дисне проживало всего 2807 человек, в том числе мужское население города составило 1393 человек, женское 1414. Несколько увеличилось население города к 1840 году (2975 человек), мужчин насчитывалось 1566 человек, женщин 1409 [5, с. 513]. На протяжении последующих 20 лет наблюдается значительный рост городского населения. Так, в 1858 году в городе проживало 5183 человека, Дисна входит в число наиболее крупных городов Виленской губернии. Впервые можно точно узнать конфессиональный состав жителей города. Так, наиболее крупную группу населения составляли иудеи (1949 жителей), чуть меньше проживало в Дисне православных (1675), и третьей по значению группой были католики (904 жителя). Остальные вероисповедания были представлены крайне незначительно [6, с. 307, 314]. В последующие годы оценка конфессионального состава жителей города будет меняться настолько кардинально, что это может вызвать определенное недоверие к приводимым данным. Но как бы не оценивалась доля православной и католической составляющей среди жителей, определяющей будет тенденция к росту доли еврейского населения города.

В городе уже с начала XIX века иудеи преобладали над каждой другой группой вероисповеданий по отдельности, но еще не составляли абсолютного большинства. Дисна изначально была торговым городом, конкурировать с евреями в торговой сфере в XVII – XVIII веках пыталась община дисненских православных купцов, но безуспешно.

Период роста числа жителей города прервался в конце 1850-х годов. К 1861 году число жителей даже несколько уменьшилось (до 4802 жителей), а обывателей, приписанных к городу, насчитывалось 4958 человек. Разница в цифрах между реально проживающими и приписанными жителями показывает тенденцию к так называемому «отходничеству», связанному с поиском работы

за пределами не только города, но и региона. Жители Дисны и уезда активно искали средства к существованию в Прибалтике и столице, для чего и брали паспорта. Только в 1861 году в Дисне было выдано 642 паспорта, что составило более 12 % от всего населения города [7, с. 10-11]. Интересен сословный состав жителей города (см. Таблицу 1).

Таблица 1. Распределение жителей города по сословиям в 1862 г.

Категория населения	Мужчин	женщин
потомственных дворян	61	47
дворян личных	72	30
духовенства	17	26
купцов	48	45
мещан	1875	2065
цеховых	4	8
временно-обязанных крестьян	3	5
воинских чинов на службе	160	–
воинских чинов бессрочно отпускных	12	–
воинских чинов в краткосрочных отпусках	22	–
отставных нижних чинов	141	–
солдатских детей	6	–
солдатских жен и дочерей	–	146
иностранных подданных	4	1
лиц, выше не упомянутых	18	8

Среди 4958 приписанных жителей насчитывалось:

Категория населения	Мужчин	женщин
мещан	1813	1796
рабочего класса	664	685

Из всего населения имуществом в Дисне владели всего 478 человек, в том числе 23 дворянина, 10 купцов, 280 мещан (200 из них являлись евреями), 79 ремесленников (из них 75 евреев), а также 26 нижних воинских чинов, они же имели право избирать органы городского самоуправления. Кроме того, недвижимостью в городе владело 60 иногородних купцов (евреев), при этом купцам принадлежали наиболее дорогая недвижимость в наиболее престижном районе старого города.

За пять лет кардинальных изменений в качественном составе жителей города не произошло, а численно население в 1866 году выросло до 6066 человек. При этом сохранилось превосходство христиан над иудеями, а православных было больше чем католиков.

Таблица 2. Распределение населения города по конфессиональной принадлежности в 1866 г.

Вероисповедание	Мужчин	женщин
евреев	1290	1345
православных	1066	1124

католиков	667	517
единоверцев и раскольников	28	6
протестантов	10	5
магометан	3	4

По сословиям из 6066 жителей дворяне составляли 232 человека, духовенства – 27, купцов – 43, мещан – 5089, крестьян – 36, военных, в том числе жен и детей солдат, а также жандармов, пожарных – 562 человека, плюс 5 иностранцев и 3 жителя из категории «нигде не указанных лиц». [8, с.193] Особенностью города являлось то, что в Дисне, по сравнению с другими уездными городами края, проживало достаточно много дворян. По числу еврейского населения Дисна также опережала остальные уездные города Виленской губернии. По сравнению с 1861 годом в Дисне почти в 3 раза уменьшилось число купцов и членов их семей, с 93 до 33. Мелкие городские купеческие капиталы вытеснялись крупными иногородними. Основной прирост населения обеспечивался за счет мещан. Еще одна особенность Дисны – в городе наблюдался низкий процент крестьянского населения. Все это говорит о пока еще стабильной экономической конъюнктуре, о развитии торговли по Западной Двине. Риго-Орловская железная дорога, убившая сплавную торговлю по Двине, еще только строилась.

За последующие 10 лет рост населения города был относительно незначителен, в 1877 году в городе проживало 6649 человек, что на 583 человека больше, чем в 1866 году. Сословный состав жителей также существенно не изменился: 196 дворян, 22 представителя духовенства, 232 – почетных граждан и купцов, 5318 – мещан и цеховых, 30 человек сельских сословий, 620 человек военных сословий, 16 иностранцев и 212 разночинцев. В сравнении с другими городами Виленской губернии в Дисне было ощутимо больше почетных граждан, представителей военных сословий и иностранцев, а также разночинцев. Одновременно в Дисне жило очень мало крестьян по сравнению с другими городами.

Наиболее значительные изменения показаны в конфессиональной принадлежности жителей города. Именно эти цифры позволяют усомниться в объективности составителя Памятной книжки губернии. В данном случае составитель либо допустил досадную техническую ошибку, либо сознательно сыграл в интересах католической «польской» партии. Так, количество православных жителей указано цифрой 883 человека (уменьшение почти в 2,5 раза), а католиков наоборот стало значительно больше – 2773 человек (увеличение почти в 2,5 раза), доля иудеев осталась прежней, их число почти не изменилось – 2962 человек. Другие конфессии в сумме дали еще 28 жителей [9, с. 220].

Показательно, что спустя полтора десятка лет известный белорусский краевед А.Сапунов в своей книге, посвященной реке Западной Двине и городам, лежащим на ее берегах, также показывает преимущество католического населения в городе над православным. Сложно сказать, кто предоставил исследователю данные о населении города, но он оценивает общее число жителей города цифрой - 8988 жителей, которые делились по конфессиональному признаку: православных – 1426, или 15,9 %; католиков – 3238, или 36 % от

всего числа жителей; иудеев – 4307, или 48 %; остальное население – это 7 протестантов и 4 раскольника [16, с. 446].

Эти факты, возможно не совсем выверенные, позволили польским идеологам уже в начале XX века обосновывать инкорпорацию западной части Беларуси польским государством. «Исследователи» активно искали признаки «польскости» на белорусских и литовских землях, включенных в состав второй Речи Посполитой [17, p.14]. Но, в любом случае, трудно объяснить, каким образом, за очень короткий срок, в течении которого даже не происходит смена поколения, число православных жителей города уменьшилось более чем в два раза и соответствующим образом увеличилось число католического населения, и это всё при сохранении социальной структуры жителей Дисны. В городской хронике отсутствуют упоминания о каких-либо чрезвычайных событиях, которые могли бы столь существенно повлиять на подобное качественное изменение состава населения города.

Начиная с 1880-х годов рост населения города на протяжении 15 лет был стабилен. По данным «Обзоров Виленской губернии», которые ежегодно составлялись и издавались канцелярией губернатора, ежегодный прирост только по рождаемости составлял до 130 человек за год (в 1890-х годах) [10]. Наивысший пик естественного прироста населения в Дисне пришелся на последнее десятилетие XIX века, после чего произошел резкий спад, повлекший также и уменьшение числа жителей города.

По данным «Виленского календаря» в население города к середине 1880-х годов превысило 8 тысяч человек и продолжало увеличиваться [11, с. 171; 12, с. 132]. Уже в 1890-х годах использовавшиеся методы подсчета населения городов приходят в несоответствие с реалиями, порожденными сложной экономической ситуацией, промышленным переворотом, который накрыл Северо-Западный край и значительно повлиял на внутренние и внешние миграционные потоки, на отток рабочих рук из торговых городов и местечек в промышленные центры империи и края. Только из Дисненского уезда на протяжении 1893-1896 годов на заработки в другие регионы, преимущественно Прибалтику и Петербург, ушло 15836 человек, причем в 1896 году – 7908 человек [13, с.655]. В городе было много свободных рабочих рук, но отсутствовала промышленность, способная их использовать, поэтому, естественно, что люди уходили из Дисны (и их других городов) в поисках заработка.

Статистика продолжала учитывать как жителей города лиц, которые хотя и были прописаны в городе, но уже достаточно долго не проживали, работая на предприятиях в прибалтийских городах либо в столице империи. Это объясняет разнобой в данных, приводимых в разнообразных справочных изданиях, и отличные от указанных результаты всеобщей переписи населения империи 1897 года. Так, в «Памятной книге Виленской губернии на 1898 год», составленной губернскими статистиками на основании данных о прописанных в городе лицах, население Дисны в 1896 году показано цифрой 9133 жителей, а в «Обзоре Виленской губернии за 1900 год» население Дисны и вовсе достигает 9489 человек [14; 10, с. 26]. В тоже время по данным всеобщей переписи населения 1897 года, в Дисне реально проживало всего 6756 человек.

В конце XIX века темпы роста населения в Дисне из всех городов Виленской губернии были самыми высокими. Для сравнения, в 1884 году в Лиде проживало 4040 человек, в Ошмянах – 6073, в Свенцянах – 7090 и в Вилейке 3940 жителей [15, с. 138]. К 1895 году Дисна, по данным статистики, была самый крупным уездным городом губернии.

Первая всеобщая перепись населения российской империи проводилась в 1897 году по самым современным на тот момент методикам. Как уже указывалось, переписчики обнаружили в городе реально проживавших 6756 жителей. Необходимо отметить то, что изменений в сословной структуре жителей почти не произошло. Число дворян, духовенства и чиновничества почти не изменилось, значительно уменьшилось по сравнению с показателями предыдущих лет лишь число проживавших в городе мещан, но зато стало больше крестьян – их теперь в Дисне насчитывалось 786 человек (это более 11 %). Реально указана конфессиональная принадлежность жителей города и эти показатели не вызывают никаких сомнений. Так, православных в городе насчитали 1205 жителей или 17,8 %; католиков – 882 или 13 %; евреев – 4617 человек или 68,5 % от всего городского населения. Остальные – это магометане, протестанты, старообрядцы, они составили 0,7 % населения, или 52 человека [18, с. 75].

Интересно, что на белорусском языке говорили 1567 жителей города, то есть и православные и католики (за очень редкими исключениями), на великорусском говорили 396, на малорусском (украинском) 2, на польском – всего 187 (преимущественно дворяне), на иврите 4590, хотя евреев проживало 4617 человек. Оставшиеся 26 евреев говорили, скорее всего, на русском или на белорусском. Эти данные лишний раз доказывают, что на Беларуси католик – это не поляк, как это активно пытался доказать Эдвард Малишевский, который усиленно искал проявления «польскости» в Дисненском уезде в начале XX века [17, p. 14].

В начале XX века жесткий экономический кризис четко определил перспективы белорусских городов. В выигрыше оказались все населенные пункты, через которые прошли железные дороги. Дисна к числу таковых городов не принадлежала. Как результат, в 1904-1908 годах происходит еще один спад численности горожан. Если в 1904 году число горожан составляло 9113 человек (4501 мужчин и 4612 женщин), большинство из которых (68 %) были евреями [19, с. 63], то в 1909 году в городе проживало всего 7307 человек. Бывший крупнейший уездный город Виленской губернии – Дисна – уступает по числу жителей Лиде (11056), Сморгони (12091), Ошмянам (7979) [20, с. 29].

Данные по конфессиональному составу горожан на 1910 год логично укладываются в устоявшуюся десятилетиями структуру: лидирующие позиции занимают евреи, их 3973 или 54,4%, на втором месте находятся православные, их 2149 человек, или 29,4 %; на третьем месте – католики, их 1161 или 15,9 %. Остальных вероисповеданий 0,3 % или 20 человек [21, с.73].

В связи с экономическим подъемом, начавшимся с 1909 года, городское население Дисны в 1913 году выросло до 8,5 тысяч человек и продолжало расти дальше [22, с. 20]. Согласно данным общероссийского статистического ежегодника в 1912 году совокупное население городов Дисны и Друи (заштатный

город уезда) составило 13,6 тыс. человек, а в 1915 году – 14,5 тыс. человек [23, с.33].

Средний темп роста городов Беларуси за период 1897-1913 годов составил около 150 %. Были города, такие, как Полоцк, Гомель, Орша, Лида, темпы роста которых составили 180-280 %. Это были бурно развивавшиеся промышленные центры, располагавшиеся на оживленных железных дорогах. Темпы роста некоторых городов были ниже, в том числе и у Дисны, всего 126,5 % [22, с.21].

Стоит упомянуть, что наемная сила в рассматриваемом нами городе уже не стоила так дорого, как в начале или середине XIX века. Так, мужчина-чернорабочий получал за день до 1 рубля, женщина – до 60 копеек. Это были средние цифры по губернии за 1910 год. Прислуга в домах городской аристократии стоила 8-10 рублей в месяц без содержания, и 2-4 рубля с содержанием [21, с. 118].

В 1904 году в городе были самые дешевые квартиры во всем Северо-Западном крае. Например, аренда квартиры из 6 комнат и более обходилась в 100-200 рублей за год, аналогичная квартира в Лиде обошлась бы уже в 600 рублей. Аренда квартиры из 4-6 комнат в Дисне обходилась в 50-100 рублей за год, аналогичная в Лиде – 200-500 рублей. Малая квартира (до 4-х комнат) в Дисне стоила 25-50 рублей за год, аналогичная в Лиде – 150-200 рублей [19, с. 68-128]. Очень медленными темпами увеличивался жилой фонд города, что также было показателем слабости и, возможно, неопределенных перспектив экономического развития города. Так, если в 1897 году в Дисне насчитывалась 1171 квартира, то в 1910 году их стало всего 1235, что на фоне других городов Беларуси дало самый незначительный прирост [24, с. 177-190].

Не смотря на наличие большого количества свободных рук, город не стал промышленным центром. В этом была определенная вина купцов, не желавших инвестировать в долгосрочные рискованные проекты промышленного строительства. Торговые операции всегда приносили быструю и верную прибыль. Но более всего содействовало всяческому развитию городов железнодорожное строительство. В нашем случае железная дорога не только обошла город стороной, но более того, Риго-Орловская дорога, взяв на себя весь грузопоток, убила торговлю по Западной Двине – многовековой источник относительно стабильного существования для Дисны и еще ряда городов на берегах этой крупнейшей в северной части Беларуси реки.

Правительство проводило политику недопущения в белорусские города польского населения из перенаселенных Привисленских губерний с целью не допустить повторной полонизации региона. Соответственно, белорусские города не получили возможных инвестиций, которые могли поспособствовать их еще более быстрому экономическому развитию. Так, виленский генерал-губернатор П.Д. Святополк-Мирский в своем аналитическом отчете отмечал, что «стремясь оберечь местное население от наплыва новых элементов польской народности, которые могли бы усилить ее в местных городах, я в отношении городского населения принимаю меры, чтобы облегчить единение польского и русского обществ, внести успокоение в местную общественную

среду в сознании, что слияние разнородных элементов возможно лишь в состоянии мирного покоя, а не враждебной бури. Городской элемент поляков более либерален и поэтому более настроен против правительственной власти и ее политики, чем элемент помещичий, представляющий из себя группу консерваторов» [25, с.113]. Сообразно с данным мнением выстраивалась и проводилась программа управления белорусским регионом в рассматриваемый период.

Список использованной литературы

1. Еремян В.В., Федоров М.В. История местного самоуправления в России (XII - нач. XX в.) : Учеб. пособие / В.В.Еремян, М.В.Федоров. - М. : Изд-во Рос. ун-та дружбы народов, 1999. - 292, [3] с.
2. Лаптева Л.Е., Региональное и местное управление в России. Вторая половина XIX века / Л.Е. Лаптева. – М., 1998.
3. Hedemann O. Dzisna i Druja. Magdeburskie miasta / O. Hedemann. – Vilno, 1936.
4. Из отчета Минского губернатора за 1828 г. о городских доходах и расходах // Белоруссия в эпоху феодализма : Сб. док. и материалов: В 3 т. / Акад. наук БССР, Ин-т истории, Арх. упр. МВД БССР; [Редкол.: А.И.Азаров и др.]. - Мн. : Изд-во АН БССР, 1959-1961. – Т. 3: Воссоединение Белоруссии с Россией и ее экономическое развитие в конце XVII-первой половине XIX века (1772-1860) / Сост.:В.В.Чепко, В.В.Шатилло; Ред.:В.В.Чепко,В.Н.Жигалов - С. 511 (625 с.)
5. Сведения о населении городов Минской и Гродненской губернии // Белоруссия в эпоху феодализма : Сб. док. и материалов: В 3 т. / Акад. наук БССР, Ин-т истории, Арх. упр. МВД БССР; [Редкол.: А.И.Азаров и др.]. - Мн. : Изд-во АН БССР, 1959-1961.. – Т. 3: Воссоединение Белоруссии с Россией и ее экономическое развитие в конце XVII-первой половине XIX века (1772-1860) / Сост.:В.В.Чепко,В.В.Шатилло; Ред.:В.В.Чепко,В.Н.Жигалов - С. 513 (625 с.)
6. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба: Виленская губерния / Сост.: А. Корево. – Вильно, 1859.
7. Экономическое состояние городских поселений Европейской России в 1861-1862 гг. – Часть 1. – СПб., 1863.
8. Памятная книжка Виленского генерал-губернаторства на 1868 год. – СПб., 1867.
9. Памятная книжка Виленской губернии на 1879 год. – Вильно, 1879.
10. Обзоры Виленской губернии за 1883-1900 годы. – Вильно, 1884-1901.
11. Виленский календарь на 1888 год. – Вильно, 1887.
12. Виленский календарь на 1901 год. – Вильно, 1900.
13. Из отчета виленского губернатора №18 за 1896 год // Дакументы і матэрыялы па гісторыі Беларусі / Акад. навук БССР, Ін-т гісторыі; Пад рэд.: Н.М.Нікольскі і інш.. - Мн. : Выд-ва Акад. навук БССР, 1940.. – Т. 2. – Мн., 1940.
14. Памятная книжка Виленской губернии на 1898 год.
15. Виленский календарь на 1885 год. – Вильно, 1884.
16. Сапунов А.П., Река Западная Двина. Историко-географический обзор / А.П.Сапунов. – Витебск, 1893.
17. Maliszewski E. Polacy i Polskosc na Litwe i Rusi / E. Maliszewski. – Warszawa, 1914.
18. Первая всеобщая перепись // Сост. Ширяев Е.Е. Беларусь : Русь Белая, Русь Черная и Литва в картах / Е.Е.Ширяев; Моск. о-во Белорус. культуры им. Ф.Скорины. - Мн. : Навука і тэхніка, 1991.
19. Города России в 1904 году. – СПб., 1906.
20. Обзор Виленской губернии за 1909 год. – Вильно, 1910.
21. Города России в 1910 году. – Петроград, 1914.
22. Богданович А.В., Сидоров П.А., Города Белоруссии. Краткий экономический очерк / А.В. Богданович, П.А. Сидоров. – Мн., 1967.

23. Статистический ежегодник России за 1915 год. – Петроград, 1916.
24. Экономика Белоруссии в эпоху империализма 1900-1917 / [М.Г. Матусевич и др.; под ред. Г.Т. Ковалевского и др.]; Академия наук Белорусской ССР, Институт экономики. - Минск : Издательство Академии наук БССР, 1963. - 420, [2] с.
25. Всеподданнейший отчет...» виленского, гродненского и ковенского генерал-губернатора П.Д. Святополк-Мирского Николаю II // Беларускі гістарычны часопіс. – №2. – 1997. – С.94-116.

Сергей Фадеевич Шимукович, кандидат исторических наук, доцент, заместитель директора института государственной службы - декан факультета подготовки Академии управления при Президенте Республики Беларусь.

УДК 351.755.361

Александра Онищук (Вроцлав)

УРБАНИЗАЦИЯ БЕЛОСТОКА: ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ НА ОСНОВЕ ПЕРВОЙ ВСЕОБЩЕЙ ПЕРЕПИСИ НАСЕЛЕНИЯ 1897 г.

В статье рассматриваются результаты первой всеобщей переписи 1897 г., которые, несмотря на статичный характер материала, могут служить интересным источником для изучения вопросов, связанных с процессами урбанизации. Во внимание приняты такие показатели как возраст, сословие, грамотность, профессии.

Понятие урбанизации имеет двойной характер: с одной стороны, это **процесс**, а значит, нечто динамичное (изменение человеческой деятельности, общественно-экономические изменения, поведение населения), с другой же, урбанизация может рассматриваться как **состояние** (т.е. результат процесса – численность и размер центров оседлости, пропорции городского и сельского населения, уровень концентрации населения в больших городах) [12, с.37].

Развитие города (то есть урбанизация в первом значении) зависит, как заметил Витольд Кусински, от трех факторов: природных, технических и особенно общественно-экономических [5, с.29]. Все они влияют на преображение города, на изменение его функций, а также формируют пространственную структуру города: его размер, планировку и урбанизированный облик [5, с.29]. Кажется, что между структурой населения и процессами урбанизации существует корреляция. Поэтому считаю необходимым включить в обсуждение темы урбанизации исследование населения городской территории. Исходя из этого предположения, будет проведен анализ результатов переписи населения Белостока.

Современные общие переписи содержат множество критериев, согласно которым разделяется изучаемое население, что способствует более полному анализу его свойств. Исходной идеей является отход от прямого, известного уже в древнее время (Египет, Израиль) [1, с.611] подсчёта по «головам» [2, с.40]. Цель современных «счётных мероприятий» – изучение популяции в развитии, что позволяет указать на перемены и спрогнозировать тенденции будущего [9, с.11].

При проведении всеобщей переписи 9 февраля 1897 г. считалось все население, находившееся в данный момент в данном месте (а также временно отсутствующее), причем во внимание принимались следующие аспекты: вероисповедание, язык, социальное положение, грамотность, профессия; также была выделена подкатегория лиц с физическими недостатками. Результаты исследований для всей Гродненской губернии были изданы 7 лет спустя в виде книги под названием *Первая всеобщая перепись населения Российской Империи 1897 г. т. XI, Гродненская губерния* (Санкт-Петербург, 1904). Они были представлены на 320 страницах, включая 28 различных таблиц, в которых сопоставлялись исходные данные. Кроме многообразия таблиц, еще одним достоинством переписи является группировка данных согласно территориальным единицам (здесь присутствуют как данные обо всем населении губернии, так и более подробные, касающиеся только уездов, городов, уездов без учёта городов или только городов). Все это способствует адекватному воспроизведению структуры изучаемой группы. Несмотря на допущенные при проведении переписи неточности, этот статистический материал следует считать вполне качественным и соответствующим действительности [11, с.4-22]. Это первая настолько точная перепись. К сожалению, отсутствуют данные, с которыми можно бы было сопоставить ее результаты, что с методологической точки зрения было бы полезным.

При изучении населения Белостока нами были приняты во внимание такие факторы, как вероисповедание и язык, важные для реконструкции этнического состава. Следующий аспект, на который стоит обратить внимание, это принадлежность к определенному сословию. Далее будет рассмотрен еще один особенно важный с точки зрения урбанизации аспект – профессиональный.

Для более ясного понимания описываемых нами явлений, данные по Белостоку будут сопоставлены с данными для города Гродно, который в 1897 году считался вторым по величине городом губернии, хотя его население было на 30% меньше (66 032 человека проживало в Белостоке и 46 919 – в Гродно). Необходимо отметить, что данные относительно духовных лиц не вошли в сферу нашего интереса.

Общие цифры

По площади Белостокский уезд (отсутствуют данные для самого города) занимал среди всех уездов Гродненской губернии последнее место – 2 551,8 квадратных верст; для сравнения – Слонимский, самый большой – 6 261, 1 кв. верст [10, с.1]. Однако этот небольшой по размеру Белостокский уезд обладал наибольшей плотностью населения – 80,97 человек на квадратную версту, а слабее же всех заселён был Слонимский уезд [10, с. IV]. В то же время в Гродненском уезде проживало 54,67 человека на квадратную версту. Уже эти замечания позволяют сделать вывод относительно застройки Белостока. Небольшая, но густо заселенная поверхность предполагает собой иной тип застройки, чем города, «обладающее пространством».

Население Белостокского уезда – 109 161 мужчин и 97 454 женщин (в целом, 206 615 лиц). В самом Белостоке, отличающемся по этому показателю от других городов губернии, проживала почти третья часть всего населения

уезда (66 032) [10, с.42]; остальные крупные населенные пункты – Гониондз, Кнышин и Сураж насчитывали менее четырех тысяч жителей. Белосток абсолютно доминировал в уезде как центр оседлости. Для сравнения, в Гродненском уезде городское население Гродно составляло пятую часть всего населения, а в Слонимском уезде население Слонима составляло лишь пятнадцатую часть от числа всех жителей уезда [10, с.1]. Белосток, как видно, был особенно привлекательным для поселения, доказательством чего является почти двойной рост его жителей за двадцать лет до переписи (1878-1897) [4, с.258].

О значительной степени социальной мобильности свидетельствует происхождение населения: лишь 49% жителей города принадлежало к местному населению (уроженцы Белостокского уезда), 31% приехал из других уездов Гродненской губернии.

Таблица I: Распределение населения Белостока по сословным группам и месту рождения

Место рождения / Сословные группы	Сельское сословие	Потомственные дворяне	Личные дворяне, чиновники не из дворян и их семьи	Прочие сословия	Все сословия
Уроженцы того же уезда, где живут	3 766	319	65	27 877	32 027
Уроженцы других уездов той же губернии	4 158	230	136	15 653	20 177
Уроженцы других губерний	4 566	744	235	7 579	13 124
Уроженцы других государств	54	15	3	632	704
Итого	12 574	1 308	439	51 741	66 032

Источник: Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. – Т. XI. Гродненская губерния. – Санкт-Петербург, 1904. – С. 42 – 45.

В 1897 г. в Гродненской губернии проживало 2 943 человека, рожденных в других государствах, из которых 1 208 проживало в городах этой губернии (в Гродно – 201 человек) [10, с.42]. Следует подчеркнуть, что 58% жителей всей губернии, которые были рождены за границей, проживали именно в Белостоке. Это объясняется развитием промышленности региона, поскольку большинство заводов строилось прусскими и польскими (в том числе и еврейскими) предпринимателями. Часть из них приехала в Белосток около 1832 г., когда после установления таможенного барьера между Царством Польским (Королевством Польским) произошел кризис в польском суконном производстве, зависимом от российских рынков. Таким образом, многие предприниматели преодолели таможенную границу [3, с.18-19]. Часть из них осталась и получила статус российских подданных.

Жителей, рожденных за границей Российской империи (эту категорию можно отнести к двум группам населения: 1. дети подданных Российской империи, рожденные в других государствах и 2. натурализованные иностранцы, которые получили статус подданных Российской империи на основании закона от 1864 г.), данные статистического материала отличают от иностранных подданых – итак, в Белостоке проживало 1 413 иностранцев, что составляет 2,1% всех жителей Белостока. Исходя из приведенных данных можно утверждать, что Белосток – «самый иностранный» город Гродненской губернии. Иностранцы в Белостоке составляли 30% всего иностранного населения губернии, в том числе они составляли 75% всех иностранцев, проживающих в городах Гродненской губернии, что является, на наш взгляд, весьма показательной тенденцией. В то время в Гродно постоянно проживало 144 иностранных подданных, а во всей губернии 4 722 жителя имели такой статус.

В 1897 г. иностранцы, проживающие в Белостоке, это в большинстве своем постоянное население, а не приезжающие на короткий период граждане других государств. В Белостоке во время переписи жителей, относящихся к категории временно прибывшего населения, было зафиксировано 14 мужчин и 7 женщин. В том же году в Гродно не проживали иностранные подданные, лишь временно пребывающие в городе [10, с.4]. Надо заметить, что количество людей, приехавших из-за рубежа, весьма влияло на архитектуру и характер города. Как уже было сказано, иностранцы (по большой степени из немецкоязычных стран) выступали в городе в качестве строителей заводов, инициаторов создания предприятий. Без сомнения, они привозили с собой новые знания, неизвестные городским мастерам строительные методы и идеи, влияя на урабанизационные процессы.

Таблица II: Распределение населения (не местных и иностранцев) по месту рождения (иностранные государства)

Государство	Не местные уроженцы		Иностранные подданные	
	Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины
Австро-Венгрия	70	48	146	124
Бавария	1	-	1	-
Бельгия	1	2	2	1
Болгария	-	2	-	1
Великобритания	2	-	3	1
Вюртемберг	2	-	-	-
Германия	44	52	29	40
Голландия	-	1	1	1
Греция	1	-	-	-
Дания	1	-	-	-
Италия	3	-	2	-
Пруссия	179	231	500	520
Саксония	5	5	6	5
Сербия	-	1	-	-
Турция (европ. и азиат.)	17	-	15	-

Франция	3	7	2	4
Швейцария	2	5	2	5
Персия	1	1	1	-
США	1	3	-	-
Бразилия	5	-	-	-
Все иностранные государства	342	362	710	703

Источник: Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. – Т. XI. Гродненская губерния. – Санкт-Петербург, 1904. – С. 54.

Распределение населения Белостока по возрастным группам позволяет проследить тенденции, типичные для всех городов губернии, такие как заметное преобладание женщин в большинстве сословных и возрастных групп. Как правило, этот перевес не касался группы 20-29-летних – здесь имела место обратная тенденция, но в Белостоке она особенно четко видна: женщины составляли здесь лишь 49.72% населения. Этот численный перевес мужчин уже авторами комментария к изданию статистического материала объяснялся «наплывом из сельских местностей массы рабочего люда, а, кроме того, присутствием значительного количества войска» [10, с.X].

Таблица III: Распределение населения по возрастным группам

Возраст	Муж-	Женщины
Дети моложе 1 года	913	900
От 1 года до 9 лет включая	7 167	7 026
10-19	6 479	8 146
20-29	8 897	6 382
30-39	3 999	3 863
40-49	2 612	2 683
50-59	1 800	1 930
60-69	1 078	1 058
70 и больше	547	515
Неизвестного возраста	16	20
Итого	33 508	32 524

Источник: Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. – Т. XI. Гродненская губерния. – Санкт-Петербург, 1904. – С. 110 – 111.

Грамотность и образование

Рост значения образования, как один из факторов, сопровождающих процессы урбанизации, ярко прослеживается в Белостоке. В конце XIX ст. в городе находилось множество учебных заведений (самая престижная реальная школа, бывший Институт Благородных Девиц и обилие низших школ, общих и конфессиональных) [8, с.178-181], которые являлись одной из причин притока населения из окружающих местностей в Белосток и могут рассматриваться как «фактор, способствующий урбанизации» [4, с.279].

Общий уровень грамотности в целой Гродненской губернии составлял в 1897 г. 29.2% (48.4% в городах). Согласно общей «городской» тенденции, население Белостока по большой части было грамотным (49,3%), причём общая грамотность населения уезда была особенно высокой – составляла 42,8%, что резко отличало этот уезд от остальных. Даже, если в других уездах и других городах уровень грамотности был выше, чем в Белостоке (примером служит Гродно с 53.9 % или Волковыск с 57.6 % грамотных), Белостокский уезд в целом резко преобладает над другими по численности грамотных. Это можно объяснить доминирующей позицией Белостока в уезде; как уже отмечалось ранее, жители Белостока составляли третью часть населения уезда, что и объясняет высокие статистические показатели. Можно предполагать, что отсутствие других городских центров, «производящих» хотя в минимальной степени образованную рабочую силу, обеспечивало Белостоку лидирующую позицию в районе.

Наиболее образованными были дворяне и чиновники не из дворян: уровень их грамотности составлял 85% (наиболее значительный для девушек в группе 10-19 лет и мужчин 20-29 лет) [10, с.64]. В высших учебных заведениях разного типа обучалось 96 человек (в том 6 женщин). В средних школах училось 735 человек (в том 313 женщин) [10, с.64].

Интересно, что в следующей группе, т.е. среди 50 104 почетных граждан, купцов, мещан и других городских сословий, было только 48,4% (24 243) грамотных (самое большое количество – в возрастной группе девушек 10-19, чуть меньше среди мужчин 20-29-летних). Лишь 34 человека обучались в высших учебных заведениях (в том 7 женщин) и 479 в средних школах (в том 165 женщин) [10, с.65]. Особое внимание привлекает возрастная группа парней 10-19-летних: среди них в два раза больше учеников средних школ, чем в старшей группе.

Можно было бы предположить, что категория сельского населения (крестьяне, казаки, иностранные поселенцы) была грамотной в незначительной степени, однако, как указывают данные, 45% из них принадлежало к числу грамотных. Правда, высоко образованными их назвать нельзя: только 2 мужчин из этой группы поступили в высшее учебное заведение, а 67 учились в школе (в том числе 9 женщин) [10, с.65].

Статистический материал также содержит данные о лицах, не принадлежавших к выше обозначенным группам, и отдельно об иностранцах. Стоит отметить, что именно в этой последней категории процент грамотных наиболее высок – достигает 65,3% всех иностранцев. По данным, лишь 3 мужчин и такое же количество женщин получали образование в высших и 66 (в том числе 17 женщин) в средних учебных заведениях, что предположительно является неточностью в подсчётах.

На основании данного материала можно предполагать, что относительно высокий уровень грамотности и образования влиял на степень «городского» характера Белостока, на способ времяпрепровождения, который можно было считать все более «городским». Грамотность способствовала развитию полиграфических предприятий, расширению круга читателей, имеющих доступ к

политической литературе, выпускавшейся бурно развивающимися рабочими организациями.

Профессии

Структура занятий белостокского населения была связана с функциями самого города. В конце XIX ст. Белосток являлся центром промышленности, особенно суконной (о чем свидетельствует его слава «Манчестера Севера»), имеющей здесь долгую традицию, насчитывавшую десятилетия. Город играл также роль административного центра (главный город уезда) и военного центра (большое количество военных сил, располагавшихся здесь, было связано с приграничным положением города; численность гарнизона возросла в связи с восстаниями в Царстве Польском). На значение Белостока влияли также вышеупомянутые образовательные заведения и проходящий через город железнодорожный путь (с 1873 город имел связь с Киевом, с 1885 с Москвой и более отдаленными территориями на востоке) [3, с.36]. Многообразие этих функцией предопределило и многообразие потенциальных профессий.

Несмотря на это, наибольшее значение среди жителей Белостока играли профессии, связанные с промышленностью и разного типа производством. Первое место занимала обработка волокнистых веществ, а также другие специальности в фабричной сфере (развивающаяся с 90-ых годов обработка металлов) [4, с.283] были настолько многочисленны, что к концу XIX столетия, по подсчетам С.Калабинского и П.Корца, рабочих в городе насчитывалось около 80% [7, с.172]. Это влияло на облик города: строились фабрики и небольшие по размеру предприятия, развивались заводы по производству строительных материалов. Можно предположить, что многочисленность этой группы населения влияла на строительные нужды города: здания, построенные для работников (в большой степени принадлежащие к числу холостых) не отличались особыми удобствами и изящной архитектурой [10, с.34].

Среди других профессий, особенно важных при рассмотрении урбанизационных процессов, надо обратить внимание на такую деятельность, как: учебная и воспитательная, врачебная и санитарная, полиграфическая, а также профессии, связанные с железными дорогами и обменом информацией: почта, телеграф и телефон (этот последний, появившийся городе с 1891 г., имел огромное значение для Белостока как промышленно-торгового центра; уже с первых лет в городе насчитывалось 360 абонентов) [8, с.174]. Интересно, что несмотря на большую численность населения Белостока, количество лиц, работающих при обслуживании почты, телеграфа и телефона было ниже, чем в Гродно (120 человек).

Чертой, характерной для Белостока, было то, что он резко отличался от других городов по численности купцов – в 1897 во всем городе их было 1 163 человек (абсолютное большинство всех купцов этого уезда – 1 281). Ни в одном другом городе Гродненской губернии не было столько людей, занимавшихся торговлей (для сравнения – в то же время, в Гродно, где проживало всего на 20 тысяч меньше жителей, находилось 525 купцов) [10, с.2]. Обмен товаров – одна из важнейших функций городов – был в Белостоке бурным.

Стоит обратить внимание, что земледельцев – населения типично сельского – проживало в Белостоке особенно мало (лишь 138 человек).

Таблица IV: Главные группы занятий

Группы занятий	Самостоятельные			Члены семей
	Мужчины	Женщины	Итого	
Администрация, суд и полиция	264	-	264	479
Вооруженные силы	3 895	-	3 895	329
Учебная и воспитательная деятельность	518	119	637	1 158
Врачебная и санитарная деятельность	146	63	209	240
Частная деятельность и служба частная. Прис., поденщики	1 671	2 910	4 581	2 778
Доходы с капитала и недвижимого имущества, средства родителей и родственников	601	409	1010	1 680
Земледельцы	125	13	138	403
Обработка волокнистых веществ	3 137	1 369	4 506	6 754
Обработка животных продуктов	264	9	273	368
Обработка дерева	650	3	653	1 410
Обработка металлов	626	29	655	1 017
Обработка растительных и животн. питат. продуктов	472	101	573	862
Полиграфические производства	142	15	157	191
Изготовление одежды	1 882	1 277	3 159	3 722
Стр., ремон., содержан. жил. и строительные работы	988	-	988	2 091
Железные дороги	205	1	206	525
Почта, телеграф и телефон	91	6	97	110
Кредитные и обществен. комерческие учреждения	145	1	146	180
Торговля всех типов, посредничество	2 469	767	3 236	7 229

Чистота и гигиена тела	76	372	448	349

Источник: Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. – Т. XI. Гродненская губерния. – Санкт-Петербург, 1904. – С. 196.

Итог

При рассмотрении вопросов урбанизации необходимым кажется принять во внимание, что размер и пространственная организация города зависят от экономическо-общественной структуры его жителей. Облик города является отражением функциональной структуры и уровня технической мысли, проявляющейся в архитектуре [5, с.29]. Белосток служит здесь хорошим примером. **Этническое разнообразие** вместе с **множественными функциями** города, который был административным, военным, промышленным центром, привело к его, своего рода, «тематизации» (это понятие социологи используют в несколько ином значении по отношению к современному периоду) [6, с.103-124]. С одной стороны, развивалась густо населенная еврейская часть города с большим количеством зданий исключительно конфессионального назначения, доступных только для 49% населения. С другой же – можно было выделить административную часть с преобладающими здесь двумястами десятью чиновниками и район, выделенный для армии (почти 4 тысячи людей). Строились типично промышленные районы, притягивающие городское и сельское население (около 5 тысяч людей), которые приезжали в Белосток в поисках работы. Нет сомнений, что этническое и сословное разнообразие (в том числе благодаря соперничеству различных групп населения) способствовало подъему креативности и вводу новых методов производства неизвестных в этом районе.

Исходя из приведенных, данных можно утверждать, что Белосток 1897 года был типичным городом, проходившим этап развивающейся промышленности: большая часть населения занималась изготовлением товаров, чаще всего на заводах. В свою очередь купцы, так многочисленные в Белостоке, действовали как посредники и способствовали развитию торговли. Способ зарабатывания указанных преобладающих в городе групп характерен для городской модели функционирования. Обилие этих групп свидетельствует об относительно высоком уровне урбанизационного потенциала.

Список источников и литературы

1. Fogelson, S. Spisy i szacunki ludności / S. Fogelson // Encyklopedia Nauk Politycznych. Zagadnienia polityczne i gospodarcze. – Warszawa, 1939. – T. 3.
2. Holzer, J. Z. Demografia / J. Z. Holzer. – Warszawa, 1999.
3. Korzec, P. Pół wieku ruchu rewolucyjnego Białostocczyzny (1864-1914) / P. Korzec. – Warszawa, 1965.
4. Kusiński, W. Przemiany funkcji Białegostoku w przeszłości / W. Kusiński // Rocznik Białostocki. – 1965. – T. VI.
5. Kusiński, W. Rozwój przestrzenny miasta Białegostoku / W. Kusiński // Studia i materiały do dziejów Białegostoku. – Białystok, 1968. – T. 1.

6. Lorens, P. Tematyzacja przestrzeni publicznej miasta / P. Lorens // Przemiany miasta. Wokół socjologii Aleksandra Wallisa, редкол. Jałowiecki B., Majer A., Szczepański M. S. – Warszawa, 2005.
7. Markowski, A. Sojusz biedy i ciemnoty, czyli rzecz o problemach społecznych robotników żydowskich na Białostocczyźnie na przełomie XIX i XX wieku / A. Markowski // Żydzi i judaizm we współczesnych badaniach polskich, редкол. Pilarczyk, K. – Kraków, 2008.
8. Mościcki, H., Białystok. Zarys historyczny / H. Mościcki. – Białystok, 1933. – T. IV.
9. Pavlik, Z. Demograficzne, geograficzne, ekonomiczne i społeczne problemy spisów ludności w rozwoju historycznym / Z. Pavlik // Roczniki Dziejów Społecznych i Gospodarczych. – T. XXVIII. – Poznań, 1967.
10. Первая всеобщая перепись населения Российской Империи 1897 г. – Т. XI. Гродненская губерния. – Санкт-Петербург, 1904.
11. Szulc, S. Wartość materiałów statystycznych dotyczących stanu ludności b. Królestwa Polskiego / S. Szulc. – Warszawa, 1920.
12. Urbańska, D., Urbanizacja na świecie / D. Urbańska. – Warszawa, 2007.

Александра Георгиевна Онищук, докторант Исторического Института Вроцлавского Университета, занимается изучением истории XIX века, особенно вопросами, связанными с историей польских евреев.

УДК 343.139:343.6(438)

Артур Марковски (Варшава)

ПРОМЫШЛЕННЫЙ ГОРОД КАК ПРОСТРАНСТВО СОБЫТИЙ, СВЯЗАННЫХ С ЕВРЕЙСКИМ ПОГРОМОМ: БЕЛОСТОК 1906 Г.*

В статье на основе метода «густого описания» (thick description) рассматриваются события еврейского погрома в Белостоке 1906 г. Сделан анализ топографии погрома в контексте пространства промышленного города.

Введение

1 – 3 (14 – 16) июня 1906 г. в Белостоке, одном из крупных центров промышленности западных окраин Российской империи, произошел погром еврейской части населения[1]. Официально более чем 80 евреев и 6 христиан было убито. Около 111 квартир и более чем 120 лавок и магазинов было разрушено, при этом только 3 фабрик и заводов. Белостокские события вошли в историогоафию под названием «белостокский погром», хотя мы должны понимать, что реч идёт о случае антиеврейского насилия – одного из последних погромов евреев второй волны в имперской России[2].

Историография погромов в России использует прежде всего глобальный сровнительный подход. Тема разработана группой учёных, связанных с умершим недавно Джоном Клиером, которые пытались объяснить причины возникновения волны антиеврейского насилия в России. Исследователи со Шломо Ламброзой во главе использовали из-за сложностей доступа к российским ис-

* Ілюстрацыі да артыкула Артура Маркоўскага змешчаныя ў Дадатку 1.
[1] Еврейское население составляло в Белостоке на рубеже XIX – XX вв. около 70% всех жителей города.
[2] Последний произошел в августе в городе Седлце, принадлежащим Царству Польскому.

точникам в большинстве прессу и воспоминания, а также изданные государственные источники. Не было вазожности работать с архивными документами. Из-за этого до сих пор осталось очень много неизвестных фактов, как, например, связь событий с городским пространством и социотопография погрома. В этой области мы не сможем получить хороших результатов исследования, опираясь на сравнительный подход. Как я думаю, нам нужен метод, позволяющий более глубоко, на локальном уровне искать отдельных случаев и событий, происходящих во время погрома. Такие возможности дает так называемое «густое описание» (thick description). Метод заключается в том, что описывается узкое историческое событие разнообразно, со всех сторон. Ключ метода – узкие географические и хронологичесие рамки.

Источники

Погромные дела очень хорошо представлены в – прежде всего – трёх типах источников. Первый из них – это источники официального правительственного происхождения: рапорты, телеграммы, полицейские документы, а также официальная, подлежавшая цензуре, пресса. Второй тип – документы зарубежной дипломатии и зарубежная пресса (прежде всего дипломатические документы Англии, Германии, Франции и США). Третий тип – самый интересный дла нас – это документы думской комиссии и опозиционных политических груп первой госдумы. Среди них находятся так называемые мною послепогромные книги (антиправительственная публицистика – сборники материалов и статьи о погроме, изданные членами партии труда). К ним причисляются судебные показания думских комиссии. Всё это дополняют фотографии из польской прессы и послепогромных книг. Для моего исследования очень важна карта Белостока с начала XIX ст. Она сохранилась в Государственном Архиве в Белостоке. Я использовал версию карты, размещенную на вебсайте «Путь Еврейского наследства в Белостоке».

Что произошло в Белостоке?

Три дня (1 – 2 июня) 1906 г. навсегда вписали название города *Белосток* в картины истории не только России и Польши, но и всей Европы этого времени. Хотя до сих пор функционируют в науке главным образом два способа объяснения белостокских событий. Первый: официальная версия представлена государственным аппаратом в дипломатической корреспонденции, официальных сообщениях и российской прессе (правой) и заключается в том, что в Белостоке местное население, органы местной власти и военные чины отомстили за террористическую деятельность радикальных революционных организаций[3]. Другой способ обяснения белостокских событий, представленный антиправительственной оппозицией (трудовики и социалисты): в организации погрома виноват антиеврейский курс политики российской власти. Здесь нет возможности показать полностью дискуссию в историографии XX в. (практически тема не разработана до сих пор). Надо хотя бы подчеркнуть, что современные исследования принимают как парадигму версию оппозиции.

[3] В это времия Белосток является одним из крупных центров анархизма в Российской империи; в связи с религиозной и национальной структурой общества Белостока членами этих организации были в большинстве евреи.

1 июня 1906 г. православная процессия, которая проходила по Александровской и Институтской улицах, была обстреляна из окон дома на Александровской ул. Сегодня это событие считается провокацией. Но действительно оно стало сигналом к началу погрома (Рис. 1). Очень быстро возник другой центр погрома на белостокском вокзале. Там толпа хулиганов солдаты и рабочие железнодорожного вокзала убили в первый день погрома около 40 человек.

Пространство смерти

Конечно, количества действительно убитых (официальная информация приведена выше) мы никогда полностью не узнаём. Жертвы погрома умирали, наверное, ещё несколько дней после ужасных событий. То, что для нас очень интересно, – это места, где во время погрома убивали евреев в Белостоке. В первый день самые ужасные убийства произошли на белостокском железнодорожном вокзале (около 40 чел.). В первый день ряд убийств имел место в центре горада на Николаевской и Александровской улицах. Второй и третий день погрома прошли под знаком убийств в части города, называемой Бояры. То, что бросается в глаза, это ограниченное и хорошо обозначенное пространство смерти. Только та часть города стала местом убийств, которая не была еврейским кварталом Белостока, но евреи жили в ней вместе с христианским населением, образуя религиозный и этнический социальный микст. Хотя сегодня мы ещё не можем идентифицировать всех найденных фотографий убитых во время погрома, хотя и не знаем полного количества жертв, но когда мы накладываем информацию об убийствах 1 – 3 июня – эту смертную зону мы легко определяем визуально (Рис. 2). Конечно, неслучайно зона смерти не охватывала еврейского квартала. Неслучайно также самые ужасные события произошли на белостокском вокзале. Во-первых в Белостоке создана была группа еврейской самообороны. Во-вторых, вокзал являлся своеобразным «выходом города в свет». Распространение контроля над вокзалом – это, с одной стороны, контроль над частью путей коммуникации Белостока, с другой, – доступ к новым жертвам, прибывающим в город, с третьей, – это возможность дать отпор волне евреев, бежавших перед угрозой погрома из Белостока.

Надо подчеркнуть, что ни один человек не был убит в еврейском квартале. Интересно, что в это время в город не собралось окружающее сельское население. Пример Гомеля, Одессы и других городов, через которые прошла вторая погромная волна, показывает, что во время погрома в город едет окружающее население с надеждой захватит легко имущество погромленных (в этом случае евреев). Пространство, которое стало местом погрома евреев в Белостоке, представляло собой своеобразный канал, который практически перерезал город наполовину. Может быть и по этому сложнее было добраться окружающему населению к разграбляемому имуществу практически в центе Белостока.

Пространство грабежей

Грабёж, который является частью погромных событий произошел в Белостоке прежде всего в первый день. Причем надо отметить, что мы имеем в виду не только кражу имущества, но также и его уничтожение.

Пространство грабежей ограничивалось в значительной мере главными, а значит самыми богатыми улицами Белостока (Рис. 3). Разрушены и ограблены были квартиры и дома на Николаевской, Александровской и Базарной улицах. Там сосредоточены были дома большой части белостокских фабрикантов и купцов (среди них значительное количество евреев). Когда мы попытаемся определить фазы сообытий в Белостоке, можем легко заметить, что первый день это более спонтанная и нерегулярная, направленная прежде всего на грабёж волна насилия, второй и третий дни – регулярная акция убийств евреев.

Еврейская самооборона

Еврейский квартал города Белостока (в двух частях, как Ганайки и Пяски) остался полностью нетронутым. Границей являлась улица Суражская – очень известна из-за своей роли места встречи членов революционных групп. На рубеже XIX и XX вв. практически ежедневно замечались взрывы, выстрелы, нападения и покушения прямо на Суражской улице или в переулках, расположенных рядом. С точки зрения полицейской системы Суражская являлась самым опасным регионом Белостока. На этой улице было убито несколько полицейских, среди них Деркачёв – один из лучших по мнению жителей Белостока полицейских, хорошо относившихся к евреям, похороны которого и участие в них еврейского населения Белостока стали истоком генезиса белостокского погрома.

Вооруженые силы еврейских революционеров и анархистов (можно смело сказать, что каждый член радикальной организации имел доступ к оружию) эффективно тормозили вход погромщиков в еврейский квартал, тем самым спасая жизнь и честь еврейского населения, защищая имущество еврейских семей (Рис. 4).

Случаи еврейской самообороны известны уже во время других ранее происходящих погромов (например, Одесса).

Погром в промышленном городе

Как же были связаны погромные события с пространством промышленного города, каким являлся Белосток в это время? Следует особо подчеркнуть, что во время погрома было уничтожено, прежде всего, имущество, связанное с жильём. Только 3 небольшие фабрики были разгромлены. Погром распространялся в неиндустриальных районах Белостока, прошел мимо крупных фабрик и заводов (хотя они принадлежали отчасти нееврейскому населению, всё равно представляли очень хороший объект для грабежа и уничтожения). Анализируя топографию погрома в Белотоке, легко можем констатировать, что события кто-то регулировал, определял места и районы, в которых надо было появляться погромщикам. Кто и как это делал, навсегда останется неизвестным.

Список источников и литературы

1. Korzec, Paweł. Pół wieku dziejów ruchu rewolucyjnego Białostocczyzny (1864-1914) / Paweł Korzec. – Warszawa, 1965.
2. Lambroza, Shlomo. The Pogroms of 1903-1906 / Shlomo Lambroza // Pogroms. Anti-Jewish Violence in Modern Russian History. Ed. J. Klier I Shlomo Lambroza. – Cambridge et al, 2004.
3. Кровавая политика и Белостокский погром. – Москва, 1906.
4. Дело о погроме в Белостоке. – Санкт-Петербург, 1909.

5. Rogger, Hans. Russia in the Age of Modernization and Revolution 1881-1917 / Hans Rogger. – London-New York, 1983.
6. Judge, Edward H. Easter in Kishiniev. Anatomy of a Pogrom / Edward H. Judge. – New York-London, 1992.
7. Romaniuk, Zbigniew. Żydzi białostoccy do 1915 roku / Zbigniew Romaniuk // Studia i materiały do dziejów miasta Białegostoku. – Białystok, 2001. – Tom V.
8. Одесский погром и самооборона. – Париж, 1906.

Артур Казимирович Марковски, доктор истории, адъюнкт в Историческом Институте Варшавского Университета, специализируется на социальной истории евреев «черты оседлости» и Царства Польского. С 2000 до 2003 г. координатор междисциплинарного проекта *«Sztetł – Wspólne Dziedzictwo»*, с 2009 г. участник международного исследовательского проекта *«Forms of Jewish Self-Government in Poland from Medieval Times to Present»*. Автор книги *Między Wschodem a Zachodem. Rodzina i gospodarstwo domowe Żydów suwalskich w pierwszej połowie XIX wieku* (Warszawa, 2008)

УДК 94

Ирина Вавренюк (Брест)

АНТИСЕМИТИЗМ КАК ПРОБЛЕМА РАЗВИТИЯ ЕВРЕЙСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ПОЛЕССКОГО ВОЕВОДСТВА (1921-1939гг.)

В работе рассматривается антисемитизм как негативное явление польского общества на территории Полесского воеводства (1921-1939гг.), выделяются его этапы, особенности. На основе архивных данных описывается еврейский погром 1937 г.

С 1921 года, после подписания Рижского мирного договора, еврейское население, проживавшее на территории белорусских земель с незапамятных времён, оказалось совершенно в новых политических условиях.

Для национально-демографического развития еврейского населения Полесского воеводства были характерны следующие особенности (1921-1939 гг.): размещение еврейского населения сохранило традиционные черты расселения евреев в «черте оседлости»; концентрация еврейского населения наблюдалась в городах и местечках и для значительной части городских поселений этого региона применим термин «штетл»; наблюдался прирост еврейского населения; расселение евреев по территории Полесского воеводства было неравномерным; политика польской ассимиляции по отношению к еврейскому населению почти не действовала; наблюдалась явная пауперизация евреев; еврейское население поселений традиционно было занято преимущественно в торговле, ремесле и различных промыслах; еврейские рабочие составляли почти половину всех промышленных рабочих; еврейские рабочие были заняты, в основном, на небольших промышленных предприятиях и в ремесленных мастерских, владельцами которых являлись евреи; еврейское население по социальному составу представляло собой сложный конгломерат разных сословных групп; еврейская миграция была весьма активной, причём в 1920-е годы преобладала внутренняя, а в 1930-е годы – внешняя; характерными особенностями

эмиграции являлось отсутствие сезонных выездов в близлежащие страны и преобладание заокеанской эмиграции над европейской; евреи сохранили не только свой язык (языки), но и традиции; весьма активным было еврейское население и в культурном, и в политическом, и в образовательном плане.

Изучение антисемитизма на территории Полесского воеводства требует всестороннего анализа и характеристики ввиду малой изученности, тенденций ревизионизма в современности. Основными источниками в освещении этих вопросов являются документы Государственного архива Брестской области. Среди научных работ, содержащих данные по исследуемой теме, можно отметить труды Томашевскогох [1], Васютинского [2], Розенблата Е. и Еленской И. [3], Дмитрук Е. [4, 5], Шепетюка В. [6, 7], Бешановой Ю. [8], Суворова А. [9], Кендыш О. [10], Струнца С. [11] и др.

Все национальные меньшинства в Польше находились под защитой двусторонних международных договоров. Малый Версальский трактат от 28 июня 1919 г. касался защиты всех национальных меньшинств в обществе и утвердил односторонние обязательства Польши перед победившими странами – союзницами. Рижский договор между Польшей, Россией и Украиной от 18 марта 1921г. и Женевская конвенция, подписанная на 15 лет между Польшей и Германией 15 мая 1922г., определяли двусторонние польско-советские и польско-немецкие обязательства о взаимной защите прав национальных меньшинств этих государств.

Согласно 93-й статье Версальского мирного договора Польша брала обязательства в отношении защиты прав национальных, языковых и религиозных меньшинств: «Польша принимает предложения, которые мировые державы-союзницы признают за окончательные в отношении к Польше, ради охраны в ней интересов граждан, отличающихся от основной массы расой, языком и религией, и соглашается на внесение этих постановлений в договор с этими державами».

Права национальных меньшинств декларировались, безусловно, и Конституциями II Речи Посполитой[12, с.89-90].

Однако в реальной жизни отношение к национальным меньшинствам со стороны властей было отнюдь не одинаковым.

Правящие круги Польши не видели угрозы государственным интересам в существовании еврейского национального меньшинства на территории своего государства по ряду причин: отсутствие национального еврейского государства, евреи не стремились к отторжению какой-либо части польского государства, евреи были рассеяны по всей территории страны, у еврейских организаций не было амбиций по поводу создания политического организма, еврейские организации участвовали в борьбе за независимость Польши и декларировали абсолютную лояльность к власти, внутри еврейской общности существовало множество противоречий. Еврейское меньшинство получило право на самоуправление.

К 1937 году на территории Польши насчитывалось уже 600 еврейских религиозных гмин [13, л.328].

Польская политика по отношению к национальным меньшинствам, задуманная и осуществляемая в глобальных масштабах, имела, в основном, два направления: это политика «ближнего прицела» - прямого и непосредственного действия (для быстрого достижения цели и получения желаемых результатов), и политика «дальнего прицела», рассчитанная на более медленное действие и получение тех же результатов в более отдалённом будущем. Политика «ближнего прицела» велась, в свою очередь, тремя путями:

1). Обычное «нормальное» для националистического государства административно-полицейское давление на эти группы населения (в данном случае – в восточных областях – на белорусов, русских, украинцев;

2) Распространение в широком масштабе военных поселений – так называемое «войсковое осадничество» в этих областях, когда на принудительно отчуждаемых у местного населения землях появляется чисто польский этический элемент из бывших военных чинов польской армии (на территории восточных воеводств осело 300 тысяч человек;

3), возрождение и реполонизация так называемой «шляхты загродовой», то есть дворян – однодворце, обедневших экономически и «потерявших чувство национальной принадлежности к польскому народу». Политика «дальнего прицела» осуществлялась через подчинение правительству православной церкви, польской школы для воспитания нового поколения меньшинств в польском национальном духе[14, с.48-52].

Национальный вопрос во II Речи Посполитой вызвал к жизни два способа его решения. Один, сформулированный Национальной Демократией, соответствовал формуле «Польша для поляков». Данная программа предусматривала, что в государстве роль единственного суверена будет исполнять польский народ. Другим народам отказывалось в праве на свободное развитие. При этом предусматривалось, что одни народы (белорусы, украинцы) будут полонизированы, а другие (немцы, евреи) покинут Польшу.

Другой подход заключался в том, чтобы непольскому населению страны было гарантировано право свободного национального развития. Данный подход был одобрен различными политическими силами. После майского переворота 1926 года правительство официально приняло эту доктрину. Однако фактически руководство страны действовало в этом направление весьма осторожно, провозгласив политику «малых шагов»[11, с.137-138].

Правительство В.Грабского в 1925г. сделало ставку на достижение соглашения с евреями, что было горячо поддержано депутатами Сейма. 7 июля 1925г. было заключено еврейско-польское соглашение. Согласно ему, еврейские политики обязывались не предпринимать действий, направленных на нарушение целостности государства и его внутренней консолидации. Польские власти, в свою очередь, обязались отменить дискриминационные в отношении евреев законы [15, с.144]. Это соглашение дало толчок к дальнейшему противостоянию между еврейским и славянским населением речи Посполитой.

Начало мирового экономического кризиса вызвало усиление пропаганды антисемитизма в Речи Посполитой, которая погрузилась в глубокий кризис. В Польше антисемитская пропаганда проводилась прежде всего национал-демократами. Лидеры этой партии хотели направить польское общество через антисемитские выступления к борьбе за власть для самих себя. Еврейские политические круги критиковали государственную экономическую политику.

Правительство режима “санации” упрекали в том, что оно находится в услужении у евреев. На самом деле “санационное” правительство, не имея широкой социальной опоры, ряд лет усиленно привлекало на свою сторону правых и центристских политиков так называемых национальных меньшинств. Взамен на некоторые уступки, за надежду на более либеральную политику правительство получало в Сейме голоса многих представителей национальных меньшинств. Однако, после 1935 г., когда в результате изменения конституции и избирательного закона Сейм стал полностью зависеть от правящей верхушки, антисемитские взгляды стали играть большую роль. Правительство “санации” стало в своей национальной программе приближаться к эндекам, особенно по вопросу об отношении к еврейскому населению. Правительство официально осуждало погромы. Немалую роль тут сыграло и общественное мнение других государств. Однако в то же время в июне 1936г. премьер-министр Ф. Славой-Складковский сделал заявление: “…экономический бойкот – конечно”. Таким образом у эндеков появился новый союзник, который только немного отличался средствами проведения программы антисемитизма. По стране прокатилась волна антиеврейских погромов.

К акциям антисемитизма имели отношение некоторые представители католического клира. Осуждая погромы, призывая христиан к любви к ближним, отцы- иезуиты предлагали программу антисемитизма: “Надо оставить евреев самим себе, надо исключить их, как только можно, из жизни христиан. Надо бороться за создание отдельных школ для евреев, чтобы их дети морально не развращали детей христиан. Надо прежде всего воздержаться от экономических отношений с ними”[9, с.3-4].

Во второй половине 1930-х годов в польском обществе доминировали антиеврейские настроения. В ходе борьбы за власть польский правительственный блок воспринял ряд программных установок национал- демократического лагеря. Это выразилось в издании ряда законодательных актов, направленных на ограничение экономических и гражданских свобод евреев. Обострение польско- еврейских отношений во второй половине 1930-х годов вылилось в еврейские погромы, введение numerus clauses, многочисленные акции бойкота еврейской торговли и т.п. В программах большинства польских партий предпочтительным решением еврейского вопроса провозглашалась скорейшая еврейская эмиграция. Эта идея проникла в массовое сознание поляков и часто манифестировалась как панацея от всех бед [16, с.96-97].

Отношения между славянами и евреями имели на этих территориях давнюю, часто непростую историю. Само слово еврей (жид) несло в себе отрицательные коннотации. Иногда оно использовалось как нейтральное. Более того, некоторые поляки говорили о «поляках еврейского происхождения». Однако

часто, особенно в народной среде, слышались оскорбительные обращения или прозвища: «еврейчик» или «жидюга». Поляков из простонародья нервировал внешний вид традиционных евреев, удивляла одежда и причёски. Евреев критиковали за изолированность от остальных граждан, за то, что они говорили на идиш. Одновременно смеялись над тем, что они примитивны, так как многие из них плохо говорили по-польски. Евреи подозревались в лицемерии. Многие христиане считали, что данное явление коренится в Талмуде, который говорит о различном отношении к представителям иудаизма и «неверным». Шокировали также некоторые элементы еврейской обрядности. Повсеместно считалось, что еврей – это трус, который неспособен сражаться. Еврей торговец отождествлялся с обманщиком и проходимцем. Одновременно утверждалось, что евреи – лентяи и бракоделы.

В свою очередь евреи тоже нелестно отзывались о своих польских соседях: «гой», «цагик» и др. Немногие говорили о поляках нейтрально: христианин или христианка. Распространено было приписывание нееврейскому населению таких негативных черт как злоупотребление алкоголем, некультурное поведение за столом, другие примеры отсутствия манер. Частью еврейского фольклора стали высказывания – порицания в отношении своих провинившихся соплеменников: «пьёт, как гой», «вырастет глупым гоем».

Ситуация осложнялась религиозными предрассудками. Кроме того, что христиане иначе почитали Бога, они игнорировали ритуальное право иудаизма. В свою очередь религиозные евреи считали Христа в лучшем случае фальшивым пророком, а в худшем – ренегатом и шарлатаном. Реагируя на антисемитские выпады поляков, евреи платили им той же монетой. Особенно остро воспринимались высказывания по поводу возможного краха независимости Польши.

Традиционализм, замкнутость и нежелание менять устоявшийся жизненный уклад значительной части еврейского населения автоматически создавали значительные сложности для межнационального общения и формировали почву для возникновения негативных стереотипов. В свою очередь огромное влияние так называемого «народного католицизма» (с характерной для него упрощённой картиной мира) на большую часть польского общества ещё сильнее обостряли противоречия[11, с.135-136].

Антисемитизм в польском государстве в 1921-1939 гг. имел ряд особенностей. Исходя из этого можно выделить несколько его периодов:

1) период военного и послевоенного времени, который характеризуется открытыми грабежами, поджогами, физическим насилием как со стороны местного населения, так и военными и бандитскими формированиями. Грабившие видели в евреях, в первую очередь, источник материальной наживы. Например, в 1918 – 1921 гг. на территории Беларуси было учинено 225 погромов, в том числе петлюровцами – 5, польскими войсками – 18, отрядами Булак- Балаховича – 47, другими бандами – 155. В местечке Копаткевичи отряды С. Булак- Балаховича 9 июля 1921г. убили около 120 евреев, в местечке Ковчицы 16 июля того же года – 84 человека, в местечке Большие Городятичи 23 ноября – 72 человека. В результате, по неполным данным, погибло 1 110 человек, изна-

силовано 1 200 девушек и женщин. Осталось более 1 000 сирот. Что касается методов физической пытки, то следует отметить, во-первых, применявшееся чаще всего прижигание огнём наиболее нежных органов, затем идёт примерное повешение с многократным извлечением из петли, далее – медленное удушение верёвкой, отрезание отдельных членов и органов: носа, ушей, языка, конечностей и половых органов, выкалывание глаз, выдёргивание волос из бороды, жестокая порка и избиение нагайками до полусмерти. Последние три вида пытки особенно широко применялись в Беларуси поляками. За зиму 1920-1921гг. бандиты произвели в Беларуси 40 еврейских погромов, в марте 1921г.- 18, в апреле – 18, в мае – 53. Особым зверством по отношению к евреям отличался отряд численностью до 400 человек под командованием Павловского[17, с.80-81].

Белорусские евреи стали жертвами погромов как со стороны польских войск, банд Булак-Балаховича, частей, находившихся под идейным руководством Бориса Савинкова, просто банд грабителей («зелёных») [18, с.326]. По неполным данным, погромы затронули 177 местечек и сёл Беларуси. В них пострадало 7 096 еврейских семей[17, с.77]. О С. Булак- Балаховиче, который творил свои бесчинства на белорусских территориях, один из польских офицеров писал: «Это человек без идеологии, бандит и убийца и такие же у него товарищи- подчинённые…»[19, с.159]. Вследствие этого - массовое бегство евреев из оккупированных поляками районов в восточном направлении. Этот период можно условно назвать антисемитизмом на фоне военного времени;

2) период до 1926 г., который характеризуется неопределённым отношением к евреям со стороны польской власти;

3) период с 1926 по 1935 г. – период относительной стабильности. Он характеризовался неодобрительным отношением к антисемитизму в любых проявлениях;

4) период с 1935 г. (после смерти Ю. Пилсудского). Он характеризовался усилением в правительственном лагере националистических идей и открытым антисемитизмом на государственном уровне. Именно в этот период волна погромов просто захлестнула вновь страну.

В 1921 году на территории Полесского воеводства проживало около 110 639 евреев[6, с.57]. В 1931 году по данным переписи в Полесском воеводстве проживало 96 669[20, с.20] или 113 998 евреев. В процентном отношении еврейское население в 1921 г. составляло 12,6%, а в 1931- 10%[6, с.64].

В научных исследованиях доминирует справедливый стереотип еврея-торговца или еврея-ремесленника. Концентрация еврейского населения в нескольких отраслях экономики была обусловлена следующими обстоятельствами: исторически сложившимся ареалом проживания, фактически повторявшим очертания «черты оседлости»; традиционной связью с определёнными занятиями; отсутствием возможностей для участия евреев в сельском хозяйстве (ранее существовали законодательные запреты и т.п.), частыми миграциями еврейского населения и др. Согласно исследований В.Шепетюка, большинство евреев Полесского воеводства было занято преимущественно в торговле, ремесле и различных промыслах. По данным переписи 1921 года процентное

участие евреев в экономике Польши представляется следующим образом: в сельском хозяйстве – 0,9 %; в ремесле и промышленности – 23,5 %; в торговле и страховании – 62,6 %; на транспорте – 10,2 %; в общественной службе и свободных профессиях – 12,4 %; в домашнем хозяйстве и частной службе – 16,7 %; в других видах деятельности – 15,7 % [7, с. 36-40].

Мирная жизнь еврейского населения время от времени нарушалась антисемитскими выступлениями. 21.11.1929 года неизвестные подожгли еврейскую школу и библиотеку “Тарбут”, дом еврейского Товарищества “Талмуд-Тора”, иудейский молитвенный дом в Бресте-над-Бугом. В результате пожара всё было уничтожено[21, л. 179].

Особо усилились антисемитские настроения с середины 30-х годы по всей территории государства. Активисты НД зачастую были инициаторами и активными участниками прокатившихся по всей стране еврейских погромов: 1935г. – Гродно, ноябрь 1935 г. – Одживоль, март 1936 г. – Пшытык, июнь 1936 г. – Минск-Мазовецкий, Львов, Петриков, Плоцк, Сероцк, Мысленице, июль 1936 г. – Высоко- Мазовецк, май 1937г. Брест-над-Бугом, июнь 1937г. – Ченстохов, Каминск, Мстов, Жарки, Радомск, Конецполь, Пшндбож, Дзялошин, август 1937 г. – Одживоль, Опочно, Новый город (Място)[11, с.140].

13 мая 1937 года около половины восьмого утра мясником Щербовским был убит служащий полиции Стэфан Кендзёра во время конфискации мяса, полученного якобы в результате нелегального убоя. В городе очень быстро поползли слухи об убийстве поляка-полицейского евреями. Начался погром. Молодёжь и подростки били стёкла, грабили имущество в домах и магазинах, принадлежавших евреям. В результате погрома 13-14 мая 1937 года несколько евреев были доставлены в еврейскую и городскую больницы, многие обратились за медицинской помощью к частным врачам [22]. Согласно еврейской газеты “Naje Folkscajtung” в результате погрома скончались: 31 мая младенец Влодавски, 7 июня тяжелораненый 50-летний Нузенберг, 22 мая 50-летняя Сара Райманова окончила жизнь самоубийством в состоянии тяжёлого нервного потрясения. Польские власти назвали это ложью [23, л.36-37]. Как отмечал во время заседания еврейской гмины Бреста Ноах Пожежинский, было очень много жертв в Бресте[24, л.288].

По доносам старосте города от следственного комитета полиции евреи пополудню высылали такси и автобусами родных из города, а сами остались. Создавалось впечатление, что они готовились к организации самообороны. С 13.00 до 15.00 шпики наблюдали в еврейском районе, в основном на улицах: Листовского и Перца, а также Шпитальной, евреи собирались массово, а на просьбу полиции разойтись – не расходились. В это время евреи приобрели грозный вид с точки зрения проходящих мимо христиан и своим поведением побуждали к выступлению против них и битью окон. Стоящие в группах евреи на вышеперечисленных улицах громко комментировали, что если бы им позволили, то они быстро положили бы конец выступлениям антисемитским, причём без пролития крови не обошлось бы. Один из полицейских донёс, что евреи говорили, что если бы в послеобеденное время 18-21 банды пришли на ул. Ягеллонскую, Шпитальную, Листовского, Кобринскую – то проживающий

там еврейский элемент, состоящий из работников и ремесленников, вооружённый киями и приспособлениями для битья, побили бы их[23, л.7].

Материальные результаты погрома в городе были плачевными: все магазины и склады по улицам 3-го Мая и Домбровского были разгромлены. Еврейские дома были разграблены. Некоторые строения были разрушены до такой степени, что было ясно, что восстановить их уже будет нельзя. Были выбиты стёкла и в домах, вблизи стоящих[25, л.4]. Следственный отдел Бреста-над-Бугом выслал 6 дополнительных патрулей по 2 человека каждый. К 23.23 вечера 13 мая 1937 года в город прибыла команда «С», но утихомирить полностью погромщиков не удалось. Погром продолжался и на следующий день[25, л.5].

13 мая 1937 года польская полиция задержала во время еврейского погрома 185 человек. Обвиняемыми в убийстве Кедзёры были названы Вельвель Щербовски и его сын Айзик. Были составлены подробные списки задержанных лиц. Среди них по вероисповеданию большинство составляли католики, но были и иудеи, и без вероисповедания. Необходимо отметить, что из них 53 человека ранее привлекались к уголовной ответственности [26, л.8-20]. Следственный отдел, занимавшийся расследованием погрома в городе, с 13 мая по 19 мая составлял списки задержанных лиц и материальных ценностей, изъятых у них. Причём, у некоторых было изъято столько, что можно было открывать магазин[26, л.8-20].

За еврейский погром в Бресте-над-Бугом 13 мая 1937г. к ответственности было привлечено 14 человек, которые предстали перед польским судом. Но на самом процессе 16 и 17 июня 1937г.из 7 человек 6 были осуждены на сроки от 2 недель ареста до 9 месяцев тюрьмы, а один был оправдан [23, л.50]. Сам процесс являлся отражением политики II Речи Посполитой по еврейскому вопросу.

15 июня 1937г. прошёл судебный процесс над Вевелем Щербовским, который был приговорён к смерти [23, л.19].

13 мая 1937г. еврейская община создала комитет для расследования еврейских погромов[27, л.3]. В тот же день брестская еврейская гмина обратилась в Варшаву и оттуда был делегирован руководитель Надлер для разбирательства по вопросу экзекуции еврейского населения. Результатом визита была выработка документа, осудившего выступления против евреев и рассылка его всем еврейским гминам Польши [24, л.328].

Интересна первая реакция польских властей на погром в центре Полесского воеводства. Первое, что сделали польские власти – это призвали евреев успокоиться. Это призвание вышло из уст воеводы, к которому в полдень 13 мая 1937г. пришёл глава еврейской религиозной гмины города, один из самых богатых людей Бреста- над- Бугом, к которому не раз за материальной поддержкой обращался сам воевода – Ковартовский Хаим - Борух. Тем не менее, полиция стала работать усиленно. Но не только по отношению к погромщикам. Староста города распорядился прослушивать телефон Ковартовского. И когда тот позвонил в Варшаву к послу Зонштейну, то весь разговор, переве-

дённый на польский язык запротоколировали и донесли старосте города[23, л.7].

Остро отреагировала на погром в Бресте еврейская пресса. В варшавской газете “Naje Folkscajtung” в №144-В от 16 мая 1937г.вышла на первой полосе статья под названием «Что делалось в Бресте». События описывались следующим образом: «Убийство Кендзёры произошло утром, до того, как погромщики начали свою работу. Около 10.00 начали они уже выводить своих людей на улицу и началось. Сначала били только окна в домах еврейских. Брест есть большим расстроившимся городом. Ходили от дома к дому, от улицы к улице по всей длине и ширине города и били окна. Нет, наверное, ни одного еврейского дома, в котором не были бы выбиты окна. Но на протяжении первых часов хулиганы не отваживались вторгнуться в дома. Брестские евреи не трусливы. Если бы их только допустили, то они быстро положили бы конец этой “Niedoly Narodowej” горсти тёмных

элементов[23, л.8].

Например, брестская еврейская гмина на одном из своих заседаний обсуждала принятие резолюции протеста против антисемитских выступлений 31.08.1937г. в ответ на события в городе 13 мая 1937г., но так и не пришли к единому мнению[24, л.286]. Как отмечал комендант в своём донесении Старосте поветовому Бреста-над-Бугом, во время обсуждения чуть не дошло до драки между самими евреями[24, л.283]. Всего в Польше в 1937 году насчитывалось 600 еврейских гмин. Бурное обсуждение событий погрома в Бресте продолжалось и на последующих заседаниях гмины города. Например, 06.09.1937 г. в доносе старосте комендант запротоколировал слова выступления Пожежинского Ноаха, который вёл заседание: «Наш голос пусть дойдёт до польского общества и напомнит ему традиции толерантности по отношению к еврейскому меньшинству, чтобы такие случаи не повторились!» [24, л.288].

Объединение женщин сионисток “Wizo” на собрании организации, приуроченной к 8-ой конференции высказались за протест от имени еврейской матери против продолжавшихся несколько месяцев эксцессов и насилия, проводившихся безответственной частью молодёжи академической по отношению к еврейской молодёжи во всех учебных заведениях и выразили поддержку еврейским учащимся в обороне их еврейской чести[24, л.280].

Как продолжение событий в центре Полесского воеводства, прошли еврейские погромы в различных местечках воеводства. Например, 19 мая был погром в Домачево, сопровождавшийся криками «Бей евреев!»[28, л.2].

Реакцией еврейского населения было: усиление деятельности отрядов самообороны (в один из них входил будущий лауреат Нобелевской премии мира Менахем Бегин), которые защищали население, а иногда подавливали выступления молодчиков; концентрация евреев в определённых районах городских поселений с усилением обороны этих кварталов; отказ принимать участие в торговле, ремесле; обсуждение в еврейских гминах (некоторые приняли резолюции протеста против антиеврейских выступлений); принятие решений различными еврейскими политическими и культурно- просветительскими организациями; обсуждение и осуждение в прессе; обращение в различ-

ные государственные органы, полицейские участки, международные организации.

Чтобы евреи стали, как прежде, принимать активное участие в экономической жизни воеводства, польские власти обратились непосредственно к гмине, пообещали создать условия для спокойной жизни всех граждан государства. После этого евреи решили принять участие в ежегодной ярмарке в Высоко-Литовске, где присутствовало много полицейских, и прекратить бойкот автобусной линии «Брест – Малорита»[28, л.44].

В целом, вышеизложенный материал позволяет сделать следующие выводы:

- причины нестабильности и конфликтности народов во II Речи Посполитой были во многом обусловлены национальной политикой государства,
- результатом антиеврейской пропаганды явились многочисленные погромы во многих городах Польши и Западной Беларуси, чему попустительствовали власти.

Список источников и литературы

1. Tomaszewski, J. Z dziejow Polesia 1921-1939. / J. Tomaszewski. – Warszawa.1963
2. Wasiutynski,. J. Ludnosc zydowska w Polsce w wekach XIX i XX. Studium statystyczne. / J. Wasiutynski. – Warszawa, 1930.
3. Розенблат, Е., Динамика численности и расселения белорусских евреев в XX веке / Е. Розенблат, И. Еленская // Диаспора. – 2002. – №4. – С.30-52
4. Дмитрук, Е. Еврейская эмиграция на Полесье (1921-1939гг.) / Е. Дмитрук // Моладзь Берасцейшчыны: Зб. студ. навук. прац. – Брэст: БрДУ, 1997. – С.107-114;
5. Дмитрук, Е.П. Правые польские политические партии на территории Полесского воеводства (организационная работа, программа по еврейскому вопросу) (1926-1939гг.) / Е.П. Дмитрук // Моладзь Берасцейшчыны: Зб. студ. навук. прац. – Брэст: БрДУ, 1998. – С.62-66.
6. Шепетюк, В. Еврейское население Полесского воеводства по данным статистики межвоенного периода / В.Шепетюк // Берасцейскі хранограф: Зб. навук. прац. Выпуск 2. Брэст:БрДУ, 1999.-с.57-72
7. Шепетюк В. Участие еврейского населения в промышленном производстве Полесского воеводства в межвоенный период (1921-1939) / В.Шепетюк // Моладзь Берасцейшыны: Зб. студ. навук. прац.-Брэст, 1998. – С.36-40.
8. Бешанова, Ю. Анализ результатов переписи 1931г. в городе Бресте и Берестейском повете / Ю Бешанова // Моладзь Берасцейшчыны: Зб. студ. навук. прац -Брэст:БрДУ, 2002. – С.65-70
9. Суворов, А. К истории антисемитских выступлений во 2-й Речи Посполитой / А.Суворов // Моладзь Берасцейшчыны: : Зб. студ. навук. прац -Брест: Изд-во БрГУ, 1995.– С 3-6
10. Кендыш, О. Организация и деятельность еврейских религиозных гмин на Полесье в 1920-30-е годы / О.Кендыш // Міжнародная студэнцкая навукова-практычная канферэнцыя «Беларусь і Польша у XXст.: агульнае і адметнае у гістарычных лёсах”. – Брэст, 2001. – С.29.
11. Струнец, С. В. Еврейский вопрос в национальной политике II Речи Посполитой // Моладзь Берасцейшыны: : Зб. студ. навук. прац. – Брэст: Академия, 2006. – С.134-144.
12. Иванюк, А.Ю. Законодательство Польши и школьное еврейское образование (1921-1939гг.) / А.Ю.Иванюк // Моладзь Берасцейшчыны: Зб. студ. навук. прац. – Брэст: Академия, 2006.

13. Государственный архив Брестской области (ГАБО). Фонд 93. Дела следственного отдела Брестской поветовой комендатуры государственной полиции Полесского воеводства Министерства внутренних дел Польши. – Оп.1. – Д. 2741.
14. Монтвилов, М. Русская гимназия в Бресте-над-Бугом (1919-1939 гг.) / М.Монтвилов. – Ним-Брест-Минск,1996. – 185 с.
15. Пашкевич, А. Взаимоотношения представительств евреев и славянских национальных меньшинств в парламенте межвоенной Польши в 1922-1927гг. / А.Пашкевич // Материалы Двенадцатой Ежегодной Международной Междисциплинарной конференции по иудаике. В 2-х ч. Часть 2.-М.: Академическая серия. Выпуск 18, 2005.-с.138-149
16. Розенблат, Е., Погромная волна. Польско- еврейские отношения на Белосточчине накануне и в первые недели Великой Отечественной войны / Е.Розенблат, С.Струнец // Проблемы еврейской истории. В 2-ч. Ч.II. Материалы научных конференций Центра «Сефер» по иудаике. – Москва: Книжники, 2009.
17. Иоффе, Э.Г. Страницы истории евреев Беларуси. Краткий научно – популярный очерк / Э.Г.Иоффе – Минск: «АРТИ-ФЕКС», 1996.
18. Еленская, И. Рассказы жертв погромов: характеристика материалов о еврейских погромах в Белоруссии (1918- 1922) / И.Еленская // Материалы Двенадцатой Ежегодной Международной Междисциплинарной конференции по иудаике. В 2-х ч. Часть 2.-М.: Академическая серия. Выпуск 18, 2005. – С. 326-333.
19. Михутина, И.В. Польско- советская война 1919- 1920гг. / И.В.Михутина. – Москва: Институт славяноведения и балканистики РАН, 1994. – 323 с.
20. Никонов А., Политика 2-й Речи Посполитой по «улучшению» культурной ситуации в Полесском воеводстве / А.Никонов, А. Суворов // Моладзь Берасцейшчыны: : Зб. студ. навук. прац.- Брэст: БрДУ, 1996.
21. ГАБО. Ф.1.- Оп.1.- Д.111
22. ГАБО. Ф.93. – Оп.1. – Д. 2845,2846
23. ГАБО. Ф.93. – Оп.1. – Д. 2934
24. ГАБО. Ф.93. – Оп.1. – Д. 2741
25. ГАБО. Ф.93. – Оп.1. – Д. 2717
26. ГАБО. Ф.93. – Оп.1. – Д. 2899
27. ГАБО. Ф.93. – Оп.1. – Д. 2945
28. ГАБО. Ф.93. – Оп.1. – Д. 2846

Ирина Ильинична Вавренюк, соискатель кафедры истории славянских народов Брестского государственного университета им. А.С. Пушкина. Научный руководитель: Вабищевич Александр Николаевич, кандидат исторических наук, зав. кафедры истории славянских народов.

УДК 94 (476) |451|

Ганна Вайцешчык (Гродна)

МЕСЦА МЯСТЭЧАК У СТРУКТУРЫ ПАСЕЛІШЧАЎ ЗАХОДНЯЙ БЕЛАРУСІ Ў 1921 – 1939 ГГ.

В статье автором сделана попытка анализа роли и положения, которую занимали местечки в структуре населенных пунктов Западной Беларуси в 1921 – 1939 г. Западнобелорусские местечки по своей численности в значительной степени превосходили польско-белорусские города. Это стало одной из причин выделения данных населенных пунктов как центров гмин и поветов. Характерной чертой урбанизационных процессов на территории Западной Беларуси в 20-30 гг. XX ст. стало то, что постепенно исчезали

характерные отличительные признаки местечка от города. Количество западнобелорусских городов увеличивалось за счет местечек, для которых получить статус города в 20 – 30 гг. XX в. не составляло проблем. Польские власти были очень заинтересованы в увеличении количества западнобелорусских городов даже исскуственным путем, не учитывая количество населения. Поэтому большинство городов Западной Беларуси в 1921 – 1939 гг. насчитывали менее 5000 человек. Однако, однозначно утверждать об изчезновении местечка как отдельного типа поселений в исследуемый период нельзя, так как местечки были включены в структуру населенных пунктов Западной Беларуси наряду с городами и деревнями вплоть до 1939 г.

Вывучэнне заходнебеларускага мястэчка, як і ўвогуле мястэчкаў Беларусі, з'ява вельмі складаная, якая патрабуе ад даследчыкаў напружанай доўгай працы па пошуку і аналізу інфармацыі пра гэты тып паселішчаў, бо комплексных прац, прысвечаных мястэчкам Беларусі амаль што няма, і ў гістарычнай літаратуры мястэчкі, як правіла, разглядаюцца ў агульнагарадскім рэчышчы. Больш таго, што датычыцца гісторыі заходнебеларускіх мястэчкаў, то тут ўзнікае шмат праблем з пошукам і вызначэннем характэрных рыс, якія б адрознівалі заходнебеларускае мястэчка ад нешматлікіх у гэты час "польска-беларускіх" гарадоў.

Доўгі час гістарычная навука не магла вызначыцца з тэрмінам "мястэчка" і гэта праблема застаецца дыскусійнай па сённяшні час. У выніку пошуку найбольш характэрных рыс мястэчка ў навуковай літаратуры паўстае як населены пункт, які адрозніваўся ад горада меншай колькасцю насельніцтва, адсутнасцю абарончых збудаванняў, аграрнымі рысамі; ад сяла і вёскі – наяўнасцю гандлю і рамяства як сталых заняткаў часткі жыхароў, большай культурнай і адміністрацыйнай значнасцю, а таксама большай складанасцю планіроўкі і забудовы [1].

Над спецыфікай мястэчак Беларусі ў розныя гістарычныя перыяды разважалі многія айчынныя і замежныя гісторыкі. Адносна перыяду канца XVIII – першай паловы XIX характарызавалі спецыфіку мястэчак такія даследчыкі, як А. Кіштымаў, З. Шыбека, А. Карпачоў, З. Капыскі, Ю. Бохан, Е. Ахманьскі, С.Александровіч, І. Соркіна і інш., якія набліжалі іх да пасяленняў гарадскога тыпу. Большасць з гэтых даследчыкаў прыйшлі да высновы, што падзел гарадскіх пасяленняў Беларусі на гарады і мястэчкі з'яўляецца ўмоўным, таму што канкрэтнае вывучэнне асобных мястэчак можа выявіць у іх больш гарадскіх рыс, чым у некаторых населеных пунктах, аднесеных да гарадоў. Нельга не пагадзіцца з меркаваннем Ю. Бохана: "Калі мястэчка кардынальна адрозніваецца ад вёскі сваім статусам сталага асяродка гандлёвага абмену, то адрозненні паміж мястэчкам і большым горадам зводзяцца да ўзроўню колькасных, галоўным чынам у выглядзе памераў тэрыторыі, на якую распаўсюджваўся іх гаспадарчы і адміністрацыйны ўплыў" [2, с.42].

Былі і такія даследчыкі, якія адносілі мястэчкі пераважна да сельскіх паселішчаў, акцэнтуючы ўвагу на слабае развіцце ў іх негарадскіх заняткаў – сельскай гаспадаркі, рамяства і промыслаў (Павел Баброўскі, Мацей Любаўскі, Павел Рындзюк). Асобныя гісторыкі разглядалі мястэчкі ў якасці пераходнага звяна ад вёскі да горада, адзначаючы іх прамежкавае становішча і

перапляценне ў іх гарадскіх і сельскіх рыс (Мітрафан Доўнар-Запольскі, Уладзімір Гуркоў і інш.). Сучасная даследчыца мястэчак адзначанага перыяду І.В. Соркіна падкрэслівала, што толькі ў часы Расійскай імперыі мястэчкі мэтазгодна разглядаць як асобы тып пасяленняў, нятоесных ні вёсцы, ні гораду, які выконваў функцыі эканамічнага, адміністрацыйнага, камунікацыйнага, культурнага цэнтра параўнальна невялікіх сельскіх раёнаў, якія не мелі гарадоў [2, с.51].

Такім чынам, кожная гістарычная эпоха не проста ўплывала на гісторыю любога населенага пункта, вызначаючы ўмовы яго развіцця, але і закладала спецыфіку і характэрныя асаблівасці такога тыпу паселішчаў, як мястэчкі.

Для таго, каб лепш разумець палажэнне мястэчак у сістэме населеных пунктаў Заходняй Беларусі і ступень іх уключанасці ў структуру гарадскіх паселішчаў у 1921 – 1939 гг., варта разглядаць мястэчка у двух аспектах: як асобы тып пасяленняў са спецыфічнымі эканамічнымі, культурнымі і адміністрацыйнымі функцыямі і як часовую стадыю росту да горада (малы горад).

З 1921 г. мястэчкі Заходняй Беларусі былі ўключаны ў новую тэрытарыяльна-адміністрацыйную сістэму Польшчы. Дзяленне беларускай тэрыторыі на ваяводствы, паветы і гміны прадвызначыла змену статуса многіх пасяленняў, асабліва мястэчак. Польскі ўрад так і не здолеў вызначыцца з прававым статусам мястэчак і не праводзіў дакладнай мяжы паміж мястэчкам і горадам, адносіў мястэчкі пераважна да гарадскіх паселішчаў. Заканадаўчыя дакументы об прававым статусе гарадоў і мястэчак Беларусі былі выдадзены яшчэ ў 1919 г. - пастанаўленне Генеральнага Камісара Усходніх зямель ад 27 чэрвеня 1919 г. – “Устава аб гарадах” і ад 7 лістапада 1919 г. “Аб крытэрыях раздзялення на гарады і мястэчкі” [3, с.1]. Галоўным прынцыповым адрозненнем горада ад мястэчка сталі толькі колькасныя паказчыкі – колькасць насельніцтва. Мястэчкамі называліся пасяленні местачковага тыпу, якія налічвалі ад 2000 да 4000 чалавек. Звыш 4000 чалавек налічваў ужо горад. Аднак і гэты крытэрый не ва ўсіх выпадках выконваўся. Тэрыторыя Заходняй Беларусі, згодна з адміністрацыйна-тэрытарыяльным падзелам 1921 - 1922 г. падзялялася на 4 ваяводствы, 33 паветы і 443 гміны [4, с.284]. Цэнтрамі заходнебеларускіх паветаў і асабліва гмін былі мястэчкі, бо колькасць беларускіх гарадоў была нешматлікая. Таму афіцыйныя колы імкнуліся да павелічэння колькасці гарадскіх паселішчаў нават штучным шляхам, не улічваючы колькасныя крытэрыі у раней існаваўшых афіцыйных дакументах, і з гэтай прычыны шмат заходнебеларускіх мястэчак набывала статус горада як цэнтраў гмін, нягледзячы на нязначную колькасць насельніцтва (2000 – 3000 чалавек). Былі і такія выпадкі, што ў неафіцыйных дакументах многія мястэчкі-гмінныя цэнтры падаваліся як гарады, не маючы на гэта афіцыйнага дазволу. Сама тэрміналогія населеных пунктаў – горад “miasto” і мястэчка “miasteczko” (ад слова “место” – невялікі горад ці паселішча гарадскога тыпу) па свайму гучанню былі вельмі падобныя. У 1928 г. з 49 гарадоў Беластоцкага ваяводства, 36 – мелі менш за 4000 чалавек [5, с.79]. У Віленскім, Наўгародскім і Палескім ваяводстве ў 1931 г. налічвалася 37 гарадоў, 12 з якіх

мелі менш за 4000 жыхароў. Атрымалі гарадскі статус у міжваенны час такія мястэчкі, як Бяроза-Картузкая, Смаргонь, Маладзечна, Свянцяны, Дзятлава, Докшыцы, Косаў, Камянецк-Літоўск, Высока-Літоўск, Ракаў, Ашмяны, Глыбокае, Ляхавічы, Дзісна, Індура і г.д., якія з 1931 г. афіцыйна лічыліся гарадамі [4, с.286]. Галоўныя прычыны, па якіх многія мястэчкі Заходняй Беларусі атрымоўвалі статус горада былі: значная прамыслова-гандлёвая актыўнасць і адметнасць мястэчак як павятовых і гмінных цэнтраў.

У наданні гарадскога статуса мястэчкам, акрамя афіцыйных улад і мясцовай адміністрацыі, былі зацікаўлены буйныя магнаты і памешчыкі, сядзібамі якіх мястэчкі з'яўляліся. Мястэчка Шчучын Лідскага павета Навагрудскага ваяводства было буйнейшай латыфундыяй князёў Друцкіх-Любецкіх, якім належала 5021 га зямлі, з якой 3975 га. прыходзілася на маёнтак Шчучын [6, с.144]. Менавіта Друцкія-Любецкія садзейнічалі таму, што Шчучын з паўвясковага маёнтка пераўтварыўся ў павятовы цэнтр у 1928 г. Аб гэтым сведчыў той факт, што ў лістападзе 1927 г. і кастрычніку 1928 г. магнат падараваў больш за 1 га. зямлі для праўлення Шчучынскай гміны і перадаў польскім уладам стары мураваны 12-ці пакаевы дом для павятовага старасты [6, с.133]. Аднак, павятовае мястэчка Шчучын, нягледзячы на намаганні ўладальніка маёнтка, так і не набыло статус горада.

Большасць мястэчак, якія набылі гарадскі статус, маглі хутка яго страціць па прычыне частых адміністрацыйных змен у межах гмін і паветаў. Так, напрыклад, у Лідскім павеце ў 1921 г. налічвалася 17 мястэчак, а ў 1931 г. – іх засталося толькі 14. Прычынай змяншэння іх колькасці стала тое, што ў 1928 г. быў утвораны Шчучынскі павет і такія мястэчкі, як Шчучын, Жалудок, Астрына, Орля, Сабакінцы з Лідскага павета паступова адышлі да Шчучынскага. Пры гэтым, мястэчкі Орля і Сабакінцы перайшлі ў разрад вёсак [7, с.148, 181]. Польскі даследчык Ян Мілеўскі, характарызуючы мястэчкі Беластоцкага ваяводства, адзначыў, што "пасля ваеннай разрухі ў перыяд стагнацыі і эканамічнага крызісу мястэчку хутчэй было страціць гарадскі статус, чым яго набыць". Так, у 30-я гг. яго страчваюць такія мястэчкі, як Бочкі, Мельнік, Нараў і Новы Двор, Зэльва, Свіслач. На думку аўтара, гарадскі статус былых мястэчак быў вынікам павышаных амбіцый гараджан і мясцовай адміністрацыі, а таксама былых здабыткаў гістарычнай спадчыны, а не фактычнага стану [8, с.101].

Нявызначанасць у польскім заканадаўстве з прававым статусам "мястэчка" прыводзіла да таго, што мястэчка як самастойны тып паселішчаў паступова пачынае знікаць і разглядацца афіцыйнымі ўладамі толькі як часовая стадыя росту да горада. Аднак мястэчкі як самастойны тып паселішчаў, нятоесныя ні весцы, ні гораду афіцыйна існавалі ў Заходняй Беларусі да 1939 г.

На тэрыторыі Усходняй Беларусі адносіны да мястэчка як асобнага тыпу паселішчаў былі больш вызначанымі. Абгрунтаванне характэрных асаблівасцей мястэчак БССР праводзілася ў праграме вывучэння гэтых паселішчаў, распрацаванай Цэнтральным бюро краязнаўства, створаным у 1923 г. пры Інстытуце беларускай культуры. Адзначалася, што з эканамічнага

пункту гледжання мястэчка характарызуецца больш павольным тэмпам развіцця ў параўнанні з горадам, што наклала адбітак некаторай інертнасці на яго агульны ўклад. Ад вёскі мястэчка адрозніваецца разнастайнасцю заняткаў насельніцтва: побач з земляробствам у ім шырока распаўсюджаны рамествы і формы гандлю, пасрэдніцтва крэдытавыя аперацыі. З пункту погляду культурна-гістарычнага мястэчка характэрызуецца разнастайнасцю свайго нацыянальнага складу – галоўным чынам перавагай габрэйскага насельніцтва [9, с.45]. Складальнік гэтай праграмы Г. Аляксандраў, абгрунтоўваючы неабходнасць усебаковага вывучэння мястэчка, адзначаў, што мястэчка цікавае з трох бакоў: разнастайнасцю заняткаў насельніцтва, павольным тэмпам свайго развіцця, нацыянальным складам. “У мястэчках перакрыжоўваюцца самыя разнастайныя эканамічныя і нацыянальныя інтарэсы, а ў нас зусім няма матэрыялаў, якія характарызавалі б гэта скрыжаванне горада і вёскі, габрэйскай і беларускай культуры” - заключаў Аляксандраў [9, с.43]. Пастановай СНК БССР ад 25 красавіка 1928 г. аб “Гаспадарчым упарадкаванні мястэчак БССР” планавалася спецыялізаваць усе мястэчкі шляхам узмацнення дамінуючай галіны прамысловасці і ўтварэннем новых галін, прафесійна-тэхнічных школ, сельскагаспадарчых арцелей, машынатрактарных станцый [10, с.11].

Колькасць мястэчкаў Заходняй Беларусі была непастаяннай, і прычын гэтай з’явы было вельмі шмат. Па-першае, у 20 – 30 гг. не існавала дакладнага вызначэння паняцця “мястэчка”. Польская заканадаўства ў адных выпадках адносіла мястэчкі да гарадскіх паселішчаў, а ў іншых – да сельскіх. Па-другое, эканамічнае развіццё Заходняй Беларусі пад уладай Польшчы садзейнічала частай змене сацыяльнага статуса мястэчак. Адны мястэчкі атрымлівалі статус гарадоў па прычыне хуткага эканамічнага і адміністрацыйнага развіцця як цэнтры гмін (Бяроза-Картузкая, Шарашова, Дамбровіца, Лагішын), другія – занепадалі і пераходзілі на статус весак (Лінава, Снітава, Бражэвічы); іншыя заставаліся дробнымі паселішчамі аграрнага характару са слаба развітым рамяством і гандлем (Малеч, В. Бераставіца, Волчын). Па-трэцяе, сацыяльны статус мястэчка мог мяняцца ад частых адміністрацыйна-тэрытарыяльных змен: драблення паветаў, з’яўлення новых гмін і паветаў, аб’яднання раней існаваўшых дзвюх гмін у адну.

Найбольш поўную, хаця і не бясспрэчную, карціну колькасці мястэчак па 3 беларускім ваяводствам у 20-я гг. стварыў Польскі статыстычны камітэт, які па рашэнні польскага ўрада з 1923 г. (на падставе вынікаў усеагульнага перапісу 1921 г.) праводзіў падлік усіх населеных пунктаў Заходняй Беларусі, у тым ліку і мястэчак. Рэвізія населеных пунктаў Палескага (Брэсцкі, Драгічынскі, Камень-Кашырскі, Кобрынскі, Косаўскі, Лунінецкі, Пінскі, Пружанскі паветаў), Наўгародскага (Баранавіцкі, Лідскі, Нясвіжскі, Навагрудскі, Слонімскі, Стаўбцоўскі, Валожынскі), Віленскага (Браслаўскі, Дунілавіцкі, Дзіснейскі, Віленскі) ваяводстваў паказала, што колькасць мястэчак ў 1921 – 1928 гг. налічвала 158 мястэчак [11].

Прасачыць дынаміку колькасці мястэчак у 30-я гг. XX ст. можна па асобных працах айчынных і замежных гісторыкаў, прысвечаных пэўным

ваяводствам Заходняй Беларусі. Крытэрыямі падзелу ў даследчыкаў населеных пунктаў на гарады і мястэчкі сталі колькасныя паказчыкі. С. Галасевічам у 1936 г. было выдзелена на тэрыторыі Палескага ваяводства 60 мястэчак [12, с.45]. Гэта лічба значна завышана, бо аўтар адносіць да мястэчак і некаторыя вёскі Палескага ваяводства, у якіх не назіралася ніякай гандлёвай актыўнасці. А. Марчак у сваёй працы адзначае на тэрыторыі Палескага ваяводства 15 гарадоў і 31 мястэчка [13, с.42]. Рэвізія Беластоцкага ваяводы ў 1931 – 1932 гг. паказала, што на тэрыторыі 8 паветаў Беластоцкага ваяводства налічвалася 36 мястэчак [14, с.45]. С. Адляніцкі-Пачобут адзначыў 10 гарадоў і 70 мястэчак у 8 паветах Навагрудскага ваяводства [15, с.65]. Т. Нагурскі, характарызуючы эканамічнае развіццё Віленскага ваяводства, выдзеліў 15 гарадоў і мястэчак, пры гэтым аўтар падкрэсліў, што адзіным значным горадам на тэрыторыі ваяводства быў горад Вільна, астатнія гарады дробныя, якія можна аднесці да мястэчак [16, с.5].

Статыстычныя звесткі даследчыкаў, якія даюць магчымасць характарызаваць колькасную дынаміку мястэчак у 30 гг. XX ст., нягледзячы на пэўную супярэчлівасць, з’яўляюцца амаль што адзінымі. У 1931 – 1939 гг. у сувязі з тым, што многія мястэчкі набываюць статус горада, назіраецца значнае змяншэнне колькасці мястэчак.

Са сказанага вышэй вынікае, што сама па сабе дынаміка колькасці мястэчак без уліку яе прычын не можа служыць паказчыкам інтэнсіўнасці развіцця Заходняй Беларусі. Па адзначаных прычынах статыстычныя звесткі пра колькасць мястэчак недакладныя і супярэчлівыя. У гісторыі любога мястэчка Заходняй Беларусі ў 20-30 гг. можна знайсці змены ў сацыяльным статусе, дзе б у адных дакументах мястэчка ўпаміналася як вёска, у другіх – як горад ці мястэчка.

Згодна з класіфікацыяй З. Шыбекі, у адпаведнасці з велічынёй, мястэчкі можна ўмоўна падзяліць на чатыры групы: мястэчкі-сёлы, дробныя, вялікія, буйныя. Колькасная мяжа паміж гэтымі групамі залежыць ад адпаведнага храналагічнага перыяду. Для другой паловы XIX – пачатку XX ст. З. Шыбека прапаноўвае наступныя лічбы: мястэчкі – сёлы (да 500 жыхароў), дробныя (ад 500 да 2000), вялікія (ад 2000 да 5000), буйныя (больш 5000) [22, с.79]. Мястэчак, якія б налічвалі больш за 5000 чалавек ў 1921 – 1929 гг. не назіралася. У 20 – 30 гг. большасць мястэчак былі невялікімі па колькасці жыхароў пасяленнямі, пераважалі мястэчкі-сёлы і дробныя мястэчкі. З 158 мястэчак Навагрудскага, Палескага, Віленскага ваяводстваў мястэчак-сёл налічвалася 55 (35%), дробных – 80 (51%), вялікіх – 23 (13,5%). Сярэдняя колькасць жыхароў у мястэчках Заходняй Беларусі ў 1921 г. складала 1032 чалавек [11].

Ролю мястэчак у структуры паселішчаў Заходняй Беларусі вызначалі эканамічныя, палітычныя і культурна-сацыяльныя функцыі, якія яны выконвалі ў гміне і павеце, ці нават у ваяводстве.

Польская ўлада бачыла ў мястэчках своеасаблівую зону абмена (у першую чаргу эканамічную) паміж вёскай і горадам і не перашкаджала іх эканамічнаму развіццю, але і асабліва не падтрымлівала развіццё местачковай

прамысловасці, рамяства і гандлю. Наяўнасць у многіх мястэчках развітой дробнатаварнай вытворчасці ў форме рамяства і дробнакапіталістычных прамысловых прадпрыемстваў, поўнага спектру вядомых на той час усіх форм арганізацыі гандлю з'яўлялася сведчаннем шырокага распаўсюджвання прадпрымальніцкай ініцыятывы местачкоўцаў, гібкасці і прыстасаванасці мясцовай эканомікі да агульнапольскага рынка.

Галоўную ролю ў станаўленні мястэчка як гандлёва-прамысловага цэнтра гміны і павета адыгрывалі яўрэі, якія этнічна дамінавалі ў сацыяльным складзе насельніцтва мястэчак. Гандаль быў сканцэнтраваны пераважна і, нават, амаль выключна ў іх руках, аб чым сведчыць высокая ўдзельная вага яўрэяў сярод прафесійна арганізаванага купецтва мястэчак, прыналежнасць ім амаль усіх местачковых гандлёвых устаноў. Так, згодна з 11 артыкулам польскага гандлёвага Кодэкса 1918 г., у кожным населеным пункце, дзе было больш чым за 10 купцоў павінен быў быць створаны саюз купецтва [17, с.215]. У 30-я гг. у мястэчках Палескага ваяводства дзейнічала 17 яўрэйскіх купецкіх саюзаў, якія налічвалі ад 40 да 200 членаў [18, л.2-37]

У залежнасці ад эканамічнай функцыі-дамінанты мястэчкі Заходняй Беларусі можна падзяліць на прамысловыя і гандлёва-прамысловыя. Сельская гаспадарка ў 20 – 30 гг. для большасці местачкоўцаў перастала быць асноўным заняткам у мястэчках, перавага аддавалася "неземляробчым" заняткам. Дзякуючы хуткаму развіццю такіх галін прамысловасці, як лясная, лесахімічная, мінеральная, тэкстыльная, харчовая, асобныя мястэчкі вылучаліся ў спецыялізаваныя прамысловыя цэнтры гмін, паветаў, і нават ваяводства. Па прамысловым развіцці некаторыя мястэчкі, такія, як Гайнаўка, Граева (Бельскі павет), Шчучын (Лідскі (з 1929 г. Шчучынскі павет), Маларыта (Брэсцкі павет), Мікашэвічы (Лунінецкі павет), Варапаева (Пастаўскі павет), не саступалі нават павятовым гарадам. Асобныя мястэчкі нават вызначалі развіццё пэўных галін прамысловасці Заходняй Беларусі. Новая Вілейка і Ашмяны Віленскага ваяводства былі адзінымі цэнтрамі па вытворчасці дражджэй, а мястэчка Рось Ваўкавыскага павета Беластоцкага ваяводства – адзіным цэнтрам цэментнай вытворчасці ў Заходняй Беларусі.

Гандлёвая інфраструктура заходнебеларускага мястэчка, прадстаўленая значнай колькасцю магазінаў і крам, а таксама гасцініц, заездных дамоў і разнастайных піцейных устаноў, даюць магчымасць сцвярджаць, што мястэчкі паступова набліжаліся да горада, страчваючы сваю местачковую асаблівасць як паселішчаў пераходнага стану паміж вёскай і горадам. Крыніцы дазваляюць прасачыць, што ў 1928 - 1930 г. з 305 піцейных устаноў у Палескім ваяводстве - 139 знаходзілася ў мястэчках [19, л.17-23].

Увогуле дабрабыт местачковага насельніцтва быў нядрэнным, значна лепшым ад вясковага насельніцтва. Акрамя гарадоў, мястэчкі выступалі асяродкамі медыцыны і эпідэміялогіі для жыхароў цэлай гміны, што было надзвычай важным для насельніцтва вёсак, удаленага ад гарадскіх цэнтраў аховы здароўя. Мястэчкі Палескага ваяводства: Камень-Літоўск, Драгічын, Ганцавічы, Мікашэвічы, Бяроза-Картузская, Шарашова, Малеч, Дамбровіца, Вічувка сталі гміннымі цэнтрамі здароўя, у якіх дзейнічалі сеймікавыя і

грамадскія бальніцы. Адзінай дзяржаўнай бальніцай (з 4 па Палескаму ваяводству) быў шпіталь на 40 ложак у Ганцавічах на чале з кіраўніком Вацлавам Пшэднікевічам [20, л. 122].

Нельга не згадзіцца з даследчыцай І.В. Соркінай, якая адзначыла, што мястэчка – гэта сапраўдны феномен нашага мінулага. Фенаменальнасць мястэчка падкрэсліваецца ў першую чаргу поліэтнаканфесіянальным складам насельніцтва і перыферыйным становішчам паміж горадам і вёскай. Сацыяльная стракатасць насельніцтва заходнебеларускага мястэчка пераўтварала гэты тып паселішчаў у поліэтнаканфесійную зону польскага, беларускага, яўрэйскага, літоўскага, рускага народаў, узаемадзеянне якіх вельмі станоўча паўплывала на інтэнсіўнасць развіцця культуры нацыянальных меншасцей ва ўмовах палітыкі паланізацыі, якую праводзіла цэнтральная польская ўлада. Асабліва неабходна звярнуць увагу на ролю мястэчка як цэнтра яўрэйскай культуры і ідышскай традыцыі. Нягледзячы на тое, што польскі ўрад праводзіў у адносінах да нацыянальных меншасцей палітыку прававога абмежавання, выключэнне было зроблена толькі для яўрэйскага насельніцтва, якое атрымала права на самакіраванне. Яўрэйскія абшчыны у мястэчках Заходняй Беларусі ў 1921 – 1939 гг. пераўтвараюцца ў самастойныя адміністрацыйна-тэрытарыяльныя адзінкі. І тэрмін “штэтл” набывае асаблівае традыцыйна-гістарычнае значэнне на заходнебеларускіх землях у параўнанні з Усходам, дзе гэты тэрмін з 20-х гадоў паступова знікае з савецкай карты, як і тэрмін “мястэчка” як адміністрацыйна-тэрытарыяльная адзінка.

Вялікую ролю ва ўмацаванні “польскасці” ў населеных пунктах Заходняй Беларусі ў 1921 – 1939 гг. адыграла адукацыя, і мястэчкі станавіліся цэнтрамі мясцовай асветы, у першую чаргу пачатковай і сярэдняй адукацыі. У гмінным ці павятовым мястэчку наяўнасць школы (пераважна польскай і яўрэйскай) было абавязковым. Можна адзначыць, што з 19 прафесійных сельскагаспадарчых школ, якія дзейнічалі ў 1930 г. на тэрыторыі Заходняй Беларусі, у мястэчках знаходзілася пераважная большасць (12 школ) [21].

Такім чынам, перыяд 1921 – 1939 гг. у гісторыі заходнебеларускага мястэчка з’яўляецца сапраўдным “сконам” гістарычнага развіцця гэтых паселішчаў, якія паступова губляюць сваю местачковую аднатыповасць і набліжаюцца да гарадоў. Аднак поўнасцю адмаўляць існаванне мястэчка як асобнага тыпу паселішчаў у 20 – 30 гг. XX ст. нельга. З XVI ст. па 1939 г. мястэчкі побач з гарадамі і вёскамі афіцыйна ўваходзілі ў сістэму паселішчаў Беларусі.

Спіс крыніц і літаратуры

1. Лакотка, А. Мястэчка / А. Лакотка. // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі: у 6 т. Т.5. – Мінск, 1999. – с. 251; Лакотка, А. Мястэчка / А. Лакотка // Беларуская энцыклапедыя: у 18 т. Т. 11. – Мінск, 2000. – с. 79 – 80; Гуркоў, У. Мястэчка / У. Гуркоў // Этнаграфія Беларусі: энцыклапедыя. – Мінск, 1989. – с. 332; Цітоў, В.С. Мястэчка / В.С. Цітоў // Народная культура Беларусі: энцыклап. давед. Мінск, 2002. – с. 248.
2. Соркіна, І. Мястэчкі Беларусі ў канцы XVIII – першай палове XIX ст. / І. Соркіна. – Вільна: ЕГУ, 2010. – 488 с.

3. Skorowidz miejscowosci Rzeczypospolitej Polskiej. Województwo Wołyńskie: nakladem głownego urzęndu statystyczhego. – Tom 9. – Warszawa. – 1923. – 83 s.
4. Rocznik Ziem Wschodnich. Kalendarz na rok 1937 / pod. red. L. Grodzickiego – Warszswa, 1937. – 287 s.
5. Gałasiewicz, G. Stan i zadania samorządu na terenie województwa Białostockiego. / G. Gałasiewicz. // Samorząd terytorjalny. / kwartalnik, poświęcony teorji i życiu samorządu terytorjalnego. – Warszawa. – Zeszyt 1. – 1929. – s. 78 - 95.
6. Данскіх, С.У. Наш Шчучын / С.У. Данскіх. / пад рэд. праф. У.Д. Разэльфельда. – Гродна, 2001. – 207 с.
7. Князева, В. Падарожжа па Беларусі: гарады і гарадскія пасёлкі / В. Князева. – Мінск: Беларусь, 2005. – 303 с.
8. Milewski, J. Z dziejów województwa Białostockiego w okresie międzywojennym / J. Milewski – Białystok, 1999. – s.101.
9. Аляксандраў, Г. Праграма вывучэння мястэчка / Г. Аляксандраў // Наш край. – 1928. - №2 (29). – с. 42 - 54.
10. Мястэчкі БССР у рэкаструкцыйны перыяд / З матэрыялаў абследвання, праведзенага Нацкамісіяй пры ЦВК БССР і яўсектарам БАН у сак. – крас. 1931 г. – Мінск: ДБВ. Экапраўсектар, 1932. – 56 с.
11. Skorowidz miejscowosci Rzeczypospolitej Polskiej. Województwo Nowogródskie: nakladem głownego urzęndu statystyczhego. – Tom 7. – część 1 – Warszawa. – 1923. – 122 s.; Skorowidz miejscowosci Rzeczypospolitej Polskiej. Województwo Poleskie: nakladem głownego urzęndu statystyczhego. – Tom 8. – Warszawa. – 1924. – 84 s.; Skorowidz miejscowosci Rzeczypospolitej Polskiej / opracowany na podstawie wyników pierwszego powszechnego spisu ludności z dn. 30 września 1921 r. i innych zródeł urzędowych. Ziemia Wilenska. Powiaty: Brasław, Dunilowicze i Wilejka – Tom.8, Cz.2. - Warszawa. – 1923. – 117 s.
12. Gałasiewicz, S. Ziemia Nowogródska. Najpilniejsize gospodarcze i kulturalne potrzeby / S. Gałasiewicz. – Nowogródek, 1936. – 73 s.
13. Marczak, M. Pzewodnik po Polesiu / M. Marzak. - Brześć, 1935. – 156 c.
14. Sprawozdanie wojewody Bialostockiego (z 01.04.1931. – 01.04.1932) z działalności administracji państwowej Samorządów województwa Białostockiego. – Białystok. – 1933. – 193 s.
15. Odlianicki-Poczobutt, S. Województwo Nowogródzkie / S. Odlianicki-Poczobutt. – Wilno: Nakladem Wilenskaj Izby rolniczej, 1936. – 497 s.
16. Nagurski, T. Przemysł i handel w Wileńskiem i Nowogródzkiem / T. Nagurski. – Wilno, 1934. – 60 s.
17. Kodeks handlowy obowiązujący w królewstwie Polskim / pod red. J. Namitkiewicza. – Warszawa, 1918 r. – 252 s.
18. Дзяржаўны архіў Брэсцкай вобласці (ДАБВ), Фонд 1. – Воп. 3. – Спр. 1200. Звесткі пра прафесійныя купецкія арганізацыі і іх колькасць, 1934 г.
19. ДАБВ, Фонд 1. – Воп. 1. – Спр. 557. Циркуляры Министерства Внутренних Дел и протоколы Полесской воеводской комиссии по борьбе с алкоголем и списки мест продажи спиртных напитков, 1928 – 1930 гг.
20. ДАБВ, Фонд.1 – Воп. 5. – Спр. 86. Отчеты поветовых врачей о санитарном состоянии поветов Полесского воеводства за 1922 – 1933 гг.
21. Літоўскі дзяржаўны цэнтральны архіў (ЛДЦА), Фонд. 51. – Воп. 2. – Спр. 623. Мара rozmieszczenia szkól rolniczych, r. 1930.
22. Шыбека, З.В. Гарады Беларусі (60-я гг. XIX ст. – пачатак XX стагоддзяў) / З.В. Шыбека. – Мінск: Бел. навука, 1997.

Ганна Станіславаўна Вайцешчык, магістр гістарычных навук, аспірантка кафедры гісторыі Беларусі факультэта гісторыі і сацыялогіі Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта

імя Янкі Купалы. Даследуе гісторыю мястэчак Заходняй Беларусі міжваеннага перыяду. Навуковы кіраўнік: кандыдат гістарычных навук, прафесар І.П.Крэнь.

УДК 94 (476 – 21) “192/193”

Ірына Раманава (Мінск)

ТРАНСФАРМАЦЫЯ САЦЫЯЛЬНАЙ СТРУКТУРЫ ГАРАДСКОГА НАСЕЛЬНІЦТВА Ў БССР У 1920—1930-Я ГАДЫ

На основании материалов Всесоюзных переписей населения 1926 г., 1937 г., 1939 г. изучается трансформация социальной структуры городского населения в 1920—1930-е годы в БССР.

Асноўнай крыніцай для вывучэння трансфармацыі структуры гарадскога насельніцтва БССР з’яўляюцца матэрыялы Ўсесаюзных перапісаў насельніцтва 1926 г., 1937 г., 1939 г. Храналагічна гэтыя перапісы адстаяць адзін ад аднаго недалёка, але праводзіліся яны ў радыкальна розных палітычных і сацыяльна-эканамічных умовах. Калі першы з іх, перапіс 1926 г., імкнуўся максімальна поўна адлюстраваць не толькі наяўную колькасць насельніцтва, але і складаную сацыяльную структуру, характэрную для нэпа, то перапісам 1930-х гадоў былі навязаны жорсткія рамкі для фіксацыі заняткаў насельніцтва, працэнтныя суадносіны паміж гарадскім і вясковым насельніцтва і, больш за тое, колькі чалавек павінна жыць у СССР у гэты час. Аднак, выніковыя дадзеныя перапісу 1937 г. не задаволілі ўрад ні па агульнай колькасці насельніцтва, ні па паказчыку пісьменнасці і адукацыі, ні па ўзроўню рэлігійнасці і г.д. Атрыманыя дадзеныя былі аб’яўлены вынікам “шкодніцкага правядзення перапісу” і засакрэчаны, а арганізатары перапісу рэпрэсаваны. Яшчэ ў больш жорсткіх умовах праходзіў перапіс 1939 г. Аднак яго вынікі не абверглі ў асноўным дадзеныя перапісу 1937 г.

Нягледзячы на шэраг грунтоўных даследаванняў па вывучэнні матэрыялаў “рэабілітаванага” перапісу 1937 г., значная іх частка не ўведзена ў навуковы зварот да гэтага часу (асабліва што тычыцца дадзеных па асобных рэспубліках). Адносна перапісу 1939 г. сучасныя даследчыкі прыходзяць да высновы, што хоць фальсіфікацыя агульнага ліку насельніцтва СССР у 1939 г. мела месца, яна нязначная па сваёй велічыні і матэрыяламі перапісу пры пэўнай карэкцыі можна карыстацца.

У 1926 г. у БССР жыло 4 983, 24 тыс. чалавек. Абсалютную большасць насельніцтва складала тытульная нацыя (больш за 80%). У гарадах жыло 847,8 тыс. чалавек [1, с. 7–8]. Агульныя суадносіны паміж вясковым і гарадскім насельніцтвам сведчаць аб нізкай ступені урбанізацыі. На тэрыторыі БССР налічвалася 113 гарадскіх пасяленняў (гарады і пасёлкі гарадскога тыпу), з іх 12 з’яўляліся акружнымі цэнтрамі, у тым ліку сталіца Мінск. 19 пасяленняў, аднесеных да гарадскіх, мелі насельніцтва менш за 1 тыс.; 67 пасяленняў – ад 1

тыс. да 5 тыс., 17 – 5 да 10 тыс. чалавек, больш за 10 тыс. было у 12 гарадах. Найбольш буйнымі гарадамі былі Мінск (131,8 тыс.), Віцебск (98,8 тыс.), Гомель (86,4 тыс.), Бабруйск (51,3 тыс.), Магілёў (50,2 тыс.) [1, с. 6–8].

Перапіс 1926 г. падзяляў усё насельніцтва на 2 вялікія групы: самадзейнае насельніцва (тыя, хто мае самастойныя крыніцы даходаў) і несамадзейнае (тыя, хто жыве за кошт іншых асоб, дзеці да 10 гадоў). У БССР да першай групы адносілася 3 141 896, з іх у гарадскіх пасяленнях – 382,2 тыс. Сярод самадзейнага насельніцтва істотна пераважалі мужчыны, жанчыны яшчэ адносна слаба былі ўцягнуты ў вытворчасць [2, с.2]. Для характарыстыкі сацыяльнай структуры гарадскога насельніцтва дадзеныя будуць прыводзіцца, натуральна, па самадзейнаму насельніцтву.

Нэп стварaў сацыяльную структуру характэрную для краіны ва ўмовах рынкавай гаспадаркі з усімі ўласцівымі ёй элементамі – прадпрымальнікамі, гандлярамі, рабочымі, сялянамі, служачымі, бюракратыяй, рамеснікамі, саматужнікамі, інтэлігенцыяй, ранцье, беспрацоўнымі, жабракамі і інш.

Пераход да нэпаўскіх адносін суправаджаўся выкарыстаннем усіх магчымасцей партыйна-дзяржаўнага апарата для юрыдычнага ці практычнага афармлення бяспраўнага становішча большасці “носьбітаў” нэпа (прадпрымальнікаў, гандляроў, асоб, якія карысталіся наёмнай працоўнай сілай). Яны разглядаліся дзяржавай як “эксплуататарскі, чужы сацыялізму элемент капіталістычнай фармацыі” і побач з “былымі людзьмі” (выхадцы з раней прывілеяваных саслоўяў, святары, супрацоўнікі праваахоўных органаў старога рэжыму і інш.) і заможнымі сялянамі і членамі іх сямей адносіліся да пазбаўленых палітычных правоў – “лішэнцаў”. Яны не мелі права не толькі абіраць і быць абранымі, займаць дзяржаўныя ці грамадскія выбарныя пасады, але і атрымліваць дапамогу па беспрацоўю, прэтэндаваць на атрыманне дзяржаўнай медыцынскай дапамогі, іх дзеці выключаліся са школ другой ступені, не прымаліся ў ВНУ. У залежнасці ад змены курса некаторыя з гэтых груп атрымлівалі правы. Так у 1925 г. са спісу “лішэнцаў” былі выключаны саматужнікі і рамеснікі[4], якія мелі не больш аднаго дарослага работніка, дробныя гандляры. Аднак ужо ў 1926 г. гэтыя паслабленні былі адменены, а катэгорыі “лішэнцаў” – пашыраны [4, л. 128–129]. У 10 буйнейшых гарадах рэспублікі ў 1931 г. было пазбаўлена выбарчых правоў 6,4% насельніцтва ад 18 гадоў [падлічана па: 5, л.7]. Катэгорыя “лішэнцаў” знікла толькі ў 1936 г. з прыняццем Канстытуцыі СССР, якая абвясціла наданне роўных правоў.

Найбольш масавую групу насельнікаў горада складалі рабочыя, у 1926 г. іх было 67,6 тыс. чалавек. Яны былі заняты ў асноўным у дзяржаўным сектары гаспадаркі: 27,4 тыс. складалі фабрычна-завадскія, 10,4 тыс. – рабочыя чыгуначнага транспарту. Пераважная большасць дробных прыватных прадпрыемстваў не карысталася наёмнай працоўнай сілай. Агульная колькасць наёмных рабочых на прадпрыемствах такога тыпу даволі нязначная – 8,9 тыс. чалавек [падлічана па: 2, с.2]. У той час, як дробныя саматужнікі выпускалі 41,1% усёй прамысловай прадукцыі рэспублікі [3, с. 487].

[4] саматужнік займаўся вытворчасцю прадукцыі для збыту на базары, рамеснік жа працаваў непасрэдна на спажыўца па заказу. У афіцыйнай тэрміналогіі пад “саматужнікам” разумеўся самастойны гаспадар.

Перапіс выдзяляе тры буйныя катэгорыі самадзейнага насельніцтва: гаспадары з наёмнымі рабочымі, гаспадары, што працуюць толькі з членамі сям'і, адзіночкі. Да першай катэгорыі па гарадах БССР аднесена 4,2 тыс., да другой – 28,1 тыс., да трэцяй – 39,4 тыс. чалавек. Найбольшую частку з іх складалі гаспадары, занятыя ў сельскай гаспадарцы – больш за 22,5 тыс. чалавек (з іх 19 тыс. – без наёмных рабочых, 2,8 тыс. – адзіночкі і толькі 634 карысталіся наёмнай рабочай сілай) [падлічана па: 2, с.2]. Прыведзеныя лічбы сведчаць аб тым, што значная частка насельніцтва, аднесенага да гарадскога, жыла з сельскай гаспадаркі.

Не атрымаў значнага распаўсюджвання наём працоўнай сілы і ў саматужна-рамеснай вытворчасці. Тут абсалютную большасць складалі таксама адзіночкі – амаль 20 тысяч, 5,7 тыс. працавалі толькі з членамі сям'і і 3,2 тысячы мелі наёмных рабочых [падлічана па: 2, с.2].

Вельмі нязначнай з'яўляецца колькасць асоб аднесеных да фабрыкантаў і заводчыкаў – 28 чалавек (23 з іх у гарадах) [2, с.2]. Гэта было звязана ў немалой ступені з тым, што прыватныя і асабліва арэндныя прадпрыемствы былі пастаўлены ў няроўныя ўмовы з дзяржаўнымі, апошнія мелі цэнтралізаванае забеспячэнне, гарантаваныя дзяржаўныя заказы і закупкі. Распрацоўцы доўгатэрміновай стратэгіі і значным капіталаўкладанням з боку прадпрымальнікаў не спрыялі тэрміны арэнды (ад 1 да 6 гадоў), няўпэўненасць у заўтрашнім дні ў дзяржаве, дзе нэпманы разглядаліся як класавы вораг, ці, у лепшым выпадку, як чужыя новаму ладу і палітычна нераўнапраўныя. У такіх умовах прадпрымальнікі ў вытворчую сферу "укараняліся" слаба, у асноўным праводзіліся арэндныя здзелкі разлічаныя на хуткае абагачэнне без вялікіх затрат. Яны аддавалі перавагу рознічнаму, паўаптоваму гандлю, пасрэдніцкай дзейнасці, як найбольш цяжка канралюемым з боку дзяржавы.

Гандаль таксама развіваўся ў даволі неспрыяльных умовах: старая гандлёвая сістэма была зламана, а яе аднаўленне ўскладнялася нядобразычлівымі адносінамі кіраўніцтва ўсіх узроўняў. Да гэтага дадаваліся высокія падаткі і транспартныя расходы пры фактычнай немагчымасці атрымання крэдытаў. Адсутнасць свабоднага таваразвароту не дазваляла рынку аказваць рэгуліруючае ўздзеянне на цэны. Сітуацыя ўскладнялася амаль бяспраўным становішчам гандляроў. Разам з тым прадпрымальніцтва ў гандлі нярэдка развівалася нелегальна, ствараючы т.зв. "чорны рынак".

Тым не менш, менавіта свабода гандлю стала цэнтральным звяном нэпа, менавіта тут былі дасягнуты найбольш адчувальныя вынікі, звязаныя з паляпшэннем матэрыяльнага становішча людзей. Ужо ў 1922/23 г. на долю прыватніка прыпадала 90% усіх гандлёвых прадпрыемстваў і 85% таваразвароту.

Згодна з дадзенымі перапісу 1926 г. абсалютную большасць гандлёвых прадпрыемстваў складалі прадпрыемствы без наёмных рабочых, такіх у гарадах было амаль 12 тыс. (з іх 9,5 тыс. адзіночкі), наёмнай працоўнай сілай карысталіся толькі 309 гандляроў [падлічана па: 2, с.2].

Наступленне на нэпманаў з мэтай іх выцяснення з гандлю і прамысловасці вялося спачатку ў асноўным эканамічнымі метадамі, а ў д.п. 20-

х гг. і адміністрацыйнымі. За адзін толькі 1927/28 г. было закрыта каля 5 тыс. гандлёвых прадпрыемстваў, крыніцы існавання было пазбаўлена каля 20 тыс. чалавек. Меры супраць гандлю адразу ж адбіліся на саматужна-рамеснай прамысловасці, узніклі цяжкасці з набыццём сыравіны, са збытам прадукцыі, што вяло да яе згортвання.

Яшчэ адной значнай катэгорыяй, выдзеленай перапісам 1926 г., з'яўляюцца служачыя. Паняцце "служачы" з'яўляецца даволі ёмкім, але, на жаль, не вельмі канкрэтным: да іх адносіліся наёмныя працаўнікі разумовай ці канторскай працы. Такім чынам, сюды ўключаліся і фабрычны ўчотчык, і чыноўнік, і інжынер, рэальны сацыяльны стан якіх значна адрозніваўся. У гарадах, дзе іх было сканцэнтравана прыкладна 2/3, налічвалася 77,5 тыс. служачых; 1,9 тыс. складалі асобы вольных прафесій [падлічана па: 2, с.2].

Частковы перавод прамысловасці на капіталістычныя прынцыпы гаспадарання і закрыццё шэрагу прадпрыемстваў, адсутнасць пастаянных заняткаў у значнай часткі гарадскога і местачковага насельніцтва выклікалі рост беспрацоўя. У 1928 г. колькасць беспрацоўных у БССР дасягнула 64,4 тыс. чал. [6, с.23]. Фактычная ж іх колькасць была яшчэ большай з-за розных абмежаванняў, якія існавалі пры прыёме на біржы працы.

Беларусы ў асноўнай сваёй масе з'яўляліся жыхарамі вясковым. Астатнія групы прадстаўлялі нязначную частку адносна ўсяго беларускага насельніцтва: саматужнікі разам з дапамагаючымі ім членамі сям'і – 2,6%, рабочыя – 1,7%, служачыя – 1,2% і інш. [падлічана па: 2, с.1–2]. Абсалютная большасць яўрэяў жыла ў гарадах і мястэчках (1939 г. – каля 88% ад усёй колькасці яўрэйскага насельніцтва). Яўрэі мелі самабытную сацыяльную структуру. Колькасць яўрэяў-саматужнікаў была крыху больш за 8% ад агульнай колькасці яўрэйскага насельніцтва, але яны складалі 79% ад агульнай колькасці гаспадароў горада і вёскі, якія мелі наёмных рабочых, 76% гаспадароў, якія працавалі толькі з членам сям'і і 62% саматужнікаў-адзіночак. Толькі 3,1% яўрэяў з'яўляліся гандлярамі, аднак яны складалі каля 90% усіх гандляроў па БССР [падлічана па: 2, с. 1–3]. З 28 абазначаных у перапісе як заводчыкі і фабрыканты 26 былі яўрэямі. Разам з тым у параўнанні з іншымі нацыянальнасцямі ў яўрэяў была самая высокая ўдзельная вага беспрацоўных (каля 7% самадзейнага насельніцтва, у той час як сярод беларусаў адпаведны працэнт складаў толькі 0,4%), а таксама асоб, якія не мелі пастаяннага даходу. Рабочыя і служачыя ў структуры яўрэйскага насельніцтва складалі прыкладна па 6%, у той час як сярод іншых рэгіёнаў краіны група служачых сярод яўрэяў значна перавышала рабочых. Гэта звязана з тым, што адмена мяжы аседласці і розных працэнтных нормаў зрабілі магчымым для найбольш мабільнай часткі яўрэйскага насельніцтва атрыманне працы ў савецкім апараце буйных гарадоў Расіі. Прыкладна 50% рускіх з'яўляліся гараджанамі, сярод іх значны працэнт (каля 15% ад агульнай колькасці) складалі ваеннаслужачыя [падлічана па: 2, с. 1–3]. Астатнія нацыянальныя меншасці ў пераважнай большасці былі заняты ў сельскай гаспадарцы.

Фарсіраваная індустрыялізацыя, гвалтоўная калектывізацыя змянілі твар горада. Толькі за гады першай пяцігодкі было пабудавана 538

прадпрыемстваў, з іх 78 буйных. Усяго ж у 1929—1940 гг. у рэспубліцы ўведзены ў дзеянне і рэканструяваны 1863 прадпрыемствы [3, с.488]. Натуральна, будоўлі ва ўмовах мінімальнай тэхнічнай аснашчанасці[5] патрабавалі вельмі значных людскіх рэсурсаў.

У 1930 г. былі закрыты біржы працы, у гарадах знік такі рэзерв працоўнай сілы як беспрацоўныя, а індустрыялізацыя патрабавала ўсё новых і новых рабочых. Важнай крыніцай папаўнення гарадоў быў яго механічны прырост, міграцыйны рух насельніцтва з вёскі ў горад яшчэ больш узмацніўся. Акрамя самастойнага ад'езду і працаўладкавання ў гарадах сяляне маглі трапіць на прамысловыя прадпрыемствы і будоўлі шляхам арганізаваных набораў, якія вельмі шырока праводзіліся дзяржавай. Неабходна адзначыць, што самы непасрэдны ўплыў на пасіленне міграцыйных настрояў сялянства аказала калектывізацыя. Павялічыўся адток насельніцтва БССР у індустрыяльныя цэнтры РСФСР, так толькі ў 1932 г. з БССР у РСФСР прыбыло 35,6 тыс. чалавек [7, с. 227]. Пэўныя магчымасці для міграцыі давала і сістэма адукацыі.

У 1930-я гады пачынаецца даволі хуткі колькасны рост рабочага класа і служачых. Калі на пачатку першай пяцігодкі на адно буйное прадпрыемства прыпадала 250 рабочых, то праз два гады – 870 [3, с.487]. У 1932 г. колькасць рабочых у прамысловасці рэспублікі складала 135,5 тыс. чалавек, а да канца 1937 г. дасягнула 262,2 тыс. чалавек [8, с.324].

Як адзначалася, у адрозненні ад перапісу 1926 г. перапісы 30-х гадоў праводзіліся ў зусім іншых абставінах, адчувалі на сабе ўплыў палітычнай кан'юнктуры. Сталін на XVII з'ездзе ВКП(б) у 1934 г. заявіў, што агульная колькасць насельніцтва СССР складае 168 млн. чалавек. Гэтая лічба была выведзена на канец 1933 г., а да 1937 г. чакалі, што яна дасягне прыкладна 180 млн. Другім момантам, які зрабіў немагчымым дакладны ўлік насельніцтва, была заява Сталіна аб "росце жыхароў ў гарадах і рабочых, занятых у прамысловасці, па крайняй меры ўдвая больш, чым ў стары час" [9, с.29]. Кіраўнікі перапісу ў такіх ўмовах павінны былі набраць лічбу хаця б вышэй той, якая была ўказана ў дакладзе правадыра, і схаваць страты насельніцтва, звязаныя з голадам, рэпрэсіямі. Гэта выклікала перанос тэрмінаў перапісу і, нават, па прапанове Сталіна, з 1936 г. увядзенне забароны на аборты, што дало часова на два бліжэйшыя гады высокую нараджальнасць [9, с.32].

На XVIII з'ездзе Саветаў Сталін заявіў, што "наша грамадства складаецца выключна з рабочых, сялян і інтэлігенцыі, а ўсе іншыя пласты грамадства зніклі з твару савецкай зямлі" [Цыт. па: 9, с.16]. Увядзенне гэтай схемы прывяло да яўных страт у сацыяльнай структуры, якая фіксавалася перапісам: знік тэрмін "самадзейны гаспадар", ён быў заменены абразлівым – "аднаасобнік"; непрацоўныя аб'ядноўваліся ў адну групу са служыцелямі культа; некааперараныя і кааперараныя саматужнікі разглядаліся як адзіная група, члены сямей калгаснікаў, занятыя на падсобнай гаспадарцы,

[5] Будаўнічыя арганізацыі да канца першай пяцігодкі мелі толькі 5 экскаватараў, 13 жвірамяшалак і сарціровак, 61 пад'ёмны кран, 98 растворамяшалак, 70 трактароў, 33 аўтамабілі [3, с. 487].

перапісваліся як аднаасобнікі, у той час як члены сямей рабочых – як рабочыя і інш.

Нягледзячы на спробы схаваць страты насельніцтва шляхам маніпуліравання з дадзенымі перапісу 1937 г., патрэбны вынік дасягнуты не быў. Перапіс 1937 г. зафіксаваў у СССР толькі 162 млн. чалавек. У БССР жыло 5 196 549, што склала 5,5% прыросту насельніцтва ў параўнанні з 1926 г. [9, с.36]. Дакладнасць перапісу 1937 г. адносна агульнай колькасці насельніцтва сёння ў даследчыкаў не выклікае сумнення. Больш складаным з'яўляецца пытанне адносна колькасці гарадскога насельніцтва. Згодна з перапісам у БССР у гарадах жыло 1 086 563, што склала ў параўнанні з 1926 г. – 136,3% [9, с. 41, 50]. Насельніцтва гарадоў ва ўмовах індустрыялізацыі, сапраўды, павялічылася, але не ў такіх памерах, як чакалася. Да таго ж у Беларусі і на Украіне прырост гарадскога насельніцтва быў больш нізкім, чым у РСФСР. Росту яго колькасці ў 2 разы не адбылося. Найбольш буйныя гарады БССР (Мінск, Віцебск, Гомель, Магілёў, Бабруйск) павялічылі колькасць свайго насельніцтва ад 1,5 да 1,8 (Бабруйск) разоў. У Мінску жыло 197,3 тыс., у Віцебску – 141,3 тыс., у Гомелі – 125,4 тыс., у Магілёва – 79 тыс., у Бабруйску – 72,1 тыс. чалавек [9, с.59].

Перапіс 1939 г. праводзіўся ва ўмовах яшчэ больш жорсткага ціску. У выніку лічбы падганяліся пад раней зададзены вынік. Аднак прыпіска насельніцтва па розных рэгіёнах адбывалася нераўнамерна: большы працэнт прыходзіўся на тыя раёны, дзе былі больш адчувальнымі страты насельніцтва, звязаныя з голадам пачатку 30-х гг. (ад 2,4 да 10%), з мэтай утойвання месцаў масавых утрыманняў высланых, праводзілася пераразмеркаванне перапісных лістоў заключаных [7, с.56 – 357; 11, с. 49, 51].

Тым не менш гэты перапіс не абверг асноўных дадзеных папярэдняга. Згодна з перапісам 1939 г. у СССР жыло 167,3 млн. чалавек (куды ўвайшлі дадзеныя спецперапісаў НКУС), а з улікам каэфіцыента папраўкі – 167,6 млн. Аднак абвешчана была лічба ў 170 млн. чалавек [10, с.8]. У БССР згодна з гэтым перапісам было 5 568 994 [10, с.21].

Яшчэ больш было палітызавана ў 1939 г. пытанне аб колькасці гарадскога насельніцтва. Неабаснаваная прыпіска да агульнай яго колькасці па СССР складала 14% [11, с.64]. У БССР, згодна з гэтым перапісам, гарадское насельніцтва склала 1 375 117. Такім чынам, калі ў 1926 г. гарадское насельніцтва складала каля 15%, то ў 1939 – каля 25% [10, с.22]; доля рабочых у агульнай колькасці насельніцтва павялічылася з 4,05% у 1926 г. да 21,9% у 1939 г. [8, с.333]. Тым не менш, дадзеныя перапісу дазваляюць прасачыць агульныя тэндэнцыі ў змене сацыяльнай структуры гарадскога насельніцтва.

Індустрыялізацыя прывяла да росту колькасці людзей, занятых ў буйной механізаванай вытворчасці. На 1939 г. у БССР найбольш рабочых адносілася да металістаў (41,5 тыс.), дрэваапрацоўшчыкаў (15 тыс.), тэкстыльшчыкаў (11,7 тыс.), каля 20 тыс. чалавек працавала на транспарце [падлічана па: 10, с.199–200]. Рэканструкцыя прамысловасці, прымяненне тэхнікі парабавалі кваліфікаванай рабочай сілы. У краіне разгортвала працу разгалінаваная сістэма падрыхтоўкі кадраў усіх узроўняў.

Цяжкія матэрыяльныя ўмовы побач з эмансіпацыяй жанчын вялі да павышэння іх колькасці сярод рабочых. Доля жанчын сярод рабочых буйной прамысловасці вырасла з 34,4% у 1928 г. да 45,4% у 1937 г. [8, с.331], у галінах лёгкай прамысловасці яны складалі 2/3 усіх працуючых.

Да другой паловы 1930-х гадоў вырасла доля служачых, асноўная іх маса была сканцэнтравана ў гарадах. У 1937 г. стала значна больш, чым ў 1926 г., прафесій савецкіх і партыйных работнікаў. Адзначаецца і значны рост колькасці вышэйшага звяна адміністрацыйна-кіраўнічых кадраў. У перапісе 1939 г., акрамя большай колькасці, якая вырасла нават у параўнанні з 1937 г., відаць яшчэ і сфарміраваная разгалінаваная наменклатурная сетка, якая ахапіла ўсе сферы гаспадарчага і культурнага жыцця. Агульная колькасць кіраўнікоў партыйных арганізацый, дзяржаўных, кааператыўных, грамадскіх устаноў і прадпрыемстваў БССР склала больш за 54 тыс. чалавек [падлічана па: 10, с.199–200]. Асабліва колькасны рост наменклатуры заўважны ў сельскай мясцовасці, што было звязана з калектывізацыяй.

На пачатку 1930-х гадоў з прычыны канчатковай экспрапрыяцыі прыватных прадпрыемстваў не стала “гаспадароў з наёмнымі рабочымі”; да канца першай пяцігодкі ў асноўным зніклі і наёмныя рабочыя ў прыватным саматужна-рамесленым сектары. Скарачалася колькасць саматужнікаў. Так, калі ў 1926 г. па БССР іх налічвалася 89 066, то ў сакавіку 1935 г. – толькі 6 385 [8, с.330]. Аднак нягледзячы на невялікую колькасць яны ўсё яшчэ адыгрывалі важную ролю і былі прадстаўлены шырокім наборам прафесій, якія часцей за ўсё не дубліравалі фабрычна-завадскую вытворчасць (харчовая, абутковая, ганчарная, шавецкая, бандарная і інш.). Большая частка саматужнікаў і рамеснікаў у 1930-я гады з’яўлялася членамі рознага роду кааператываў.

З аб’яўленнем прыватнага прадпрымальніцтва па-за законам вытворчасць перастала быць базісам сацыяльнай структуры грамадства. У 1930-я гады склалася сацыяльная сістэма, якая базіравалася на адзяржаўленай эканамічнай аснове і складалася практычна цалкам з сацыяльных пластоў і груп, звязаных з дзяржсектарам. Адзіным гаспадаром багаццяў краіны і размеркавальнікам матэрыяльных і іншых даброт стала дзяржава, якая кіравалася прынцыпам дзяржаўнай карысці. Ва ўмовах індустрыялізацыі гараджане атрымлівалі перавагу перад вясковымі жыхарамі, а насельніцтва буйных індустрыяльных цэнтраў – перад жыхарамі малых і неіндустрыяльных гарадоў [12, с.66]. І, натуральна, у самым прывілеяваным становішчы знаходзіліся прадстаўнікі ўлады.

Сярод фактараў, што аказалі непасрэдны ўплыў на дэмаграфічныя працэсы, патрэбна назваць голад, эпідэміі і, безумоўна, масавыя рэпрэсіі 30-х гадоў. Тыя, хто не быў прыгавораны да вышэйшай меры пакарання, паміралі ў лагерах і турмах. Як адзначаюць расійскія даследчыкі, нават сам НКУС не ведаў сапраўдных памераў смяротнасці ў лагерах [7, 344]. Тыя, хто змог выжыць, былі выключаны з працэса аднаўлення насельніцтва.

Фарсіраваная індустрыялізацыя, хуткая урбанізацыя, усеахопнае адзяржаўленне карэнным чынам трансфарміравалі сацыяльны твар горада. У

канцы 1930-х 2/3 тут складалі рабочыя дзяржпрадпрыемстваў, 1/3 служачыя дзяржпрадпрыемстваў. Раней шматлікія рамеснікі і саматужнікі зараз мелі нязначную долю; большасць дробных прадпрымальнікаў, гандляроў, рамеснікаў і іншых прадстаўнікоў прыватнай сферы ўліліся ў пралетарыят, сацыяльная стратыфікацыя 1920-х гадоў з характэрнай для яе нацыянальнай спецыфікай была зламана. У краіне стваралася новае грамадства, з новай сацыяльнай структурай, інтэрнацыянальнай па сваёй сутнасці.

Спіс крыніц і літаратуры

1. Всесоюзная перепись населения 1926 г. Т. 10. БССР. Отдел I. Народность, родной язык, возраст. – М.: Изд-во ЦСУ СССР, 1928.
2. Всесоюзная перепись населения 1926 г. Т. XXVII. БССР. Отдел II. Занятия. – М.: Изд-е ЦСУ СССР, 1928.
3. Энцыклапедыя гісторыі Беларусі: У 6 т. Т. 3 / Беларус. Энцыкл.; Рэдкал.: Г.П. Пашкоў (галоўны рэдактар) і інш. – Мн.: БелЭН, 1996. –527 с.
4. Нацыянальны Архіў Рэспублікі Беларусь (НАРБ у г.Мінску). Фонд 4-п. – Воп.3. – Спр.35.
5. Нацыянальны Архіў Рэспублікі Беларусь (НАРБ у г.Мінску). Фонд 702. – Воп.1. – Спр.83.
6. Энцыклапедыя гісторыі Беларусі: У 6 т. Т.2. / Беларус. Энцыкл.; Рэдкал.: Г.П. Пашкоў (галоўны рэдактар) і інш. – Мн.: БелЭН, 1994. – 537 с.
7. Население России в XX веке. В 3-х т. Т.1. / Отв. ред.В.Б. Жироская – М.: РОССПЭН, 2000. – 463 с.
8. История рабочего класса Белорусской ССР: В 4 т. Т.2. – Мн., 1985.
9. Жиромская, В.Б. Полвека под грифом “секретно”: Всесоюзная перепись населения 1937 года / В.Б. Жиромская, И.Н. Киселев, Ю.А.Поляков. – Москва: Наука, 1996. – 152 с.
10. Всесоюзная перепись населения 1939 года: Основные итоги / Под ред. Ю.А.Полякова. – Москва: Наука, 1992. – 256 с.
11. Жиромская, В.Б. Демографическая история России в 1930-е годы. Взгляд в неизвестное / В.Б. Жиромская. – Москва: Наука, 2001.
12. Осокина, Е. За фасадом “сталинского изобилия”: Распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации. 1927 – 1941. / Е. Осокина. – Москва: РОССПЭН, 1999.

Ірына Мікалаеўна Раманава, кандыдат гістарычных навук, старшы навуковы супрацоўнік Інстытуту гісторыі НАН Беларусі. Сфера навуковых зацікаўленняў: гісторыя Беларусі XX ст. (узаемаадносіны грамадства і ўлады, гістарычная антрапалогія, гісторыя штодзённасці, вусная гісторыя).

УДК 325.27

Александра Носова (Гродно)

СОЦИАЛЬНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ РЕПАТРИАНТОВ НА ПРИМЕРЕ ГОРОДОВ ГРОДНЕНСКОЙ ОБЛАСТИ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА 1940-Х ГГ.)

В статье рассматривается деятельность органов власти Гродненской области БССР по социальному обеспечению репатриированных граждан. Автором исследуются вопросы трудоустройства репатриантов в городах области, обеспечении их жильем. Освещаются

проблемы, с которыми сталкивались прибывшие в область лица: получение паспортов, прописка. Также внимание уделено помощи репатриированным детям-сиротам.

После регистрации и проверки в специально созданных пунктах подавляющее число репатриированных граждан направлялись к своему прежнему месту жительства. Прибывшие в города Гродненской области столкнулись со значительными трудностями. За годы оккупации экономика Гродненщины была отброшена на несколько десятилетий назад. В области, образованной 20 сентября 1944 года, насчитывалось 2 города областного подчинения (Гродно, Лида), 1 − районного подчинения (Волковыск), 13 городских поселков, 1 рабочий поселок [1, с. 296]. Из них почти полностью были разрушены Скидель, Сопоцкино, Порозово, на 80 процентов − Лида и Волковыск, на 30−40 процентов − Гродно, Слоним, Новогрудок [2, с. 128]. Тем не менее, перед соответствующими органами стояли задачи трудоустроить вернувшихся граждан и обеспечить им приемлемые бытовые и другие условия жизни.

Когда линия фронта отодвинулась на Запад, люди, которые остались в живых, сразу начали восстановление городов, в первую очередь предприятий промышленности, транспорта и связи, коммунального хозяйства. Решать эти задачи приходилось в условиях нехватки квалифицированной рабочей силы, оборудования, металла, сырья, топлива и электроэнергии. Репатриированные граждане, пройдя все ужасы плена и вернувшись на родину, сразу же включались в работу.

Вопросы трудоустройства

Как правило, трудоустройство репатриированных производилось по месту их прежнего жительства. За 1945 год в Гродненскую область возвратилось 5 168 человек, из них 2 639 трудоспособных мужчин и 1 962 женщин. Прибывшие в города области репатрианты, как правило, получали работу в промышленности (602 человека в 1945 году (для сравнения в сельском хозяйстве – 4 064 репатрианта) [3, лл. 56, 57]. К этому времени вступили в строй действующих цементный завод «Победа», Мостовский и Щучинский фанерные заводы, Волковысский чугунолитейный завод, табачная фабрика, два кожевенных завода и стеклозавод в г. Гродно, 17 горрайпромкомбинатов и другие предприятия [2, с. 131].

Директора предприятий и министерства обязаны были предоставлять репатриантам работу по их специальности. Тех, кто работал не по специальности, дирекция, а в необходимых случаях и министерство, обязаны были переводить с их согласия на другие предприятия, если на данном невозможно было найти работу по специальности [4, с. 3].

Кроме того, в совхозе «Станиславово», который располагался в черте г. Гродно, по данным за 1945-1947 годы, работали 13 семей репатриантов [5, лл. 35, 36].

Инициатива и трудовая активность рабочих, в том числе репатриированных граждан отмечалась в отчетах областного отдела переселения и репатриации. Так, Е.Е. Залевская, Ф.Н. Венская, работавшие на кожзаводе № 5 являлись стахановцами, ежедневно выполняли производственную норму на 150 % и

выше [6, лл. 7, 8]. М. Хаустович и Винень работали на табачно-ферментационном заводе. На протяжении 2-х лет выполняли производственную программу на 170-200 % и были занесены на Областную Доску Почета. На изразцово-плиточном заводе репатрианты Качан, Крупа, Устинович и др. работали целыми семьями и систематически перевыполняли производственную норму.

Есть данные о том, что репатриированные граждане трудились также на Сахаростроe в Скиделе, коопинсоюзе в м. Лунно, райпромкомбинатах Зельвы и Мостов [6, л. 33]. Прибывшая в Гродненскую область в 1 квартале 1949 года Е.И. Кухто, которая до войны проживала в г. Волковыске, была трудоустроена на цементном заводе [7, лл. 26, 27].

Репатрианты работали также в Облстатуправлении (Аруцкевич), Облисполкоме (Бондарчик) [7, л. 2]. Преподавателем немецкого языка в пединституте г. Гродно работала репатриантка Балицкая Инна Сергеевна [7, л. 14]. К.В. Буцкая была устроена на работу в системе Управления Трудовых Резервов [5, л. 36].

По данным на 1 декабря 1948 года в г. Гродно вернулись 848 граждан, из них 419 получили работу в промышленности города. За тот же период на предприятиях г. Лида были устроены 20 репатриантов. По области больше всего репатриантов работали в промышленности Волковысского (196), Скидельского (310), и Мостовского (69) районов. Очевидно, это было связано с развитием экономики этих регионов [7, л. 16].

На трудоустроенных репатриантов полностью распространялись действовавшее законодательство о труде, а также все права и льготы, которыми пользовались рабочие и служащие соответствующих предприятий. То же самое относилось и к лицам, работавшим в сельском хозяйстве [4, с. 3].

Всем рабочим и служащим время нахождения на оккупированной территории и в плену не прерывало трудового стажа, но и не засчитывалось в непрерывный стаж работы [4, с. 3].

Репатриированные инвалиды имели право на пенсионное обеспечение. Всем им, как и инвалидам Отечественной войны, было предоставлено право ухода с предприятия или из учреждения при желании переехать к месту постоянного жительства. За 1945 год в гродненский дом инвалидов были устроены 4 человека престарелых и 4 слепых [3, лл. 56, 57].

Обеспечение репатриированных жильем

За годы оккупации только в городах Гродненской области были полностью уничтожены 2537 и частично разрушены 1550 домов [2, с. 177]. В связи с возвращением на родину большого количества советских граждан постановлением СНК БССР от 15 января 1945 года местные органы власти обязывались выявить и учесть фактические возможности обеспечения репатриантов жильем, наметить план подготовки недостающего количества помещений [8, с. 456-457].

Большинство репатриантов вернулись в свои семьи и были обеспечены жильем. Если жилье было разрушено, люди временно проживали у родственников, подселялись в порядке уплотнения [8, с. 456-457]. В городах области

репатрианты обеспечивались жилплощадью в общежитиях, домах коммунального хозяйства, подведомственных предприятиям, где они работали [6, л. 5].

В отчете областного отдела переселения и репатриации «О хозяйственном и трудовом устройстве репатриированных советских граждан по состоянию на 1 января 1948 г.» сообщалась следующая информация. Всего в области было размещено 4 329 человек. В неразрушенных и восстановленных домах 4 018, во вновь построенных домах − 14, в порядке подселения 284 человека, в общежитиях − 6, никто из репатриированных граждан не жил в землянках. Кроме того, сообщалось о строительстве ещё 6 домов [7, л. 4].

Тесно связана с вопросами трудоустройства и получения жилья проблема выдачи паспортов и прописки репатриированных граждан. Заместитель председателя Гродненского облисполкома в своем отчете за 1 квартал 1949 года отмечал, что «по каждому отдельному случаю приходится звонить начальнику областного отдела МВД и только после вмешательства удается урегулировать вопрос с выдачей паспорта тому или иному репатрианту» [7, л. 28]. В отчете есть пример. В феврале 1949 года в область прибыли С. Дудич 1932 года рождения и Э. Мальчевский 1933 года. На протяжении двух месяцев им не выдавали паспорта. После переговоров начальник областного паспортного отдела подписал резолюцию начальнику 1-го отделения милиции выдать паспорта. Но начальник паспортного стола отделения милиции потребовал метрические выписки. Ребята же имели только фильтрационные справки. Вопрос решился только 4 апреля после вмешательства начальника областного управления милиции, полковника Горячего [7, л. 28].

Были и другие сложности. На хозяйстве Гродненского облпищепрома с 1947 г. в течение 2-х лет работала глухонемая репатриантка. Она не могла сказать, откуда она родом, следовательно, невозможно было получить метрическую выписку для выдачи ей паспорта. На хозяйстве, где она работала и проживала, её также не прописывали, за что директора хозяйства несколько раз штрафовали. А когда последний обратился в отделение милиции, то ему «…порекомендовали отвести её на какую-нибудь станцию и оставить там» [7, л. 28]. Однако такие случаи были скорее исключением, чем правилом.

Помощь репатриированным со стороны предприятий, на которых они работали, и областного отдела переселения и репатриации

Репатриированным гражданам оказывалась денежная помощь. Размер выплат зависел от материальных условий репатрианта и мог составить до 300 рублей на человека [6, л. 7]. Для получения помощи в соответствии с Распоряжением СНК БССР от 4 мая 1945 года необходимо было заявление репатрианта, которое рассматривал исполком областного или районного Совета депутатов трудящихся. В случае положительного решения деньги выдавались по ведомости [9, л. 10].

К примеру, В. Дудко, возвратившейся в 1949 году с полуторагодовалым ребенком, была оказана материальная помощь в размере 600 рублей [7, л. 27].

К.В. Буцкая помимо материальной помощи получила одежду, обувь и белье [5, л. 36].

Репатриированные многодетные матери с момента возвращения в СССР получали права на пособие и льготы по многодетности на общих основаниях. Особо нуждавшимся выдавали ордера на мануфактуру. Репатриантке Андреевой, как многодетной матери (6 детей), отделом переселения и репатриации Гродненского облисполкома была оказана помощь в размере 1 500 рублей [3, л. 55].

После устройства на работу, помощь репатриированным оказывали также предприятия или организации, где они трудились.

Лица, работавшие не там, где жили их семьи, имели право перевезти семьи к себе, при этом стоимость проезда семьи оплачивало предприятие [4, с. 3].

В соответствии с постановлением СНК СССР от 10 сентября 1945 года «О снабжением продовольствием советских граждан, репатриируемых в Советский Союз» в местах постоянного жительства (городах и рабочих поселках) на время устройства на работу, но не более месяца, репатриированные снабжались продовольствием по нормам, установленным для рабочих промышленности, транспорта и связи. Они предполагали в частности 600 грамм хлеба в день. В дальнейшем − по нормам и в порядке установленным для данных городов и населенных пунктов [10, л. 24].

К примеру, репатрианты, работавшие на кожзаводах №№ 5, 4, обувной фабрике и других предприятиях г. Гродно получали хлебо-продовольственные карточки на общих основаниях. Семьи, работавшие в совхозе «Станиславово» г. Гродно получили по 0,12 га огорода, засеянного картофелем, и другую помощь от хозяйства. Репатрианткам З.М. Гордон, Бобровой и другим, чьи мужья были убиты немецко-фашистскими захватчиками, ежедневно выдавали по 1 литру молока. С началом зимнего периода семьи получили по дрова [3, л. 55].

Организация устройства детей-сирот

Особого внимания требовали дети, оставшиеся без родителей. Для них в области были созданы 2 приемника-распределителя НКВД в Гродно и Волковыске. Репатриированных сирот, детей, временно утерявших родителей, также направляли в детраспределители. Там они находились не более двух недель, после чего попадали в детские дома [11, л. 29].

Прием и распределение прибывших со сборных пунктов сирот проводился органами Наркомздрава – детей до 4-х лет и органами Наркомпроса – от 4-х до 14 лет. Дети старше 14 лет поступали в распоряжение Управления трудовыми резервами [12, лл. 166-167об].

Большинство сирот и детей, временно утерявших родителей, согласно инструкции санитарного отдела Управления Уполномоченного СНК СССР по репатриации из Германии и оккупированных ею стран, размещали в детдомах тех областей, где они проживали до угона. Братьев и сестер, независимо от их возрастной группы − в одном учреждении, не разъединяя их [12, л. 167об]. В соответствии с «Планом устройства детей-сирот, прибывающих в порядке ре-

патриации на территорию БССР» от 1 августа 1945 года репатриированных сирот планировалось разместить в детдомах Молодеченской, Барановичской, Брестской, Гродненской, Пинской и Минской областей [13, с. 246].

В 1945 году в Гродненскую область прибыли 135 детей-сирот. 125 из них были устроены в детдома по линии ОблОНО и 10 детей в дома младенца по линии Облздравотдела [3, л. 57].

В 1947 году в Гродненской области действовало 19 детдомов, рассчитанных на проживание в них 1 666 человек, но уже в мае в них находилось 1 827 детей [14, л. 35]. Областной отдел народного образования планировал открыть в IV квартале 1947 г. ещё 2 детдома на 200 человек в г. Лида и в Волковысском районе, но по вине местных властей они открыты не были.

Из 19 детдомов 3 были полностью не подготовлены к зиме. Помещения требовали капитального ремонта. Плохо был поставлен вопрос с обеспечением детдомов топливом. Ухудшалось снабжение продуктами питания. Торгующие организации несвоевременно выписывали наряды на продукты питания и выдавали их в меньших объемах, чем это было положено по нормам. Не хватало мебели, постельного белья, одежды для детей. На протяжении 5 месяцев детдома области не получали мыла [14, л. 36].

После репатриации детей-сирот могли забирать на воспитание их родственники, некоторых находили родители. В итоговом докладе «О состоянии приема и трудоустройства репатриированных советских граждан, прибывших из немецкой неволи в Гродненскую область за период 1945–1947 гг.» сообщалось, что, например, «из числа детей устроенных в детские дома, трое были разысканы отцом-инвалидом Отечественной войны». Детей отправили к отцу в Чкаловскую область. Их обеспечили новой одеждой, обувью, бельем по 2 смены, продовольствием на путь следования и деньгами [5, л. 36].

В «Докладной записке» в Совмин БССР от 2.03.1948 г. с пометкой «секретно» говорилось, что «первое время очень трудно было с устройством репатриантов в школах ФЗО, ремесленных училищах» [7, л. 1]. К примеру, в 1947 году в области работали пять ремесленных училищ и восемь школ ФЗО [2, с. 135]. Но из подлежавших трудоустройству на этот год 290 воспитанников детдомов, на учебу были приняты только 12 человек. Находящиеся на территории области ФЗО и ремесленные училища не принимали воспитанников детдомов, т. к. у них не было общежитий. О наборе учащихся из детдомов с 1 декабря 1947 году сообщило только Гродненское специальное ремесленное училище [14, л. 36]. Прибывшие из Германии в 1949 году Дудич Сергей 1932 года рождения и Мальчевский Эдуард 1933 года рождения после получения ими паспортов были направлены в ФЗО в г. Ленинград [7 л. 27]. В школах ФЗО подростки находилось на полном государственном обеспечении, при поступлении им выдавали одежду. По окончании все молодые рабочие получали аттестат, им присваивался разряд. За выполненные в процессе производственного обучения работы выплачивалась зарплата. Предприятия, на которые их направляли, брали на себя расходы по проезду к месту работы, обеспечивали общежитием и выдавали аванс [15, лл. 14, 14об].

Выводы

В вопросах социального обеспечения репатриированных граждан большое значение имело их трудоустройство. Помощь им оказывал не только областной отдел переселения и репатриации, но и предприятия и организации, где они работали.

При трудоустройстве граждане получали служебное жилье, иногда сразу с мебелью и постельными принадлежностями, что было особенно важно для репатриированных, которые потеряли всё имущество. Им оказывалась помощь в получении паспортов и прописки.

Кроме того, различные категории граждан получали продкарточки, другую помощь от предприятий. Областные и районные власти оказывали единовременную денежную помощь.

Внимание уделялось таким социально не защищенным категориям граждан: инвалидам, многодетным семьям, детям-сиротам.

Большое значение имело устройство сирот в детдомах области, где они находились на полном государственном обеспечении. Хотя условия их проживания там были сложными: не хватало мебели, одежды, питания. Трудности были также с устройством детей в ФЗО и РУ, где они могли получить образование.

Однозначно оценить качество и объем помощи репатриированным гражданам в области невозможно. Следует учитывать, как объективные факторы − общее положение в послевоенных городах, так и субъективные − отношение к ним местных властей и руководителей предприятий и другие. Тем не менее, следует отметить посильную помощь со стороны областного отдела переселения и репатриации и организаций, где они работали.

Список источников и литературы

1. Белорусская ССР. Административно-территориальное деление на 1 января 1947года / Информационно-статистический отдел Президиума Верховного Совета БССР; ред. В. Никанович. − Мн.: Гос. изд-во БССР, редакция политической литературы. − 1947. − 300с.
2. Очерки истории Гродненской областной партийной организации / М.В. Жарений, И.П. Крень, Л.Г.Клецков и др.; редкол.: Л. Г. Клецков (пред.)[и др.]. − Мн.: Беларусь, 1990. − 402 с.
3. Доклады областных отделов переселения и репатриации о работе по приему и устройству репатриированных граждан 1.01−19.07.1946г. // Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). − Фонд 787. − Оп. 1. − Д. 25.
4. Слесарев, А. Права репатриированных советских граждан / А. Слесарев // Известия. − 1946. − 23 окт. − С.3.
5. Переписка по вопросам переселения и репатриации советских граждан 16.01−22.10.1947 г. // Государственный архив Гродненской области (ГАГО). − Фонд 1171. − Оп. 1. − Д. 59.
6. Переписка по вопросам переселения и репатриации граждан СССР 18.01.-25.12.1946г. // ГАГО. − Фонд 1171. − Оп. 1а. − Д. 39.
7. Отчеты о трудовом и бытовом устройстве репатриированных граждан, прибывших в Гродненскую область 2.03.1948-18.08.1949гг. // ГАГО. − Фонд 1171. − Оп. 1а. − Д. 72.

8. Белорусские остарбайтеры: документы и материалы: в 3 кн. / сост.: Г.Д.Кнатько, В.И.Адамушко и др. − Мн.: НАРБ, 1998. − Кн. 3, ч. 2. Репатриация. (1944-1951). − 310с.
9. Распоряжения Совета Народных Комиссаров БССР 14.02−24.11.1945 г. // ГАГО. − Фонд 1171. − Оп. 1а. − Д. 19.
10. Материалы о дислокации приемо-распределительных пунктов 10.01−12.12.1945г. // НАРБ. − Фонд 7. − Оп.3. − Д. 1912.
11. Доклады, докладные записки и справки по вопросам репатриации и переселения граждан и статистические сведения о количестве граждан, прошедших через ПФП. // НАРБ. – Фонд 787. – Оп. 1. – Д. 3.
12. Постановления Совета Народных Комиссаров БССР и ЦК КП(б)Б Белоруссии 6.01.45-18.04.45 гг. // ГАГО. − Фонд 1171. − Оп. 1а. − Д. 13.
13. Белорусские остарбайтеры: документы и материалы: в 3 кн. / сост.: Г.Д.Кнатько, В.И.Адамушко и др. − Мн.: НАРБ, 1998. − Кн. 3, ч. 1. Репатриация (1944-1951) − 368с.
14. Справка о состоянии естественного движения населения, о работе по учету и устройству детей-сирот, о наличии автопарка Гродненской области и др. 3.01−24.12.1947г. // ГАГО. − Фонд 1171. − Оп. 1а. − Д.58.
15. Протоколы заседаний экзаменационной комиссии по аттестации учащихся, окончивших школу ФЗО №44 г.Гродно и документы о направлении на работу молодых рабочих /акты, списки, х-ки и т.д./ 17.04−20.06.1949г. // ГАГО. − Фонд 945. − Оп. 2. − Д. 40.

Александра Александровна Носова, магистр исторических наук, аспирантка кафедры истории Беларуси ГрГУ им. Я.Купалы; научный руководитель: кандидат исторических наук, доцент Э.С.Ярмусик.

УДК 947.6:316.334.56

Алег Дзярновіч (Мінск)

“НОВЫЯ ГАРАДЖАНЕ” МЕГАПОЛІСА: ТРАНСФАРМАЦЫЯ САЦЫЯКУЛЬТУРНАГА АСЯРОДДЗЯ МІНСКА Ў 1950-я – 1980-я ГАДЫ: ПАСТАНОЎКА ПРАБЛЕМЫ

На протяжении второй половины XXв. Минск пережил стремительный рост: если накануне Второй Мировой войны население города насчитывало 270,4тыс. человек, в 1945 г. – 80—90 тыс., то в 1990 г. – 1,6 млн. человек, в настоящее время – около 2 млн. Большинство «новых горожан» составили трудовые мигранты из белорусской деревни. В результате, в городе произошли не только архитектурно-планировочные, а также демографические изменения, но и социокультурные трансформации.

Советская урбанизация, как реализация комплекса социальных, экономических и идеологических стратегий, имела своим результатам дальнейшую советизацию белорусской нации. Если эта гипотеза верна, то решение некоторых проблем в становлении современной белорусской нации могут быть решены в результате критического осмысления опыта урбанизации в Беларуси во второй половине XX в.

На працягу другой паловы XX ст. сталіца БССР Мінск перажываў імклівы рост: яшчэ конадні Другой Сусветнай вайны насельніцтва горада налічвала каля 240 тыс. чалавек, у 1945 г. – 80—90 тыс., а ў 1990 г. – каля 1,6 млн. чалавек, у 2010 г. – 1.838,2 тыс. чалавек. Большасць “новых гараджанаў” склалі працоўныя мігранты з беларускай вёскі. У выніку гэтага

маштабнага росту, у горадзе адбыліся не толькі архітэктурна-планіровачныя, а таксама дэмаграфічныя змены, але і сацыякультурныя трансфармацыі.

Табліца 1. Колькасць насельніцтва Мінска

Год	*Насельніцтва*
1750	8 000
1800	11 000
1850	24 000
1880	41 700
1897	90 900
1900	91 500
1910	110 900
1921	117 600
1939	238 800
1959	509 500
1970	907 100
1979	1 262 000
1985	1 472 000
1990	1 613 000
2000	1 688 000
2007	1 814 000
2008	1 828 900
2009	1 829 100

Дынаміка міграцыйных рухаў у Мінску развівалася з нарастаннем. У 1950—1954 гг. міграцыйны прырост у Мінску склаў 94 тыс. чалавек, 1955—1959 – 84,1 тыс., 1960—1964 – 94,1 тыс., 1965—1969 – 120,8 тыс., 1970—1973 – 121,6 тыс. [3, с. 87]. Такім чынам, на працягу 1950—1973 гг. міграцыйны прырост склаў 514,6 тыс. чалавек, пры тым, што на працягу гэтага перыяду ў Мінск прыбыла 1123,1 тыс. чалавек, а выбыла– 608,5 тыс. У выніку можна канстатаваць, што *міграцыйны рух быў галоўнаю крыніцаю росту насельніцтва Мінска* – на ягоную долю прыпадала 69,2 % агульнага прыросту насельніцтва горада [4, с. 62].

Але гэта менавіта лічбы прыросту. Самі ж працэсы міграцыйнага руху былі куды больш складанымі, а за знешне нейтральнымі лічбамі статыстыкі ўдаецца прачытваць асабістыя лёсы.

Табліца 2. Міграцыйны рух насельніцтва Мінска у 1950—1973 гг., тыс. чал.

Гады	*Прыбыла*	*Выбыла*	*Міграцыйны прырост*
1950—1954	232,0	138,0	94,0
1955—1969	208,6	124,5	84,1
1960—1964	174,9	80,8	94,1
1965—1969	244,3	123,5	120,8
1970—1973	263,3	141,7	121,6
Разам за 1950—1973	1123,1	608,5	514,6

Такім чынам, мы бачым што з усіх тых мігрантаў, які знайшлі ў Мінску хаця б часовую працу і прайшлі праз тыя ці іншыя працэдуры рэгістрацыі, звыш 54 % чалавек усё ж вымушаныя былі пакінуць горад, у якім яны спадзяваліся збудаваць сваё новае жыццё.

Высокія тэмпы росту колькасці насельніцтва выклікалі неабходнасць рэгулявання міграцыйных плыняў. З гэтаю мэтаю гарадскія ўлады ўскладнілі крытэрыі атрымання дазволу на прапіску – у 1963 г. у Мінску была павялічаная норма жыллёвай плошчы з 9 да 12 кв. м. на аднаго чалавека. “Прапіска” і жытло заставаліся найскладанейшымі праблемамі для “новых гараджанаў”.

Улады БССР і горада спрабавалі вырашаць жыллёвую праблему, якая ўзнікла ў выніку дыспрапорцыі паміж ростам насельніцтва Мінска і значна меншымі тэмпамі з’яўлення новай жылой плошчы. Агульнасаюзныя праграмы нібы спрыялі гэтаму – у 1954—1955 гг. у СССР быў прыняты цэлы шэраг заканадаўчых актаў і пастановаў, паводле якіх у жыллёвым будаўніцтве перавага аддавалася тыпавому жалезабетоннаму будаўніцтву з падкрэслена аскетычнымі фасадамі і інтэр’ерамі. Асабліва яскрава гэты прынцып выявіўся пры ўзвядзенні новых мікрараёнаў, якія з канца 1950-х прыйшлі на змену старой квартальнай сістэмы. Падобныя мікрараёны разглядаліся як самадастатковыя жылыя масівы з усёй неабходнай інфраструктурай. Пасля зацвярджэння ў 1965 г. новага генеральнага плану Мінска будаўніцтва падобных мікрараёнаў набыла масавы характар (Усход, Серабранка, Паўднёвы-Захад, Зялёны Луг, Чыжоўка) [2, с. 479—477]. Такі наступ горада і пашырэнне ягоных межаў садзейнічала фармаванню сучаснага аблічча сталіцы Беларусі, якое заключалася ў дамінаванні тыповай забудовы з наяўнасцю шэрагу эфектных дамінантаў.

Міграцыйныя працэсы прыўносілі змены і ў этнічны склад насельніцтва Мінска.

Табліца 3. Нацыянальны склад насельніцтва Мінска

Нацыянальнасць	*Перапіс 1926*	*Перапіс 1939*	*Перапіс 1959*	*Перапіс 1970*	*Перапіс 1979*	*Перапіс 1989*	*Перапіс 1999*	*Перапіс 2009*
Беларусы	55.778	124.061	325.026	601.890	871.210	1.153.991	1.333.222	1.455.825
Рускія	12.617	28.711	116.327	214.260	282.977	325.125	264.020	184.070
Украінцы	1.465	6.650	18.345	35.214	46.226	53.244	39.948	27.362
Палякі	4.481	3.364	5.580	9.419	14.647	18.479	17.581	13.420
Яўрэі	53.686	70.998	38.842	47.058	46.332	39.154	10.141	5.187
Армяне	16	142	…	687	1.096	1.746	2.039	1.955
Татары		1.618	1.749	2.182	2.875	2.925	2.102	1.239
Азербайджанцы		39		217	591	1.102	1.559	1.517
Кітайцы		10	…	…	…	…	…	1.349
Туркмены								1.016
Літоўцы		377	…	757	695	892	724	935
Арабы								787

Грузіны	147	…	324	518	897	828	687
Цыганы	111	…	953	1.056	1.369	1.239	573
Малдаване	21	…	360	496	839	511	392
Казахі	74	…	223	297	526	189	386
Афганцы							326
Туркі	4	…	…	…	…	…	314
Разам		509.667	917.428	1.273.496	1.607.077	1.680.567	

Калі ж казаць увогуле пра мігрантаў у БССР з іншых рэгіёнаў СССР, то на 1969 г. найбольшая колькасць перасяленцаў прыехала ў Беларусь з Цэнтральных раёнаў РСФСР, на другім месцы знаходзілася Украіна, далей жа ішлі Казахстан, Сібір, Далёкі Ўсход, Урал і Прыбалтыка [5, с. 92].

Між тым у афіцыйнай статыстыцы дакладна не адлюстраванае рэгіянальнае размеркаванне беларускіх мігрантаў у Мінск – не адзначаецца з якой часткі Беларусі, Заходняй ці Ўсходняй, прыбылі новыя жыхары сталіцы БССР. А ў сацыякультурным і гістарычным аспекце развіцця Беларусі гэты падзел мае значэнне, хоць зусім не заўжды ён супадае з існаваўшым адміністрацыйна-тэрытарыяльным падзелам БССР. У выніку мы не можам сцвярджаць, ці існавалі адрозненні ў формах адаптацыі “новых гараджанаў” у залежнасці ад рэгіёна іх паходжання.

Але агульныя, не дэталяваныя, звесткі мы можам атрымаць са статыстыкі тэрытарыяльнага паходжання мігрантаў, якія прыбылі з тэрыторыі БССР у Мінск на працягу 1965—1972 гг. Тут лідзіруе Мінская вобласць, якая дала 51,2 % мігрантаў (156,4 тыс. чал.). Далей ідуць: Магілёўская вобл. – 12 %; Гомельская вобл. – 10,4 %; Брэсцкая вобл. – 9 %; Гродзенская вобл. – 8,7 %; Віцебская вобл. – 8,7 % [3, с. 94]. А паводле Сідарава і Максімава, за 1962—1964 гг. з агульнай колькасці мігрантаў у Мінск, 74 % паходзілі менавіта з вёскі [6, с. 15].

Разглядаючы ж праблему адаптацыі сельскага насельніцтва да гарадскіх умоў жыцця, трэба адзначыць, што меншы сацыяльны кантроль у горадзе ў параўнанні з вясковым грамадствам ёсць значным фактарам у працэсе перамяшчэння насельніцтва з вёскі ў горад. Сярэдні ўзрост мігрантаў прыпадаў на адрэзак паміж 16 і 30 гадамі. Для маладых людзей сам факт пераезду ў горад азначаў і большую магчымасць у стварэнні сям’і, выбару прафесіі ды будавання ўласнага лёсу ўвогуле. Высокі працэнт моладзі сярод мігрантаў з сельскай мясцовасці тлумачыцца тым, што маладыя людзі ў меншай ступені падпадаюць пад уздзеянне сілы традыцыі, але і больш падатлівы на па-за лакальныя ўплывы, маюць большую камунікабельнасць.

Пераехаць у вялікі індустрыяльны горад, да таго ж сталіцу саюзнай рэспублікі, было прэстыжна і выгодна. Часам гэта было проста ўцёкамі ад калгаснага ладу. Але ці была падрыхтаваная да такіх рэзкіх дэмаграфічных зменаў сама гарадская структура? Ці ўзнікаў канфлікт паміж “новымі гараджанамі” ды захаванымі гарадскімі традыцыямі? Наколькі псіхалагічна камфортна пачуваліся “новыя гараджане” ў Мінску, што пастаянна

разрастаўся? Якія страты панесла само культурнае асяроддзе гораду ў выніку такой масавай міграцыі? Якія лінгвістычныя змены адбываліся сярод саміх перасяленцаў, а таксама ў горадзе ў цэлым? Што стаіць за феноменам сацыялекту “трасянкі” (сумесі беларускай і расійскай моваў) – адаптацыя былых вясковых жыхароў, альбо гэта напрамую следства русіфікацыі? [1, с. 10—14; 7, с. 51—58]

Ці ўзнікла ў мегаполісе новая субкультура былых вяскоўцаў? Да ўсяго іншага, гэтыя “новыя гараджане” па-ранейшаму былі звязаныя з зямлёй сваіх продкаў – у перыяды вакацый яны рэгулярна прыязджалі ў свае вёскі, як і ўдзельнічалі ў калектыўных працах на прысядзібных гаспадарках у найбольш напружаныя аграрныя сезоны. У далейшым гэты працэс “новай аграрызацыі” трансфармаваўся ў новую сацыяльную з’яву “дачаў”. Ці было гэта “частковае вяртанне” пенсіянераў (былых сельскіх жыхароў) у вёску непазбежным следствам савецкай урбанізацыі?

Адказы на гэтыя пытанні на самой справе тычацца не толькі пытанняў гістарычнай урбаністыкі, але, магчыма, ёсць ключом да разумення складанасці нацыятворчых працэсаў у Беларусі ў другой палове XX – пачатку XXI стст.

У беларускай гуманістыцы толькі часткова даследавана тэма развіцця ўрбаністычнага асяроддзя Мінска і іншых значных гарадоў Беларусі, таксама як асобныя дэмаграфічныя праблемы і, вельмі фрагментарна, змены ў лінгвістычным ландшафце. Комплекснае даследаванне ўрбаністычнага развіцця Мінска ў другой палове XX ст. яшчэ не стала тэмаю асобнага даследавання. А праблематыка адаптацыйных стратэгій вясковых мігрантаў у вялікім горадзе ўсяляк пазбягалася аналізу.

Пакуль жа, базуючыся на досведзе Мінска, у якасці працоўнай гіпотэзы можна сфармуляваць наступнае палажэнне: савецкая ўрбанізацыя другой паловы XX ст., як рэалізацыя комплексу сацыяльных, эканамічных і ідэалагічных стратэгій, мела сваім вынікам далейшую саветызацыю беларускага народу. Калі гэтая гіпотэза ўтрымлівае ў сябе вернае сэнсавае ядро, то вырашэнне некаторых фундаментальных праблем у працэсе станаўлення сучаснай беларускай нацыі можа быць дасягнута ў выніку крытычнага асэнсавання досведу ўрбанізацыі ў Беларусі ў другой палове XX ст.

Спіс літаратуры

1. Выгонная, Л. Ц. Псіхалінгвістычныя аспекты беларуска-рускага білінгвізму / Л.Ц. Выгонная // Беларуская лінгвістыка. – 1996. – Вып. 45. – С. 10—14.

2. Гісторыя Мінска. – Мн.: БелЭн, 2006. – 696 с.

3. Польский, С. А. Демографические проблемы развития Минска / С.А. Польский. – Мн.: Изд-во БГУ, 1976. – 152 с.

4. Польский, С. А., Захарова, Т. В. Некоторые демографические проблемы изменения численности городского населения БССР в 1959—1971 гг. / С.А. Польский, Т.В. Захарова // Известия Всесоюзного географического общества. – 1974. – Т. 106. – Вып. 1. – С. 60—72.

5. Раков, А. А. Население БССР / А.А. Раков. – Мн.: Наука и техника, 1969. – 224 с.

6. Сидоров, П. А., Максимов, Г. Т. Роль миграции в изменении численности городского населения Белорусской ССР: Опыт расчета на ЭВМ «Минск-2» / П.А. Сидоров, Г.Г. Максимов. – Мн.: НИИЭМП при Госплане БССР, 1966. – 37 с.

7. Цыхун, Г. А. Крэалізаваны прадукт: Трасянка як аб'ект лінгвістычнага даследавання // ARCHE–Скарына. – 2000. – № 6. – С. 51–58.

Алег Іванавіч Дзярновіч, кандыдат гістарычных навук, старшы навуковы супрацоўнік Інстытута гісторыі НАН Беларусі; дацэнт кафедры археалогіі і спецыяльных гістарычных дысцыплін Магілёўскага дзяржаўнага універсітэта імя А.Куляшова. Галоўны рэдактар навуковага альманаха "METRICIANA: Даследаванні і матэрыялы Метрыкі Вялікага Княства Літоўскага".

УДК 78.024.5:316.346.2

Татьяна Воронич (Минск)

ГЕНДЕРНЫЕ СТЕРЕОТИПЫ В ГОРОДСКОЙ РЕКЛАМЕ*

Проводится анализ мужского и женского образов в рекламе белорусских городов, рассматриваются основные существующие в современной рекламе гендерные стереотипы, проанализировано такое явление в рекламе как сексизм, и одна из его разновидностей – мачизм.

Реклама сегодня – один из составных компонентов современной городской жизни. Да и большая часть рекламы направлена именно на городского жителя. Это реклама кредитов для развития бизнеса, кредита на строительство квартир, что естественно связано, прежде всего, с городской жизнью. Реклама различного рода развлекательных заведений – казино, кафе, ресторанов, флирт-баров, ночных клубов – предназначена именно для горожан и гостей города. Даже реклама пива и различных мобильных операторов нацелена на городскую аудиторию – в рекламных роликах отражается именно городской образ жизни: это дача, отдых на берегу озера или реки у костра в палатках. Вряд ли сельский житель отравится на подобный отдых. К тому же 74 % населения в Беларуси проживает в городах, соответственно, большая часть потребителей рекламы – это горожане. Реклама, несомненно, является органичной частью урбанизационных процессов Беларуси.

На сегодняшний день реклама, рекламные технологии, конструирование образов мужчины и женщины в городской рекламе и их влияние на общественное сознание и поведение горожан практически не исследованы в рамках белорусской исторической урбанистики. Данная тема широко изучается в России, в Украине, где особенно острой является проблема сексизма в рекламе. В Беларуси подобных исследований просто нет.

Данная работа является первой попыткой выделить и проанализировать основные гендерные стереотипы, воспроизводимые и конструируемые городской рекламой, рассмотреть такое понятие как сексизм в белорусской город-

* Ілюстрацыі да артыкула Таццяны Вароніч змешчаныя ў Дадатку 2.

ской рекламе и одно из его проявлений – мачизм. Изучение городской рекламы дает прекрасную возможность проследить полоролевые стереотипы города, проанализировать, что город предлагает женщинам и мужчинам и что город ожидает от них.

Исследование проведено в русле достаточно новых тенденций для белорусской исторической науки, но широко используемых в западной, российской, украинской историографиях, – это методы гендерного анализа и изучения повседневности.

Для анализа была использована наружная реклама Минска и других городов Беларуси, т. е. различные билборды, ситилайты и др., печатная реклама – это газеты, журналы, рекламные проспекты, листовки и пр., а также аудиореклама, звучащая (передаваемая) по разнообразным белорусским радиоканалам.

Все гендерные стереотипы условно можно разделить на две основные группы. Первая группа связана со сферой семейных взаимоотношений, другая с ролевыми функциями полов в рамках общества в целом.

Первая группа гендерных образов связана с противопоставлением ролевых функций жены и мужа, матери и отца. Очень яркими, выразительными в этом отношении являются два следующих рекламных аудиоролика, что интересно, прозвучавших на одном из радиоканалов вслед друг за другом, без какого-либо перерыва, что только подчеркнуло контраст между ролевыми функциями мужчины и женщины в семье. Это два диалога между ребенком и отцом, в первом случае, ребенком и матерью, во втором.

Ребенок спрашивает:

– *Папа, а из чего сделан магнит?*

Папа отвечает растерянно:

– *Э-э-э…*

Ребенок:

– *Папа, а микробы видят друг друга?*

Папа озадаченно:

– *Ну-у-у…*

Ребенок:

– *Папа, а можно мне еще одну морожку?*

Папа с выдохом облегчения:

– *Конечно, конечно, за мой счет!!!*

Это реклама нового тарифного плана мобильного оператора МТС. Как видно из текста, папа абсолютно некомпетентен ни по одному из вопросов, даже фантазия не помогла папе найти ответ на сложные детские вопросы. Единственный вопрос, который смог решить папа – это профинансировать покупку мороженого, все на что способен папа – дать денег на сладости.

И тут же, звучит следующий ролик, рекламирующий туристическое агентство «Спутник».

Ребенок задает вопрос:

– *Мама, а кенгуру в Турции есть?*

Мама спокойно, со знанием дела:

– *Нет, кенгуру в Австралии.*
Ребенок вновь спрашивает:
– *Мама, а слоны в Турции есть?*
Мама уверенно отвечает:
– *Нет, слоны в Индии и Африке.*
Ребенок удивленно восклицает:
– *А что же тогда есть в Турции?*
Мама авторитетно говорит:
– *Сказочно теплое море, золотой песок и много солнца!*

Мама представляет полную противоположность папе! Мама готова и может ответить на любой детский вопрос, мама фактически источник энциклопедических знаний о жизни! Этот образ всезнающей мамы подкрепляется следующим роликом, рекламой тарифного плана Привет.

Детский голосок задорно напевает:

Если дождь пошел в июле, я звоню своей мамуле!
Испекла пирог бабуля, я звоню своей мамуле!
Сашка спрятал куклу Юлю, я звоню своей мамуле!

Какая бы ситуация ни возникла в семье, что бы ни случилось в мире, все звонят МАМУЛЕ! Женщина является лидером в семье, она готова решить любую проблему! Женщина из рекламы решает вопросы выплаты семейных кредитов, подключения всех членов своей семьи к новым тарифным планам. Ведь к женщине, главе семьи, обращаются рекламодатели, представляющие новые виды своих товаров и услуг.

Именно женщина несет ответственность за безопасность своей семьи. Представленные плакаты МЧС (Рис. 1) направлены на предотвращение пожаров. На первом из них причиной возникновения пожара является пьяный мужчина, закуривший в постели, на другом – ребенок, оставленный без присмотра и играющий со спичками. Женщина на этих плакатах отсутствует. Возможно, женщину просто неэтично было бы изображать пьяной. Но тем не менее, источником пожара выступают дети и мужчины, но не женщины. Женщина – это хранительница семейного очага. Именно на женщине лежит ответственность за семейное благополучие, за уют и порядок в доме, за сохранность самого дома от всех напастей. Влияние отца в семье, его авторитет, его роль в воспитании детей значительно ниже, чем роль матери. Сперва мужчину опекает его мама, а затем, пусть и любящая, но чаще доминантная жена, которая, как некогда его мама, лучше него самого знает, как планировать семейный бюджет, что нужно для дома, что нужно для семьи, а ему дает только руководящие указания. Этот «синдром сильной женщины» остался от советской эпохи и еще более усилился в наше время, постоянно воспроизводимый и закрепляемый в рекламных образах мужчин и женщин.

Итак, женщина решает все домашние вопросы, в том числе и распределения финансов. Но вот источником этих финансовых ресурсов выступает как раз мужчина. Особенно это характерно для рекламы ювелирных изделий, изделий из меха, сложнобытовой техники. Как правило, женщина в подобных рекламных сюжетах голосом маленькой наивной девочки слегка капризно,

сперва робко, а затем более настойчиво просит мужчину купить ей драгоценности, либо очередную шубу. На что мужчина снисходительным, почти отеческим, тоном благодетеля обещает приобрести все, что пожелает любимая. Получается, женщина просто не в состоянии сама приобрести дорогостоящие товары, либо просто не доросла еще, либо из-за отсутствия денег. После такой рекламы женщине одной приходить в ювелирные салоны без состоятельного спонсора просто неприлично! На низкий уровень ставится женщина и в рекламе телевизоров фирмы ВВК. Между женщиной и мужчиной происходит примерно следующий разговор. Женщина опять же наивно жалуется своему милому, что телевизор они приобрели, а теперь вот надо и DVD-проигрыватель покупать, ведь диски смотреть не на чем. На что милый великодушно объясняет своей любимой, что телевизор они приобрели не простой, а ВВК, а в нем уже есть встроенный DVD-проигрыватель! Возникает вопрос, какими умственными способностями обладает эта женщина, не сумевшая рассмотреть на телевизоре панель управления DVD-проигрывателя! Более того, золотое правило, перед первым использованием любого технического товара необходимо ознакомиться с инструкцией по эксплуатации. Женщина читать не умеет, или она настолько глупа, что даже не в состоянии прочитать инструкцию, прежде чем первый раз включить телевизор? Приобретал телевизор, конечно же, мужчина. Рекламодатель по старой патриархальной привычке рассчитывает исключительно на мужчин-покупателей и воспроизводит в рекламе мир, в котором мужчина решает: дать или не дать денег женщине.

Реклама автокредитов Белросбанка (Рис. 2) также обращена, прежде всего, к мужчине как к лицу, обладающему денежными средствами, а потому способному взять, а затем погасить автокредит. Женщина приникла к мужчине в благодарственном поцелуе в щеку на фоне белой перевязанной розовым бантом машине. Идиллическая картинка, все счастливы: Он –потому что купил и подарил, Она – потому что получила! Обладает и распоряжается значительными суммами денег исключительно мужчина.

В конструировании образов мужчины и женщины реклама выстраивает их по принципу бинарных оппозиций, когда чисто мужские и женские характеристики предъявляются как полярные, противоположные, взаимоисключающие. Так, стереотипный канон мужчины включает логическое мышление, рациональность, независимость, доминирование, лидерство, достижения, риск, агрессивность, храбрость, стабильность, физическую силу, ориентацию на работу и карьеру, эгоизм, финансовую состоятельность, сексуальную активность, зрелость. Ему противостоит канон женственности, сердцевина которого – интуиция, эмоциональность, зависимость, подчиненность, пассивность, взвешенность, миролюбивость, пугливость, непостоянство, физическая слабость, ориентация на семью и дом, жертвенность, телесная красота, сексуальная чувственность, молодость [3].

В рекламе тарифного плана Велком «Дела семейные» (Рис. 3) мужчина доминирует. Он расположен выше, над остальными членами семьи. Пятого героя, на фоне которого и происходит все действие, рассматривать пока не будем. Мужчина сидит на подлокотнике дивана в офисной одежде с отсутст-

вующим взглядом, уставший от семейных проблем. Для женщины этот хаос – норма, семья со всеми ее проблемами – это ее стихия, в которой она сохраняет не только спокойствие, но и радостную улыбку. Все, чем заняты ее мысли сейчас, это глянцевый женский журнал, лежащий у нее на коленях. Она достаточно беззаботна и беспечна и, явно, наслаждается семейной атмосферой. Мужскую позицию отстраненности от семейных дел занял и сын. Мальчик вооружен и поглощен новейшими достижениями компьютерной техники, а от окружающих он отгородился наушниками. Все, что досталось девочке, это какая-то игрушка. Она пассивна. То есть, в этой рекламе подчеркивается активная жизненная позиция мужчины, обремененного вопросами финансового обеспечения семьи, внутренние же проблемы семьи решает женщина.

Анализ другой условно выделенной группы гендерных стереотипов связан с поведенческими конструкциями женщин и мужчин в публичной сфере, уже за пределами семейных отношений, вновь показывает доминирование мужчин.

В социальных плакатах Госавтоинспекции МВД, направленных на борьбу с правонарушениями на дорогах (Рис. 4.), изображены чудом уцелевшие после автокатастрофы парень и девушка с многочисленными повреждениями. В роли активного участника автомобильного движения представлен парень, ему отведена роль водителя, он «чемпион по езде без тормозов». Девушке опять отведена роль пассивного участника дорожного движения, она всего лишь «чемпион в рывке через дорогу».

Подчеркивается роль активного мужского начала и пассивного женского в социальной реклама, нацеленной против распространения ВИЧ-инфекции (Рис. 5). Женщина обнажена и тем самым актуализируется ее незащищенность, подчиненность, безропотность. Женщина здесь как бы просвечена рентгеновскими лучами, в результате чего стали видны отпечатки ладоней мужчин, с которыми женщина вступала в интимную связь. При взгляде на эту «залапанную» женщину возникает чувство жалости и отвращения. Это – падшая женщина, грязная женщина. Сексуальная свобода для женщины не существует. Абсолютно иной мужской образ. Мужчина одет, он закрыт, у него даже присутствует головной убор. Мы даже не видим его лица, мы не знаем, кто он. Это сильный волевой человек, который должен принять такое же решение. Для него проблема не многочисленные сексуальные контакты, которые ему дозволены просто потому что он – мужчина. Свой социальный статус из-за многочисленных сексуальных связей мужчина не потерял. Вопрос для него лишь в том, чтобы найти решение, как предохранить себя от заражения ВИЧ-инфекцией и прочими болезнями.

Даже социальные плакаты Министерства здравоохранения, направленные на пропаганду и формирование здорового активного образа жизни, обращены к НЕМУ (Рис. 6). Жизнь на этом плакате ассоциируется с кубиком-рубика. И все зависит от того, какие грани будут собраны. Авторы плаката призывают: «Собери свою жизнь САМ!» Мужчине отводится активная роль, он сам решает свою судьбу. А что делать ЕЙ? На этот вопрос ответа нет, женский образ в этой рекламе отсутствует вообще. Женщине определена пассив-

ная роль, она должна всего лишь следовать за мужчиной, как на плакате «Я с тобою на границу!» Выбор, куда следовать, остается за мужчиной.

Все, что позволено женщине, это быть красивой и привлекательной для противоположного пола:

*Летом даже малые дети и, **конечно**, красивые тети,*
***Даже** самые важные дяди забывают о скучной работе.*
Даже птицы к югу летят вместе с тур агенством Дриант.

Социальнозначимые характеристики женщины – это красота, мужчины – важность. Женщина не может быть важной, а мужчина красивым. Для женщины, «красивой тети», само собой разумеющееся – забыть о скучной работе, она слишком красива, чтобы думать о своих должностных обязанностях, ее обязанность – сохранять свою привлекательность. Мужчина, «важный дядя» – это значимая персона, и подобное поведение для него – факт невероятный, удивительный. Мужчина на работе работает, и забыть о своем бизнесе он может только в исключительных обстоятельствах, например, жарким летом.

В рекламе некоторых банковских и страховых учреждений (Рис. 7.) все же присутствует образ довольно активной женщины. Женщина является сотрудником офиса, она самостоятельна и добросовестно выполняет свои должностные обязанности. Она предлагает разнообразные финансовые и страховые операции и всегда готова помочь клиентам своей фирмы, как это видно в рекламе Приорбанка. Но клиентами выступают мужчины. Именно они главные получатели кредитов, именно они ведут свой собственный бизнес. Женщина выступает всего лишь в роли посредника между банком и клиентом-мужчиной. Женщина попадает в круг обслуживающего персонала. Главными получателями кредитов Белорусского народного банка, также как и выше упоминавшихся автокредитов Белросбанка, являются мужчины. Они разного возраста и действуют, вероятно, в различных сферах деятельности. Но именно к ним обращается рекламодатель, призывая их расширять свой бизнес.

Другая условная группа гендерных стереотипов также связана с таким понятием как сексизм. Термин не новый, хотя, необходимо признать, его смысл не всегда понятен даже для ученых. Поэтому лучше объяснить: сексизм не имеет никакого отношения к интиму. Слово sex по-английски означает пол, следовательно, сексизм касается неравноценной общественной трактовки половых отличий. В общем сексизм — это идеология и практика дискриминации людей по половому признаку. Под сексизмом понимают ограничение прав и/или предоставление привилегий лицу или группе в любой сфере на основании скорее их пола, нежели определенных личных качеств или конкретных поступков. В патриархальных обществах (и белорусское не исключение) сексизм направлен главным образом на женщин, которых, считают «вторым полом» по отношению к мужчинам. В рамках патриархального дискурса мужское доминирование представлено как естественное, исконное, а значит – справедливое. Таким образом дискриминационные практики по отношению к женщинам превращаются в норму, становятся обычными, общепринятыми и незаметными [3].

Сексизм присутствует и в первой группе выделенных нами гендерных стереотипов, где явно подчеркивается доминирование мужчины над женщиной, но во вторую группу выделены те рекламные образы, в которых женщина рассматривается исключительно как товар, как объект сексуальных притязаний мужчины, источник его физического наслаждения и необходимое условие обеспечения его комфорта.

Гендерная дискриминация является непременным атрибутом патриархального общества, закрепляя властно-зависимые отношения между мужчинами и женщинами. Наиболее явные и очевидные проявления сексизма в социально-экономической и общественно-политической сферах (а именно ограничение прав и возможностей граждан определенного пола на образование, труд, политическую активность, передвижение и т.п.) в Беларуси запрещены законодательно, но, тем не менее, гендерная дискриминация продолжает существовать в сфере символического производства .

Сексизм презентирует различные уровни патриархальных представлений. В первую очередь, некоторые из сексистских реклам отсылают женщин к роли пассивных домохозяек, фактически запертых в своем домашнем мире.

В рекламе Нового радио (Рис. 8) молодая привлекательная женщина бодро держит на руках огромную кастрюлю и с улыбкой отправляет своего мужчину в сауну. В телевизионном варианте этой рекламы кастрюля просто обрушивается сверху как приз на женщину и она легко его ловит. Реклама закрепляет один из главных постулатов патриархальности – главное место женщины на кухне. Женщина выполняет весь груз бытовых обязанностей и воспринимает это как должное, ей это нравится. Она абсолютно довольна и счастлива. Пока она трудится на кухне, ее мужчина «трудится» в сауне, расслабляясь с друзьями после тяжелого рабочего дня. У женщины такой привилегии нет. Но ей это и не нужно. Ей достаточно просто послушать радио.

Аналогичные установки идут и в рекламе мансардных окон Велюкс. Между двумя мужчинами происходит разговор:

– *Сосед, когда ты успел жениться?*
– *Я??? Еще холост!*
– *У тебя такие чистые окна???*
– *Это мансардные окна Велюкс, самомоющиеся!*

Вымыть окна может и должна только женщина. Если окна вымыты, то это верный признак присутствия в доме женщины. Мужчина, моющий окна, воспринимается как аномалия, как нечто нереальное. На такие героические поступки мужчина просто не способен.

Реклама активно использует также сексуальные образы женщин, в результате женщина выступает в качестве такого же товара, который можно купить. Считается, что использование сексуальных образов помогает увеличить продажи. В результате к месту и не к месту появляется женский образ с откровенно эротическим подтекстом. Причем степень раздетости не всегда выступает решающим фактором определения рекламы как сексистской.

В рекламе окон и газетной рубрики девушки вполне одеты, однако в первом случае у девушки соблазнительно оголены ноги, а у «медсестрички»

слегка обнажена грудь и приоткрыты губы, и обе с «говорящим, призывным» взглядом (Рис. 9). Вроде бы все в рамках приличий, но у зрителей подсознательно девушки попадают в одну плоскость с товаром, который они рекламируют, сами девушки становятся товаром.

Привлекательное женское изображение должно сформировать у мужчины желание завладеть, которое подсознательно будет перенесено на рекламируемый товар [1].

Вероятно, именно такую цель преследовали и авторы рекламы немецких энергосберегающих насосов (Рис. 10). Иначе трудно предположить, какая взаимосвязь может быть между блондинкой в черном костюме, плотно облегающем фигуру и подчеркивающим все ее формы, в том числе и пышную грудь, и процессами водоснабжения, водоотведения и отопления.

Подобные практики в рекламе являются проявлением патриархальных отношений между мужчинами и женщинами, где первым принадлежит роль активного субъекта (взгляд, действие, выбор, оценка), вторым — пассивного объекта созерцания и потребления.

Усиливается и закрепляется в подсознании идея пассивности, подчиненности, зависимости и беззащитности женщины относительно мужчины. Изображение сексапильных женщин полностью или частично обнаженных в откровенных и подчеркнуто соблазнительных позах в рекламе мужских товаров (алкоголя, мужской косметики, строительных материалов и т.п.) предназначены как раз для рассматривания их «мужским взглядом». Гиперсексуальные изображения женщин являются фактически воплощением мужских эротических фантазий, отражением идеальных с точки зрения патриархальной морали гендерных отношений, где женщинам отведена роль объектов мужского (полового) желания, а мужчине — роль неутомимого сексуального охотника.

Типичные примеры – реклама кваса «Лидский», ресторана «7 тонн», тарифного плана Велком (Рис. 11). Главный потребитель – это мужчина, женщина выступает в качестве сопроводительного товара, в качестве приза за правильно сделанный выбор покупателем. Женский сексуальный образ используется как ловушка для взгляда зрителя (а не зрительницы, конечно же). Подключись на тарифный план Велком «и завтра будет твоим». Так гласит рекламный слоган. Визуальный ряд продолжает этот слоган: и завтра пять сексуальных девушек будут принадлежать тебе. Пять красивых полуобнаженных девушек выстроились в очередь, чтобы принадлежать молодому человеку довольно непрезентабельной внешности и невысокого роста, все девушки ростом с него либо выше. Девушек можно приобрести за те же деньги, что и новый тарифный план. Очевидно, что вся эта реклама ориентирована не на женщин, женщина идет здесь в роли товара, а не потребителя. Аналогичный прием был использован и в рекламе тарифных планов мобильного оператора life. В рекламе кафе «7 тонн» женщина непосредственно включена в смысловое поле "мужских вещей", превращена в один из атрибутов мужской субкультуры (рядом с бокалом пива). Сексуализированные женские рекламные изображения учат обычную женщину смотреть на себя глазами мужчины, представляя себя

объектом его желания, а значит соответствовать критериям патриархального идеала.

Некоторая реклама представляет женское тело абсолютно или почти обнаженным, как в рекламе минских клубов НЛО, Африка, Next (Рис. 12). Практически лишенное одежды (обнаженное или полуобнаженное) женское тело теряет символические маркеры культуры, цивилизованности. Обнаженное, оно семиотически больше не включено в сферу действия культурных норм (морали, этики, закона), зато повинуется законам природы, т.е. инстинктам. Обнаженное женское тело – тело животное. В итоге постоянную публичную демонстрацию женской обнаженности и женщины, и мужчины начинают воспринимать как нормативное, ожидаемое или даже желательное женское поведение, вследствие чего размываются основы общественной морали [3]. Подобные рекламные образы поддерживают и усиливают идею, что женское тело доступно и может быть присвоено любым желающим.

Одним из видов сексизма выступает мачизм. Проявлением мачизма считается демонстративная маскулинность, атрибутами которой являются физическая сила мужчины, половая зрелость, господство над женщинами, агрессивность. Мачизм чтит ценности, которые культура ассоциирует с мужским, и высказывает презрение ко всему, что связано с женским. Выстраивая образ мужчины-мачо, реклама одновременно пропагандирует целое мировоззрение и стиль жизни и предлагает характерные образцы поведения, в контексте которых женщина и женское оказываются культурно-обесцененными, маргинализуются или полностью выталкиваются за пределы "культуры".

Типичным примером мачизма является аудиореклама GPRS-трафика Велком.

Томный женский голос обещает неземное наслаждение:

– Вы полностью расслаблены. В каждой точке страны вы ощущаете приятное качество связи. Ваш трафик наполняется жизнью, увеличивается и становится втрое больше. За те же деньги втрое больше друзей, клиентов, женщин. Велко-о-ом!

Мужской голос дополнительно озвучивает уже конкретную информацию:

– Тройной объем GPRS трафика без дополнительной платы до конца 2010 года.

А затем дружески, по-приятельски призывает:

– Расслабься и качай!

Рекламный текст неоднозначен. Завуалировано подчеркивается половая, сексуальная сила мужчины, его господство над женщиной. Прямым же текстом сообщается, что женщина покупается. Причем женщин много, и все они жаждут удовлетворить его – право выбора принадлежит мужчине. Поведение мужчины вызывающе, открыто игнорируются всякие социальные нормы, покупаются не только женщины, но и друзья.

Не менее яркий другой текст, в котором рекламируется флирт-бар Даньков клуба.

Даньков клуб представляет Флирт-бар! Флирт-бар – заведение только для мужчин, вход женщинам запрещен. Приходите к нам отдохнуть и повесе-

литься, Вас ждут зажигательные шоу и самые очаровательные девушки. Для вас организация веселых мальчишников и мужских корпоративов. Флирт-бар – место веселого отдыха!

Женщина в этом мужском мире не просто отсутствует, ей запретили там появляться. Женщина лишена права заходить в увеселительное заведение только потому, что она – женщина. Но женщина все равно присутствует там, но не в роли активного самостоятельного объекта. Женщина выступает в качестве одного из предметов удовлетворения желаний мужчины. Мужчина наслаждается жизнью, а женщина всего лишь один из способов достижения желаемого. Флирт-бар – это сугубо мужская территория! Реклама подчеркивает мужское доминирование над женщинами и поощряет высокомерно-пренебрежительное отношение к ним.

Примером мачизма в городской рекламе служит и аудио реклама сети универсамов «Рублевский»:

– В универсамах Рублевский каждую неделю новая акция «Удар по ценам»!
Женский грудной голос с придыханием и паузами сообщает:
– На этой неделе мы ударим по морепродуктам!
Мужской голос с хрипотцой авторитетно продолжает:
– В рыбаке главное не длина удочки, а улов!
В другом варианте этой рекламы
Женский грудной голос с придыханием и паузами:
– На этой неделе мы ударим по морепродуктам! Хочешь, чтобы девушка на тебя клюнула, не забывай ее прикармливать!

Еще один вариант двусмысленного текста, где вновь акцент делается на сексуальную силу мужчины. В данной рекламе женщина выступает как дикий зверь, которого надо прикармливать, чтобы постепенно приручить. За женщиной идет охота. Женщины как рыбки в аквариуме, они ждут когда их прикормят, кого из них выберут. Женщина для мужчины – всего лишь объект для развлечений. Реклама рассматривает женщину как сексуальный объект, наличие и использование которого является непременным условием утверждения собственной маскулинности. У мачо, сексуальная мощь которого несомненна, всегда должно быть достаточно женщин, чтобы удовлетворить его жажду. А уж воспользоваться предложением или отвергнуть его – это его мужское решение.

В подобных рекламных сообщениях женщина всегда вторична по отношению к мужчине, она существует как индикатор его фаллической силы. В нашем мире, в котором главенствующие позиции все еще сохраняет мужчина, реклама смотрит на мир мужскими глазами. И этот образ является проводником примитивного сексизма.

Сексизм в рекламе приобретает разные формы, действующие на реципиента по-разному, но в сумме они формируют патриархальный дискурс, в рамках которого женщина, женское является маргинализированным и дискриминированным. Такие изображения искажают и снижают роль современных белорусских женщин в социокультурных процессах города, размывают нормы

общественной морали, воспроизводя и усиливая старые и выстраивая новые гендерные неравенства.

Таким образом, городская культурная среда переполнена гендерными символами, знаками. Современный город преподносит нам уроки гендера каждый день. Реклама становится отражением гендерных установок, циркулирующих в городской среде. Рекламные образы не возникает сами по себе, они создаются людьми, членами все того же общества, поэтому можно смело утверждать что реклама, в определенной степени, фиксирует те механизмы взаимоотношения полов, которые уже существуют в обществе, отражает наше мировосприятие. С другой стороны сама реклама как один из наиболее важных факторов социализации оказывает огромное влияние на формирование гендерной идентичности горожан. Именно поэтому рекламные технологии являются одновременно технологиями гендера. Реклама участвует в формировании женской и мужской социальных ролей, общественных моделей, выстроенных в зависимости от биологического пола. Ролей, в которых мужчины – активные, могущественные, жестокие, сильные и доминантные, а женщины – пассивные, слабые, соблазнительные, подвластные. Реклама абсолютно не гнушается использовать сексистские образы. Женское тело является ее главным инструментом для передачи своего послания, для продажи продукта или услуг. Незримо, незаметно эти гендерные стереотипы, которые, в первую очередь, затрагивают женский образ, транслируются в общественное сознание, прорастают и усиливаются в обществе, воспроизводимые с различными вариациями. Современное белорусское городское общество, которое воспроизводит реклама, сохраняет черты патриархального мира, в котором женщине отводится роль либо домохозяйки, либо предмета сексуального наслаждения.

Список литературы

1. Грошев, И.В. Гендерные образы рекламы / И.В.Грошев. – Режим доступа: http://psylist.net/reklam/00005.htm – Дата доступа: 25.09.2010.
2. Томская, М.В. Гендерный аспект рекламы (на материале социальных рекламных текстов) / М.В. Томская. – Режим доступа: http://www.gender-cent.ryazan.ru/tomskaya.htm – Дата доступа: 25.09.2010.
3. Кись, О. Осторожно: сексизм! / О.Кись. – Режим доступа: http://gender.do.am/publ/8-1-0-12 – Дата доступа: 25.09.2010.
4. Розанова, Т. П., Андреева, М. М. Психологическое восприятие гендерных различий в рекламе / Т.П. Розанова, М.М. Андреева. – Режим доступа: http://www.ini21.ru/?id=787 – Дата доступа: 25.09.2010.
5. Максимова, О. Б. Гендерные стереотипы в рекламе: постановка проблемы и основные концепции / О.Б. Максимова // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. – 2002. – №1. – С. 169-173.
6. Шумкова, А. М. Методологические подходы к исследованию гендерных стереотипов / А.М. Шумкова // Вестник Удмуртского университета. Сер.: Философия. Педагогика. Психология. – 2009. – Вып. 1. – С. 107-116.
7. Суковатая, В. Реклама в зеркале политики: гендерный анализ / В. Суковатая // Социологические исследования. – 2004. – №2. С. 65-70.

Татьяна Владимировна Воронич, кандидат исторических наук, доцент кафедры экономической истории Белорусского государственного экономического университета. Научные интересы – урбанистика, историческая антропология, гендерные исследования.

УДК 314:325.111

Евгений Бабосов (Минск)

ВЛИЯНИЕ УРБАНИЗАЦИИ НА ДЕМОГРАФИЧЕСКУЮ СИТУАЦИЮ В БЕЛАРУСИ

В предлагаемой статье характеризуется влияние такого важного социального процесса как урбанизация на демографическую ситуацию в Республике Беларусь. Выделены основные признаки урбанизации, оказывающие влияние на демографическую активность населения. На основе обобщения статистических материалов проанализированы основные негативные тенденции демографического развития нашей страны. Подчеркивается, что демографические интересы общества состоят в том, чтобы обеспечивать формирование такого типа воспроизводства населения, основными особенностями которого являются преодоление депопуляции, осуществление сознательно регулируемой рождаемости, устойчивое снижение смертности и увеличение продолжительности жизни. Сформулированы рекомендации по формированию нового типа репродуктивного поведения, органично связанного с повышением качества жизни.

На протяжении нескольких последних десятилетий в Беларуси протекают два противоположно направленных и существенно важных социальных процесса: возрастание масштабов урбанизации и угасание демографической активности населения. Следует иметь в виду, что урбанизация – это процесс сосредоточения населения, экономической, политической и культурной жизни в крупных городах и связанного с этим возрастания роли городов в развитии общества, в распространении черт и особенностей, свойственных городскому образу жизни, на все общество, в том числе в сельской местности. Основными признаками урбанизации являются: возрастание доли городского населения; высокая плотность и степень размещения сети городов по территории страны; транспортная и другая доступность крупных городов для населения других поселенческих структур; возрастающее разнообразие видов трудовой деятельности и досуга населения. О том, насколько быстрыми темпами развивается процесс урбанизации в Беларуси, свидетельствует динамика в соотношении численности городского и сельского населения. В 1970 г. в республике превалировало сельское население, которое составляло 57% в общем населенческом массиве Беларуси. Спустя десять лет, в 1980 г. уже превалировало городское население, численность которого составила 61%. В настоящее время на 7 жителей городов приходится только 3 жителя деревень. По сравнению с 1959 г. численность населения к 2000 г. в городах Беларуси возросла на 284,5%, т.е. почти втрое, а в деревнях – снизилась на 55%, т.е. почти вдвое. По сравнению с 1975 г. общая численность населения к 2000 г. в городах Беларуси возросла на 284,55, т.е. почти втрое, а в деревнях – снизилась на 555. т.е. почти вдвое.

Данная тенденция в своих основных проявлениях сохраняется и в настоящее время, о чем свидетельствует рис. 1.

Рисунок 1 – Динамика городского и сельского населения Беларуси (тыс. человек)

Отметим, что урбанизация – это отнюдь не механическое изменение численности городского и сельского населения в пользу первого. Объективно переезд в крупный город означает перемещение к сконцентрированным здесь разнообразным возможностям трудоустройства и реализации способностей, к социальным и культурным благам, к источникам производства и приобретения новых вещей, видов труда, потребностей и интересов. Но одновременно урбанизация формирует городской образ жизни, где одним из существенных ориентиров человека становится не многодетная, а однодетная семья. Все это вместе взятое оказывает тормозящее, сдерживающее воздействие на демографическую активность населения.

Сложный и противоречивый конгломерат социально-экономических и духовно-нравственных факторов урбанизации оказал негативное воздействие на всю совокупность демографических процессов, среди которых необходимо выделить такую негативную тенденцию, как депопуляция – естественная убыль населения, абсолютное уменьшение его численности. О том, какие изменения в численности населения происходят в Беларуси в последние годы, свидетельствует таблица 1.

Таблица 1 – Динамика численности населения Республики Беларусь (тыс. человек)

Численность населения	1995 г.	2000 г.	2001 г.	2002 г.	2003 г.	2004 г.	2005 г.	2006 г.	2009 г.
Всего	10 210,4	10 019,5	9 990,4	9 950,9	9 898,6	9 849,1	9 800,1	9 750,2	9 503,8
Мужчины, %	46,8	46,9	46,9	46,9	46,8	46,8	46,8	46,8	44,2
Женщины, %	53,2	53,1	53,1	53,1	53,2	53,2	53,2	53,2	50,8
Женщин на 1000 мужчин	1136	1130	1131	1132	1134	1136	1138	1138	1150

Основная особенность депопуляции в Беларуси состоит в одновременном снижении рождаемости и увеличении смертности. В 1960 г. в республике родилось 200,6 тыс. чел., а умерло 54,0 тыс., т. е. естественный прирост составил 146,6 тыс. чел. Спустя 30 лет, в 1990 г., количество рождений снизилось до 142,2 тыс. чел., а количество смертей возросло вдвое – до 109,6 тыс. чел. Это означает, что естественный прирост населения составил тогда 32,6 тыс. чел. Но с 1993 г. в Беларуси естественный прирост населения сменяется его снижением. В 1995 г. на 101,1 тыс. родившихся приходилось 137,7 тыс. умерших – естественная убыль населения составила 33,6 тыс. чел. В 2005 г. в Беларуси родилось 90,3 тыс. человек, что на 51,9 тыс. меньше, чем в 1990 г. Данная тенденция, к сожалению, сохраняется и в текущем году: за 9 месяцев 2010 г. в Беларуси умерло на 21,6 тыс. человек больше, чем родилось; приехало и поселилось здесь – 7,2 тыс. человек. В итоге чистая потеря в численности населения в течение 9 месяцев 2010 г. составила 14,4 тыс. человек [1].

В итоге оказалось, что современные параметры воспроизводства населения почти вдвое меньше, чем требуется для замещения поколений. В этом заключается сегодня главная демографическая опасность в нашей стране.

Наряду со снижением рождаемости возрастает смертность населения. За 1990–2005 гг. общий коэффициент смертности увеличился в 1,3 раза и составил 14,5 на 1000 чел. Основной особенностью этого негативного процесса является сверхсмертность мужского населения. В 2005 г. в возрастных когортах от 25 до 45 лет смертность мужчин в 3,9 раза превысила смертность женщин. Существенная дифференциация проявляется и в показателях смертности городского и сельского населения. В 2005 г. общий коэффициент смертности сельского населения в Беларуси в 2,2 раза превышал аналогичный показатель для городского населения.

Важной демографической характеристикой страны является миграция населения. В Беларуси внутренние миграционные потоки в основном направлены из сельской местности в города. При этом более 60 % населения, выбывающего из сел и деревень, составляет молодежь, среди которой доминируют девушки и женщины. Главной притягательной силой города служат его преимущества в уровне материального благосостояния, условиях труда и быта, получении образования, здравоохранения и культуры, в более широких возможностях саморазвития и самореализации. К тому же из деревни в город переезжают самые образованные, квалифицированные и социально активные молодые люди. «Отток из села в город преимущественно девушек и молодых женщин резко усиливает деформацию половозрастной структуры населения села: многие потенциальные женихи остаются без невест, а в городе соответственно – невесты без женихов. Это приводит не только к обезлюдению деревни, но и к ее демографическому истощению» [2; с. 123].

Анализ основных тенденций демографического развития в Беларуси показывает, что наша страна в XXI в. сталкивается с несколькими демографическими угрозами. К их числу прежде всего относятся: депопуляция, старение населения, низкая рождаемость при высокой смертности, нерегулируемые миграционные потоки.

Демографические интересы государства и общества состоят в том, чтобы обеспечивать формирование такого типа воспроизводства населения, основными особенностями которого являются преодоление депопуляции, осуществление сознательно регулируемой рождаемости, направленной на полное замещение родительских поколений, устойчивое снижение смертности и увеличение продолжительности жизни. В сферу демографических интересов государства и общества также входят: всемерная поддержка и укрепление семьи как социального института, наиболее благоприятного для реализации имеющейся потребности в детях и их качественного воспитания, а также оптимизация внутренних и внешних миграционных процессов.

С демографическими интересами государства и общества органично взаимосвязаны демографические интересы личности, которые заключаются в наличии условий, обеспечивающих здоровую и полноценную жизнь, полную реализацию существующей индивидуальной потребности в детях, свободу территориальных перемещений. Демографические интересы личности должны сочетаться с ее репродуктивными правами, которые предусматривают для всех супружеских пар и отдельных лиц возможность свободно принимать решения относительно количества детей и располагать для этого необходимой информацией и средствами.

На достижение сбалансированных демографических интересов и потребностей государства, общества и личности ориентирована осуществляемая в нашей стране демографическая политика, целью которой является достижение благоприятствующих развитию страны количественных и качественных параметров воспроизводства населения. Эта политика может быть эффективной только в том случае, если будет принято во внимание, что в начале XXI в. в Беларуси в общем контексте обеспечения устойчивого инновационного, благоприятного для людей социально-экономического и социокультурного развития должен быть осуществлен переход от экстенсивного типа воспроизводства населения к интенсивному, означающему возрастание социального, физического и психического качества населения. Причем под воспроизводством следует понимать не только количественное воспроизводство нации, но и сохранение ее так называемого «культурно-исторического генома», представляющего своего рода программу развития базовых ценностей народа. Культурно-исторический геном каждого народа обладает присущими только ему особенностями национальной психологии менталитета, репродуктивного поведения, антропоэкологическими и защитно-адаптационными свойствами.

В процессе названного перехода усиливается значимость таких факторов, как состояние здоровья, уровень, структура и содержание образования, социокультурная развитость личности и социальной общности, продолжительность жизни людей, ее качество, продление общественно-трудовой деятельности человека. Все это должно привести к формированию нового типа репродуктивных установок и репродуктивного поведения, органично связанного с повышением качественных параметров жизнедеятельности, а общество должно получить новый импульс социально-экономического, социокультурного и демографического развития.

Чтобы добиться этих целей, в ближайшей перспективе необходимо решить целый ряд взаимосвязанных задач.

1. Придать всем программам и мероприятиям, направленным на оптимизацию демовоспроизводства, системный и комплексный характер, охватывающий не только воспроизводственные и миграционные, но и социальные, экономические, экологические, образовательно-воспитательные, психологические и технологические аспекты жизнедеятельности людей, и реализовать их в единстве и взаимообусловленности с обеспечением устойчивого социально-экономического, политического и социокультурного развития страны и достижением на этой основе нового, более высокого качества жизни белорусского народа.

2. В процессе осуществления концепций и программ государственной демографической политики следует отойти от понимания и трактовки воспроизводства населения как количественного физического возобновления поколений и сосредоточить внимание на таком развитии демографических отношений, которые ориентируются на совершенствование качественной специфики многогранного социального содержания демовоспроизводственного процесса.

3. Государственным органам, общественным организациям и благотворительным фондам необходимо предусмотреть меры по социальной защите материнства и детства при разработке и реализации ряда социальных программ, в том числе улучшения медицинского обслуживания населения.

4. Следует законодательно закрепить и поощрять введение на предприятиях и в организациях нестандартных режимов деятельности женщин-матерей, включая неполный рабочий день и гибкий график работы, возможность трудиться на дому и т. п.

5. Требуется обеспечить льготное кредитование молодых семей на покупку и строительство жилья и обзаведение домашним хозяйством.

6. Одним из основных приоритетов государства, благотворительных фондов, широкой общественности должна стать забота об укреплении здоровья населения, о расширении пропаганды здорового образа жизни. Необходимо воспитать у каждого человека, в первую очередь, у молодых людей, отношение к здоровью как к главной человеческой ценности, устойчивое стремление вести здоровый образ жизни.

7. Непременным компонентом совершенствования деятельности властных и управленческих структур всех уровней должен стать демографический мониторинг и превращение демографической экспертизы в обязательный элемент всех крупномасштабных социально-экономических программ и проектов.

Все эти задачи могут быть успешно решены в том случае, если при их осуществлении будет применяться системный подход, при котором каждая их этих задач будет одновременно и предпосылкой, и следствием решения всех остальных. Активные и целенаправленные действия государства, общественных организаций, предприятий и учреждений, направленные на эффективное решение перечисленных задач, станут важным фактором повышения качества жизни белорусского народа и народосбережения Беларуси.

Список литературы

1. Национальный статистический комитет Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – 2010. – режим доступа: http://www.belstat.gov.by. – Дата доступа: 06.11.2010.
2. Бабосов, Е.М. Беларусь перед демографическими вызовами XXI века / Е.М. Бабосов // Социология. – 2007. – № 3. – С. 121–129.

Евгений Михайлович Бабосов, доктор философских наук, профессор, академик Национальной Академии наук Беларуси, почетный директор Института социологии НАНБ, зав. отделом политической социологии и информационных технологий.

УДК 711.424(476):300(476)

Геннадий Кривощёкий (Гродно)

УРБАНИЗАЦИЯ И СОЦИАЛЬНЫЕ ПРИОРИТЕТЫ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ В НАЧАЛЕ XXI В.

Рассматриваются основные социальные приоритеты в Республике Беларусь при осуществлении государственной политики. Показана роль государства в развитии малых и средних городских поселений в условиях урбанизации, а также значение конструктивной социальной политики для формирования трудовых ресурсов отвечающих требованиям XXI века.

В начале XXI века происходят масштабные качественные изменения в социально-экономическом развитии многих регионов планеты. Ускорение процессов глобализации и интеграции современного мира, информатизация, разработка и внедрение принципиально новых технологий ведут к быстрым изменениям на рынке труда, требующих повышения качества человеческих ресурсов, что в свою очередь вызывает необходимость постоянного совершенствования всех направлений социальной государственной политики. Всё это также обусловлено усиливающейся международной конкуренцией в глобальном разделении труда необходимостью укрепления всех видов национальной безопасности.

В программе социально-экономического развития Республики Беларусь на 2006–2010 годы отмечается, что главной целью социально-экономического развития на предстоящее пятилетие является: «Дальнейшее повышение уровня и качества жизни населения на основе повышения конкурентоспособности экономики, создания государства удобного для людей».

В предыдущие десятилетия экономическое и социокультурное развитие Беларуси осуществлялось преимущественно за счёт развития крупных предприятий и социокультурных объектов в Минске, областных центрах и крупных городах с численностью населения свыше 50 тысяч человек. И в предстоящие годы сохранится их значение как флагманов нашей экономики, центров развития образования, науки и культуры. Но время объективно диктует и ставит но-

вые задачи, связанные с необходимостью масштабного развития всех регионов страны для реализации основных приоритетов социально-экономического развития страны.

Сегодня в Беларуси насчитывается 207 городских поселений, около 94% которых относятся к категории малых (в том числе 81% – малые города с численностью населения менее 20 тысяч человек) и средних. В малых и средних городских поселениях уровень жизни населения ниже, чем в крупных, более высокий уровень безработицы, менее развитая социальная инфраструктура, хуже обеспеченность жильем, а население имеет более низкие доходы. В этой связи многие молодые люди хотели бы переехать в Минск и более крупные города. Это в значительной мере ухудшает демографическую ситуацию в отдельных регионах страны, негативно отражается на социальной и профессиональной структуре населения малых и средних городских поселений [6, с. 6].

Наряду со стратегией социально-экономического развития Республики Беларусь подготовлена Государственная комплексная программа развития регионов, малых городов и посёлков на 2006–2010 годы. В методических рекомендациях по разработке программ социально-экономического развития посёлков городского типа и городов районного подчинения с численностью населения до 50 тысяч человек на 2006–2010 годы предусматривается снижение уровня безработицы, создание новых производств и рабочих мест, повышения уровня заработной платы, а также определены основные мероприятия по развитию каждого населённого пункта и расположенных в нём организаций [6, с. 7].

Первостепенное внимание будет уделяться наращиванию мощностей промышленных организаций за счёт модернизации и обновления основного технологического оборудования на существующих производственных площадях с целью увеличения объёмов производства и обеспечению снижения материало- и энергоёмкости продукции, повышения её ценовой конкурентоспособности. Особое внимание будет уделяться развитию малого предпринимательства в промышленности и сфере услуг. Эти и другие разнообразные проекты ускорят сближение качества жизни в малых и средних городах с областными центрами и крупными городами, сделают проживание в посёлках городского типа и городах районного подчинения привлекательным для населения страны.

Принятые в республике Беларусь государственные социальные стандарты способствуют реализации базовых принципов развития человеческого потенциала, основанных на опыте многих ведущих стран мира. Практически все они закреплены в Конституции Республики Беларусь, Законами «О прожиточном минимуме», «О пенсионном обеспечении», «Об образовании» и другими нормативно-правовыми документами.

Одним из важнейших приоритетов государственной социальной политики является качественное развитие всей системы образования. Опыт наиболее развитых стран убедительно доказывает, что образование, подготовка высококвалифицированных трудовых ресурсов является важнейшим фактором прогресса всего общества, обеспечение устойчивого экономического развития.

В последние годы в каждом звене системы образования в стране происходят качественные изменения. В 2008 г. в 4109 учреждениях дошкольного образования воспитывались 365,3 тыс. детей, или 81,2% численности всех детей дошкольного возраста. Беларусь стала одной из первых стран СНГ, где обеспечен 100% охват детей пятилетнего возраста подготовкой к школе [1, с. 23]. Продолжает развиваться сеть профильных учреждений: дошкольные учреждения (группы), санаторные, с углубленным направлением в работе, интегрированные группы, пункты коррекционно-педагогической помощи. Постановлением Совета Министров Республики Беларусь в августе 2008г. утверждена Программа развития дошкольного образования на 2009–2010гг.

В стране сделаны важные шаги в совершенствовании деятельности общеобразовательной школы, играющей ведущую роль в системе образования. Осуществлен переход на 9-летний срок получения общего базового образования и 11-летний – общего среднего.

В системе общего среднего образования функционирует 3,7 тысяч учебных заведений различного типа, в которых обучается 1,06 млн. учащихся. За последние годы значительно расширилась сеть учреждений нового типа: к началу 2008/2009 учебного года в Республике функционировало 196 гимназий (в 2005/2006 году – 160), 33 лицея, 6 учебно-педагогических комплексов «средняя школа (гимназия) - колледж» [1, с. 23].

Укрепление материально-технической базы общеобразовательных школ, качественный уровень профессиональной подготовки педагогов приносит положительные результаты. По результатам участия в международных олимпиадах 2008г. по математике, физике, химии, биологии, географии, информатике наши школьники были удостоены 3 золотых, 12 серебряных и 9 бронзовых медалей, а на Международной Менделеевской олимпиаде школьников по химии все шесть участников сборной команды Республики стали её победителями, завоевав 2 золотые, 3 серебряные и 1 бронзовую медали [1, с. 23].

Успешно развивается система профессионально-технического образования. Прием по договорам о подготовке кадров рабочих (служащих) с предприятиями и организациями – заказчиками составил в 2008 году 87,5%. Учреждениями профтехобразования было подготовлено 49,5 тысяч рабочих (служащих). Более 96% выпускников получили направление на работу (в 2006 – 81%, 2007 – 84%). В связи с возрастающей потребностью отраслей экономики в кадрах увеличен прием по строительным профессиям, а так же машиностроению и металлообработке, начата также подготовка рабочих специалистов для строящейся в Беларуси АЭС. В 2008 г. в учебные заведения профтехобразования с этой целью было принято 1,2 тыс. чел. К 2010 г. их прием предусматривается довести до 2,1 тыс. чел. [1, с. 24].

Подготовку специалистов со средним специальным образованием в Республике Беларусь осуществляют 196 государственных учреждений (9 техникумов, 25 училищ, 89 колледжей), в число которых входят 3 высших колледжа, 9 высших учебных заведений и республиканский институт последипломного образования (РИПО); 53 профессионально-технических колледжа, 7 учебных комплексов и школа – гимназия – колледж, подчинённых 14 республиканским

организациям государственного управления, а также местным исполнительным органам управления и Белкоопсоюзу, 11 частных средних специальных заведений [1, с. 24].

В стране постоянно растет спрос на получение высшего образования. За период с 2000 на 2008 год число студентов, обучающихся в вузах всех форм собственности, возросло в 1,5 раза и составило 420,9 тысяч. По результатам зачисления в 2009 году студентами вузов всех форм собственности стали 34 тыс. чел. (в 2008 – 85,1%, 2007 – 89,8 тыс. чел.).

Подготовка специалистов с высшим образованием в 2008 году осуществлялась по 361 специальности (в 2007 – по 357). Ежегодно вузы республики всех форм собственности выпускают более 60 тыс. специалистов с высшим образованием. Достаточно эффективно работает система распределения и трудоустройства выпускников. Так в 2008 году 93% общего количества обучающихся за счет средств бюджета получили распределение, 5,6% из них воспользовались правом на самостоятельное трудоустройство. [1, с. 26]

Министр образования Республики Беларусь А.Н. Радьков подчёркивает, что «сегодня национальная система образования обеспечивает трансляцию знаний различного уровня сложности, готовит молодежь к решению принципиально новых проблем, встающих перед обществом. Количественные показатели уровня образования (степень грамотности населения, число учащихся и студентов) обеспечивают постоянное нахождение Беларуси в числе стран мира с высоким индексом развития человеческого потенциала (уровень грамотности взрослого населения составляет 99,7 %, общий показатель обучающихся в учебных заведениях – 90,4 %). По значению индекса уровня образования в 2009 году (0,961) Беларусь занимает 28-е место [7, с. 35].

В завершающий пятилетку Год качества результаты, которые будут достигнуты в сфере образования, позволят сохранить ее приоритетность и придадут импульс к дальнейшему развитию.

В рамках Программы социально-экономического развития Республики Беларусь на 2011-2015 годы дальнейшее развитие системы образования будет осуществляться через:

- совершенствование законодательной базы функционирования образования;
- обновление содержания образования, учебного, учебно-методического обеспечения и материально-технической базы;
- обеспечение интеграции образования, науки и производства;
- создание механизмов привлечения сектора реальной экономики для повышения качества профессионального образования и обучения;
- совершенствование кадрового обеспечения системы образования;
- обеспечение социальной защиты работников образования;
- опережающее внедрение современных коммуникационных и информационных технологий;
- создание национальной системы оценки качества образования;
- увеличение совокупной доли обучающихся на всех уровнях обучения в общей численности населения;

- обеспечение устойчивой положительной динамики в системе выявления, отбора и поддержки талантливой молодежи, вовлечение ее в интеллектуальную и творческую деятельность, направленную на активное участие в социально-экономическом развитии страны;
- создание национальной системы электронных образовательных ресурсов по основным отраслям знаний в целях обеспечения для учащихся и специалистов различных учебных заведений независимо от места их расположения равных возможностей получения знаний на уровне современных требований государственных, европейских и международных стандартов;
- совершенствование инфраструктуры доступа к национальным и мировым образовательным ресурсам;
- обеспечение единого информационного поля образования республики, состоящего из национальной системы электронных образовательных ресурсов и сетевой инфраструктуры;
- обеспечение широкомасштабного внедрения информационно-коммуникационных технологий на всех уровнях образования;
- закрепление в группе стран с высоким уровнем индекса развития человеческого потенциала;
- более широкое внедрение в учебный процесс здоровьесберегающей технологии;
- повышение уровня грамотности взрослого населения, создание условий для реализации принципа «образование через всю жизнь».

Решив эти задачи, мы сформируем эффективно функционирующую модель национального образования, достигнем качественно нового уровня образования и подготовки кадров, что позволит Беларуси занять достойное место в современном мире и обеспечить ее гражданам высокое качество жизни» [7, с. 35].

К приоритетным направлениям социальной политики в Республике Беларусь относятся проблемы сохранения и укрепления здоровья нации. Сохраняя все лучшее, что было присуще советскому здравоохранению, в стране осуществляется масштабная модернизация медицинской сферы. Качественное обеспечение здравоохранения страны определяется не только выделением значительных материальных и финансовых ресурсов.

В настоящее время в состав Министерства здравоохранения Республики Беларусь входит 18 организаций, 5 учреждений образования, 9 республиканских научно-практических центров, 4 научно-исследовательских института [5, с. 53].

Постоянно растет научный потенциал здравоохранения. В настоящее время он представлен почти 4 тысячами научных и научно-педагогических работников, из которых 75% трудятся в учреждениях образования. Из них 353 человека имеют ученую степень доктора наук, 1333 – кандидата медицинских наук. Более половины специалистов организаций Минздрава, занимающихся научной деятельностью, имеют ученые степени (58%). Почти 1000 научных и научно-педагогических работников присвоены звания профессора или доцента [5, с. 53].

Одним из важнейших направлений деятельности отрасли является подготовка научных кадров высшей квалификации, которая осуществляется через аспирантуру и докторантуру. Работа аспирантуры в системе здравоохранения наиболее эффективна.

Гармонизация общественных отношений, всестороннее развитие личности во многом определяется состоянием и развитием культуры.

Государство проявляет постоянную заботу об интеллектуальном и культурном развитии общества, укреплении духовного потенциала нации. В соответствии с отраслевой программой «Сохранение и развитие культуры Республики Беларусь на период 2006–2010гг». Актуальными направлениями культурного развития страны являются обеспечение дальнейшей государственной помощи музеям – хранителям духовной памяти народа, создание условий для поддержки традиционной культуры (фольклора, народных промыслов и ремесел), выпуск качественных кино и видеофильмов, внедрение в библиотеках новых технологий, с помощью которых они превращаются в современные информационно-культурные центры.

В 2008 году повышенное внимание уделялось развитию и укреплению материально-технической базы учреждений культуры, подготовке и переподготовке кадров, пропаганде творческих достижений белорусских мастеров искусства.

В условиях глобализации происходит масштабное расширение международного культурного сотрудничества. В последние годы все чаще проводятся Дни культуры Республики Беларусь за рубежом. Важное значение имеет культурное сотрудничество Беларуси и России. Ежегодно проводятся различные совместные акции. Учреждены премии Союза Беларуси и России за произведения литературы и искусства.

Высокий международный рейтинг имеют ежегодный Минский международный фестиваль «Лістапад», международный фестиваль анимационных фильмом «Анимаёвка». Популярностью среди кинематографистов СНГ пользуется Национальный фестиваль белорусских фильмов в г.Бресте.

Большое международное значение получили такие культурные проекты как: Международные фестивали «Славянский базар в Витебске» и «Золотой шлягер». Летом 2007 года в «Славянском базаре в Витебске» приняли участие представители 32 стран, всего 4,8 тыс. человек. Действовали 11 фестивальных площадок, проведено 85 культурно-массовых мероприятий, которые посетили более 150 тысяч человек. Свидетельством широкого общественного признания этой культурной акции является растущий рейтинг специального сайта фестиваля, которым интересуются в 148 государствах мира [8, с. 153].

В последние годы в Беларуси успешно сформировалась качественно-новая информационная инфраструктура. На 1 января 2005 года в Республике Беларусь зарегистрировано 1221 периодическое издание, в том числе 784 газеты, 395 журналов, 38 бюллетеней, 2 каталога, 2 альманаха. Более чем две трети всех зарегистрированных изданий являются негосударственными. Пресса издается на шести языках: белорусском, русском, немецком, английском, украинском, польском [4, с. 124].

Быстрыми темпами развиваются электронные средства массовой информации. На 1 января 2005 года министерством информации Республики Беларусь зарегистрировано 200 теле- и радиопередач; 149 программ радиовещания, из которых 130 – государственной формы собственности, 19 – негосударственной формы собственности и 51 программа телевидения, из которых 26 государственной и 25 негосударственной формы собственности. По состоянию на 1 января 2005 года услуги в сфере кабельного телевидения осуществляют 108 субъектов хозяйствования, транслируют телевизионные программы стран ближнего и дальнего зарубежья [4, с. 125].

По оценкам специалистов сегодня наиболее востребована политическая и экономическая информация, совокупная доля которых в общем объеме информации за период 2002–2004гг. возросла более чем в 2 раза. Наибольший удельный вес приходится на материалы по экономической тематике (около 40 – 45% от общего объема), до 30% занимают новости политики и регионов, до 15% – международные новостные выпуски и информация о взаимоотношениях со странами Балтии. Оставшуюся часть занимают новости спорта, культуры, криминальной хроники, анонсы. Среди крупнейших потребителей информации о Беларуси – США, Россия, Украина, Германия, Бельгия, Польша [4, с. 125].

Тенденции мирового развития и ведущие учёные многих развитых стран указывают на необходимость возрастания регулирующей роли государства в жизни человеческого сообщества, разработки социально-экономической стратегии на длительную перспективу. Во многом это связано с тем, что в условиях глобализации не только ускоряются процессы на планете, увеличиваются научно-технологические и информационные возможности для всего человечества, но и растут барьеры между наиболее развитыми странами и обществами переходного типа и в целом развивающимся миром. Становится очевидным, что без научно-разработанной стратегии развития, определения наиболее важных приоритетов и целей, без сильного государства и его вмешательства в ход этих сложных процессов невозможно их регулировать и предотвращать негативные последствия глобализации для населения страны.

Проблема выбора приоритетов в развитии, усиления регулирующей роли государства также связаны с ухудшением экологической среды обитания человека как на планете в целом, так и в отдельных регионах и странах. Для Республики Беларусь это особая проблема. Преодоление последствий чернобыльской катастрофы ещё долгие годы будет требовать значительных материальных и финансовых усилий государства и всего общества. И только сильная и конструктивная государственная социальная политика будет способствовать преодолению тяжёлых последствий, связанных с самой большой техногенной катастрофой XX века.

XXI век поставил перед человечеством много новых сложных проблем и вызовов. Все они в полной мере касаются и нашей страны. Достойные ответы на все вопросы, поставленные перед страной сможет дать только сильное государство с эффективной наукоёмкой социально ориентированной экономикой, с высоким уровнем развития, образования, науки, духовной культуры, ка-

чественным образованием, постоянно растущим интеллектуальным и нравственным потенциалом населения.

В начале XXI века в Беларуси уже сформировалась собственная модель социально-экономического развития, в центре которой находится человек с его разнообразными потребностями и интересами. Важнейшим фактором формирования данной модели является научно-разработанная стратегия всестороннего прогресса общества. В основе этой стратегии лежит конструктивная социальная политика государства.

Список литературы

1. Андрухова, З.Э. Оценка современного состояния и основные направления развития образования в республике Беларусь / З.Э. Андрухова // Экономический бюллетень научно-исследовательского институт Министерства экономики Республики Беларусь. – 2009. – № 10. – С. 22–32.
2. Бабосов, Е.М. Идеология Белорусского государства: теоретические и практические аспекты / Е.М. Бабосов. – Минск: Амалфея, 2008 – 488 с.
3. Беларусь в вопросах и ответах. – Минск: Белорусский Дом печати, 2010. – 65 с.
4. Бушуев, А. Все о Беларуси в режиме on line / А. Бушуев // Экономика Беларуси – 2005 – № 3 (4). – С. 124–127.
5. Емельянович, И. Чтобы нация была здоровой / И.Емельянович // Наука и инновации. –2007. – № 12. (58). – С. 53–56.
6. Кобяков, А. К новому качеству жизни / А. Кобяков // Экономика Беларуси. – 2006. – № 4 (9). – С. 6–9.
7. Радьков, А. От качества образования к качеству жизни / А. Радьков // Экономика Беларуси. – 2010. – № 3 (24). – С. 30–35.
8. Республика Беларусь. Общество. Политика, экономика, Люди. – Минск, 2008. – 430 с.
9. Снопков, Н. Приоритетное направление / Н. Снопков // Экономика Беларуси. – 2010. –№ 2 (23). –С. 72–75.
10. Стружецкий, Т. Страна высокой культуры / Т.Стружецкий // Экономика Беларуси
11. Ходжаев, В. Здоровая нация – сильное государство /В. Ходжаев // Экономика Беларуси – 2010. – № 3. – С. 46–49.

Геннадий Мартынович Кривощекий, старший преподаватель кафедры всеобщей истории ГрГУ имени Янки Купалы

УДК 930(430):711.424(476)

Анна Змитрукевич (Гродно)

ГОРОДСКАЯ ИСТОРИЯ (STADTGESCHICHTE) И ПРОЦЕССЫ УРБАНИЗАЦИИ БЕЛАРУСИ В XX в. В ЗАПАДНОГЕРМАНСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ (50-е ГОДЫ XX в. – НАЧ. XXI в.)

В статье анализируется западногерманская историография по проблемам урбанизационных процессов в Беларуси, описывается источниковая база исследования. Автор в основном ограничивается анализом работ по исследуемой проблеме, изданных в ФРГ после

1990 г., когда в западном научном сообществе появился интерес к изучению истории и культуры Беларуси как независимого государства, а не как части более крупного государственного образования. Автор стремиться определить приоритетные темы исследований западногерманских ученых по изучению городской истории и урбанизационных процессов в Беларуси в XX в. Выделены возможные перспективные направления этих исследований. В статье автор попытался частично ликвидировать пробел в изучении урбанизационных процессов на территории нашей страны в современной белорусской историографии, который выражается в отсутствии работ по критическому анализу западногерманских исследований, посвященных изучаемой проблеме.

В германском научном сообществе всегда существовала потребность осмыслить особенности исторического и культурного развития славян. Славистические исследования в ФРГ уже давно обособились в самостоятельную отрасль знания и сосредоточились в пределах многочисленных научных объединений и центров. В рамках славистики ФРГ выделились и отдельные исследовательские направления: балканистика, русистика, украинистика, белорусоведение и др. Одни из данных направлений уже имеют богатую научно-исследовательскую традицию, другие находятся только в начале своего становления как отдельной отрасли исторического знания.

Существенным пробелом в изучении урбанизационных процессов на территории Беларуси является отсутствие аналитических историографических работ, посвященных разработке вышеуказанной проблемы в зарубежном белорусоведении. Проблемы истории формирования белорусоведения в ФРГ в целом, и место в нем городской проблематики в частности, очень фрагментарно и выборочно отражены в отечественной и зарубежной исследовательской традиции. В отечественной исторической науке нет специальных работ, в которых бы содержался анализ немецкой историографии по вопросу генезиса и формирования белорусоведения в ФРГ в послевоенный период. Однако есть уже немало исследований, посвященных анализу западногерманской историографии, которая затрагивает отдельные аспекты изучения культуры и истории Беларуси. Критический анализ работ западногерманских историков и культурологов по различным вопросам белорусоведения проводили А. Самсонов, П. Жилин, Е. Кульков, М. Фролов, Д. Кривошей, А. Русакович, В. Космач, Г. Космач, В.Шадурский, М. Альтерман, М. Стрелец, М. Лебедь, С. Новиков, С. Соколовский, Д. Романовский и др. [2].

Отдельным видом источников, дающим расшифровку мотивации деятельности исследовательских учреждений, где в той или иной степени прозвучала белорусоведческая проблематика, являются изданные в 90-е годы XX – начале XXI века мемуары активных деятелей белорусской диаспоры ФРГ, которые играли видную роль в формировании интереса научной общественности этих стран к истории культуры Беларуси (В. Кипель, З. Кипель, Е. Калубович, П. Урбан и др.) [1].

В то же время, как показывает изучение библиографических источников и работа с электронными ресурсами интернета, изучение данной проблемы следует проводить при опоре как на опубликованные, так и архивные источники. Среди зарубежных фондообразователей предметом самого пристального

внимания должна стать источниковая база (комплексы опубликованной и архивной информации), представляющая исследовательскую, научно-организационную и учебную деятельность таких ведущих славистических центров ФРГ как: 1) Институт Восточной Европы г. Регенсбург, 2) Институт Восточной Европы Свободного университета г. Берлина, 3) кафедра истории Восточной и Юговосточной Европы университета Людвига Максимилиана г. Мюнхена, 4) Украинский Свободный университет г. Мюнхена, 5) Баварский государственный архив г. Мюнхена, 6) кафедры восточноевропейской истории университетов Тюбингена, Бремена, Геттингена, Констанцы, Гамбурга, Киля, 7) Институт военной истории в Потсдаме и др.

Но самым главным комплексом источников в ракурсе заявленной темы, на наш взгляд, является комплекс источников историографического характера – работы историков, литературоведов, филологов и искусствоведов ФРГ 50-х годов XX – начала XXI века, в чьих исследованиях белорусская проблематика занимает существенное место (П. Урбана, Р. Линднера, Т. Бон, Б. Кьяри, Х. Герлах и др.). Обзор развития белорусской историографии в XIX – XX вв. предлагает работа Р. Линднера «Историки и власть», которая появилась в 1999 г. Следует отметить работу Д. Зиберт, которая посвящена изучению стратегий выживания белорусских крестьян в условиях советской принудительной коллективизации сельского хозяйства («Bäuerliche Alltagsstrategien in der BSSR (1921–1941)»). Появление новых источников исследований стало стимулом для новых исследований по проблематики второй мировой и Великой Отечественной войн на территории Беларуси (Б. Кьяри, Х. Герлах). Изучением политического развития Беларуси после второй мировой войны занимался Михаэль Э. Урбан. Он изучал роль поколения партизан в белорусской партийной элите [7].

Предпосылки для фундаментального исследования Беларуси дало открытие для пользования белорусских архивов. От этого выиграло и большое число диссертаций на белорусскую тематику, которые были защищены в ФРГ в последние годы. Однако история Беларуси относится к несправедливо мало изученным темам в западногерманской исторической науке. Эту ситуацию не изменило и появление в 2001 году «Справочника по истории Беларуси» (Д. Бойрау и Р. Линднер) [9], потому что он в основных своих разделах опирается на исследования белорусских авторов.

Научная актуальность темы заключается в том, что в отечественной и западногерманской историографии и культурологи второй половины XX в. – начала XXI в. отсутствует комплексное исследование обозначенной проблемы. Решение этой задачи важно не только для сферы научных исследований, но и для обозначения ведущих направлений внешней политики Республики Беларусь, ее основных положений с целью демонстрации и создания положительного образа Беларуси за границей.

В статье поставлена задача дать историографический обзор основных работ западногерманских исследователей по изучению городской истории и урбанизационных процессов в Беларуси в XX в. Автор стремиться определить приоритетные направления этих исследований в ФРГ в начале XXI в.

До 1990-х годов крупных работ по изучению городской истории Беларуси не было. Некоторые авторы, изучая более глобальные темы (Вторая мировая война, история РП и ВКЛ и др.) затрагивали описание отдельных городов и местечек нашей страны.

В 1955 г. в городе Ляйден появилась работа Горста Яблоновского «Westrußland zwischen Wilna und Moskau» («Западная Русь между Вильней и Москвой») [10]. Г. Яблоновский впервые в западногерманской историографии попытался изучить историю белорусского общества периода Средневековья. Свои исследования автор проводил, изучая литовские летописи, в которых отсутствовали названия «Беларусь» и «Украина», поэтому историк называет восточноевропейские земли «Rus‘». В этой работе он фрагментарно затрагивает и историю отдельных белорусских городов. Описание отдельных городов и поселений Беларуси периода ВКЛ встречается в работах известного западногерманского историка Г. Штекля [12].

Однако до конца XX в. западногерманские историки не рассматривали городскую историю Беларуси как отдельный феномен, достойный изучения. Общий обзор городской истории XIX – XX вв. нашей страны можно найти в «Справочнике по истории Беларуси» (2001) [8]. Кроме этого на немецком языке существовали результаты магистерской работы Уве Гартеншлэгера о жизни в осажденном Минске [8], а также еще не опубликованные результаты диссертации Барбары Эпштейн о сопротивлении в Минском гетто во время Второй мировой войны, эссе Каи Феклера об образовании общественного пространства в трансформационной фазе. Таким образом, городская история и процессы урбанизации в Беларуси относятся к «белым пятнам» в западногерманских восточноевропейских исследованиях.

Известный немецкий исследователь СССР Стефана Плаггенборг писал, что если XX век в политическом и экономическом плане должен был быть веком СССР, то тогда с демографической и социальной позиций его следует рассматривать как век урбанизации Восточной Европы [11, с. 225]. Это высказывание четко отражает приоритетную тематику западногерманских исследований урбанизационных процессов на восточнославянских землях. Одной из основных задач историков, изучающих городскую историю Восточной Европы, был показ влияния советизации на урбанизационные процессы в этом регионе в XX в. В рамках социалистического господства осуществлялись изменения от аграрных к индустриальным государствам. Западногерманские авторы указывали на то, что урбанизационные процессы в СССР осуществлялись в основном в первое десятилетие после окончания Второй мировой войны. В этот временной отрезок лидеры коммунистической партии привели в исполнение концепцию «социалистического города». Эта концепция четко отразилась в перепланировке существовавших и в планировке и возведении новых городов.

Ведущим современным западногерманским историком, который занимается изучением урбанизационных процессов в Беларуси, является Т. Бон. Сейчас он работает в г. Гиссене на отделении восточноевропейской истории. Также он является членом Общества по изучению городской истории и урбанизационных процессов ФРГ.

В своей книге «Минск – образцовый город социализма. Проектирование города и урбанизация в Советском Союзе после 1945 г.» („Minsk – Musterstadt des Sozialismus. Stadtplanung und Urbanisierung in der Sowjetunion nach 1945.“) Т. Бон описывает Минск как образец социалистической урбанизации в СССР. Автор указывает на то, что восстановление города, практически полностью разрушенного во время Второй мировой войны, стало своеобразным вызовам для советских проектировщиков. Т. Бон пишет, что споры по поводу эстетического образа города являлись лишь теоретической стороной медали. В результате войны и Холокоста изменилась структура населения города, которое теперь состояло в основном из белорусских крестьян, поэтому приоритетным было восстановление города, которое бы соответствовало практическим, повседневным потребностям населения [4, s. 76].

В этом исследовании ученый рассматривает развитие города Минска после второй мировой войны на основе следующих срезов: планировка и архитектура, урбанизация и миграция, жизнь и будни населения. Изучение социалистического города как «жизненного пространства» вместе с его средой, субкультурами и напряженных отношений между предложениями режима по планировке города и реально полученных результатов урбанистического уплотнения в БССР стало основной темой книги. Своей работой Т. Бон разработал модель для исследования обществ советского образца, процессов модернизации в Восточной и Юго-Восточной Европе после второй мировой войны.

После того как «Генеральный план» 1946 г. по перепланировке Минска расстроился, функциональный стиль взял верх над неоклассическим способом строительства. Но пропагандируемый партией способ строительства страдал от недостатка рабочей силы, от организаторского хаоса, от халатности в выполняемых работах и от бюрократических проволочек. Автор пишет, что строительство центра города было приоритетным, что приводило к нехватке жилищного фонда [4, s. 310].

Ускоренная индустриализация БССР, в первую очередь, сконцентрировалась на Минске. С этим процессом была связана и огромная миграционная волна. Остановить процесс опустения деревень и «крестианизации» городов было невозможно. Жесткая паспортная система и система регистрации наталкивалась на сопротивление со стороны населения и на различные способы обхода данных правил. Это привело к тому, что в 50-е – 60-е годы XX в. скопление жителей в Минске и вокруг Минска было бесконтрольным. План и реальность, по мнению ученого, значительно расходились в «социалистическом городе». Т. Бон считает урбанизационную концепцию модернизации Минска, разработанную белорусской партией и правительством, неудавшейся, так как руководству не удалось сдержать миграцию и выстроить данное общество «стройными рядами».

В своей работе Т. Бону удалось выявить новые, ранее не исследовавшиеся характеристики развития послевоенного Минска. Те грани изучаемой проблемы, которые он раскрывает с помощью архивных источников, отражают принципы действия советского общества в белорусской периферии. Научный

текст дополняют многочисленные иллюстрации и таблицы, а также разнообразные примеры из жизни населения Минска.

В конце своей работы Т. Бон указывает на то, что после 1991 г., когда буквально за одну ночь Минск стал столицей независимого государства, городским и государственным властям необходимо было решать те же проблемы, что и в советской послевоенной истории города. Нехватка жилой площади и некачественное коммунальное обслуживание были и в 90-е годы XX в. причиной недовольства столичного населения [4, s. 390].

Своей работой Т. Бон создал удобный для использования путеводитель для последующих исследований восточноевропейской городской истории. Им были опубликованы многочисленные статьи и доклады по вопросам урбанизации Беларуси [6]. Следует сказать, что Т. Бон начинает создавать вокруг себя определенную научную школу, которая будет заниматься изучением городской истории Беларуси. Сейчас над диссертациями по данной тематике под его руководством трудятся два докторанта и одна магистрантка.

В 2009 под эгидой Мюнхенского университета Людвига Максимилиана (специальность История Восточной Европы), университета г. Регенсбурга была организована конференция по вопросам развития городов и процессов урбанизации в восточной Европе. Мартин Шульце Вессель, руководитель исторического отдела Института Восточной Европы г. Регенсбурга, профессор кафедры Восточно- и Юговосточной Европы университета Людвига Максимилиана г. Мюнхена, предложил вынести данную тематику перед научной общественностью на конференциях Collegium Carolinum. По итогам этой конференции был опубликован сборник «От «европейского города» к «социалистическому городу» и обратно?» («Von der „europäischen Stadt“ zur „sozialistischen Stadt“ und zurück?»). В этом сборнике белорусской тематике были посвящены две работы: статьи Ф. Акерманна и Т. Бона.

Ф. Акерманн в своем докладе «От деревни к Гродно. Советизация Западной Беларуси как акультурационный процесс деревенских мигрантов» («Vom Dorf nach Grodno. Die Sowjetisierung Westweißrußlands als Akkulturationsprozess dörflicher Migranten») [3] поднимает тему национального определения по средствам советского паспорта. Ф. Акерманн также как и Т. Бон указывает на то, что процесс советизации Западной Беларуси проходил в рамках бегства населения из деревни в связи с запоздалой индустриализацией. «Новые» горожане пытались отказаться от своей деревенской идентичности, при этом они изучали русский язык и принимали советские нормы поведения. Автор говорит о том, что модернизация началась в Гродно лишь в конце 50-х годов XX в., поэтому социалистическая планировка города уже не следовала сталинским принципам, которые были положены в основу перепланировки Минска. Ф. Акерманн в своем докладе обращает внимание на то, что по своей архитектуре г. Гродно ближе к «европейскому городу» чем к «социалистическому». Эта работа подкрепляется богатой источниковой базой. В рамках научно-исследовательской стажировки Ф. Акерманну удалось поработать и с архивными и документационными материалами как по Беларуси в целом, так и Гродненской области в частности.

Т. Бон выступал на конференции с докладом «От еврейских местечек к индустриальным городам. Парадокс урбанизации Беларуси» («Von jüdischen Schtetln zu sowjetischen Industriestädten») [5]. В этой работе автор проводит детальный анализ проблемы урбанизации Беларуси: вопросы социоэкономического развития Беларуси от конца XIX в. до сер. XX в., проблемы урбанизации, увеличения городского населения после Второй мировой войны, проблема реализации проекта «социалистический город». Проведя исследование, автор приходит к следующим выводам: 1) с одной стороны, царизм пытался до начала Первой мировой войны удержать еврейское население на западных границах страны и выгнать их из деревни, с другой стороны, до начала Второй мировой войны СССР не проявлял интереса к модернизации своих приграничных областей; 2) переход от аграрной страны к индустриальному государству происходил в Беларуси с середине 50-х до середине 60-х гг. XX в. 3) процесс урбанизации Беларуси доминировал в развитии белорусской столицы; 4) с исторической точки зрения города Беларуси могли принять модель «европейского города» (Магдебургское право, влияние католицизма), однако зачатки данного процесса были сначала ограничены русской и советской властью, а затем совсем уничтожены; 5) в 50-е годы XX в. массовое бегство из деревни привело к «крестианизации» городов, процесс русификации привел к ассимиляции с советской культурой.

Краткий обзор исследуемой проблемы позволяет сделать следующие выводы:

- в 50-е – 80-е годы XX в. отдельных работ по изучению городской истории Беларуси в ФРГ не было создано, фрагментарные описания белорусских городов появлялись лишь как часть более масштабных тем;
- распад СССР и образование Республики Беларусь выделили белорусоведческие исследования в отдельное направление восточноевропейских исследований. В рамках белорусоведческих исследований определились доминирующие тематические позиции, в том числе и изучение городской истории и урбанизационных процессов в Беларуси;
- западногерманские историки обратили свое внимание в первую очередь на урбанизационные процессы в Беларуси после Второй мировой войны, которые проходили под знаменем советизации Беларуси. При этом исследователи выделили две основных причины, почему социалистический город Беларуси не стал альтернативой капиталистическому городу: во-первых, индустриализация началась тогда, когда в стране не существовало еще рабочего класса, или его зарождение находилось в зачаточном состоянии; во-вторых, развитие городов сопровождалось бурным процессом миграции населения из деревень. Говоря другими словами, натиск крестьянской массы привел к тому, что рост городского населения вышел из-под контроля, а проекты планировки городов запутались в противоречиях.

Особенности западногерманской исторической науки в изучения городской истории позволили выделить изучение урбанизационных процессов в отдельную отрасль исторического знания, о чем свидетельствует наличие и деятельность Общества по изучению городской истории и урбанизационных про-

цессов, большое количество конференций и симпозиумов, проводимых в ФРГ по данной тематике, число историков, которые исследуют городскую историю. Важным для нас является тот факт, что с образованием независимой Республики Беларусь ряд историков обратили внимание на изучение городской истории нашей страны, считая белорусскую тематики плодотворной и перспективной.

Список литературы

1. Калубовіч, А. Прафэсар Вацлаў Іваноўскі й Беларуская Рада Даверу / А. Калубовіч // Крокі гісторыі: Дасьледванні, артыкулы, успаміны. – Беласток: Га Макс; Вільня: Наша Ніва; Мінск: Маст. літаратура, 1993. – С. 146–156; Кіпель, В. Дзейнасць беларускай палітычнай эміграцыі у Заходняй Еуропе у перыядзе паміж Першай і Другой сусьветнымі войнамі / В. Кіпель // Бсларусіка-Альбарутэніка 6 : Беларусь паміж Усходам і Захадам. – Мінск, 1997. – Ч. 1. – 457 с.
2. Новікаў, С. Беларусь у кантэксце германскай гістарыяграфіі гісторыі Другой сусветнай вайны / С. Новікаў. – Мінск : МДЛУ, 2004. – 223 с.; Жилин, П. Критика основных концепций буржуазной историографии второй мировой войны / П. Жилин, А. Якушевский, Е. Кульков. – М.: Наука, 1983. – 384 с.; Крывашэй Д.А. Развіцце культурных сувязей Рэспублікі Беларусь з краінамі Цэнтральнай і Заходняй Еўропы (1991–1996): аўтарэф. дыс… канд. гістар. навук / Д.А. Крывашэй. – Мінск, 1999; Соколовский В.Л. Гісторыя і культура Беларусі ў кантэксце еўрапейскай гісторыі (1875–1925 гг.) / В.Л. Соколовский // Славянский мир и славянские культуры в Европе и мире: место и значимость в развитии цивилизаций и культур / Редкол.: В.А. Космач (гл.ред.) [и др.]. Ч. 1. – Витебск, 2001; Шадурскі В.Г. Супрацоўніцтва Рэспублікі Беларусь з еўрапейскімі краінамі ў галіне культуры / В.Г. Шадурскі // Беларускі гістарычны часопіс. – 1999. – № 1. – С. 45–57; Романовский Д.В. Культурнае супрацоўніцтва Беларусі і Германіі ў 90-я гады / Д.В. Романовский // Беларусь и Европа: взаимодействие культур (история, уроки, опыт, современность) / Редкол.: В.А. Космач (гл.ред.) [и др.]. – Витебск: Изд-во ВГУ, 2000 – 291 с.
3. Ackermann, F. Vom Dorf nach Grodno. Die Sowjetisierung Westweißrußlands als Akkulturationsprozess dörflicher Migranten / F. Ackermann // Von der „europäischen Stadt“ zur „sozialistischen Stadt“ und zurück? Urbane Transformationen im östlichen Europa des 20. Jahrhunderts. Vorträge der gemeinsamen Tagung des Collegium Carolinium und des Johann Gottfried Herder-Forschungsrats in Bad Wiessee vom 23. bis 26. November 2006 / Hrsg. von Th. M. Bohn. – München: R. Oldenbourg Verlag, 2009. – S. 335–361.
4. Bohn, Th. M. Minsk – Musterstadt des Sozialismus. Stadtplanung und Urbanisierung in der SU nach 1945 / Th. M. Bohn. – Köln, Weimar, Wien: Böhlau Verlag, 2008. – 410 s.
5. Bohn, Th. M. Von jüdischen Schtetln zu sowjetischen Industriestädten / Th. M. Bohn // Von der „europäischen Stadt“ zur „sozialistischen Stadt“ und zurück? Urbane Transformationen im östlichen Europa des 20. Jahrhunderts. Vorträge der gemeinsamen Tagung des Collegium Carolinium und des Johann Gottfried Herder-Forschungsrats in Bad Wiessee vom 23. bis 26. November 2006 / Hrsg. von Th. M. Bohn. – München: R. Oldenbourg Verlag, 2009. – S. 51–77.
6. Bohn, Th. Die Suche nach städtischer Identität. Minsk – weißrussische Hauptstadt, sowjetische Heldenstadt, sozialistische Musterstadt / Th. Bohn // Basler Magazin. – 2000. – Nr. 32. – S. 12–13; Bohn, Th. Das „neue“ Minsk – Aufbau einer sozialistischen Stadt nach dem Zweiten Weltkrieg / Th. Bohn // Handbuch der Geschichte Weißrußlands / Hrsg. v. Dietrich Beyrau u. Rainer Lindner. – Göttingen, 2001. – S. 319–333; Bohn, Th. Das Projekt „Sozialistische Stadt“. Stadtplanung und Architektur in Minsk 1935–1955 / Th. Bohn // Belarus-News. – 2001. – № 15. – S. 24–25; Bohn, Th. Menesk – Mensk – Minsk. Wit-Russische hoofdstad, sovjetheldenstad, socialistische modelstad /Th. Bohn // Oost-Europa Verkenningen. – 2002. – № 167. – S. 62–70; Bohn, Th. Das Rätsel der „Sozialistischen Stadt“. Archivarbeit in der Republik Belarus / Th. Bohn // Russische Archive und Geschichtswissenschaft. Rechtsgrundlagen, Arbeitsbedingungen, For-

schungsperspektiven / Hrsg. v. Stefan Creuzberger u. Rainer Lindner. – Frankfurt am Main, 2003. – S. 195–203; Bohn, Th. „Von der Sowjetunion lernen, heißt siegen lernen.“ – Potemkinsche Dörfer und ostdeutsche Stadtplanung in der Nachkriegszeit / Th. Bohn // Schönheit und Typenprojektierung. Der DDR-Städtebau im internationalen Vergleich / Hrsg. v. Christoph Bernhardt u. Thomas Wolfes. – Erkner , 2005. – Regio transfer 5. – S. 61–80; Bohn, Th. Das „Phänomen Minsk“. Sozialistische Stadtplanung in Theorie und Praxis / Th. Bohn // Städteplanung – Planungsstädte / Hrsg. v. Bruno Fritsche, Hans-Jörg Gilomen u. Martina Stercken. – Zürich, 2006. – S. 141–155; Bohn, Th. Urbanisierung und Ruralisierung: Paradoxien der „sozialistischen Stadt“ in Osteuropa / Th. Bohn // GeschichtsBilder. 46. Deutscher Historikertag vom 19. bis 22. September in Konstanz. Berichtsband / Hrsg. v. Clemens Wischermann, Armin Müller, Rudolf Schlögel, Jürgen Leipold. – Konstanz, 2007. – S. 118; Bohn, Th. Industrialisierung und Landflucht in der Sowjetunion. „Eigenmächtige Bautätigkeit“ als Antwort auf die Wohnungsfrage in Minsk nach dem Zweiten Weltkrieg / Th. Bohn // Informationen zur modernen Stadtgeschichte. – 2007. – Bd.II. – S. 10–21; Bohn, Th. Das „Minsker Phänomen“ - Stadtwachstum und Wohnungsnot in der Sowjetunion nach dem Zweiten Weltkrieg / Th. Bohn // Städte zwischen Wachstum und Schrumpfung. Wahrnehmungs- und Umgangsformen in Geschichte und Gegenwart / Hrsg. v. Axel Schildt u. Dirk Schubert. – Dortmund, 2008. – Blaue Reihe. Dortmunder Beiträge zur Raumplanung 129. – S. 145–159.

7. Chiari, B. Alltag hinter der Front. Besatzung. Kollaboration und Widerstand in Weißrußland 1941–1944 / B. Chiari. – Düsseldorf, 1998. – 380 s.; Gerlach, Ch. Kalkulierte Morde. Die deutsche Wirtschafts- und Vernichtungspolitik in Weißrußland 1941–1944 / Ch. Gerlach. – Hamburg: Hamburger Ed., 2000. – 1232 s.; Siebert, D. Bäuerliche Alltagsstrategien in der BSSR (1921–1941). Die Zerstörung patriarchalischer Familienwirtschaft / D. Siebert. – Stuttgart, 1998. – 346 s.; Lindner, R. Historiker und Herrschaft. Nationsbildung und Geschichtspolitik in Weißrußland im 19. Und 20. Jahrhundert / R. Lindner. – München, 1999. – 896 s.

8. Gartenschläger, U. Die Stadt Minsk während der deutschen Okkupation (1941–1944) / U. Gartenschläger. – Dortmund, 2001. – 203 s.

9. Handbuch der Geschichte Weißrußlands / Hrsg. von D. Beyrau, R. Lindner. – Göttingen, 2001. – 1050 s.

10. Jablonowski H. Westrussland zwischen Wilna und Moskau: Die politische Stellung und die politischen Tendenzen der russischer Bevölkerung des Grossfürstentums Litauen im XV. Jh. / H. Jablonowski. – Leiden, 1955. – 457 s.

11. Plaggenborg, St. Sowjetische Geschichte in der Zeitgeschichte Europas / St. Plaggeborg // Zeitgeschichte als Problem. Nationale Traditionen und Perspektiven der Forschung in Europa. – Göttingen, 2004. – S. 225–256.

12. Stökl G. Der Russische Staat im Mittelalter und Früher Neuzeit / G. Stökl. – Wiesbaden, 1981. – 468 s.

Анна Антоновна Змитрукевич, аспирант кафедры культурологи ГрГУ им. Я. Купалы. Научный руководитель: доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой экономической теории ГрГУ им. Я. Купалы Д.В. Карев.

УДК 008 (476): 94 (410.1) (вторая половина XX – начало XXI вв.)

Анастасия Карева (Гродно)

БЕЛАРУСЬ ЭПОХИ МОДЕРНИЗАЦИЙ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – XX ВВ. В БЕЛОРУСОВЕДЕНИИ ВЕЛИКОБРИТАНИИ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XX – НАЧАЛО XXI ВВ.)

Статья посвящена проблемам изучения истории Беларуси второй половины XIX – XX вв. в белорусоведении Великобритании второй половины XX – начала XXI вв. На основе изучения литературы и источников вопроса делаются выводы о факторах, влиявших на характер освещения этой проблемы в британском белорусоведении данного периода, ее месте в контексте общего интереса белорусистов Британии к истории Беларуси.

Рассматриваемая проблема пока еще не привлекала специального внимания тех исследователей, которые занимаются изучением становления и развития зарубежного белорусоведения как одной из отраслей интегративной белорусистики [1]. Одновременно можно утверждать, что изучение эпохи капиталистической и социалистической (советской) модернизаций в истории Беларуси до последнего времени являлось слабым звеном в белорусской историографической традиции не только белорусского зарубежья, но и исторической науки Республики Беларусь. Это направление, как нам представляется после изучения библиографических и историографических источников по истории послевоенного зарубежного белорусоведения, не реализовалось в качестве одной из приоритетных исследовательских доминант в историко-концептуальном осмыслении белорусского прошлого [2].

В связи с этим у исследователя возникает целая группа взаимосвязанных вопросов: 1) почему эта проблема оказалась на периферии научных интересов историков белорусского зарубежья в Великобритании; 2) какие ее аспекты и в каком контексте оказались все же затронутыми зарубежными историками-белорусистами в этой стране; 3) какие факторы (социально-культурного, политического и собственнонаучного порядка) оказали влияние на трактовку проблемы модернизации в британском белорусоведении второй половины XX – начала XXI вв.

Изучение литературы и опубликованных источников показывает, что определяющую роль в зарождении интереса к истории Беларуси в британском белорусоведении послевоенного периода сыграла белорусская диаспора в Великобритании, которая создала ряд научно-культурных центров, направленных на сохранение белорусского языка, традиций, религии, а также на более тесное знакомство британцев с историей и культурой Беларуси. Организаторами этих учреждений являлись представители интеллигенции белорусского зарубежья (политические, религиозные, культурные деятели) [3].

Научная английская белорусистика в целом, британская историография истории Беларуси, в частности, была представлена в эти годы преимущественно статьями в периодических изданиях, многие из которых уже не выпускаются. Жанры зарубежной периодики варьируются в достаточно широком диапазоне – от общественно-политических, составляющих большинство (литературно-общественная, общественно-политическая, религиозная периодика) до научных журналов. Одним из таких наиболее заметных изданий в британском белорусоведении, выходившим в эти годы, был ежегодник «Журнал белорусских исследований» (The Journal of Belarusian Studies), издаваемый Англо-белорусским обществом с 1965 – 1988 гг. В нем публиковались статьи о дореволюционной Беларуси, статьи, посвященные теме культурного наследия Беларуси, рецензии на изданные в нашей стране книги, библиография последних

изданий. Свои материалы размещали в журнале не только белорусские эмигранты, но и ученые, исследователи-слависты из Англии и других стран. Продолжением данного издания явилась серия «Непериодические научные записки белорусских исследований» (Occasional Papers in Belarusian Studies), первый номер которой вышел в Лондоне в 1995 г. Редакторами-составителями «Записок» были профессор Лондонского университета, специалист по русской и белорусской литературе Арнольд Макмиллин и преподаватель истории в том же университете Джеймс Дингли. В журнале печатались статьи и рецензии по вопросам белорусского языка, литературы и истории, рассматривались проблемы общественного, культурного и научного характера разных периодов истории Беларуси, в частности периода второй половины XIX – XX вв.

В 50–90-е гг. XX в. был опубликован и ряд исследовательских монографических работ *историко-культурологического характера*, посвященных исследованию проблем истории и культуры Беларуси – статьи, книги и брошюры историков, литературоведов, филологов и искусствоведов Великобритании в 50-х гг. XX – начале XXI века, в чьих исследованиях белорусская проблематика занимает доминирующее или очень существенное место (в Великобритании: монографии и статьи Л. Горошко, Ч. Сиповича, А. Надсона, Дж. Дингли, Д. Клиера, А. Макмиллина, Г. Пикарды, В. Рич, Э. Вильямса, А. Тихоновецкого, И. Огинского, Ю. Веселковского) [4]. В их работах представлено немало интересных наблюдений об особенностях исторического процесса на белорусских землях и оценки, основанные на результатах собственных исследований по отдельным важнейшим аспектам истории белорусской культуры (история белорусского языка и литературы, белорусская ментальность, выдающиеся деятели белорусской культуры и их роль в становлении этнополитического и исторического сознания белорусов, роль христианских конфессий в формировании системы ценностей белорусского этноса, роль политического фактора в судьбе белорусского народа и его культуры и др.).

Однако вопросы, связанные с историей белорусского города и социально-экономической трансформации белорусского общества второй половины XIX–XX вв., не нашли заметного отражения. Нам представляется, что объяснение подобной ситуации можно видеть в следующих обстоятельствах: 1) Беларусь до середины XIX в. по существу не была затронута процессом урбанизации, а белорусская история второй половины XIX–XX вв. в социально-экономическом плане представляла типичный пример региона «догоняющей модернизации», где главный импульс модернизационных процессов исходил из «внешней среды» – управленческой элиты Российской и советской империй. Зачастую он оказывался непонятным и враждебным для населения регионов «полупериферий и периферий» этих геополитических образований имперского типа [5]; 2) большинство английских белорусоведов – представителей белорусской диаспоры Великобритании второй половины XX в. были уроженцами аграрной «весково-местечковой» Западной Беларуси, для которых главным являлось сохранение национально-культурной идентичности в иноэтничной среде через формирование исследовательской традиции исторической памяти своего этноса. Такое понимание своей миссии на первый план выводило

историко-культурологическую проблематику и проблематику, связанную с политической историей Беларуси – судьбой ее государственности; 3) эта традиция в значительной мере определяла и «силовое поле» исследовательских интересов в области истории Беларуси собственно британских историков-славистов, которые добавили в эту исследовательскую «палитру» только один сюжет – Беларусь в контексте международных политических отношений второй половины XX в.

Изучение источников позволяет утверждать, что в эти годы на зарождение интереса к Беларуси и ее истории, характер оценок, даваемый в научном сообществе Великобритании важнейшим этапам и событиям ее прошлого и современности, оказали доминирующее влияние 1) социально-политический контекст, связанный с итогами Второй мировой войны и той заметной ролью, которую играла в этих событиях БССР как часть Советского Союза; 2) белорусская диаспора послевоенного поколения, осевшая в Великобритании в эти годы и создавшая первые культурно-просветительские и научные центры на их территории [6].

Доминирующее внимание британских славистов к историко-культурологической проблематике в истории Беларуси во многом объясняется и самим предшествующим характером развития славяноведения в Великобритании XX века. Историков ведущих исследовательских центров этой страны (университеты Оксфорда, Лондона, Лидса, Шеффилда, Ноттингема, Глазго, Бирмингема, Эссекса и др.) политическая и социально-экономическая история славянских народов Европы до 90-х гг. XX в. интересовала прежде всего сквозь призму геополитических и геоэкономических интересов Британской империи. Поэтому в фокусе их внимания находилась история тех славянских государств, которые представляли значимый прагматический интерес для правящих кругов Великобритании (история Польши, балканских народов, Российской империи, Советского Союза) (работы Р. Аллисона, В. Андрле, Э. Бэкона, Дж. Барбера, А. Брауна, Дж. Кармичаэла, Э. Карра, Р. Дэвиса, Н. Дэвиса, Д. Фильцера, М. Харрисона, Дж. Хоскинга, Н. Ламперта, К. Мэрридэйл, А. Ноува, Р. Роуза и др.) [7]. История Беларуси и белорусов включалась как часть общероссийского или советского социально-экономического и политического контекста. События 1991 г., связанные с разрушением СССР и образованием на его пространствах новых независимых государств, привело к кризису традиционной советологии и сместило интересы британских славистов в сторону истории этих новообразований (в том числе и РБ). Считать их историками-белорусистами не представляется возможным. Поскольку белорусский материал в их работах по российской и советской истории привлекался спорадически и никогда не занимал доминирующего места. Вероятно, по этой причине даже в таком авторитетном энциклопедическом издании, как «Британика», в статье, посвященной истории Беларуси, содержится немало фактографических ошибок [8].

Из белорусских историков-эмигрантов, в творческом наследии которых были сделаны попытки синтезного осмысления истории Беларуси (в том числе периодов второй половины XIX – XX вв.), можно выделить, пожалуй, лишь

работы Ю. Веселковского. Прежде всего, такие его книги, как «Беларусь у Першай Сусьветнай вайне» (Беласток – Лондан, 1996), «Нарысы па гісторыі Беларусі (Беласток – Лондан, 2002)», «Рабы ў старажытным сучасным свеце» (Беласток – Лондан, 2003), «Ад Гарбачова да Белавежы (1985 – 1991)» (Беласток – Лондан, 2004). Все эти работы написаны в стилистике «событийной истории» с акцентированным вниманием к вопросам политической истории и истории белорусской культуры. Социально-экономическая трансформация, процессы урбанизации белорусского общества во второй половине XIX – XX вв. не выделяются в качестве самостоятельных, автономных сюжетов авторского нарратива и не подвергаются историографической рефлексии. В целом можно отметить, что британские белорусисты послевоенной эмигрантской волны, не создав специальных исследовательских работ, посвященных эпохам российской и советской модернизации белорусского общества, все же внесли определенный вклад в разработку источниковедческих ракурсов этой проблемы. Они оставили достаточно интересную мемуарную традицию, отражающую события 30-х – 40-х гг. XX в. в истории советского общества как их современники и участники.

Список литературы

1. Запруднік, Я. Развіцце беларусазнаўчых доследаў на Захадзе (пачынаючы з 1945 г.) / Я. Запруднік // Кантакты і дыялогі. – 1999. – № 11-12. – С. 3–9; Сяргеева, Г. Гісторыя Беларусі ў даследаваннях нацыянальнай эміграцыі / Г. Сяргеева // Беларусіка = Albaruthenica / Рэд. У.Конан і інш. Кн. 5. Культура беларускага замежжа; Беларуска-амерыканскія гістарычна-культурныя ўзаемадачыненні. – Мінск : Навука і тэхніка, 1995. – С. 39–47.

2. Kipel, V.,Kipel, Z. Belarusian Publishing in the West. A Bibliography / V. Kipel, Z. Kipel. – New York – Warsaw, 2006.

3. Карева, А.Д. Белорусская диаспора и становление традиций белорусоведения в Великобритании в 40-е – сер. 80-х гг. XX в. (историографические, источниковедческие, историко-культурологические аспекты проблемы) / А.Д. Карева // Веснік ГрДУ імя Я. Купалы. Сер. 1. Гісторыя. Філасофія. Паліталогія. Сацыялогія. – 2009. – № 2 (80). – С. 62–72.

4. Карава, А. Беларусы і беларусазнаўства ў Вялікабрытаніі ў 1940-я – 1990-я гг. / А. Карава // Беларускі гістарычны часопіс. – 2009. – № 6. – С. 26–30.

5. Донских, С.В. В тени большого города, народ и город в Беларуси / С.В. Донских // Этносоциальные и конфессиональные процессы в современном обществе: сборник научных статей. – Гродно: ГрГУ, 2005. – С. 28 – 30.

6. Карев, Д.В., Карева, А.Д., Змитрукевич, А.А. Восточнославянский мир в зарубежном белорусоведении второй половины XX – начала XXI в.: историографические и источниковедческие аспекты проблемы (Великобритания, ФРГ, США и Канада) / Д.В. Карев, А.Д. Карева, А.А. Змитрукевич // Беларускі археаграфічны штогоднік. Вып. 10. – Мінск, 2009. – С.11–22.

7. Согрин, В.В., Зверева, Г.И., Репина, Л.П. Современная историография Великобритании / В.В. Согрин, Г.И. Зверева, Л.П. Репина. – М.: Наука, 1991. – С. 41–107; Меньковский, В.И. История и историография: Советский Союз 1930-х годов в трудах англо-американских историков и политологов / В.И. Меньковский. – Мн.: БГУ, 2007. – С. 334–356.

8. Belarus History // Britannica. 15th edition. – 2002. – Macropaedia. – Vol. 2.

Анастасия Владимировна Карева, магистр филологических наук, аспирант кафедры культурологи ГрГу им. Я. Купалы по специальности «теория и история культуры». Научный руководитель – кандидат философских наук, доцент Н.Н. Беспамятных.

pawet.net

2. УРБАНІЗАЦЫЯ І ЭКАНОМІКА

УДК 94(476)

Андрей Киштымов (Минск)

ПУТИ СООБЩЕНИЯ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА УРБАНИЗАЦИЮ БЕЛАРУСИ (КОНЕЦ XVIII – НАЧАЛО XX В.)

Общепризнанным является тот факт, что история городов чаще всего бывает тесно связана с коммуникациями и путями сообщения. В конце XVIII – начало XX в. появились искусственные водные пути с системами каналов и шлюзов и искусственные сухопутные пути – железные дороги, а также и принципиально новые транспортные средства – пароходы и паровозы. Все это стало новым фактором в развитии урбанизационных процессов как в мире, так и в Беларуси.

Наличие путей сообщений всегда считалось важнейшей характеристикой не только городов, но и любых населенных пунктов. "Свою судьбу город обеспечивал своими дорогами, своими рынками, своими мастерскими, теми деньгами, которые он накапливал" – именно дороги на первое место в своей характеристике городов поставил такой бесспорный авторитет в экономической истории, как Фернан Бродель [1, с. 91]. Опросные листы всероссийской переписи 1897 г. для населенных мест включали обязательные вопросы про их отдаленность и связь с транспортными артериями.

Парадокс состоит в том, что сами пути сообщения проходят за пределами городов. Города – лишь конечные или транзитные пункты этих путей. И, конечно, суть проблем не в наличии пристани, вокзала или станции. Они, как и город в целом, лишь аккумулируют энергию периферии, а затем же город, используя эту энергию, превращает сырье – в продукцию, строительные материалы – в дома и улицы, своих новых жителей – в горожан.

Столетиями, и даже тысячелетиями, пути сообщения ограничивались двумя типами – сухопутные и водные. Конец XVIII – начало XX в. не стали в этом отношении исключением. Но с двумя существенными отличиями: появились искусственные водные пути с системами каналов и шлюзов и искусственные сухопутные пути – железные дороги. И, второе: появились и принципиально новые транспортные средства – пароходы и паровозы.

Как мы знаем, в Российской империи признание за населенным пунктом городского статуса самым непосредственным образом зависело от его административного положения. Городами, за редким исключением (так называемые "заштатные" города), признавались только губернские и уездные центры. При таком положении вещей, безусловно, урбанизационное влияние новых путей сообщения могло сказаться лишь опосредованно, иногда и по прошествии достаточно протяженного исторического периода, о чем мы еще будем говорить. Но есть в нашей истории и примеры, когда такой фактор срабатывал гораздо быстрее.

В конце XVIII – первой половине XIX в. самодержавие в белорусских губерниях осуществило финансирование и реализацию таких больших инфра-

структурных проектов, как создание искусственных водных путей и прокладка каналов.

Со строительством Березинской водной системы, начатом в 1797 г. по указу Павла I, напрямую связано восстановление Лепельского уезда и, соответственно, возвращение Лепелю городского статуса. Этот уезд был создан сразу после второго раздела Речи Посполитой. Затем, в 1796 г. – упразднен с присоединением его территории к Полоцкому у., в 1802 г. – восстановлен. В Лепеле располагалось сначала управление строительством, а затем и дирекция Березинского водного пути. О том, что именно благодаря Березинской водной системе Лепель стал городом, красноречиво писал его уроженец, видный белорусский историк Дмитрий Иванович Довгялло. В своей книге "Лепель, уездный гор. Витебской губ.: Хроника минувшей жизни" он пишет так: "Трудно в настоящее время определенно сказать, – почему в качестве уездного города было выбрано самое окраинное местечко во всем уезде и при том – маленькое, особенно по сравнению с такими большими местечками как Бешенковичи, Чашники, Бочейково, да и упоминавшееся уже местечко Ушачь. Но едва ли ошибемся, сделав то предположение, что на такую судьбу Лепеля больше всего повлияло осуществление мысли о днепровско-двинской системе, через посредство рр. Березины и Уллы. В 1794-1796 гг. уже сильно была выдвинута мысль о Березинском канале для соединения Западной Двины с Днепром, хотя только рескриптом императора Павла Петровича от 23 февраля 1797 г. эта мысль обратилась в дело" [2, с. 24].

Рискну предположить, что при довольно странном выборе в 1795 г. Слонима как губернского центра был принят во внимание и такой аргумент, как его положение в качестве отправной точки на водной системе с каналом Огинского. Однако, как выяснилось, большого экономического значения эта система не могла иметь, да и сама была технически весьма несовершенной. Побыв пару лет губернским городом, Слоним уступил свое место сначала, после объединения Слонимской и Виленской губерний в Литовскую – Вильно, а в 1802 г., после раздела Литовской губернии – Гродно. Вот здесь царизм не ошибся, так как именно Гродно, имея неманскую пристань, и, получив в 1862 г. железнодорожное сообщение, стало первым белорусским настоящим транспортным узлом.

В словарях по экономико-географической терминологии подчеркивается, что "пункты, к которым примыкают более двух интервалов, то есть – линий, одного вида транспорта, – это *узлы* с типологическими разновидностями "железнодорожный", "автодорожный" и т.п. А вот ***транспортными узлами*** следовало бы именовать лишь такие пункты, где сходятся не меньше двух линий различных, но взаимодействующих средств транспорта [3, с. 119]. Такое сочетание – пересечение водных и железнодорожных путей, на Беларуси встречается только со второй половины XIX в. Отсюда и берет начало история наших транспортных узлов.

Снова обратимся к водным путям. К первой половине XIX века относится и беспрецедентный случай, когда строящаяся водная система дала название вновь образованной Августовской губернии. Она появилась в 1837 г., причем

ее название связано действительно с новой водной магистралью, а не с Августовом, который был всего лишь уездным городом этой губернии. Центром же ее сначала сделали Ломжу, а с 1844 г. – Сувалки. При этом сама Августовская водная система вошла в строй в 1839 г., то есть спустя пару лет после основания губернии, которой она дала свое имя. В 1867 году из Августовской губернии была выделена Ломжинская губерния, а оставшаяся часть стала называться Сувалкской губернией.

На сравнительно короткий, полувековой период с 1862 по 1915 гг. приходится основной объем строительства железных дорог в Беларуси [4, с. 116-143]. Появились они как результат общеимперской политики, хотя в белорусских губерниях в ряде случаев имела место и местная инициатива.

В классической, скажем так, западноевропейской капиталистической экономике XIX века, "экономический рост должен был генерировать такие большие грузопотоки, что железные дороги могли бы стать успешным решением проблем, возникавших в функционировании системы транспорта и распределения" [5, с. 254]. У нас, и мне это уже приходилось отмечать, часто происходило с точностью до наоборот. В ходе индустриализации Беларуси, на ее первом этапе в XIX – начале XX в., именно железнодорожное строительство, а не возникновение промышленных предприятий, стимулировало урбанизационные процессы. Если на Урале или в Донбассе, новом украинском индустриальном районе, железные дороги шли вслед за промышленностью, то, пересекая белорусские губернии, они сами становились проводниками индустриализации и создавали условия, как для строительства новых предприятий, так и для промышленного освоения целых регионов [6, с. 97].

Как парадокс укажем, что такую же урбанизационную миссию, как в XIX в. транспортные узлы и, в первую очередь, узлы железных дорог – тянуть за собой экономику и урбанизацию, позднее, уже во второй половине XX в., сыграл еще один новый для Беларуси вид транспорта – трубопроводный. На его счету новый город Новополоцк и новое лицо старинного Мозыря.

Правда, исключением из этого правила стал Солигорск. Здесь, конечно, только месторождение калийных солей притянуло к себе и пути сообщения, и город.

Вернемся в XIX век. В пореформенное время, с началом железнодорожного строительства в Беларуси городской статус получила только Сморгонь (с 1904 г.). То, что через новый город проходила Либаво-Роменская железная дорога следует признать дополнительным доводом в пользу его учреждения. Но были в нашей истории и примеры, когда именно наличие железных дорог, создание железнодорожного узла становилось основным фактором урбанизации и главным доводом в ходатайствах о получении городского статуса. В 1873 г. станцией Либаво-Роменской железно дороги стал Жлобин. С 1902 г., в связи с проведением через Жлобин железнодорожной линии Могилев – Витебск, которая, в свою очередь, являлась частью большой железнодорожной магистрали Петербург – Одесса, он превратился в железнодорожный узел. Имея достаточно крупную пристань на Днепре, Жлобин вполне подходил под определение транспортного узла. И уже осенью того же года жители этого местечка хода-

тайствовали о переводе его на права городского управления. После четырехлетнего рассмотрения прошение было оставлено "без последствий". И это не смотря на то, что Жлобин был крупным местечком, с населением в 6730 человек, что намного превышало население таких уездных городов той же Могилевской губернии, как Сенно (4,1 тыс.), Климовичи (4,7 тыс.), Чаусы (5 тыс.), Чериков (5,2 тыс.) [7]. В качестве мотивировки Могилевское губернское присутствие сослалось на нежелание стать горожанами 121 крестьянина местечек Жлобина и 18 крестьян смежного с ним местечка Карпиловка. Крестьяне не захотели включать себя и свою землю в городскую черту, так как в будущем не хотели платить сборы на содержание городского общественного управления и полицейского надзора [8].

Тем не менее, у Жлобина был хороший шанс стать городом. Прецеденты такого рода в то время были. В 1903 г. городом Волынской губ. стал железнодорожный узел Здолбуново. В этом же году местечко Вилейки Виленской губернии, на линии Либаво-Роменской железной дороги, в котором был построен поселок железнодорожников, было переименовано в город Ново-Вилейск (ныне литовская Науёйи-Вильня).

В пользу Жлобина свидетельствовало и стремительное увеличение грузооборота его железнодорожной станции. В 1913 г. он достиг 5702 тыс. пудов, а количество проданных железнодорожных билетов составило 80965 (соответствующие показатели по железнодорожной станции губернского Могилева: грузооборот 7125 тыс. пудов и 190538 пассажиров) [9, с. 7]

В первой половине XIX в. в Беларуси повысить свой статус от уездного до губернского города, как мы знаем, удалось только Гродно. В начале XX в. шанс стать губернским городом имелся у Пинска, транспортного узла, имевшего к тому времени железнодорожное сообщение и тесно связанному с функционированием двух водных систем – каналом Огинского и Днепро-Бугским каналом. Предложение о создании новой Полесской губернии с центром в Пинске высказывались в то время таким авторитетным и высокопоставленным царским чиновником как руководитель Западной экспедиции по осушению болот генерал-лейтенант И.П. Жилинский.

Отметим, что в 1912 году из частей Люблинской и Седлецкой губерний была образована Холмская губерния, которая была исключена из Варшавского генерал-губернаторства (Привислинского края) и управлялась, как обычная российская губерния. Так что и здесь, как и в случае со Жлобином, прецедент был. Все это происходило рядом, и поэтому совсем не исключено, что и Полесье ждал административный передел. Что и случилось достаточно быстро, но уже не в Российской империи.

В 1919 г. была упразднена Могилевская и создана Гомельская губерния. На примере Гомеля отчетливо видно, что тенденции, заложенные еще в предыдущую эпоху, продолжали действовать и еще как минимум полвека. Гомель как крупнейший транспортный узел и промышленный центр еще в конце XIX века превзошел свою губернскую столицу – Могилев, что, в конце концов, и было признано, только уже новой властью.

Этот пример достаточно красноречивый, но далеко не единичный. Дорасти до статуса советского областного центра, хотя и на время, удалось Барановичам. Статус железнодорожных узлов в XX в. вывел в города Жабинку, Жлобин, Калинковичи, Кричев, Лунинец, Молодечно, Мосты, Осиповичи.

Конечно, было бы заманчиво к числу урбанизационных факторов XIX – начала XX в. отнести и совершенствование сухопутных дорог и транспорта. Прокладка шоссейных дорог в Российской империи началась в 1817 г., а в конце XIX века в белорусских губерниях появились и первые автомобили [10]. В начале XX в. ряд городов Беларуси связало и регулярное автобусное сообщение. Но автомобильный транспорт, конечно, пока делал первые шаги, вернее – первые версты своего пути. Это сегодня мы начали гадать, выживут ли города при таком нашествии автомобилей?

Зато о появлении общественного городского транспорта, как нового урбанизационного фактора, стоит упомянуть. Конка существовала в Минске (с 1892 г.) и Могилеве (с 1910 г.), трамвай – в Витебске (с 1898 г.). Перед Первой мировой войной были разработаны планы осуществления трамвайного движения в Бобруйске, Бресте, Гомеле, Гродно, Минске [11, с. 368].

Не дело историка предсказывать будущее. Однако, я уверен, что современное административно-территориальное деление Республики Беларусь не отвечает в полной мере ее экономическим, да и политическим потребностям. Урбанизационные процессы привели к тому, что ряд районных центров давно уже "перерос" статус районных городов. Чаще всего эти уже города имеют и статус транспортных узлов, полученных еще в XIX – начале XX в. – Барановичи, Бобруйск, Мозырь, Молодечно, Пинск, Полоцк. Едва ли в ближайшее время кардинальные изменения произойдут в транспортной географии Беларуси. За исключением предложения построить новую железную дорогу на Полесье, сегодня все остальные предложения по развитию коммуникаций сводятся только к планам по совершенствованию сложившейся почти век назад транспортной сети. Так что мы имеем шанс увидеть, как повторно проявит себя старая тенденция урбанизации, заложенная и оформленная на протяжении девятнадцатого века, в полной мере проявившая себя как фактор уже в веке двадцатом, но не исчерпавшая своего потенциала и в нашем столетии.

Список источников и литературы

1. Бродель, Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм XV – XVIII вв. / Ф.Бродель. – Т. 3. Время мира. – М., 1992.
2. Довгялло, Д.И. Лепель, уездный гор. Витебской губ.: Хроника минувшей жизни / Д.И.Довгялло. – Витебск, 1905.
3. Алаев, Э.Б. Экономико-географическая терминология / Э.Б.Алаев. – М., 1977.
4. Киштымов, А. Этапы железнодорожного строительства на Беларуси / А.Киштымов // Гістарычны альманах. – 2002. – Т. 7.
5. От аграрного общества к государству всеобщего благосостояния. Модернизация Западной Европы с XV в. до 1980-х гг. – М., 1998
6. Киштымов, А.Л. Железнодорожное строительство как фактор урбанизации Беларуси / А.Л.Киштымов // Гарады Беларусі ў кантэксце палітыкі, эканомікі, культуры: зб. навук. арт. – Гродна: ГрДУ, 2007.

7. Национальный исторический архив Беларуси. – Ф. 2013. – Оп. 1. – Д. 10. – Л. 1 – 5 об., 17 – 18 об., 41 об.
8. Там же. – Л. 30 – 31 об.
9. Железнодорожный транспорт в 1913 г. (Статистические материалы). – М., 1925.
10. Киштымов, А.Л. Автомобиль на Беларуси. 100 лет. / А.Л. Киштымов. – Минск, 1996.
11. Гісторыя Беларусі: у 6 т. Т 4. Беларусь у складзе Расійскай імперыі (канец XVIII – пачатак XX ст.). – Минск, 2005.

Андрей Леонидович Киштымов, кандидат исторических наук. С 1979 г. по 2005 г. работал в Институте истории НАН Беларуси, в настоящее время является доцентом ЧУО "Институт парламентаризма и предпринимательства" (Минск). Занимается вопросами геополитики, истории этнического самосознания, конфессиональной истории, истории науки и техники, социально-экономической истории, истории предпринимательства Беларуси и проблемами историографии. Автор более 200 публикаций по вышеназванной тематике в научных изданиях Беларуси, Германии, США, Польши, Чехии, России, Украины, Литвы, Эстонии, Киргизии.

УДК 336.7(476)(091)(075.8)

Юрий Грузицкий (Минск)

ГОРОДСКИЕ ОБЩЕСТВЕННЫЕ БАНКИ ДОСОВЕТСКОЙ БЕЛАРУСИ

В статье анализируется деятельность городских общественных банков в Белорусских губерниях с 1870 по 1913 гг. Приводится статистический и иной отчетный материал, показывающий различные стороны функционирования этих финансовых институтов. Отмечаются определенная актуальность недостаточная изученность проблемы.

В последней трети XIX – начале XX в. на территории Беларуси сформировалась разветвленная система кредитных учреждений: отделения Государственного банка Российской империи, Дворянского и Крестьянского ипотечных банков, акционерных земельных, а также коммерческих банков, общества взаимного кредита, банкирские дома и конторы, сеть кредитных и ссудо-сберегательных товариществ, ломбарды, сберегательные кассы, казначейства. Определенное место в структуре кредитной системы занимали городские общественные банки, которые, согласно классификации, определенной имперским Уставом кредитным, разделявшим все банковские учреждения империи на государственные, общественные и частные, возглавляли группу «кредитных установлений», относившихся к общественным.

С распадом СССР, в условиях возрождения и становления в нашей стране банковской системы рыночного типа внимание исследователей истории кредита к организации банковского дела в досоветскую эпоху существенно выросло. Тем более, что в некоторых индустиально развитых странах имеет место деятельность муниципальных (городских) банковских учреждений.

Являясь фактически первыми кредитными учреждениями коммерческого типа, городские банки обеспечивали доступ местного населения к относи-

тельно дешевому кредиту, способствовали развитию предпринимательства и давали городским властям источник дополнительного финансирования местных нужд. К 1913 г. в белорусских губерниях функционировало 7 таких банковских учреждений – в Витебске, Могилеве, Борисове, Гомеле, Игумене, Полоцке, Рогачеве [1, с. 124]. Вместе с тем деятельность этих финансовых институтов освещена пока еще недостаточно. Характерно, что в Гродненской губернии банки подобного типа отсутствовали. Причиной тому, надо полагать, являлась приближенность региона к густой и разветвленной сети кредитных учреждений Польши.

С началом в 1859 г. реформы банковской системы, предполагавшей ликвидацию государственных «казенных» банков и образование частных акционерных кредитных институтов, правящие круги России решились на открытие новых городских банков и в 1862 г. издали новое Нормальное положение, снявшее многие введенные ранее ограничения на их учреждение и операции.

По Положению 1862 г. общественные банки должны были организовываться при местных городских думах или заменяющих их учреждениях под наблюдением и ответственностью органов городского самоуправления. Правление банка: директор и два заместителя («товарища») должны были избираться городским обществом. Периодические отчеты банки были обязаны представлять министрам финансов и внутренних дел, а также публиковать балансы за каждое полугодие. Из чистой прибыли банка от 10 до 20% должно отчисляться в запасный капитал. Оставшаяся прибыль обращалась на благоустройство города и благотворительные нужды [2, с. 113].

Городским банкам разрешалось проведение широкого по тем временам круга операций: прием вкладов, учет векселей с двумя подписями на срок не более 12 месяцев, выдачу ссуд под залог ценных бумаг, товаров, драгоценностей, а также городского имущества и др. [2, с. 115].

Банки подобного типа, как видно, могли предоставлять кредит в различных формах: коммерческий, ломбардный, ипотечный. Примечательно, что городские общественные банки, не являясь формально ипотечными кредитными учреждениями, выдавали долгосрочные ссуды под залог недвижимости сроком до 12 лет [2, с. 123].

Издание нового Положения о городских банках, а также начавшаяся с отменой крепостного права радикальная хозяйственная реформа, открывшая путь развитию рыночных отношений, способствовали появлению новых банковских учреждений подобного типа. Если до 1862 г. в Российской империи был лишь 21 такой банк с капиталом в 525 тыс. руб., то только с 1862 по 1864 г. появилось еще 55 подобных кредитных учреждений, а всего за первое десятилетие с момента выхода нового нормативного документа о городских банках возникло около 180 таких финансово-кредитных институтов [3, с. 169; 4, с. XXVI].

Быстро растущие городские банки постоянно расширяли свои операции как по краткосрочному, так и долгосрочному кредитованию, что вызвало вполне обоснованные опасения у правительства относительно возможности своевременно и полно выполнять ими свои обязательства. В этой связи в 1870

г. Государственный совет постановил, что городские банки должны теперь ограничивать свои обязательства десятикратной суммой выдаваемых ссуд. Городские думы теперь должны нести ответственность по обязательствам подотчетных им банков [5, с. 84].

Первый городской общественный банк появился в Беларуси в 1870 г.– в Гомеле, уездном городе, входившем тогда в состав Могилевской губернии. Фактически это было также и первое отечественное коммерческое кредитное учреждение на белорусских землях. К этому времени в империи насчитывалось более 130 подобных банковских структур. Начав свою деятельность с весьма скромным основным (собственным) капиталом в 20 тыс. руб., банк увеличил его за счет отчислений из прибыли к концу столетия почти до 90 тыс. руб. Чистая прибыль только за 1898 г. составила около 9,5 тыс. руб. [6, с. 224–225; 7, с. 53–55].

В июне 1874 г. был учрежден Полоцкий городской общественный банк с минимально допустимым основным капиталом в 10 тыс. руб. Однако и ему к 1900 г. удалось более чем утроить основной капитал, доведя его почти до 36 тыс., а также сформировать запасный капитал в 7 тыс. руб. [8, л. 99].

Казалось бы, что начался процесс учреждения городских банков во всех белорусских губерниях. В 1875 г. Витебская городская управа приготовила 10 тыс. руб. для образования своего муниципального банка, губернатор обратился к директору хозяйственного департамента МВД с просьбой о содействии созданию в городе общественного банка [9, л. 1–6; 10, с. 11–15]. Но для положительного решения вопроса понадобилось более пяти лет.

Причина заключалась в том, что в 1875 г. в империи произошел первый банковский крах. Начался отлив вкладов из кредитных учреждений, резко сократились их операции. В наибольшей степени от разразившегося кризиса пострадали городские банки, которые почти не получали поддержки правительства в этот сложный период.

Снятие ряда ограничений на деятельность городских банков в 1862 г., малый размер собственного капитала (для учреждения коммерческого банка требовался минимальный акционерный капитал в 500 тыс. руб.), привели к их быстрому росту, который нередко сопровождался многочисленными нарушениями банковского законодательства.

Правительство, прилагая немалые усилия для поддержки и спасения многих кредитных учреждений, рассматривало городские банки как второстепенные, не представлявшие того значения, которое имели в его глазах акционерные банки и общества взаимного кредита, поэтому главные заботы о таких банковских учреждениях возлагали на органы городского управления.

В целях усиления надзора за городскими банками Министерство финансов в конце 1882 г. вошло в Государственный совет с предложением несколько изменить условия их деятельности. В итоге, в апреле 1883 г. появилось очередное Положение о городских общественных банках. Это Положение устанавливало жесткий надзор за деятельностью городских банков, проявлявшийся в требовании представлять в Министерство финансов ежегодные отчеты, а

также заключения думских ревизионных комиссий и постановления дум об утверждении отчетов. Министру финансов по согласованию с министром внутренних дел разрешалось проводить в городских банках внезапные ревизии.

Положение вводило существенные ограничения на занятие административных должностей в таких банках. Должность директора городского банка и его «товарищей» объявлена несовместимой:

- со званием гласного думы;
- с должностями городского головы, членов городской управы, секретарей городской думы и служащих в городском общественном управлении «на жаловании»;
- с должностями в других кредитных учреждениях.

Кроме того, в правлении банка теперь не могли работать одновременно: отец с сыном, родные братья, тесть с зятем, а также участники одной торговой фирмы [11, с.219].

Наиболее ощутимыми для городских банков явились существенные ограничения, которое налагало Положение 1883 г. на их операции. Главными из них были: установление суммы обязательств банка пятикратным размером его собственного капитала вместо действовавшего до этого десятикратного, введение обязательного минимума кассовой наличности к сумме обязательств. Самым серьезным ограничением стал размер максимального кредита одному заемщику в 10% собственного капитала.

Издание нового Положения о городских общественных банках существенно ограничило возможности развития и возникновения таких финансово-кредитных институтов. Особенно сложной стала деятельность провинциальных городских банков с незначительным собственным капиталом. Сократились объемы кредитования, банкиры вынуждены были уменьшать размеры ссуд солидным клиентам.

Установление пятикратного соотношения обязательств к собственному капиталу в очень трудное положение поставило белорусские городские банки, располагавшие весьма скромными капиталами. Так Витебский городской банк с капиталом в 17,648 руб. (основным и запасным) имел обязательства в 176,860 руб., причем значительная часть привлеченных средств была размещена в долгосрочные ссуды на пять лет под залог недвижимости. Кроме того, банк принял от 800 мелких торговцев векселей на 120 тыс. руб. Руководство банка даже просило о необходимости предоставления шестилетнего срока для того, чтобы привести обязательства в соответствие с новой нормой [12, л. 190].

Позиции трех действовавших белорусских городских банков были также существенно ослаблены экономическим кризисом и последовавшей депрессией 80-х гг. XIX в., особенно затянувшимися в западных губерниях. Кризис охватил традиционные белорусские отрасли: пищевую, деревообрабатывающую, кожевенную, текстильную и особенно отразился на мануфактурном, мелком производстве. Сократилась торговля, сузился и денежный рынок.

В конце XIX в. кредитная система Беларуси была развита пока слабо, что объясняется распространением в западных губерниях банкирских контор и

банкирских домов. Однако на рубеже веков здесь начинает формироваться сеть филиалов столичных (Петербургского и Московского) акционерных банков, учреждаются общества взаимного кредита, также относившиеся к местным банковским учреждениям. В этот период на белорусских землях последовательно возникает еще три городских банка.

В январе 1900 г. был учрежден городской банк в Борисове с основным капиталом в 15 тыс. руб., чистая прибыль которого за первый год работы составила лишь 665 руб. [4, с.320]. Банк медленно набирал обороты: к началу 1902 г. его совокупный баланс составлял только 50 тыс. руб. – в 5–6 раз меньше, чем в таких же банках Витебска, Гомеля и Полоцка [13, с. 5].

В том же году канцелярия по кредитной части Министерства финансов России известила Минского губернатора о разрешении открыть городской банк в Игумене (нынешний Червень) с основным капиталом в 30 тыс. руб., сформированном из средств города. Финансовое ведомство определило, что из оставшейся после отчисления в запасный капитал прибыли 20% должно пойти на содержание казенных и общественных учреждений «по призрению бедных и прекращению нищенства» [14, л. 3].

Однако в конце 1900 г. Игуменский городской староста сообщил о непредвиденной задержке с началом проведения операций в связи с затруднениями «в выборе кандидатур на должности членов правления банка» [14, л. 3]. Учреждение общественного банка в Игумене растянулось более чем на два года и только в январе 1904 г. он приступил к операциям. Проведенная через два года членами городского управления ревизия вскрыла серьезные нарушения в деятельности банка. Вопреки требованию Положения не велся список заемщиков, необходимый для контроля за их кредитоспособностью, размеры предоставляемых ссуд одному заемщику превышали 1/10 часть собственного капитала, что было не только серьезным нарушением, но и лишало возможности кредитоваться в банке мелким торговцам, принимались сомнительные векселя и др. [15, л. 2]. Надо полагать, в маленьком городке с отсутствием кредитных учреждений возникли не только кадровые, но вполне вероятно, финансовые проблемы, связанные с основанием собственного банка.

Несомненно, такие грубые нарушения банковского законодательства были обусловлены не столько слабой профессиональной подготовкой местных банкиров, сколько злоупотреблениями городской верхушки, использовавшей общественный банк в собственных интересах.

Между тем правительство продолжало проводить ограничительную политику в отношении таких банковских учреждений, в то время как обществам взаимного кредита была дан «зеленый свет»: снижен минимальный размер основного капитала, также ранее составлявший 10 тыс. руб., разрешалось создание нескольких обществ в одном городе и др.

Очередной, шестой по счету, городской банк был учрежден в солидном уже тогда губернском городе Могилеве в 1908 г. Имперское финансовое ведомство определило его основной капитал в 50 тыс. руб. (а не в 10, как гласило Положение о городских общественных банках), сформированный путем займа в Могилевском обществе взаимного страхования от огня [16, л. 2].

Банку предписывалось 20% чистой прибыли отчислять на открытие и содержание городских школ, 20 – на финансирование «чайных, столовых, ночлежных приютов и на другие предметы общественного призрения и вспомоществования» [16, л. 2]. Как видно, Министерство финансов жестко регламентировало и социальную направленность деятельности подобных банков.

В период экономического подъема (1909–1913 гг.) городские общественные банки развернули активную деятельность по кредитованию в первую очередь торгового и мелко-промышленного оборота. Из отчетов белорусских городских банков видно, что среди клиентов, представлявших к учету векселя, преобладали представители торговой сферы, промышленного и ремесленного производства. Из 1052 принятых в 1912 г. Гомельским банком к учету векселей 800 принадлежало именно этой категории заемщиков, а далее шли городские домовладельцы [17, л. 18]. В городском банке Полоцка к концу 1913 г. из 1074 клиентов по векселям почти половина представляли торгово-промышленную среду, Игумена (1914 г.) – складывалось такое же соотношение [18, с. 18; 19, л. 24 об.]. Аналогичная ситуация была в эти годы и в остальных городских банках Беларуси.

Ведущее место среди заемщиков городских банков занимали представители торгово-промышленных кругов, на долю которых припадала большая часть ссуд через учет векселей. Это свидетельствует о том, что это банки, как и взаимокредитные общества, способствовали экономическому развитию края.

Обращает на себя внимание высокий удельный вес среди заемщиков зажиточных горожан, обладавших недвижимостью в виде домостроений, что вызывало, к тому же, потребность в ипотеке. Немногочисленная группа помещиков—«сельских хозяев», получала кредиты, существенно превышавшие их численность в составе заемщиков. Скупые строки банковских отчетов свидетельствуют о том, что среди банковской клиентуры находились различные слои городского общества: местные помещики, служащие, военные и др., которым также выделялась определенная часть ссуд.

За период с начала 1908 г. не произошло существенного роста городских банков Беларуси, подобно взаимному кредиту. Появилось лишь два подобных кредитных учреждения. Однако собственные капиталы банков выросли в 1,7 раза, учетно-ссудные операции – в 3,1, вклады и текущие счета – в 2,8 раза. В значительной степени этот рост произошел благодаря Могилевскому городскому банку, занявшему ведущее место среди подобных кредитных учреждений белорусского края. Ссуды же городам за этот период даже уменьшились, так как на 1 января 1908 г. они составляли 47,6 тыс. руб. [1, с. 125].

Учет векселей представлял в то время самую распространенную активную кредитную операцию. В городских банках российских губерний на ее долю приходилось тогда более половины активов. Обращение к банковским архивам позволят говорить о более высоком удельном весе этой операции в белорусских банках.

Вместе с тем учитываемые векселя далеко не всегда были основаны на товарных или коммерческих сделках. Широкое распространение получил учет неторговых – «дружеских» векселей, которые почти не принимались Государ-

ственным и коммерческими банками. Проведенная в 1884 г. Министерством финансов ревизия Витебского банка, не обнаружившая грубых нарушений («банк не внушает серьезных опасений»), вместе с тем констатировала, что много векселей «не имеет ни торгового, ни денежного происхождения» [20, л. 199].

Этим, в определенной степени, обусловлена низкая валюта большинства учтенных векселей (до 100 руб.) и высокий размер дисконта, доходивший иногда до 10 и даже 12%, что было существенно выше, чем в Государственном и коммерческих банках, где он составлял 6–8 %.

Важной статьей активов балансов были ссуды под недвижимость, составлявшие в целом по стране около четверти баланса. В качестве залога в основном выступали городские строения. Однако ограниченные законодательством сроки ссуд – 3 года, с допущением для каменных домов отсрочки до 8 лет, в то время как в городских кредитных обществах они составляли почти 40 лет, не позволяли банкам расширять ипотеку.

Меньший удельный вес в кредитных операциях городских банков занимали ссуды под залог ценных («процентных») бумаг. При этом банки стремились выдавать кредиты под бумаги, которые гарантировались правительством. К тому же в небольших городах круг заемщиков, обладавших такой формой залога, был узким.

Одной из менее распространенных операций городских банков являлись ссуды под движимое имущество – «драгоценные и иные не подверженные порче вещи», по сути, представлявшей ломбардный кредит. Незначительность испрашиваемых ссуд, необходимость и сложность оценки принимаемых в залог вещей не способствовали развитию этой важной формы кредита.

Особое место в кредитных операциях занимали ссуды городам. С разрешения Министерства финансов органы местного самоуправления могли получить кредит, превышавший 10% собственного капитала банка. По архивным данным размеры таких ссуд городам Беларуси часто составляли приблизительно от 4 до 6 тыс. руб. (в общем-то, скромные суммы), что позволяло городским властям решать некоторые хозяйственные и социальные проблемы.

Повышение роли городских банков в хозяйственной жизни того времени значительно сдерживалось как мелочной опекой и различными ограничениями, так и незначительными размерами собственных капиталов, что было особенно характерно для Беларуси. Так, к 1906 г. при среднем по империи размере основного капитала городских банков примерно в 140 тыс. руб., Витебский банк располагал лишь 49 тыс. руб., Борисовский – 20,3, Гомельский – 115, Игуменский – 20,6, Полоцкий – 41 тыс. руб. [4]. Как видно, только Гомельский банк сумел за 35 лет своей деятельности подвести размеры основного капитала ближе к среднему показателю.

В 1912 г. Министерством финансов под воздействием многочисленных просьб и предложений с мест были внесены определенные изменения в Положение о городских общественных банках. Возвращалась десятикратная норма соотношения обязательств к собственному капиталу банка, значительно увеличивались сроки кредита под залог недвижимости, разрешалось выдача ссуд

под соло-векселя, обеспеченные «залогом сельскохозяйственных имений и городских недвижимых имуществ» [21].

Отменялись и некоторые другие ограничения, введенные ранее для городских общественных банков, что ставило их теперь в один ряд с другими кредитными учреждениями империи. Однако принятые нововведения имели несколько запоздавший характер. Страна находилась на пороге Первой мировой войны, оборвавшей ее стремительный экономический подъем.

Городские общественные банки, несмотря на свою немногочисленность, относительно скромные суммы балансов, сыграли определенную роль в экономическом развитии белорусских губерний, накопили немалый опыт банковской деятельности, имеющий значение и в наши дни.

Список источников и литературы

1. Грузицкий, Ю.Л. Банки Беларуси (70-е гг. XIX – начало XX в.) / Ю.Л. Грузицкий. – Минск: Экоперспектива, 2005. – 167 с.

2. Положение о Городских Общественных Банках. 6 февраля 1862 г. // Полное собрание законов Российской империи: Собр. 2-е. Т. XXXVII. Отд. 1-е. 1862. – СПб.: Тип. II Отд. Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1865. – С. 112–123.

3. Левин, И.И. Акционерные коммерческие банки в России / И.И. Левин. – Т. I. Петроград: Тип. Т-ва Птгр. пр-ва И.Р. Белополбского и К, 1917. – XI, 301 с.

4. Русские банки. Справочные и статистические сведения о всех действующих в России государственных, частных и общественных кредитных учреждениях. Сост. А.К. Голубев. Ком. Съезда представителей банков коммерч. кредита. – СПб.: Паровая скоропечатня П.О. Яблонского, 1908. Год четвертый. – XXV, 262, 78 с.: табл.

5. Печерин, Я.И. Исторический опыт правительственных, общественных и частных кредитных установлений в России / Я.И. Печерин. – СПб.: Тип. В.Ф. Киршбаума, 1904. – 142 с.

6. Русские банки. Справочные и статистические сведения о всех действующих в России государственных, частных и общественных кредитных учреждениях / Сост. А.К. Голубев. Ком. Съезда представителей банков коммерч. кредита. – СПб.: Паровая скоропечатня П.О. Яблонского, 1899. Год третий. – XXVII, 252, 77 с.: табл.

7. Грузицкий, Ю.Л. Гомельский городской банк / Ю.Л. Грузицкий // Банкаўскі веснік. – 2003. – № 25. – С. 53–55.

8. Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). – Фонд 2587. – Оп. 1. – Д. 386.

9. НИАБ. – Фонд 1430. – Оп. 1. – Д. 36918.

10. Грузицкий, Ю.Л. Витебский городской общественный банк (история учреждения и этапы развития) / Ю.Л. Грузицкий // Веснік Віцебскага дзяржаўнага універсітэта. – 2003. – № 2. – С. 11–15.

11. Устав кредитный. Изд. 1893 г. // Свод законов Российской империи. Уставы: кредитный, о векселях, торговый, судопроизводства торгового, консульский и о промышленности. – СПб.: [б.и.], 1893. Т.XI. Ч. II. – С. 1–339.

12. НИАБ. – Фонд 1430. – Оп. 1. – Д. 36918.

13. Сводный баланс городских общественных банков на 1 янв. 1902 г. (Издание Особенной канцелярии по кредитной части) СПб.,1903. – 15 с.

14. НИАБ. – Фонд 333. – Оп. 4. – Д. 9846.

15. НИАБ. – Фонд 22. – Оп. 1. – Д. 981.

16. НИАБ. – Фонд 2099. – Оп. 1. – Д. 17.

17. НИАБ. – Фонд 2100. – Оп. 1. – Д. 38.
18. Отчет Полоцкого городского общественного банка за 1913 год. Полоцк, 1914. – 22 с.
19. НИАБ. – Фонд 22. – Оп. 1. – Д. 1279.
20. НИАБ. – Фонд 1430. – Оп. 1. – Д. 36918.
21. Положение о городских общественных банках. Екатеринбург, 1912. – 28 с.

Юрий Леонтьевич Грузицкий, кандидат исторических наук, доцент кафедры бюджета и финансов внешнеэкономической деятельности и кафедры экономической истории БГЭУ. Сфера научных интересов – история финансов, денежного обращения и кредита.

УДК 94(476)"19/20"

Ірына Кітурка (Гродна)

ГАРАДЫ ГРОДЗЕНСКАЙ ГУБЕРНІ Ў СФЕРЫ ПРАДПРЫМАЛЬНІЦТВА Ў ДРУГОЙ ПАЛОВЕ XIX – ПАЧАТКУ XX СТ.

В статье исследуется проблема становления и развития предпринимательства в городах Гродненской губернии во второй половине XIX – начале XX вв., определены факторы, способствовавшие развитию данного процесса в западном регионе Беларуси, а также обозначены его особенности. В виде таблиц приведены статистические данные о наличии в городах Гродненской губернии предприятий различного типа (крупных, средних и мелких), их собственниках, характере выпускаемой продукции, количестве наемных рабочих и др.

Тэма дадзенага артыкула з’яўляецца актуальнай для сучаснай айчыннай гістарыяграфіі па двух асноўных прычынах. Па-першае, гісторыя прадпрымальніцтва на землях Беларусі ўвогуле патрабуе грунтоўнага навуковага даследавання. Па-другое, праблема сацыяльна-эканамічнага развіцця гарадоў у XIX – пачатку XX ст. у асобных рэгіёнах Беларусі, у тым ліку і ў Гродзенскай губерні, не станавілася прадметам спецыяльнага вывучэння ў працах беларускіх гісторыкаў, паколькі рэгіянальнай праблематыцы ўвогуле доўгі час не надавалася належнага значэння. Гэты накірунак стаў актуальным толькі на пачатку 1990-х г., калі значнае развіццё атрымалі не толькі праблемы рэгіянальнай эканомікі, але і тэорыі рэгіёназнаўства [1, с. 22]. Новымі падыходамі і грунтоўным крыніцазнаўчым аналізам эканамічнай гісторыі XIX – пачатку XX ст. вылучаюцца працы некаторых сучасных беларускіх гісторыкаў: Захара Шыбекі пра развіццё гарадоў Беларусі ў парэформенны перыяд [2], Андрэя Кіштымава, прысвечаныя вывучэнню прадпрымальніцтва на тэрыторыі Беларусі, будаўніцтва шляхоў зносін, ролі замежнага капіталу і інш. [3–7], Іны Соркінай па пытаннях урбанізацыі Заходняга рэгіёна Беларусі [8]. Тым не менш, праблема месца і ролі гарадоў Гродзенскай губерні ў развіцці прадпрымальніцтва на землях Беларусі па-ранейшаму застаецца надзённай для айчыннай гістарычнай навукі.

Другая палова XIX – пачатак XX ст. для беларускіх земляў быў адзначаны сур'ёзнымі трансфармацыямі ў эканамічным жыцці, якія закранулі яго тэхніка-арганізацыйныя асновы (у гэтых адносінах першаснае значэнне мелі нараджэнне фабрычна-завадской вытворчасці і чыгуначнае будаўніцтва) і выклікалі важныя сацыяльныя наступствы: фарміраванне пралетарыяту і буржуазіі, у тым ліку яе эліты – прадпрымальнікаў [5, с. 16].

Прадпрымальніцтва як самастойная дзейнасць, накіраваная на сістэматычнае аірыманне прыбытку, у аснове якой ляжыць эканамічная рызыка, у прамысловасці Беларусі пачало складвацца ўжо ў канцы XVIII – пачатку XIX ст., але не ў форме гарадскога, а дваранскага прадпрымальніцтва. У той час менавіта дваране валодалі патэнцыялам, неабходным для прадпрымальніцкай дзейнасці,– сыравінай, рабочай сілай, фінансавымі сродкамі, толькі з іх боку магла зыходзіць рэфарматарская ініцыятыва, і толькі яны былі гатовы на так званую "інвестыцыйную інтэрвенцыю", звязаную з пэўнай рызыкай. Як слушна заўважыў А.Кіштымаў, намаганні дваран-прадпрымальнікаў у згаданы час нагадвалі рэформы надворнага падскарбія ВКЛ Антонія Тызенгаўза ў апошнія гады Рэчы Паспалітай [7, с. 119]. Яны ўяўлялі сабой кангламераты розных мануфактур, арыентаваліся на патрэбы дзяржавы і вышэйшых колаў грамадства, але іх існаванне, як правіла, не было больш працяглым, чым жыццё іх уладальнікаў.

Асаблівасцю перыяду станаўлення прадпрымальніцтва на беларускіх землях у першай палове XIX ст. было тое, што ў ролі прадпрымальнікаў выступалі дваране пераважна расійскага паходжання (граф Р.Пацёмкін, граф С.Зорыч, граф М.Румянцаў і інш.). Гэта тлумачыцца тым, што пасля падзелаў Рэчы Паспалітай прадстаўнікі найбольш буйных магнацкіх родаў (Сапегі, Агінскія, Радзівілы) з'ехалі з тэрыторыі былога ВКЛ, а іх маёнткі і ўласнасць пачалі пераразмяркоўвацца новымі ўладамі на сваю карысць.

У 20-я г. XIX ст. пачаўся другі этап дваранскага прадпрымальніцтва, калі ў яго сферу актыўна ўключыліся сярэдняя і дробная шляхта мясцовага паходжання. Гэты перыяд характарызаваўся спецыялізацыяй вытворчасці, узнікненнем новых галін прамысловасці, укараненнем удасканаленага абсталявання і паравых машын, спалучэннем мануфактуры і фабрычных формаў арганізацыі вытворчасці, цеснай сувяззю не толькі са знешнім, але і з унутраным гандлем. Такія прадпрыемствы ўжо былі падрыхтаваны да дзейнасці ва ўмовах капіталістычнага грамадства [7, с. 120].

Менавіта ў сферы дваранскага прадпрымальніцтва на землях Беларусі ў першай палове XIX ст. пачаўся прамысловы пераварот – першы паравы рухавік на землях Беларусі з'явіўся ў 1823 г. на ткацкай фабрыцы памешчыка В.Пуслоўскага ў мястэчку Хомск (Кобрынскі павет).

Гарады ў гэтым працэсе ў першай палове XIX ст. выступалі ў ролі аўтсайдэраў. Купцам і мяшчанам належалі пераважна дробныя і сярэднія прадпрыемствы, і ў гэты час толькі пачынаўся працэс назапашвання купецка-мяшчанскага капіталу.

Буржуазныя рэформы 60–70-х г. XIX ст. некалькі паскорылі рух беларускай эканомікі ў кірунку мадэрнізацыі: сяляне паступова ўцягваліся ў

рынкавыя адносіны ў якасці паўнапраўных суб'ектаў, закон аб пошлінах 1863 г. адмяняў усе абмежаванні адносна гандлёва-прамысловай дзейнасці прадстаўнікоў гарадскіх саслоўяў у сельскай мясцовасці, а судовыя статуты 1864 г. узмацнялі прававую забяспечанасць і ахову камерцыйных пагадненняў. Але працэс мадэрнізацыі на землях Беларусі праходзіў значна павольней, чым на тэрыторыі Расіі. Напалоханы размахам нацыянальна-вызваленчай барацьбы ў "Паўночна-Заходніх" губернях у 1863 г., расійскі ўрад да 1871 г. трымаў беларускія землі на ваенным становішчы, а на рэжыме выключных законаў – практычна да 1905 г. [2, с. 14-15]. Усе прагрэсіўныя рэформы праводзіліся тут са спазненнем, або не праводзіліся ўвогуле, так, як земская рэформа 1864 г. Значна замаруджвала развіццё прадпрымальніцкай дзейнасці і ўвесь працэс мадэрнізацыі грамадства на землях Беларусі цалкам, і ў гарадах Гродзенскай губерні, у прыватнасці, і дыскрымінацыя насельніцтва па нацыянальнай прыкмеце.

Аднак спыніць працэс развіцця больш прагрэсіўнай капіталістычнай эканомікі было немажліва. Дамінуючае месца ў прамысловым сектары беларускай эканомікі пачала займаць фабрычна-завадская прамысловасць, якая з'яўлялася лідэрам тэхнічнага прагрэсу [7, с.200]. Асабліва бурнае развіццё фабрыкі і заводы Беларусі атрымалі ў 80–90-я г. XIX ст. Гэты перыяд ў гістарыяграфіі Беларусі вызначаецца як пачатак індустрыялізацыі [9, с. 234-235].

Нягледзячы на пэўныя рэпрэсіўныя меры расійскіх улад у адносінах да беларускіх тэрыторый, выключнае значэнне для індустрыялізацыі эканомікі Беларусі ў другой палове XIX ст. мела інтэнсіўнае будаўніцтва чыгунак. Праз гарады Гродзенскай губерні прайшлі: у 1862 г. – Пецярбургска-Варшаўская чыгунка (г. Гродна), у 1871 г. – Маскоўска-Брэсцкая (г. Брэст), 1873 г. – чыгунка з Украіны да мяжы з Прусіяй (г. Брэст), 1887 г. – Палескія чыгункі (гарады Гродна, Брэст, Кобрын, Ваўкавыск, Слонім). Такім чынам, усе гарады Гродзенскай губерні (акрамя Пружан) у другой палове XIX ст. атрымалі моцны стымул для развіцця вытворчасці і гандлю і выдатныя магчымасці перамяшчэння грузаў і пасажыраў.

У другой палове XIX ст. пачалося станаўленне банкаўскай сістэмы ў Расійскай імперыі і на беларускіх землях у прыватнасці. Акрамя прадстаўніцтваў расійскага Дзяржаўнага банка, якія былі адкрыты ва ўсіх губернскіх гарадах, дробнае і кароткачасовае крэдытаванне ажыццяўлялі банкірскія і банкаўскія канторы. У канцы XIX ст. 37 такіх крэдытных устаноў існавалі ў 16 населеных пунктах Беларусі, у тым ліку і ў гарадах Гродзенскай губерні – Ваўкавыску, Кобрыне, Пружанах, Слоніме [7, с. 207]. Станоўчым момантам у эканамічным развіцці беларускіх зямель была стабілізацыя расійскага рубля ў выніку правядзення грашовай рэформы С.Вітэ ў 1895–1897 г. [10, с. 65–66].

У сувязі з вышэйпералічанымі фактарамі ў другой палове XIX ст. у развіцці прамысловасці значна ўзрасла роля гарадоў. Цэнтрамі фабрычна-завадской прамысловасці на землях Беларусі сталі ўсе губернскія гарады (у тым ліку Гродна), дзе былі сканцэнтраваны крэдытна-фінансавыя ўстановы,

здзяйсняліся галоўныя гандлёвыя аперацыі, а таксама тыя гарады, якія сталі чыгуначнымі вузламі, як, напрыклад, Брэст. У другой палове XIX ст. менавіта ў гэтых двух гарадах Гродзенскай губерні дзейнічала большасць фабрычна-завадскіх прадпрыемстваў, на якіх працавала звыш за 50 рабочых.

Табліца 1. Буйныя прамысловыя прадпрыемствы ў гарадах Гродзенскай губені ў другой палове XIX ст. – пачатку XX ст.

Прадпрыемства	Гады працы	Колькасць рабочых	Прадукцыя	Асаблівасці
ГРОДНА				
Гільзавая мануфактура	1880–1914	92	Папяросныя гільзы	Збыт прадукцыі – Гродна, гарады Расіі. Пры мануфактуры працавала школа для рабочых.
Бандажна-пальчаткавая мануфактура	1892–1905	50	Бандажы і пальчаткі са скуры	Уладальнікі – купцы Іоффе і Закс
Бандажна-пальчаткавая мануфактура	1892–1908	54	Бандажы і пальчаткі са скуры	Уладальнік – акцыянернае таварыства “Гігіена”
Гродзенская губернская друкарня	1820–1915	Звыш за 50	Афіцыйныя матэрыялы	У 1896 г. выдала на беларускай мове паэму “Тарас на Парнасе"
Мануфактура алоўкаў	1878–1890	Звыш за 50	Алоўкі	На ўсерасійскай прамысловай выставе 1882 г. у Маскве прадукцыя мануф. адзначана бронзавым медалём
Коркавая мануфактура	1898 г.	98	Коркі	–
Коркавая фабрыка	1889–1914	У розныя гады ад 16 да 130 чалавек	Коркі для бутэлек розных памераў	Паравы рухавік
Лесапільна-мукамольная фабрыка	1884–1914	65	Дошкі, мука	Паравы рухавік

Мануфактура канторскіх кніг	1885–1914	200	Канторскія кнігі, партфелі, бювары	Рабочыя ўдзельнічалі ў рэвалюцыйным руху падчас рэвалюцыі 1905–07 г.
Тыпалітаграфія	1878–1914	65	Друкарская прадукцыя	У 1908–1913 г. быў нафтавы рухавік
Тытунёва-цыгарная мануфактура	1879–1885	173	Цыгары	–
Тытунёвая фабрыка Шарашэўскіх	1862 (1859)	У розныя гады ад 823 да 1475	Замежны тытунь, махорка, цыгары, папяросы	3 паравыя машыны, 2 паравыя катлы, 14 станкоў (7 паравых) для рэзкі паперы, 18 (11 паравых) крышыльных станкоў. У 1884 г. пры фабрыцы адкрыта ашчадная каса, 1885 г. – пазыковая каса. На ўсерасійскай прамысловай выставе 1882 г. у Маскве прадукцыя адзначана сярэбраным медалём
Тытунёвая фабрыка “Ручная праца”	1909–1914	161	Папяросы, тытунь	–
Фабрыка пераплётных і футлярных вырабаў	1899–1914	230	Блакноты, альбомы, капіравальныя кнігі, партфелі і інш.	–
Цагельная фабрыка	1850–1908	50	Цэгла	Паравы рухавік
Чыгуналіцейны завод земляробчых машын	1904–1910	100	Саламарэзкі і інш. сельскагаспад. прылады, экіпажныя восі	Газава-бензінавы рухавік

БРЭСТ				
Брэсцкае дэпо (ст.Брэст-1)	з 1895	280	Абслугоўванне і рамонт рухомага саставу паравозаў і вагонаў	Паравая машына
Брэсцкае дэпо (ст.Брэст-2)	з 1895	ад 46 да 89	Абслугоўванне і рамонт рухомага саставу паравозаў і вагонаў	Паравы рухавік
Брэсцкае дэпо з майстэрнямі	з 1872	99	Абслугоўванне і рамонт рухомага саставу паравозаў і вагонаў	1882 г. – стачка рабочых сталярнага цэха
Гільзава-папяросная мануфактура	1882–1893	ад 65 да 84	Папяросныя гільзы з муштукамі	Паравая машына. У 1885 г. уладальнік адмовіўся падпарадкоўвацца закону аб абмежаванні рабочага дня для малалетніх, усіх звольніў, потым тайна ўзяў на працу, за што быў аштрафаваны.
Гільзава-папяросная мануфактура	1880–1900	189	Гільзы для набіўкі папярос з маісавай паперы з муштуком з кардону	–
Гільзава-папяросная мануфактура	1887–1895	52	Папяросныя гільзы	–
Гільзавая мануфактура	1876–1896	107	Папяросныя гільзы	Уладальніца – купчыха С.Рубінраўт. Працавала 285 дзён у год

Гільзавая мануфактура	1879–1895	55	Папяросныя гільзы	Уладальнік – купец М.Рубінраўт. Працавала круглы год
Гільзавая мануфактура	1880–1896	87	Папяросныя гільзы	Уладальнікі – купцы Готліб і Фейгель
Гільзавая мануфактура	1887–1914	64	Папяросныя гільзы	–
Гільзавая мануфактура	1898–1913	98	Папяросныя гільзы	–
Гільзавая фабрыка	1882–1913	68	Папяросныя гільзы	Паравы і газава-бензінавы рухавікі
Гільзавая фабрыка “Імперыял”	1893–1913	60	Папяросныя гільзы	Газава-бензінавы рухавік
Гільзавая фабрыка “Сюрпрыз”	1885–1913	98	Папяросныя гільзы	Газава-бензінавы рухавік
Тытунёвая мануфактура	1855–1896	80	Тытунь, махорка, цыгары, папяросы	Першае прадпрыемства ў Брэсце такога тыпу
Тытунёвая мануфактура	1855–1885	185	Тытунь, махорка, цыгары, папяросы	–
Тытунёвая мануфактура	1855–1890	100	Тытунь, махорка, цыгары, папяросы	Уладальнікі – купцы Мінцы
Тытунёвая мануфактура	1856–1892	52	Тытунь, махорка, цыгары, папяросы	Уладальнік – купец Гальперын
Тытунёвая мануфактура	1870–1885	63	Тытунь, махорка, цыгары, папяросы	–
Тытунёвая мануфактура	1875–1914	75	Замежны тытунь, махорка, цыгары, папяросы	Медыцынскае абслугоўванне (урач, які наведваў мануфактуту раз у месяц)
Тытунёвая мануфактура	1885–1892	100	Тытунь, махорка, цыгары, папяросы	Уладальнікі – купцы Чарнякі

Чыгуналіцейны і механічны завод	1870–1913	78	Чугунныя вырабы, рамонт сельскагасп. машын	Газавы рухавік
ВАЎКАВЫСК				
Тытунёвая фабрыка	1883–1914	385	Тытунь, махорка, цыгары, папяросы	Газава-бензінавы рухавік
Цагельны завод	1905–1914	60	Будаўнічая цэгла	Газава-бензінавы рухавік, паравая машына
ПРУЖАНЫ				
Цагельная мануфактура	1898	Больш за 100	Будаўнічая цэгла	–
СЛОНІМ				
Гарбарная мануфактура	1905	90	Няма звестак	–
Мануфактура саламяных каўпакоў	1895–1914	80	Саламяныя каўпакі для ўпакоўкі бутэлек і саламяную сечку на корм жывёле	–
Суконная мануфактура	1820–1914	162	Сукно	На 1-й Усерасійскай прамысл. выставе (Пецярбург, 1829 г.) яе прадукцыя адзначана малым залатым медалём, на 3-й выставе (Пецярбург, 1833 г.) мануфактура атрымала права мець на сваіх вырабах дзяржаўны герб, на 4-й выставе (Масква, 1835 г.) прадукцыя адзначана вялікім залатым медалём
Фабрыка шарсцяных і баваўняных хустак	1890–1914	94	Шарсцяныя і баваўняныя хусткі, коўдры	Паравы рухавік. У 1914 г. выконвала заказы для арміі

Лесапільны завод	1896–1946	50	Дошкі, брусы	Паравая машына

Складзена паводле: Прамысловыя прадпрыемствы дарэвалюцыйнай Беларусі /Аўт.-скл. М.Ф. Болбас. – Мн.: БелСЭ, 1988. – С. 41–145.

Такім чынам, відавочна, што буйнымі прамысловымі цэнтрамі ў другой палове XIX – пачатку XX ст. у Гродзенскай губерні сталі гарады Гродна і Брэст. Наяўнасць чыгунак зрабіла магчымым закупку сыравіны і збыт прадукцыі як на тэрыторыі Беларусі, так і ў іншых губернях Расійскай імперыі і краінах замежжа.

Выдатна прасочваецца тытунёвая накіраванасць вытворчасці пералічаных прадпрыемстваў: з 44 прадпрыемстваў 23 займаліся вырабам цыгарэтнай прадукцыі ці гільзаў для яе (з іх – 18 у Брэсце!).

У жаданні атрымаць вялікія прыбыткі ўладальнікі пераважнай большасці прадпрыемстваў, дзе толькі гэта было мажліва, бралі на работу жанчын і выкарыстоўвалі працу падлеткаў. Так на Брэсцкай тытунёвай мануфактуры, якая дзейнічала ў 1856–1892 г., штотыднёвы заробак мужчыны ў сярэднім складаў 3 руб., жанчыны – 1,5–2 руб., падлетка – 0,6–0,9 руб. [11, с. 45]. Гэтая сітуацыя не з’яўлялася нейкай адметнай рысай беларускіх прамысловых прадпрыемстваў, а была распаўсюджанай з’явай усёй заходнееўрапейскай прамысловасці ў перыяд станаўлення капіталізму і першапачатковага накаплення капіталу.

Паказальна, што для найбольш дальнабачных айчынных прадпрымальнікаў не выклікала сумнення неабходнасць рэкламаваць сваю прадукцыю і дабівацца прызнання яе якасці. Ажыццявіць гэта можна было ў тым ліку праз удзел у агульнарасійскіх і міжнародных выставах. Так воўна машыннага прадзення з Альбярцінскай фабрыкі (Слонімскі павет), якую прадставіў яе ўладальнік Уладзіслаў Пуслоўскі на мануфактурнай выставе ў Варшаве ў 1857 г., была адзначана малым сярэбраным медалём. У другой палове XIX ст. прадукцыя гэтай мануфактуры яшчэ тройчы была прадстаўлена на выставах і кожны раз мела пэўныя адзнакі: на сусветнай выставе ў Вене ў 1783 г. – медаль заслугі, на ўсерасійскіх выставах у 1882 г. і 1896 г. – сярэбраны медаль. Згодна з заўвагай Андрэя Кіштымава, удзел у выставах быў неад'емнай часткай эканамічнай стратэгіі Пуслоўскага [12, с. 70-71].

Вядомасць у Расійскай імперыі і за яе межамі набыла таксама прадукцыя гродзенскай фабрыкі алоўкаў. Дазвол губернатара на яе будаўніцтва быў выдадзены ў 1878 г. Максіму Эльяшаву, сыну харкаўскага купца I гільдыі. Рашэнне Эльяшава аб стварэнні такога прадпрыемства спалучала ў сабе прадпрымальніцкую рызыку з пэўнай эканамічнай прадбачлівасцю: з аднаго боку, стваралася невядомае раней на землях Беларусі прадпрыемства, з другога – рэформы 60–70-х гг. XIX ст., якія выклікалі рост бюракратычнага апарата, пэўным чынам садзейнічалі развіццю асветы і як следства – павелічэнню попыту на просты, зручны і танны сродак пісьма – алоўкі. Прадукцыя

гродзенскай фабрыкі алоўкаў на ўсерасійскай выставе 1882 г. была ўзнагароджана бронзавым медалём, а на сусветнай выставе 1889 г. у Парыжы атрымала спецыяльны Ганаровы водзыў [12, с. 73-75].

Разам з тым, у гарадах Гродзенскай губерні развіваліся і больш дробныя прамысловыя прадпрыемствы.

Табліца 2. Сярэднія і дробныя цэнзавыя прамысловыя прадпрыемствы ў гарадах Гродзенскай губерні ў другой палове XIX ст.

Прадпрыемства	Уладальнік	Гады дзейнасці	Колькасць рабочых	Рухавік
ГРОДНА				
Вінакурнае	няма зв.	1878–1890	13	паравы
Кардоннае	купец Балла	1885–1890	30	няма зв.
Кардоннае	мешчанін Лютэнберг	1895–1896	48	няма зв.
Кардоннае	купцы Шарашэўскія	1898–1913	48	няма зв.
Мукамольнае	няма зв.	1902–1913	33	паравы
Пераплётнае	няма зв.	1890–1913	17	электрычны
Піваварнае	купец Яффе	1860–1913	6	конны
Піваварнае	мешчанін Слуцкі	1861–1913	5	газавы
Піваварнае	купец Кунц	1861–1913	16	паравы
Піваварнае	мешчанін Андэрс	1896–1913	7	конны
Слясарнае	дваранін Сегаловіч	з 1885	16	паравы
Слясарнае	мяшчане Язерскі і Яноўскі	1902–1913	18	газавы
Спіртаачышчальнае	няма зв.	1898–1908	36	паравы
Спіртавое	няма зв.	1897–1913	6	паравы
Цагельна-чарапічнае	няма зв.	1884–1913	37	конны
Водаканалізацыя	няма зв.	1876–1913	25	паравы
Друкарня	мешчанін Ган	1890–1913	15	электрычны
Друкарня	дваранін Крамкоўскі	1898–1913	10	нафтавы
Тыпалітаграфія	мешчанін	1875–	23	газавы

	Мейлаховіч Д.	1913		
Тыпалітаграфія	дваранін Памяранскі	1885	9	паравы
Тыпалітаграфія	мешчанін Мейлаховіч З.	1893–1913	20	паравы
Тыпалітаграфія	мешчанін Сокал	1898	няма зв.	няма зв.
Тыпалітаграфія	мешчанін Шацкі	1898	няма зв.	няма зв.
Тыпалітаграфія	дваранін Юхневіч	1902–1913	6	няма зв.
БРЭСТ				
Гарбарнае	няма зв.	1873–1913	33	конны
Гільзавае	мешчанін Голамб	1881–1914	25	газавы
Гільзавае	мешчанін Мандэльблат	1881–1893	17	конны
Гільзавае	мешчанін Дубінбаўм	1890	42	няма зв.
Гільзавае	купец Гросбаўм	1892	46	няма зв.
Гільзавае	мешчанін Фінкель	1895–1913	31	газавы
Гільзавае	купец Каціна	1900–1905	46	газавы
Гільзавае	дваранін Дзікавецкі	1905–1910	22	газавы
Лесапільнае	няма зв.	1895–1913	25	паравы
Макароннае	мешчанін Гутоўскі	1908–1913	17	газавы
Макароннае	мешчанін Розенцвейг	1908–1910	18	паравы
Металаапрацоўчае	няма зв.	1893–1905	41	няма зв.
Мінеральны з-вод	няма зв.	1887–1899	36	няма зв.
Піваварнае	Штэйнберг	1860–1913	12	паравы
Піваварнае	мешчанін Палько	1892–1900	12	няма зв.
Піваварнае	мешчанін Гросбаўм	1879–1880	4	няма зв.
Спіртаачышчальнае	няма зв.	1897–1908	няма зв.	паравы
Тытунёвае	Розен	1878–1880	40	няма зв.
Чыгуналіцейнае	няма зв.	1895	30	няма зв.
Друкарня	мешчанін Кобрынец	1893–1913	6	няма зв.
Друкарня	купец Гершавіч	1895–	15	няма зв.

		1913		
Тыпалітаграфія	мешчанін Розенталь	1891–1913	15	няма зв.
Тыпалітаграфія	мешчанін Талочка	1898	няма зв.	няма зв.
Тыпалітаграфія	мешчанін Глікман	1898–1913	5	няма зв.
Рамонтныя майстэрні (ст. Брэст Палескіх чыгунак)	няма зв.	1895–1914	40	лакамабіль
ВАЎКАВЫСК				
Гарбарнае	няма зв.	1850–1914	42	конны
Запалкавае	няма зв.	1887–1890	40	няма зв.
Мукамольнае	няма зв.	1900–1905	11	вадзяны
Піваварнае	няма зв.	1913	12	паравы
Сельскагаспадарчае	няма зв.	з 1902	23	паравы
Спіртаачышчальнае	няма зв.	1898–1905	няма зв.	няма зв.
Тытунёвае	няма зв.	1883–1913	16	газавы
Друкарня	няма зв.	1898–1913	няма зв.	няма зв.
КОБРЫН				
Вінакурнае	няма зв.	1897–1905	няма зв.	няма зв.
Гільзавае	няма зв.	1895–1905	35	няма зв.
Друкарня	мешчанін Бірман	1898	няма зв.	няма зв.
Друкарня	мешчанін Янкоўскі	1898	няма зв.	няма зв.
Друкарня	мешчанін Абрамовіч	1898	няма зв.	няма зв.
ПРУЖАНЫ				
Гільзавае	няма зв.	1895	45	няма зв.
Піваварнае	дваранін Швыкоўскі	1879–1881	6	няма зв.
Піваварнае	купец Мінц	1884–1913	15	няма зв.
Спіртавое	няма зв.	1897–1908	няма зв.	паравы
Друкарня	мешчанін Абрамовіч	1898	няма зв.	няма зв.
Друкарня	дваранін Кленіцкі	1913	няма зв.	няма зв.

СЛОНІМ				
Вінакурна-дражжавое	купец Лазінскі	1879–1913	44	паравы
Вінакурна-дражжавое	купец Белавус	1904–1910	няма зв.	няма зв.
Гарбарнае	няма зв.	1990–1905	32	няма зв.
Гільзавае	няма зв.	1890	42	няма зв.
Запалкавае	няма зв.	1905	16	паравы
Лесапільнае	няма зв.	1903–1913	35	лакамабіль
Мукамольна е	мешчанін Левін	1864–1913	19	паравы
Мукамольна е	мешчанін Мірковіч	1896	10	вадзяны
Мукамольна -крупяное	купец Куніца	1845–1913	5	вадзяны
Мукамольна -крупяное	браты купцы Куніцы	1875–1914	18	паравы
Мукамольна -крупяное	дваранін Белавусаў	1903–1910	16	паравы
Спіртаачышчальнае	няма зв.	1897–1908	45	паравы
Суконнае	купец Куніца	1860–1879	30	вадзяны
Тытунёвае	няма зв.	1883–1906	30	конны
Друкарня	мешчанін Гурвіч	1894–1913	няма зв.	няма зв.
Друкарня	мешчанін Левін	1898–1913	няма зв.	няма зв.
Друкарня	мешчанін Шумах	1898	няма зв.	няма зв.

Складзена паводле: Прамысловыя прадпрыемствы дарэвалюцыйнай Беларусі /Аўт.-скл. М.Ф. Болбас. – Мн.: БелСЭ, 1988. – С. 183–293.

Падсумоўваючы вышэйсказанае, можна адзначыць, што ў другой палове XIX ст. у Гродзенскай губерні закладвалася спецыфіка гарадской прамысловасці – арыентацыя ў першую чаргу на вытворчасць харчовай і друкарска-папяровай прадукцыі з выкарыстаннем мясцовай сыравіны. Гэта пацвярджаецца і высновамі З.В. Шыбекі, які даследаваў развіццё беларускіх гарадоў у 60-я г. XIX – пачатку XX ст. [2, с. 110]. Развіццю прамысловасці ў гарадах Гродзенскай губерні ў другой палове XIX ст. садзейнічала будаўніцтва чыгунак, якія прайшлі амаль праз усе гарады (акрамя Пружан), з’явіліся моцным стымулам для развіцця вытворчасці і гандлю і стварылі выдатныя магчымасці для перамяшчэння грузаў і пасажыраў.

Але, безумоўна, негатыўны адбітак на сацыяльна-эканамічнае развіццё ўсіх беларускіх гарадоў на працягу XIX – пачатку XX ст. аказала адсутнасць

уласнай дзяржаўнасці, паколькі, натуральна, улады Расійскай імперыі былі зацікаўлены ў развіцці прамысловасці ў першую чаргу на тэрыторыі Расіі. Мадэрнізацыйныя працэсы ў гарадах Гродзенскай губерні былі запаволены з-за ўвядзення расійскімі ўладамі ў 60–70-я г. XIX ст. рэпрэсіўных мер у сувязі з уздымам нацыянальна-вызваленчага руху.

Спіс крыніц і літаратуры

1. Карев, Д.В. Социально-экономическое развитие Западного региона Белоруссии в историко-экономической мысли XVI–XX вв. /Д.В. Карев //Заходні рэгіён Беларусі вачыма гісторыкаў і краязнаўцаў: зборнік навук. артыкулаў. – Гродна: ГрДУ, 2006.
2. Шыбека, З.В. Гарады Беларусі (60-я гады XIX – пачатак XX стагоддзяў) /З.В. Шыбека. – Мн.: ЭўроФорум, 1997.
3. Киштымов, А.Л. Германские капиталы и немецкие предприниматели в экономике Беларуси XIX – начала XX в. /А.Л. Киштымов //Беларусіка. – Кн. 7. – Мінск, 1996. – С. 13-21.
4. Кіштымаў, А.Л. Удзел замежных прадпрымальнікаў і фінансістаў у развіцці прамысловасці і транспарту Беларусі (канец XVIII – пачатак XX ст.) / А.Л. Кіштымаў //Штогоднік Інстытута гісторыі НАН Беларусі. 1999. – Мінск, 1999. – С. 57–63.
5. Кіштымаў, А.Л. Эканамічныя асновы беларускай дзяржаўнасці на пачатку 20 ст. /А.Л. Кіштымаў //Гістарычны альманах. – Т. 3. – Гародня, 2000.
6. Киштымов, А.Л. Украинский вектор белорусской экономики (конец XVIII – начало XX в.) /А.Л. Киштымов //Беларусь–Украіна: гістарычны вопыт узаемаадносін: Матэрыялы Міжнароднай навуковай канферэнцыі (Мінск, 18–119 сакавіка 2003 г.). – Мінск, 2004. – С. 176–182.
7. Кіштымаў, А.Л. Прамысловасць. Шляхі зносін. Гандаль. Гарады і мястэчкі / А.Л. Кіштымаў // Гістрыя Беларусі: У 6 т. Т. 4. Беларусь у складзе Расійскай імперыі (канец XVIII – пачатак XX ст.) / М.Біч, В. Яноўская, С. Рудовіч і інш. – Мн.: Экаперспектыва, 2005. – С. 118–137.
8. Соркіна, І.В. Асаблівасці ўрбанізацыі заходняга рэгіёна Беларусі ў часы Расійскай імперыі (канец XVIII – пачатак XX ст.) /І.В. Соркіна // Заходні рэгіён Беларусі вачыма гісторыкаў і краязнаўцаў: зборнік навук. артыкулаў. – Гродна: ГрДУ, 2006. – С. 223–228.
9. Довнар-Запольский, М.В. Народное хозяйство Белоруссии в 1861 – 1914 гг. /М.В. Довнар-Запольский. – Мн., 1926.
10. Грузицкий, Ю.Л. История развития денежно-кредитной системы Беларуси: Учеб. пособие / Ю.Л. Грузицкий. – Мн.: Экоперспектива, 2002.
11. Прамысловыя прадпрыемствы дарэвалюцыйнай Беларусі /Аўт.-скл. М.Ф. Болбас. – Мн.: БелСЭ, 1988.
12. Киштымов, А.Л. Беларусь на выставках XIX – начала XX в.: Дис... канд. ист. наук: 07.00.06 / АН Бел. Ин-т истории / А.Л. Киштымов. – Минск., 2001. – 205 с.

Ірына Фёдараўна Кітурка, кандыдат гістарычных навук, дацэнт, дэкан факультэта перападрыхтоўкі спецыялістаў Інстытута павышэння кваліфікацыі і перападрыхтоўкі кадраў Гродзенскага дзяржаўнага універсітэта імя Я.Купалы. Сфера навуковых інтарэсаў – эканамічнае развіццё Вялікага княства Літоўскага ў XVI – XVIII стст.

УДК 94 (476):338.24.021.8

Наталля Івашчанка (Гродна)

МЯШЧАНЕ-ЧЫНШАВІКІ Ў ДРУГОЙ ПАЛОВЕ XIX – ПАЧАТКУ XX ст. (НА ПРЫКЛАДЗЕ ГРОДЗЕНСКАЙ ГУБЕРНІ)

В статье раскрываются малоизученные страницы чиншевой формы землепользования и реформы 1886 года в Беларуси на примере чиншевиков-мещан Гродненской губернии, показывается специфика и особенности перехода чиншевиков на выкуп своих земельных участков, результаты проведения реформы.

Фонды Нацыянальнага гістарычнага архіва Беларусі ў г.Гродна ўтрымліваюць значны пласт матэрыялаў пра вечных сельскіх чыншавікоў. Сярод гэтых матэрыялаў сустракаюцца справы, якія датычацца і такой групы чыншавікоў як мяшчане.

Трэба адзначыць, што сістэма землекарыстання на падставе чыншавага права пачала пашырацца ў Вялікім княстве Літоўскім у XIV – XVI ст.ст. [6, с.175]. У склад чыншавікоў уваходзілі дастаткова розныя саслоўныя групы: прадстаўнікі дробнай дваранскай шляхты, панцырныя баяры, мяшчане, вольныя людзі, яўрэі, татары і ў значнай колькасці стараверы [2, арк.58 адв.].

У Расійскай імперыі такая форма землекарыстання, як чыншавая, не была прадугледжана. Аднак у Беларусі і пасля яе ўваходжання ў склад Расійскай імперыі яна працягвала існаваць і нават зноў узнікаць, нягледзячы на адмену ў 1840 г. літоўскага статута і распаўсюджванне расійскіх законаў.

Так, у фондзе Гродзенскага губернскага праўлення за 1863 г. разглядалася справа аб атдачы “в бессрочное содержание под застройку участка городской земли, пространством 150 кв.саж., за Римско-Католическим кладбищем в г.Гродно...”[5, арк.270 адв.]. У гэтым дакуменце таксама ўтрымліваюцца звесткі пра ўмовы, на якіх дадзены участкак зямлі здаваўся ў арэнду Вахцеру Панялышке: “1) Арендная сумма, какая состоится на торгах, должна быть уплачиваема впредь в начале каждого года непременно в феврале и в случае неуплаты... на основании 1580 ст. Т.Х Свода Законов Гражданских издание 1857 г. и Высочайше утверждённого мнения Государственного Совета изъяснённого в указе Правительствующего Сената 20 апреля 1855 г. подвержен будет платежу пени по пол процента в месяц с просроченной суммы и земля отдана будет в содержание другому более исправному с пополнением всех убытков с имущества и залога содержания; 2) В обеспечение исправного взноса оброка содержатель на основании ст.42 Т.VIII о казённых оброчных статьях обязан представить благонадёжный залог равняющийся двухгодовому платежу чинша; 3) Арендатор имеет полное право приискивать с этой земли соответственную пользу по своему усмотрению без всякого со стороны города или кого-либо другого препятствия и прекословия…; 4) Предоставляется городу в случае повышения платежей за городские земли возвышать через каждые десять лет платежи оброка за эту землю и возвышенный платёж содержатель беспрекословно обязан исправно

вносить в Магистрат под ответственность изъяснений в пункте первом и предоставить дополнительный залог…”[5, 271адв.–273адв.].

Гэта справа дае магчымасць больш дакладна даведацца, на якіх умовах аддаваліся чыншавікам участкі гарадской зямлі ў арэнду, а таксама, і гэта вельмі важна, пра правы і абавязкі бакоў – горада і чыншавіка. Напрыканцы яе ўтрымліваюцца яшчэ некаторыя звесткі, якія паказваюць, наколькі нетрывалым было становішча чыншавіка: “...ежели земля сия впоследствии времени понадобится для каких либо казённых или общественных надобностей, то съёмщик за отнятие оной претензии простирать не будет, получив лишь вознаграждение за свои застройки и за сим передав по принадлежности сказанную землю…”[5, арк.275адв.].

Чыншавікі, якія жылі ў гарадах, мелі права выкупаць у горада свае участкі. Найбольш ранні дакумент, які быў вызначаны аўтарам у сувязі з гэтым адносіцца да 1879 г. У ім гаворыцца: “9 ноября 1876 г. Городская Дума приняла постановление и поручила Городской управе объявить чиншевым владельцам городских земель о том, что они по желанию могут выкупать таковые у города. В 1879 г. гродненский обыватель Георгиев Шмидт подал в городскую управу заявление о желании выкупить у города состоящую в его владении участка при Полевой улице, за который он уплачивает чинша по 14 руб. 58 коп. в год и объявить выкупной суммы 250 руб. серебром... По соображении местоположения земли Шмидта с Высочайше утверждённым планом г.Гродно, оказалось, что под расширение Софийской улицы должно отойти из чиншевой земли 102 кв.саж. При изучении дела о выкупе Городская управа пришла к выводу, что в чиншевом владении Шмидта состоят два участка городской земли, пространством: первый 147 кв.саж. с платежом чинша по 2 руб. 2 коп. без права города на возвышение оного и второй, 486 кв.саж. с платежом чинша по 14 руб. 58 коп. в год без права города на возвышение оного чрез каждые десять лет. Таким образом во владении Шмидта находится 633 кв.саж. городской земли с платежом чинша по 16 руб. 60 коп. в год. Явившийся в собрание проситель Иван Шмидт согласился уплатить городу за выкупаемую землю двести шестьдесят рублей. Приняли постановление на продажу установленным порядком Ивану Шмидту состоящих в его владении городских пляцев пространством 633 кв.саж. за 260 руб.серебром с причислением оной к неприкосновенному городскому капиталу с условием, чтобы он принял на себя выполнение всех обязанностей, вытекающих из Высочайше утверждённого плана для г.Гродно, относительно Софийской улицы без всякой претензии к оному” [1, арк.23–26].

Азнаёміўшыся з гэтай справай можна прыйсці да высновы, што мяшчане-чыншавікі, якія жылі ў гарадах, не мелі асаблівых перашкод пры выкупе сваіх пляцаў. Аднак па тых часах сумы выкупа былі дастаткова значныя і толькі заможны чыншавік мог сабе такое дазволіць. Гораду ж гэта давала значны прыбытак аднамомантна.

У гэтай жа справе ўтрымліваецца скарга дваранкі Пауліны Вальмеравай на павелічэнне чынша за гарадскую зямлю: “...в 1872 г. Губернское Правление, приняв во внимание, что городские доходы по городам Гродненской губернии

крайне недостаточны, предписало Городским Думам увеличивать чинш с тех участков городских земель, которые отданы в безсрочное содержание с условием переоброчки через каждые 10 лет. Во исполнение сего... Гродненская Городская дума при рапорте от 30 ноября 1873 г. представила в Губернское Правление ведомость городских земель, отданных разным лицам под постройки с условием, что город через каждые 10 лет вправе увеличивать платежи за оныя чинша, а также состоявшийся 16 октября того же года приговор городского общества, относительно возвышения с января 1874 г. чинша за показанные в той ведомости участки... Постановили: жалобу оставить без удовлетворения" [1, арк.74–76 адв.].

У студзені 1879 г. заканчваўся дзесяцігадовы тэрмін арэнды 29-ці пляцаў, з якіх утрымальнікі плацілі чынша гораду 280 руб. 82 кап. серабром у год. У дакуменце прыводзіцца спіс утрымальнікаў і вызначаецца чынш, які яны павінны будуць плаціць гораду ў павялічаных памерах. Пры гэтым звяртаецца ўвага на тое, што павелічэнне чынша выклікана тым, што "городские доходы недостаточны". А 12 чэрвеня 1879 г. удакладняюцца нормы павышэння чынша: "... определено: с участков городской земли, которые отданы в бессрочное содержание, с условием, что город через каждые 10 лет вправе увеличивать плату чинша, увеличивает таковой в следующих размерах, а именно: с тех за которые уплачивается чинш ниже нормы, т.е. треть коп. до сей последней цифры с каждой кв.саж., с тех же, за которые уплачивается чинш по норме, или выше оной по торгам, по четверти коп. с каждой кв.сажени" [1, арк. 127–128]. Павелічэнне чынша за гарадскія пляцы – гэта яшчэ адзін інструмент, які папаўняў скарбонку гарадскога бюджэту. Пры гэтым, аднак, неабходна звярнуць увагу на тое, што некаторыя гарадскія землі аддаваліся чыншавікам без права павелічэння горадам чынша праз кожныя 10 год. Чым гэта тлумачыцца? На гэтае пытанне неабходна яшчэ пашукаць адказ.

У 1886 г. паводле Палажэння ад 9 чэрвеня ў Беларусі, Літве і Правабярэжнай Украіне пачалі праводзіць чыншавую рэформу. Чыншавікі пераводзіліся на абавязковы выкуп зямлі. Чым жа была выклікана гэта рэформа? Пасля сялянскай рэформы 1861 г. зямельная ўласнасць значна ўзрасла ў цане і ў многіх землеўласнікаў, якія давалі участкі зямлі на падставе чыншавага права, пачало ўзнікаць жаданне адняць зямлю ў чыншавікоў або, у крайнім выпадку, павялічыць чынш. Усё гэта прывяло да абвастрэння ўзаемаадносін паміж бакамі, якія ў шэрагу выпадкаў прыводзілі да сутычак і неабходнасці ўмяшальніцтва ўладаў з прымяненнем вайсковай сілы. Наспявала неабходнасць вырашэння гэтай праблемы.

Міністэрства Унутраных Спраў 23 кастрычніка 1885 г. унесла ў Дзяржаўны Савет прадстаўленне аб уладкаванні быта вечных чыншавікоў у дзевяці заходніх губернях. У гэтым прастаўленні ўказвалася на тое: 1) што задача урада павінна заключацца галоўным чынам "в установлении вместо чиншевого пользования землёю, такой формы землевладения, которая исключала бы возможность возникновения впредь свойственной такому пользованию неопределённости...; 2) было выказана меркаванне, што "вопрос этот требует двоякого решения, соответственно двоякому характеру владения:

чиншевиков, занимающихся земледелием, и чиншевиков, пользующихся, на чиншевом праве, одними усадьбами в местечках". Пры гэтым "устройство первых должно заключаться в предоставлении им занятых земель на выкуп при содействии правительства, а устройство вторых – в приведении в точную известность их владения и особой их регистрации, с оставлением его в силе на будущее время, но с переводом натуральных повинностей в денежные платежи и с правом выкупа участков… по добровольным их соглашениям с собственниками и за свой счёт…"[2, арк.59 –60].

Менавіта такім чынам МУС Расійскай імперыі імкнуўся дасягнуць "...государственного порядка и безопасности, обеспечить оседлость и хозяйственный быт того земледельческого класса населения..., который находился по отношению к вотчинникам чиншевых земель в известного рода зависимых, повинностных отношениях" [2, арк.60].

Пры абмеркаванні законапраекта ў Дзяржаўным Савеце былі ўнесены істотныя папраўкі ў прадстаўленне Міністэрства Унутраных Спраў, якія заключаліся ў тым, каб выпрацаваць "особое представление о совместном упразднении вечно-чиншевого владения как в городах, так и в местечках Западного края...". Акрамя таго, па меркаванні Дзяржаўнага Савета закон 9 чэрвеня 1886 г. павінен быў распаўсюджвацца на "всех сельских чиншевиков, принадлежащих к земледельческому классу, независимо от их сословия и вероисповедания, и следовательно из числа лиц привилегированных сословий только на тех, для которых состоящие в их владении на чиншевом праве земельные участки служат обеспечением их оседлости и хозяйственного быта и для которых выкуп… имеет значение земельного их устройства" [2, арк.61–62адв.].

Выкуп чыншавых участкаў мяшчанамі "изменяет не только гражданские их права, но, вместе с тем, устанавливает для них обязанность перечисляться в сельские обыватели и приписываться к волостям, в пределах коих проживают, независимо от согласия на то крестьянских обществ" [2, арк.63]. Зразумела, што вырашэнне пытання такім чынам "...согласовывалось бы с общим направлением, которого правительство держалось в Западных губерниях, – стремлением положить конец зависимости преданного нам сельского населения и, обеспечить его устройство, создать из него самостоятельный класс людей, не поддающихся враждебным нам влияниям" [2, арк.59 адв.].

Умовы перавода чыншавікоў на выкуп, а таксама змяненне статуса мяшчан-чыншавікоў выклікалі шэраг запытаў з боку губернскіх уладаў (аб чым сведчаць дакументы архіва). Так, у лютым 1889 г. было атрымана тлумачэнне наступнага характару: "...только те сельские чиншевики, принадлежащие к мещанскому сословию, подлежат перечислению в сельские обыватели, которые приобретают чиншевые участки с содействия правительства. Чиншевики-мещане, выкупающие чиншевые участки без содействия Правительства должны быть освобождены от обязательной приписки к крестьянскому сословию" [2, арк.24адв.].

Затым у лістападзе 1890 г. з'яўляецца яшчэ адно тлумачэнне. Яно даецца на падставе указа Сената, з якога выцякае: "1)...к волостям приписываются

чиншевики мещанского сословия, проживающие в пределах волости на состоящих в их владении, вне городов и местечек, земельных участках, а не те городские обыватели, которые проживают вне пределов волости, в городах и местечках, на состоящих там в их владении усадебных участках (плацах), а для заведывания хозяйством на своих земельных участках, расположенных вне места их приписки, имеют на таких участках лишь временное пребывание, а не постоянное жительство" [2, арк.39].

Копія пастановы Беластоцка-Сакольскай павятовай па чыншавых справах установы ад 29 ліпеня 1892 г. ўтрымлівае справу аб вечна чыншавым уладанні ў калоніі Незбудка Міхайлава. Гэта справа дае магчымасць удакладніць некаторыя моманты ў дачыненні да правоў мяшчан-чыншавікоў, іх узаемаадносін з землеўласнікам і ўмовы выкупа чыншавых участкаў.

Яшчэ ў першай палове XIX ст. гэты маёнтак быў заселены іншаземцамі-суконшчыкамі, з якімі памешчык Міхайлоўскі, пачынаючы з 1838 г., заключаў дагаворы аб атдачы участкаў зямлі ў вечна чыншавае права. Праз пэўны час пасяленцы пачалі хадайнічаць аб прыняцці іх у рускае падданства і атрыманні правоў каланістаў. Хадайніцтва было задаволена, ў Міхайлаве была ўтворана калонія і адчынена валасное праўленне.

Па заключаных з памешчыкам кантрактах апошні абавязваўся пабудаваць для чыншавікоў хату за пэўную суму; не дазваляць яўрэям заводзіць у маёнтку асобыя суконныя фабрыкі; дазваляў чыншавікам заводзіць фабрыкі і клейміць вырабы асабістай яго чыншавіка пячаткай; ... набываць матэрыялы і прадукты дзе заўгодна за выключэннем водкі, піва і малака, якія павінны былі купляцца ў маёнтку [3, арк.8–9адв.].

Павятовая ўстанова схіляла бакі перапыніць чыншавыя адносіны добраахвотным пагадненнем, аднак гэтага не адбылося. Таму пачалася справа аб выкупе, у выніку якой: "размер и качество чиншевых участков установлены изготовленными землемером… и подписными сторонами планами с геодезическими описаниями, … количество денежных чиншей положительно определено контрактами, …натуральных повинностей чиншевики никаких не обязаны исполнять…" [3, арк.12]

Далей даецца спіс чыншавікоў маёнтка і вызначаюцца ўмовы і памеры выкупных плацяжоў: "Купец Фёдор Карлович Брауер владеет: усадебной – дес. 592,50 саж, пахотной – дес. 201,25 саж., сенокосной – 1 дес.255,25 саж. Итого – 1 дес. 1049 саж. Платит ежегодно чинша 3 руб. 88 коп. Имеет сервитутное право пасти 1 корову. На основании сих доказательств его следует признать имеющим вечно чиншевые права на владеемую им землю. По капитализации 3 р. 88 коп. из 6% размер выкупной суммы составит 64 р. 66 2\3 копеек, которая как недостающая высшего размера подлежит выдаче сполна и погашается ежегодными взносами по 3 р. 88 коп. в течение 49 лет по времени разрешения выкупной ссуды" [3, арк.12адв.].

"Мещанин Янкель Мордхелевич Суражский владеет: усадебной – дес. 156 саж., пахотной – дес. – саж, сенокосной – дес. – саж. Итого – дес. – 156 саж. Платит ежегодно чинша 20 коп... Сервитутных прав никаких не имеет. На основании изложенного следует его Суражского признать вечным

чиншевиком на владеемую им землю. По капитализации 20 коп. размер выкупной суммы составит 3 руб. 39 1\3 копейки” [3, арк.28].

Прызнаным вечнымі чыншавікамі каланістам Незбудкі Міхайлава “2)...чиншевые земли предоставить им в собственность посредством выкупа при содействии правительства всех лежащих на этих землях повинностей. 4) Одновременно с утверждением выкупных актов... всех принадлежащих к мещанскому сословию перечислить с семействами согласно 27 ст. Положения 9 июня 1886 г., к крестьянскому сословию и приписать их к крестьянам Михайловской волости. 12) ...впредь до особого распоряжения начальства, они по прежнему обязаны уплачивать чиншевые платежи в кассу Дворового Управления” [3, арк.33–34].

З гэтага дакумента і прыведзеных прыкладаў выцякае, што мяшчане-чыншавікі, якія пражывалі на прыватнаўласніцкіх землях выкупалі свае чыншавыя ўчасткі на такіх жа практычна ўмовах, як і прыгонныя сяляне, пры садзейнічанні урада, прыпісваліся да валасцей і сялянскага саслоўя. Працэс быў складаны, цяжкі і зацягваўся па самых розных прычынах. На гэта звярталі ўвагу генерал-губернатар і губернатар Гродзенскай губерні. Апошні ў красавіку 1891 г. звяртаўся да старшынь павятовых па чыншавых справах установаў і міравых пасрэднікаў: “Разсмотрев представленную мною ведомость о ходе дел по устройству сельских вечных чиншевиков в Гродненской губернии с 1-го июля 1890 г. по 1 января 1891 г., Г.Тов. Министра Внутренних Дел, Сенатор Плеве нашёл, что за отчётное полугодие, пятью уездными по чиншевым делам Присутствиями вверенной мне губернии постановлено всего 18 определений по заявлениям лиц, ходатайствовавших о применении к ним Положения 9 июня 1886 г., при чём наибольшее число из сих определений, по пяти в каждом, относится к Слонимскому и Бельско-Брестскому Уездным Присутствиям. Усматривая за тем, что из общего числа 2610 лиц, заявивших свои вечно-чиншевые права, за всё время приведения в исполнение Положения 9 июня 1886 г. была возможно быстрая ликвидация в Западном крае всех чиншевых отношений, я ... имею честь просить Гг, Председателей Уездных по чиншевым делам Присутствий и Мировых Посредников озаботиться более успешным и быстрым разрешением упомянутых выше дел” [2, арк.43]. Як жа прасоўвалася справа пасля гэтага зварота губернатара?

Сярод прычын, якія зацягвалі перавод чыншавікоў на выкуп, была і этнаканфесійная стракатасць гэтай катэгорыя насельніцтва. У справах сустракаюцца тлумачэнні адносна прымянення Палажэння 9 чэрвеня 1886 г. у дачыненні да яўрэяў і палякаў. Так у 1889 г. у канцылярыю гродзенскага губернатара паступіла наступнае тлумачэнне: “...Ныне Статс Секретарь Дурново уведомил,.. что... по Ст.1 Положения 9 июня 1886 г. действие сего положения простирается на вечных чиншевиков всякого сословия и вероисповедания, состоящих в русском подданстве, но тем не менее состоит также в силе Высочайше утверждённое 3 мая 1882 г. положение Комитета Министров, на основании которого временно приостановлено совершение евреями купчих крепостей и закладных на недвижимое имущество,

находящихся вне черты городов и местечек в губерниях постоянной оседлости евреев... Вопрос о воспрещении евреям... приобретать в собственность участки посредством выкупа, обсуждался Государственным Советом... Государственный Совет не признал возможным установить такое ограничение по отношению к евреям, пользующимся землёю на чиншевом праве...” [2, арк.26]. Негледзячы на тое, што урадавыя колы былі зацікаўлены ў перапыненні землекарыстання на чыншавым праве, гэтае, ў пэўнай ступені дваякае тлумачэнне, давала магчымасць мясцовым уладам дваякім чынам, або на свой погляд, вырашаць пытанне аб выкупе яўрэямі чыншавых зямель.

Неабходна працытаваць урывак яшчэ з аднаго дакумента: “По указу Его Императорского Величества Правительствующий Сенат слушали: Дело по жалобе дворянина Антона Жонгловича на постановление Ковенского Губернского по крестьянским делам Присутствия... по определению вечно-чиншевых прав просителя... Рассмотрев обстоятельства сего дела... Правительствующий Сенат находит, что проситель дворянин Жонглович, как принадлежащий по донесению местного Генерал-Губернатора, к числу лиц польского происхождения... не может быть признан имеющим право на применение к нему чиншевого положения...” [2, арк.45–45адв.].

У архіўных матэрыялах па справах аб устройстве быта чыншавікоў за 1907 г. па Гродзенскай губерні адзначалася, што “по двум уездам за 20-летний период представлены были дела лишь о трёх чиншевиках, тогда как права заявлены 540 лицами”. Прадпісвалася старшыням павятовых установаў па чыншавых справах “озаботиться немедленным рассмотрением вступивших в Присутствие дел по устройству чиншевиков, наблюсти за немедленным исполнением Земскими Начальниками всех поручений по сим делам и ежемесячно (независимо от полугодий) представлять мне ведомости по прилагаемой форме о движении дел... При этом... распределение...кредита на усиление средств Уездных Съездов по устройству чиншевиков будет произведено лишь в конце года в зависимости от того, сколько именно будет рассмотрено и окончено дел...” [4, арк.1–1адв.].

Старшыня Беластоцкай павятовай па чыншавых справах установы ў лютым 1907 г., прадстаўляючы звесткі аб колькасці спраў аб уладкаванні быта сельскіх вечных чыншавікоў, якія знаходзяцца ў справаводстве, дакладваў Гродзенскаму губернатору: “Из ведомости этой видно, что все дела задерживаются Земскими Начальниками, которых одновременно с сим просил о безотлагательном исполнении данных им поручений...” [4, арк.5]. Так што адна з прычын, па якіх затрымліваўся разгляд спраў, гэта супрацьдзеянне земскіх начальнікаў.

Далей прыводзяцца яшчэ некаторыя цікавыя тлумачэнні: “Имея в виду, что деревня Хворостяны состоит из 27 чиншевиков и поэтому дело о них является нелёгким; что в Уездное Присутствие поступило новое заявление мещанина Исаака Найдуса о признании за ним чиншевых прав на участок в имении Кустин, Сокольского уезда, и что по Белостокскому уезду остаётся к разрешению два крупных дела по имению Супрасль и Михайлово-Незбудка... я прошу распоряжения Вашего Превосходительства об открытии в Соколке

особого чиншевого Присутствия... в целях скорейшего разрешения чиншевых дел... При открытии в Соколке особого Присутствия, работа разделится пополам и каждому Присутствию выпадет по два дела, что даст возможность окончить дела вдвое скорее. Основанием к такому ходатайству служит также и то обстоятельство, что Сокольский Съезд, в сравнении с Белостокским, материально обеспечен гораздо лучше и в состоянии будет, даже без всяких дополнительных ассигнований, немедленно приступить к рассмотрению чиншевых дел. Тогда как оставление всех дел в одном Белостокском Присутствии безусловно должно вызвать замедление в их разрешении из одного недостатка канцелярских средств…" [4, арк.5–5адв.]. Вось і яшчэ адно тлумачэнне – фінансавыя сродкі, якіх не хапала нават на канцылярскія прылады, а трэба ж было яшчэ аплачваць працу чыноўніцкага апарату, які разглядаў справы чыншавікоў аб выкупе зямлі.

Да 1898 г. у 5 заходніх губернях з 21 238 прашэнняў чыншавікоў ранейшыя правы на зямлю павятовыя чыншавыя камісіі прызналі толькі ў 3 479 выпадках (16,4 %) [6, с.175]. Сярод іх не вызначаюцца асобна мяшчане-чыншавікі. Аднак прыведзеныя вышэй матэрыялы з'яўляюцца сведчаннем таго, што пераход на выкуп залежаў ад многіх абставін: месца жыхарства, фінансавых магчымасцей і інш. Тлумачэнні, якія сустракаюцца ў архіўных дакументах, даюць падставы гаварыць і пра тое, што на вырашэнне спраў мяшчан-чыншавікоў уплыў мела іх этнаканфесійная прыналежнасць. У цэлым правядзенне чыншавай рэформы прывяло да змяншэння колькасці мяшчан, бо пэўная іх частка была пераведзена ў сялянскае саслоўе, што змяняла іх эканамічны і прававы статус.

Спіс крыніц і літаратуры

1. Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі ў г.Гродна (далей НГАБ у г.Гродна). – Ф.1. – Воп.16. – Спр.760. Копии Журнальных постановлений Гродненской городской думы по вопросам о выдаче содержания служащим, об отдаче в арендное содержание чиншевых земель и т.д. 1879 г.
2. НГАБ у г.Гродна. – Ф.971. – Воп.1. – Спр.1. Переписка с Гродненским губернатором и копия указа Сената по вопросам устройства сельских вечных чиншевиков. 1887 – 1899 гг.
3. НГАБ у г.Гродна. – Ф.10. – Воп.18. – Спр.261. Дело за 1892–1896 гг. об установлении прав на пользование чиншевой землёй мещанами Гродненской губернии.
4. НГАБ у г.Гродна. – Ф.18. – Воп.1. – Спр.810. Гродненское губернское присутствие. Переписка председателей присутствий с уездными по чиншевым делам присутствиями, с Гродненским губернатором за 1907– 1908 гг. об устройстве сельских вечных чиншевиков и вольных людей.
5. НГАБ у г.Гродна. – Ф.2. – Воп.38. – Спр.587а. Об отдаче в чиншевое содержание земли в г.Гродно. 1863 г.
6. Чыншавае права. Чыншавая рэформа 1886 //Энцыклапедыя гісторыі Беларусі: У 6.. Т.6. Кн.2: Усвея – Яшын; Дадатак /Беларус. Энцыкл.; Рэдкал.: Г.П.Пашкоў (галоўны рэд.) і інш.; Маст. Э.Э.Жакевіч. – Мн.: БелЭН, 2003. – С.175.

Наталля Альбертаўна Івашчанка, кандыдат гістарычных навук, дацэнт кафедры гісторыі Беларусі ГрДУ імя Я.Купалы

УДК 339.172(476)(091)"19"

Наталья Полетаева (Минск)

ЧАСТНЫЕ КРЕДИТНЫЕ УЧРЕЖДЕНИЯ В ГОРОДАХ БЕЛАРУСИ В ГОДЫ НЭПА

В статье рассматриваются вопросы создания и деятельности частных обществ взаимного кредита (ОВК) в городах Беларуси в период новой экономической политики, раскрывается состав, направления работы, политика по отношению к ним со стороны руководящих органов БССР.

Переходная экономика предполагает развитие не только крупного бизнеса, но и малого предпринимательства, которое невозможно без адекватной системы кредита. Формы его могут быть различными – от небольших муниципальных банков до системы взаимного кредитования, от ссудо-сберегательных товариществ до специализированных банков.

История финансово-кредитной системы Беларуси свидетельствует о том, что одним из институтов кредитования частного сектора были общества взаимного кредита (ОВК), которые эффективно работали в белорусских губерниях еще в 70-х гг. XIX — начале XX в., а затем были заново созданы в годы новой экономической политики. В историографии 1920-х гг. деятельность таких обществ отражена в основном в работах руководителей Наркомфина [1, 2], которые непосредственно руководили ОВК и располагали довольно полной информацией о них. Однако сведения о белорусских ОВК были фрагментарными. В 1970-е гг. были опубликованы обобщающие работы по истории финансов и кредита БССР, о развитии экономики республики в годы нэпа [3, 4], которые содержали краткие сведения о численности ОВК в городах Беларуси (всего их было 12), об их балансах. В начале XXI в. проблему развития денежно-кредитной системы Беларуси стал разрабатывать Ю.Л. Грузицкий [5], который не ставил задачу углубленного изучения финансов и кредита в годы нэпа, поэтому он в основном опирался на результаты исследований 1970-х гг.

Таким образом, история создания обществ взаимного кредита в городах Беларуси, состав участников, направления деятельности, взаимоотношения с органами государственной власти и частными предпринимателями остаются «белым пятном» в историко-экономических исследованиях. Предлагаемая статья является первой попыткой проанализировать и обобщить некоторые аспекты деятельности ОВК БССР в годы нэпа. Источниками стали материалы фонда 93 (Наркомфин БССР) Национального архива Республики Беларусь, где отложились документы о работе ОВК. Это – протоколы общих собраний, доклады правлений, советов и отчеты ревизионных комиссий, годовые балансы, протоколы заседаний правлений, в которых содержится фактическая и статистическая информация об их деятельности. Значительный интерес представляют материалы ревизий обществ, которые проводили сотрудники валютного отдела Наркомфина БССР, поясняющие изменения в политике государства по отно-

шению к ОВК. Все архивные материалы выявлены и введены в научный оборот автором.

Известно, что советская власть в начале 1920-х гг. столкнулась с серьезными проблемами, в том числе на потребительском рынке, и была вынуждена восстанавливать товарооборот между городом и деревней, возрождать кредитно-банковскую систему. Торговля остро нуждалась в краткосрочном кредите. Частные предприниматели были заинтересованы в собственных кредитных учреждениях, так как почти вся денежная эмиссия шла на финансирование промышленности; немногие существовавшие частные кредиторы выдавали ссуды под высокие проценты. В июле 1922 г. был издано постановление Наркомфина РСФСР «О порядке образования кредитных учреждений» [6], в сентябре 1922 г. СТО одобрил нормальный устав обществ взаимного кредита [7], которые должны были предоставлять своим членам необходимые для их оборотов средства. Кредитовать можно было только тех, кто состоял в обществе, причем сумма кредита не должна была превышать десятую часть оборотного капитала ОВК, вклады на текущие счета могли вносить все желающие.

Но, вероятно, предприниматели Беларуси, пережив годы войны, интервенции, «военный коммунизм» с его полным запретом свободной торговли, лишившись в результате конфискаций и гиперинфляции своих накоплений, занимали выжидательную позицию и не спешили с созданием обществ взаимного кредита. Сначала было создано ОВК только в Минске - 10 июля 1923 г. В том же году было образовано Гомельское ОВК (29 июля 1923 г.), но Гомель вошел в состав БССР в 1926 г., как и Речица, где ОВК было создано 15 июля 1924 г. В 1924 г. было учреждено Мозырское ОВК (8 февраля). С восстановлением народного хозяйства и ростом частной торговли в течение 1925 г. были образованы все остальные ОВК (Могилевское – 15 марта, Витебское – 17 марта, Бобруйское – 2 июля, Борисовское – 5 августа, Оршанское – 11 сентября, Рогачевское – 11 октября, Слуцкое и Калининское – 15 декабря) [8, л. 24]. Таким образом, была создана сеть этих учреждений в составе 12 обществ, все они располагались в окружных городах, которые аккумулировали наибольшее число частных торговцев. ОВК не было только в Полоцке, а в Бобруйском округе было два общества (Бобруйск и Рогачев).

Имевшийся положительный дореволюционный опыт, незначительное на первых порах административное давление (вплоть до конца 1926/1927 хозяйственного года не было проведено ни одной внешней ревизии обществ), рост товарооборота привлекали предпринимателей в ОВК. Сведения о динамике состава обществ представлены в табл. 1.

Таблица 1.

Изменение численного состава
обществ взаимного кредита БССР в 1927-1928 гг.(человек)*.

Наименование ОВК	На 1 января 1927 г.	На 1 января 1928 г.
Бобруйское	302	309
Борисовское	288	298
Витебское	398	442

Гомельское	667	662
Калининское	386	405
Минское	573	570
Могилевское	539	619
Мозырское	176	178
Оршанское	196	215
Речицкое	304	313
Рогачевское	203	430
Слуцкое	175	196
Итого	4207	4637

*[8, л. 24; 9, л.2-12, 247].

Эти данные свидетельствуют о том, что состав обществ был довольно стабильным. В 1927 г. в ОВК БССР состояли 4207 человек, в 1928 – 4637. Самыми крупными, в которых насчитывалось свыше 500 человек, были Гомельское, Минское и Могилевское общества. Самыми мелкими по контингенту участников – до 200 человек были Слуцкое и Мозырское ОВК. Достаточно представительным было также Витебское общество, в 1928 г. оно включало 442 человека. Рост персонального состава обществ продолжался до осени 1929 г. за счет того, что некоторые предприниматели пытались таким образом использовать кредитные ресурсы для торговой и промысловой деятельности. Но уже в октябре 1929 г. во всех ОВК республики состояли 3115 человек [1, л. 209]. Затем в связи с почти полной ликвидацией частной торговли и промышленности начался массовый выход из ОВК. Так, в Могилевском ОВК на 1 января 1930 г. осталось всего 125 человек [10, л. 10].

ОВК предназначались для обслуживания мелких торговцев и промышленников, основным видом операций были учетно-ссудные. В целом такой контингент преобладал. Среди клиентов в апреле 1926 г. промышленники составляли 23 %, оптовые торговцы – 4,5 %, розничные торговцы – 47,0 % , кустари – 15,0 %, государственные и кооперативные учреждения – 3,7 %, прочие – 6,8 % [12, л. 171]. В 1923-1925 гг. аппарат Наркомфина БССР не контролировал кадровую политику ОВК. Поэтому среди участников были государственные и кооперативные организации, которым по уставам это не разрешалось. Кроме того, некоторые члены ОВК состояли одновременно в ссудо-сберегательных товариществах (ССТ), получая в них кредиты.

С 1926 г. государство стало требовать исключения общественных и кооперативных организаций, а также прекращения двойного членства в ОВК и ССТ [8, л. 25]. Кроме того, в ОВК было запрещено состоять рабочим и служащим. Но даже в 1928 г. многие ОВК БССР продолжали кредитовать эту категорию клиентов. Поэтому Наркомфин БССР неоднократно призывал руководства обществ «…немедленно исключать из состава членов всех лиц, не занимающихся никакой торговой, производственной или иной промысловой деятельностью, пересматривать состав своих членов. Если такие клиенты имели задолженность, немедленно исключать их после ее погашения» [9, л.107].

Но для предпринимателей нашлась своеобразная лазейка: в обществах взаимного кредита могли состоять домовладельцы. Поэтому в 1928-1929 гг.

практически во всех ОВК республики бывшие торговцы, которые были вынуждены прекратить свои операции в связи с вытеснением частника из розничного оборота, автоматически перешли в группу домовладельцев. Вслед за этим органы власти обратили внимание на кустарей, выясняя источники их кредитных ресурсов. Вскоре общества стали отмечать, что эта группа стала сокращаться. Так, Борисовское ОВК в 1929 г. отмечало: «…есть основание полагать, что в ближайшем будущем в группе кустари и ремесленники не останется ни одного члена» [13, л. 13 об.]. Практику постепенного ограничения категорий лиц, имевших право состоять в ОВК, можно оценивать как один из инструментов давления на частный капитал и его вытеснения.

Высшим руководящим органом ОВК было общее собрание, которое избирало совет, правление, учетную, ревизионную и приемную комиссии. Архивные документы не позволяют полностью восстановить персональный состав руководителей обществ, но отдельные сведения демонстрируют своеобразную преемственность между «советскими нэпманами» и досоветскими предпринимателями. Так, в Витебском ОВК председателем совета был С.С. Керлин – бывший купец 1-й гильдии, бывший председатель Витебского купеческого общества взаимного кредита. В правление входили люди со значительным опытом работы в банковской системе. Председателем правления был В.М. Гликман, который в 1900 г. начал с должности счетовода, а в 1912 г. стал помощником управляющего Витебским отделением Соединенного банка. Один из членов правления – Зак М.В. работал в банковской системе с 1904 г., а с 1911 по 1917 г. состоял председателем Бешенковичского общества взаимного кредита [14, л. 13]. Председателем правления Борисовского ОВК был А.Г. Павловский, бывший городской староста, а председателем совета – торговец с более чем 20-летним стажем М. Бейненсон [13, л. 17 об.]. Состав правлений был достаточно устойчивым [12, л. 172]. Очевидно, что через институт ОВК предприниматели пытались адаптироваться к нэповским реалиям.

Отметим, что эти надежды имели под собой основания. Постепенно росли капиталы обществ. Если на 1 октября 1924 г. на балансах всех обществ БССР было 92 тыс. руб. [4, с. 282], то на 1 апреля 1927 г. – 4207 тыс. руб. [8, л. 24]. Капиталы обществ формировались в основном за счет вкладов их членов и за счет привлечения в текущие вклады средств физических лиц. Определенное значение имели государственные заемные средства, без которых развернуть операции многие ОВК и не смогли бы из-за недостатка капиталов в частном секторе. Белорусские ОВК кредитовались в местных филиалах Госбанка. Государственные средства составляли около 20 % в сумме баланса и 43 % ко всем капиталам и вкладам. Наибольшие суммы привлеченных государственных средств были в Минском, Могилевском и Витебском ОВК, наименьшие – в Оршанском [8, л. 28]. Витебское и Гомельское ОВК кредитовались также в Промбанке, а Минское – еще и во Всекобанке, Московском, Ленинградском и Киевском ОВК. Кредитная политика банков отмечалась белорусскими обществами как благожелательная [12, л. 172]. Лишь в 1928 г. белорусские отделения Госбанка сократили кредитование ОВК БССР, а затем вообще его прекратили.

Постепенно росли суммы вкладов. На 1 апреля 1927 г. они составляли около 397 тыс. руб. Основными вкладчиками были розничные торговцы (29,2 %), рабочие, служащие и лица свободных профессий (17,4 %), промышленники (10 %), кустари (9,1 %), сельские хозяева (1,4 %). Менее одного процента приходились на общественные и кооперативные организации, а группа прочих составляла свыше 30 % [8, л. 26 об.]. Это говорило о том, что в ОВК помещались капиталы, которые не получали достаточного применения на частном рынке. Кроме того, отдельные общества выплачивали достаточно высокие проценты по вкладам, например, Гомельское – 20-24 %, что вызывало нарекания у ревизоров. Общим итогом проверок было требование снизить процентные ставки по вкладам, что общества и делали. Тем более что Наркомфин БССР даже обещал оказывать поддержку тем ОВК, которые понизят процент [8, л. 49]. В 1928 г. Бобруйское ОВК снизило ставки по срочным вкладам до 12-13 % годовых, по бессрочным – до 12 %, по простым текущим счетам – до 8-10 % годовых [15, л. 19]. Аналогично поступали в Оршанском, Витебском, Борисовском обществах. Несмотря на это, приток вкладов даже увеличивался при сокращении их средних размеров, что свидетельствовало, с одной стороны, о доверии к обществам, а с другой, о попытках предпринимателей сохранить капиталы, выводимые из торгового оборота в связи со свертыванием нэпа. В Борисове, например, владельцы частного капитала считали, что наиболее выгодно стало помещать средства в частное ОВК в виде вкладов из-за довольно высоких процентов, которые превышали среднюю рентабельность государственных займов [8, л. 62; 13, л. 15 об.].

Основным видом операций обществ взаимного кредита были учетно-ссудные. Главными получателями ссуд в 1925-1927 гг. были розничные торговцы (44,2 %), кустари и ремесленники (23,7 %), а также промышленники (18,2 %). Доминировали мелкие ссуды – до 200 руб., они составляли более 40 %. Это почти полное совпадение удельного веса розничных торговцев среди клиентов и доли мелких ссуд говорит о том, что большинство заемщиков представляли мелкий торговый частный капитал. Доля крупных заемщиков варьировалась в зависимости от степени экономического развития округа. Большинство относительно крупных ссуд – от 1000 до 5000 руб. было получены в Витебском, Гомельском и Минском ОВК [8, л. 25 об.]. Проведенные ревизии отмечали, что, не нарушая, как правило, уставных норм, в обществах были случаи кредитования членов правлений, сотрудников обществ, а также прием к учету «дружеских векселей», которые составляли до 80 % вексельного портфеля и очень часто были нетоварными. Нередко стоимость кредитов была велика. Например, весной 1927 г. в Гомельском ОВК она достигала 35 % [16, л. 6]. В таких случаях Наркомфин требовал понизить ставки. ОВК эти предписания выполняли. Но кустари и ремесленники, особенно в периоды заготовки сырья, в связи с ограниченностью ресурсов ОВК, прибегали к частным займам за еще более высокий процент [12, л. 171]

Почти все годы деятельности белорусские общества взаимного кредита работали с прибылью, но никаких дивидендов своим членам не выплачивали. Эти средства направлялись на увеличение собственных капиталов.

Некоторые ОВК с 1926/1927 хозяйственного года стали заниматься товарно-комиссионными операциями, то есть сделками по покупке и продаже товаров по поручениям. Размеры сделок были небольшими, однако клиенты пользовались такими услугами ОВК, в связи с тем, что последние были учреждениями подконтрольными, обязанными публиковать свою отчетность, и государственные предприятия охотнее продавали свои товары ОВК, нежели частным лицам. Общества взаимного кредита БССР участвовали в заготовке семян подсолнечника и зерновых культур по поручениям. К примеру, клиентами Витебского ОВК по товарно-комиссионным операциям были Витшвей, Белгосстрой, Госторгбел, Совпольторг, частные лица; комитентами – Витебская махорочная фабрика, Смолпромторг, Продсиликат, Двинолес, общество «Друзья детей» и др. Такие операции велись за счет клиентов и приносили некоторую прибыль [14, л. 11].

Но в связи с хлебозаготовительным кризисом 1927-1928 гг. Наркомфин БССР в феврале 1928 г. потребовал «…прекратить кредитование во всех формах операций частных лиц и фирм по продаже и покупке хлеба в зерне, маслосемян, продуктов переработанного зерна, гороха, бобов, чечевицы, круп всех сортов и грыжового подсолнуха». В виде исключения разрешалось кредитование операций с сеном [9, л. 105]. Затем последовало требование совершенно ликвидировать товарно-комиссионные операции.

В конце 1920-х гг. при вытеснении частника из всех сфер деятельности были попытки направить его усилия в жилищное строительство. Выше упоминалось, что многие розничники, сворачивая торговые предприятия, переходили в категорию домовладельцев. Достаточно умело операции по кредитованию под ремонт домов вело Витебское ОВК. Домовладельцы подавали заявления о желании получить ссуду под ремонт дома. Правление ОВК проводило проверку документов о праве собственности заявителя, после этого дом осматривался с точки зрения его ценности и доходности, а также необходимости ремонта. При благоприятных результатах осмотра вопрос о размере кредита решался по докладу правления учетным комитетом. Затем совершалась нотариальная закладная на дом в пользу общества в обеспечение выдаваемой под ремонт ссуды. Ссуда выдавалась на срок от 6 до 9 месяцев и погашалась заемщиком ежемесячно равными частями [14, л. 9].

В столице БССР в декабре 1926 - марте 1927 г. предприниматели попытались даже создать особое «Общество взаимного кредита домовладельцев Минска». Инициативную группу возглавил В.М. Брауде (известно, что этой семье в городе принадлежало достаточно много строений). В пояснительной записке подчеркивалось, что «…в Минске ощущается полный жилищный кризис… Ремонт немыслимо производить из-за дороговизны строительных материалов и отсутствия многих из них. Частным домовладельцам многие материалы не отпускаются вследствие ограниченного их количества на складах. Эти проблемы возможно частично устранить при наличии ОВК домовладельцев, которое будет отпускать кредит на ремонт строений и новое строительство. Предполагается приобретать стройматериалы в местах производства и отпускать их в кредит и за наличный расчет с минимальными накладными рас-

ходами» [17, л. 62]. Но в апреле 1927 г. Наркомфин БССР отказал в ходатайстве об организации такого общества [17, л. 76].

С 1928 г. участились периодические и внезапные ревизии. Изменился даже стиль написания итоговых справок. Если до этого в них содержался подробный анализ всех сторон деятельности ОВК, отмечались недостатки, но в целом подчеркивалось, что со своими задачами общества справлялись, то теперь более грозными и безаппеляционными стали постановляющие части. К примеру, 1 февраля 1928 г. валютный отдел Наркомфина БССР предписал всем ОВК: «…принять к руководству и неукоснительному исполнению… Всем ОВК немедленно пересмотреть состав своих членов» [9, л. 107]. Кроме того, в вину обществам вменялись высокие накладные расходы, превышение размеров кредитов установленной уставом части основного капитала, систематическая переписка векселей, фактически превращавшая краткосрочный кредит в кредит на длительный срок. Достаточно часто указывалось на необоснованно широкую выдачу гарантийных писем, не обеспеченных надлежащими ценностями клиентов. Эта операция, несмотря на высокие риски, позволяла в условиях дефицита средств получать прибыль без затрат капитала.

28 марта 1929 г. состоялось заседание коллегии НК РКИ БССР по вопросу о характере дальнейшей работы обществ взаимного кредита. В постановлении предлагалось «в связи со сворачиванием частной торговли …большую часть средств направить на кредитование ремонтно-строительных нужд частника и частной промышленности. …Предложить передать прокуратуре дело Витебского ОВК для привлечения его к ответственности за невыполнение постановлений о прекращении «дружеских векселей» и кредитования членов профсоюзов, ремесленников, артелей, которые являются членами кооперации. Принять к сведению, что дело Могилевского ОВК уже передано в прокуратуру для привлечения виновных к ответственности» [14, л. 135-136]. Вскоре руководители и многие рядовые члены Могилевского и Витебского ОВК были арестованы и преданы суду за «злостные преступления» [14, л. 124].

В других обществах эти события были восприняты как своего рода сигнал. Так, на собрании Речицкого ОВК в декабре 1929 г. в выступлении совета подчеркивалось: «Некоторые наши успехи… не должны служить основанием для радужных надежд на будущее. Совет рекомендует в дальнейшем крайне осторожные отношения ко всем операциям, дабы общество не оказалось застигнутым врасплох при могущих быть случайностях» [10, л. 3 об.]. С начала 1930 г. стали проходить общие собрания ОВК, которые констатировали уже катастрофическое положение дел. Привлеченные средства изымались из оборота, наблюдался массовый выход и исключение из обществ лиц, потерявших право кредитоваться. Было очевидно, что и у оставшихся в недалеком будущем не будет возможности получать кредиты: сельских хозяев стали принудительно объединять в колхозы, а домовладельцы лишались своей собственности в результате муниципализации частного жилого фонда [10, л. 5]. В январе 1930 г. прошли чрезвычайные собрания ОВК, где обсуждались вопросы о ликвида-

ции обществ, большинство высказывалось о нецелесообразности их дальнейшего существования.

В марте 1930 г. СНК БССР направило в СНК СССР письмо, в котором сообщало, что частные общества взаимного кредита в республике «пошли по пути скрытого финансирования подпольного торгового оборота и спекулятивных фондовых операций. Это подтверждает то, что экономическая база для их дальнейшего существования в значительной степени уже утрачена. …В силу этих соображений деятельность ОВК должна быть признана вредной, подлежащей безусловной ликвидации. …СНК БССР ходатайствует о ликвидации в СССР обществ взаимного кредита» [11, л. 127]. Как видно, инициатива снизу была проявлена.

В конце 1920-1930-х гг. в стране осуществлялся переход к тотальному директивному планированию. Форсированная индустриализация обусловила централизацию всех ресурсов, усилила перераспределительные функции кредита, превратила его в централизованное плановое финансирование. В 1930-1932 гг. была проведена кредитная реформа, которая в том числе ликвидировала взаимное кредитование, на место коммерческого кредита пришел банковский. Краткосрочный кредит был сосредоточен в Госбанке. В такой системе частным кредитным учреждениям не было места. Как и по всему СССР, в Белорусской ССР все общества взаимного кредита были ликвидированы.

Таким образом, необходимость стимулирования товарооборота, преодоления товарных кризисов и важность краткосрочного кредита для нэпманов привели к допущению частных кредитных учреждений. Основная масса ОВК в БССР была создана в 1925 г., что совпадало с окончанием восстановительного периода. Создание ОВК на начальном этапе поддерживалось кредитными ресурсами Госбанка. Затем общества стали наращивать свои оборотные средства для усиления самостоятельности. Ведущими операциями были учетно-ссудные, основными клиентами – мелкие торговцы и промышленники. Постепенно государство вводило ограничения на круг лиц, которые могли быть членами ОВК, сокращало перечень товаров, под которые можно было получать кредиты, пыталось направить средства ОВК в строительно-ремонтную сферу. Вытеснение частника из торговли и промышленности лишило общества их основной клиентуры. В начале 1930 г. все ОВК Белорусской ССР были ликвидированы.

Список источников и литературы

1. Сокольский, А. Банковское кредитование частной торговли / А. Сокольский // Частная торговля Союза ССР / под ред. Л.Б. ЗАлкинда. – М.: Изд-во Наркомторга СССР, 1927. – С. 83-109.
2. Деревицкий, В.А. Общества взаимного кредита / В.А. Деревицкий. – М.: Финансовое издательство НКФ, 1928.
3. Очерки развития финансов и кредита в Белоруссии. – Минск: «Наука и техника», 1970.
4. Развитие экономики Беларуси в 1921-1927 гг. – Минск: «Наука и техника», 1973.
5. Грузицкий, Ю.Л. История развития денежно-кредитной системы Беларуси / Ю.Л. Грузицкий. – Минск: «Экоперспектива», 2002; Он же. История развития денежно-кредитной системы Беларуси. – Минск: «Экоперспектива», 2008.

6. Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства 1922-1923 гг. – М., 1922. № 17.
7. Утвержденный СТО 2 сентября 1922 г. нормальный устав Обществ взаимного кредита // Вестник финансов. – 1922. – 28 сентября (№ 31). – С. 106-116.
8. Обзор работы обществ взаимного кредита БССР на 1 июня 1927 г. и приложения к нему // Национальный архив Республики Беларусь (далее НАРБ). – Фонд 93.- Опись 1. - Дело 5462.
9. Положение об обществах взаимного кредита 1927 г., сведения об ОВК БССР на 1 сентября 1927 г. // Там же. - Дело 6336.
10. Материалы о работе обществ взаимного кредита (протоколы, отчеты, балансы, доклады, акты) 14 декабря 1929 – 7 января 1930 г. // Там же. - Дело 6966.
11. Инструкции и переписка о кредитной реформе 1930 г. // Там же. - Д.6967.
12. Обзор работы кредитных учреждений БССР за 1924-1925 г. и сводные балансы ОВК на 1 ноября 1925, 1 января -1 сентября 1926 г. // Там же. - Дело 5464.
13. Устав Борисовского ОВК, доклад правления общества о работе за 1927-1928 г. и балансы общества на 1 ноября – 1 декабря 1928 г.// Там же. – Дело 6707.
14. Устав и балансы Витебского ОВК 1 ноября 1928 г. – 1 сентября 1929 г. // Там же. – Дело 6709.
15. Устав Бобруйского ОВК, доклад правления общества о работе за 1927-1928 г. и балансы на 1 ноября – 1 декабря 1928 г. // Там же. – Дело 6705.
16. Результаты ревизии Гомельского ОВК за апрель 1927 г. // Там же. - Дело 6354.
17. Устав общества взаимного кредита домовладельцев Минска. 27 января – 22 августа 1927 г. // Там же. – Дело 6334.

Наталья Ивановна Полетаева, доктор исторических наук, профессор кафедры экономической истории Белорусского государственного экономического университета.

УДК 338.45(476.6)

Лаўрэш Леанід (Ліда)

ПРАМЫСЛОВАСЦЬ ГОРАДА ЛІДА Ў 1920-30-Я ГАДЫ

В статье рассматривается экономика города Лида в 20-30 года XX в. во время, когда город находился в составе Польского государства. Характеризуются основные отрасли промышленоости и крупнейшие предприятия.

Па Рыжскай дамове паміж Польшчай і Савецкай Расіяй Лідчына ўвайшла ў склад зноў створанага ў межах Польскай дзяржавы Навагрудскага ваяводства. Наваградчына пасля 120 год знаходжання ў Расійскай імперыі і пасля 1-й Сусветнай вайны была ў стане небывалага гаспадарчага заняпаду. Гэта быў адзін з найбольш занядбаных рэгіёнаў новай Польшчы. На Наваградчыне не было вялікіх гарадоў і значных прамысловых прадпрыемстваў а малыя гарады мелі ў асноўным гістарычную каштоўнасць. Да 1927 г. найбольш развітым горадам Наваградскага ваяводства быў Слонім. Ліда стаяла на 3-м месцы пасля Баранавіч і ў тыя часы на Лідчыне ў прамысловасці працавала ўсяго 338 чалавека. З другой паловы 1927 г. пачалося ажыўленне гаспадарчага жыцця, якое працягвалася да канца 1929 г. У гэтыя часы ў Лідзе знайшліся ініцыятыўныя людзі, здольныя прыцягнуць неабходны капітал. Гэта былі пераважна прамыслоўцы і гандляры-яўрэі,

прыватныя капіталы якіх дазвалялі пашыраць справу. Рашаючую ролю мелі прыватная ініцыятыва і прыватны капітал. У 1927-1929 гадах у Лідзе пачалі працу новыя прадпрыемствы: млыны, тартакі (лесапілкі), кафлярні (вытворчасці кафлі), хімічная фабрыка "Карона" і фабрыка гумовых ботаў "Ардаль". Таннай, некваліфікаванай працоўнай сілы было дастаткова. Дзякуючы свайму становішчу на шляху чыгуначных камунікацый, Ліда ў адрозненне ад большасці гарадоў Наваградскага ваяводства, мела больш спрыяльныя ўмовы для развіцця. У гэтыя гады па развіццю прамысловасці Ліда выйшла на першае месца ў Наваградскім ваяводстве [1].

У 1930 г. у прамысловасці працавала каля 800 работнікаў, з якіх 1/3 складалі працаўнікі “Ардалю”.

З восені 1932 г. па зімы 1933 г., у гады гаспадарчага крызісу ўсталявалася агульная цяжкая эканамічная сітуацыя, што адбілася на становішчы работнікаў. Шмат якія установы спынілі выпуск прадукцыі, вырасла беспрацоўе. У 1931 г. у Лідзе было зарэгістравана 122 беспрацоўныя і ў 1932-1933 гадах колькасць беспрацоўных яшчэ значна вырасла. Аднак 1935-1939 гады прынеслі выразнае паляпшэнне гаспадарчай сітуацыі. Пачаўся рост прамысловасці. Са збяднелага правінцыяльнага гарадка Ліда пачала ператварацца ў значны прамысловы асяродак. Адначасова з развіццём прамысловасці расла колькасць насельніцтва горада. Рэдактар перадваеннай “Ziemi Lidzkiej” Уладзіслаў Абрамовіч у сваіх краязнаўчых занатоўках, выдадзеных у 1938 г. пісаў: *“На сённяшні момант горад мае 15 вялікіх прамысловых устаноў, у якіх працуюць каля 3000 працаўнікоў”* [2, с. 7].

Старэйшымі вытворчасцямі ў Лідзе былі бровары. Адзін з іх належаў да спадкаемцаў Якуба Папірмайстра, які залажыў гэты бровар у 1874 г. Бровар знаходзіўся на вуліцы Сувальскай, 72 (сёння – Савецкая). Вытворчасцю піва, вытворчасць газаванай вады і тартак займалі плошчу 2,5 га. Была паравая машына ў 48 к.с. У 1936 г. на гэтым бровару працавала каля 40 рабочых і 10 асоб інжынерна-тэхнічнага персаналу. Прадпрыемства ў міжваеннае дваццацігоддзе развівалася не так хутка, як перад 1-й Сусветнай вайной. У першай палове 1935 г. бровар пачаў вытворчасць газаваных напояў. Рабіліся спробы вырабляць піва з ячменю мясцовага паходжання, замест прывазнога з цэнтральнай Польшчы (хмель завозіўся з Любельшчыны). Пастаўшчыком бутэлек была гута шкла "Нёман" у Бярозаўцы.

Другі бровар пад назвай "Бровар, сладоўня і вытворчасць газаванай вады" ("Browar, Słodownia i Wytwórnia Wód Gazowanych") належаў братам Марку і Сымону Пупко. Гэты бровар заснаваў Носаль Пупко ў 1876 г. Бровар знаходзіўся на вуліцы Сувальскай, 88. Статутны капітал складаў 10 000 злотых. Бровар меў некалькі электрычных рухавікоў і электрычны генератар ў 50 кВт, а таксама паравы млын і тартак. У 1936 г. ў бровары працавала 28 рабочых і 8 чалавек інжынерна-тэхнічнага персаналу. У 1936 г. было перапрацавана 157,3 т ячменю, 950 кг хмелю і 87,7 т соладу і было выраблена 4797 гекталітраў піва. Фірма Браты Пупко мела свае прадстаўніцтва ў гарадах Наваградскага ваяводства (Баранавічы, Навагрудак, Гарадзея), Віленскага (Вільня, Маладэчна), Палескага (Бяроза Картузкая, Луненец, Пінск) і

Беластоцкага (Ваўкавыск). У 1938 г. бровар вырабляў чатыры гатункі піва ў аб'ёме 6135 гекталітраў: светлае (5780), "дубэльтавае" (191), хмяльное (29), цёмнае (135) а таксама 1104 гекталітраў розных напояў: ліманад (801), квас у бутэльках (116) і газаваную ваду (187). Акрамя гэтага перапрацоўваў 2093 $м^3$ лесу.

У 1937 г. у Польшчы было 165 броваpаў і Лідскія бровары былі сярод іх невялікімі. Гадавая вытворчасць піва на абодвух Лідскіх броваpаў у 1932/33, 1933/34, 1934/35 гадах была адносна невялікая: каля 10 728 гекталітраў піва. У адносінах да агульнай вытворчасці, гэта складала 0,9%.

Пасля спынення вытворчасці піва броварамі братоў Любецкіх у Нясвіжы, Лідскія бровары засталіся адзінымі ў 30-х гадах у Наваградскім ваяводстве. Толькі ў 1938 г. распачаў выпуск піва наноў збудаваны бровар А. Брахоцкага ў Малым Мажэйкаве (таксама ў Лідскім павеце). Дзякуючы адпаведнай вадзе, лідскае піва па якасці не было горшым за піва з віленскіх броваpаў (віленскае піва "Шапэн" разлівалася ў Лідзе па вуліцы 3-га Мая) і гродзенскіх (бровары Марголіса, Слуцкага) ці беластоцкіх ("Дойліды") [1].

Перадваенная "Ziemia Lidzka пісала пра лідскае піва *"За якасць вырабленага піва бровары атрымліваюць медалі і дыпломы прызнаныя на розных выставах краю і за мяжой"* [3]. Станіслаў Адляніцкі–Пачобут у сваім апісанні Навагрудскага ваяводства пісаў: "*Мясцовае піва з лідскіх броваpаў у параўнанню з півам броваpаў цэнтральных і іншых ваяводстваў з пункту гледжання нізкай цаны, знаходзіць вылікі попыт сярод гараджан і гарадскога пралетарыяту не толькі ў гэтым ваяводстве, але і ў суседніх ваяводствах, перад усім – у Віленскім. Аднак, разам з тым, для гурманаў завозіцца шмат піва лепшай якасці і значна даражэйшага"* [4, s. 57].

Найвялікшым прамысловым прадпрыемствам у Лідзе было "Акцыянернае Таварыства Гумовай вытворчасці "Ардаль" па вуліцы Фабрычная 8. Прадпрыемства, як вытворца гумовага абутку, мела значэнне для усей Польшчы. Слова "Ардаль" на яўрэйскай мове азначае "бот, калёш". "Ардаль" вырабляў калёшы, снягоўцы (зімовы абутак), абутак гумовы летні. Вытворчасць была распачата ў 1929 г. Акцыянерны капітал у гэтым годзе складаў 750 000 злотых, да 1939 г. капітал павялічыўся да 1 830 000 злотых. Вясной 1938 г. на фабрыке працавала 800 чалавек. Старшынёй акцыянернага таварыства быў Саламон Мелуп. Значэнне "Ардаля" значна вырасла пасля 1936 г., калі яму падпарадкаваліся збанкрутаваныя фабрыкі "Pe Pe Ge"(Polski Przemysł Gumowy) у Грудзёндзу (Grudziądz). У 1920-я гг. Фабрыкі "Pe Pe Ge" былі самымі вялікімі ў Польшчы вытворцамі гумовага абутку і гумовых вырабаў. Пасля набыцця гэтых фабрык, Мелуп мог прэтэндаваць на лідэрства сярод польскіх вытворцаў гумовага абутку. У 1937/38 гг. каля 25% польскай вытворчасці гумовага абутку прыходзілася на "Ардаль" і "Pe Pe Ge", астатнія 75% прыпадалі на 5 канкурэнтаў: "Джентэльмэн" (Лодзь), "Шваікерт" (Лодзь), "Рыгавар" (Варшава), "Вудэта" (Кросьно), "Бата" (Хэлмэк). Частка абутку вырабленага "Ардалем" экспартавалася

"Codzienna Gazeta Handlowa" (№ 270, лістапад 1938)" у артыкуле "Добрае развіццё фабрык "Przemysł Gumowy Ardal-PePeGe" можна прачытаць:

“... стала паляпшаецца ахова здароўя і умовы бяспекі. Маецца спецыяльныя станцыя для дапамогі мацярам і дзецям, дзіцячы сад дзе працуюць спецыялісты, хуткі медычны кантроль за жанчынамі – гэта сведчыць аб сацыяльным, адукацыйным і гігіенічным доглядзе фабрыкі за сваімі працаўнікамі” [5].

У 1934 г. вырабляць гумовыя вырабы пачала фабрыка "Унігум" па вуліцы Замкавай. Будынак гэтай фабрыкі меў 3 650 куб.м. "Унігум" прадукаваў розныя гумовыя вырабы: гумовыя сандалі, падэшвы, абцасы, штучную гумовую скуру, гуму для ровараў, вазоў і брычак, асартымент тэхнічнай гумы.

Хімічную вытворчасць у Лідзе з 1929 г. прэзентавала фірма "Карона" – Ш. Савіцкі & К°. Фірма месцілася па вуліцы Крупаўская 22 (сёння: 8-га Сакавіка). Пазней на шыльдзе фірмы з’явілася прозвішча У. Сакалоўскі & К°. Кампаньёнамі былі: М. Пупко, З. Камянецкі і С. Каток (дырэктар). "Карона" вырабляла фарбы (водныя, артыстычныя і алейныя), чарніла, туш, лакі, пластылін, клей, забяспечвала гэтымі вырабамі рынак і канкурыравала з вырабамі знакамітых польскіх фірмаў. У 1936 г. тут працавала 50 чалавек, з іх 30 рабочых [1] .

У 1937 г. у Польшчы было 104 фабрыкі якія выраблялі сельскагаспадарчыя машыны і прылады. Выраб машын і сельскагаспадарчых прылад у Лідзе меў шматгадовую традыцыю. Фабрыка сельскагаспадарчых машын і жалезнага ліцця братоў Шапіра была заснавана ў 1900 г. і з’яўлялася найстарэйшым і самым вялікім прадпрыемствам на паўночна-усходніх землях Польшчы таго часу. У міжваенныя часы фабрыка месцілася на вуліцы Сувальскай 170. Тут выраблялі манежы, штыфтавыя і цэпавыя малатарні, конныя і ручныя сячкарні, рознае ліццё, фрэзы, веялкі, дзверы да печаў, рашоткі і т.д.

У 1926 г. пачала працаваць другая фабрыка сельскагаспадарчых машын і прылад пад назвай "Бэнланд". Яе заснавальнікамі былі: З. Штэйнбэрг, А. Ароньчык і Лянд. Фабрыка знаходзілася пры вуліцы Сувальскай 142. Тут прадукаваліся вырабы падобныя да вырабаў фірмы братоў Шапіра: манежы, штыфтавыя і цэпавыя сепаратары для малака, конныя і ручныя сячкарні, веялкі, плугі і ільномялкі. Кошт прадукцыі абодвух фабрык быў каля 360 000 злотых (1934 г.).

У 1937 г. ў Польшчы працавала 58 фабрык цвікоў і дроту [1]. У Лідзе хутка развівалася заснаваная ў 1926 г. фабрыка "Дротіндустрыя", якая месцілася каля "Ардалю" (Фабрычная 6). "Дротіндустрыя" належала таварыству, у якое уваходзілі: Гірш Чарток, Гдалія Чарток, Сымон Савіцкі і Мардух Езіміцкі [6, s.1032]. Статутны капітал складаў 280 000 зл. (1936 г.). Фабрыка мела свой электрычны рухавік у 150 к.с. і давала працу 90 рабочым, 4 асобам інжынерна-тэхнічнага персаналу і 3 кіраўнікам. Тут прадукавалі светлы жалезны дрот (каля 36 т), жалезныя цвікі (каля 280 т), жалезныя накутнікі, арматуру і скобы для будоўлі, падкоўкі для абутку і т.д. "Дротіндустрыя" згарэла восенню 1936 г. Пажар прынёс шкоды на 200 000 зл., шмат

працаўнікоў страціла працу. Зноў адбудаваная "Дротіндустрыя" мела будынак 6 350 куб.м.

Пра фабрыку спружын "Звой" дакладнай інфармацыі няма.

У 1928 г. былі адчынены 2 прадпрыемствы па вытворчасці кафлі, а ў 1936 г. была пабудавана трэцяя. Кафлярню "Танур" (танур – печ, яўр.) заснавалі Ёсель Руды і Бэрка Рыбацкі. Яна знаходзілася на вуліцы Вызвалення, 66 (сёння: вуліца Калініна), займала плошчу ў 0,4 га, мела 2 печы для абпальвання кафлі. Фабрыка забяспечвала працай 10 спецыялістаў і 20 рабочых. Дзённы выпуск кафлі – 400 штук. На мясцовы рынак выраблялася кафля, так званая "квадратэльная" (21х13 см). Для пакупнікоў з Памор'я і Велікапольшчы выраблялася плоская, вялікая кафля, так званая "берлінская". Абарот фірмы "Танур" у 1936 г. складаў каля 48 000 злотых [1]. Кафлярня "Рааф" (рааф – кафля, яўр.) знаходзілася на вуліцы Легіёнавай. Заснавальнікамі яе былі Хаім Куле, Ісак Цэпелевіч і Абэ Куле [6, s.1032]. Яны кіравалі прадпрыемствам да 1931 г., але камерцыйнага поспеху не мелі. Непрацуючую кафлярню купілі ў 1932 г. новыя гаспадары – Ашэр Чапялінскі і Рубіновіч. Яны пераадолелі часовыя перашкоды і кафлярня "Рааф", як і "Танур", выйшла на паморскі і велікапольскі рынак. Гаспадаром трэцяй кафлярні, якая мела назву "Нэшэр", быў Сымон Пупко з сынамі (ён папярэдне быў сябрам таварыства кафлярні "Танур"). "Нэшэр" адрознівалася тым, што кафля тут ёй выраблялася пры дапамозе механічных прылад, а не рукамі, як на кафлярнях "Танур" і "Рааф". "Нэшэр" месцілася на вуліцы Сувальскай, 20.

У дваццатых гадах у горадзе меліся дзве вытворчасці цэглы (цагельні) дзе у 1927 г. працавала 29 чалавек і адна вытворчасць цэмента. Але гэтыя фірмы пазней абанкруціліся [1].

Сярод дзвюх фабрык па перапрацоўке войлаку, адна называлася "Перапрацоўка воўны братоў Г. Я. Жыжэмскіх і Я. Левіна" знаходзілася на вуліцы Вызвалення [6, s.1033]. Звестак пра другую фабрыку няма.

Лідскія алеярні (вытворчасць алею) сярод 22-х працуючых у 1934 г. у навагрудзкім ваяводстве былі параўнальна вялікімі. Праўдападобна, багатае алеем насенне прывозілі з-за мяжы. Таварыства "Шэмен" належала Я. Шэпетыньскаму і сябрам. У дваццатых гадах яно месцілася на вуліцы Сувальскай, пазней на вуліцы Домб-Бернацкага (сёння – Шубіна). Другая алеярня "Олід" была на вуліцы Пяскі 6 (сучасная Камуністычная). Яна працавала з 1934 г. Вырабляла льняны алей, аліфу і жмых.

Фабрыка па вырабу шкіпінару "Дэстылят" знаходзілася на вуліцы Фабрычнай, каля "Ардалю".

Перапрацоўкай дрэва былі занятыя 6 тартакаў [1]. Найстарэйшы лідскі паравы тартак Бэрка Мельніка быў заснаваны ў 1892 г. на вуліцы Пастоўскай 39 (сёння: Фрунзе). Тартак Кроніка на вуліцы Тартакі (сёння Труханава) быў пабудаваны ў 1920 г. [6, s.1033]. Яго афіцыйная назва ў 1936 г. гучала так: "Прамысловае прадпрыемства "Тарлас" Э. Гурвіч & К°". Супольнікамі па бізнесу Эліяша Гурвіча (дырэктара) былі Лейба Кронік, Ісаак Гурвіч і Ной Гімельштэйн. Тартак меў лакамабіль у 215 к.с., дзве піларамы і дзве стругаркі. Фірма займалася і эксплуатацыяй лясоў. На вуліцы Фалькоўскага 33 (сёння –

Перамогі) працаваў паравы тартак Я. Палячэка і таварышаў, ён зарэгістраваны ў 1929 г. Фірма "С. Элкін & К°" пачала існаванне ў 1935 г. на вуліцы Шэптыцкага 72 (сёння – Астроўскага). Належала М. Ківеловічу і М. Рафаловічу. Гэты тартак даваў працу 30 работнікам і 4-м кіраўнікам. Кошт прадукцыі складаў 123 400 злотых (1936 г.). Апрача вышэйназваных працавалі тартакі пры абодвух броварах. Фабрыка "Ардаль" таксама мела ўласны тартак [1].

У 1929 г. у Лідзе ўжо працавалі 2 вялікія электрастанцыі: гарадская (Цыдзеровіч А., Сандлер Л.) па вуліцы Сувальскай і чыгуначная [6, s.1032], акрамя іх да канца 1930-х электрычнасць выпрацоўвалі яшчэ 11 прыватных электроўняў.

У горадзе было 8 млыноў. Троцкі і Палячэк былі гаспадарамі млына "Аўтамат" на вуліцы Пастаўскай. У 1927 г. на млыне працавала 49 чалавек. На гэтай жа вуліцы знаходзіўся паравы млын Б. Мельніка. Таварыства "Хіцім" мела гандлёвы млын на вуліцы Сувальскай 140. На вуліцы Сувальскай знаходзіўся паравы млын Зельдовіча і млын братоў Пупко і А. Зарэцкага. На Пясках ад 1920-х гадоў працаваў млын з электрычным рухавіком Карпейчыка, Паўлоўскага і Робчыка. Другім такім самым млынам валодалі Сапожнікаў, Шэваховіч і Лейбовіч. Яшчэ адзін млын на Пясках быў уласнасцю Б. Шэваховіча.

Тры мясцовыя фірмы выраблялі цукеркі. Гэта былі, заснаваная ў 1908 г., фабрыка цукерак і шакаладу "Рэкорд" па вуліцы Сувальскай, 74, вытворчасць Казімера Інгілевіча (заснавана ў 1934 г., Рынак, 22), і яшчэ адна фабрыка.

Сярод 8-мі Лідскіх пякарань найбольш знаным быў спажывецкі кааператыў "Адзінства" ("Jedność") [6, s.1032]. Да 1938 г. кааператыў пашырыў сваю дзейнасць, ён меў 9 крамаў па ўсяму гораду і сучасную механізаваную пякарню. Гэта ўстанова дасягнула мільённага абароту і па якасці вырабаў магла канкурыраваць з найлепшымі фірмамі ў рэгіёне [7]. Таксама карысталіся папулярнасцю пякарня "Прагрэс", пякарня Я. Цукерніка і Шмуйловіча і інш [6, s.1033]. Адчыненая ў 1931 г. пякарня Д. Гіршэвіча, па загаду мясцовых улад была зачынена як немеханізаваная.

Па вуліцы Садовай працавала фабрыка па вырабу мыла (Ілютовіч) [6, s.1033].

Паліграфічныя паслугі аказвалі 4 друкарні. У міжваенны час на вуліцы Сувальскай працавалі друкарні Я. Каплінскага і Сымона Зельдовіча [6, s.1032]. На вуліцы Фалькоўскага (на вуглу з Школьнай, сёння Перамогі – Кірава) знаходзілася друкарня Лявона Трэбінскага. На вуліцы 3-га Мая працавала друкарня "Магата".

У горадзе дзейнічала наступныя банкаўскія установы: Камунальная ашчадная каса лідскага павету, аддзяленне Віленскага Прыватнага Камерцыйнага банка, Народны Кааператыўны банк, Кааператыўны Купецкі банк у Лідзе, Яўрэйскі Народны банк, прадстаўніцтва банка “Сполэм”. У Лідзе з вялікім поспехам працавалі яўрэйскі беспрацэнтны банк невялікіх крэдытаў "Gmiłus Chesed" і Хрысціянская безпрацэнтная каса пры Таварыстве польскіх купцоў у Лідзе [7].

Найбольш паспяховым для эканомікі быў 1938 г. 3 лістапада 1938 г. гарадская управа Ліды (Zarząd Miejski) зрабіў "Даклад аб стане рахункаў бюджэту на 1937-1938 год". Даклад утрымлівае шмат інфармацыі для разумення якім быў горад у апошні мірны год.

Плошча горада Ліды была 2964 га (разам з толькі што далучанай прыгараднай вёскай Раслякі). Горад меў 110 вуліц агульнай працягласцю каля 90 км вуліц (з іх з 32,67 км мелі цвёрдае пакрыцце). За 1937/38 гг. Была забрукавана 1.433 км, адрамантавана 4 км і зроблена 2.246 км бетонных ходнікаў. Горад меў 947 студняў (753 звычайных, 177 насосных, 17 артэзіянскіх).

Гарадскі муніцыпалітэт меў ўласную зямлю, будынкі і камунальныя прадпрыемства: электрастанцыі, бойні быдла, крамы продажу жывёлы на рынку. У 1937-38 гг. электрычнасць прадавалася 2903 абанентам для асвятлення і 63 абанентам для прамысловых мэтаў, сумарная электрычная магутнасць спажыўцоў дасягнула 446 127 квт. На бойнях ў гэтым годзе было забіта: буйной рагатай жывёлы – 5 321, цялят – 10 766 цялят, авечак – 2 327 і свіней – 4 906 галоў. Прададзена на рынку: буйной рагатай жывёлы - 25 250, цялят, авечак і коз – 7 319, свіней – 5 915 і коней – 2 612 галавы.

У 1921 г. Ліда мела 13 401 жыхароў, на 17 верасня 1938 г. колькасць насельніцтва горада склала 26 256 чалавек. Такім чынам за 17 гадоў горада насельніцтва падвоілася. З іх у сельскай гаспадаркі было працавала 598, у прамысловасці – 3 408, у гандлю – 1 249, транспарту – 321, дзяржаўнай службе 1 198, дамашняй гаспадаркі – 5 711, у іншых галінах – 5 942 чалавека.

Сумарныя даходы гарадскога муніцыпалітэту склалі 992 365,50 а выдаткі 985 206,39 злотых.

Муніцыпалітэт амаль што закончыў распрацоўку плана развіцця і пашырэння горада. Быў пабудаваны спартовы стадыён, праведзены дрэнаж забалочанага месца (так званага Выгана) дзе вырас новы раён горада, быў пабудаваны сучасны гарадскі рынак, пачалося будаўніцтва новага медыцынскага цэнтра, пачалі будавацца сучасныя бойні і завод па перапрацоўцы і ахаладжэнню мяса, планавалася пачаць працы па водазабеспячэнню і каналізацыі горада, планавалася будаўніцтва 3-4 новых школ [8].

У 1938 г. усталяваліся у горадзе такія цэны і заробкі: гектар зямлі каштаваў 500 злотых, карова – 100 злотых, пуд збожжа – 2 злотыя, 1 кг цукру – 1 злотых 18 грошаў, 1 кг алею - 80 грошаў, 10 яйкаў – 10 грошаў, пачак запалак – 10 грошаў. Сярэдні дзённы заробак быў каля 2–3-х злотых, мінімальны – 1 злоты, высокі заробак – да 10 злотых. Кваліфікаваны рабочы на “Ардалі” атрымліваў 5 злотых, майстар – 10 злотых. На жніве ў дзень плацілі 2 злотых, на копцы бульбы 1 злоты. Зарплата настаўнікаў дасягала 200 злотых у месяц[6] [9, с.24].

[6] Мінскі гісторык Андрэй Гардзіенка (гл.: http://ru.wikipedia.org/wiki/Гордиенко,_Андрей_Николаевич), які зараз жыве у Маскве у сваім блогу ў інтэрнеце (http://pulman.livejournal.com/495608.html) даў такую інфармацыю аб коштах на асноўныя прадукты харчавання ў СССР, Польшчы і Германіі у сярэдзіне 30-х

Пра важнасць горада для перадваеннай Польшчы кажа тое, што ў 1938 г. у Вялікабрытаніі (Ньюкасл) быў урачыста спушчаны на ваду грузавы параход **“Ліда”** пабудаваны для Польшчы. Параход меў грузапад’ёмнасць 2110 тон, развіваў хуткасць ў 10 вузлоў [10]. Гэты карабель у 2-ю сусветную вайну на ваяваў на баку саюзнікаў з польскай камандай а потым эксплуатаваўся да 1960-х гадоў.

Спіс крыніц і літаратуры

1. Ciehanowicz, L. Przemysł lidzki w dwudziestoleciu międzywojennym / L. Ciehanowicz // Zemia Lidzka. № 41. 2000.
2. Лаўрэш, Л. Ліда на старых малюнках, паштоўках, фотаздымках / Л. Лаўрэш, У. Круцікаў. – Ліда, 2001.
3. Ziemia Lidzka. – № 9. – 1936.
4. Odlanicki-Poczobutt, S. Województwo Nowogródzkie / S. Odlanicki-Poczobutt – Wilno. 1936.
5. Ciehanowicz, L. Przemysl gumowy "Ardal" S. A. / L. Ciehanowicz // Zemia Lidzka. – № 36. – 1999.
6. Ksiega Adresowa Handlowa. Warszawa – Bydgoszcz, 1929.
7. Ciehanowicz, L. Miasto Lida w 1938 roku / L. Ciehanowicz // Zemia Lidzka. № 48. 2003.
8. Zemia Lidzka. – № 11. – 1938.
9. Лідскі Летапісец. – № 43-44.
10. Dziennik Kresowy. – № 231 ад 25.08.1938.

Леанід Лаўрэш, адміністратар гісторыка-краязнаўчага сайта “Павет”

УДК 94 (476) |451|

Ганна Вайцешчык (Гродна)

РАМЕСНІЦКІЯ ЗАНЯТКІ МЕСТАЧКОЎЦАЎ ЗАХОДНЯЙ БЕЛАРУСІ Ў 1921 – 1939 ГГ.

гадоў: “Кошты ў СССР на 1935 год, пасля адмены картак, (максімальная зарплата працоўнага 170 рублёў, разам з коштамі даю колькасць, якую можна было купіць на ўсю зарплату):
1 кг белага хлеба 1,10 р (154,5 кг)
1 кг варанай каўбасы 12 р (14,2 кг)
1 кг цукру 4,50 р (37,7 кг)
1 кг сметанковага алею 15 р (11,3 кг)

У Польшчы, сярэдняя зарплата працоўнага 120 злотых:
1 кг белага хлеба - 0,35 злотых (342,8 кг)
1 кг варанай каўбасы 2 злотых (60 кг)
1 кг цукру 1 злоты (120 кг)
1 кг сметанковага алею 2 (60 кг)

У Германіі. Кошты ў Нямеччыне, сярэдняя зарплата нямецкага працоўнага – 130 рейхсмарак:
1 кг белага хлеба 0,36 м (361 кг)
1 кг варанай каўбасы 2,70 м (48 кг)
1 кг цукру 0,80 м (162 кг)
1 кг сметанковага алею 3 м – максімальны кошт (43 кг).

В статье автором сделана попытка анализа состояния ремесла в местечках Западной Беларуси в 1921 – 1939 гг., а также целого ряда факторов, которые повлияли на его развитие: политика польского правительства по отношению к данной форме экономической активности, внешние и внутренние условия существования ремесленной деятельности с характерными региональными особенностями, процесс получения ремесленных карт, концессий и лицензий для легального занятия ремесленной деятельностью. Местечковое ремесло Западной Беларуси в 1921 – 1939 гг. было тесно связано с рынком и приобретало характер профессионального вида основной деятельности жителей местечек. По количеству ремесленных специальностей, по уровню профессиональной подготовки ремесленников, по количеству продукции и маштабах ее сбыта, местечковое ремесло уступало городскому ремеслу, но опережало деревенские самотужные промыслы.

Слабае развіццё прамысловасці і пастаянны рост беспрацоўя, нізкія цэны на сельскагаспадарчую прадукцыю змушалі местачкоўцаў актыўна займацца рамяством і промысламі, якія, заснаваныя на ручной працы і на ўласнай мясцовай сыравіне, здольны былі забяспечыць працай мноства працоўных рук, палепшыць дабрабыт, прапанаваць гарадскому і сельскаму пакупніку вырабы, якіх не хапала і даць дадатковы ці асноўны прыбытак местачкоўцам.

Рамяство было першай формай прамысловасці. Пад рамёствамі разумелася дробная вытворчасць, заснаваная на індывідуальнай ручной працы з выкарыстаннем механічных прылад і інструментаў [1, с. 95]. Да пачатку XX ст. рамяство прайшло тры стадыі свайго гістарычнага развіцця: хатняе рамяство, рамяство на заказ, рамяство як дробнатаварная вытворчасць (саматужная прамысловасць). У мястэчках Заходняй Беларусі ў 1921 – 1939 гг. былі прадстаўлены ўсе тры названыя формы рамяства, аднак для большасці местачкоўцаў рамяство было звязана выключна, ці пераважна з рынкам. Развіццё рамяства ў мястэчках Заходняй Беларусі ў 1921 – 1939 гг. можна разглядаць як прамежкавую форму паміж саматужнымі сялянскімі промысламі і фабрычнай прамысловасцю, якая развівалася ў гарадах.

З тэрмінам “рамяство” вельмі цесна звязаны тэрмін “промысел”. В.А. Лабачэўская, даследчыца промыслаў і рамёстваў на Беларусі, істотнай розніцы паміж гэтымі двума паняццямі не праводзіць. На яе думку, тэрмін “промысел” як і тэрмін “рамяство” ў 20 – 30 гг. выкарыстоўваўся для вызначэння дробнатаварнай вытворчасці, для адрознення яе ад буйной фабрычнай прамысловасці [2, с.28]. У польскамоўнай літаратуры аб промыслах і рамёствах Заходняй Беларусі ужываюцца тэрміны “sztuka ludowa”, “przemysł ludowy”, “rękodzielo tradycyjne”. Польскія даследчыкі пад промысламі 20-30 гг. XX ст. разумелі рамесніцтва, розныя віды вырабаў, прызначаныя на продаж і на заказ [3].

Большасць мястэчак Заходняй Беларусі выступалі цэнтрамі гмін (gmin wejskich), і местачковае рамяство вырастала з рамяства сельскага і цесна з ім было звязана. Местачковыя рамеснікі паступова станавіліся манапалістамі ў сферы рамесніцкай вытворчасці гмін, буйнымі цэнтрамі раместваў па колькасці вырабляемай прадукцыі і рынках яе збыту. Як прыклад – мястэчка Гарадная Лунінецкага павета стала “сапраўдным запаведнікам ганчарства” у Палесскім ваяводстве ў 20 – 30 гг. XX ст., бо з’яўлялася адзіным цэнтрам вытворчасці белаглінянай керамікі ў межах Палесся. У мястэчку было 215

ганчарных майстэрняў і 500 жыхароў (20% ад усяго насельніцтва), якія прафесійна займаліся ганчарствам [2, с. 231]. Фактычна ў кожнага жыхара Гарадной была свая ганчарка (майстэрня па вытворчасці ганчарных вырабаў). З 30-х гг. гараднянскія майстры сталі прымяняць новы спосаб апрацоўкі керамічных вырабаў – глазураванне з дапамогай палівы (эмаліраванне), што значна павышала яго якасць. Высокія тэхналагічныя якасці гараднянскай керамікі ведалі на Палессі, у Цэнтральнай Беларусі, трапляла яна і на Валынь, у Кіеў, Вільню, Варшаву. У Вільні гараднянскую кераміку называлі целяханскай (па аналогіі з шырока вядомым целяханскім фаянсам). Уладальнікі ювелірных фабрык ведалі яе высокую тэрмічную ўласцівасць і ахвотна набывалі для выплаўкі каштоўных металаў [4, с.110]. У 1929 г. польскі Саюз сельскагаспадарчых гандлёвых кааператываў прыкладаў намаганні, каб залажыць у Гарадной ганчарны кааператыў, аднак ганчары Гарадной не жадалі працаваць калектыўна і засталіся рамеснікамі-адзіночкамі [2, с.232]. На прыкладзе гэтага мястэчка можна яскрава прасачыць тэндэнцыю перарастання саматужнага народнага промысла, звязанага з вёскай, у прафесійнае рамяство, характэрнае для гарадскіх паселішчаў.

Асабліва на развіццё местачковага рамяства паўплываў той факт, што Польшча была адзінай еўрапейскай краінай, дзе на заканадаўчым узроўні значна падтрымлівалася гэта сфера эканамічнай дзейнасці. Закон аб народных промыслах быў прыняты Сеймам 31 ліпеня 1924 г., на падставе якога гэта галіна народнай гаспадаркі пачала атрымліваць урадавыя фінансавыя субсідыі [2, с.186]. З 1918 г. у складзе Міністэрства прамысловасці і гандлю дзейнічаў аддзел народных промыслаў, з дапамогай якога ў 20-я гады XX ст. былі створаны 4 таварыствы дапамогі народным промыслам (у Вільні, Навагрудку, Брэсце, Беластоку), якія наладжвалі выставы і кірмашы ў многіх мястэчках Заходняй Беларусі. У 1925 г. па ініцыятыве Брэсцкага таварыства была арганізавана выстава народных промыслаў ў мястэчку Антопаль [2, с.187].

Падтрымку рамяства і асоб, занятых у рамястве, у II Рэчы Паспалітай ажыццяўлялі прамыслова-гандлёвыя палаты (акругі), якіх у 1921 – 1927 на тэрыторыі Польшчы было 12. З 1927 г. іх колькасць павялічылася да 17. Да 1927 г. тэрыторыя Беластоцкага, Віленскага, Палескага і Навагрудскага ваяводстваў адносілася да дзейнасці Віленскай прамыслова-гандлёвай палаты [5, с.53]. Віленская прамысловая палата была самай вялікай па плошчы ахопліваемых тэрыторый – 128 тыс. км² (32,4% ад усёй Польшчы) у параўнанні з іншымі палатамі Рэчы Паспалітай, таму ў 1927 г. яна была падзелена на 4 больш дробныя палаты (Беластоцкую, Віленскую, Брэсцкую і Навагрудскую), якія ахоплівалі па аднаму ваяводству Заходняй Беларусі [6, с.171 – 172].

У кожнай такой палаты быў свой статут, і іх дзейнасць рэгуліравалася Міністэрствам прамысловасці і гандлю. Згодна з 170 артыкулам польскага прамысловага права ад 1927 г. дзейнасць прамысловых палат у адносінах да рамяства заключалася ў стварэнні рамесных школ для пашырэння той ці іншай рамесніцкай спецыяльнасці, арганізацыі экзаменацыйных камісій для прымання экзамена на званне “майстра”, статыстычны ўлік колькасці рамесных спецыяльнасцей па гмінах, паветах, ваяводству, улік колькасці

рамеснікаў і іх вучняў [6, с.125]. На жаль, звесткі аб колькасці рамеснікаў і рамесніцкіх спецыяльнацях, якія падавала Прамысловая палата, датычыліся пераважна тэрыторый паветаў і ваяводства, а не асобных мястэчкаў. Аднак, аналізуючы гэтыя звесткі, можна зрабіць пэўныя высновы аб найбольш распаўсюджаных рамесніцкіх спецыяльнасцей па ваяводству, а потым параўнаць са звесткамі па асобных мястэчках. На тэрыторыі Палескага ваяводства паводле данных Брэсцкай прамысловай палаты ў 1933 г. налічвалася 9962 рамесных майстэрань розных рамесніцкіх спецыяльнасцей, аб'яднаных у 7 груп: апрацоўка дрэва – 2078 майстэрань, апрацоўка скуры – 2057, выраб адзення – 1835, апрацоўка металу – 1646, спажывецкі промысел – 1375, будаўніцтва – 655, сфера паслуг – 316 [7, л.6зв.]. У Наўгародскім ваяводстве ў 30-я гг. рамяство было прадстаўлена 10 000 майстэрнямі наступных рамесніцкіх спецыцяльнасцей: краўцы (1108 майстэрань), кавалі (1172), шаўцы (1161), сталяры (675), рэзнікі (634), пекары (407), цырульнікі (221), слесары (198) і інш. [8, с. 31]. На 1 красавіка 1931 г. на тэрыторыі Беластоцкага ваяводства прамысловай палатай было зафіксавана 20 000 рамесных прадпрыемстваў, з якіх 14500 з рамеснымі картамі, і пераважалі рамесныя спецыяльнасці, звязаныя са сферай паслуг і апрацоўкай дрэва, скуры і будаўніцтва [9, с.39].

Аналіз дадзеных прамысловых палат за 1931 – 1933 гг. паказаў, што найбольш запатрабаванымі рамеснымі спецыяльнасцямі ў Заходняй Беларусі былі спецыяльнасці, звязаныя з апрацоўкай дрэва, металу, скуры, вырабам адзення і спажывецім промыслам. Такая тэндэнцыя ў размеркаванні рамесніцкіх спецыяльнасцей паводле запатрабаванасці насельніцтвам была характэрна і для мястэчак. У мястэчку Быцень ў 1928 г. было 37 зарэгістраваных рамесных майстэрань, з якіх 13 належала шаўцам, 6 - кавалям, 5 - краўцам, 3 - майстрам па вырабу мужчынскага абутку, 1 - сталяру, 1 - гадзіннікаваму майстару, 1 - цырульніку, 1 - цукерніку, 1 - рэстаўратару мэблі. У мястэчку Альбертын 7 майстэрань належалі рамеснікам наступных спецыяльнасцей: шаўцы – 2, майстар па вырабу цукерак – 1, каваль – 1, цырульнік – 1, рэстаўратар – 1, пекар – 1; у мястэчку Дворэц з 42 рамесных майстэрняў належалі краўцам – 14, кавалям – 13, шаўцам – 10, рымарам – 6, рэзнікам – 3, чапнікам - 3, майстрам па вырабу мужчынскага абутку - 2. З 186 рамесных прадпрыемстваў у Дзятлаве большая палова належала шаўцам - 40 майстэрань, кавалям - 26, столярам - 23, краўцам - 19. У мястэчку Карэлічы быў 61 рамеснік: шаўцы – 14, пекары – 10, краўцы – 10, кавалі – 8, рэзнікі – 3, чапнікі – 2, бляхары – 1, гадзіннікавы майстры – 1, рымары – 1, цырульнікі – 1, каўбаснікі – 1, рамеснікі па вырабу газіраванай вады – 1, вырабу квасу – 1, муляры – 1; у Наваельні – 14 рамеснікаў: краўцы – 3, пекары – 4, шаўцы – 3, кавалі – 2, рэзнікі – 2; у Любчы - 102 рамесніка: краўцы – 19, рэзнікі – 14, сыравары – 10, шаўцы – 10, кавалі – 10, пекары – 9, сталяры – 6, майстры па вырабу цукерак – 3, чапнікі – 2, выраб мужчынскага абутку – 2, рымары – 2, цесляры – 2, муляры – 2, гадзіннікавыя майстры – 2, цырульнікі – 2, гарбары – 1, бляхары – 1; у Іўі – 63 рамесніка: майстры па пашыву і рамонту абутку – 13, краўцы – 8, шаўцы – 8, кавалі – 8, гарбары – 7, майстры па вытворчасці

гумовых галош – 6, рэзнікі – 6, пекары – 5, цырульнікі – 2, калпачнік – 1, бляхар – 1, майстар па вытворчасці вяроўкі – 1, фотамайстар – 1, гадзіннікавы майстар – 1. У мястэчку Гарадзея ў 1928 г. былі зарэгістраваны 2 кавальскія майстэрні, у мястэчку Нягневічы – 3 шавецкія майстэрні [10, л.2,7,14,20,21-28].

Аналіз архіўных дадзеных аб колькасці рамесніцкіх спецыяльнасцей і майстэрань у 10 мястэчках Слонімскага, Навагрудскага і Стаўбцоўскага паветаў Навагрудскага ваяводства за 1928 г. дазваляе сцвярджаць, што найбольш пашыранымі рамесніцкімі спецыяльнасцямі былі наступныя: кравец, шавец, каваль, сталяр, пекар, рэзнік.

Амаль усе гэтыя статыстычныя дадзеныя, якія датычыліся колькасці рамеснікаў, рамесных майстэрань, не з'яўляюцца абсалютнымі, бо большасць з іх працавала нелегальна, без рамесных карт, ліцэнзій, канцэсій. З агульнай лічбы рамеснікаў 9505 чалавек па Навагрудскаму ваяводстве ў 1931 г. 8773 рамесніка мелі рамесную карту [11, с.159]. Таму ўсталяваць агульную колькасць рамеснікаў і майстэрняў у мястэчках вельмі цяжка. Некаторыя жыхары мястэчак былі ўмельцамі некалькіх спецыяльнасцей, а рамесную карту і ліцэнзію мелі па адной спецыяльнасці.

Згодна з 143 артыкулам правіл рамяства і гандлю II Рэчы Паспалітай дробныя рамёствы дзяліліся на 3 катэгорыі: канцэсійнае рамяство (каналізацыйнае абслугоўванне, газавыя работы, чыстка комінаў, маляры, цесляры, друкары, рытуальная сфера паслуг, вадзіцелі аўтамабілей); кваліфікацыйнае рамяство (бляхары, кавалі, слесары, токары, сталяры, печнікі, рымары, пекары, рэзнікі, цырульнікі, шаўцы, краўцы і інш.); вольнае рамяство (іншыя рамествы, якія не трапляюць ні ў першую, ні ў другую групу) [12, л.15зв.]. Займацца канцэсійным рамяством можна было пры атрыманні канцэсіі на пэўны від рамяства ад рамесных улад I інстанцыі (магістратаў гарадоў Варшавы, Лодзі, Вільна, Познані, Торуня, Быдгошча, Львова, Кракава); а займацца прафесійным ці вольным рамяством можна было пры атрыманні рамеснай карты ці ліцэнзіі [12, л.16зв.]. Згодна з Цыркулярам Міністэрства прамысловасці і гандлю ад 20 сакавіка 1934 г. рамесная карта выдавалася толькі тым рамеснікам, якія мелі свае майстэрні і рамяство для якіх было пастаянным заняткам [13, л.1]. Сам фармуляр рамеснай карты змяшчаў наступныя звесткі пра рамесніка: імя, імя па бацьку, дата і год нараджэння асобы, грамадзянства, нацыянальнасць, месца жыхарства, назва рамеснай спецыяльнасці, наяўнасць прамысловай майстэрні з яе падрабязным апісаннем (будынка, абсталявання), колькасць наёмных рабочых, назва прамысловай фірмы ці кааператыва.

Ліцэнзія на права займання пэўным відам рамяства выдавалася рамеснікам без сталага рамеснага прадпрыемства на 1 год і дзейнічала ў межах таго ваяводства, у якім пражываў рамеснік. Такую ліцэнзію рамеснік павінен быў насіць заўседы пры сабе. Уладальнік ліцэнзіі мог мець памочніка (без ліцэнзіі), але са спецыяльнага дазволу ўлад. Бланк ліцэнзіі ўяўляў сабою паперу 105 на 145 мм., якая змяшчала наступныя звесткі: імя і прозвішча рамесніка, дата нараджэння, месца жыхарства, апісанне промыслу, якім чалавек займаецца, асабісты фатаздымак [6, с.57].

Абласныя архівы Гродзенскай, Брэсцкай і Маладзечанскай вобласці змяшчаюць вельмі шмат спраў, якія дазваляюць прасачыць працэс атрымання рамесных карт местачкоўцамі, ліцэнзій і канцэсій на права займацца пэўным рамяством. Змест згаданых дакументаў вельмі разнастайны: фармуляры рамесных карт і ліцэнзій, пратаколы прамысловай палаты, прашэнні рамеснікаў да павятовых стараст, перапіска апошніх з прамысловымі палатамі. Аналізуючы гэтыя дакументы, можна прыйсці да высновы, што рамесную карту местачковец мог атрымаць толькі пры наступных умовах: калі меў польскае грамадзянства, дыплом аб здачы экзамена на пэўную рамесніцкую спецыяльнасць, аплаціў рамесную карту. Наяўнасць рамеснай карты было абявязковай умовай не толькі для адкрыцця рамеснай майстэрні, але і прамысловага прадпрыемства, якое звычайна і паўставала з рамеснай майстэрні, калі ў рамесніка працвітала яго рамяство. Атрыманне такой карты суправаджалася вельмі доўгай папяровай працэдурай, якая патрабавала ад рамеснікаў не толькі фінансавых затрат, але і шмат часу на выкананне ўсіх фармальнасцей. Перш за ўсё местачковец звяртаўся да павятовага старасты з прашэннем (podane) аб дазволе на атрыманне карты і прадастаўляў неабходныя дакументы. Павятовы стараста накіроўваў гэтыя дакументы ў прамысловую палату. Калі прамысловая палата давала дазвол (улічваючы ўсе астатнія ўмовы), аўтаматычна гэты дазвол ці недазвол даваў стараста. Няўдала закончылася справа Т. Езопчыка, жыхара мястэчка Платніца Столінскага павета, які 26 сакавіка 1930 г. звярнуўся з прашэннем да павятовага старасты ў справе атрымання рамеснай карты на права займацца кавальствам. У маі 1930 г. Брэсцкая прамысловая палата адмовіла Т. Езопчыку ў атрыманні карты па дзвюх прычынах: Т. Езопчык не меў польскага грамадзянства і да 1927 г. нелегальна займаўся кавальствам [14, л.43]. 23 студзеня 1933 г. жыхар мястэчка Давід-Гарадка Лунінецкага павета Майер Ткач атрымаў рамесную карту на права дзейнасці ў якасці шаўца [14, л.31].

Прамысловая палата нярэдка праводзіла дадатковы экзамен на праверку здольнасцей і ўменняў рамесніка, што магло стаць яшчэ адной прычынай адмовы ў атрыманні карты. Доўгі працэс атрымання рамесных карт прыводзіў да таго, што большасць местачкоўцаў займаліся рамяством без рамесных карт, нелегальна, што каралася шматлікімі штрафамі і нават турэмным зняволеннем у выніку няўплаты штрафа. 14 студзеня 1937 г. была заведзена справа на жыхарку мястэчка Вялікая Глуша Камень-Кашырскага павета Геню Вакс, якая была аштрафавана на 50 злотых ці 3 дні арышту (у выніку няўплаты штрафу) за вядзенне кравецкага промыслу без рамеснай карты [15, л.5].

Даследаванне рамесных карт і працэса іх атрымання дазваляе зрабіць яшчэ адну выснову аб тым, што ў канцы 20 гг. XX ст. у большасці мястэчак Заходняй Беларусі значна павялічваецца попыт на рамесныя спецыяльнасці, звязаныя са сферай паслуг: фатографаў, цырульнікаў, гадзіннікавых майстроў, фурманаў, механікаў па рамонту тэхнікі, аўтамабіляў, майстроў па электрычных і каналізацыйных работах. У Дзярэчыне Ваўкавыскага павета ў 30-я гг. дзейнічалі 2 майстэрні па вырабу веласіпедаў і матацыклаў, для якой дэталі прывозіліся з-за мяжы [16, с.98]. У 1928 г. фатограф з мястэчка Высоцк

Сарнецкага павета падаў прашэнне аб прадаўжэнні тэрміна дзеяння ліцэнзіі на права займацца сваім рамяством [14, л. 131]. У 1929 г. у мястэчку Гарадзец Кобрынскага павета двум местачкоўцам былі выдадзены 2 рамесныя карты на права працаваць у якасці гадзіннікавага майстра з уласнай майстэрняй на вуліцы Клецкая і на права адкрыць цырульню на вуліцы Шасейная [17, лл.28,33]. У мястэчку Мір Стаўбцоўскага павета было некалькі фотамайстэрней: Гольдзіна, Ермаковіча, Сілко [18, с.25]. З пашырэннем электрафікацыі мястэчак ў 30-я гг. з'яўляецца новая рамесніцкая спецыяльнасць – майстар па ўладкаванню электрычных работ. Гэта рамесніцкая спецыяльнасць была вельмі запатрабаванай у мястэчках, але прафесійных майстроў з ліцэнзіямі і рамеснымі картамі было вельмі мала. Жыхар мястэчка Ганцавічы Лунінецкага павета Л. Мардухоў ад 18 сакавіка 1932 г. атрымаў рамесную карту на права заняцця рамяством па ўладкаванню электрычных работ [19, л.48]. 18 лютага 1932 г. Ігнацій Змінкоўскі падаў прашэнне на атрыманне канцэсіі на права займацца электрычнымі работамі ў Камень-Кашырску [19, л.67]. Яшчэ адной новай спецыяльнасцю была спецыяльнасць вадзіцеля, для працы па гэтай спецыяльнасці неабходна была канцэсія. На 01.01.1927 г. ваяводскі ўрад выдаў 9 канцэсій на аўтамабільную камунікацыю ў Палескім ваяводстве, 8 – у Навагрудскім [20, с.256]. У 30-я гг. у мястэчку Высока-Літоўск Брэсцкага павета працаваў адмысловы майстар па рамонту аўтамабіляў і ровараў [21, с.125].

Спецыяльнасці сферы паслуг значна набліжалі местачковае рамяство да гарадскога, а самі мястэчкі, дзякуючы разгалінаванай сетцы рамесных спецыяльнасцей, пераўтвараліся ў малыя гарады.

Рамеснай вытворчасцю ў мястэчках і гарадах у значнай ступені акрамя беларусаў і палякаў займаліся яўрэі, для якіх рамяство, прамысловасць і асабліва гандаль былі асноўнымі сродкамі для існавання. На малюнку 1. аўтарам была зроблена спроба параўнання колькасці рамеснікаў-хрысціян і яўрэяў па 10 паветах Навагрудскага ваяводства ў 1929 г.

Мал. 1. – Колькасць рамеснікаў-хрысціян і рамеснікаў-яўрэяў па паветам Навагрудскага ваяводства ў 1929 г., чалавек.
Крыніца: ДАБВ, Ф.1. – Воп.1. – Спр. 760: “Сведения о количестве ремесленников по поветам за 1929 г.”, лл.1 – 19

Аналізуючы дадзеныя аб колькасці рамеснікаў па паветах Навагрудскага ваяводства за 1929 г., можна прыйсці да высновы, што яўрэі манапалізавалі рамяство ў Навагрудскім ваяводстве ў 1929 г. У некаторых мястэчках яўрэі з’яўляліся адзінымі рамеснікамі, у большасці мястэчак іх працэнтная вага ў рамястве складала ад 40 да 60%. Яўрэйскія местачковыя рамеснікі манапалізавалі найбольш прыбытковыя рамесныя спецыяльнасці. У Іўі Стаўбцоўскага павета ў 1929 г. было 13 габрэяў - майстроў па рамонту абутку, 8 краўцоў, 8 шаўцоў, 7 гарбароў, 6 майстроў па вытворчасці гумовых галош, 5 кавалёў, 5 пекараў, 2 рэзнікі, 1 бляхар, 1 повар, 1 майстар па вытворчасці вяроўкі, 1 калпачнік, 1 гадзіннікавы майстар, што складала 85% ад агульнай колькасці рамеснікаў мястэчка [22]. У Брэсцкім павеце ў 1929 г. было 1170 рамеснікаў, з якіх 1027 яўрэяў такіх спецыяльнасцей, як рэзнікі – 286, каўбаснікі – 196, краўцы – 154, шаўцы – 153, сталяры – 109, цесляры – 101, муляры – 28 [23, л.18]. Рамяством у мястэчку Лахва Лунінецкага павета займаліся пераважна яўрэі. Пекары, каўбаснікі і рэзнікі ў мястэчку Івянец Стаўбцоўскага павета былі выключна яўрэі [24, с.34].

Такім чынам, рамяство з дадатковага занятка ў 1921 – 1939 гг. паступова перарастае ў асноўны занятак местачкоўцаў, і многія мястэчкі Заходняй Беларусі пераўтвараюцца ў рамесныя цэнтры. Аб гэтым сведчыць значнае павелічэнне колькасці прафесійных рамеснікаў, якія не толькі маюць свае майстэрні і вучняў, але і аб’ядноўваюцца ў цэхі. У 1936 г. Брэсцкай рамеснай палатай было зафіксавана ў Палескім ваяводстве 12944 майстэрні, 19 цэхаў, 35 кааператываў і таварыстваў [25, л.8,10,12]. Паводле матэрыялаў Навагрудскай прамысловай палаты за 1931 г. былі зарэгістраваны 61 цэх, з якіх 10

знаходзілася ў мястэчках Ляхавічы (2), Валожын (3), Дзятлава (5) [11, с.159]. Увогуле, арганізацыя местачковых рамеснікаў у цэхі была нязначнай і датычылася пераважна спецыяльнасцей спажывецкага промыслу.

Местачковае рамяство мела і кааператыўную форму аб'яднання рамеснікаў. У 1936 г. дзейнічала кааперацыя шаўцоў у Давід-Гарадку, цесляроў і сталяроў у Івацэвічах [25, л.24]. У мястэчку Паставы Віленскага ваяводства у 30-я гг. дзейнічалі рыбалавецкае і фатаграфічнае таварыствы, а таксама спажывецкія кааператывы "Выгада" і "Зерне" [26, с.61]. Дзейнасць спажывецкага кааператыва "Jednosc" ("Адзінства") у Іўі і кааператыва "Вызваленне" у Забалаці прыносілі немалы даход местачкоўцам [22].

Такім чынам, даследванне местачковага рамяства ў 1921 – 1939 гг. дазваляе зрабіць наступныя высновы.

Нягледзячы на дзяржаўную падтрымку местачковага рамяства, умовы развіцця гэтага віда эканамічнай дзейнасці ў 20-30 гг. XX ст. былі вельмі складанымі. Большасць местачковых рамесніцкіх вырабаў былі скіраваны на рэалізацыю сярод вясковага жыхара, а плацёжаздольнасць насельніцтва вёскі была вельмі слабай і давала нязначны даход местачковаму рамесніку. Па колькасці рамеснікаў і ўзроўні іх спецыялізацыі мястэчкі значна адставалі ад гарадоў і не маглі з імі канкурыраваць. Толькі рамесныя спецыяльнасці, звязаныя са сферай паслуг, на якія вельмі ўзрос попыт у гарадах у 20-30 гг., даваў магчымасць местачковаму рамесніку выйсці на гарадскі рынак.

Рамяство з дадатковага занятка ў 1921 – 1939 гг. паступова перарастае ў асноўны занятак местачкоўцаў, накіраваны на рынак. Аб гэтым сведчыць дастаткова вялікая колькасць прафесійных рамеснікаў з рамеснымі картамі і ўласнымі майстэрнямі. Пры гэтым рамяство пачынае паступова звязвацца з прамысловасцю. Рамесная майстэрня пераўтвараецца ў прамысловае прадпрыемства.

Колькасць рамесніцкіх спецыяльнасцей у мястэчках была не вялікай ад 15 да 35, што тлумачылася нізкім тэхнічным узроўнем рамяства, адсутнацю прафесійных рамесных школ, а таксама досыць складаным працэсам атрымання рамесных карт для легальнага заняцця пэўным відам рамяства. Найбольш запатрабаванымі рамеснымі спецыяльнасцямі ў мястэчках Заходняй Беларусі былі спецыяльнасці, звязаныя з апрацоўкай дрэва, скуры, вырабам адзення, абутку і спажывецім промыслам.

Дамінуючае значэнне ў местачковым рамястве належала яўрэям, якія манапалізавалі найбольш даходныя рамесніцкія спецыяльнасці, у большасці мястэчак іх працэнтная вага ў рамястве складала ад 40 да 60%.

Спіс крыніц і літаратуры

1. Цітоў, В. Рамёствы / В. Цітоў // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі: у 6 Т. / гал. рэд Г.П. Пашкоў - Т.6., Кн.1. – Мінск: БелЭн, 2001. – С. 95 – 96.
2. Лабачэўская, В.А. Зберагаючы самабытнасць: з гісторыі народнага мастацтва і промыслаў Беларусі / В.А. Лабачэўская. – Мінск: "Беларуская навука", 1998. – 375 с.
3. Orynżyna, J. Przemysł ludowy w województwach Wileńskim, Nowogrodskim, Poleskiem i Wołynskiem. - Warszawa, 1927.; Trzebińska-Bodzińska, A. Stuka ludowa Wileńszczyzny i

Nowogródczyzhy / A. Trzebińska-Bodzińska – Wilno, 1937. – 36 s.; Dynowski, W. Sztuka ludowa Wileńszczyzny i Nowogródczyzhy / W. Dynowski – Wilno, 1935. – 40 s.
4. Сахута, Я.М. Народнае мастацтва Беларусі / Я.М. Сахута. – Мінск: “Беларуская энцыклапедыя імя П. Броўкі”, 1997. – 288 с.
5. Polski przemysl i handel: księga adresowa i informacyjna przebsiębiorstw przemysłowych, handlowych i finansowych w Rzeczypospolitej Polskiej. – Warszawa: Izba przemyslowo-handlowa, 1930. – 1156 s.
6. Polskie prawo przemysłowe. – Wilno: Książnica marianum, 1931. – 351 s.
7. Дзяржаўны архіў Брэсцкай вобласці (ДАБВ), Фонд 1. – Воп. 1. – Спр. 761. Сведение о состоянии ремесел и промышленности на территории Полесского воеводства за 1933 г.
8. Gałasiewicz, S. Ziemia Nowogródska. Najpilniejrze gospodarcze i kulturalne potrzeby / S. Gałasiewicz. – Nowogródek, 1936. – 73 s.
9. Sprawozdanie wojewody Białostockiego z 01.04.1931. – 01.04.1932. Z działalności administracji państwowej Samorządów województwa Białostockiego. – Białystok, 1933. – 193 s.
10. Дзяржаўны архіў Гродзенскай вобласці (ДАГВ), Фонд 541. – Воп. 1. – Спр. 2250. Списки ремесленных мастерских Новогрудского воеводства за 1928 г.
11. Odlianicki-Poczobutt, S. Województwo Nowogródskie / S. Odlianicki-Poczobutt. – Wilno: Nakladem Wilenskaj Izby Rolniczej, 1936. – 497 s.
12. ДАБВ, Фонд 1. – Воп. 1. – Спр. 361. Положение о правилах предоставления гражданам прав на содержание промышленных предприятий, 1937.
13. ДАБВ, Фонд 1. – Воп. 1. – Спр. 331. Циркуляр Министерства промышленности и торговли о предоставлении гражданам прав на содержание уличных фотографий, 1936.
14. ДАБВ, Фонд 1. – Воп. 3. – Спр. 768. Решение Полесского воеводы, заявления граждан об открытии ремесленных предприятий в Столинском повете с планами. – 1924 – 1937
15. ДАБВ, Фонд 1. – Воп. 2. – Спр. 3643. Переписка на заявления отдельных лиц о открытии кузницы, пекарни и столярни, 1937.
16. Памяць: Гіст-дакум. хроніка Зэльвенскага р-на. – Мінск: “Паліграфармленне”, 2003. – 501 с.
17. ДАГВ, Фонд 541. – Воп. 1. – Спр. 674. Документы о выдаче ремесленных карт 02 декабря 1922 – 05 сентября 1929 г.
18. Раманава, І. Мір: гісторыя мястэчка, што расказалі яго жыхары / І. Раманава, І. Маркоўская. – Вільня: ЕГУ, 2009. – 248 с.
19. ДАБВ, Фонд 1. – Воп. 1. – Спр. 655. Решение Полесского воеводского управления, заявления граждан о предоставлении прав на открытие промышленных предприятий и торговлю оружием в Лунинецком, Камень-Каширском, Косовском и Полесских поветах, 1932 г. – 109 л.
20. Polesie. Opis wojskowo-geograficzny i studjum terenu / z przedmową inz. H.Bagińskiego. – Warszawa: Wojskowy instytut naukowo-wydawniczy, 1930. – 457 s.
21. Marczak, M. Pzewodnik po Polesiu / M. Marzak. - Brześć, 1935. – 156 c.
22. Польскі бізнэс-справачнік. 1929. [Электронны рэсурс] / Іўе. Забалаць. – Рэжым доступа: http://www.shtetlinks.jewishgen.org/Lida-District/iwje29.htm. - Дата доступа: 02.02.2010.
23. ДАБВ, Фонд 1. – Воп. 1. – Спр. 760. Сведения о количестве ремесленников по поветам за 1929 г.
24. Krol, B. Szkola jako instytucia wychowawcza w srodowisku małomiasteczkowym (na tle konkretnego środowiska małomiasteczkowego – Iwieniec / B.W. Krol. – Białystok, 2000. – 129 s.
25. ДАБВ, Фонд 1. – Воп. 1. – Спр. 391. Отчет Брестской ремесленной палаты о состоянии ремесел в Полесском воеводстве за 1936 г.
26. Зямчонак, І.П. Мястэчка пры гасцінцы / І. П. Зямчонак. – Мінск: Беларусь-Інфарм-Сэрвіс, 1995. – 129 с.

Ганна Станіславаўна Вайцешчык, магістр гістарычных навук, аспірантка кафедры гісторыі Беларусі ГрДУ імя Янкі Купалы. Даследуе гісторыя мястэчак Заходняй Беларусі міжваеннага перыяду. Навуковы кіраўнік: кандыдат гістарычных навук, прафесар І.П.Крэнь.

УДК 94(476).044. 1943 - 1991.

Віктар Белазаровіч (Гродна)

ЭКАНАМІЧНАЯ РОЛЯ ГАРАДОЎ ЗАХОДНЯГА РЭГІЁНА БЕЛАРУСІ Ў ДРУГОЙ ПАЛОВЕ XX СТ.

В статье прослеживается взаимосвязь между процессом урбанизации в западном регионе Беларуси и индустриальным развитием региона. Выделены особенности и специфика незавершенной урбанизации, в т.ч. ее сельский характер.

У навуковай літаратуры савецкага перыяду, асабліва даваеннага, пад тэрмінам «урбанізацыя» разумелі «характэрны для капіталізму працэс канцэнтрацыі прамысловасці ў буйных гарадах». Тым самым адмаўлялася існаванне аналагічнай з'явы ў СССР. Але паступова стала фарміравацца разуменне, што горад – гэта шматгранны сацыяльны механізм, які складаецца з узаемазвязаных падсістэм (матэрыяльнай, тэрытарыяльнай, эканамічнай і сацыяльнай і г.д.). Праўда, галоўнай рысай любага горада і яго пейзажа па сённяшні дзень лічыцца эканамічная (прамысловая) складаючая. Падобны падыход абумоўлены склаўшымся сінанімічным падыходам: «горад» – «індустрыялізацыя». Даследчыкі прыйшлі да высновы, што ўрбанізацыя ў XX ст. развівалася на аснове індустрыялізацыі, якая мела дзяржаўны характар.

Прамысловасць вызначала характар як адносна «старых» гарадскіх пасяленняў, так і новых «маладых» гарадоў. Многія з іх сталі дадаткам да пэўнага завода або фабрыкі, т.зв. «спальнымі вагонамі» пры прадпрыемствах.

Заходні рэгіён Беларусі традыцыйна захоўваў аграрны характар. Пасля яго ўз'яднання з БССР склалася дылема: аграрны Захад і прамысловы Усход. Сучасныя даследчыкі адзінадушны ў сваёй выснове аб індустрыяльным адставанні заходняй часткі БССР ад усходняй і нават вызначаюць тэрмін – 20 гадоў [7].

Да 1950 г. планавалася павялічыць удзельную вагу заходніх абласцей з 9,1 % (1940 г.) да 22,6 %. У асноўным сродкі ўкладываліся ў аднаўленне, рэканструкцыю «старых» прадпрыемстваў і будаўніцтва новых. Напрыклад, у Гродзенскай вобласці было адноўлена і пабудавана 500 прамысловых прадпрыемстваў, але большасць іх вызначалася нізкай канцэнтрацыяй вытворчасці. У цэлым, аб'ём прамысловай прадукцыі ў заходніх абласцях Беларусі ў 1950 г. перавысіў узровень 1940 г. амаль у 2 разы.

Ужо тады адчувалася неабходнасць паскарэння тэхнічнага прагрэсу. 50-я гг. XX ст. прайшлі пад уплывам навукова-тэхнічнай рэвалюцыі. Гэта быў

якасна новы этап у развіцці прадукцыйных сіл, які характарызаваўся пераходам ад комплекснай механізацыі і частковай аўтаматызацыі вытворчых працэсаў да іх комплекснай аўтаматызацыі на аснове шырокага выкарыстання электраэнергіі, хімізацыі ўсіх галін народнай гаспадаркі, спецыялізацыі, канцэнтрацыі, кааперавання і камбінавання прадпрыемстваў.

На XXI з'ездзе КПСС у 1959 г. ішла гаворка пра неадходнасць зрабіць рашучы рывок у эканамічным развіцці – дагнаць і перагнаць развітыя капіталістычныя краіны па вытворчасці прадукцыі на душу насельніцтва. У гэты час значны ўплыў на развіццё гарадской эканомікі заходняга рэгіёна Беларусі аказаў першы сакратар ЦК КПБ К.Т. Мазураў, які пачынаў у Заходняй Беларусі ў перадваенныя гады сваю камсамольскую дзейнасць. У адрозненне ад папярэднікаў ён захапляўся такой канцэпцыяй навукова-тэхнічнага прагрэсу, якая б ахоплівала ў цеснай узаемасувязі ўсе галоўныя беларускія гарады. Таму ён прапанаваў спачатку ў Мінску, а затым і ў Маскве зрабіць адначасовае размяшчэнне магутных прамысловых гігантаў – Салігорскага ў Мінскай і азотнатукавага – у Гродзенскай абласцях [1, с. 153].

На 60 – 70-я гг. XX ст. прыпадае фарсіраванная індустрыялізацыя ў заходніх абласцях рэспублікі. Прычым галоўная ўвага надавалася перадавым у тэхналагічным плане вытворчасцям – хімічнай і радыёэлектроннай. У Брэсцкай вобласці ў развіццё прамысловасці было ўкладзена 196,7 млн рублёў. Індустрыяльны воблік горада і прылягаючага рэгіёна сталі фарміраваць электрамеханічны завод, электралампавы завод, дывановы камбінат, завод па вытворчасці газавай апаратуры, Бярозаўская ГРЭС, Баранавіцкі баваўняны камбінат, Пінскі камбінат верхняга трыкатажу. У Гродзенскай вобласці толькі за 1960-я гг. пабудавалі 43 новых буйных прадпрыемстваў. За палову месяца яна выпускала прадукцыю ў аб'ёме за ўвесь 1940 год.

Да 1970-х гг. у БССР склаўся Заходні эканамічны раён. Па тэрыторыі ён займаў другое месца ў рэспубліцы (58 тыс. кв. км) пасля Цэнтральнага і Паўднёва-Усходняга. Для яго была характэрна густая сетка чыгуначных і шашэйных дарог, што вызначыла транзітны характар перавозак. У сістэме народнай гаспадаркі Заходні эканамічны раён доўгі час уяўляў шматгаліновы аграрна-прамысловы комплекс са спецыялізацыяй на вытворчасці мяса-малочнай прадукцыі, са шматбакова развітай прамысловасцю, якая пераапрацоўвала сельскагаспадарчую сыравіну (харчовая, часткова лёгкая), лясныя запасы (вытворчасць мэблі, лесапіленне, фанерна-запалкавая), мясцовую мінеральную сыравіну. За 1960-я гг. спецыялізацыя раёна ўзмацнілася за лік вытворчасці азотных угнаенняў, пластмасы, прадукцыі машынабудавання, лёгкай прамысловасці. Унутры Заходняга эканамічнага раёна вылучыліся эканамічныя падраёны з рэгіянальнымі цэнтрамі – Брэст з Кобрынам; Пінск з Лунінцом; Гродна, Баранавічы са Слонімам, Лідай [9, с. 270–273].

Узровень прамысловага развіцця заходняга эканамічнага рэгіёна адлюстраваны ў табліцы 1.

Табліца 1 – Суадносіны прамысловай дзейнасці абласцей БССР

Вобласці	Удзельная вага ў насельніцтве, %	Прадукцыя прамысловасці на душу насельніцтва, % да рэспубліканскага ўзроўня		Капіталаўкладанні, % (1950 – 1966 гг.)	Сярэднегадавыя тэмпы прыросту (1951 – 1968 гг.)
		1955 г.	1970 г.		
Брэсцкая	14,4	54,2	72,0	10,6	13,25
Гродзенская	12,4	57,6	73,5	8,5	12,75
Віцебская	15,2	105,7	112,8	14,7	12,3
Гомельская	17,0	115,6	90,7	16,2	11,05
Мінская	17,0	58,7	59,1	15,3	11,2
Магілёўская	13,6	92,7	79,2	11,7	11,05
г.Мінск	10,4	444,6	262,0	23,0	16,2

Рыхтуючыся да прыняцця планаў Х-й пяцігодкі, урад СССР упершыню прызнаў неабходнасць улічваць у народнагаспадарчых планах гістарычнае мінулае асобных рэспублік. Сярод іх былі вылучаны Заходняя Украіна і Заходняя Беларусь. Кіраўнікі Гродзенскай і Брэсцкай абласцей выкарысталі гэта, каб вырашыць праблемы сваіх гарадоў і раёнаў. Упершыню ў лютым 1976 г. на XXVIII з’ездзе КПБ яны ўзнялі праблему пэўнай адсталасці сваіх абласцей ад іншых, якія склаліся гістарычна і на якія не звярталі ўвагі вышэйшыя партыйныя і дзяржаўныя органы БССР. Так, удзельная вага Гродзенскай вобласці ў прамысловым развіцці БССР у той час складала толькі 8,7 %. Гродзеншчына магла палепшыць сваё эканамічнае становішча толькі пры станоўчым вырашэнні пытання аб размяшчэнні на яе тэрыторыі новых прадпрыемстваў, павышэнню ўзроўню індустрыялізацыі. Праблемы ўскладняліся і тым, што многія ведамствы рэспублікі фактычна бралі пад кантроль эканамічнае развіццё вобласці, а гэта не заўсёды ўлічвала інтарэсы тэрыторыі, нараджала непатрэбныя ўзгадненні, дыскусіі і нават памылковыя рашэнні. Кіраўніцтва вобласці ЦК і Савет Міністраў БССР перадаць пытанні планавання капітальных укладанняў, зацвярджэння тытульных спісаў па аб’ектах сацыяльнага значэння аблвыканкаму [1, с. 156].

Новых падыходаў да планавання патрабавала і Брэсцкая вобласць. За гістарычна кароткі тэрмін яна з аграрнай ператварылася ў індустрыяльна-аграрную. Але ўдзельная вага вытворчасці ў агульнарэспубліканскім аб’ёме, як і ў Гродзенскай вобласці, заставалася нізкай. Дапускаліся пралікі ў размяшчэнні вытворчых сіл. Дзяржплан, некаторыя міністэрствы і ведамствы

часта пытанні будаўніцтва новых прадпрыемстваў і рэканструкцыі старых вырашалі без дадатковага навуковага абгрунтавання і ўліку перспектывы. Гэта выклікала нерытмічную работу прадпрыемстваў, падаражанне прадукцыі, зніжэнне яе якасці. Такое размяшчэнне прамысловых прадпрыемстваў тармазіла спецыялізацыю, канцэнтрацыю сельскагаспадарчай вытворчасці. Аналагічнае становішча існавала ў Пружанскім, Маларыцкім і іншых раёнах. Нельга было лічыць нармальным становішча, калі ў шэрагу раёнаў Брэсцкай вобласці – Давыд-Гарадоцкім, Іванаўскім, Драгічынскім – тысячы людзей не былі ўцягнуты ў грамадскую працу.

У дадатак, 63 % усёй прадукцыі Брэсцкай вобласці прыпадала на долю лёгкай і харчовай прамысловасці. У выніку ўтварыліся пэўныя дыспрапорцыі ў выкарыстанні жаночай і мужчынскай працы, гэта значыць, і ва ўзроўнях заработнай платы, якая ў той час была на 7 % ніжэй, чым у сярэднім па БССР. Ліквідаваць гэта можна было толькі шляхам размяшчэння прадпрыемстваў машынабудаўнічай, электрабудаўнічай і электроннай прамысловасці. Кіраўніцтва вобласці зноў звярнулася ў Мінск з просьбай разгледзець гэта пытанне і больш грунтоўна выявіць перспектывы развіцця Брэстчыны, кожнага горада, раёна з улікам сыравінных і працоўных рэсурсаў. Толькі некаторыя прапановы знайшлі тады падтрымку, пераважна ў сельскагаспадарчым сектары [1, с. 156].

Да канца 80-х гг. была падрыхтавана транспартная і іншая інфраструктура для імклівага росту тэмпаў урбанізацыі заходніх абласцей: пабудаваны буйныя міжнародныя аэрапорты ў Брэсце і Гродне (не дабудаваны), новы буйны рачны порт у Брэсце, новыя чыгуначныя вакзалы ў Гродне і Брэсце, часткова рэканструявана чыгуначная сетка, напрыклад, электрыфікаваны яе ўчастак ад Брэста да Мінска, пабудаваны новыя аўтадарогі міжнароднага ўзроўня («алімпійская бетонка») і інш. Згодна намечаным тады Генеральным планам развіцця гарадоў Бреста і Гродна, іх насельніцтва павінна было за 10–15 гадоў вырасці з 300 да 460 тысяч чалавек. Пакуль рыхтавалі інфраструктуру для прамысловага ўздыму, Брэсцкая і Гродзенская вобласці спецыялізаваліся на сельскагаспадарчай вытворчасці, якая была разлічана на гарады ўсходняй часткі рэспублікі і сталічныя цэнтры СССР (Масква і Ленінград). Былі ўкладзены велізарныя сродкі ў дзве асноўныя праграмы: меліярацыі Палесся і будаўніцтва да 20 жывёлагадоўчых комплексаў. У выніку тут у 1987 г. не было ні воднага нерэнтабельнага калгаса пры адсутнасці прамых датацый з дзяржаўнага бюджэту. Але завяршыць індустрыялізацыю заходняга рэгіёна Беларусі ў XX стагоддзі не здолелі. Прычынай стаў распад СССР і наступіўшы крызіс савецкай эканамічнай мадэлі.

У 1991–1995 гг. ва ўмовах крызісных з’яў у эканоміцы ў Гродзенскай вобласці аб’ём прамысловай прадукцыі панізіўся на 33 %, асабліва вялікі спад адбыўся ў хімічнай (на 63 %) і лёгкай (на 42 %) прамысловасці, галіны вытворчасці будаўнічых матэрыялаў (на 44 %) [5, с. 424]. Такая ж сітуацыя была характэрна і для Брэсцкай вобласці [4, с. 291].

Эканамічны рост, які пачаўся ў Беларусі ў 1996 г. нягледзячы на даволі працяглае і істотнае павышэнне ўзроўню інфляцыі, працягваўся, даючы штогод 3–11 % прыросту ўнутранага валавага прадукту [2, с. 187]. У 1990-я гг. асноўны прамысловы патэнцыял Гродзенскай вобласці быў сканцэнтраваны ў шматгаліновых цэнтрах: Гродне, Лідзе, Слоніме, Навагрудку, Ваўкавыску, Смаргоні. У Гродне выпускаліся азотныя ўгнаенні, капралактам, капронавае валакно, разнастайная машынабудаўнічая прадукцыя, шарсцяныя тканіны, баваўняная пража і ніткі, швейныя вырабы, абутак, тытунёвыя вырабы і інш. У Лідзе была размешчана вытворчасць сельскагаспадарчых машын, аўтобусаў, лакаў і фарбаў, электратэхнічных вырабаў, абутку, харчовых канцэнтратаў, піва і інш. Слонім стаў вядомы прадукцыяй камвольна-прядзільнай фабрыкі і кардонна-папяровага завода; Ваўкавыск – заводам дахавых і будаўніча-аддзелачных машын, малочна-кансервавым камбінатам дзіцячых прадуктаў, а таксама размешчаным паблізу аб’яднаннем “Ваўкавыскцэментнашыфер”; Навагрудак – заводам газавай апаратуры, металаапрацоўчым аб’яднаннем, прадпрыемствамі лёгкай і харчовай прамысловасці; Смаргонь – машынабудаваннем, камбінатам сілікатабетонных вырабаў. Шырокую вядомасць набыла прадукцыя шклозавода “Нёман” у Бярозаўцы Лідскага раёна. Самым буйным прадпрыемствам дрэваапрацоўчай прамысловасці стала вытворчае аб’яднанне “Мастоўдрэў” [5, с. 425].

Прамысловы патэнцыял Брэсцкай вобласці ў 1990-я гг. уключаў каля 3 тыс. прадпрыемстваў [4, с. 161]. Яны выраблялі ўсе беларускія электралямпы і газавыя пліты, амаль усё тэхналагічнае абсталяванне для лёгкай прамысловасці, гандлю і грамадскага харчавання, для ліцейнай вытворчасці, кавальска-прэсавае абсталяванне, больш за 80 % электрарухавікоў і баваўняных тканін, больш за 40 % панчошна-шкарпэткавых вырабаў, больш за 30 % дываноў і дывановых вырабаў, больш за 35 % цукру, каля 30 % кансерваў, 27 % драўнінна-стружкавых пліт, каля 20 % клеенай фанеры [4, с. 291].

Індустрыяльнае развіццё заходняга рэгіёна ажыццяўлялася не толькі за кошт дзяржаўных матэрыяльна-тэхнічных рэсурсаў, але і шляхам паглынання людскіх рэсурсаў з вёскі. Сведчаннем гэтага могуць быць дадзеныя табліц 2 і 3, якія адлюстроўваюць змяненне колькасці гарадскога насельніцтва ў заходніх абласцях Беларусі [10, с. 38].

Табліца 2 – Дынаміка колькасці гарадскога насельніцтва заходняга рэгіёна Беларусі

Вобласці	Рост колькасці і размеркаванне гарадскога насельніцтва ў							
	1940 г.		1950 г.		1985 г.		2000 г.	
	тыс. чал.	%	тыс. чал.	%	тыс. чал.	%	тыс. чал.	%
Брэсцкая	209,3	10,9	202,6	12,5	728,9	12	902,2	13
Гродзенская	206,6	10,7	162,5	10	593,6	9,8	741,1	10,6

Асабліва хутка гэты працэс пачаў развівацца з 60-х гг. XX ст., калі паскараецца ўнутраная міграцыя насельніцтва з вёскі ў горад [10, с. 38].

Табліца 3 – Дынаміка колькасці сельскага насельніцтва заходняга рэгіёна Беларусі

Вобласць	Дэмаграфічныя страты сельскага насельніцтва ў							
	1940 г.		1950 г.		1985 г.		2000 г.	
	тыс. чал.	%	тыс. чал.	%	тыс. чал.	%	тыс. чал.	%
Брэсцкая	1016,0	14,3	985,3	16,2	682,1	17,7	582,9	18,9
Гродзенская	1046,1	14,6	963,2	15,8	561,5	14,5	444,1	14,4

Паказчыкі заходніх абласцей Беларусі па скарачэнню сельскага насельніцтва амаль у 2 разы большыя за Мінскую і Віцебскую вобласці, дзе агульныя страты сельскага насельніцтва склалі адпаведна 17,9 и 17,7 %. Паскораная дынаміка роста захоўвалася да сярэдзіны 90-х гадоў. Складаныя сацыяльна-эканамічныя ўмовы, абвастрэнне экалагічнай сітуацыі ў выніку аварыі на Чарнобыльскай АЭС выклікалі павелічэнне натуральных страт, асабліва сярод сельскага насельніцтва, доля якога самая высокая па рэспубліцы (37 %). Абсалютныя і адносныя паказчыкі страт сельскага насельніцтва ў Гродзенскай вобласці былі вышэй, чым у Брэсцкай у 1,3 разы. Таму Гродзенская вобласць не дасягнула даваеннай колькасці насельніцтва.

Міграцыйныя патокі садзейнічалі «разбаўленню» карэнных гараджан, пэўнай маргіналізацыі горада. Выхадцы з вёскі цяжка ўспрымалі «чужую» гарадскую культуру. Прычым іх адаптацыя зацягнулася на два-тры пакаленні. Маргіналы сталі глебай для крыміналізацыі і сацыяльнай паталогіі. Горад прыцягваў сельскае насельніцтва не толькі патрэбамі эканомікі, але і лепшымі сацыяльнымі ўмовамі жыцця. Вынікам стаў заняпад вёскі, а горад усё больш «абсяляніваўся» [14, с. 110–111].

Відавочна, што незавершаная індустрыялізацыя садзейнічала захаванню сельскіх рысаў у заходнебеларускіх гарадах. Гэта было абумоўлена яшчэ і тым, што большасць гарадоў узніклі з мястэчак. Таксама многія гарады паглынулі навакольныя вёскі. У большасці гарадскіх цэнтраў захавалі раёны з сельскай аднапавярховай забудовай, агародамі і г.д.

Сельскагаспадарчыя заняткі гараджан буйных цэнтраў – гэта вынік нестабільнай эканамічнай сітуацыі, калі паўстала праблема самапракорму. У гэтым заключаецца галоўнае адрозненне ад Заходняй Еўропы і ЗША, дзе сельскагаспадарчыя заняткі гараджан вызначаюць вытворчы профіль горада.

Зразумела, што гарады захавалі характар «паўфабрыкату» паміж класічным горадам і сельскім пасяленнем. Але тут трэба ўлічваць і адміністрацыйны фактар. Быў відавочны дэфіцыт гарадоў на ролю раённых цэнтраў, што прывяло да фарміравання «сельскіх» гарадоў і «гарадоў-карлікаў». Асабліва гэты працэс быў характэрны для т.зв «малых» гарадоў. Імі сёння лічацца гарады і пасёлкі гарадскога тыпу з колькасцю жыхароў да 20 тысяч чалавек. У 1999 г. у Беларусі іх налічвалася 172 з 212 гарадскіх

пасяленняў. Нават знешні выгляд «малых» гарадоў сведчыць аб сінтэзе элементаў горада з сельскім пейзажам.

Можна сцвярджаць, што сістэма гарадскога рассялення не атрымала завершанасці і да канца не аформілася. Але сельскія рысы гарадоў не зрабілі айчынную урбанізацыю квазіўрбанізацыяй. Апорнымі цэнтрамі гарадской сеткі па-ранейшаму з'яўляюцца сярэднія гарады з колькасць жыхароў ад 50 да 99,9 тысяч чалавек [6, с. 24–26].

Табліца 4 – Дынаміка колькасці насельніцтва абласных цэнтраў заходняга рэгіёна Беларусі

Вобласць	Доля насельніцтва абласных цэнтраў, %					
	1939 г.	1959 г.	1970 г.	1979 г.	1989 г.	1999 г.
Брэсцкая вобласць	3,4	6,3	9,5	13,0	17,7	19,3
г. Брэст	20,2	26,1	27,1	28,8	31,3	31,7
Гродзенская вобласць	4	6,8	11,8	17,2	23,1	25,4
г. Гродна	24,5	29,1	35,8	39,3	40,4	40,7

Спіс літаратуры

1. Бараноўскі, Я. Заходнебеларускі рэгіён: асаблівасці эканамічнага і духоўнага развіцця ў 1960 – 1980-я гады / Я.Бараноўскі, В.Селяменеў // Назаўсёды разам : Да 60-годдзя ўз'яднання Заходняй Беларусі з БССР. – Мінск : БелЭн, 1999. – С. 151 – 158.
2. Беларусь у сацыяльна-эканамічных і грамадска-палітычных працэсах 1946–2006 гг. / навук. рэд. М.П.Касцюк. – Мінск : Беларус. навука, 2007. – 215 с.
3. Дубко, А. З надзеяй на будучыню / А.Дубко // Назаўсёды разам : Да 60-годдзя ўз'яднання Заходняй Беларусі з БССР. – Мінск : БелЭн, 1999. – С. 163–166.
4. Казлоўская, Л.В. Брэсцкая вобласць / Л.В.Казлоўская // Беларуская энцыклапедыя : у 18 т. / Рэдкал.: Г.П.Пашкоў [і інш.]. – Мінск : БелЭн, 1996. – Т. 2 : Беларусы – Варанец. – С. 290–292.
5. Казлоўская, Л.В. Гродзенская вобласць / Л.В.Казлоўская // Беларуская энцыклапедыя : у 18 т. / Рэдкал.: Г.П.Пашкоў [і інш.]. – Мінск : БелЭн, 1997. – Т. 5 : Гальцы – Дагон. – С. 423–425.
6. Красоўскі, К.К. Урбанізацыя Беларусі на мяжы тысячагоддзяў / К.К.Красоўскі // Геаграфія: праблемы выкладання. – 2002. – № 4. – С. 20–27.
7. Красовский, К.К. Урбанизация в Беларуси: экономико-географический анализ / К.К.Красовский. – Брест : Изд-во БрГУ, 2004. – 203 с.
8. Лебедев, С.В. Белорусский феномен / С.В.Лебедев, Г.В.Стельмашук // Режим доступа: http://www.rusk.ru/st.php?idar=110217 – Дата доступа: 02.11.2006; Шевцов Ю. Белорусские регионы и угроза стабильности в государстве / Ю. Шевцов // Режим доступа: bdg.press.net.by/1997/97_08_11.395/11/htm – Дата доступа: 02.11.2006.
9. Лис, А.Г. Проблемы развития и размещения производительных сил Белоруссии / А.Г.Лис. – М.: Мысль, 1972. – 276 с.
10. Манак, Б.А. Регионы Беларуси: характер динамики населения во второй половине XX века / Б.А.Манак, Е.А.Антипова // Социология. – 2003. – № 2. – С. 30–43.
11. Марченко, И.Е. Трудовой подвиг рабочего класса Белорусской ССР (1943–1950 гг.) / И.Е.Марченко. – Минск : Наука и техника, 1997. – 248 с.
12. Польский, С.А. Урбанизация в Белорусской ССР : учеб.-метод. пособие / С.А.Польский. – Минск : Минский педин-т им. М.Горького, 1985. – 87 с.

13. Сасім, А.М. Прамысловасць / А.М.Сасім // Беларуская энцыклапедыя : у 18 т. / Рэдкал.: Г.П.Пашкоў [і інш.]. – Мінск : БелЭн, 2004. – Т. 18 : Рэспубліка Беларусь. – С. 304 – 307.
14. Сенявский, А.С. Урбанизация России в XX веке : роль в историческом процессе / А.С.Сенявский. – М.: Наука, 2003. – 286 с.

Виктор Александрович Белозорович, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории Беларуси ГрГУ им. Янки Купалы. Сфера научных интересов: историография истории Беларуси, аграрная история новейшего времени.

УДК 94 (476). 1943 - 1991.

Ростислав Тимофеев (Витебск)

ВЛИЯНИЕ ПРОЦЕССОВ УРБАНИЗАЦИИ НА РАЗВИТИЕ ТРАНСПОРТА БЕЛАРУСИ В 1970-80-Е ГГ.

Статья показывает влияние процессов урбанизации на развитие транспорта Беларуси в 1970-80-е гг. В ней отмечено состояние транспортного обслуживания городского населения республики автотранспортом и электротранспортом, обращено внимание на причины появления транспортных проблем в городах, выделены попытки их решения.

В БССР в 1970-80-е гг. быстро росли индустриальные центры. За эти годы на карте республики появились новые города, а старые раздвинули границы и неузнаваемо изменили свой облик. И конечно же, рост любого города неизбежно был связан с развитием городского транспорта. Строительство в городах крупных предприятий, жилы микрорайонов, расположенных подчас на значительном удалении от места работы, породило необходимость массовых внутригородских перевозок. Люди пользовались и пользуются городским транспортом не только для поездок на работу и домой. К его услугам они обращались и в дни отдыха, намереваясь посетить театр и кино, клуб или магазин, навестить родных и друзей, отдохнуть в парке, за городом. Пассажирский транспорт был и остаётся одним из важнейших звеньев городского хозяйства, от него во многом зависит повседневная жизнь любого горожанина.

Проблема транспорта для большинства белорусских городов в 1970-80-е гг. была одной из наиболее острых. Достаточно сказать, что в Новополоцке поездка на работу в 1970 г. была так же продолжительна, как в Москве. Поэтому в часы «пик» транспорт был чрезвычайно перегружен, а в так называемое межпиковое время недогружен больше, чем в крупном городе. Всё это приводило к нерентабельности городского транспорта и к большому неудобству для населения [1, с. 23]. Потребности городского населения в перевозках удовлетворялись не полностью. В органы власти всех уровней в изучаемый период поступало немало жалоб и нареканий на большие потери времени на поездки, перегруженность подвижного состава, его низкое техническое состояние, неудовлетворительную культуру обслуживания.

В целях разрешения подобных транспортных проблем властями городов в 1970-е гг. большое внимание уделялось определению факторов, которые характеризовали общую транспортную подвижность населения. Изучалось и анализировалось нахождение мест приложения труда, уровень автомобилизации.

Оценка уровня транспортного обслуживания населения различных зон города проводилась с учётом таких значений как затраты времени на передвижение с различными целями; процентное отношение передвижений с затратами времени в пределах 30-45-минутного норматива; возможность пользования транспортом. Сюда же включалось изучение возможности сообщения с объектами культурно-бытового назначения, эффективность работы пассажирского транспорта, уровень загрузки основных узлов транспортной сети, относительная аварийность основных магистралей города, уровень транспортного шума [2, с. 34].

В 1970-е гг. существовал недостаточный уровень благоустройства сети городских автодорог, что отрицательно сказывалось на возможностях повышения скоростей сообщения на маршрутах и плотности сети пассажирских коммуникаций. Недостаточное развитие системы транспорта больших городов приводила к использованию заказных автобусов, автотранспорта промышленных предприятий [3, с. 20]. Для выхода из сложной ситуации в 1970-е г. республиканскими и городскими властями БССР производилась реконструкция сети автомагистралей, увеличивалась средняя плотность линий массового пассажирского транспорта на белорусской территории, расширялась скорость движения транспорта за счёт организации экспрессных маршрутов, улучшения взаимодействия различных видов городского транспорта.

Сложности с транспортным обслуживанием населения увеличивались соответственно росту городов. По вине транспортников во многих городах, в том числе и крупных, рабочие вечерних смен в 1970-е гг. нередко были вынуждены уходить раньше времени и опаздывали в ночные смены, у них нарушался режим труда и отдыха [4, с. 59]. Для решения подобного вопроса властями производилось приспособление графиков движения всех видов транспорта к сменным режимам предприятий и усиление его интенсивности в часы «пик». То есть экономическими методами решить транспортный вопрос в городе не удавалось.

В связи с непрерывным строительством и развитием городов транспортниками и плановыми комиссиями облисполкомов велась непрерывная работа по изучению пассажиропотоков и на этой основе осуществлялось совершенствование транспортной сети и интенсификации движения на маршрутах, особенно в Минске, с целью полного удовлетворения населения в перевозках.

В то же время разобщенные между собой маршруты различных видов городского транспорта, что было частым явлением, чрезмерно дальние проходы от жилых домов к остановкам автобуса, троллейбуса, трамвая, заставляли городское население республики тратить впустую много лишнего времени и сил на поездку. Всё это в результате могло сводить на нет преимущества скоростных средств передвижения.

С каждым годом всё шире развивался электротранспорт, который не ухудшал экологическую обстановку в городах, и поездка на нём была значительно дешевле чем на автотранспорте. В 1970 г. положение трамвая в отношении его материально-технического роста почти стабилизировалось, а троллейбус продолжал энергично развиваться [5, с. 26].

Протяженность эксплуатационного троллейбусного пути в городах БССР по состоянию на 1 января 1978 г. составила 429,3 км. Темпы прироста линий троллейбуса в республике опережали общесоюзные. Троллейбус развивался в Минске, Могилеве, Гомеле и Гродно, что с благодарностью оценили пассажиры этих городов. Его машины перевозили в тот период за год до 414 млн. человек [6, с. 4].

Новые маршруты троллейбуса развивались с учетом обеспечения транспортной связью жилых микрорайонов с центрами городов и крупными промышленными предприятиями. В конце 1970-х гг. открылось троллейбусное движение в Витебске и Бобруйске, и поэтому с вводом новых коммуникаций объем пассажирских перевозок еще более возрос. Быстроходные комфортабельные машины не только сберегали время населения, но и позволили ощутимо сократить количество автобусных маршрутов и вредные выбросы машин.

Благодаря совершенствованию диспетчерских и аварийных служб, внедрению технических средств связи, ликвидации излишних остановочных пунктов, совершенствованию средств регулирования и строительству подземных пешеходных переходов движение электротранспорта стало в 1980-е гг. более регулярным, повысилась его скорость [7, с. 177]. Но были у троллейбуса и свои трудности. На многих маршрутах его машины с 1981 г. ходили с интервалом всего в 1-3 минуты. Поэтому, любая задержка – транспортная пробка, автомобильная авария, обрыв контактной сети и даже остановка у светофора вызывала в их движении сбои. А срыв графика приводил к неравномерной нагрузке на подвижный состав, отражался на зарплате водителей [8, с. 2].

Успешное развитие городов республики было невозможно без расширения дорог. Поэтому в условиях интенсификации промышленного производства эффективное функционирование автодорожной сети приобрело особую роль, способной обеспечивать наиболее быструю доставку грузов автотранспортом от производителя к потребителю без промежуточных транспортных операций и дополнительных затрат. Подобно кровеносным артериям дороги обеспечивали весь комплекс деятельности промышленного организма республики, решали социальные задачи в городе, создавали условия для успешного труда и активного отдыха населения [9, с. 3].

Важной проблемой было ежегодное увеличение убытков автотранспортных предприятий из-за роста городов, так как увеличивалась протяженность маршрутов, автомобильный парк обновлялся комфортабельными, дорогостоящими машинами. И чтобы хоть как-то сократить растущие убытки, многие автотранспортные предприятия вынуждены были в конце 1970-х гг. сокращать количество машин на линии, что ухудшало обслуживание пассажиров [10, с. 2]. Такая ситуация была и на электротранспорте.

В связи с неудовлетворительной организацией продажи проездных билетов и талонов на все виды городского транспорта, недостаточным контролем за работой подвижного состава на линии, в 1979 г. имела место значительная потеря доходов из-за бесплатного проезда пассажиров. Так в период проверки, произведённой по инициативе комиссии по транспорту и связи Верховного Совета БССР, в троллейбусах г. Минска было выявлено 9,3 %, в трамваях – 13 % и в автобусах – 21,5 %, безбилетных пассажиров [11, с. 1]. Такая ситуация была схожей и в других городах БССР. Она создавала дополнительные трудности по обеспечению транспортных потребностей горожан.

Несмотря на трудности транспорт белорусского города развивался. Так, в 92 городах и городских посёлках БССР в 1979 г. действовало внутригородское автобусное сообщение. Услугами автобусов ежедневно пользовалось более 4,2 млн. пассажиров. Население обслуживало также свыше 2,5 тыс. таксомоторов [12, с. 51]. Однако, несмотря на интенсивное строительство путей и дорог, пополнение парка скоростными комфортабельными и вместительными машинами, потребности в перевозках удовлетворялись не полностью.

Трамвайно-троллейбусное управление Минска, городское производственное управление автобусного транспорта и таксомоторный комбинат в 1980-е гг. прилагали немало усилий для успешного выполнения плана перевозок пассажиров при повышении качества их обслуживания. Тем не менее действовавшая в белорусском городе тогда система управления общественным транспортом и организация контроля не отвечали возросшим требованиям, предъявляемым к этой важной сфере хозяйства.

Формы и методы управления городским пассажирским транспортом в 1980-е гг. остались в республике в основном те же, что и десять-пятнадцать лет назад, хотя за это время количественно и качественно изменился парк подвижного состава, расширились границы города, значительно увеличилось население [13, с. 76]. Новым стало то, что в Минске в этот период широко практиковалось проведение укороченных маршрутов электротранспорта по направлению максимальных пассажиропотоков и переброска подвижного состава с одного маршрута на другие с учётом типовых нагрузок.

Характерной чертой Минска в изучаемый период был быстрый рост численности жителей. Вместе с другими факторами это сказалось и на высокой транспортной подвижности его населения, которая в 1982 г. составила 710 маршрутных поездок в год на одного горожанина. Тем не менее, не смотря на значительное увеличение территории Минска, плотность сети линий пассажирского транспорта также выросла.

В 1980 г. объём перевозок городским массовым пассажирским транспортом Минска достиг 960 млн. пассажиров. Он распределился следующим образом: трамвай – 10 %, троллейбус – 41 %, автобус – 49 %. Трамваем в 1980 г. в Минске было перевезено 96 млн. человек, троллейбусом - 394 млн., автобусом - 470 млн. Протяжённость линий составляла: по трамваю - 21,1 км., троллейбусу - 130 км., автобусу - 1530 км. [14, с. 11]. Однако, ни провозная способность, ни скорости сообщения существовавших видов городского транспорта в тот период к сожалению также не соответствовала требованиям времени.

Продолжали быстрыми темпами развиваться экологически чистые виды городского транспорта. Так, в 1980 г. в шести городах БССР - Гомеле, Гродно, Могилёве, Бобруйске, Витебске и Минске курсировало 800 троллейбусов, из них в столице республики более 500. Общая протяженность троллейбусных линий составляла свыше 500 км. Электрический транспорт осуществлял в 1980 г. до 53 % всех пассажирских перевозок в Минске. На его 37 троллейбусных и 8 трамвайных маршрутах курсировало 700 троллейбусов и трамваев, которые ежедневно проходили свыше 100 тыс. км. и перевозили в сутки более 1 млн. пассажиров [15, с. 6]. Однако, количество населения Минска росло более высокими темпами, и транспорт от него отставал.

В 1980-е гг. трамвайная сеть Минска превратилась в разветвлённую и более совершенную систему, дополнявшую с 1984 г. метрополитен на транспортных участках с большими пассажиропотоками. Трамвай обеспечивал высокую эффективность и комфортабельность пассажирских внутригородских перевозок, по своей мощности в 2 раза превышал автобус и троллейбус, уступая только метрополитену. На загруженных линиях троллейбусы и автобусы работали как основные виды транспорта, а в зоне влияния метрополитена – как подвозящий транспорт. Значительную долю перевозок пассажиров взял на себя легковой автотранспорт.

В 1986 г. на 56 троллейбусных и 10 трамвайных маршрутах Минска работало около 800 троллейбусов и 180 трамваев, которые перевозили за 1 день уже до 1,5 млн. пассажиров [16, с. 6]. Увеличение перевозки троллейбусами было связано также с возросшим уровнем благоустройства городов, так как троллейбус требовал более высокого качества дорожного покрытия по сравнению с автобусом [17, с. 33]. Тем не менее, в 1987 г. до 70 % пассажиров на территории БССР в целом перевозилась автобусами. Общая протяженность автобусных маршрутов составила 288 тыс. км. Выполняя 89,2 тыс. рейсов и подчиняясь жесткому расписанию, ежедневно шли по этим маршрутам около 7 тыс. автобусов. Их ежесуточный пробег составлял 3,7 млн. км, и они каждый день перевозили 5,7 млн. пассажиров – более половины населения республики [18, с. 73]. Особенно важным был автобус там, где электротранспорт отсутствовал, то есть в городах небольшого размера.

Новый вид городского транспорта развивался в столице БССР. Так, Минское метро в 1988 г. давало возможность со скоростью 40-45 км. в час перевозить до 30 тыс. пассажиров в час, чем превосходило все другие виды электротранспорта [19, с. 2]. Внутри городов перевозки пассажиров развивались в 1980-е гг. наиболее быстрыми темпами, что отражало рост их населения по сравнению с сельской местностью [20, с. 17]. Для чёткого соблюдения графиков движения автобусов и контроля за их работой на городских маршрутах БССР внедрялась автоматизированная система управления [21, с. 73]. Но, не смотря на все эти достижения, развитие транспортной сети в изучаемый период отставало от развития белорусских городов, порождая новые трудности для перемещения городского населения.

Процессы урбанизации оказали определяющее влияние на создание перспективной транспортной системы белорусских городов. В основу транспорт-

ной системы в 1970-80-е гг. были заложены: размещение на территории города жилых и промышленных районов, центров обслуживания и рекреационных зон. Развивалась магистральная улично-дорожная структура. Учитывалась ожидаемая нагрузка на транспортную сеть; обеспечение условий комфорта и безопасности поездок; создание единой комплексной системы транспортного хозяйства. Большое внимание было уделено также созданию кольцевых связей между периферийными районами города в обход центра.

Быстрое развитие городского транспорта в 1970-80-е гг. и рост численности населения привели к заметному усложнению в уличном движении, затруднили его организацию и вместе с этим вызвали ряд новых требований к планировке города и его составных элементов. Транспорт подобен своеобразной машине времени: чем она современнее, тем быстрее и эффективнее протекают материальные и социальные процессы в жизни города – производство и торговля, обслуживание населения, работа учебных, научных, просветительных и зрелищных учреждений, передача информации, общение между людьми и отдых и наоборот, если «машина» работает плохо, все эти процессы замедляются, дают сбой.

Список источников и литературы

1. Безлюдов, А.И. Социальная эффективность капитальных вложений в новом городе (на примере Новополоцка) / А.И. Безлюдов // Строительство и архитектура Белоруссии. - 1970. - № 1. - С. 22 - 24.
2. Корнейчик, В.М. Опыт проектирования комплексных транспортных схем / В.М. Корнейчик // Строительство и архитектура Белоруссии. - 1974. - № 4. - С. 34 - 35.
3. Хасдан, И.Г. Особенности межнаселенных пассажирских связей больших и крупных городов Белоруссии / И.Г. Хасдан // Строительство и архитектура Белоруссии. - 1977. - № 4. - С. 20 - 22.
4. Довба, А., Фролов, А. Повышение сменности работы оборудования: опыт, проблемы, пути их решения / А. Довба, А. Фролов // Социалистический труд. - 1977. - № 8. - С. 52 - 67.
5. Трамвай пока не сдаётся // Наука и жизнь. - 1971.- № 12. - С. 26.
6. Акулова, В. Перспективы «чистого» транспорта / В. Акулова // Советская Белоруссия. - 1978. - 5 августа. - С. 4.
7. В постоянных комиссиях Верховного Совета БССР // Собрание законов, указов Президиума Верховного Совета БССР, постановлений, распоряжений Совета Министров БССР . - 1972. - № 12. - С. 176 - 179.
8. Авдеев, А. Что за жалобой, или как повысить культуру обслуживания пассажиров / А. Авдеев // Знамя юности. - 1981. - 13 января. - С. 2.
9. Шарапов, В.И. Автомобильные дороги нашей республики / В.И. Шарапов // Строительство и архитектура Белоруссии. - 1978. - № 1. - С. 3 - 4.
10. Василевский, Ю. Это удобно, но… / Ю. Василевский // Знамя юности. - 1979. - 31 июля. - С. 2.
11. В Совете Министров Белорусской ССР. «О серьезных недостатках в работе городского транспорта республики» // Советская Белоруссия. - 1979. - 2 августа. - С. 1, 3.
12. Алферчик, Н. Автотранспорту – высокую эффективность / Алферчик, Н. // Коммунист Белоруссии. - 1979. - № 2. - С. 51 - 59.
13. Петрович, Э., Шалагин, Л. Городскому пассажирскому транспорту – единое управление / Петрович, Э., Шалагин, Л. // Коммунист Белоруссии. - 1980. - № 7. - С. 76 - 78.
14. Мартынов, В.Л. Развитие транспортной системы / В.Л. Мартынов // Строительство и архитектура Белоруссии - 1982. - № 2. - С. 11 - 12.

15. Сает, М. 500 километров в троллейбусах / М. Сает // За безопасность движения. – 1980. - № 1. - С. 6.
16. Етчик, Е. Как сэкономить ватт? / Е. Етчик // Знамя юности. - 1986. - 9 декабря. - С. 2.
17. Городской электрический пассажирский транспорт // Агитатор. - 1988. - № 1. - С. 33.
18. Круглов, Г. Пассажир и автобус - точки противостояния / Г. Круглов // Коммунист Белоруссии. - 1987. - № 8. - С. 73 - 79.
19. Дроздов, А. Зачем Минску метро? / А. Дроздов // Советская Белоруссия. - 1988. - 10 ноября. - С. 2.
20. Транспорт и связь в новой пятилетке // Плановое хозяйство. - 1986. - № 6. - С. 17 - 26.
21. Круглов, Г. Пассажир и автобус – точки противостояния / Г. Круглов // Коммунист Белоруссии. - 1987. - № 8. - С. 73 - 79.

Ростислав Владимирович Тимофеев, кандидат исторических наук, доцент, Витебский государственный университет имени П.Машерова

УДК 316.654+324] : 325.111 (476)

Светлана Хамутовская (Минск)

ВЛИЯНИЕ УРБАНИЗАЦИИ НА ОЦЕНКУ БЕЛОРУССКИМ ЭЛЕКТОРАТОМ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ И ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ В СТРАНЕ

В статье рассматривается воздействие урбанизация на оценку электоратом Беларуси экономической и политической ситуации в стране. Выявлено наличие взаимосвязи между размером поселения и удовлетворенностью электората экономической и политической обстановкой в государстве. Установлены социальные проблемы, актуальные для населения городов и сел Беларуси.

Урбанизацию, которая сегодня активно осуществляется практически во всех государствах, можно рассматривать и как «конкретно-исторический этап во всемирном развитии общества, и как вполне определенный применительно к каждой стране процесс, характеризующийся становлением и развитием городов» [1, с. 3]. Резкий рост городского населения начался примерно в середине XX века и продолжается в данный момент. Так, к примеру, в период с 1950 по 1970 гг. прирост населения городов в мире составил 85 %, в 1970 – 1990 гг. – 70 % [2, с. 25]. «По прогнозам Организации Объединенных наций, в 2030 году в городах будет проживать 60.3 % населения земного шара» [2, с. 25]. В Республике Беларусь, согласно результатам переписи населения, проведенной в 2009 году Национальным статистическим комитетом, численность городских жителей составила 74.3 % (что на 5 % больше, по сравнению с данными предыдущей переписи), в то время как сельских – всего 25.7 % [3, с. 6]. За последние десять лет в нашей стране возникло 8 новых городов, количество поселков городского типа уменьшилось на 14. Увеличилось число городов, в которых проживает свыше 100 тысяч граждан [4].

При этом, известно, что урбанизация определенным образом сказывается, в первую очередь, на развитии культурной, экономической и политической сфер жизнедеятельности людей. В условиях системной трансформации в на-

шем государстве представляется актуальным выяснение того, какое влияние урбанизация оказывает на оценку электоратом экономической и политической ситуации. В современных демократических странах, каковой провозгласила себя и Республика Беларусь, выборы являются основным механизмом формирования системы политического представительства, позволяют различным социальным общностям модифицировать официальный политический и экономический курс в соответствии с их потребностями, то есть фактически выборы становятся легитимным каналом взаимодействия официальных и неофициальных социально-политических субъектов, в ходе которого достигается экономическая и политическая стабильность.

Исследования, проведенные различными социологическими институтами Беларуси в течение нескольких последних лет, показывают, что размер поселения и удовлетворенность электората экономической и политической ситуацией в государстве взаимосвязаны. С одной стороны, укрупнение населенных пунктов предоставляет их жителям больше различных возможностей, а, с другой, – происходит возрастание антропогенной и техногенной нагрузки, что отрицательно сказывается на социальном самочувствии избирателей.

Например, согласно социологическому мониторингу, проведенному Институтом социологии Национальной академии наук (НАН) Беларуси в 2008 году (республиканская выборка составила 2086 человек), экономическое положение страны, по мнению 4.1 % горожан, существенно улучшилось, по сравнению с предыдущим годом. В сельской среде такой точки зрения придерживалось 7.2 % населения; 27.5 % сельских жителей, что на 9.5 % больше, чем жителей городов (17.9 %), считали, что экономическая ситуация немного улучшилась [5].

К наиболее значимым проблемам люди, проживающие в городах, отнесли (по убывающей): 1) состояние здоровья; 2) цены на продукты и товары первой необходимости; 3) уровень оплаты труда; 4) качество и доступность медицинского обслуживания и лекарств; 5) обеспечение жильем [5]. В сельской местности обеспокоенность вызывали (по убывающей): 1) цены на продукты и товары первой необходимости; 2) состояние здоровья; 3) качество и доступность медицинского обслуживания и лекарств; 4) уровень оплаты труда; 5) инфляция [5]. Из сказанного видно, что вопросы, связанные со здоровьем, жильем, оплатой труда занимают лидирующие позиции в городах. Ряд авторов (таких как, например, В. В. Петухов, Е. В. Балацкий, К. К. Красовский) считают, что названные проблемы традиционно проявляются наиболее остро в городах и поселках городского типа, так как именно в них с каждым годом увеличивается разрыв между «ростом жизненных притязаний и медленным ростом доходов» населения [6, с. 45]. Города постоянно предлагают своим жителям, в том числе избирателям, новые стандарты, стремление достичь которых не позволяет людям испытывать чувство удовлетворенности, даже при наличии относительно высоких показателей уровня жизни, и, как следствие, давать высокие оценки экономической ситуации.

В 2008 году 30.5 и 27.7 % городского населения Беларуси оценивали политическую ситуацию как спокойную или скорее спокойную, сельского, соот-

ветственно, – 41.7 и 25.9 % [5]. 16.2 % белорусов, независимо от места жительства, считали, что в обществе существует социальная напряженность. Были убеждены, что последняя скорее существует, чем нет, 28.1 % горожан и 21.6 % жителей сельской местности [5]. В результате закономерным явилось то, что в городах в 2008 году (по данным республиканского мониторинга Института социологии НАН Беларуси), наблюдался более высокий, по сравнению с селами, протестный потенциал электората: 12.6 % городских избирателей были готовы принять участие в санкционированных демонстрациях, митингах; 3.8 % – в несанкционированных демонстрациях, митингах; 6.2 % – в забастовках; 2.5 % – в голодовках [5]. В то время, как в сельской среде: 6.8 % избирателей проявили намерение участвовать в санкционированных демонстрациях, митингах; 1.4 % – в несанкционированных демонстрациях, митингах; 4 % – в забастовках; 1.7 % – в голодовках [5].

Отсюда видно, что жители городов Беларуси более критично реагируют на экономические и политические события, акторов политического поля, что, возможно, отчасти связано с тем, что они имеют доступ к большему количеству информации. Но, в целом, так как процент желающих участвовать в различных акциях протеста в масштабах республики не высок, можно отметить, что и горожане, и сельские жители придерживаются «стремления к диалогу как форме взаимодействия с властью» [7, с. 125].

Однако подобные оценки экономической и политической ситуации в Беларуси постоянно сказываются на электоральной активности: она в наибольшей степени выражается в поведении жителей сел и районов, а не городского, в том числе столичного, населения. Так, в ходе опроса «Выборы в Палату представителей Национального собрания Республики Беларусь», проведенного Могилевским институтом региональных социально-политических исследований в июне 2008 г. (выборка – 1009 человек), 53.9 % респондентов заявили о своем намерении обязательно принять участие в предстоящих парламентских выборах: 43.4 % избирателей городов, 60.1 % – районов, 64.1 % – сел [8] Могилевской области. Кроме того, явка, установленная по итогам выборов в Палату представителей Национального собрания Республики Беларусь в 2008 году, составила: в Брестской области – 76.0 % списочного состава избирателей, в Гродненской – 78.3 %, в Могилевской – 78.7%, в Гомельской – 79.4 %, в Минской – 79.6 %, в Витебской – 86.9 %. Самый низкий уровень явки был отмечен в городе Минске – 62.7 % [9]. В 2010 году по итогам выборов в местные Советы депутатов двадцать шестого созыва наименьшая явка также была в г. Минске – 59.5 % избирателей посетили избирательные участки (в Минской области – 88.9 %, в Гродненской области 92. 9 – %, в Гомельской области – 93.7 %, в Могилевской области – 95.6 %, в Витебской области – 95.7 %, в Брестской области – 96 %) [10].

Таким образом, необходимо отметить, что урбанизация существенно влияет на множество социальных параметров, особенно в экономической и политической областях, с помощью которых, в свою очередь, можно охарактеризовать развитие городов и регионов той или иной страны, в том числе Беларуси, выявить, насколько оно является устойчивым. Данное влияние отчетливо

прослеживается в оценках электоратом политической и экономической ситуации в государстве, в электоральном поведении граждан Беларуси на выборах, что должно учитываться различными государственными органами и институтами, разрабатывающими модель устойчивого развития Беларуси, в центре которой находится «человек как личность, как потребитель и производитель благ и услуг, генератор новых идей и главный субъект их реализации» [1, с. 106]. В будущем представляется целесообразным с целью уменьшения негативных проявлений урбанизации в нашей стране улучшить условия и качество жизни сельских жителей, психологическое состояние городского населения.

Список литературы

1. Красовский, К.К. Урбанистическая эволюция Беларуси : монография / К.К. Красовский. – Брест : БрГУ имени А. С. Пушкина, 2009. – 237 с.
2. Красовский, К.К. Урбанизация в Беларуси : экономико-географический анализ / К.К. Красовский. – Брест : БрГУ, 2004. – 203 с.
3. Общая численность населения, его состав по возрасту, полу, состоянию в браке, уровню образования, национальностям, языку и источникам средств к существованию : статистич. бюллетень / Нац. статистич. комитет Респ. Беларусь ; отв. ред. Е.И. Кухаревич. – Минск, 2010. – 28 с.
4. Борисова, В. БЕЛТА обнародовала первые предварительные данные переписи населения Республики / Борисова В. // Белорусская информационно-аналитическая интернет-газета Euramost. Общество. Результаты переписи : население уменьшается, урбанизация продолжается [Электронный ресурс]. – 2010. – Режим доступа : http://www.euramost.org/?artc=13248. – Дата доступа : 16. 09. 2010.
5. Архив Института социологии НАН Беларуси за 2008 г. – Материалы Республиканского мониторинга. – Минск, 2008.
6. Петухов, В.В. Чем недовольны жители крупных городов России / В.В. Петухов // Мониторинг общественного мнения. – 2006. – № 3 (79). – С. 42-47.
7. Лихачева, С.Н. Социокультурные основания политической социализации молодежи в современном обществе / С.Н. Лихачева // Весн. Брэсц. ун-та. Сер. гуманіт. і грамад. навук. – 2007. – № 4(31). – С. 123–127.
8. Материалы исследования Могилевского института региональных социально-политических исследований «Выборы в Палату представителей Национального собрания Республики Беларусь». – Могилев, 2008.
9. Итоговые данные по явке избирателей на выборы депутатов Палаты представителей // Белорусское телеграфное агентство (Белта). Национальный источник новостей (официальный сайт). Инфографика [Электронный ресурс]. – 2008. – Режим доступа : http://www.belta.by/ru/news/infographica?i_id=145. – Дата доступа : 02. 02. 2009.
10. Сведения об итогах выборов депутатов местных Советов депутатов Республики Беларусь двадцать шестого созыва // Центральная избирательная комиссия Республики Беларусь по проведению выборов и республиканских референдумов (официальный сайт). [Электронный ресурс]. – 2010. – Режим доступа : http://www.rec.gov.by/elect/indexms.html#ms26mess0. – Дата доступа : 19. 09. 2010.

Светлана Викторовна Хамутовская, научный сотрудник Института социологии НАН Беларуси

УДК 94(476):711.424

Іван Крэнь (Гродна)

ГОРАД ГРОДНА: АСНОЎНЫЯ ВЕХІ ГІСТОРЫІ, СУЧАСНЫ СТАН І ПЕРСПЕКТЫВЫ РАЗВІЦЦЯ

Даются описание и авторская оценка основных вех исторического развития Гродно, краткая характеристика современного состояния и перспектив города.

Першае прамое летапіснае ўпамінанне пра горад Гродна адносіцца да 1127/1128 вісакоснага года ў Іпац'еўскім летапісу, а першае ўскоснае ўпамінанне ў тым жа летапісу знаходзім пад 1116 годам. Упамінаецца князь летапіснага Гарадзена Усеваладка – праўнук кіеўскага князя Яраслава Мудрага. На самой жа справе горад наш значна больш сталы па ўзросту. Археалагічныя матэрыялы сведчаць, што славянскае паселішча ў сутоку ракі Гараднічанкі з Нёманам узнікла ў другой палове XX ст. Яно займала пляцоўку мысавага тыпу на высокім правым беразе ракі Нёман і было зручным для пабудовы паселішча. Аб гэтым сведчаць вынікі даследаванняў археолагаў, якія праводзілі тут раскопкі ў XX ст. (у 1932 – 1933 гг. Ю. Ядкоўскі і З. Дурчэўскі, у 1949 г. – М.М. Варонін, у 1971 – 1973 гг. – Я.Г. Звяруга, у 1971, 1985 – 1988 гады – М.А. Ткачоў і А.А. Трусаў, у 1986 – 1988 – А.К. Краўцэвіч і іншыя, уключаючы літоўскіх археолагаў С. Абранаўскаса і В. Левандаўскаса, знайшоўшых тут фрагменты штрыхаванай керамікі эпохі жалезнага веку, якая датуецца рубяжом нашай эры). Ёсць нешматлікія кавалкі грубалепнага посуду VI – VIII стст. Але ў гістарычнай навуцы Беларусі і іншых краін свету прынята, што днём нараджэння горада лічыцца першае прамое ўпамінанне аб ім у пісьмовай крыніцы.

Практычнае станаўленне і развіццё горада пачынаецца ўзгаданага вышэй паселішча ў другой палове X – XI стагоддзя. Забудова першапачаткова вялася па ўсім плато, пазней акрэслілася ўязная вуліца, якая вяла на невялікую плошчу ў цэнтры паселішча, ад якой на захад, поўнач і ўсход адыходзілі кароткія правулкі. М.А. Ткачоў у артыкуле «Археалагічныя помнікі горада Гродна» указваў, што, магчыма, на плошчы першапачаткова стаяў драўляны храм, які ў XII ст. саступіў месца мураванаму храму – так званай Ніжняй царкве. Першапачаткова ўвесь горад быў абнесены абарончымі драўлянымі збудаваннямі, якія ў канцы XII ст. саступілі месца мураваным сценам з плінфы. Раскопкамі выяўлены рэшткі двух абарончых муроў XII ст., а таксама рэшткі мураванага храма – Ніжняй царквы, загінуўшай, па дадзеных летапісу, у час пажару ў 1183 г., у ходзе якога была страчана і частка пабудовы на тэрыторыі дзядзінца. Пажар узнік, па летапісных звестках, ад «блистания молнии и шипении грома» .

Руіны Ніжняй царквы XII ст. пасля пажару часткова разабралі, пусціўшы годную плінфу на рамонт і ўзвядзенне сцен дзядзінца, ужывалі яе пры пабудове печак у жылых дамах, а рэшткі асыпалі грунтам і на выраўненай пляцоўцы пабудавалі на мяжы XIII – XIV ст. новы мураваны храм – так

званую Верхнюю царкву. Яна праіснавала да апошняй чвэрці XVI ст. у якасці дамавога храма да часоў будаўніцтва палаца Стэфана Баторыя.

Летапісны Гарадзен размешаны на рацэ Нёман – важнай гандлёвай артэрыі – трымаў у сваіх руках праезд па Нёмане купецкіх караванаў з узбярэжжа Балтыкі ўглыб Панямоння і наадварот. Горад рос, багацеў, разбудоўваўся, умацоўваўся, асабліва ў часы праўлення князя Вітаўта і караля Стэфана Баторыя, пабудаваўшых у ім свае палацы. Праўда, у выніку пажару 1398 г. гродзенскі палац Вітаўта згарэў датла, ледзь не загінуў у агні і сам Вітаўт. Сцены і вежа Гродзенскага дзядзінца паспяхова вытрымлівалі аблогі крыжацкага войска, а іх да канца XIV ст. было больш за паўтары дзесятка. Гэта сведчыць аб тым, што Гродзенскі каменны замак у свой час быў выключна магутным збудаваннем, гарманічна спалучаўшым прыродныя крэпасці-самародкі (высокія, стромкія схілы, шырокую і хуткасную плынь Нёману) і комплекс мураваных умацаванняў, сцены і вежы якіх складзены на вапне з вялікіх, злёгку абчэсаных, валуноў, вялікапамернай брусковай цэглы ў тэхніцы «паласатай» муроўкі, дзе рады валуноў выраўнены радамі цэглы. Мур, звернуты да Нёману, дасягаў 120 метраў у даўжыню, а сцяна бокавых частак – адпаведна 76 і 24 метры. Таўшчыня сцен дасягала ад 2.5 да 3 метраў, вышынёй была ад 6 да 8 метраў. У замку было 5 вежаў, у тым ліку вежа-брама, круглая вежа-стоўп XIII ст. і 3 квадратныя вежы памерам каля 12х12 метраў у аснаванні. У лініі сцен, якія былі звернуты да горада, і быў размешчаны новы каменны палац Вітаўта памерам 45х15 метраў, двухпавярховы з таўшчынёй сцен да 3 метраў, якія праразалі вузкія байніцы, падобныя на вокны. У 1576 – 1588 гг. Гродзенскі замак стаў галоўнай і любімай рэзідэнцыяй караля Стэфана Баторыя. Па яго загаду палац Вітаўта перабудавалі італьянскія архітэктары на чале з дойлідам Скотта з горада Пармы, арганічна ўпісаўшы стары палац ў новы, амаль цалкам выкарыстаўшы муры папярэдняга збудавання. Новы палац, паўстаўшы на мурах Вітаўтавага, спалучаў два стыля – рэнесанс і готыку. Ён нагадваў крыху перакошаны прамавугольнік памерам 21х60 метраў, падзелены на некалькі пакояў і залаў. Першы паверх адводзіўся для варты, канцылярыі, скарбаў і архіваў, на другім знаходзіліся каралеўскія пакоі. Пакоі першага паверха былі аздоблены сціпла, другога – раскошна. Увесь будынак завяршаўся фігурным шчыпцом франтона.

Улічваючы, што палац выконваў і функцыі абарончага збудавання, то ў ім заўсёды мелася гарнізонная казарма (уздоўж захаванага мура),арсенал зброі і даспехаў на сто чалавек. Даспехі і зброю даглядалі спецыяльныя збройнікі і слесар. Замак быў разбураны ў сярэдзіне XVII ст., у час руска-польскай вайны. Але пасля завяршэння вайны, калі ў Гродне сталі праводзіцца сеймы Рэчы Паспалітай (пасля прыняцця рашэння ў 1673 г.), Гродзенскі замак пад наглядам канцлера ВКЛ К. Паца быў адбудаваны. У замку размясцілі Сенатскую залу, а ў будынку гарнізоннай казармы – пасольскую залу.

У 1678 г. у замку адбыўся першы сейм, адкрыты каралём Янам III. А ў гады Паўночнай вайны Расіі са Швецыяй адбылася сустрэча караля Рэчы Паспалітай Аўгуста II Саксонскага з рускім царом Пятром I, на якой быў абгавораны саюз супраць Швецыі. Карл XII захапіў Гродна і разбурыў замак.

У 1734 – 1751 гг., на месцы Ніжняга замка, які заняпаў у гады руска-польскай вайны сярэдзіны XVII і ў Паўночную вайну, быў пабудаваны новы каралеўскі замак у стылі ракако – т. зв. Новы замак. У 1780 г. была праведзена яго рэканструкцыя. Менавіта ў ім у 1793 г. адбыўся “нямы сейм” – апошні надзвычайны сейм Рэчы Паспалітай, які зацвердзіў другі яе падзел.

Крыніцы сведчаць, што гарады беларускіх зямель, у тым ліку Гродна, Навагрудак, Ваўкавыск, на якіх распаўсюджваўся уплыў створанай 1005 годзе Тураўскай епархіі, падпарадкоўваліся Кіеўскай дзяржаве з цэнтрам у горадзе Кіеве. У летапісе гаворыцца, што ў 1128 г. “Всеволодка из Гародна” удзельнічаў у паходзе на Полацк, а ў 1132 г. – на Літву. Паход на Полацк арганізаваў кіеўскі князь Мсціслаў Уладзіміравіч – сын Уладзіміра Манамаха, а адну са стратэгічных аперацый выконваў гродзенскі князь Усеваладка Давыдавіч. Значыць, у той час ужо існавала Гарадзенскае княства і ў ім была трывалая дынастыя. На вялікі жаль, старажытныя летапісы захавалі для нас нешматлікія факты аб дзейнасці князёў гарадзенскай дынастыі, нашчадкаў малодшага сына Кіеўскага князя Яраслава Мудрага Ігара Яраслававіча, дзейнасць якога пераважна была звязана з Валынню.

Некалькі слоў аб дыскусіі гісторыкаў у XIX – XX стагоддзях аб паходжанні летапіснага Гародна. Пераважная большасць даследчыкаў (Антановіч У.Б., Сямёнаў П.П., Бабро́ўскі П.В., Глогер З. і іншыя) сцвярджалі, што горад, аб якім паведамляюць летапісы, – гэта Гродна на Нёмане, а Карамзін М.М., Салаўёў С.М., Барсаў М.П., Ядкоўскі Ю., Лаўмянскі Г. і інш.) атаясамлялі летапісны Гарадзен з мястэчкам Гарадно ў цяперашнім Столінскім раёне на Брэстчыне. Да такой пазіцыі прымкнуў і беларускі даследчык Мікола Ермаловіч у канцы XX ст. Хаця яшчэ ў 1893 г. на IX археалагічным з’ездзе ў Вільні гродзенскі краязнавец Я.Ф. Арлоўскі катэгарычна абверг гэты пункт гледжання. Даказаў правамоцнасць летапіснага Гарадзена і нашага Гродна ў 1949 г. расійскі археолаг М.М. Варонін сваімі раскопкамі на Замкавай гары. Ім быў выяўлены тут магутны культурны пласт XII – XIII стст., чаго няма ў Гарадно на Століншчыне.

Новы перыяд у гісторыі Гродна пачынаецца з сярэдзіны XIII ст., калі пачалося станаўленне Вялікага княства Літоўскага. У канцы 1240-х гадоў князь Міндоўг уключыў Гарадзен у склад ВКЛ. Праўда, на працягу дваццаці гадоў (у 1250 – 1270 гады) ішла жорсткая барацьба паміж Вялікім княствам Літоўскім і Галіцка-Валынскім княствам за горад Гродна. Наш горад папераменна пераходзіў з рук у рукі. У часы праўлення Трайдзена ў ВКЛ усе памкненні галіцка-валынскіх князёў авалодаць Гродна і прылягаючымі да яго тэрыторыямі ў 1277 г. былі адбіты.

З 1284 г. па 1402 г. тэўтонскія рыцары прыходзілі ў Гродна прыкладна 20 разоў. Яны не раз бралі прыступамі наш горад, разбуралі і спальвалі яго, рабавалі жыхароў. Але нямала было і беспаспяховых аблог і штурмаў. Пад сценамі Гродна (“Замак Гартэн” па назве прускіх храністаў) былі ваенныя атрады з Германіі, Францыі, Швецыі, Англіі, Галандыі, Даніі. Многа зрабіў для ўмацавання Гродна літоўскі князі Віцень (1295 – 1315 г.). Гэта ў часы яго праўлення гродзенскі староста (а затым кашталян-начальнік гарнізона – Давыд

Гарадзенскі (Давыд Даўмонтавіч) паспяхова адбіваў прыступы тэўтонскіх рыцараў і сам неаднаразова ўрываўся ў іх землі.

З 1376 г. Гарадзен, як ужо сказана вышэй, належаў князю ВКЛ Вітаўту, які ў канцы XIV – пачатку XV ст., рыхтуючыся да барацьбы з крыжакамі, перабудаваў крэпасць на замкавай гары і ўзвёў ужо ўзгаданы вышэй мураваны княжацкі палац. Гродзенская баявая дружына (харугва) удзельнічала 15 ліпеня 1410 г. у Грунвальдскай бітве з тэўтонамі, якая паклала канец набегам тэўтонаў на беларускія землі, уключаючы і наш горад. Пры Вітаўце Гарадзен стаў другой сталіцай Вялікага княства Літоўскага з 1392 г., а ў 1413 г. стаў цэнтрам павета ў Трокскім ваяводстве.

Горад часта наведваў пераемнік Вітаўта князь ВКЛ Свідрыгайла, а з 1440 г. горад перайшоў да вялікага князя ВКЛ Казіміра IV Ягелончыка, які пазней стаў і каралём польскім. У 1496 г. наш горад атрымаў поўнае Магдэбургскае права і незалежнасць ад княжацкай адміністрацыі (горадам кіравала Рада, якую абіралі жыхары горада).

Новая веха ў развіцці горада адбываецца ў другой палове XVI – XVIII стст., пасля заключэння Люблінскай уніі 1569 г.а і ўтварэння Рэчы Паспалітай і да яе падзення па выніках трох раздзелаў гэтай дзяржавы ў 1772, 1793 і 1795 гадах. Гродна ў акрэслены адрэзак часу стаў адным з важнейшых дзяржаўна-палітычных цэнтраў новай дзяржавы. З другой паловы XV ст. і да канца XVIII ст. тут праводзяцца сеймы Рэчы Паспалітай. Горад стаў любімым месцам для вышэйшых кіраўнікоў дзяржавы. У Гродна прыязджалі замежныя пасольствы. Выдадзеная у 1575 г. ў Кёльне энцыклапедыя Г.Браўна ўключыла горад Гродна ў лік “выдатных гарадоў свету”. Пасля Люблінскай уніі ў горадзе ўзмацніліся пазіцыі каталіцызму, падтрымліваемага вярхоўнай уладай дзяржавы. У горадзе пачалося масавае будаўніцтва касцёлаў і кляштараў каталіцкіх ордэнаў. Адпаведна ў 1595, 1621, 1633, 1635 і 1647 гадах у горадзе заснаваны мужчынскі бернардзінскі касцёл, закладзены мураваны касцёл і кляштар бернардзінак, дамініканскі касцёл і кляштар святой Брыгіты, францішканскі касцёл і кляштар у занёманскім баку, закладзены езуіцкі касцёл – буйнейшы ў Беларусі.

Асобнае слова аб дзейнасці ў Гродне ў другой палове XVIII ст. Антонія Тызенгаўза. Пры ім у Гродне былі адчынены навучальныя ўстановы, меўшыя чыста практычную накіраванасць: ветэрынарная школа (1775 г.), пераўтвораная затым у медыцынскую, якую ўзначаліў прафесар-медык Ж.Э. Жылібер. Ён жа пачаў рыхтаваць у Гродне хірургаў і падрыхтаваў іх тры выпускі. Анатомію выкладаў прафесар К.І. Вірыён, хімію і фізіку – І.Х. Мюнц. Пры акадэміі была створана выдатная бібліятэка з вялікай колькасцю кніг па медыцыне і прыродазнаўству. Прафесар Жылібер стварыў капітальную працу пад назвай “Флора Літвы”, пасадзіў батанічны сад, кіраваў аптэкай, школай бухгалтэрыі і справаводства, а архітэктар Сакко – будаўнічай школай. Па яго ініцыятыве быў закладзены тэатр у нашым горадзе. У гэты ж час у прыгарадзе Гродна Ласосны былі заснаваны і дзейнічалі 12 мануфактур.

Новая веха ў палітычным развіцці Гродна пачынаецца з 1795 г., калі ў складзе Расійскай імперыі горад наш у 1795 – 1797 гадах быў цэнтрам павета

Слонімскай губерні, у 1797 – 1801 гадах – Літоўскай губерні, а з верасня 1801 года ўзначаліў Гродзенскую губерню. Губернскі Гродна хутка рос. Калі ў 1816 г. у горадзе было 9873 жыхары, то ў 1861 – 20241 жыхар. Імкліва развівалася ў горадзе і рамесная вытворчасць, павялічвалася колькасць мануфактур і рамеснікаў. Апошніх у сярэдзіне XIX ст. было каля тысячы, а прамысловых прадпрыемстваў – 40. Хуткімі тэмпамі развіваўся і гандаль.

Вялікія бедствы прынесла гораду і яго жыхарам вайна 1812 г. Корпус казакаў, які мясціўся ў Гродне і якім кіраваў Платаў, вымушаны быў адступіць перад напорам французскай арміі і яе саюзнікаў. Эвакуіраваліся разам з войскамі і губернатар, чыноўнікі, частка гараджан. 18 (30) чэрвеня 1812 г. у горад уступілі французскія войскі на чале з братам Напалеона Жэромам Банапартам. Хоць і не працяглай была акупацыя Гродна французамі і іх сатэлітамі, але на плечы жыхароў горада яна лягла цяжкім ярмом. Ужо 8 снежня 1812 г. кавалерысты-партызаны Дзяніса Давыдава вызвалілі наш горад ад аўстрыйскіх войскаў генерала Фрэйліха – саюзнікаў французаў.

Выдатна праявіў сябе ў падзеях вайны 1812 г. Гродзенскі 6-ы гусарскі полк, створаны 13 чэрвеня 1806 г. з жыхароў Гродзенскай, Магілёўскай, Мінскай і некаторых іншых губерняў. Пад кіраўніцтвам сваіх камандзіраў Кульнева, Сіліна, Рыдзігера полк удзельнічаў у прыкрыцці ад французаў накірунка на Пецярбург 4 (16) ліпеня 1812 г., у бітве пад Клясціцамі (каля Віцебска), у ачышчэнні ад французскіх войскаў Вільні і Кёніксберга, а затым у 1813 г. адзначыўся ў Еўропе ў ваенных аперацыях з праціўнікам ля Магдэбурга, Люцэна, Баццэна, Дрэздэна, пад Лейпцыгам, праславіўся ў бітвах пры Бар-Сюр-Обе, Лебрэселі, Фер-Шапенгаўзе і, урэшце, пры штурме Парыжа ў 1814 г. За ўвесь перыяд вайны полк захапіў 36 гармат, 60 зарадных скрынак, узяў у палон 5 генералаў, 117 афіцэраў, 13 тысяч радавых салдат.

13 красавіка 1813 г. полк быў узнагароджаны трубамі са срэбра з надпісам “Гродзенскаму гусарскаму палку за адзнаку пры паражэнні і выгнанні непрыяцеля з межаў Расіі 1812 г.”, а ў 1814 г. увесь асабовы склад палка быў узнагароджаны медалём, на якім было выбіта “За ўзяцце Парыжа 19 сакавіка 1814 г.” 30 сакавіка 1814 г. гродзенцы ўдастоіліся ганаровага знака на ківеры з надпісам “За адзнаку”. 17 лютага 1824 г. палку было прысвоена імя Кульнева – першага камандзіра палка. Хачу сказаць, што ўзгаданы полк, разам з Гродзенскім лейб-гвардыі гусарскім палком, створаным 19 лютага 1824 г., удзельнічаў у падаўленні антырасійскіх паўстанняў 1830 – 1831 і 1863 – 1864 гадоў на Беларусі.

Не абыйшлі горад Гродна і знайшлі свой водгук сярод гараджан такія грамадска-палітычныя падзеі XIX ст., як дзекабрысцкі рух 1825 г., паўстанні 1830-1831 і 1863-1864 гадоў. Пражываўшыя у горадзе сёстры дзекабрыста Міхаіла Рукевіча, Ксаверыя і Карнелія былі арыштаваны і сасланы ў Сібір. Паўстанне 1830-1831 гг. было звязана з выступленнем вучняў Гродзенскай духоўнай семінарыі і іншых навучальных устаноў горада, а другое – з паўстаннем пад кіраўніцтвам Кастуся Каліноўскага і яго паплечніка Зігмунда Серакоўскага, стварыўшых у Гродне падпольную арганізацыю, якая непасрэдна рыхтавала паўстанне. Але зімой 1864 г. арганізацыя была выкрыта

ўладамі. Паўстанне ўсе ж адбылося, але вынікі яго добра вядомыя – яно было падаўлена, а Каліноўскі аказаўся 10 сакавіка 1864 г. на шыбеніцы ў Вільні. У Нацыянальным гістарычным архіве Беларусі ў г.Гродна захоўваюцца экземпляры газеты “Мужыцкая праўда”, якую выдаваў К.Каліноўскі.

Пасля адмены прыгоннага права ў 1861 г. горад Гродна становіцца адным з буйнейшых эканамічных цэнтраў краю. З 1874 па 1898 год колькасць прамысловых прадпрыемстваў павялічылася з 31 да 75, 15 з іх былі прадпрыемствамі фабрычна-завадскога тыпу (з выкарыстаннем паравых машын). Вядучае месца займалі галіны вытворчасці, звязаныя з пераапрацоўкай сельскагаспадарчай і мінеральнай сыравіны, дрэва, паперы, тытуню (маю на ўвазе тытунёвую фабрыку Шарашэўскага (1860 г.), якому належалі яшчэ цыгарэтна-гільзавая фабрыка (1880 г.) і гільзавы завод (1882 г.). У канцы XIX ст. у Гродне было два вінакурных заводы, два спіртаачышчальных заводы, некалькі піваварных заводаў, чатыры лесапільных, якія выраблялі простую мэблю, мануфактура па выпуску канторскіх кніг, алоўкавая фабрыка. У горадзе працавала пяць друкарняў. Вельмі шырока быў развіты як ўнутрыгарадскі, так і знешні гандаль.

Вялікі ўплыў на развіццё горада аказала ўдасканаленне шляхоў зносін, у прыватнасці, будаўніцтва чыгункі. Першым крокам у гэтым накірунку стала пракладка чыгункі Гродна-Парэчча, даўжынёй у 50 вёрст. Гэта быў участак Пецярбургска-Варшаўскай чыгункі. А потым пайшлі ўчасткі Гродна-Ваўкавыск, Гродна-Сувалкі і іншыя.

Што датычыцца архітэктурнага аблічча горада, то такія помнікі і іх комплексы, як капітальная радавая забудова XVIII – XIX стст. адыгрываюць і сёння вялікую ролю ў фарміраванні кампазіцыі горада і мастацкім вобліку яго цэнтра. Помнікі старажытнарускага перыяду (Каложская царква), храмы XVI стагоддзя, цэрквы, касцёлы і свецкія пабудовы XVII – XVIII стст. і сёння сведчаць аб наяўнасці самабытных і непаўторных рыс у архітэктуры горада.

Новая веха ў развіцці Гродна пачынаецца на рубяжы XIX – XX стст., калі ў горадзе зараджаецца і “інтэнсіўна” развіваецца рэвалюцыйны рух – як вынік эканамічнага крызісу і развіцця рэвалюцыйнага руху ў Расійскай імперыі, які прывёў да рэвалюцыі 1905 – 1907 гадоў, Лютаўскай і Кастрычніцкай рэвалюцый 1917 г., адбыўшыхся ў ходзе Першай сусветнай вайны.

Што тычыцца рэвалюцыйных падзей 1905 – 1907 гадоў, то яны ў першую чаргу былі выкліканы станам эканомікі. З 1900 па 1904 год у Гродна было зачынена пяць прадпрыемстваў, а 31 прадпрыемства перайшло на скарочаны рабочы дзень з паменшанай аплатай працы больш за 50%. Забастоўкі і першамайскія дэманстрацыі ў Гродна адбываліся штогод, пачынаючы з 1900 года. У жніўні 1903 г. паліцыя арыштавала 242 удзельнікаў сходкі ў лясным масіве Пышкі, а ў студзені 1904 г. усе рабочыя на фабрыцы Шарашэўскага (1331 чалавек) былі звольнены з работы. Фабрыка аднавіла працу толькі праз некалькі месяцаў. У маі – жніўні 1904 г. па закліку групы РСДРП на вуліцы горада вышлі сотні людзей з чырвонымі сцягамі і лозунгамі “Далоў вайну!”, “Далоў самадзяржаўе!”. А 1 мая 1905 г. у горадзе адбылася ўсеагульная забастоўка, у якой прынялі ўдзел рабочыя ўсіх гарадскіх прадпрыемстваў.

Летам таго ж года рэвалюцыйная прапаганда ахапіла часці Гродзенскага вайсковага гарнізона. У другой палове кастрычніка 1905 г. захваляваліся салдаты 12-й і 26-й артылерыйскіх брыгад, для іх уціхамірвання прыйшлося вызываць шэсць рот 103-га Петразаводскага палка.

У актыўную барацьбу ўключыліся і вучні гарадскіх гімназій. Яны выдавалі часопіс “Школа” пад марксісцкім лозунгам “Пралетарыі ўсіх краін, яднайцеся!”, у якім крытыкавалася палітыка ўрада Расійскай дзяржавы. У 1906 – 1907 гг. стачкі і забастоўкі насілі пераважна эканамічны характар, асаблівых практычных вынікаў не мелі, а сама рэвалюцыя 1905 –1907 гадоў пацярпела паражэнне.

Новы рэвалюцыйны пад’ём у Гродна назіраецца ў 1913 – 1914 гг., калі ў горадзе адбыліся эканамічныя і палітычныя стачкі, вызваныя і падзеямі ў Расіі (расстрэл рабочых на Ленскіх залатых прыісках), і актывізацыяй дзейнасці Гродзенскай арганізацыі РСДРП, распаўсюджаннем у горадзе газет “Сацыял-дэмакрат”, “Звязда”, “Праўда”. Нарастанне развіцця рэвалюцыйных падзей было перарвана Першай сусветнай вайной. 21 жніўня (3 верасня) Гродна было акупіравана нямецкімі войскамі. Акупацыя працягвалася амаль чатыры гады. Рэвалюцыйны рух быў задушаны акупантамі. Але ў студзені – сакавіку 1918 г. у Гродна адбыліся стачкі супраць нямецкай акупацыі і ў падтрымку Кастрычніцкіх падзей 1917 г. у Петрагарадзе. Яны насілі больш палітычны характар.

У ліпені 1918 г. быў створаны Гродзенскі падпольны раённы камітэт РКП(б), дзейнічаўшы пад кіраўніцтвам Паўночна-Заходняга партыйнага камітэта. Гродзенскі камітэт узначальваў Вацлаў Антонавіч Багуцкі. Камітэт выдаваў штотыднёвую газету “Набат”, рэдактарам якой быў С.Я Капланскі. Пад кіраўніцтвам партыйнага камітэта былі арганізаваны забастоўкі, мітынгі, дэманстрацыі насельніцтва, у першую чаргу рабочых, супраць акупацыйных войскаў дыслацыраваных у горадзе, а затым і створаны баявыя дружыны. Адначасова ў горадзе дзейнічалі Польская партыя сацыялістаў, яўрэйскія партыі Бунд, “Палей цыён”, рабочая група “Гэхаблуц”, партыі беларускіх сацыялістаў-рэвалюцыянераў і сацыялістаў-федэралістаў.

У сувязі з лістападаўскімі 1918 года рэвалюцынымі падзеямі ў Германіі і падзеннем урада Вільгельма II, аннуліраваннем Савецкім урадам Брэсцкага дагавора, нямецкае ваеннае камандаванне пачало вывад сваіх узброеных сіл з тэрыторыі Беларусі. З 27 красавіка 1919 г. улада ў Гродне стала належаць легіянерам Юзэфа Пілсудскага, якія распараджаліся тут 14 месяцаў. У ліпені 1920 г. конніца чырвоных пад кіраўніцтвам Г.Д. Гая авалодала нашым горадам, а орган улады Ваенрэўкам узначаліў Адам Сямёнавіч Славінскі. Рэўкам нацыяналізаваў шэраг прамысловых прадпрыемстваў, устанавіў кантроль над прыватнымі прадпрыемствамі, стварыў для наладжвання і развіцця вытворчасці 15 жніўня 1920 г. раённы Саўнаргас.

Органамі новай улады было прынята рашэнне аб адкрыцці ў Гродна музыкальнай школы, а аддзел народнай адукацыі распачаў падрыхтоўку кадраў музычных работнікаў, стварэнне дзіцячых прытулкаў для дзяцей-сірот.

1-2 жніўня 1920 года горад наведаў Ф.Э. Дзяржынскі, пабывалі ў горадзе М.Н. Тухачэўскі, Ю.Ю. Мархлеўскі.

Новы перыяд у развіцці Гродна пачынаецца пасля заключэння 18 сакавіка 1921 г. Рыжскага міру, згодна з якім горад Гродна, як і ўся тэрыторыя Заходняй Беларусі, уваходзілі ў склад Польскай дзяржавы. Як ацаніць гэты перыяд у жыцці горада і гараджан? Можна адназначна канстатаваць, што ў эканамічным, сацыяльным, культурным, палітычным развіцці горада пазітыўных зрухаў было мала. Затое была ліквідацыя многіх прадпрыемстваў. З 75 прадпрыемстваў у 1923 г. толькі на 23 прадпрыемствах працавала па 20 і болей чалавек. У 1931 г. быў створаны картэль "Дзяржаўных хлебапрамыслолвых прадпрыемстваў", які поўнасцю манапалізаваў унутраны і знешні гандаль зернем і іншымі харчовымі прадуктамі і таварамі. Рабочым у Гродна, як і на тэрыторыі ўсёй Заходняй Беларусі, плацілі ў 1,5 – 2 разы меней, чым у цэнтральнай частцы Польшчы. Рабочы дзень доўжыўся 10 – 12 гадзін, што ў спалучэнні з цяжкімі ўмовамі працы прыводзілі да ўвеччаў і захворванняў, эміграцыі. Толькі ў 1921 – 1933 гг. з Гродна выехала 2997 чалавек.

У 1939 г. у Гродна не было школы з беларускай мовай навучання. Не дапускаліся беларусы да вышэйшай адукацыі. Не было вышэйшых навучальных устаноў ні ў Гродне, ні ў Заходняй Беларусі ўвогуле.

У такіх умовах інтэнсіўна распаўсюджвалася рэвалюцыйная барацьба, падпольны камуністычны рух (КСМЗБ, КПЗБ), праходзілі стачкі, забастоўкі, мітынгі, дэманстрацыі.

І ўжо летам 1934 г. урад Польшчы прыняў закон аб ізаляцыі "сацыяльна-небяспечных элементаў", а Канстытуцыя Польшчы 1935 г. пазбавіла працоўных палітычных і грамадскіх правоў, што ўзмацніла напружанасць у грамадстве, уключаючы і жыхароў Гродна. Жыхары горада падтрымалі ідэю аб амністыі палітычным вязням, ліквідацыю канцлагера "Бяроза-Картузкая", удзельнічалі ў палітычнай акцыі ў абарону С.В. Прытыцкага ў 1936 – 1937 гг. і ў іншых акцыях.

Пасля вызвалення Гродна ад польскай акупацыі 20 верасня 1939 г. у горадзе пачаліся пераўтварэнні на савецкай аснове. Яны працягваліся да чэрвеня 1941 г. Перш за ўсё было створана 22 верасня часовае ўпраўленне горада з пяці чалавек на чале з І.К. Жытковым, затым – грамадзянская міліцыя і рабочая гвардыя, адноўлена праца нацыяналізаванай прамысловасці (23 прадпрыемствы). Да канца 1939 г. было ліквідавана беспрацоўе. 12 чалавек ад горада былі абраны ў Нацыянальны сход Заходняй Беларусі (Н.С. Бандарык, С.В. Прытыцкі, П. Пестрак і інш.). У сакавіку 1940 г. былі абраны дэпутаты ў Вярхоўны Савет СССР і БССР, а затым і ў Гродзенскі гарадскі Савет (180 чалавек). Старшынёй Гродзенскага гарадскога выканаўчага камітэта стаў Пётр Іванавіч Ратайка. У красавіку 1940 г. быў сфарміраваны і Гродзенскі гаркам КП(б)Б на чале І.Б. Пазняковым. Да пачатку Вялікай Айчыннай вайны 1941 – 1945 гг. у горадзе была наладжана дзейнасць прамысловасці, гандлю, адукацыі на роднай мове, устаноў аховы здароўя, культуры. Запрацаваў Гродзенскі

настаўніцкі інстытут, аднавіў работу гісторыка-краязнаўчы музей у будынку Гродзенскага замка.

Новая гераічная і трагічная веха ў жыцці горада звязана з падзеямі Вялікай Айчыннай вайны. Гітлераўцы авалодалі горадам пасля гераічнага супраціўлення часцей Чырвонай Арміі. Акупанты ўстанавілі тут свой новы парадак. Горад быў уключаны ў склад асобнай акругі “Беласток”, якім кіравала ўсходне-пруская адміністрацыя. На яго распаўсюджвалася дзейнічаўшы ў рэйху суд і права, фінансавая і падатковая палітыка. Акруга, уключаючы і наш горад, павінна была быць каланізавана і германізавана. Тут планавалі пасяліць 10 тыс. немцаў-каланістаў, а іх павінны былі абслугоўваць 20 тыс. мясцовых жыхароў. Ужо ў пачатку ліпеня 1941 г. былі расстраляны 80 прадстаўнікоў інтэлігенцыі, якія належалі пераважна да яўрэйскай нацыянальнасці. Масавае знішчэнне насельніцтва працягвалася ўвесь перыяд яго акупацыі фашыстамі. За тры акупацыйныя гады фашысты забілі і замучылі ў Гродна 33 тысячы былых савецкіх грамадзян, разбурылі большасць прамысловых прадпрыемстваў, школ, бальніц, культурна-асветных устаноў, знішчылі 25 % жылога фонду. Агульныя страты, нанесеныя грамадскай гаспадарцы, склалі 252312 тыс. рублёў.

З асаблівай жорсткасцю фашысты распраўляліся з палоннымі савецкімі салдатамі і яўрэйскім насельніцтвам горада. Каля вёскі Калбасіно на плошчы 50 гектараў быў створаны стацыянарны лагер для ваеннапалонных (Шталаг №353) і яго філіялы ў вёсках Фолюш, Ласосна, Кульбакі, у казармах на вуліцах Чырвонаармейскай і Маставой. У Шталагу загінула 18 тысяч савецкіх ваеннапалонных.

У жніўні 1941 г. у Гродна пачалі дзейнічаць падпольныя групы супраціўлення. У іх складзе былі камуністы і беспартыйныя. Падпольныя групы ўзначальвалі: 1) Волкаў М.А. і Васілюк К.Г.; 2) Разанаў В.Д.; 3) Багатыроў М.М.; 4) Лямаў С.П.; 5) Святлічны Г.І.; 6) Панасюк С.Ф. У Гродзенскім гета групу ўзначальвала Ева Чаппік. Дзейнічала і арганізацыя польскага руху супраціўлення “Саюз узброенай барацьбы” з 1942 г. Нельга не назваць уклад у барацьбу з фашызмам партызанкі Вольгі Соламавай. Баявая дзейнасць усіх узгаданых груп, саюзаў і асоб была надзвычай эфектыўнай, хаця многія з удзельнікаў загінулі ў барацьбе з фашыстамі, уключаючы В.Соламаву, з роднай сястрой якой Ларысай я вучыўся на гістфаку Гродзенскага педінстытута імя Янкі Купалы ў 1954 – 1959 гг.

Гродна быў вызвалены ад фашыстаў 16 ліпеня 1944 г. злучэннямі 2 і 3 Беларускіх франтоў, якімі камандавалі генерал-палкоўнік Захараў і генерал арміі Чарняхоўскі.

Аднаўленчыя работы і далейшае развіццё горада прыпадаюць на 1944 – 1990 гг. у складзе БССР і ў 1991 – 2010 гг. у складзе Рэспублікі Беларусь. Аднаўленне Гродна пачалося на завяршаючым этапе Вялікай Айчыннай вайны, з 24 ліпеня 1944 г. У ліпені – верасні 1944 г. жыхары Гродна адпрацавалі на аднаўленні прамысловых прадпрыемстваў, камунальнай гаспадаркі, транспарце і сувязі 60 тысяч гадзін. А 20 верасня 1944 г. Гродна стаў цэнтрам Гродзенскай вобласці. Ужо да канца 1944 г. у горадзе было

адноўлена 17 прамысловых прадпрыемстваў, а ў 1945 г. – яшчэ 6 прадпрыемстваў.

Практычна аднаўленчыя работы ў Гродна былі завершаны ў 1950 г. А ў 1951 – 1955 гадах здзяйснялася будаўніцтва заводаў жалезабетонных канструкцый і санітарна-тэхнічнага абсталявання, швейнай фабрыкі, рамонтна-падшыпнікавага завода, высокаводнага маста праз Нёман. У гэтыя гады рэканструкцыя на новай тэхналагічнай аснове праведзена на Гродзенскім шклозаводзе, велазборачным і гарбарным заводах, тонкасуконным камбінаце, тытунёвай і мэблявай фабрыках, камбінаце будаўнічых матэрыялаў.

У наступныя пяцігодкі (1956 – 1960 і 1961 – 1965 гг.) была рэканструіравана абутковая фабрыка і распачата будаўніцтва азотнатукавага завода – хімічнага прадпрыемства ўсесаюзнага маштаба, завода гандлёвага машынабудавання, другой чаргі завода “Аўтазапчастка”, завода сілікатных вырабаў, нафтабазы, фабрыкі дзіцячай цацкі і іншых. Запланавана было будаўніцтва новага аўтавакзала, карпусоў вышэйшых навучальных устаноў горада (педінстытута імя Янкі Купалы, медыцынскага і сельскагаспадарчага інстытутаў), школ, бальніц, дзіцячых садоў, устаноў культуры, стадыёна, жылых кварталаў. 1 верасня 1963 г. была ўведзена ў строй першая чарга азотнатукавага завода – вытворчасць слабой азотнай кіслаты, а 1 ліпеня 1964 г. – пачалося асваенне абсталявання вытворчасці карбаміда. 9 студзеня 1965 г. вытворчасці аміяка і карбаміда сталі ўстойліва выдаваць прадукцыю. Да 1990 г. азотнатукавы завод вырас у вытворчае аб’яднанне “Азот” імя С.В. Прытыцкага (з 1972 г. – буйнейшае ў БССР). Пабудаваны былі і іншыя гіганты індустрыі – прадзільна-нітачны камбінат, аб’яднанне “Хімвалакно”, абутковае аб’яднанне “Нёман”, аб’яднанне “Белкард” і іншыя. Горад Гродна стаў буйным індустрыяльным цэнтрам краіны.

Гродна ў пасляваенны перыяд пераўтварыўся ў адзін з вядучых культурных і навуковых цэнтраў БССР. У ім сталі дзейнічаць тры вышэйшыя навучальныя ўстановы – Гродзенскі дзяржаўны педінстытут імя Я.Купалы, з 1978 г. – універсітэт, сельскагаспадарчы – з 1951 г. і медыцынскі – з 1958 г. інстытуты, а таксама навукова-даследчы Інстытут біяхіміі АН БССР з 1985 г., у якіх працавала 900 навуковых работнікаў, у тым ліку звыш 40 дактароў навук і каля 450 кандыдатаў навук. Акрамя таго, у Гродне працавалі філіялы шэрагу рэспубліканскіх і саюзных навукова-даследчых і праектных інстытутаў.

У Гродна дзейнічалі 42 установы культуры, шэраг мастацкіх і творчых калектываў: Гродзенскі абласны драматычны тэатр, тэлецэнтр; ансамбль песні і пляскі “Нёман”, ансамбль танца “Раніца”, народны ансамбль танца “Вянок”, літаратурнае аб’яднанне пры рэдакцыі “Гродзенская праўда”, выходзілі шматыражкі “Хімік”, “Вымпел”, “Гродзенскі ўніверсітэт”, працавалі шэраг музеяў, спартыўных комплексаў.

У Рэспубліцы Беларусь Гродна захаваў і прыўмножыў лепшыя традыцыі савецкіх часоў. Медыцынскі і сельскагаспадарчыя інстытуты пераўтвораны ва ўніверсітэты.

Як жа выглядае наш родны горад Гродна ў пачатку XXI ст? На 1.01.2008 г. у г.Гродна пражывае 325800 чалавек. Па нацыянальнаму складу пераважаюць беларусы – каля 60%, на другім месцы – палякі, на трэцім – рускія, на чацвёртым – украінцы, на пятым – яўрэі, каля 1 % – іншыя нацыянальнасці. На ўказаную вышэй дату ў горадзе зарэгістравана каля 4000 шлюбаў і каля 1500 разводаў.

У горадзе дзейнічаюць тры ўніверсітэты, філіял недзяржаўнай ВНУ "БіП – Інстытут правазнаўства", філіял Інстытута біяхіміі НАН РБ, 10 каледжаў і вучылішчаў сістэмы прафесіянальна-тэхнічнай адукацыі і 7 сярэдніх спецыяльных вучэбных ўстаноў; 42 школы рознага тыпу, у тым ліку 26 сярэдніх агульнаадукацыйных школ, 7 гімназій, 1 ліцэй, 1 школа-ліцэй, 2 вячэрнія, 4 спецыяльныя, 1 пачатковая; 82 – дзіцячыя дашкольныя установы, шэраг спецыяльных вучэбных устаноў і цэнтраў. Пры школах дзейнічаюць 13 музеяў і 15 музейных пакояў.

Гарадская культура прадстаўлены 23 культурнымі ўстановамі, ансамблем песні, музыкі і танца "Белыя росы", драматычным і лялечным тэатрамі, музеямі гісторыі і рэлігіі, паэтаў Максіма Багдановіча і Элізы Ажэшка, гарадской выставачнай залай і інш.

Арганічнай састаўной часткай станаўлення і развіцця культуры насельніцтва горада з'яўляецца рэлігія, перш за ўсё хрысціянская (праваслаўная, каталіцкая, пратэстанцкая), іудзейская, мусульманская і іншыя, свабода дзейнасці і падтрымка якіх забяспечваюцца заканадаўствам Рэспублікі Беларусь, гарадскімі і раённымі горада Гродна ўладнымі структурамі. Таму можна з поўнай адказнасцю сцвярджаць, што наш горад з'яўляецца сапраўдным цэнтрам асветы і духоўнасці яго жыхароў.

Ахова здароўя прадстаўлена "Гродзенскай цэнтральнай гарадской клінічнай бальніцай", у якую ўключаны 5 клінічных бальніц на 1785 ложка-месцаў. У горадзе адчынена і працуе гаспадарча-разліковае прадпрыемства "Цэнтр прыгажосці і здароўя".

Аптэчная справа ўключае ў сябе 14 аптэк, 17 аптэчных пунктаў, 12 аптэчных кіёскаў, а таксама 18 камерцыйных аптэк і 23 камерцыйныя аптэчныя кіёскі. У горадзе практыкуюць 83 урачы-індывідуальныя прадпрымальнікі.

Умацоўваць здароўе жыхары горада маюць магчымасць на 722 спартыўных пляцоўках, у тым ліку 3-х стадыёнах, 1 лядовым палацы, 100 спартыўных залах, 32 стралковых цірах, 10 плавацельных басейнах, 35 мінібасейнах, 297 плоскасных пляцоўках, 207 прыстасаваных памяшканнях, у 82 дзіцячых дашкольных установах (у 23 з якіх ёсць плавацельныя басейны). І гэта далёка не поўны пералік на сённяшні дзень.

Праводзіцца прадуманая маладзёжная палітыка, што яскрава сведчыць аб тым, што наш горад Гродна мае надзейную перспектыву свайго далейшага развіцця, што ён з надзеяй глядзіць у будучыню. І ў гэтым накірунку пажаданне для сённяшняга кіраўніцтва горада: распрацаваць комплексны перспектыўны план развіцця Гродна да 2050 года.

Спіс літаратуры і крыніц

1. Гродно: ист.-экон. очерк / Крень И.П., Мараш Я.Н., Ковкель И.И. и др. – Мн.: Полымя, 1988. – 240 с.: ил.
2. Гродна ў гады Вялікай Айчыннай вайны (1941 – 1945 гг.). Да 50-годдзя Вялікай перамогі / Рэд. кал.: Крэнь І.П. (старшыня) і інш. – Гродна: Гродзенская абласная ўзбуйненая друкарня, 1995. – 207 с.
3. Гарады Беларусі ў кантэксце палітыкі, эканомікі і культуры / Рэд. кал.: Крэнь І.П. (старшыня) і інш. – Гродна: ГрДУ імя Янкі Купалы, 2007.
4. Гродна і гродзенцы: дзевяць стагоддзяў гісторыі (да 880-годдзя горада): матэрыялы Міжнар.навук. канф., Гродна, 10-11 крас.2008 г. / А.І. Антоненка (адк. рэд), А.А. Каваленя (адк. рэд), Я.А. Роўба (адк. рэд.) [і інш]; навук рэд. І.П. Крэнь. – Гродна: ГрДУ, 2008. – 526 с.
5. Памяць: гіст.-дакум. хроніка горада Гродна / Рэд. кал.: Г.П. Пашкоў, Я.М. Жабрун, І.П. Крэнь і інш.; маст. Э.Э. Жакевіч. – Мн.: БелЭн, 1999. – 717 с.: іл.
6. Великой победе в Великой войне – 60: Материалы обл. межвуз. науч. студ. конф., 4 мая 2005 г., г.Гродно / под ред. И.П. Креня, В.А. Белозоровича, В.А. Неделько. – Гродно: ГрГУ, 2005. – 100 с.
7. Бягучы архіў Гродзенскага гарвыканкама. Пашпарт горада Гродна на 1.01.2008 г.

Іван Платонавіч Крэнь (1936 г.н.), кандыдат гістарычных навук, прафесар, ганаровы прафесар Гродзенскага дзяржаўнага універсітэта імя Я.Купалы, заслужаны работнік адукацыі Рэспублікі Беларусь. Сааўтар кніг: *“Гродна: гіст.-эканам. нарыс”* (1988), *“Гродна: гіст.-дакум. хроніка “Памяць”* (1990), *“Шучын: гіст.-эканам. нарыс”* (1989), *“Іўе: гіст.-эканам. нарыс.”* (1990), *“Шчучын: гіст.-дакум. хроніка “Памяць”* (2001), *“Іўе: гіст.-дакум. хроніка “Памяць” (2002), “Воранава: гіст.-дакум.хроніка “Памяць”* (2004) і інш.

pawet.net

3. УРБАНІЗАЦЫЯ І КУЛЬТУРА

УДК 930.85:325.111(476)

Святлана Куль-Сяльверстава (Гродна)

КАМЕРЦЫЯЛІЗАЦЫЯ КУЛЬТУРЫ ЯК КАМПАНЕНТ УРБАНІЗАЦЫЙНЫХ ПРАЦЭСАЎ У БЕЛАРУСІ (КАНЕЦ XVIII – ПЕРШАЯ ПАЛОВА XIX СТ.)

Процесс коммерциализации культуры был тесно связан с ростом городского населения, поскольку именно урбанизация создавала рынок, на который могли поставлять свой "товар" представители художественных профессий. В Беларуси этот феномен имел свою специфику, обусловленную медленным ростом городов, с одной стороны, и культурными традициями – с другой. К середине XIX в. решительные шаги на пути коммерциализации сделали театр, литография, книжное дело, музыка. Медленней этот процесс протекал в изящных искусствах, архитектуре.

Фармаванне культуры Новага часу, якое разгарнулася на беларускіх землях у канцы XVIII – першай палове XIX стст. было неразрыўна звязана з працэсам урбанізацыі. Новыя тэндэнцыі ў культурным жыцці, з аднаго боку, выклікаліся да жыцця патрэбамі новага асяроддзя, у якім жыў чалавек, з другога – самі стваралі новыя ўмовы чалавечага жыцця. Адной з такіх новых тэндэнцый з'яўлялася камерцыялізацыя, як неад'емная частка і прыкмета культуры масавай, нараджэнне і развіццё якой магло быць толькі ў сувязі са з'яўленнем масавага спажывальніка. Менавіта горад быў той аўдыторыяй, на якую былі разлічаны першыя парасткі масавай культуры. З'яўленне масавай культуры было вынікам працэса дэмакратызацыі культурнага жыцця, разбурэння сацыяльных перагародак, якія раней абумоўлівалі ступень дасяжнасці культурнай спадчыны сацыяльным статусам. Цяпер гэтую дасяжнасць акрэслівалі не столькі сацыяльнае становішча, сколькі наяўнасць грошай. Горад эпохі мадэрнізацыі грамадства паступова фармаваў дэмакратычнае асяроддзе, у якім узровень жыцця асобы акрэсліваўся не паходжаннем, але заможнасцю. У гэтым рэчышчы ішло і фармаванне новай культуры.

Працэс камерцыялізацыі культуры прыцягвае да сябе ўвагу даследчыкаў, бадай што, з часоў свайго з'яўлення. Аб ім у сваіх працах пісалі К.Маркс, Х. Артега-і-Гасет, К. Ясперс, П. Сарокін і многія іншыя філосафы і культуролагі. На жаль, для айчыннай навукі грунтоўнае даследаванне працэса камерцыялізацыі культуры, яго вытокаў і наступстваў яшчэ наперадзе. У дадзенай працы аўтарка імкнецца прасачыць па меры магчымасцяў асноўныя асаблівасці пачатковага этапа гэтага працэса і яго сувязі з урбанізацыяй, якая пачалася на беларускіх землях у апошнія дзесяцігоддзі XVIII – першай палове XIX стст.

Ператварэнне культуры ў прыбытковую галіну эканомікі на беларускіх землях ішло дастаткова марудна, што было абумоўлена, найперш, невялікім рынкам і абмежаванай колькасцю спажыўцоў прадуктаў масавай культуры.

Натуральная гаспадарка, якая панавала тут да канца XVIII ст., адбівалася і на колькасці тых, хто гатовы быў плаціць за "духоўную ежу". Попыт на культурныя каштоўнасці задавальняўся ў большай масы насельніцтва – падатных саслоўяў – за кошт здабыткаў традыцыйнай культуры. У ёй стваральнікамі культурных каштоўнасцяў, як правіла, былі не прафесіяналы, а аматары. Для вышэйшых варстваў насельніцтва гэтую нішу, апрача здабыткаў традыцыйнай культуры, запаўнялі творы "на заказ", з'явы элітарнай культуры, якія ў значнай ступені былі індывідуалізаваны, часам мелі адзінкавы ці ўнікальны характар. Толькі пачатак разбурэння натуральнай гаспадаркі, следствам і умовай якога быў рост гарадскога насельніцтва, прыводзіў да прафесіяналізацыі культуры, надання з'явам культуры характару тавара, які прызначаны для свабоднай продажы.

Камерцыялізацыя не была сінхроннай ва ўсіх галінах культуры. Сваю ролю тут адыгрывала, найперш, спецыфіка інстытуцыянальнай пабудовы самой гэтай галіны, а таксама тэхнічныя магчымасці тыражыраваць і распаўсюджваць яе здабыткі. Пэўна, першым на шлях камерцыялізацыі на нашых землях стаў тэатр – найбольш дасяжнае і масавае мастацтва, якое ў нас мела даўнія традыцыі, што падмацоўвала попыт на дадзены "тавар".

Камерцыялізацыя тэатра адбывалася вельмі хуткімі тэмпамі. У апошнія дзесяцігоддзі XVIII ст як камерцыйныя пачалі працаваць прыватнаўласніцкія тэатры (тэатр Тызенгаўза, да прыкладу, мог за грошы наведаць кожны), на камерцыйных падставах працавалі французскія і італьянскія трупы, нарэшце, агульнадасяжным стаў Нацыянальны тэатр, створаны па ініцыятыве Станіслава Аўгуста ў Варшаве і гастраляваўшы па ўсёй Рэчы Паспалітай. Адзначым, што камерцыйны характар набывалі не маёнткавыя тэатры, а менавіта тыя, якія існавалі ў буйных гарадах. На камерцыйныя рэйкі, да прыкладу, не былі пераведзены прыватнаўласніцкія тэатры Радзівіла, Сапегі, Агінскага, якія існавалі на грошы ўладальніка ў магнацкіх рэзідэнцыях. Для надання ім камерцыйнага характару неабходны быў рынак, у дадзеным выпадку – наяўнасць гледачоў, якія маглі плаціць грошы за паказы. У рэзідэнцыях такога рынку проста не існавала.

На працягу першай трэці XIX ст. на беларускіх землях склалася ўжо дастаткова разгалінаваная "індустрыя тэатру", якая мела ўсе рысы галіны эканомікі. Прыватнаўласніцкія тэатры адышлі ў мінулае, іх замяніў тэатр прыватнай антрэпрызы. У ім ролю прадпрымальніка, гаспадара "тэатральнай фабрыкі" адыгрываў антрэпрынёр. Ён наймаў акцёраў і іншых работнікаў на кантрактнай аснове, арэндаваў будынак, плаціў падаткі. Ён жа клапаціўся аб даходнасці прадпрыемства: праз аб'явы і афішы ажыццяўляў рэкламу, дбаў аб разнастайнасці рэпертуара, абнаўляў гардэроб і рэквізіт, дамаўляўся аб гастролях і турнэ. У Мінску традыцыйна перад пачаткам тэатральнага сезона працавала біржа, дзе можна было наняць беспрацоўных акцёраў. Другой формай прадпрымальніцтва было таварыства акцёраў, дзе працаўнікі атрымлівалі дывідэнты ў адпаведнасці з укладзенай працай. Але такая форма ўжывалася толькі тады, калі не было фінансавай магчымасці адкрыць антрэпрызу.

Камерцыялізацыя тэатра адбівалася не толькі на яго інстытуцыянальнай пабудове. Імкненне да прыбытковасці антрэпрызы вымушала прадпрымальніка ставіць паказы "на канвеер". Гарады, дзе дзейнічалі прыватныя тэатры, не мелі дастатковай колькасці публікі, каб шматразова паўтараць спектакль. Так, да прыкладу, у Гродна ў 1830-я гады патэнцыяльных гледачоў было не больш за 1 тыс. чалавек – шляхта, чынавенства, заможныя купцы і вайскоўцы. Не лепей выглядалі справы ў Мінску, Магілёве ці Віцебску. Каб прывабіць гледачоў, антрэпрынёр мусіў кожны дзень ладзіць прэм'еру. Рэпертуарныя спісы труп ў 1830-1850 гг. налічвалі часам больш за 200 назваў. Акцёры працавалі з суфлёрам, выкарыстоўваючы сістэму амплуа. Гэта была ўжо сапраўдная "маскультура": на сцэнах шлі шматлікія пераробкі, пустыя вадэвілі, фарсы, камедыі, напісаныя або перароблены за грошы аўтарамі-падзёншчыкамі. Пры такіх умовах мастацкі ўзровень тэатральных паказаў не мог быць высокім. Выключэннем была Вільня – буйнейшы горад і культурная сталіца беларуска-літвінскіх земляў. Параўнальна вялікая колькасць жыхароў у гэтым горадзе давала магчымасць атрымліваць неблагія прыбыткі ад антрэпрызы (з даходаў ад тэатра, да прыкладу, антрэпрынёр Д.Мараўскі купіў дом за 11 тыс. рублёў [2]), адначасова з фінансавым поспехам павышаўся і мастацкі ўзровень паказаў.

Тэатр быў той пляцоўкай, на якой пачаткова адбывалася камерцыялізацыя прыгожага пісьменства. На беларускіх землях, пэўна, драматургія першым з літаратурных жанраў адчула на сабе павеў новага часу. Аднак літаратура ўвогуле, як галіна культуры, не мела тут дастатковага прастору для камерцыялізацыі, што было абумоўлена нізкім узроўнем пісьменнасці насельніцтва. Але менавіта рост гарадоў падштурхнуў і яе да выхаду на рынак. Сродкам, дзе адбывалася камерцыялізацыя прыгожага пісьменства, як плёну мясцовых аўтараў, станавіліся, найперш, часопісы. Менавіта віленскі "Атенэум", а затым "Тыднёвік Пецярбургскі" прыносілі сваім аўтарам неблагія ганарары, а выдаўцам – прыбытак. Але беларускія землі ў гэты час не далі ніводнага выпадку, калі літаратар мог існаваць за кошт продажы сваіх твораў. Літаратурная праца давала толькі дадатковы даход, як правіла, мізэрны. Друкарні, якія працавалі на беларуска-літоўскіх землях, апрача, магчыма, толькі друкарні Завадскага ў Вільні, мала ўвагі звярталі на творы прыгожага пісьменства, атрымліваючы прыбытак з друкавання бланкаў, падручнікаў, адвакатскіх прамоваў і да т.п. Прыгадаем, што менавіта ў гэты час камерцыялізацыя літаратуры хуткімі тэмпамі ішла ў Францыі, дзе, да прыкладу, працавала гэтак званая "літаратурная фабрыка" А.Дзюма, а А.дэ Бальзак на зароблены літаратурай грошы збіраўся купіць срэбнае радовішча.

Пералом у сітуацыі на рынку "літаратурнай прадукцыі" пачаўся на беларуска-літоўскіх землях у канцы 1840-х гадоў. Прыкметай гэтага стала масавае ўзнікненне кніжных крамаў, якія адчыняліся спачатку ў губернскіх, а затым і ў буйных уезных цэнтрах. У папярэдні перыяд кніга, як тавар, не мела шырокага рынку збыту (выключэннем з'яўлялася яўрэйская літаратура, якая масава прывозілася з-за мяжы, як легальна, так і кантрабандай). Кнігі распаўсюджваліся па падпісцы, часам прадаваліся разам з іншымі таварамі ў

галантарэйных і іншых крамах, прывозіліся з-за мяжы, у тым ліку, кантрабандыстамі. Кнігі былі і адным з тавараў на кірмашах, а таксама ў гандляроў-разносчыкаў. З 1840-х гадоў гэта сітуацыя змяняецца на карысць стацыянарнага гарадскога гандлю. Лічачы па каталогах кнігарняў, у другой трэці XIX ст. больш за палову кніг, якія прапанаваліся чытачам, складалі замежныя выданні – на мове арыгіналу або перакладныя. Мясцовыя ж друкарні, зважаючы на попыт, пастаўлялі ў гэты час на рынак не так творы мясцовых літаратараў, як гаспадарчыя параднікі, календары, слоўнікі і г.д. Разам з тым, паступовае стварэнне кніжнага рынку сведчыла аб узросце запатрабавання і павелічэнні адукаванасці насельніцтва. Кніжныя крамы былі разлічаны, найперш, на гараджан і станавіліся прыбытковымі ў буйных населеных пунктах – там, дзе пастаянна быў попыт на друкаванае слова, дзе, у параўнанні з вёскай, быў высокі ўзровень пісьменнасці.

Музыкальнае мастацтва таксама шукала свой рынак у горадзе і мястэчках. Формамі камерцыйнай дзейнасці ў гэтай галіне станавіліся платныя канцэрты (прыгадаем бліскучыя гастролі Ліпінскага, платныя канцэрты якога праходзілі з аншлагам), суправаджэнне тэатральных паказаў і грамадскіх імпрэз. Таксама, як і тэатр, музыка паступова выходзіла з-пад апекі вельможных мецэнатаў, адкрываючы больш дэмакратычны спосаб здабыцця грошай. У кожным губернскім горадзе ў другой трэці XIX ст. у любы момант мог быць створаны аркестр, які складаўся з прафесійных музыкантаў, да якіх часам далучаліся аматары. У такім аркестры маглі іграць вайскавыя музыканты, настаўнікі музыкі і інш. Камерцыялізацыі музычнага мастацтва садзейнічала масавае выданне нот, развіццё музычнай адукацыі. Незвычайная папулярнасць музыкі ў гарадскім асяроддзі стварала рынак музычных інструментаў, найбольш папулярным з якіх было фартэп'яна. Побач з імпартаванымі з Вены і Пецярбурга музычнымі інструментамі, на мясцовым рынку прадавалі сваю прадукцыю і мясцовыя вытворцы – Хутаў, Скакоўскі, Пястуновіч і іншыя. Красамоўна апісвае музычнае жыццё Вільні карэспандэнт "Тыднёвіка Пецярбургскага" ў 1840 г.: "Вільня, як і большасць нашых гарадоў асабліва прыхільна да музыкі. Не знойдзеш амаль ніводнага дому, дзе не было б фартэп'яна... У ніжэйшых нават класаў вельмі часта пачуеш хаця і растроенае і ссохлае, хаця ж бразгочучае, але заўсёды – фартэп'яна... Просты люд любіць музыку. Таўкуцца там, дзе граюць... Калі на свята іграюць на гарадской плошчы, або перад саборам Св.Пятра на Антаколе, тлум акружае музыкаў. У нядзелю і ў святы па тракцірам таньчаць, грае вандроўны яўрэйскі аркестр (скрыпка, басэтля, бубен са званочкамі)... Іграюць фальшыва, але ўсё, што захочаш... Музыкаў, якія граюць на вуліцах, вельмі мала. Часам ваенны аркестр ў Сапежанскім парку на Антаколе. Два гады назад ў садзе Гурскіх за Вострай брамай іграў вандроўны аркестр чэхаў, а затым – нямецкі аркестр" [1].

Вельмі марудна ішоў працэс камерцыялізацыі ў галіне выяўленчага мастацтва. Жывапіс так і не выйшаў на агульны рынак, застаючыся ўсё яшчэ залежным ад мецэнатаў, прыватных і дзяржаўных заказаў. На працягу ўсяго перыяда ў беларускіх гарадах так і не ўзніклі салоны і мастацкія галерэі па продажу карцін і скульптур; спецыялізаваныя крамы, дзе можна было купіць тво-

ры мастацтва. Віленская школа жывапісу і скульптуры падрыхтавала за час свайго існавання (да 1831 г.) каля 250 мастакоў і скульптараў, але толькі адзінкі з іх жылі за кошт уласнага майстэрства. Ян Дамель, да прыкладу, мусіў паставіць сваю работу на паток, масава робячы маламастацкія партрэты мясцовых зямян і шляхцічаў і пастаянна шукаючы заказы. Іван Хруцкі рабіў шматлікія копіі сваіх нацюрмортаў, але таксама мусіў пайсці ў кабалу да І.Сямашкі, каб утрымліваць сям'ю. Нават такія плённыя і папулярныя ў сучаснікаў майстры, як В. Ваньковіч ці К. Ельскі, мелі асноўныя даходы ці ад маёнтку, ці ад выкладання. У гэтай галіне мастацтва яшчэ доўгі час не сфармаваны быў рынак, і роля мецэнатаў заставалася дамінуючай. Камерцыялізацыя выяўленчага мастацтва ў гэты час адбывалася іншым шляхам – не праз павелічэнне колькасці мастакоў ці заможных мецэнатаў і стварэнне рынку карцін і скульптур. Важнай вехай на гэтым шляху з'явілася тэхнічнае ўдасканаленне метадаў тыражыравання твораў мастацтва праз літаграфаванне, вынайдзенае ў 1798 г. А. Зеняфельдарам. Пастаўляючы на рынак асноўную колькасць мастацкай прадукцыі, літаграфія была вельмі папулярна менавіта сярод гарадскога насельніцтва – яе таннасць прываблівала сярэдні клас, дробнае чынавенства і прадстаўнікоў інтэлігенцкіх прафесій. Літаграфія спрыяла папулярызацыі твораў выяўленчага мастацтва і архітэктуры. Адначасова яна закладвала падмурак у фармаванне масавай культуры, бо цяпер унікальныя раней артэфакты станавіліся дасяжнымі амаль для кожнага. Між іншым, менавіта на ніве літаграфіі дасягнуты быў фінансавы поспех такімі мастакамі, як А.Андрыёлі і А. Арлоўскі, якія многа працавалі для парыжскіх выдаўцоў.

Можна канстатаваць, што 1840-я гады былі своеасаблівым пераломным момантам у працэсе дэмакратызацыі і камерцыялізацыі культуры на беларускіх землях. Думаецца, што гэта адпавядала агульным тэндэнцыям сацыяльна-эканамічнага жыцця. Менавіта з 1840-х гадоў пачынаецца крызіс феадальна-саслоўнага ладу; пасляпаўстанцкія рэпрэсіі, разбор шляхты, хуткае яе збядненне прыводзіла да пошуку яе прадстаўнікамі работы ў горадзе. Такім чынам гарадское насельніцтва папаўнялася людзьмі адукаванымі, якія мелі патрэбу ў "духоўнай ежы", але не мелі на гэта грошай. Рынак такім чынам быў створаны, а жыццё прапанавала на яго новы феномен – камерцыялізаваную масавую культуру.

Спіс крыніц і літаратуры

1. Государственный архив РФ (ГАРФ), ф.109, оп. 4., д.444, л. 22
2. Skibiński, K. Pamiętnik aktora.(1786-1858) / K. Skibiński / Oprac. i wyd. M.Rulikowski. – Warszawa, 1912. – S .43.

Куль-Сяльверстава Святлана Яўгенаўна, доктар гістарычных навук, прафесар кафедры археалогіі і этналогіі Гродзенскага дзяржаўнага універсітэта імя Я.Купалы, прафесар кафедры турыстыкі і рэкрэацыі Палітэхнічнай акадэміі ў Беластоку. Сфера навуковых зацікаўленняў – гісторыя культуры Беларусі, гістарычная рэгіяналістыка.

УДК 94(476.6)

Игорь Трусов (Гродно)

АРХИТЕКТОРЫ И СТРОИТЕЛИ ГРОДНО: XII – XVIII ВВ.

Данная статья является попыткой автора привести все ставшие ему известными в результате 23-летней работы в системе реставрации памятников архитектуры Гродно сведения об архитекторах и строителях, которые в этот период работали в Гродно с привязкой к конкретным объектам. Автор не претендует на полноту сведений о гродненских архитекторах и строителях XII – XVIII вв. Материалы к теме накапливались не в связи с чисто академическим интересом к ней, а в результате производства исследований по конкретным объектам реставрации в Гродно.

Христианская религия и идеология в славяно-греческом виде сыграла в возникновении города *Гродно*, выборе места строительства города не менее важную роль, чем политические и военные соображения конкретного князя, основавшего в конце XI в. небольшой город у впадения реки *Городни (Городничанки)* в *Неман*. Иначе трудно логически объяснить, почему архитектурный облик *Гродно* в XII в. заметно отличался от архитектурного облика других городов на территории *Беларуси* этого периода. Этим отличием являлось большое количество каменных (дорогостоящих и трудоёмких) построек в небольшом по площади и населению городе: каменная башня-донжон, часть крепостных стен, каменный «терем» - резиденция, и, как минимум, 4 каменных церкви.

Само наличие 4 каменных церквей (одна из них – *Борисоглебская монастырская*) в маленьком городе XII в. с населением не более 1,5 тысяч человек свидетельствует, о том, что *Гродно* считался не только восточнославянским военным форпостом на границе с западнославянскими и балтскими племенами, но и своеобразным форпостом православия в этих землях.

В процессе строительства каменных фортификаций, княжеской резиденции и храмов в *Гродно* XII в. сложилась уникальная архитектурно-художественная школа, которая не отходит от общепринятых на восточнославянских землях канонов, но в целом – абсолютно самобытна. В конце прошлого века появилось предположительные данные о руководителе гродненской артели, которая возвела в *Гродно* укрепления, резиденцию и храмы – *Петре Милонеге* [1, с.86]. *Пётр Милонег* – архитектор византийского происхождения. Он один из четырех архитекторов домонгольского периода, имена которых сохранили русские летописи. В Ипатьевской летописи его сравнивают со строителем *Веселиилом* из Ветхого завета. Сначала, вероятно, работал в *Киеве*, затем в *Луцке* и *Турове* в 70-х годах XII в., затем в *Гродно* в 80-х годах XII в. После отъезда из *Гродно* стал придворным зодчим князя *Рюрика*.

В составе артели кроме архитектора и строителей были иконописцы, ювелиры, столяры-краснодеревщики, опытные мастера керамики, мастера обработки камня, литейщики. Крестьяне окрестных деревень под руководством мастеров артели *Петра Милонега* приготавливали для строительства кирпич-плинфу, каждую партию которого метили на отдельных экземплярах своими

родовыми знаками. Это и древние пиктограммы, и более поздние славянские либо балтские руны, и вполне современная на XII в. православная кириллица [2, с.61-62], такие знаки на бортях (ульях для диких пчёл) гродненских крестьян сохранялись в пущах вокруг города вплоть до XVIII в.

Для гродненской архитектурной школы XII века характерно применение майоликовых полов, майоликовой плитки и обработанных камней для украшения фасадов, большого количества голосников не только в целях улучшения акустики, но и в целях облегчения конструкции. Кладка, в отличие от других белорусских памятников этого периода выполнена в равнослойной технике. Гродненская архитектурная школа в этом аспекте в значительной степени отошла от традиций киевской архитектуры.

О безусловном своеобразии интерьеров гродненских православных храмов XII в. написал ещё в 1954 г. исследователь *Гродно* археолог *Н.Н. Воронин* [3, с.148].

К сожалению, исследователям пока не удалось установить имена архитекторов и строителей, которые работали в *Гродно* в XIII – XV вв. Археологи и историки достаточно полно исследовали архитектурные объекты *Гродно*, которые могли относится к концу XIII – началу XIV в.

В августе 1933 г. *Юзеф Иодковский* во время раскопок на *Старом Замке* в *Гродно* обнаружил руины храма, перекрывавшего остатки *Нижней церкви* [4, с.14]. Исходя из ситуации, он был назван условно *Верхней церковью*. Храм, несомненно, носил черты готического стиля. Учёные долго не могли придти к единому мнению относительно датировки этого объекта. *Ю. Иодковский* относил его к середине XIII в., к временам *князя Миндовга* [4, с.14], *З. Дурчевский* также датировал *Верхнюю церковь* XIII в., но относил её к «русскому времени» [5, с.4] *Н. Воронин* и *П. Раппопорт* датировали храм концом XIV – началом XV в. [6, с.183], то есть относили ко времени *князя Витовта*. В настоящее время общепринятой датировкой *Верхней церкви* считается датировка белорусского археолога *О. А.Трусова* – конец XIII – начало XIV в. [7, с.50]

Нам представляется, что постройку *Верхней церкви* мог осуществить в период с 1300 по 1326 год *князь Давыд Городенский* (с 1312 г. – гродненский каштелян), который весьма успешно отражал все набеги крестоносцев в район *Гродно*. Воспитанный в детстве и юности в сильной православной традиции в Пскове, *князь Давыд*, сын *св. Довмонта-Тимофея*, безусловно, мог стать инициатором строительства каменного православного храма на территории замка в *Гродно*. Нельзя исключить, что этот храм в готическом стиле построил архитектор или строитель из *Восточной Пруссии*, так как *князь Давыд Городенский* во время своих успешных набегов на земли крестоносцев брал значительное количество пленных.

К иным архитектурным объектам XIII в. профессор *М.А. Ткачёв* отнёс *каменную башню-донжон* на *Старом замке*, которую запечатлел летом 1567 г. на своем рисунке *И. Адельгаузер* [8, с.23]. Каких-то предположений об авторе проекта и строителе никто не выдвигал.

Наиболее значительным архитектурным объектом XIV в., известным по историческим источникам и иконографии, является *деревянный фарный кос-*

тёл на *Рыночной площади* в *Гродно*, основанный князем *Витовтом* в 1392 г. Современники описывали этот костёл как «самый большой и самый красивый в *Литве*» [9, с.192]. Имя архитектора или строителя пока установить не удалось, но, безусловно, это был талантливый архитектор.

К наиболее значительным архитектурным объектам в *Гродно* конца XIV – начала XV в. следует отнести *каменный замок Витовта*. Замок начали возводить после сильнейшего пожара 1398 г. Каких-то конкретных предположений относительно личности архитектора или строителя *каменного замка Витовта* профессор *М.А. Ткачёв* не выдвигал [8, с.23]. По мнению *А.К. Кравцевича* полностью каменным гродненский *Старый замок* стал где-то в 80-е годы XIV в., а после пожара 1398 г. замок достраивался в первой декаде XV в. *А.К. Кравцевич* также не выдвигает никаких версий относительно автора проекта или строителя замка [10, с.27]. Можно только предполагать, учитывая тесные и разнообразные отношения *князя Витовта* с крестоносцами, что это мог быть выходец из *Восточной Пруссии*.

По мнению *А.К. Кравцевича* в середине XV в. был построен *«Королевский дом»* (*Domus Regiae*) на *Нижнем замке* в *Гродно*. Каких-то предположений относительно личности архитектора или строителя он не выдвигает [10, с.27].

По нашему предположению первый ремонт *Борисоглебской (Коложской) церкви* XII в. производился в период 1300 – 1326 гг. [11, с.56]. Большемерный кирпич, примененный для ремонта храма, относится именно к данному периоду. Такой строительный материал уже был применен в этот период на территории *Беларуси* для постройки в 1276 – 1288 гг. *Каменецкой вежи* [12, с.19, 22], *Верхней церкви* в *Гродно*, *Лидского* и *Кревского замков*, причем три последние объекта *О.А. Трусов* как раз и датирует концом XIII – первой третью XIV в. [7, с.50]. Каких-то предположений относительно личности архитектора или строителя, производившего ремонт, никто пока не выдвинул.

Во второй половине XV в. рядовая застройка *Гродно* уже не только деревянная, но и фахверковая [13, с.7]. Очевидно, что фахверковые дома, отраженные на рисунках *И. Адельгаузера* 1567 г., скорее всего, были не совсем пригодными для гродненского климата, а были построены выходцами из *Восточной Пруссии* и по «прусской моде».

Среди архитектурных объектов *Гродно*, которые возникли в первой половине XVI в., наиболее известны такие, как *городская ратуша* на рыночной площади, *костёл и шпиталь Святого Духа* на *улице Виленской* (*сейчас ул. Советская 14*), *«Замковый двор»*. В специальной литературе никто пока не определил авторов архитектурных проектов этих объектов на основании архивных документов.

Здесь следует отметить, что ряд исследователей считает, что первая *гродненская ратуша* была деревянной. Так, во всяком случае, считал в 1985 г. белорусский исследователь *Ю.А. Якимович*. Правда, в своей монографии 1991 г. [14, с.104] он отказался от этой точки зрения. На основании многолетнего анализа гравюры *Матеуса Цюндта* 1568 г., выполненной по рисункам *Иоганна Адельгаузера* 1567 г. [15, с.103-130], автор пришёл к выводу, что первона-

чально – в самом начале XVI в. и до конца 80-х годов этого века – *гродненская ратуша* была деревянной. Архитекторы и строители первой *гродненской ратуши* не установлены на основании архивных источников, тем не менее можно предположить что первую гродненскую деревянную ратушу строили, скорее всего, местные зодчие, которые к этому времени уже обладали огромным опытом. Ведь именно они возвели столетие тому назад "самый большой и красивый деревянный костёл в *Великом княжестве Литовском*", как писал в своем письме к провинциалу иезуитов *Джиовани Паоло Кампано король Стефан Баторий* [16, с.4].

По нашему мнению, как минимум до конца 80-х годов XVI в. гродненская ратуша была деревянной, хотя не исключено, что первый этаж и подвальные помещения были с самого начала каменными. Это вполне очевидно вытекает из архитектурного анализа изображения этого строения на гравюре *Матеуса Цюндта* 1568 г. по рисункам *Иоганна Адельгаузера* 1567 г. [15, с.103-130] и сравнения этого изображения с гравюрой *Гродно* 1600 г. *Томаша Маковского* [17]

Чтобы завершить рассмотрение вопроса, связанного со зданием гродненской ратуши XVI в. и возможными авторами его проекта, следует привести следующие соображения. Ни *Е.Д. Квитницкая* [18, с.25], ни *Ю.А. Якимович* в своей монографии [14, с.104], ни *Ю. Гордеев* в своей статье [19] и монографии [20] не дают сравнительного архитектурного анализа изображений *гродненской ратуши* 1568 и 1600 годов. В то же время на гравюре 1600 г. изображено совершенно иное здание *гродненской ратуши*, с другим членением, меньшего объёма, другим расположением часовой башни. Это строение гораздо больше соответствует понятию каменное здание, чем изображенное на *гравюре Цюндта/Адельгаузера*. Здесь следует отметить, что и *Иоганн Адельгаузер* и *Томаш Маковский* были очень точны в изображении деталей главных зданий города *Гродно*.

Кто же мог быть автором перестройки *гродненской ратуши*, как и когда это произошло? Во-первых, перестройка могла произойти только между 1568 и 1600 годами. Во-вторых, *гродненский магистрат* вряд ли бы нанял для работы дорогих итальянских архитекторов, как это делал король и магнаты. В-третьих, именно в этот период в *Гродно* работало несколько талантливых muratoris, то есть строителей из *Восточной Пруссии*, выполнявших и обязанности архитектора. Ими были: *Фабиан Шорнштейн (Fabian Schornstein), Кристоф Ханнеманн (Christof Hannemann), Кристоф Аллер (Christof Aller), Георг Шеллец (Georg Schellez), Конрад Н. (Konrad N)* [21, nr 617]. Все они сбежали в 1585 г. из *Пруссии* в *Гродно*. Часть из них, очевидно, трудилась до 1586 г. над возведением каменного костёла для короля *Стефана Батория* в Гродно. Например, *Ф. Шорнштейн, К. Аллер и Г. Шеллец* имели опыт возведения костела и арсенала в *Мальборке* [22, str.274]. Вряд ли до смерти короля *Стефана Батория* в декабре 1586 г. они могли приступить к перестройке гродненской ратуши. Мы в своем исследовании по *«Фаре Витовта»* установили, что только после окончания строительства каменного костёла для *Батория* и отказа иезуитов от этого здания была разобрана и *деревянная «Фара Витовта»* [23, с.

12]. Возможно, что с этой разборкой и вытекающей перепланировкой *гродненского Рынка* и было связано возведение новой *каменной ратуши*.

Другим объектом первой половины XVI в., «оставшимся без архитектора», является *костёл и шпиталь Святого Духа* по *улице Виленской* (*сейчас Советская 14*), черты которого еще можно «прочитать» в *здании администрации Ленинского района города Гродно*. *Е.Д. Квитницкая* в 1962 г., основываясь на документе, опубликованном в *«Tece Wileńskiej»*[18, с. 25], приводит дату основания этого здания – 1553 г. Однако этот документ и его рукописный оригинал [24, А 2210] нельзя толковать однозначно. Позже, в своей статье «Малоизвестные зальные сооружения Белоруссии конца XV – начала XVI в.»[25, с. 5] *Квитницкая* всё же предположила, что костёл соответствует скорее архитектуре первой половины XVI в. Польский исследователь архитектуры *профессор Ежи Лилейко* из *Варшавы* в частной беседе с автором полагал, что автора проекта *гродненского костёла Св. Духа* следует искать в кругу *Яна Баптиста Квадро (Jan Baptista Quadro)*[26].

Ко времени правления *Сигизмунда-Августа* гродненский историк *Ю. Иодковский* [27] относит строительство т.н. *«Замкового двора»*, располагавшегося до 1944 г. на месте современного *Городского Дворца культуры*. В 1865 г. его запечатлел на своей акварели *Н. Орда*. Даже после перестройки в XVIII в. это здание сохраняло черты позднего Ренессанса. Профессор *Ежи Лилейко* в частной беседе с автором полагал, что авторов проекта этого казённого здания (в нём была *резиденция гродненского лантвойта*) следует также искать в кругу архитекторов ломбардско-венецианской школы, таких, как упомянутый выше *Ян Баптист Квадро (Jan Baptista Quadro)* и *Франческо Парио (Francesco Pario)*[26]. Кстати, именно это здание, вслед за *Ю. Иодковским*, автор считает настоящей *Баториевкой*, то есть местом анатомического вскрытия тела *короля Стефана Батория*.

Наибольшее количество проблем с авторством таких объектов как *Старый Замок* (перестройка в правление *короля Стефана Батория*) и т.н. *«Фара Витовта»* (каменный костёл, построенный *Баторием* для приглашенных в *Гродно* иезуитов) возникло в XIX – XX вв.

После опубликования работ *Ю. Иодковского*, *Ю. Войцеховского* и *В. Дурчевского* [5] в специальной литературе вплоть до конца XX в. автором проекта перестройки *Старого замка* для *Батория* считался *архитектор Скотто из Пармы*. Но в 1969 г. вышла книга *А. Фишингера* [28], в которой он привел весьма основательные аргументы в пользу того, что автором перестройки *Старого замка* в *Гродно* был итальянский архитектор *Санти Гуччи (Santci, Xanti, Sancti Gucci)*, как, впрочем, и автором проектов еще не менее трёх объектов в *Гродно*. Современные исследователи: профессор *Ежи Лилейко* из *Варшавы*, профессор *ксёндз Ежи Пашенда* из *Кракова*, научный руководитель проекта реставрации *Старого замка* минский архитектор *Владимир Бачков* и мы, придерживаемся этой точки зрения. Авторские стилевые особенности маньеризма – позднего Ренессанса – *Санти Гуччи* хорошо видны на гравюре *Томаша Маковского* 1600 г. Ежи Лилейко в своей статье о перестройке Старого замка в Гродно в 1673 – 1678 гг. [29, с. 130] предполагал, что *Санти Гуччи*

мог помогать фортификатор *Рудольфино да Камерино (Rudolfino da Camerino)*. Ниже мы приведём еще ряд аргументов в доказательство того, что автором перестройки *Старого замка* для *Батория* был *Санти Гуччи*.

Не меньшее, если не большее, количество споров возникло и по поводу того, кто был автором законченного в 1587 г. каменного костёла на *Рынке* в *Гродно* – т.н. *«Фары Витовта»*. Дискуссия по этому поводу велась заочно между белорусской исследовательницей *Тамарой Габрусь*, с одной стороны, и ксендзом *Ежи Пашендой* и *Ежи Лилейко*, с другой. *Георгий Голенченко* разыскал в 1984 г. в отделе рукописей библиотеки АН Украины в *Киеве* папку с архивными архитектурными чертежами различных объектов *Беларуси* XVI – середины XVII в., большая часть которых была составлена итальянским архитектором *Джиованни Мария Бернардони (Giovanni Maria Bernardoni)*, которые позже проанализировал вместе с *Т. Габрусь*. Среди них есть и обмерный чертёж плана каменного костёла в *Гродно* на *Рынке*, который, по их мнению, был проектным. *Ежи Лилейко* и *Ежи Пашенда* настаивали на том, что автором проекта каменного костёла на *гродненском Рынке* был *Санти Гуччи*, и что чертёж *Бернардони* был обмерным, составленным по заданию иезуитов. Автор в 1990 г. лично работал с указанными документами в *Киеве* и пришёл к выводу, что чертёж *Бернардони* является обмерным, и этот архитектор никакого отношения к строительству данного костёла не имеет. Об этом свидетельствуют и авторские черты, присущие *Санти Гуччи*, а отнюдь не *Джиованни Мария Бернардони*, отражённые в изображении костёла на гравюре *Томаша Маковского*.

К творческому наследию *Санти Гуччи* в *Гродно А. Фишингер*, а затем и *Е.Лилейко* относили разрушенное в 1944 г. примыкающее со двора к главному корпусу каменное двухэтажное крыло здания на *Советской площади*, которое по традиции в *Гродно* называют *«Баториевка»*. *А. Фишингер* до войны работал с его обмерами[30]. *Е. Лилейко* [31] и вовсе предположительно приписал строительство всей *«Баториевки» Санти Гуччи*. Автор много раз заявлял ему о своём частичном несогласии с этим. Ведь только архитектурные черты дворового крыла этого объекта, несомненно, несут на себе авторские черты этого архитектора.

Еще один объект – каменное здание *главной Гродненской синагоги*, построенное между 1576 и 1578 годами. Оно также до сих пор не получило в специальной литературе правильной датировки и привязки к автору первоначального проекта. В белорусской специальной литературе конца XX – начала XXI в. оно по-прежнему числится как здание, построенное в конце XIX – начале XX века в стиле модерн. Но ещё в 1998 г. в газетной статье [32] мы обратили внимание на тот факт, что это здание было построено в период правления *Стефана Батория* и именно по проекту архитектора *Санти Гуччи*. После пожара 1617 г. *синагога* была перестроена в стиле барокко, какой её и запечатлел в 1867 г. *Н. Орда*. После реставрации в 90-х годах XX в. главный зал *гродненской синагоги* является единственным в *Гродно* помещением, где в интерьере присутствуют ярко выраженные черты позднего ренессанса – маньеризма, воплощенные в натуре архитектором *Санти Гуччи*. Видный петербургский востоковед середины XIX в. *Михаил Гаркави* (родом из *Новогрудка*) опубликовал

в издании «*Восход*» цикл статей о синагогах *Северо-Западного края* [33]. В одной из них он приводит надпись на мемориальной доске, которая находилась в главном зале гродненской синагоги до пожара 1899 г. примерно такого содержания: «Всемирно известный гродненский *раввин Иосиф Бен-Иоффе* по прозвищу «*Левуш*» во время пребывания в *Италии* познакомился с архитектором по имени *Санти Гуччи*, пригласил его для постройки каменной синагоги в *Гродно*. Когда строительство было закончено, здание так понравилось *королю Стефану*, что он пригласил этого архитектора перестроить ему замок».

В специальной литературе начало строительства (закладку краеугольного камня) *гродненского бернардинского костёла* относят к 1602 г. [34, с. 79], а окончание строительства костёла – к 1617 г. Это вступает в очевидное противоречие с такими фактами, как стилевые особенности основного объема (это скорее поздняя готика) и тем, что костёл изображен на гравюре *Томаша Маковского* 1600 г. как каменный.

То есть, совершенно очевидно, что <u>каменный</u> гродненский бернардинский костёл был построен до 1600 г., а даты 1602 и 1617 относятся к закладке и окончанию строительства каменных монастырских корпусов. Кто был автором проекта постройки гродненского бернардинского костёла в конце XVI в., ещё предстоит установить. В своей обширной статье о гродненском бернардинском костеле доктор *Дорота Куты-Пирамидович* [35, с. 398] так и не привела даже предположений об авторстве этого проекта.

В XVI в. дважды серьезно ремонтировалась *Коложская церковь*. Первый ремонт произошел, скорее всего, между 1500 и 1520 годами [11, с. 57]. Здание храма тогда приобрело вид, отражённый на гравюре *Цюндта* по рисункам *Адельгаузера*. Автора проекта перестройки нам установить не удалось. Второй серьезный ремонт *Коложи* произошёл между 1591 и 1600 годами [11, с. 58], когда храм получил позднеренессансный вид, отраженный на гравюре *Томаша Маковского*. Архитектора нам также не удалось установить. О несомненно ренессансном характере этой перестройки свидетельствует чудом сохранившийся к 1852 г. переплет окна [11, с. 58].

В обширном инвентаре 1560 г. [36, с. 30,36,47] перечислено только три человека, которые могли иметь отношение к строительству в Гродно. Это *Иванко-коваль*, «дом мулярский» *Мартина Палнковича* и *Мартин Вежевич-кроведьщик* (strycharz).

В 1503 г. в Гродно был построен первый постоянный мост через реку *Неман* – деревянный, который опирался на две опоры. Опоры представляли собой деревянные конструкции, заполненные валунами. С точки зрения истории техники интересна технология установки таких опор. Наши предки в начале XVI в. блестяще справились с поставленной задачей. Опоры, очевидно, собирали на берегу из круглого леса, скорее всего из дуба (дубовая древесина, помимо высокой прочности практически не подвержена гниению в воде), затем сплавляли по Неману в нужную точку. Там конструкции переворачивали в месте опоры моста и ставили на якоря, а затем наполняли сверху конструкцию огромными валунами. Насколько нам известно, такую технологию не применяли нигде больше. Именно гравюра *М. Цюндта* 1568 г. по рисункам

И.Адельгаузера 1567 г. дает нам четкое представление о технологии строительства первого постоянного моста через *реку Неман* в *Гродно*. Все наши усилия «привязать» первый постоянный мост в Гродно к конкретной личности не привели к успеху [37].

Гродненский бернардинский костёл и монастырь начал достраиваться в 1602 [38, с. 57] – 1605 [35, с. 400] годах. Строения костёла и монастыря сильно пострадали во время московско-польской и польско-шведской войны 1654 – 1667 годов. Согласно сведениям *Дороты Иоанны Куты* хоры в этом костёле были построены в середине XVII в. люблинскими мастерами [35, с. 401,402]. По сведениям *А. Вашкевича* и *А. Черникевича* костёл и монастырь перестраивались в 1682 г. [38, с. 57]. У специалистов каких-то обоснованных предположений об авторах перестроек XVII в. гродненского мужского бернардинского монастыря нет.

В 1618 г. в *Гродно* был основан женский *монастырь бернардинок*. К середине XVII в. был построен каменный костёл и монастырский корпус [34, с. 81]. Как и было выше сказано, нет никаких до сих пор предположений об авторах проекта постройки этого комплекса.

В 1632 – 1636 гг. в *Гродно* был основан костёл и *женский монастырь бригиток*. Считается, что он был к 1638 г. отстроен из дерева и огорожен [39, с. 349]. В 1642 г. каменный костёл *бригитского монастыря* был, в основном, построен (без отделки интерьеров), и были подведены фундаменты под здания монастыря. В 1645 г. каменный костёл ещё не был введён в эксплуатацию [39, с. 350]. Нам совершенно точно известно, что костёл был освящён и открыт 19 октября 1651 г. [39, с. 350]. Нам известно также об участии в создании главного и двух боковых алтарей виленского художника *Иоганна Шретера (Iochan Schreter)*, участии в создании алтарей гродненских *Ганса*-резчика и столяров *Адама (Adam)*, *Хильденбранта (Hans Childenbrandt)* и *Георга Зехеля (Georg Sechel)* [39, с. 350]. В 1647 г. орган в этом костёле подрядился сделать гданьский мастер *Мартен Фризе (Marten Friese)*. Несмотря на обширную специальную литературу по этому архитектурному объекту в *Гродно*, никто из исследователей не выдвинул как-нибудь обоснованную версию об авторе проекта строительства *бригитского костёла* и монастыря в *Гродно*.

Традиционно считается, что сохранившийся в бригитском монастыре *деревянный лямус* был построен в XVII в. Автор не согласен с такой датировкой этого объекта и относит его ко второй половине XVIII в. Дело в том, что во время катастрофического пожара Гродно 1753 г. в легенде (аннексе) к плану о состоянии монастыря и костёла бригиток в Гродно написано следующее: «Specification, Was bey den Andern Feuer in Asche gelegt worden, Als, 1.Ist bey den Jungfr. Brigitgen in der Küche das aus kammer und seynd die Dächer alle weg gebrandt, als von der Kirche, kloster und thürme feuderlich aber und die verdere Tatciade ins unverfehrt gieblieben von … ist das fruere gepflogen bis No 2…» [40, Fach.90,Nr 6.], что означает, по мнению автора, что все хозяйственные строения (в том числе и возможный лямус XVII в.) сгорели. Кроме того, во время чрезвычайно неудачных реставрационных работ по этому объекту в 80-е годы XX в., автор во время натурного исследования пришёл к такой же (вторая по-

ловина XVIII в.) датировке, но тогда ещё не был знаком с «дрезденскими» материалами.

Гродненский францисканский костел и монастырь был основан в 1636 г. *Евстахием Курчем* в *Занеманском предместье Гродно*. Он подарил монахам-францисканцам каменный дом в городе [41, с. 15]. Автору, безусловно, известно, что часть интерьеров *францисканского костёла* относится ко второй половине XVII в. Согласно данных последних исследований костёл и монастырь был разграблен шведами в 1659 г. [41, с. 15]. В то же время до сих пор не существует версии об авторе проекта и строителях костёла и монастыря и о художниках и скульпторах, которые работали над интерьерами костёла в XVII в.

Честнокрестенская церковь, как униатская, просуществовала до 1674 года, когда митрополит киевский *Киприан Жоховский* подарил кармелитам босым земли и саму церковь для обустройства монастыря. До постройки нового каменного кармелитского монастыря в 1736 – 1751 годах по проекту гродненского архитектора *Мейзера*, богослужения монахов-кармелитов проходили в переделанной в костел *церкви Честного Креста* [42, с. 11]. *Деревянный костёл кармелитов*, скорее всего, был перестроен из разобранной *Чеснокрестенской церкви-ротонды*. Относительно архитектора или строителя, который произвел эту перестройку, у автора версий нет.

В 1643 г. по *улице Замковой* упоминаются каменный дворец и каменица *князей Массальских* [43], в настоящее время это надстроенное в 1912 г. (*улица Замковая 5*) трехэтажное здание общежития медицинского университета и небольшой одноэтажный «остаток» дворца *князей Массальских*, который сгорел в 1892 г. (*улица Замковая 7*). Автора проекта этих ранних барочных зданий установить пока не удалось.

В первой половине XVII в. на берегу *Немана* на *Подзамче* на плацах, принадлежавших с 1530 г. *князьям Сапегам* [38, с. 26] и где располагался обширный деревянный двор, был построен каменный двухэтажный дворец с четырьмя башенками по углам. Таким он изображен на так называемом «Стокгольмском плане Гродно 1655 г.» [44, 0425:05:035]. Ссылка на этот источник для датировки этого объекта была бы, казалось, достаточной, как и в прежних статьях разных авторов об архитектуре и планировке Гродно. Но именно автор впервые усомнился в датировке этого плана. Аргументы следующие: 1)хранящийся в Krigsarkivet план Гродно: 0425:05:035 Grodno 1655 "Plan des Retrenchement fait devant grodno par l'armie de la Majeste K Zariene 1655." фактически является планом начала XVIII в. Из легенды (надписи) следует исключительно только, что это план укреплений, построенных армией московского царя в 1655 г., но отнюдь не то, что это план Гродно 1655 г. На плане из стокгольмского архива нанесены объекты, которые по определению не могли существовать в 1655 г.: каменный иезуитский храм на Рыночной площади (строительство началось в 1678 г.), здания же иезуитского коллегиума начали строить только в 1677 г.; дворец князей Радзивиллов на южной стороне Рыночной площади начали строить не ранее 1673 г. Автор датирует план из стокгольмского архива на дату около 1706 г. как по вышеуказанным причинам, так и в связи с наличием почти полного датированного аналога в Российском Во-

енно-Историческом архиве [45]. Безусловно, общее архитектурное решение каменного дворца Сапег, сходное, например, с замком в Гайтюнишках, дает нам чисто искусствоведческое обоснование датировать этот объект первой половиной XVII в.

В 1673 – 1678 гг. для нужд, связанных с проведением литовской каденции сеймов *Речи Посполитой*, был перестроен *Старый замок* в *Гродно*. В частных беседах с научным руководителем проекта реставрации Старого замка в *Гродно* архитектором *Владимиром Бачковым* нам так и не удалось выдвинуть какое-либо внятное предположение об авторе проекта этой перестройки. В своей статье на эту тему *Ежи Лилейко* полагал, что архитектора и авторов интерьеров следует искать в кругу архитекторов и художников литовского канцлера *Кшиштофа Паца* – известного мецената [29, с. 140].

Несмотря на решение конфедерации в Варшаве в 1673 г. о проведении каждого третьего Сейма Речи Посполитой в Гродно в конце XVII в. не было оживления строительства, хотя выгода от сдачи квартир во время проведения сеймов была очевидной.

В первой декаде XVIII в. в Гродно заканчивается строительство каменного иезуитского костёла. Эта сложная задача (кладка сводов) была возложена на цехмастера гродненского цеха каменщиков *Томаша Персицкого (Tomasz Piersicki)* [46, с. 9]. Номинально он проходит в документах как строитель (murarius), но очевидно он обладал квалификацией архитектора. Так, в документах он жалуется на конкуренцию (претензию на проведение завершающих работ) от не названных итальянцев [46, с. 9]. *Томаш Персицкий (Tomasz Piersicki)* был руководителем строительства (praefectus fabricate) при окончании строительных работ на иезуитском костёле, то есть это означает de facto, что он осуществлял не только строительство, но и архитектурный надзор за проектом. В своей работе Е. Пашенда [47] перечисляет еще ряд иезуитов, которые в той или иной степени принимали участие в строительстве и перестройках иезуитского костела в XVIII в.: *Пётр Петкевич (Piotr Pietkiewicz), Франтишек Нейман (Franciszek Neyman), Казимеж Пётровски (Kazimierz Piotrowski), Ян Ренн (Jan Renn), Кшиштоф Козыровски (Krzysztof Kozyrowski), Ежи Бирш (Jerzy Birsch), Франтишек Игнацы Берман (Franciszek Ignacy Bierman), Фридерик Юзеф Обст (Friderik Józef Obst).*

Весьма сложно, не имея достаточного количества данных, судить об авторе первоначального проекта т.н. «иезуитской аптеки» в Гродно, построенной (в одноэтажном с мансардой варианте) в 1709 г. Так как *Ю. Иодковский (Józef Jodkowski)* обнаружил в 20-е годы XX в. самые старые печи только на первом этаже здания, то можно, с определенной натяжкой, считать автором первоначального проекта строительства «иезуитской аптеки» *Якуба Руффа (Jakub Ruoff или Rouff)* [47, с. 187].

В то же время в личном письме для автора этой статьи, великолепный исследователь истории Гродненщины, *Витольд Карпыза (Witold Karpyza)*, утверждает, что в 1708 г. в Гродно приехал знаменитый фармацевт *Анджей Юцевич (Andrzej Jucewicz)*. По его мнению, *Анджей Юцевич*, мог быть автором первоначального проекта «иезуитской аптеки» в Гродно [48]. Данные *В. Кар-*

пызы не имеют подтверждения в архивных источниках. Дальнейшую судьбу аптеки (перестройку, а точнее, надстройку второго этажа и мансарды) мы пытались исследовать в 1990 г., но автора проекта перестройки установить не удалось [49, с.12], правда, профессор Мария Каламайска-Саэд подсказала мне недавно, что автором этого проекта был архитектор Вильгельм Срока [50], но речь здесь идет конечно уже о перестройке начала XX в.

О несомненной реальной архитектурной квалификации *Якуба Руфа* свидетельствуют его позднейшие работы по коллегиуму и костелу, перечисленные в работе ксендза *Ежи Пашенды (Jerzy Paszenda)* и ксендза *Яна Поплятка (Jan Poplatek)* [47, с. 187].

В самом конце XVII в., но скорее всего между 1701 и 1706 годами, за Неманом в Гнойнице на границе с Занеманским форшадтом был построен на месте деревянного двора трехэтажный каменный замок *князей Радзивиллов*. Это здание было отображено на т.н. «стокгольмском плане Гродно 1655 г.» (реально 1706 г.) [44, 0425:05:035], и российском плане Гродно 1706 г. [45]. Наш вывод о постройке этого объекта между 1701 и 1706 годом мы основываем на фразе из письма русского офицера: «…ночевал в занеманском дворе *кн. Радзивила*, дом деревянный и ветхий», относящейся к концу 1700 г. [51]. Загородный каменный дворец князей *Радзивиллов* – достаточно таинственный объект. Во всяком случае, в радзивилловском фонде в Главном архиве древних актов в Варшаве и в фонде *Радзивиллов* в Национальном историческом архиве Беларуси в Минске о нём нет ясного упоминания. Поэтому, несмотря на обилие источников, «привязать» конкретного архитектора к этому проекту нам не удалось. Правда, ниже мы пишем об архитекторах, которые работали при перестройке дворца князей *Радзивиллов* на Рынке в Гродно – в принципе каждый из них мог быть автором проекта «занеманского замка *Радзивиллов*».

Вторая декада XVIII в. вносит в строительную историю города Гродно определенное оживление, это, прежде всего, касается общественных зданий. К проведению гродненского Сейма (3 ноября – 14 декабря 1718 г.) в Гродно было построено специальное здание для делегатов Сейма (Izba Poselska), которая, по планам Гродно, располагалась по улице Бригитской (сейчас Карла Маркса). Также было перестроено здание т.н. «Баториевки» на Рынке, в этот период – резиденция князей *Сапег*. В Главном секретном архиве земли Саксония в Дрездене храниться чертеж переустройства «Баториевки» под королевскую резиденцию на время сеймов[31].

Ежи Лилейко из Варшавы считает, что автором проекта мог быть один из князей *Сапег* [31, с. 271] Но, генеральный план всей ситуации был подписан *Д.И.Х. Яухом (Daniel Jan Joachim Christian Jauch)* [31, с. 275], который мог быть автором перестройки. Во всяком случае, единого мнения у исследователей по этому поводу нет.

По мнению *Станислава Шыманьского* решение о постройке резиденции короля и нового места проведения сеймов на территории Нижнего города (Domus Regiae, позднее) могло возникнуть уже в 1708 г., созреть после очевидных неудобств во время проведения Сейма 1718 г., и окончательно утвердиться во время проведения Сейма 1726 г. [52, с. 299].

В своей работе к нереализованному проекту «Капитальный ремонт кровли и фасадов Нового замка в городе Гродно по улице Замковой 22»[53], мы установили, что при постройке т.н. «Нового Замка» в Гродно участвовал ряд архитекторов.

Традиция приписывает первоначальный проект постройки Нового Замка архитектору *Матеасу Даниэлю Поппельманну (Mateas Daniel von Pöppelmann)*.Но, к этому времени он уже покинул территорию Речи Посполитой в 1718 г., а решение о строительстве Нового замка было принято в 1726 г. То есть если он и принимал участие в проектировании, то издалека, из Саксонии. Впрочем, этого нельзя исключить. В проектировании Нового замка, кроме *И.Х. Яуха (Daniel Ioachim Christian Jauch)* и *Дж. Сакко (Juseppe Sacco)* принимал, очевидно, участие сын *Попельманна – Карл Фридрих Поппельманн (Karl Fridrich von Poppelmann)*. Он находился под сильным влиянием архитектора *Иоанна Фридриха Кнёбля (Iogann Fridrich Knöbel)* [53, с. 22]. Проект перестройки Нового Замка (прежде всего интерьера) и постройку кордегардии, кондитерской и въездных ворот со скульптурами наверху, безусловно, принадлежит архитектору *Джузеппе Сакко (Juseppe Sacco)* [53, с. 23].

Между 1736 и 1738 годами игуменом Кульчыньским был проведен ремонт Коложской церкви, по крайней мере, в инвентаре 1738 г. записано, что «крыша гонтом недавно покрыта, состояние которого еще хорошее» [54, с. 19]. Здесь следует отметить, что по этому инвентарю крыша перекрывает весь объём храма, посередине гребня крыши купол побольше, а по концам два поменьше. На куполах железные кресты, позолоченные с медными, также позолоченными, лучами [54, с. 11]. Такое описание крыши не совпадает с изображением храма на «дрезденской» панораме 1700 г. [55]. Видимо, ремонт храма, произведенный между 1692 и 1698 годами, не удовлетворял Кульчинского, и он не только перекрыл крышу новым гонтом, но и видоизменил её. Автора проекта ремонта нам пока установить не удалось.

В 1726 г. по проекту архитектора *Иосифа Фонтаны III* была построена каменная церковь Рождества Богородицы, а в 1726 – 1751 гг. по его же проекту – монастырский корпус [22, с.80]. На строительство храма присылали свои пожертвования униатские митрополиты *Афанасий Шептицкий и Флориан Гребницкий* [56, с. 105]. Во время пожара в конце мая 1753 г., храм и монастырский корпус пострадали, в спецификации к плану Гродно 1753 г. под литерой «С» написано следующее: «девич.[ий] базилианский монастырь, то есть церковь и крыша монастыря и деревянные здания и колокольня повреждены огнем также канцелярия внутри, кроме того ещё более ничего, сверх этого хозяйственные постройки и юрисдика полностью в пепел превратились» [57]. Монастырь был довольно быстро восстановлен, так как духовенство Гродненского деканата было обложено специальным налогом на его восстановление [56, с. 154]. Видимо, из-за пожара не был реализован замысел архитектора, замкнуть келейный корпус вокруг храма в форме буквы «П».

Третья и четвертая декады XVIII в. характеризуются небывалым всплеском строительства магнатских резиденций в Гродно. Это, безусловно, связано с проведением здесь Сеймов, политической выгодой обладания в сеймовом го-

роде резиденцией, немалой экономической выгодой от сдачи квартир во время Сеймов [58, с. 31] и дальнейшей немалой доходностью от обладания юриздиками, на что справедливо указывала *Тереса Зелиньска* [59, с. 50].

Именно между 1718 и 1753 годами на территории города на т.н. «либертованых плацах» и на выкупленных у магистрата юриздиках Гродно было построено несколько десятков шляхетских и магнатских резиденций и камениц с наемными квартирами.

Безусловно, об архитекторах большинства проектов магнатских резиденций, построенных к 1753 г., не имея доступа к Главному секретному архиву Саксонской земли, что-то определенное сказать трудно.

Минский исследователь *Е. Курто* в своих историко-архивных исследованиях к проекту реставрации бывшего дворца *Ляхницких* на улице Замковая 16 [60, с. 11] считает, что эта резиденция была построена по опубликованным чертежам «дома для богатых» итальянского архитектора *Трезини*. Перестройку резиденции в стиле классицизма по *Е. Курто* производил *М. Кнакфус (M. Knakfus)*. В свое время мы получили фотокопию плана первого этажа этого дома 1752 г. [61] из архива в Дрездене. Анализ этого плана привёл нас к заключению, что вывод *Е. Курто* про *Трезини* совсем не очевиден.

Одно из самых таинственных зданий на дрезденском плане 1753 г. – это «стеклянный дворец». Дворец этот обозначен на плане литерами MM, а в аннексах (легенде) записано под этими литерами «стеклянный дворец». Здание это сгорело во время пожара, но память о нем жила долго. В 1847 г., при выяснении происхождения одного из плацев в Гродно, местный житель писал: «…на этой земле не было никакой церкви, а стоял хрустальный дворец, который сгорел очень давно» [62]. Какой бы архитектор не был автором проекта этого здания – совершенно ясно, что в архитектуре этой резиденции он применил «французские окна».

Чуть более известно о строительстве в XVIII в. (скорее перестройке) дворца князей Радзивиллов на Рынке в Гродно. Материалы в Главном архиве древних актов в Варшаве [63] и фонде князей Радзивиллов в Национальном историческом архиве Беларуси в Минске не дают оснований отрицать участие в перестройках этого дворца в XVIII в. таких архитекторов как *Доминик или Якуб Фонтана (Jakob Fontana, очевидно сын Иосифа Фонтаны II), Карла Петерсона (Karl Peterson), Казимира Антония Здановича (Kazimierz Antoni Zdanowicz)* и *Августина Рошкевича (Auguscin Roszkiewicz)* [64, с. 250].

Что касается автора проекта перестройки дома вдовы дворянина Зелепуги XVII в. (прежде магдебургской корчмы в Гродно) на углу современной Советской улицы и Советской площади в каменицу (проще – доходный дом XVIII в.) князей *Сангушек*, то здесь мы по-прежнему остаемся при своем мнении, о том, что автором проекта перестройки был *Павел Антоний Фонтана (Paolo Antoni Fontana)*. Правда, в качестве оппонентов по данному вопросу выступают такой знаменитый исследователь Гродно как доктор *Юрий Гордеев* и некоторые историки из Польши.

В истории архитектуры и строительства Гродно не так много «местных», то есть проживавших в городе, архитекторов. В XVIII в. к таким архитекторам

относится *Мейзер (Meyzer)*, имя которого нам пока не удалось установить. *Станислав Лоза* (вслед за *Лопатинским*) приписывает ему руководство строительством дома гродненского почтмейстера *Бадараки (Badarakiego)* на «плацу Цехливичовским» на гродненском Рынке [22, с. 201]. Во время проектных работ по реконструкции «кармелитских казарм» [65, с. 15], т.е. того, что осталось к 1990 г. от комплекса монастыря кармелитов в Гродно, нам удалось разыскать упоминание о самой крупной, видимо, работе архитектора *Мейзера* в Гродно. Мы установили, что архитектор *Мейзер* был автором проекта постройки костела и монастыря кармелитов в Гродно, дома почтмейстера *Бадаракки*. Таким образом, архитектор *Мейзер* является крупной фигурой в истории градостроительства Гродно XVIII в. Причём он был новатором в сфере проектирования (постройки) монастырских комплексов в XVIII в. *Е. Квитницкая* отмечет в своей статье [66, с. 98], что именно гродненский кармелитский монастырь стал первым на территории ВкЛ, в котором рефлектарий (reflectarium – столовая) вместе с кухней были отделены по проекту от монашеских келий. Это нововведение было полезно как в практическом (меньше пожароопасности), так и в духовном плане. Насколько нам известно, *Мейзер* с супругой проживал в Гродно в 1730 – 1763 гг. [67].

Из легенды к плану Гродно 1780 – 1783 гг. [68], нам известно, что в это время по улице «С рынка на Подол» на пляце №237 жил архитектор *Юзеф Качыньски (Józef Kaczyński)*. Привязать этого архитектора к каким-то объектам в Гродно нам пока не удалось. На улице «Мимо дома Яна Хойновского…» на плаце №177 жил каменщик *Александр Яскевич (Aleksandr Jaskiewicz)*. На улице Бонифратэрской жил гродненский каменщик *Тадеуш Добрикевич (Tadeusz Dobrikiewicz)*, на улице Олисковской каменщик *Мартин Родзевич (Marcin Rodziewicz)*, на улице Демьяновской каменщик по имени *Аугустын (Augustyn)*.

Существует определенная проблема, связанная с архитектором *Иоганном Георгом Мёзером (Jogan Georg Möser)*, которого Станислав Шиманьски отождествляет с *«архитектором Его Королевского Величества И.М. Мёзером»*, который работал для *А. Тызенгауза* на Городнице. Здесь следует отметить, что написание фамилии автора «дрезденских» планов Гродно *Möser* не совпадает с написанием фамилии автора построек Городницы *Moeser*, не совпадают и инициалы. По мнению известного минского исследователя и архитектора-реставратора *Валентина Калнина*, высказанному во время частной беседы про его статью о Городнице [69, с. 34-36], выводы *Станислава Шиманьского* о тождестве этих двух архитекторов не верны.

На Городнице, после отъезда *Мёзера*, работы продолжал *Джузеппе Сакко (Juseppe Sacco)*. В процессе работ по исследованию памятников архитектуры в 1987 – 2009 гг., нам удалось «привязать» этого уникального архитектора не только к определенным зданиям на Городнице, например, к зданию Медицинской школы, но и к двум объектам вне Городницы – к т.н. «дому Гродненской масонской ложи» [70] и новому келейному корпусу доминиканского монастыря. *Джузеппе Сакко* в какой-то степени также принял участие в ремонте фарного костёла [23, с. 10].

По сведениям гродненского исследователя *Татьяны Малиновской* в 80-е годы XVIII в. *Людвик Гринцевич (Ludwik Grincewicz)* строил официну для доминиканского монастыря.

В конце XVIII в. гродненским баумейстером был *Ян Якуб Прейсиг (Jan Jakub Preysig)*, который часто судился с заказчиками и архитекторами, например с упомянутым ниже *Шильдхаузом* [22, с. 270].

После вхождения города Гродно в состав Российской империи в конце XVIII в. в Гродно работал архитектор *Ленчевский*, подписи которого стоят на ряде чертежей по перестройке различных зданий на Городнице. Чертежи эти хранятся в Российском государственном историческом архиве в Санкт-Петербурге. Фотокопии их любезно предоставил автору минский исследователь доктор *А. Кулагин*.

В самом конце XVIII в. *Карл Шильдхауз (Karl de Schildhaus)* построил для князей Огинских дворец в Гродно на улице Демьяновской [22, с. 270].

Таким образом, существует не разрешенный до сих пор круг вопросов, связанных с датировками архитектурных объектов Гродно, именами архитекторов и строителей. Автор считает весьма важным продолжение исследований по данной теме, особенно учёными из академических кругов Беларуси, Литвы, Польши, России. Расширение круга поисков в архивах и библиотеках может в значительной степени уточнить и дополнить наши знания по данной проблеме.

Список источников и литературы

1. Трусаў, А.А. Гродзенская архітэктурная школа / А.А.Трусаў // Археалогія і нумізматыка Беларусі. – Мінск, 1993. – С. 86.
2. Трусаў, І.Г. Спроба класіфікацыі і расшыфроўкі знакаў на гродзенскай плінфе / І.Г.Трусаў // Археалагічныя помнікі Гродзеншчыны. – Гродна, 1992. – С. 61 – 62.
3. Воронин, Н.Н. Древнее Гродно / Н.Н.Воронин // Материалы и исследования по археологии СССР. – М., 1954. – С.148.
4. Jodkowski, J. Grodno wczesnośredniowieczne w świetle prac wykopaliskowych dokonanych na królewskim Zamku Starym w Grodnie w latach 1932 i 1933. / J. Jodkowski. – PHW. – T.VII. – Z.1. – Warszawa 1934. – S. 14.
5. Durczewski, Z. Stary Zamek w Grodnie w świetle wykopalisk, dokonanych w latach 1937-1938. / Z. Durczewski. – Niemen. – Nr.1. – Grodno, 1939. – S.4.
6. Воронин, Н.Н. / Н.Н.Воронин // Материалы и исследования по археологии СССР. – М., 1954. – С.183.
7. Трусов, О.А. Памятники монументального зодчества Белоруссии XI – XVII вв. Архитектурно-археологический анализ / О.А. Трусов. – Минск,1988. – С.50.
8. Ткачоў, М.А. Замкі Беларусі (XIII – XVII ст.) / М.А.Ткачоў. – Мінск, 1977. – С.23.
9. Paszenda, Jerzy, ksiądz. Kościół pojezuicki (farny) w Grodnie / J. Paszenda // Kultura artystyczna Wielkiego Księstwa Litewskiego w epoce baroku. – Warszawa, 1995. – S.192.
10. Краўцевіч, А.К. Рыцары і дойліды Гародні / А.К.Краўцэвіч. – Кракаў, 2009. – С.27.
11.Трусов, И.Г. Православные храмы Гродно / И.Г. Трусов. – Минск, 2008. – С.56.
12. Ткачоў, М.А. Абарончыя збудаванні заходніх зямель Беларусі XIII – XVIII стст. / М.А.Ткачоў. – Мінск, 1978. – С .19,22.
13. Акинчиц, Г.Н. Комплексные научные исследования по объекту дом №9 по улице Замковой в гор. Гродно. Археологические исследования. Гродно 1988. – Рукопись. – С.7.
14. Якимович, Ю.А. Зодчество Белоруссии XVI – средины XVII в./ Ю.А. Якимович. – Минск, 1991. – С.104.

15. Niewodniczański, Tomasz. GRODNO – BEMERKUNGEN ZUR PANORAMA – VEDUTE VON ADELHAUZER-ZÜNDT 1568. Lüneburger beiträge vedutenforschung / T. Niewodniczański – Lüneburg, 1983. – P.103-130.
16. Трусаў, І.Г. Гісторыка-архіўные і бібліграфічныя даследаванні па аб'екце "Фара Вітаўта у Гродне". Рукапіс у складе праекта рэстаўрацыі. – Гродна 1988. – С.4.
17. Томаш Маковский. Панорама Гродно 1600 года. Фотоархив Института искусствоведения Польской Академии Наук в Варшаве.
18. Квитницкая, Е.Д. Планировка Гродно в XVI – XVIII вв. / Е.Д. Квитницкая // Архитектурное наследство. – №17. – Москва, 1964. – С.25.
19. Гардзееў, Юры. Гродна магдэбургскае. Сімвал горада / Ю. Гардзееў // Біржа інфармацыі. – №3 ад 12.03.1998.
20. Гардзееў, Юры. Магдебургская Гародня / Ю. Гардзееў. – Гародня-Wrocław, 2008.
21. Ehrenberg, H. Die Kunst am Hofe der Herzöge von Preussen / H. Ehrenberg. – Leipzig-Berlin, 1899. – nr 617.
22. Łoza, Stanisław. Architekci i budowniczowie w Polsce / S. Łoza. – Warszawa, 1954. – S.274.
23. Трусаў, І.Г. Гісторыка-архіўные і бібліграфічныя даследаванні па аб'екце "Фара Вітаўта у Гродне". Рукапіс у складе праекта рэстаўрацыі. – Гродна 1988. – С.12.
24. Библиотека Вильнюского университета, отдел рукописей, А-2210.
25. Квитницкая, Е.Д. Малоизвестные зальные сооружения Белоруссии конца XV – начала XVI в. / Е.Д. Квитницкая // Архитектурное наследство. – №16. – Москва 1967. – С.5.
26. Информация получена в частной беседе в 1998 году.
27. Jodkowski, Józef. Grodno / J. Jodkowski. – Wilno, MDCCCCXXIII.
28. Fichinger, A. Santi Gucci architekt i rzeźbiarz królewski XVI wieku / A. Fichinger. – Kraków, 1969.
29. Lilejko, Jerzy. Przebudowa Starego Zamku w Grodno na cele sejmowe w latach 1673-1678 / J. Lilejko // Kultura artystyczna Wielkiego księstwa Litewskiego w epoce baroku. – Warszawa, 1995. – S.130.
30. У автора в 90-е годы XX века были фотокопии довоенных обмеров этого крыла «Баториевки», но из какого польского послевоенного хранилища (AGAN w Warszawie, IS PAN w Warszawie, Politeknika Warszawska) они происходили до того, как потерялись, сказать трудно.
31. Lilejko, Jerzy. Przebudowa grodzieńskich pałaców Batoriańskiego i Sapieżyńskiego na gmach sejmowy w 1717-1718 roku / J. Lilejko // Między Padwą a Zamościem. Studia z historii sztuki i kultury ofiarowane Profesorowi Jerzemu Kowalczykowowi. – Warszawa, 1993.
32. Трусаў, І.Г. Вуліца Вялікая Траецкая / І.Г.Трусаў // Біржа Інфармацыі. – №17 ад 18.06.1998.
33. Автору не удалось пока разыскать это издание, правда, в Варшаве в 1994 году в частной беседе с супругами Пехотко (Институт искусствоведения АН Польши) нам любезно предоставили выписку из статьи с текстом мемориальной доски в зале гродненской главной синагоги.
34. Klasztory bernardyńskie w Polsce w jej granicach historycznych. Red. Hieronim Wyczawski. – Kalwaria Zebrzydowska, 1985. – S.79.
35. Kuty, Dorota Joanna. Etapy budowy pobernyńdyńskiego kościołu w Grodnie / Dorota Joanna Kuty // Sztuka ziem wschodnich Rzeczypospolitej XVI – XVIII w. – Lublin, 2000. – S.398.
36. Писцовая книга Гродненской экономии. – Часть 2. – Вильна, 1882. – С.30, 36, 47.
37. Новицкая, Е., Трусов, И. Старый мост / Е. Новицкая, И. Трусов // Вечерний Гродно. – №48 от 28 ноября 2007 года.
38. Вашкевіч, А., Трусаў, І, Чарнікевіч, А. Віртуальны Гродна. – Гродна 2009. – С.57.
39. Kałamajska-Saeed, Maria. Kościół brygidek w Grodnie / M. Kałamajska-Saeed // Sztuka ziem wschodnich Rzeczypospolitej XVI – XVIII w. – Lublin, 2000. – S.349.
40. Sächsisches Landeshauptarchiv Dresden, Schr.VII, Fach.90, Nr 6.

41. Józef, Makarczyk OFMConv, DZIAŁALNOŚĆ OO. FRANCISZKANÓW W GRODNIEW LATACH 1919 – 1939 / Praca magisterska z Zakresu Historii Kościoła napisana pod kierunkiem Ks. prof. dr hab. BOLESŁAWA KUMORA oraz O. dr JANA MUCHY. – Lublin, 1995. – S.15.

42. Трусов, И.Г. Историко-архивные и библиографические изыскания по бывш. костелу и монастырю кармелитов. Рукопись в составе КНИ. – Гродно, 1991. – С.11.
43. Трусаў, І.Г. Вуліца Замкавая / І.Г. Трусаў // Биржа Информации. – №23 от30.07.1998.
44. Krigsarkivet Stockholm: 0425:05:035 Grodno 1655 "Plan des Retrenchement fait devant grodno par l'armie de la Majeste K Zariene 1655."
45.Российский государственный военно-історический архив в Москве, фонд 846, опись 16, дело 1466, лист 1.
46. Трусов, И.Г. Историко-архивные и библиографические исследования по объекту Фарный костёл в Гродно. КНИ. Рукопись в составе проекта. – Гродно, 1998 год. – С.9.
47. Paszenda J. ks, Poplatek J. ks, Słownik jezuitów artystów / J. Paszenda, J. Poplatek. – Kraków, 1972.
48. Трусов, И.Г. Историко-архивные и библиографические исследования к проекту реставрации здания б. иезуитской аптеки в Гродно. 01.02. КНИ. – Гродно 1990. – С.12.
49. Письмо в архиве автора.
50. Литовский исторический архив в Вильнюсе, фонд 604, опись1, дело 7482.
51. Центральный государственный архив древних актов в Москве, фонд 143, опись 1, дело 24, лист 12об.
52. Szymański, Stanisław. Pałac królewski w Grodnie / S. Szymański. – Rocznik Białostocki. – Tom VI. – 1965. Białystok, 1966.
53. Трусов, И. Г. Историко-архивные и библиографические исследования по объекту: «Капитальный ремонт кровли и фасадов Нового замка в городе Гродно по улице Замковой 22». – Гродно, 2006.
54. Jodkowski, Józef. Swiątynia warowna na Kołoży w Grodnie / J. Jodkowski. – Grodno, 1936. – S. 19.
55. Sächsisches Landeshauptarchiv Dresden, Schr.VII, Fach.90, Nr 17c.
56. Орловский, Е. Гродно. Гродненская старина. – Гродно, 1910. – С.105.
57. Sächisches Landeshauptarrchiv Dresden.Schr.VII, Fach.90. Nr.6.
58. Wilhelma Schlemulera dyaryusz podróży polskiej. Litwa i Ruś. – Wilno. MCMXII. – S.31.
59. Zeińska, Teresa. Szlacheccy właściciele nieruchomości w miastach XVIII w. / T. Zeińska. – Warszawa – Łódź, 1987. – S. 50.
60. Курто, Е. Историко-архивные и библиографические исследования к проекту реставрации бывшего дворца Ляхницких на улице Замковая 16. КНИ. – Минск, 1988. – С.11.
61. Фотокопию нам любезно предоставил варшавский исследователь профессор Ежи Лилейко.
62. Национальный исторический архив Беларуси в Гродно, фонд 1447, опись 1, дело 28, л.11.
63.Archiwum Główny Aktów Dawnych w Warszawie, Archiwum Radziwiłłowskie (AR).
64. Szymański, St. Ubanistyczno-architektoniczne formowanie się Grodna w okresie od XIV do XVIII wieku / St. Szymański. – Rocznik Białostocki. – t.IX, 1970. – S.250.
65. Трусов, И.Г. Историко-архивные и библиографические исследования по б. кармелитскому монастырю и костелу в г. Гродно. КНИ. Рукопись в составе проекта. – Гродно, 1990. – С.14.
66. Квитницкая, Е.Д. Монастыри XVIII века с безбашенными храмами в Белоруссии / Е.Д. Квитницкая // Архитектурное наследство. – №33. – Москва, 1985. – С.98.
67. Из-за отсутствия прямых источников данные скорее эмпирические, основанные на косвенных источниках.
68. Российский государственный военно-історический архив в Москве (РГВИА), фонд 846,оп.12, д.21873

69. Калнин, В. Городница – городской ансамбль XVIII века / В. Калнин // Строительство и архитектура Беларуси. – №4 (76). – Минск, 1988. – С. 34-36.
70. Трусов, И.Г. Историко-архивные и библиографические исследования по дому № 4 по Телеграфному переулку в городе Гродно. КНИ. Рукопись в составе проекта. – Гродно, 2008.

Игорь Георгиевич Трусов, историк архитектуры, краевед. Закончил Гродненский государственный университет, историко-педагогический факультет (1979 г.). В 1981 – 1987 гг. – научный сотрудник Республиканского музея атеизма и истории религии в Гродно. С 1987 г. занимался историко-архивными исследованиями для проектов реставрации памятников архитектуры Гродно и Гродненской области в системе государственных проектно-реставрационных организаций в Гродно. В 1994 – 1996 гг. – инспектор Гродненской рыбоохраны и, одновременно, участник ряда проектов реставрации памятников архитектуры Гродно и области. С 1996 по 2000 и с 2002 – ведущий искусствовед «Архитектурно-реставрационного бюро С. Шейко» в Гродно. В 2000 – 2002 гг. – на различных должностях в Дирекции по реставрации и Гродно-Реставрации. Автор 196 историко-архивных и библиографических исследований для проектов реставрации, наиболее крупные связаны с «Фарой Витовта» и Коложской церковью в Гродно, а также белорусской частью Августовского канала. Более 150 научных статей по истории религии, истории книги, истории права, истории архитектуры, топонимике, экологии и т.п. на русском, белорусском, польском, литовском и английском языках в изданиях Беларуси, Польши, Литвы и США. Книги: *Ад Каложы да Фартоў*. – Гродна, 2004. (в соавторстве); *Православные храмы Гродно*. – Гродно, 2008; *Новый Свет и его окрестности*. – Минск, 2009 (в соавторстве). Член Гродненской краеведческой ассоциации. В 1998 – 1999 гг. – автор цикла краеведческих статей «Улицы Гродно» в газете «Биржа Информации», 2000 – 2010 гг. – цикла статей об историческом центре Гродно в газете «Вечерний Гродно» (в соавторстве). По темам, связанным с архитектурой Гродно, регулярно выступал на областном и городском телевидении.

УДК 94(476.6)

Игорь Федоров (Гродно)

ФОРМИРОВАНИЕ ГРАЖДАНСКОЙ ЗАСТРОЙКИ В ГРОДНО ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

Статья посвящена истории строительства и ремонта наиболее значимых сооружений, выполнявших общегородские функции, возведенных в Гродно во второй половине XIX в. Вводится в научный оборот ряд архивных документов, которые раскрывают процесс изменения городской планировочной структуры, вызванный строительством и ремонтом гражданских объектов во второй половине XIX в.

К середине XIX в. в Гродно была в основном сформирована застройка его исторической центральной части, которая включала в себя кварталы, образованные улицами Соборной (Советская), Садовой (прежде – Роскошь, Доминиканская, Муравьевская; ныне – современная ул. Э.Ожешко), Купеческой (ул.К.Маркса), Софийской (ул.Ленина) и ряда других. Формировалась сеть новых улиц и переулков, вызванных естественным ростом городского населения.

Определяющим направлением в городской застройке второй половины XIX в.. был рост объемов гражданского строительства. Обратимся к проблеме осмысления понятия «гражданское строительство», которое в современную эпоху определяет архитектурный облик города. На наш взгляд, в понимание «гражданского строительства» следует включить такие группы зданий и сооружений, которые в совокупности определяют практически объем городской застройки, функционально предназначенной для максимального обеспечения жизнедеятельности населенного пункта, удовлетворения потребностей всех категорий его жителей.

Расширение городской территории и, соответственно, застройки шло преимущественно за счет жилого фонда. Это было вызвано естественным ростом городского населения. Кроме того, к середине века наблюдался процесс изменения в соотношении между каменной и деревянной застройкой зданий жилого назначения. Остановим наше внимание на таблице, составленной на основании данных, которые отложились в документах того времени. [1, ф.8, оп.1, дд.77, 115, 225; оп.2, д.1290].

Городская (жилищная) застройка в Гродно в XIX в.
(1804 – 1891 гг.)

Годы	Количество каменных построек	Количество деревянных построек	Всего
1804	74	803	877
1825	104	798	902
1843	145	992	1137
1891	1084	194	1278

Приведенные данные позволяют сделать вывод, что на протяжении всего XIX в. осуществлялся непрерывный рост числа городских сооружений, причем соотношение каменных и деревянных зданий в итоге кардинально изменилось. Если в начале века это соотношение составляло 1:11; то в конце столетия почти 6:1. Удельный вес сооружений, возведенных из кирпича, вырос почти в 15 раз! Причин такого стремительного роста было несколько. Во-первых, строительная техника к этому времени уже базировалась на конструкциях из кирпича, цементно-известковых смесях и металле; во- вторых, в городе все больше возводилось зданий как общественного, так и промышленного назначения исключительно как каменных. В-третьих, на строительной политике в г. Гродно, сказались, безусловно, последствия опустошительного пожара 1885 г., который практически уничтожил всю его деревянную застройку, заставляя в подавляющем большинстве случаев отказываться от легковоспламеняемых материалов. Этого же требовали нормы строительного устава, которыми руководствовались архитекторы и строители при возведении как жилых, так и нежилых сооружений. Меры противопожарной безопасности должны были строго соблюдаться как на стадии проектирования, так и непосредственного строительства зданий. В конце 80-х годов, как это следует из документов, в Гродно

производился планомерный снос «ветхих» построек, потенциально опасных с точки зрения их возгорания [1, ф.8, оп.2, д.494].

Обращает на себя внимание тот факт, что за 87 лет общее количество зданий возросло всего в 1,5 раза. Следует учесть, что каменные сооружения значительно превосходили деревянные по объемам полезной площади. Панораму уличной застройки формировали уже исключительно 2-х и 3-х этажные дома из кирпича, а также многочисленные сооружения коммунального назначения, что не могло не отразиться на плотности застройки городских территорий. Об этом свидетельствует отчет Гродненского губернского строительного отделения, в котором сказано, что в 1894 г. в городе всего было 3671 строений, значительная часть из которых относилась к нежилым [1, ф.8, оп.2, д.1290]. Наше утверждение основано на документах, извлеченных из фонда №8 «Строительное отделение губернского правления». В материалах, относящихся к 70-90-м годам, содержится множество ежегодных разрешений на строительство котельных и кочегарок для обогрева зданий. Следовательно, к концу века в Гродно все меньше строили деревянные сооружения, причем подавляющую часть из них составляли хозяйственные постройки.

Однако не только нарастающие объемы застройки определяли перемены в развитии Гродно. Вторая половина века привнесла в процессы городского строительства совершенно новые явления.

Следует согласиться с мнением, высказанным Ю.Н. Кишиком на страницах своей монографии «Градостроительная культура Гродно», что узловым моментом в развитии города «навсегда определившим специфику его пространственно-планировочной структуры, стала прокладка железнодорожной линии Петербург-Варшава в 1862 г.[2, с.180] Железнодорожная магистраль в виде протяженной глубокой земляной выемки шириной до 80 м. и глубиной до 20 м. и комплекс зданий вокзала на многие десятилетия явились своеобразной полосой отчуждения, которая воспрепятствовала дальнейшему развитию города по оси улицы Э.Ожешко (бывшая Садовая) и во всем северо-восточном направлении.

Однако, размышляет упомянутый автор, «как нередко бывает, эти же самые обстоятельства получили и положительное значение. После прокладки железной дороги Гродно стал городом с фиксированными параметрами территории исторической части, с четкими природными и рукотворными границами» [2, с.181]. В любом случае, средневековая планировочная традиция в застройке Гродно была окончательно разрушена. Во второй половине XIX в. необходимость в просторных площадях с располагавшимися на них архитектурными доминантами – соборами или дворцами (как правило, с парками) перестала быть востребованной. Общественные, а затем и жилые здания стали сооружаться вдоль улиц, формируя, во-первых, этажность общей застройки, во-вторых, ширину проезжей части, в-третьих, художественное решение фасадов всей застройки, которое укладывалось, несмотря на относительное разнообразие, в формулу «унифицированный дизайн». Город перестал нуждаться в замкнутых пространствах, образованных кварталами архитектурных доминант – комплексами монастырей Фарного (Иезуитского), Бригитского, Бернардин-

ского, Доминиканского (разрушенного в 1874 г.) [4,с.178] и других зданий храмов в исторической части, что было весьма характерно для его средневекового периода.

Важно также подчеркнуть, что новые тенденции застройки Гродно заставляли в корне менять мировоззрение самих горожан. Столетиями их предки жили преимущественно в отдельных усадьбах с обязательными подворьями, огородами и садами. Город тогда представлял собой по сути дела конгломерат самостоятельных жилищно-хозяйственных комплексов, а немногочисленные объекты, символизирующие собой общегородские начала жизни (храмы, дворцы, площади, рынки) в целом не нарушали психологии индивидуализма его жителей. Теперь все большее число горожан жило не в глубине собственных двориков, отделенных глухими заборами, а в квартирах, обращенными окнами и балконами на улицу, где были свидетелями того, как с каждым новым днем рождалась иная, непривычная жизнь.

В истории гражданского строительства в г. Гродно второй половины XIX в. можно выделить, на наш взгляд, два этапа, каждый из которых был наполнен важными изменениями архитектурного значения.

В рамках первого этапа (1850-е – 1890-е гг.) в Гродно, равно как и в других губернских центрах Беларуси происходят значительные планировочно-структурные трансформации. Город из сравнительно компактного в конце XVШ – первой половины XIX вв. вырос в довольно сложный организм, где все более важную роль начинали играть т.н. функциональные зоны – промышленная, транспортная, жилая.

Второй этап (1890 – е гг.) был характерен тем, что в систему застройки проникли идеи организации прямоугольной сетки кварталов, линейного развития центра в виде магистралей и параллельно-перпендикулярной разбивке новых улиц со скверами, небольшими парками и площадями. При этом магистральная улица, которая соединяла исторический центр с возведенным в 1868 г. железнодорожным вокзалом (что в первую очередь характерно для Гродно) становится композиционной доминантой, главной транспортной артерией, средоточием общественно-административной жизни горожан. На Садовой улице концентрировались государственные, торгово-финансовые, коммерческие и культовые здания. Главная магистраль помимо того, что превратилась в новый общественный центр Гродно, влияла на организацию объемно-пространственной композиции всего города, на развитие его уличной сети. Происходит расширение трактовки понятия городского центра, которое начало распространяться на значительно больший район, чем тот, который был свойственен Гродно как в XVШ, так и в первой половине XIX вв. Постепенно возрастает значение тех улиц, которые были прилегающими к Садовой – современные Мостовая, Советская, Ленина. Привокзальная площадь фактически стала новой доминантой города. Заметной тенденцией во второй половине XIX в. стало развитие Занеманской части в юго-восточном и юго-западном направлениях, где возникли новые улицы – Загородная, Южная и др.(т.н. «Новый Свет»).

В 1870 г. городским архитектором Соловьевым был разработан проект нового плана застройки г. Гродно, который, однако, не был утвержден [1, ф.8, оп.2. д.1290]. В 1882 г. был принят план развития города, но он также неоднократно подвергался корректировкам с целью модернизации. Этот план в определенной степени отражал новые тенденции в градостроительстве Российской империи. Законодательная власть в городах перешла к городским думам, а исполнительная – к городским управам. Эти решения во многом способствовали конкретизации архитектурной политики применительно к нуждам города, удовлетворению запросов его населения. В плане делались акценты на улучшение транспортной сетки, расширение санитарных («зеленых») зон, ликвидацию неосвоенных площадей («пустырей«) между застраивающимися кварталами[1, ф.8, оп.2, д .271].

К числу запланированных и частично осуществленных работ следует отнести расширение уличных проездов с 2 до 10 сажень в квартале, образованным Виленским переулком и дальнейшую его застройку вдоль склонов, образованных руслом р.Городничанки; ликвидация ветхих деревянных построек вдоль изгиба речки «так как это стесняет домовладельцев, заинтересованных в каменном строительстве» этого квартала» [1, д.1290, л.8]. Что касается земельных участков, образованных обоими береговыми склонами, то здесь предполагалось «в гигиенических целях очистить банку (надо полагать – песчаные наносы – И.Ф.) р. Городничанки для разведения растительности» с перспективой дальнейшего освоения этого перспективного района [1, д.1290, л.8]. Интересно заметить, что именно этот фрагмент городской территории до настоящего времени не получил своего достойного оформления. Подобного мнения придерживается Ю.Н.Кишик, который размышляет о тенденциях застройки города применительно к началу 70-х гг. XX в.: «В окрестностях Советской площади до наших дней сохранились фрагменты городской среды, которые являются конгломератами случайных строений и неиспользуемых участков. Совершенно незачем было в 1970-е годы создавать общегородской центр в километре от существующего ядра, если… в сотне метров от Советской площади на берегу Городничанки раскинулись немалые пустыри» [2, с.255.].

Согласно плану 1882 г. предполагалось расширить улицу (нынешняя Большая Троицкая), Гимназический, Полицейский переулки и ряд других в этой части города [1, ф.8, оп.2, д.271]. К числу первоочередных задач планировалось перекрыть мостом реку Городничанку, чтобы соответственно улучшить передвижение по улицам Софийской и Садовой, ликвидировать переулок, примыкавший к Садовой (участок между домом – музеем Э.Ожешко и корпусом университета на ул.Ленина) и придать Софийской улице прямолинейный характер. Однако этим и ряду других задач не суждено было свершиться из-за случившегося 29 мая 1885 г. пожара в городе, который имел поистине катастрофические последствия.

Ежегодно в городе велись работы по благоустройству его улиц, площадей, скверов. Это подтверждается постановлениями городской думы. Так, в решении от 1899 г. указывается, что мещанину Станиславу Гурову отдавался подряд сроком на 6 лет (с 1899 по 1905 гг.) на «сплошное перемощение тех

улиц и площадей, мостов, которые по наступлению весны окажутся испорченными на значительной протяженности» [1, ф.8, оп.1, д.1050]. За 1899 год предполагалось привести в надлежащий вид 14 улиц и переулков.

Одновременно уделялось внимание и внешней инфраструктуре города. В частности, с 1885 по 1891 гг. приведены в соответствие с действовавшими стандартами улицы в квартале т.н. «Скидельской заставы» [1, ф.8, оп.2, д.547], а также выводящее в том же направлении магистральное шоссе [1, ф.8, оп.2, д.543].

В системе городской застройки важную роль играли административные здания и сооружения. Во второй половине XIX в. в архитектурном оформлении нарастало влияние эклектической стилистики, которая коснулась в первую очередь зданий, выполнявших административные и общественные функции. Остановим свое внимание на сооружениях, возникших в Гродно именно в этот период и выполнявших как административные, так и общегородские функции.

Одним из таких явилось здание железнодорожной станции 2-го класса г. Гродно, возведенное в 1867 г. Оно было построено как типовое сооружение на 7-м линейном участке дороги Варшава–Санкт-Петербург протяженностью 72 версты от Белостока до Гродно [2, с.241]. В плане здание было прямоугольным с центральной 2-х этажной частью и симметричными одноэтажными галереями. Фасад был декорирован полуколоннами и арочными узкими окнами [4,с.183]. Здание вокзала было первым подобного типа, построенным в Беларуси. Более ста лет оно являлось памятником истории прокладки первой в Беларуси железной дороги и своеобразного инженерно-архитектурного искусства. К сожалению, этот памятник был разобран при строительстве нового здания железнодорожного вокзала в 1986 г.

В 1884 г. было построено здание Гродненского окружного суда. Оно фактически завершало построение всей Соборной улицы. 2-х этажное здание в эклектическом стиле имело с южной стороны крыло, образовав полузамкнутый дворик на стыке с улицей Муравьевской. В 1910 г. здание было надстроено третьим этажом, что было вызвано, скорее всего, нехваткой помещений для действующего суда [3, с.163]. Надстройка нарушила общую гармонию как самого здания, так и окружающей среды.

В 1893 г. был возведен корпус Гродненской женской гимназии на ул. Муравьевской. Здание стало самым крупным среди всех, существовавших тогда на Городнице. Земельный участок под застройку был выкуплен у владельца – князя Святополк-Четвертинского [3, с.165]. Годом позже с тыльной стороны была осуществлена пристройка, в которой располагалась гимназийная церковь. Фасадная сторона здания была выполнена в стиле неоклассицизма, в центре был смонтирован чугунный портал, отлитый по типовым образцам того времени, предположительно на фабрике «Вечерка» в Белостоке или в мастерской Галльского в Гродно. Планировка корпуса отвечала его предназначению. Учебные помещения тянулись галереей с односторонним размещением. Пол широкого коридора был уложен полихромной каменной плиткой. Окна по обе стороны корпуса были просторными, с выразительным ритмом переплетов. Парадный и служебный входы были сквозными. Примыкавшие к лестницам

помещения служили лабораториями и техническими мастерскими. В 1969 г. здание подверглось незначительной реконструкции в связи с пристройкой к нему учебного корпуса университета.

В рассматриваемый период развитие гражданской архитектуры Гродно была связано с все более возрастающим масштабом строительства и ремонта объектов общегородского назначения. К такой группе можно отнести здания губернского почтового ведомства, окружного суда, окружной лечебницы (больницы), городской музыкальной школы, «губернаторского дома» (губернского правления) и ряда других.

Во второй половине XIX в. капитальный ремонт был произведен над зданием Гродненского почтового ведомства. Построенное еще в конце XVIII в. на Вертелишковской (позже Садовой) улице здание принадлежала князьям Масальским, а с 1843 по 1903 гг. губернской почтовой конторе. Оно неоднократно подвергалось частичному ремонту с незначительным видоизменением фасада [1, ф.8, оп.1, д.3]. Во второй половине 60-х гг. была произведена замена крыши с черепичной на жестяную, на фасадной стене вмонтировано два балкона, один из них сохранился [3, с.163].

К правому крылу почты со стороны Соборной (Советской) стало примыкать построенное в 1884 г. здание Гродненского окружного суда. Общая фасадная плоскость получила эклектическим декор, который придавал обоим зданиям единое стилевое решение.

К числу сооружений общегородского значения с полным правом следует отнести здания, где размещались учреждения здравоохранения. В Гродно зданий подобного назначения было сравнительно немного. В 1803 г. был возведен корпус городской больницы. В 1829 г. было построено на Городнице новое здание лечебницы. Для расквартированных в городе армейских частей имелись: здание лазарета Черниговского полка (построено в 1823 г, перестроено в 1838 г.);полкового госпиталя (построено в 1834, перестроено в 1840 г.). В середине века город испытывал ощутимую нехватку лечебных учреждений, поэтому вновь встал вопрос о строительстве окружной лечебницы. Губернские власти неоднократно обсуждали проблему поиска места для её размещения, необходимых денежных сумм для строительства.

Прежняя лечебница размещалась в отремонтированном в 1857 г. здании бровара (пивоварни), которое ранее принадлежало ордену бонифратаров и после его ликвидации было отдано Приказу общественного призрения. Под надзором губернского архитектора О.Михоэлиса в 1857 г. были произведены необходимые работы по коренной реконструкции здания лечебницы. Финансировал работы местный купец Я.Фрумкин, который затем отдал здание в аренду сроком на 30 лет [4, с.163]. В июле 1865 г. строительным отделением губернского правления был разработан проект перестройки корпуса самой лечебницы, а также прачечной и бани [1, ф.8, оп.2, д.736]. Работы по реализации проекта были возложены на губернского архитектора И.И.Каленкевича [1, ф.8, оп.2, д.736, л.3]. Предположительно, корпус окружной лечебницы был введен в строй не ранее 1867 г., поскольку эту должность упомянутый архитектор занимал с 1867 по 1887 гг.[1, ф.1, оп.16, д.1378]. Этот факт не согласуется с да-

той введения в строй больницы в 1857 г., который приводится в существующей научно-справочной литературе [4,с.163].

В скором времени город снова стал ощущать потребность в больничных помещениях. Уже в 1886 г. встал вопрос о строительстве новой лечебницы на 150 коек. На безусловное решение этого вопроса влияли следующие факты. В 1882 г. в Гродно за помощью к врачам ежедневно обращался 81 больной, а уже в 1885 г. – 112 человек [1, ф.8, оп.2, д.736, лл.3-5]. При обсуждении планов строительства новой лечебницы губернские власти решили, что простого расширения больничных площадей будет недостаточно, необходимо строить новое здание. Задачи, которые решали архитекторы, исходили из того, что больница должна иметь два изолированных друг от друга отделения и быть пригодной для частичной или полной дезинфекции всех помещений; полезная площадь корпусов должна возрасти вдвое по сравнению с прежней [1, ф.15,оп.1, д.115].

Только в 1891 г. Гродненское городское правление утвердило план перестройки здания окружной лечебницы [1, ф.1, оп.1, д.112]. Согласно проекту оно было прямоугольным в плане, двухэтажным, с цокольным первым этажом, с симметрично-осевой композицией главного фасада, который имел три ризалита (выступающая за плоскость фасада часть стены), с прямоугольными и полуциркульными оконными проемами с украшениями. Главный фасад имел на втором этаже три балкона с отлитыми из чугуна обрамлениями. В центре второго этажа над операционным залом был спроектирован непрозрачный купол. Здание явилось по сути дела завершающим звеном в оформлении ансамбля Муравьевской улицы и всей Дворцовой площади. В 1902 г. к левому крылу здания были пристроены два одноэтажных флигеля. Причиной пристройки была передача здания в ведомство почтово-телеграфной службы. Центральный корпус был отдан окружной управе, а в флигелях разместились служебные квартиры для почтовиков [4, с.163].

В поле зрения губернских властей всегда находились и такие специальные сооружения, в которых размещались тюрьмы, гауптвахты и т.н. « арестантские дома». В Гродно имелось две тюрьмы, одна из них занимала здания, принадлежавшие бывшему монастырскому комплексу иезуитов, который образовал квартал в центре города. В 1829 г. здания тюрьмы были частично перестроены и отремонтированы. В 1840, 1856 гг. тюремные сооружения снова подвергались ремонту.

Вторая городская тюрьма назвалась «Форштадской на Скидельском выезде» и была ликвидирована, предположительно, в 30-х годах XIX в., так как сведений о ее существовании после 1839 г. в архивных документах найти не удалось.

В декабре 1894 г. вдоль тюремных стен с внешней стороны иезуитского квартала были проложены каменные мостовые и тротуары, перестроена хлебопекарня и отремонтированы плоскости тюремных стен [1, ф.8, оп.2, д.1029]. Фрагмент этого ремонта был вскрыт в 2009 г., когда на части стены, обращенной к ул. Кирова, обнаружены выложенные кирпичом несколько разных по

профилю аркатуров. Этот элемент придавал ей некоторую декоративность и зрительно разрывал монотонность глухой кладки.

В 1895 г. на ремонт тюрем, которые находились на территории Гродненской губернии, было выделена значительная сумма в 2,5 тысячи руб., из них 500 руб. – на нужды Гродненской тюрьмы [1, ф.8, оп.2, д.1029, л.6]. «27 июня 1895 г. губернский архитектор Романов произвел осмотр ремонтных работ, ведущихся в тюрьме и предложил главному подрядчику А.Пименову продолжить их в следующем году» [1, ф.8, оп.2, д.1120, л. 2].

В 1895 г. на сумму в 150 руб. были отремонтированы тротуары внутри тюремной территории . В следующем году были приведены в порядок крыши тюремных корпусов и отремонтированы въездные ворота [1, ф.8, оп.2, д.1120, лл.4-5]. Губернский попечительский комитет о тюрьмах обратился с просьбой к администрации тюрьмы с просьбой внести часть необходимой суммы для постройки нового корпуса для содержания заключенных, однако этот вопрос не был решен. Всего за 1896 г. на ремонт было израсходовано 398 руб. 81 коп, которые касались «выполнения мостовых работ и работы в административном здании тюрьмы» [1, ф.8, оп.2, д.1334, лл.6-8].

В марте 1898 г. была выделена крупная сумма в 93.875 руб.75 коп. для ремонта тюремных корпусов. Производство работ было поручено местному предпринимателю А.Пименову, а надзор над ними – губернскому инженеру В.Ф. Небольсину. Был надстроен третьим этажом корпус для одиночного заключения и отремонтировано также несколько хозяйственных зданий тюрьмы. В 1899 г. произошло расширение ее территории. От Фарного костела было «отчуждено 6 комнат и часть двора для тюрьмы» [1, ф.8, оп.2, д.1334, лл.31,36]. В целом, работы по ремонту тюремных корпусов не прерывались и в первое десятилетие XX в., о чем свидетельствуют архивные документы того времени.

Не скупилась государственная казна на ремонты резиденции губернатора и здания Гродненского губернского правления. Ежегодные суммы, которые выделялись на ремонтные работы, а также на благоустройство близлежащей территории превосходили расходы на любой другой объект в городе. Только в 1897 г. смета на ремонт этих двух зданий составляла 2.533 руб.10 коп., несмотря на то, что в 1893 г. был произведен ремонт этих объектов на внушительные сумму в 11.469 руб. Заметим, что смета на «мелочные починки казенных зданий» в масштабах города равнялась всего 1.710 руб. [1, ф.8, оп.2, д.1330, лл. 6,9-12]. Анализ документов тех лет доказывает тот факт, что губернское строительное отделение из года в год было буквально завалено работой по содержанию «в надлежащем порядке» резиденции генерал-губернатора и здания губернского правления, некоторых других административных учреждений.

Разумеется, приведенные сведения относительно строительства и ремонта некоторых объектов гражданского строительства во второй половине XIX в. не позволяют во всей полноте представить историю формирования архитектурного облика Гродно. Следует заключить, что на рубеже XIX – XX вв. Грод-

но окончательно приобрел черты современного развивающегося города с новой функциональной и планировочной структурой.

Список источников и литературы

1. Национальный исторический архив Беларуси в г.Гродно
2. Кишик, Ю.Н. Градостроительная культура Гродно / Ю.Н.Кишик. – Минск, 2007.
3. Жихарев, С. Железнодорожное строительство в Гродненской губернии во второй половине XIX в. / С.Жихарев // Шлях да ўзаемнасці: матэрыялы XV міжнар. навук. канфер. Гродна, 13-14 лістап. 2008 г./ Рэдкал.:І.Крэнь, С.Мусіенка, І.Папоў, Я.Роўба. – Гродна:ГрДУ, 2009.
4. Архітэктура Беларусі: Энцыклапедычны даведнік. – Мінск, 1993.

Игорь Олегович Фёдоров, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры археологии и этнологии Гродненского государственного университета имени Янки Купалы. Сфера научных интересов связана с этноконфессиональной проблематикой, историей традиционной материальной культуры, архитектуры и строительства на территории Белорусского Понеманья в XIX – XX вв.

УДК 325.111(474.5)

Майя Пташек (Вильнюс)

СПЕЦИФИКА УРБАНИЗАЦИИ РАЙОНА ЗВЕРИНЕЦ (ЖВЕРИНАС) В ВИЛЬНЮСЕ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX В.*

В статье рассматриваются особые условия развития района Зверинец (Жверинас) в Вильнюсе (кон. XIX – нач. XX в.) в контексте сложившейся радиальной структуры Старого города XIV – XVIII вв. Анализируется уникальный план парцелляции 1902 г. и его дальнейшая реализация благодаря деятельности В. Мартинсона, а также зависимость пространственной структуры и планировки застройки участков от сословно-имущественных возможностей их владельцев.

Старый город Вильнюса в пределах оборонительной стены застраивался по радиальной схеме в XIV – XVII вв. Основные тракты от городских ворот вели в Тракай, Лиду, Полоцк, Псков (Рис. 1). В XVII – XVIII вв. за городской стеной уже стали строить костелы, монастыри и загородные резиденции магнатов. В 1808 г. был разработан первый перспективный план застройки Вильны. По этому плану после наполеоновской войны началось интенсивное развитие города – прокладка улиц, инженерных коммуникаций.

Ареалами распространения деревянной архитектуры были территории за городской стеной, которые начали застраиваться с XVII – XVIII вв. В плане г. Вильны, датированном 1808 годом, очевидно доминирование деревянной застройки в районе современных улиц Паупе, Ужупе и Вильняус. В XIX в. интенсивное строительство велось вдоль главных дорог, ведущих из Вильнюса, и ближайшие деревни стали пригородами. Здесь преобладала одноэтажная усадебная застройка, деревянным домам была свойственна традиционная, утилитарная архитектура.

* Ілюстрацыі да артыкула Майі Пташак змешчаныя ў Дадатку 3.

В отличие от Шнипишек (Шнипишкес), Маркутья (Маркучяй) или Заречья (Ужупис) – районов, которые создавались вдоль основных трактов, ведущих от оборонительной средневековой городской стены, и с начала XIX в. стали частью интенсивно развивающейся урбанистической структуры Вильнюса, – формирование Зверинца как вильнюсского предместья происходило в особых условиях. Зверинец, отделенный от города естественной преградой – рекой Вилией (Нерис), оставался нетронутым уголком природы. Вплоть до начала XIX в. это были частные владения князей Радзивиллов – охотничьи угодья, которые перешли в качестве приданого княжны Стефании Радзивилл князьям Виттгенштейнам. Князь Людвиг Виттгенштейн рядом с современной улицей Бирутес построил дворец, получивший название «Резиденция», и так называемый «Охотничий домик» для высокопоставленных особ – гостей княжеских охот. В альбоме Вильчинского, на литографии Э.Цицери по А.Чапскому, видны оба здания на высоком берегу реки Вилии (Рис. 2).

На плане Вильнюса 1827 г. мы видим, что в то время это были единственные постройки в западной части Зверинца, а вся южная часть была покрыта лесом. Даже на схематическом плане 1900 года территория соответствует определению Зверинца как урочище (Рис.3). Дорога, ведущая в Резиденцию, была границей, которая отделяла огибаемую рекой южную лесную часть от северной – равнинной, полевой. Позднее в этих зонах, естественно, сформировались различные застройка и урбанистические структуры. В северной, земледельческой, части – Салтонишках (Салтонишкес) – остались старые тракты, а южная часть при новой планировке была разбита на прямоугольные кварталы.

Во второй половине XIX в. при разработке перспективного городского плана обсуждалась и возможность включения Зверинца в черту города, однако генеральный конфирмационный план на основе планов 1837 и 1845/1859 гг. этот район еще не охватил. Сам план 1875 г., сразу же после его создания, был признан неудовлетворительным и не соответствующим действительности, однако новый план Вильнюса так не был подготовлен, и этим планом 1875 г. руководствовались не только до первой мировой войны, но и несколько лет после нее [1, с. 24].

В начале 80-х годов XIX в., в силу ограничительного закона о землевладении, последняя на тот момент представительница рода Виттгенштейнов – княгиня Гогенлоэ, жена крупного политического деятеля Германии[7], как иностранная подданная, приступила к продаже своих обширных имений и земель в Российской империи. Отчуждению подверглись и Зверинец, и огромное имение на север от Вильны, вверх по течению Вилии – Верки (Веркяй).

Начиная с 1891 г., когда Зверинец приобрел помещик Ф.Берг, началась распродажа отдельных участков в лесной части. Ф.Берг попросил городскую думу дать разрешение на строительство моста через Вилию (Нерис) и продолжение Георгиевского проспекта, который в то время шел только до Лукишк-

[7] Хлодвиг Гогенлоэ (1819-1901) – германский государственный деятель, сторонник объединения германских государств вокруг Пруссии. В 1894-1900 – канцлер Германской империи. (Большая Советская энциклопедия)

ской площади. Разрешение было получено, но место не было конкретизировано [1, с. 28].

В 1892 г. эту территорию купил В.Мартинсон, который начал распродавать участки в северной стороне по перспективному проекту 1896 г. и в 1898 г. вновь предложил присоединить Зверинец к городу. После интенсивных переговоров было достигнуто соглашение, и 21 декабря 1900 г. городская дума приняла решение о включении Зверинца в городскую черту. В 1902 г. император подтвердил присоединение Зверинца к Вильне, и было получено его разрешение внести изменения в конфирмационный план 1875 г.

В 1902 г. был спроектирован и утвержден план парцелляции для всего Зверинца (арх. Е.Домбровский), в том числе и его южной, лесной, части (Рис. 4). Три основные улицы, проложенные с юга на север, и восемь – с востока на запад, разбили территорию на аккуратные прямоугольные кварталы (шириной в 10 и 15 саженей, длиной – 40-50 саженей) [2, с. 44]

Три квартала в южной части были подарены городу, кроме того, В.Мартинсон обещал внести в городскую казну 180 тысяч рублей на возведение нового, железного, моста через Вилию.

Мартинсон рекламировал продаваемые участки не только в Вильне, но и в Петербурге, как курортный район в излучине реки, поросший сосновым бором, в котором можно строить загородные виллы. Он даже издал брошюру «Краткій очеркъ города Вильны и вновъ присоединенной къ нему Александріи (бывш. Звѣринецъ), принадлежащей В. В. Мартинсону» (С.-Петербург, 1902), в которой бóльшую часть занимал подробный исторический очерк, а также описание учебных заведений, культурных обществ: «В настоящее время в Вильне учебных заведений христианских – 41, из них духовного ведомства – 7, военного – 1, и гражданского – 33. В числе учебных заведений – средние: православная духовная семинария, римско-католическая семинария, две гимназии, реальное училище, коммерческое училище, юнкерское училище, женская гимназия и высшее мариинское училище, рисовальная школа с классом живописи <…>; техническое железнодорожное училище, почтово-телеграфная школа. Еврейских казенных школ – 25, в том числе учительский институт, и 163 частных школы»; «Для развития искусства существуют: Отделение Императорского Русского Музыкального Общества и музыкально-драматическій кружок любителей; для спорта – общество виленских велосипедистов. В городе два зимних театра и один летний». Все это, наряду с поэтическим описанием природных красот и благоприятного климата, должно было привлечь богатых и образованных покупателей, стремящихся к идеалу совмещения «лучших сторон городской и сельской жизни» [4].

Однако в северной части, издавна (с XVII в.) называющейся Салтонишки по имени владевшего этой территорией в XVI в. Ивана Солтана [3;108], такой благодатной ситуации не было – там были просто поля.

Из-за различия природных условий цена участков была разной: «Цена участкам земли в полевой части Александрии от 6 руб. за кв. саж., а в лесной части от 15 руб. за кв. саж.» [4, с. 15]. Когда началась распродажа, определились 3 основные группы покупателей:

1. богатые и знатные чиновники, а также их вдовы (преимущественно из Петербурга),
2. горожане среднего достатка,
3. крестьяне из ближайших деревень.

У них были разные цели и финансовые возможности для реализации строительства, поэтому такие разные структуры застройки участков [5, с. 86].

В лесной части располагались крупные участки, предназначенные для резиденций и больших дач. Эти участки были дорогие, их приобретали богатые знатные чиновники. Они строили либо резиденции, либо доходные дома. Часто это делалось только с целью инвестирования, сами же владельцы жили в центре города или даже не в Литве. Но обустройство участка соответствовало потребностям их сословия. На таких участках находилось много дополнительных зданий – службы, жилые флигели, сторожка, прачечная, подвал с ледником, склады, а в больших резиденциях – и конюшни.

Вторая группа – горожане среднего достатка – приобретала участки в лесной зоне и строила небольшие доходные дома – двух-четырехквартирные. В одной квартире жил сам хозяин с семьей, а остальные сдавались внаем. На таких участках были только необходимые дополнительные здания – дровяные сараи, туалеты, часто – маленький жилой флигель в глубине и на границе участка.

Покупатели третьей группы приобретали участки в полевой зоне, величина которых зависела от финансовых возможностей, поэтому в этой части попадались особенно узкие и маленькие семейные наделы. На таком участке помещался только маленький домик с самыми необходимыми дополнительными постройками.

Такая различная планировка обусловила различный характер перспективы улиц. На крупных участках лесной зоны здания стояли вдоль улицы, а в полевой зоне из-за узких участков дома строились торцом на улицу, с минимальным расстоянием, разрешаемом противопожарными нормами.

На первом этапе обустройства района, до 1902 г., на Зверинце было только два каменных здания – Знаменская церковь и Ольгинский приют. Все остальные постройки были деревянными и продолжали традиции застройки летней резиденции Виттгенштейнов, ставшей впоследствии генерал-губернаторской.

На втором этапе, с 1903 по 1914 год, на Зверинце велось очень интенсивное строительство, и небольшой район стал «полигоном» разнообразия архитектурных стилей, что соответствовало духу времени. Это проявилось в неостилях общественных и сакральных зданий: неовизантийская церковь (Рис. 5), неоготический костел (Рис. 6), караимская кенесса в мавританском стиле (Рис. 7). Отголоски европейского модерна проявились в декоре детской больницы и доходных домов (Рис. 8, 8 А). В загородных резиденциях и виллах был популярен русский стиль с обильным пропильным декорированием и швейцарский стиль с характерной асимметричной объемной композицией, множеством архитектурных элементов: остроконечные крыши сложной конфигурации, ба-

шенки, эркеры и фронтоны, украшенные деревянными прорезными орнаментами.

Особенно интенсивное строительство началось после 1907 г., когда был построен металлический мост по проекту Малиновского. Главной улицей Зверинца, которая начала застраиваться в конце XIX в., была улица Витауто, на которой находилось множество жилых домов и загородных вилл. Именно для загородных домов характерен сложный объем и замысловатая форма крыши, в них много открытых и застекленных веранд, балконов и террас (Рис. 9, 9 А). В то время как для жилого дома характерен компактный объем, двухскатная крыша с мезонином, угловые дома отличаются крупными габаритами и сложной планировочной структурой (Рис. 10). Они чаще двухэтажные, иногда – с застекленными балконами и верандами, превращенными в ризалиты. Сам угол акцентировался вертикалью – башенкой со шпилем.

В межвоенное время сохранилась и планировочная структура улиц и границ участков. Новые дома строились по тому же плану парцелляции 1902 г. Отличалась только стилистика, влияние функционально-рациональных школ, отсутствие орнаментов, пропильной резьбы. Остались только утилитарные элементы. Из романтических направлений был популярен только так называемый усадебный и закопанский стиль – под влиянием, пришедшим из Польши [5, с. 97]. Это портик с колоннами основного входа, вальмовые, полувальмовые, мансардные крыши, и характерный элемент закопанского стиля – стилизованное рельефное солнце на фронтоне (Рис. 11, 11 А).

Деятельность В.Мартинсона прекратилась в 1904 г.. Несмотря на серьезную рекламную кампанию и предложение покупать участки в рассрочку, существующие законы ограничили круг потенциальных покупателей: поляки и евреи не имели права покупать недвижимость вне городов, а русское население Вильны было невелико. «К тому времени Мартинсоном было израсходовано 400000 руб. За присоединение "Зверинца" к Вильно необходимо было передать городу бесплатно 24000 кв. саж. земли в лучшей части урочища и уплатить деньгами 180000 руб. Из них 45000 уже было внесено на строительство моста. Кроме того, Мартинсон подарил Ольгинскому приюту 12000 кв. саж. земли, за что получил высочайшую благодарность, а также около 2000 кв. саж. земли под церковь "Знамения", которая к тому времени была построена и освещена» [6].

Район Зверинца – это пример планировки большого участка города и системной регулярной застройки по утвержденным правилам. Это регламентированные расстояния между домами и ширина улиц, противопожарные требования к брандмауэрам, требования к односкатным крышам на границах участков (чтобы вся вода с крыш стекала на свою землю).

Специфика урбанизации района Зверинец (Жверинас) в Вильнюсе в конце XIX – начале XX в., по сравнению с другими пригородами Вильнюса, отличается упорядоченностью и изначальным замыслом, который удалось воплотить и частично сохранить до наших дней.

В 1990 г. был осуществлен проект регенерации района и оценка деревянного наследия Жверинаса, на основе которого множество исторических зданий

было занесено в список архитектурного наследия, а главное – Зверинец охраняется как территория, где осуществлен градостроительный замысел конца XIX в. – начала XX в. (Рис.12).

Список литературы

1.Racevičienė, A., Baliulytė, I. Žvėryno istorinė urbanistinė raida (iki 1940 m.) / A. Racevičienė, I.Baliulytė // Urbanistika ir rajonų planavimas. – Nr.18. – V., 1993.
2.Vanagas, J. Žvėryno rajono urbanistinės raidos istorinė apžvalga / J.Vanagas // Urbanistika ir rajonų planavimas. – Nr.18. – V., 1993.
3.Jurkštas, J. Vilniaus vietovardžiai / J.Jurkštas. – V., Mokslas, 1985.
4.Краткій очеркъ города Вильны и вновъ присоединенной къ нему Александріи (бывш. Звѣринецъ), принадлежащей В. В. Мартинсону. – С.-Петербург, 1902.
5.Ptašek, M. Žvėryno užstatymas ir pastatų stilistinė charakteristika (iki 1940 m.) / M.Ptašek // Urbanistika ir rajonų planavimas. – Nr.18. – V., 1993
6.П.В.Лизунов. «Банкирский дом, «который лопнул». – Режим доступа: http://www.hist.msu.ru/. – Дата доступа 25.10.2010.

Майя Шилемовна Пташек, архитектор, лектор Вильнюсской академии художеств. Член союза архитекторов Литвы, Член союза реставраторов Литвы, эксперт ICOMOS. Сфера интересов: культурология, история архитектуры и градостроительства, проблемы охраны культурного наследия. Основные проекты:
Музей часов в Клайпеде в здании XVIII−XIX вв.
Проект реставрации монастыря францисканцев XV−XVIII вв. в Вильнюсе
Проект регенерации района Жверинас в Вильнюсе
Специальный план охранонаследия курорта Паланга
Проект восстановления звонницы XV в. костела и монастыря францисканцев в Вильнюсе.
Специальный план охранонаследия территории Жарде (400 га.) – г. Клайпеда
Проект восстановления деревянной крепости XIII-XIV века на замковой горе Шейминишкеляй – г. Аникщяй.

УДК 94 (476.6): 347.639

Алена Ясэк (Гродна)

ДАБРАЧЫННАЯ ДЗЕЙНАСЦЬ ГАРАДЖАН У ДРУГОЙ ПАЛОВЕ XIX – ПАЧАТКУ XX СТ. (НА ПРЫКЛАДЗЕ АПЕКІ НАД ДЗЕЦЬМІ-СІРОТАМІ Ў ГРОДНЕ)

В данной статье рассматривается благотворительная деятельность жителей г. Гродно во второй половине XIX – начале XX в. В основу анализа положен принцип конфессиональной принадлежности горожан и опекаемых ими детей. Характеризуются проведённые мероприятия, направленные на улучшение условий жизни, обучения и воспитания сирот. Автор обращает внимание на эффективность благотворительной деятельности горожан во второй половине XIX – начале XX в.

Састаўной неад’емнай часткай культуры кожнай краіны, кожнага паважаючага сябе народа з’яўляецца сістэма функцыянавання дабрачынных

структур і арганізацый з іх шматвектарнай накіраванасцю на паляпшэнне дабрабыту насельніцтва. Узровень развіцця дабрачыннасці з боку дзяржавы, прыватных асоб, рэлігійных устаноў, у сваю чаргу, сведчыць аб сацыяльна-эканамічным, палітычным, культурным становішчы грамадства.

Апека над дзецьмі-сіротамі прадстаўляе сабой прававую форму абароны асабістых і маёмасных праў сірот якім споўнілася не больш 14-ці гадоў, з мэтай забеспячэння належных умоў для іх выхавання і навучання [14, с.150]. Аўтар разглядае апеку яшчэ і як аказанне матэрыяльнай дапамогі сіротам, забеспячэнне іх прытулкам, стварэнне ўмоў для атрымання такой катэгорыяй дзяцей адукацыі і выхавання, у якасці апекуноў даследчык вызначае не толькі прыватных асоб, але і праваслаўную, каталіцкую царкву, яўрэйскія прытулкі як установы па апецы над дзецьмі-сіротамі. Варта звярнуць увагу на той факт, што тэма дзіцячага сіроцтва турбавала грамадства розных краін свету ва ўсе часы. Як правіла, у першую чаргу, духавенства, навукоўцы, палітычныя дзеячы актыўна імкнуліся палепшыць лёс непаўналетніх дзяцей, якія па розных прычынах засталіся без апекі бацькоў. Не выключэннем стала і наша краіна. Насельніцтва Беларусі з даўніх часоў разумела складанасць праблемы існавання дзяцей-сірот, якія патрабавалі апекі. У другой палове XIX – пачатку XX ст. на беларускіх землях, што знаходзіліся ў складзе Расійскай імперыі, вялася барацьба з прычынамі і наступствамі сіроцтва. Для уладкавання сірот адкрываліся розныя дзіцячыя прытулкі, арганізацыі вучэбна-выхаваўчай накіраванасці, якія дзейнічалі пры манастырах, цэрквах на сродкі прыватных асоб ці дзяржавы [11, с. 329].

Сіроцтва – гэта праблема не асобнай краіны, не асобнага рэгіёна, гэта глабальная праблема ўсяго чалавецтва. У пачатку XXI стагоддзя яна таксама актуальная. У Рэспубліцы Беларусь больш, як 32 тысячы сірот, прычым, значная колькасць дзяцей – гэта сацыяльныя сіроты, г. зн. дзеці-сіроты пры жывых бацьках [29, с. 10]. Дзяржава, грамадства, царква, навуковая і творчая інтэлігенцыя актыўна займаюцца пошукам сродкаў для паляпшэння ўмоў жыцця такіх дзяцей, распрацоўваюць меры па функцыянаванні максімальна эфектыўнай апекі над сіротамі. Несумненна, што кожны больш-менш значны аспект дадзенай тэмы гучыць надзвычай востра і актуальна.

У вывучаемы перыяд дабрачыннай дзейнасцю займалася праваслаўная царква: апекавалася над сіротамі, дапамагала бедным людзям праваслаўнага веравызнання.

У сярэдзіне 60-х гг. XIX ст. па прапанове генерал-губернатара М. Мураўёва вялася праца па адкрыцці прытулкаў у г. Гродна пры жаночым манастыры Раства-Багародзіцы для выхавання дочак бедных чыноўнікаў, што прыязджалі ў Гродзенскую губерню на службу, а таксама для сірот духоўнага праваслаўнага ведамства [16, арк. 37]. Па прычынах таго, што будынак манастыра быў «даволі высокі і вузкі, яго сцены і падмуроўка нетрывалыя», было прынята рашэнне аб будаўніцтве асобнага памяшкання для прытулку, у якім маглі б размясціцца 30–40 дзяўчынак-сірот [16, арк. 13]. Пошукам месца, для будаўніцтва прытулку недалёка ад манастыра, займаўся ігумен Афанасій [16, арк. 37]. Плануемы праект патрабаваў значных фінансавых выдаткаў.

Мяркуецца, што на будаўніцтва прытулку было затрачана 15–16 тысяч рублёў [16, арк. 14].

Брацтвы і царкоўнапрыхадскія папячыцельствы, што дапамагалі праваслаўным вернікам, атрымалі распаўсюджванне ў другой палове XIX ст. Гэтаму садзейнічала распрацоўка і прыняцце ў 60-х гадах XIX ст. адпаведных законаў. У маі 1864 г. Аляксандр II зацвердзіў «Основные правила для учреждения церковных братств». Згодна з законам «братства учреждаются при церквях и монастырях с благословения и утверждения епархиального архиерея… с задачей содействия возникновению и процветанию церковно-приходских школ, внебогослужебных собеседований, церковно-народных библиотек и вообще религиозно-нравственному просвещению народа» [3, с. 387–388]. Брацтвы ажыццяўлялі рознабаковую, шырокую дабрачынную дзейнасць для праваслаўнага насельніцтва. Сярод брацтваў, што дзейнічалі ў г. Гродна варта прыгадаць Гродзенскае брацтва пры Сафійскім саборы, якое ў 1893 г. заснавала Дом працалюбства, далейшае апякунства якім з-за матэрыяльных цяжкасцей ажыццяўляла мясцовае дабрачыннае таварыства [30, с. 125]. У 1896 г. тут працавалі 253 хлопчыкі і 274 дзяўчынкі, у 1898 г. колькасць хлопчыкаў павялічылася да 311 чалавек, а колькасць дзяўчынак зменшылася да 179 [1, с. 72]. Гродзенскае Сафійскае Брацтва арганізоўвала для бяднейшых дзяцей царкоўнапрыхадскіх школ елку. Падчас правядзення елкі ў 1900 г. падарункі дзецям раздавалі жанчыны-сябры Брацтва на чале з О.М. Лішынай. «Дети получали сласти в мешочках, рубашки, платьица» [7, с. 7].

Распаўсюджванню царкоўнапрахадскіх папячыцельстваў было звязана з прыняццем 2 жніўня 1864 г. закона «О приходских попечительствах при православных церквях». Папячыцельствы акрамя добраўпарадкавання царквы і першапачатковага навучання дзяцей, клапаціліся і аб наладжванні дабрачыннай дзейнасці на тэрыторыі прыхода, а менавіта – стварэнне прытулкаў, багадзельняў і г. д. [8, с. 279]. Папячыцельства з’яўляліся грамадскімі ўстановамі. Прыняты закон вызначаў для папячыцельстваў, што: «Исполняя свои обязанности, как органы местных обществ, они обязаны вести дела с необходимой гласностью. По окончании года они отдают отчёт в своих действиях и в заведываемых ими суммах и имуществе, общему собранию прихожан, от каторого зависит определение порядка отчётности и её проверке» [13, с. 695]. Гараджане, грамадска-дзяржаўныя арганізацыі мелі магчымасць супрацоўнічаць з Праваслаўнай царквой у справе апекі над сіротамі, дапамогі бедным дзецям. Па ўстаноўленай традыцыі з нагоды пачатку вучэбных заняткаў у школе дзіцячага прытулку Гродзенскага дабрачыннага таварыства, праваслаўныя свяшчэннаслужыцелі праводзілі малебны [8, с. 10]. У г. Гродна пры Барыса-Глебскім манастыры знаходзілі прытулак дзеці бяднейшых батракоў, на ўтрыманне якіх, па сведчанні брэсцкага епіскапа Іосіфа гродзенскаму губернатару, у манастыры не было дастатковых сродкаў. У 1897 г. у архіерэйскім доме знаходзілася 5 хлопчыкаў, да таго ж, у лютым гэтага года за дапамогай у манастыр звярнуўся сын беззямельнага селяніна малагадовы А. Маркаў. Савет манастырскага Праўлення вырашыў прыняць хлопчыка ў манастыр «сообразно его

способностям и силам к какому-либо делу» [21, арк. 189]. Праз хуткі час 20 лютага хлопца перавялі з манастыра «как неспособного к клиру и ленивого к столярству» ў архіерэйскі дом, дзе яго прывучалі «поварскому делу при поваре в кухне, а также к пению у регента» [21, арк. 190]. Па прычыне недастатковых фінансавых сродкаў манастыра епіскап прасіў Гродзенскага губернатара, па магчымасці, уладкаваць хлопца ў тыпаграфію губернскага праўлення. Гэты прыклад можна разглядаць як доказ пастаяннага пошука форм уладкавання сірот як пры дапамозе рэлігійных, так і свецкіх устаноў.

Дзяржаўная ўлада і Праваслаўная царква імкнуліся зменшыць да мінімума ўплыў каталіцызму ў дзяржаве. У сувязі з гэтым у другой палове XIX ст. гараджане-каталікі не маглі разгарнуць маштабную дабрачынную дзейнасць.Але з выданнем у 1906 г. Мікалаем I «Часовых правіл аб таварыствах і саюзах», каталіцкі касцёл, як і іншыя канфесійныя групы, атрымаў права адкрываць дабрачынныя таварыствы. Менавіта з 1906 г. можна гаварыць аб шырокім распаўсюджванні рымска-каталіцкіх дабрачынных таварыстваў на тэрыторыі Беларусі, у тым ліку і ў г. Гродна [30, с. 106]. Так, 31 жніўня 1907 г. быў зацверджаны статут дабрачыннага таварыства пры Фарным касцёле. Мэтай таварыства з’яўлялася прадастаўленне сродкаў для паляпшэння матэрыяльнага і маральнага стану бедных католікаў Гродзенскіх прыходаў, незалежна ад іх узросту і маёмаснага забеспячэння. Статут таварыства прадугледжваў, па меры развіцця сродкаў таварыства, адкрываць дамы і прытулкі для сірот, рамесныя і навучальныя ўстановы для малагадовых дзяцей [25, арк. 1].

У склад сяброў дабрачыннага таварыства пры Фарным касцёле ўваходзілі: ксяндзы, шляхта, простыя жыхары. Большасць сяброў таварыства пражывала ў г. Гродна, сярод іх можам назваць такія імёны, як ксёнз Ю. Элерт (Гродзенскі дэкан), ксёндз Брыгіцкага касцёла М. Глембоцкі, С. Плеганская, граф Р. Патоцкі, графіня М. Патоцкая, К. Юндзіл, В. Рыдзеўская, Ю. Лінке, К. Дамброўскі, З. Цыбульскі і іншыя. Сябрамі таварыства з’яўляліся таксама ксяндзы і жыхары іншых мясцовасцей Гродзенскай губерні. У 1908 г. сяброўскія зборы склалі 95 р.[24, арк. 2].

19 студзеня 1908 г. Гродзенская губернская па справах і таварыствах прысутнасць унесла ў рэестр таварыстваў Гродзенскай губерні Гродзенскае таварыства папячэння аб дзецях, справамі якога сумесна з праўленнем займалася каталіцкае духавенства г. Гродна. Мэтамі таварыства былі папячэнне, абарона дзяцей, садзейнічанне фізічнаму, маральнаму і разумоваму развіццю дзяцей і падлеткаў. Статутам прадугледжвалася:забеспячэнне бедных дзяўчынак адзеннем, харчаваннем, прытулкам і медыцынскай дапамогай; аддача дзяцей у вучэбна-выхаваўчыя ўстановы, рамеснікам і ў сем’і; адкрыццё грашовых і бясплатных сталовых, дзіцячых лякарняў і летніх калоній; распрацоўка пытанняў, якія адносяцца да разумовага, маральнага і фізічнага выхавання маладога пакалення; абарона дзяцей ад дрэнных маральных і матэрыяльных умоў; дапамога дзецям, якія здзейснілі злачынства; распрацоўка фізічных практыкаванняў і гульняў [26, с. 2].

Са справаздач вядома, што старшынёй праўлення Таварыства быў Л. Бяляўскі. Праца Таварыства галоўным чынам была накіравана на апекаванне над дзецьмі-сіротамі, дапамогу бедным вучням і вучаніцам г. Гродна і суседніх вёсак, дапамогу бедным сем'ям і апекунам у даглядзе за дзецьмі і іх лячэнні, арганізацыю ў час летніх канікул гульняў, экскурсій, гімнастыкі і г. д. Сірот і паўсірот залічалі ў прытулак і займаліся іх поўным апекаваннем. Колькасць дзяцей, што прыходзілі ў прытулак для навучання, была вялікай, але па прычыне недахопу месцаў у ім, кіраўніцтву немагчыма было прыняць усіх жадаючых. Сярод дакументаў фонда Фарнага касцёла захаваліся прашэнні бацькоў і апекуноў аб прыняцці дзяцей у прытулак, а таксама аб магчымасці прыходзіць у прытулак для навучання. Такое прашэнне разам з копіямі метрык аб нараджэнні дзяцей, або з метрычнымі выпіскамі накіроўваліся на імя ксяндза. Так, маці Веранікі Бакановіч прасіла прыняць дачку пад апеку прытулка як прыходзячую вучаніцу, бо не мела матэрыяльных сродкаў на яе выхаванне [22, арк. 44]. Селянін Марцін Баркоўскі прасіў прыняць у прытулак шасцігадовага сына Браніслава, якога па прычыне сваёй беднасці і стану здароўя не мог забяспечыць харчаваннем [20, арк. 7]. Прасілі аб дапамозе жыхары не толькі г. Гродна, але і з іншых мясцовасцей.

Шмат увагі ў прытулку адводзілася на выкладанне дзецям каталіцкай веры, акрамя таго, дзеці чыталі і пісалі па-руску, на занятках па арыфметыцы вучыліся лічыць, а яшчэ займаліся ручнымі работамі і рамёствамі, такімі як сталярства, шыццё, выраб гузікаў, саламяных капелюшоў і інш. У падрыхтоўцы дзяцей да споведзі і камуніі ў 1912, 1913 гг. ксяндзу дапамагалі выхавальніцы прытулку і некаторыя сябры Таварыства [33, с. 6]. На агульным сходзе сяброў Таварыства ў 1909 г. праўленне, для лепшага наладжвання апекі, умоўна падзяліла г. Гродна на некалькі частак і запрасіла да сумеснай працы столькі ж апякунак. На кожным такім участку апякунка збірала поўную інфармацыю аб тым, каго сапраўды неабходна змясціць у прытулак, каму аказаць фінансавую падтрымку. У 1910 г. М. Сасуліч прадстаўляла на сходах Таварыства справаздачы аб дзейнасці апякунак у горадзе. У 1910, 1912 і 1913 гг. апякункамі былі С. Лістоўская, Л. Бартноўская, Ю. Ястжэнбская, Я. Карбоўская, А. Адляніцкая-Пачобут, А. Пачобут, В. Рамішэўская, М. Шушкевіч, А. Тамашэвіч, А. Урублеўская, М. Здановіч і іншыя. Праца апякунак была значнай дапамогай праўленню Таварыства [34, с. 11].

Першапачаткова прытулак размяшчаўся ў малым памяшканні, а з другой паловы 1908 г. быў пераведзены ў большае, дзе пастаянна жылі 16 дзяцей і каля 100 чалавек прыходзілі ў прытулак для навучання. У ліпені 1911 г. Таварыству апекі над дзецьмі для размяшчэння ў ім прытулку быў аддадзены дом, у якім жыла Э. Ажэшка. Дом складаўся з 11-ці пакояў на ніжнім паверсе і 4-х наверсе, што дазволіла павялічыць колькасць дзяцей у прытулку да 24-х чалавек і забяспечыць жыллём выхавальніц [33, с. 1]. У 1909 г. у прытулку жылі 7 хлопчыкаў і 9 дзяўчынак, сярод прыходзячых дзяцей – 66 дзяўчынак і 26 хлопчыкаў, разам 108 чалавек. Адзін хлопчык з прытулку быў запісаны да 4-х класнай гарадской школы. Найбяднейшым дзецям, якія наведвалі прытулак, даваліся бясплатныя абеды, а 9 дзяцей забяспечвалі харчаваннем

некалькі разоў у дзень. Восенню 1909 г. 4 тыдні ў прытулку не праводзіліся заняткі з-за эпідэміі халеры, на працягу 6-ці тыдняў не было заняткаў у выніку скарлаціны і адзёру. Трое дзяцей з прытулку хварэлі на скарлаціну і 8 на адзёр. Пастаянную лекарскую дапамогу і санітарны нагляд бясплатна ажыццяўлялі дактары Я. Рыдзеўскі, Я. Якімовіч, А. Талхеім, К. Дэнброўскі. Вызначаную колькасць лекарскіх сродкаў Таварыства атрымлівала бясплатна з дзяржаўных аптэк. Пяць дзяцей, якія патрабавалі спецыяльнага лячэння былі ўладкаваны ў лякарні: адзін хлопчык – у г. Гродна, чацвёра – у г. Друскенікі. На працягу лета пад кіраўніцтвам выхавальніц для дзяцей былі арганізаваны заняткі на свежым паветры, гульні, забавы, гімнастыка і экскурсіі. Кіраўніцтва Таварыства, арганізуючы летам дадатковыя заняткі і забавы, ставіла мэту на працягу ўсяго дня апекавацца над прыходзячымі дзецьмі, якія застаюцца без нагляду, калі іх бацькі занятыя працай на полі. Гэтай паслугай карысталіся 56 дзяцей, якія атрымоўвалі так называемыя «падвячоркі», якія складаліся з хлеба і малака. Агульная сума прыбытку Таварыства за 1909 г. склала 6187 р. 60 к. Таварыству ў значнай ступені дапамагала Э. Ажэшка, якая ўнесла на патрэбы Таварыства 2821 р. 68 к. Сродкі, атрыманыя ад ахвярадаўца Ф. Матушэўскага былі накіраваны на аказанне дапамогі школьнікам [31, с. 3–4].

У 1910 г. у прытулку знаходзілася 17 сірот і паўсірот (9 дзяўчынак і 8 хлопчыкаў) ва ўзросце ад 6-ці да 14-ці гадоў. На заняткі ў прытулак прыходзілі 54 дзяўчынкі і 47 хлопцаў. Апроч выхавальніц і настаўніц, што займаліся навучаннем і выхаваннем сірот, у прытулку былі дзяжурныя такія, як В. Рыдзеўская, М. Гадлеўская, М. Сасуліч і іншыя. Гэтыя жанчыны добраахвотна аказвалі дапамогу ў выхаванні дзяцей. Сіротам асабліва падабалася працаваць у агародзе пад наглядам выхавальніцы Марыі Бжоскувны [32, с.4 – 6]. Для дзяцей набылі тры экзэмпляры кніг у пераплётах «Добрые семена», за якія кіраўніцтва Таварыства заплаціла 1 р. 11 к. [19, арк. 143]. У справаздачы за 1910 г. адзначаецца, што ў рацыёне харчавання дзяцей адбыліся змены «на лепшае»: выхаванцы елі суп, кашу, 3–4 разы на тыдзень ужывалі мяса. Можна меркаваць, што ў мінулыя гады харчаванне дзяцей у прытулку было горшым. Я. Рыдзеўскі заставаўся галоўным доктарам, дапамагалі яму А. Талхеім і С. Шумкоўскі, таксама звярталіся за дапамогай у лячэнні дзяцей да акуліста і дантыста [32, с. 5–6]. У 1910 г. Таварыства аказала грашовую дапамогу бацькам і часовым апекунам дзяцей на суму 119 р. 50 к. Падчас навагодняй елкі было выдадзена зімовае адзенне для 37 чалавек [32, с. 8].

На працягу 1912 г. у прытулку жылі 26 дзяцей. З пачаткам навучальнага года з г. Гродна і ваколіц заняткі наведвалі каля ста чалавек. З часам колькасць дзяцей зменшылася да 70 чалавек, 15 з іх забяспечваліся абедам, астатнія атрымлівалі толькі гарбату [33, с. 4–5]. Сіроты, якія жылі ў прытулку харчаваліся 4 разы на дзень: на сняданне – кава з малаком і хлебам; на абед – адна малочная страва, адна мясная; падвячорак; на вячэру – найчасцей кашу з малаком. Неабходна падкрэсліць, што ў прытулку была строгая дысцыпліна. З ліку дзяцей прызначаліся дзяжурныя для дапамогі пры раздачы яды. Дзяўчынкі спалі ў пакоях на верхнім паверсе, хлопчыкі – на ніжнім, перад сном дзеці маліліся і спявалі рэлігійныя песні. У справаздачы за 1912 г.

адзначалася, што арганізмы дзяцей слабыя, на паляпшэнне стану здароўя выхаванцаў патрэбны большыя грошы, чым можа выдаткаваць Таварыства [33, с. 7].

Значным дасягненнем працы Таварыства было ўладкаванне дзяцей пасля выхаду іх з прытулку. У 1912 г. двум хлопцам знайшлі працу ў майстэрнях Пракопчыка і Шантыруўны, аднаму – у аптэцы Маліноўскага, траіх аддалі на практыку па гаспадарству ў мястэчка Талочак і ў заможныя бяздзетныя сем'і з вёсак Наумовічы і Каробчыцы. Траіх дзяўчат забралі родныя, адну дзяўчынку накіравалі ў Варшаву для далейшага навучання, адну дзяўчынку ўзяла пад апеку А. Гедройць [33, с. 9].

У 1913 г. для Таварыства апекі над дзецьмі, дзякуючы намаганням яго старшыні Л. Бяляўскага, з сум Віленскага Таварыства былі накіраваны 3522 р. 61 к. [34, с. 3]. Удалося замяніць старыя парты і замест іх набыць 30 новых. У прытулку змяшчаліся 26 сірот і бедных дзяцей, да таго ж, 80 прыходзячых дзяцей. Фінансавую падтрымку прытулку, як і ў мінулыя гады, аказвалі ўлады горада. Прычым з кожным годам існавання таварыства сума дадзеных сродкаў павялічвалася: 1909 г. дапамога была аказана ў памеры 350 р., у 1910 г. – 600 р., у 1913 г. сума ў параўнанні з 1912 г. павялічылася на 200 р. і склала 900 р. Колькасць сяброў Таварыства з 145 у 1911 г. і 170 у 1912 г. узрасла да 240 чалавек у 1913 г. [34, с. 5–7].

Значную дапамогу Таварыства за перыяд сваёй дзейнасці атрымлівала ў выглядзе ахвяраванняў асобных людзей грошай, прадуктаў, адзення, бялізны, кніг, абутку і г. д. Ахвяравалі муку, бульбу, крупы, капусту, буракі, мяса, гарох, яблыкі, зеляніну, цукар, гарбату, здаралася, нават мёд. Цукеркі і пячэнне дзеці атрымлівалі на святы. На шыццё адзення для дзяўчат і хлопцаў жыхары давалі матэрыял, прыносілі сіротам ношаныя сукенкі, кашулькі і інш. Падчас Першай сусветнай вайны ксёндз Л. Жэброўскі звярнуўся з просьбай да вернікаў аб большым аказанні дапамогі на патрэбы прытулку, бо ў сувязі з вайной павялічвалася колькасць дзяцей, якія патрабавалі апекі, а сродкі прытулку не дазвалялі апекавацца нават над тымі дзецьмі, што ўжо знаходзіліся ў прытулку. Ксёндз адзначыў, што «...голад і холад страшныя кожнаму, а яшчэ страшней для дзяцей»[17, арк. 1]. У лістападзе 1914 г. з дазволу Гродзенскага губернатара праўленне «Таварыства папячэння аб дзецях» і дабрачыннае таварыства пры Фарным касцёле на сумесныя сродкі адкрылі на Татарскім завулку ў г. Гродна ў памяшканні прытулку бясплатную сталовую для 50–100 дзяцей [15, арк. 282–283]. Неабходны для гэтага інвентар, у прыватнасці, сталы і крэслы, з фондаў губернскага праўлення выдзеліў губернатар [28, с. 328].

З 1906 г. каталіцкія святары атрымалі магчымасць афіцыйна адкрываць прытулкі для сірот і бедных дзяцей рымска-каталіцкага веравызнання. Найбольш даступна вывучэнне дзейнасці каталіцкіх прытулкаў, якія існавалі ў г. Гродна. У прытулках заўсёды знаходзіўся поўны камплект дзяцей, з-за чаго кіраўніцтву прыходзілася адхіляць многія прашэнні аб прыняцці дзяцей у гэтыя ўстановы.

Адно з галоўных месцаў у жыцці яўрэйскага грамадства займала аказанне дапамогі бедным людзям, усім хто страціў свой матэрыяльны дабрабыт, або душэўны спакой. Такія надзвычай добразычлівыя адносіны яўрэяў да застаўшыхся без сродкаў існавання, тлумачацца вялікім уплывам на духоўнае жыццё рэлігіі яўрэяў – іўдаізма [23, с. 264]. Вядучым напрамкам дабрачыннай дзейнасці яўрэйскага грамадства з'яўляецца апека над дзецьмі-сіротамі і ўдовамі, матэрыяльная і маральная дапамога бедным яўрэйскім дзецям. Дзяржаўныя органы кіравання былі зацікаўлены ў змяншэнні беднасці сярод яўрэйскага грамадства.Па выніках пастаноў гарадской думы г. Гродна ад 3 студзеня 1889 г. вынікае, што са сродкаў гарадскога бюджэта на дапамогу бедным яўрэям было выдзелена 500 рублёў, прычым больш 166 рублёў «для бедных рожениц-евреек» [12, арк. 8].

З архіўных матэрыялаў вядома, што яшчэ ў 1841 г. у г. Гродна на вуліцы Малая Траецкая пачаў сваю працу дзіцячы прытулак для яўрэйскіх сірот. Нагляд над дадзенай установай ажыццяўляла Гродзенскае яўрэйскае таварыства. У прытулак прымалі дзяцей ва ўзросце ад 6-ці да 12-ці гадоў. Выхаванцы вывучалі закон Божы, яўрэйскую грамату. Асаблівую цікавасць выклікае той момант, што выкладаннем рускай граматы для сірот прытулку займаліся вучні і вучаніцы старэйшых класаў Гродзенскай мужчынскай і жаночай гімназій. Калі хлопчыкам спаўнялася 13 год, іх аддавалі вучыцца рамяству да рамеснікаў. Прычым (па дадзеных за 1884 г.), рамеснікі са сродкаў прытулку ў якасці ўзнагароды за навучанне дзіцяці атрымлівалі па 10-15 рублёў, а дзеці «обеспечивались одеждой и обувью на первый год» [2, арк. 64]. З аналіза статыстычных звестак аб колькасці дзяцей за 1877–1883 гг. становіцца зразумела, што хлопчыкаў у прытулку пражывала значна большая колькасць, чым дзяўчынак [2, арк. 65].У адным з артыкулаў Гродзенскіх губернскіх ведамасцяў за 1905 г. месцазнаходжанне будынка прытулку характарызуе наступным чынам: «Это здание расположено в крайне антисанитарной местности. Местность эта граничит с одной стороны с Фабричной улицей, орошаемой речкой Городничанкой, а с другой – старинным еврейским закрытым кладбищем. Помимо того, эта местность за последние годы превратилась в площадь, на которой происходит торговля рыбой» [5, с. 7]. Але ў адным з наступных нумароў газеты адзначалася, што пакоі ў прытулку прасторныя, светлыя, дзеці жывуць «довольно сносно, так как в средствах недостатка нет» [6, с. 12].

Важна падкрэсліць той факт, што пасля зацвярджэння Міністэрствам унутранных спраў «Примерного Устава Обществ пособия бедным» у 1897 г., яўрэйскія таварыствы рознай накіраванасці пачалі дзейнічаць на агульных асновах, што зрабіла больш спрошчаным працэс адкрыцця і функцыянавання новых дабрачынных яўрэйскіх устаноў [30, с. 105].

У канцы 1902 г. было арганізавана «Общество пособия бедным еврейским детям» у г. Гродна. Галоўнай задачай распрацаванай праграмы гэтай установы з'яўлялася матэрыяльнае забеспячэнне дзяцей, таксама прадугледжвалася стварэне неабходных умоў для іх духоўнага і фізічнага развіцця. Але па прычыне недастатковай колькасці матэрыяльных сродкаў,

таварыства звузіла праграму сваёй дзейнасці і абмежавалася толькі выдачай абутку. У 1903 г. у таварыства за дапамогай звярнуліся 252 чалавекі. З іх толькі 210 атрымалі боты і чаравікі. Сярэдні клас яўрэйскага грамадства слаба прымаў удзел у дзейнасці таварыства. Амаль 97 % ад агульнай колькасці ўсіх сяброў складалі бедныя рабочыя, рамеснікі і гандляры. Кожны з сяброў таварыства па меры сваіх фінансавых магчымасцей ахвяраваў таварыству некаторую суму грошай: 10, 15, 20 капеек у месяц. Такім чынам, у 1903 г. таварыства функцыянавала дзякуючы падтрымцы бедных яўрэйскіх рабочых [4, с. 15].

Са справаздачы савета таварыства па ўтрыманні прытулку для малагадовых сірот яўрэяў у г. Гродна за 1913 г. вядома, што на поўным забеспячэнні ў прытулку да 1-га студзеня 1914 г. знаходзілася 86 дзяцей. Выхаваннем дзяцей у ім займалася А.Н. Кас. У 1913 г. медыцынскую дапамогу і лячэнне сірот ажыццяўлялі дактары Л.І. Гаухман і М.Н. Вольф, вучэбныя заняткі праводзілі Х.С. Грінштан, А.Н. Кас, Б.М. Шапіра [18, с. 1]. Прыбытак установы, у асноўным, складалі каробачны збор, сяброўскія зборы, арэнда за былы будынак прытулка, а таксама грашовая дапамога ад гарадской управы памерам 1800 р. У 1913 г. таварыства ажыццяўляла выдаткі на харчаванне, медыцынскае абслугоўванне, адзенне, абутак, вучэбныя дапаможнікі для дзяцей, за навучанне іх рамёствам, а таксама на плату настаўнікам. Так, 16 хлопчыкаў праходзілі вучобу ў рамесным вучылішчы, сярод навучэнцаў былі як круглыя сіроты, так і тыя дзеці, хто меў аднаго з бацькоў. У справаздачным 1913 г. выдаткі таварыства на хлеб склалі 1475 р. 32 к., на мяса 795 р. 45 к., малочныя прадукты былі куплены на суму 350 р. 35 к. Забеспячэнне дзяцей-сірот адзеннем, бялізнай і абуткам абышлося таварыству ў 2415 р. 82 к. [18, с. 22–23].

Сістэма мер па паляпшэнню заканадаўства для дзейнасці яўрэйскіх дабрачынных устаноў была відавочнай напрыканцы XIX ст., але значным мерапрыемствам у гэтай сферы стаў указ Мікалая I ад 4 сакавіка 1906 г., згодна з якім былі зацверджаны «Часовыя правілы аб таварыствах і саюзах». Цяпер яўрэям прадстаўляліся роўныя магчымасці з іншымі слаямі грамадства адкрываць дабрачынныя таварыствы і саюзы «без испрошения на то правительственной власти» [27, с. 66]. На тэрыторыі Гродзенскай губерні пытаннямі рэгістравання, закрыцця, забароны дзеянняў таварыстваў займалася «Гродненское губернское по делам об обществах и союзах присутствие». Губернатар мог дазволіць адкрыццё таварыства на аснове прадстаўленай на яго імя заяве, у якой указвалася мэта таварыства, звесткі аб маральных якасцях яго заснавальнікаў, інфармацыя аб спосабах работы праўлення.

На аснове «Часовых правіл аб таварыствах і саюзах» у г. Гродна было ўтворана «Летора-Влітуда» – таварыства папячэння аб дзецях яўрэяў. 7 чэрвеня 1907 г. гэта таварыства было ўнесена ў рэестр таварыстваў і саюзаў [10, арк. 23]. Грашовыя зборы ад 46 сяброў таварыства ў 1909 г. склалі 134 р. 50 к. Іншых паступленняў у даход таварыства ў адзначаным годзе не назіралася. Па выніках агульнага сходу таварыства, якое адбылося 5 мая 1910 г., старшынёй адзінагалосна быў выбраны С. Чарко. Таксама быў абраны

састаў рэвізійнай камісіі, у які ўвайшлі Н. Мельніцкая, Н. Бас, М. Тарашчанскі. У 1909 г. даходы таварыства склалі 463 р. 15 к., прычым, сума сяброўскіх збораў пераўзыходзіла суму за 1909 г. і склала 159 р. 50 к. Агульная сума платы настаўнікам за навучанне бедных дзяцей склала 395 р.,з іх 135 р. было выплачана настаўніку Х.Л. Хазаму, 100 р. – О.М. Левіну, 65 р. – Л.І. Клячкоўскаму і 95 р. – А.Э. Блоху. Ажыццявіўшы яшчэ некаторыя выдаткі ў 1910 г., таварыства мела ў якасці астатка на 1911 г. 13 р. 48 к. [43, арк. 36–39]. Старшынёй таварыства ў 1911 г. абралі Г.Ш. Любіч [10, арк. 40]. «Навука і прызванне» дапамагала ўсім яўрэйскім дзецям школьнага ўзросту г. Гродна. У адрозненне ад адкрытага ў 1907 г. у гэтым жа горадзе «Общества помощи нуждающимся ученикам женской еврейской гимназии», якое аказвала дапамогу толькі вучаніцам гэтай навучальнай установы. У прыватнасці, дзейнасць яго зводзілася да:унясення поўнасцю, або часткова аплаты за навучанне дзяўчынак;выдача ім кніг і вучэбных дапаможнікаў. У склад таварыства маглі ўваходзіць паўналетнія мужчыны, і жанчыны «без различия вероисповедания и национальности» [9, арк. 15].

Такім чынам, аналізуючы дабрачынную дзейнасць гараджан у другой палове XIX – пачатку XX ст. у Гродне, можна сцвярджаць, што значная колькасць жыхароў горада па меры сваіх магчымасцей удзельнічалі ў апецы над дзецьмі-сіротамі непасрэдна як праз свае канфесіі, так і праз удзел у дабрачынных таварыствах, брацтвах і іншых аб’яднаннях. Найбольш спрыяльныя ўмовы для стварэння і дзейнасці прытулкаў для сірот былі створаны ў пачатку XX стагоддзя. Гэта, у сваю чаргу, паспрыяла арганізацыі механізмаў апекі на больш высокім узроўні. Але, безумоўна, ліквідаваць сіроцтва і прыняць пад апеку ўсіх, хто меў у гэтым патрэбу ў адзначаны перыяд у Гродне было немагчыма з-за фінансавых і матэрыяльных цяжкасцей.

Спіс крыніц і літаратуры

1. Батяев, В.Ф. Обучение и воспитание сирот белорусскими общественными объединениями XIX – начала XX века / В.Ф. Батяев // Адукацыя і выхаванне. – 2005. – № 3. – С. 71–75.
2. Вопросные листы для яслей, приютов и лечебниц, благотворительных обществ и учреждений Гродненской губернии (17 сентября 1884 – 2 декабря 1884 г.) // Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі ў г. Гродна (далей НГАБ у г. Гродна). – Ф. 14. – Воп. 1. – Спр. 578. – 147 арк.
3. Григорьев, А.Д. История социальной работы : в 2 ч. : учеб.пособие для студентов высш. учеб. заведений / А.Д. Григорьев. – Минск : ТетраСистемс, 2006. – Ч. 1. – 464 с.
4. Гродненские губернские ведомости. – 1905. – №13. – 16 с.
5. Гродненские губернские ведомости. – 1905. – № 25. – 15 с.
6. Гродненские губернские ведомости. – 1905. – № 29. – 16 с.
7. Гродненские епархиальные ведомости. – 1901 г. – № 2. – 8 с.
8. Гродненские епархиальные ведомости. – 1901 г. – № 35. – С. 272 – 280.
9. НГАБ у г. Гродна. – Фонд 103. – Воп. 1. – Спр. 164. Дело об учреждении общества помощи нуждающимся ученикам женской гимназии в г. Гродно (18 февраля 1907 – 23 июня 1907 г.). – 19 арк.

10. НГАБ у г. Гродна. – Фонд 103. – Воп. 1. – Спр. 160. Дело об учреждении общества попечения об учащихся евреях г. Гродно «Летора - Влитуда» (6 ноября 1906 – 10 июня 1913 г.). – 45 арк.
11. Иванова, Н.П. Сиротство / Н.П. Иванова // Российская педагогическая энциклопедия : в 2 т.– Москва : Большая Российская энциклопедия, 1999. – Т. 2. – С. 329–330.
12. НГАБ у г. Гродна. – Фонд 1. – Воп. 17. – Спр. 1517. Копии постановлений городской думы г. Гродно (11 января 1889 – 9 декабря 1890 г.). – 307 арк.
13. Литовские епархиальные ведомости. – 1864 г. – № 19. – Ч. 2. – С. 449–960.
14. Наумчик, В.Н. Педагогический словарь / В.Н. Наумчик, М.А. Праздников, О.В. Ступакевич. – Минск : Адукацыя і выхаванне, 2006. – 280 с.
15. НГАБ у г. Гродна. – Фонд 1. – Воп. 27. – Спр. 2950. О сборе пожертвований на нужды Красного креста и на помощь раненым в пределах Гродненской губернии (26 июля 1914 – 13 февраля 1915 г.). – 499 арк.
16. НГАБ у г. Гродна. – Фонд 97. – Воп. 1. – Спр. 113. Об учреждении приюта для сирот при монастыре Рождества Богородицы в г. Гродно (14 января 1865 – 5 декабря 1866 г.). – 41 арк.
17. НГАБ у г. Гродна. – Фонд 259. – Воп. 2. – Спр. 130. Обращение к населению о сборе пожертвований в пользу детского приюта 1914 – 1915 гг. – 25 арк.
18. Отчёт совета общества по содержанию приюта для малолетних сирот евреев в г. Гродно за 1913 год. – Гродно, 1914. – 30 с.
19. НГАБ у г. Гродна. – Фонд 259. – Воп. 2. – Спр. 116. Отчёты благотворительного общества при Фарном костёле о расходах на содержание приюта в г. Гродно за 1910 г. – 908 арк.
20. НГАБ у г. Гродна. – Фонд 259. – Воп. 2. – Спр. 121. Переписка с благотворительным обществом о зачислении в приют детей и стариков за 1911 – 1913 гг. – 73 арк.
21. НГАБ у г. Гродна. – Фонд 1. – Воп. 9. – Спр. 509. По прошениям разных лиц об оплате им жалования фабрикантами, о размещении в ресторанах ночной торговли, описания фальшивых кредитных билетов и другим вопросам (31 декабря 1896 – 14 сентября 1897 г.). – 510 арк.
22. НГАБ у г. Гродна. – Фонд 259. – Воп. 2. – Спр. 114. Прошения жителей г. Гродно о принятии детей в детский приют, а пожилых людей в дом престарелых за 1909 г. – 86 арк.
23. Соболевская, О. Культурная жизнь еврейской общины, семья и повседневная жизнь евреев Гродненщины / О. Соболевская // Евреи Гродненщины. Жизнь до катастрофы / О. Соболевская, В. Гончаров. – Донецк, 2005. – Гл. 3. – С. 215–320.
24. НГАБ у г. Гродна. – Фонд 259. – Воп. 2. – Спр. 109. Список членов благотворительного общества при Фарном костёле за 1908 – 1910 гг. – 70 арк.
25. НГАБ у г. Гродна. – Фонд 259. – Воп. 2. – Спр. 108. Устав благотворительного общества при Фарном костёле 31 августа 1907 г. – 2 арк.
26. Устав Гродненского общества попечения о детях. – Гродно : Паровая типография К. Крамковского, 1908. – 19 с.
27. Функ, Ю. Яўрэйская дабрачыннасць на Беларусі ў XIX – пачатку XX стст. / Ю. Функ // Беларус. гістарычны часопіс. – 1999. – № 1. – С. 63–69.
28. Черепица, В.Н. Благотворительность / В.Н. Черепица // Город-крепость Гродно в годы Первой мировой войны: мероприятия гражданских и военных властей по обеспечению обороноспособности и жизнедеятельности: монография / В.Н. Черепица. – Минск : Беларус. Энцыкл. імяП. Броўкі, 2009. – Гл. 9. – С. 323–361.
29. Чечёт, В.В. Пути сокращения социального сиротства в Беларуси / В.В. Чечёт // Сацыяльна-педагагічная работа. – 2009. – № 2. – С. 10–13.
30. Шимукович, С.Ф. Благотворительность в конце XIX – начале XX века: монография / С.Ф. Шимукович. – Минск: Акад. Упр. при Президенте Респ. Беларусь, 2006. – 188 с.
31. Sprawozdanie kasowe Towarzystwa opieki nad dziećmi w Grodnie. – Grodno, 1909. – 4 s.
32. Sprawozdanie z działalności Towarzystwa nad dziećmi w Grodnie za rok 1910. – Grodno , 1911. – 17 s.

33. Sprawozdanie z działalności Towarzystwa opieki nad dziećmi w Grodnie za rok 1912. – Grodno, 1913. – 20 s.
34. Sprawozdanie z działalności Towarzystwa opieki nad dziećmi w Grodnie za rok 1913. – Grodno, 1914. – 26 s.

Алена Микалаевна Ясэк, магістрантка кафедры гісторыі Беларусі Гродзенскага дзяржаўнага універсітэта імя Янкі Купалы, навуковы кіраўнік: кандыдат гістарычных навук, дацэнт С.У.Сілава

УДК 94 (476)

Вольга Папко (Брэст)

СВЕЦКАЕ ЖЫЦЦЁ ГАРАДОЎ БЕЛАРУСІ Ў XIX – ПАЧАТКУ XX СТСТ.

Статья посвящена изучению вопроса организации дворянских балов и приёмов в городах Беларуси в XIX – начале XX вв. Автор пытается восстановить светский календарь, который определял жизнь представителей дворянства. Основным источником являются женские мемуары, которые позволяют восстановить различные аспекты дворянской культуры, в том числе балы. В качестве приложения предлагается документ о принципах организации танцевальных вечеров Гродненского Благородного Общества в середине XIX в.*

Традыцыйна мы ўяўляем сабе балы па класічных творах рускай літаратуры, якія чытаюць у школе – “Вайна і мір” і “Ганна Карэніна” Л. М. Талстога, “Яўген Анегін” А.С. Пушкіна. Гісторыя балоў на беларускіх землях у той самы перыд – XIX ст. – амаль невядома. Культура балявання і правядзення свецкіх прыёмаў на Беларусі ў XIX – пач. XX стст. з’яўляецца тэмай, якую беларускія гісторыкі абышлі сваёй ўвагай.

Свецкі каляндар

Традыцыйна год у жыцці свецкага грамадства падзяляўся на некалькі частак: лета праводзілі ў родавых маёнтках, або ў гасцях у маёнтках родзічаў і знаёмых. Вясну і восень звычайна таксама праводзілі на вёсцы, але маглі і выязджаць у гэты час на курорты Адрыятычнага і Міжземнага мора. Зімой шляхта з’язджалася ў вялікія гарады, каб прыняць удзел у свецкім сезоне. Асноўнымі такімі цэнтрамі былі губернскія гарады Вільня, Гродна, Мінск. Зіма складалася з больш спакойнага перыяду паста, калі толькі хадзілі ў госці, прымалі знаёмых, і карнавалу – перыяда балоў, танцаў, маскарадаў. Жыццё прадстаўнікоў свету падчас карнавалаў было распісана па гадзінах: ночы – для танцаў, раніца – для сну, дні – для візітаў.

У ліпені і жніўні было модна ездзіць на адпачынак у Друскенікі, дзе збіралася шматлікае свецкае таварыства. У 1841 г. танцы арганізоўвалі раз у

* Аўтар выказвае падзяку ўсім, хто аказаў дапамогу ў зборы матэрыяла да гэтай публікацыі, асабліва А.І. Шаландзе і супрацоўнікам Гродзенскага дзяржаўнага гісторыка-археалагічнага музея.

тыдзень у доме, дзе знаходзіўся тракцір Цыбульскага, куды з цэлага мястэчка зносілі ў гэты дзень крэслы, але іх усё роўна не хапала [7, с. 304–305].

Свецкае жыццё ажыўлялася і падчас выбараў шляхтай губернскіх маршалкаў. У гарады з'язджаліся шляхціцы з усіх паветаў, бралі з сабой жонак і дзяцей. Часта гэтай нагодай карысталіся тэатральныя антэрпрэнёры, якія наладжвалі спектаклі і канцэрты. Падчас выбараў таксама наладжваліся балы і прыёмы ў дамах арыстакратаў. Вёснамі ў Мінску, звычайна ціхім і нават нудным у 1830-я гг., адбываліся кантракты (гістарычная назва для вельмі даўняй традыцыі з'езду шляхты ў Мінск на 1–12 сакавіка кожнага года з мэтай разлікаў па крэдытах і заключэння маёмасных здзелак) [3, с. 384]. Горад ажываў – прыязджалі артысты, з'язджаліся шляхецкія сем'і, праводзіліся балы. Папулярныя прыёмы ў Мінску ў той час былі ў доме памешчыкаў Аштарпаў [7, с. 211–212].

Шмат згадак пра свецкае жыццё Мінска ў 1858–1860 гг. змешчана ў дзённіку праваслаўнага архіепіскапа Міхала Галубовіча (1800–1881). Гэты чалавек адыгрываў важную ролю ў грамадскім жыцці горада, сустракаўся з імператарам і вялікімі князямі, быў блізкім да акружэння мінскага генерал-губернатара графа Э. Келера. Свецкае жыццё яго вельмі цікавіла, ён даваў у сябе "снеданні з шампанскім". У сваіх дзённіках ён занатаваў шмат дробязяў, звязаных з баламі і прыёмамі. У дзень 5 жніўня 1858 г. ён пісаў: "Спадарыня Сенажэнцкая сказала мне, што губернскі маршалак Слатвінскі ў страшэнным клопаце: дамы Менскай губерні засведчылі, што прыедуць на баль толькі ў тым выпадку, калі гаспадарыняй балю будзе не Слатвінская, а спадарыня Горват" [5]. Такім чынам, балы былі месцам дэманстрацыі не толькі выхавання, але і інтрыг.

У губернскіх гарадах балы з удзелам каранаваных асобаў былі вялікай рэдкасцю. Прыезд імператара або вялікіх князёў у беларускія губерні меў звычайна зусім не святочны повад – інспекцыя войска, правядзенне параду, у другой палове XIX ст. – паляванне ў Белавежскай пушчы. Падчас сваіх вандровак у краіны Заходняй Еўропы каранаваныя асобы таксама праязджалі праз Беларусь. Дастаткова мала згадак пра балы, у якіх удзельнічалі расійскія самадзержцы, дзе маглі апынуцца і прадстаўнікі шляхты беларускіх губерняў. У 1802 г. падчас свайго візіту ў Мінск Аляксандр I прыняў удзел у балі, які адбыўся ў доме Гайдукевіча на рагу Школьнага завулка і Саборнай плошчы (зараз плошча Свабоды). На гэтым балі імператар танцаваў з прадстаўленымі яму дамамі і дзяўчынамі і быў задаволены іх манерамі [3, с. 404]. Вясной 1821 г. у Вільні адбыўся баль з удзелам Аляксандра I, на якім было шмат памешчыкаў з беларускіх губерняў [7, с. 28–29]. 4 верасня 1858 г. адбыўся прыезд імператара Аляксандра II у Мінск, а вечарам у будынку губернскай управы гарадскімі ўладамі быў наладжаны баль [7, с. 170–171].

Значную ролю цэнтра свецкага жыцця адыгрывала Варшава, якая ўспрымалася як бліжэйшая да беларускіх губерняў еўрапейская сталіца. Г. Пузына лічыла, што свецкае жыццё ў Варшаве мела больш высокі ўзровень (у тым ліку матэрыяльны). У варшаўскім таварыстве блісталі прадстаўнікі родаў Радзівілаў, Ябланоўскіх, Патоцкіх, Ржэвускіх і іншай эліты [7, с. 247].

Зразумела, што расійскія імператары таксама часам удзельнічалі ў варшаўскіх балях. Захаваліся нават графічныя сведчанні гэтых падзей. Адна з гравюр прадстаўляе выяву балю ў генерал-губернатара, генерал-ад'ютанта Кацэбу, на якім прысутнічаў імператар Мікалай I падчас свайго наведвання Варшавы. Сярод шматлікай публікі, якая прысутнічала на балу і намалявана на гравюры, маглі быць і памешчыкі з беларускіх земляў [1, с. 216–217]. У кастрычніку 1860 г. М. Галубовіч занатаваў: "цар наш быў у Варшаве ў кепскім настроі, з прычыны інтрыг палякаў, вынікам якіх з'явілася адсутнасць дам у тэатры, і на балю ў Гарчакова. Нібыта дамам пагражалі, што будуць аблівацъ сукні сэрвасэрэм ШТО ТАКОЕ?, што і ўчынілі над некаторымі" [5, с. 261].

Асобна трэба адзначыць сталіцу імперыі – Пецярбург. Пры двары ладзіліся шыкоўныя прыёмы, балы і маскарады, якія адрозніваліся імперскім размахам. Легендарнымі сталі балы 11 і 13 лютага 1903 г. у Зімовым палацы, на якіх усе госці былі апрануты ў касцюмы XVII ст., часоў цара Аляксея Міхайлавіча. Падчас гэтага балю на ўсіх яго ўдзельніках была вялікая колькасць старажытных каштоўнасцей, а імператарская сям'я была ўпрыгожана уборамі з ларцоў дома Раманавых. Расійскія даследчыкі сцвярджаюць, што касцюміраваныя балы пры двары былі рэдкімі. Аднак, у палацах вялікіх князёў і пецярбургскай арыстакратыі яны ўстрайваліся дастаткова часта [2]. Дваране з беларускіх губерняў на прыём да імператара траплялі не вельмі часта.

На нашае суб'ектыўнае меркаванне, Пецярбург не быў па кішэні для значнай колькасці шляхты, туды ездзілі людзі толькі ўплывовыя і багатыя. У выкарыстаных намі мемуарах згадак пра ўдзел у свецкім жыцці Пецярбурга вельмі мала. У мемуарах ёсць згадкі пра шляхцянак з беларускіх зямель, якія выходзілі замуж за рускіх, пераязджалі ў Пецярбург і глыб Расіі, а значыць, уключаліся ў свецкае жыццё на тэрыторыі расійскіх губерняў. Верагодна, шлюбы мясцовых шляхціцаў з расіянкамі адбываліся значна радзей.

Асобныя арыстакратычныя роды ўдзельнічалі ў свецкім жыцці іншых еўрапейскіх краін. Кн. Радзівілы, звязаныя роднаснымі адносінамі з еўрапейскай элітай, прымаліся ў многіх дамах арыстакратаў. Нярэдкімі ў XIX ст. былі і выпадкі заключэння шлюбаў паміж прадстаўнікамі роду кн. Радзівілаў і французамі, чэхамі, немцамі. У канцы XVIII ст. была заснавана асобная галіна роду, якую спецыялісты назвалі "берлінскай". Жыццё ўсіх прадстаўнікоў гэтай галіны да пачатка XX ст. было звязана з Прусіяй і Берлінам.

Вялікія бальныя мерапрыемствы ў павятовых гарадах праводзіліся значна радзей. Выключэннем можна лічыць тыя гарады, якія раней былі прыватнымі, і дзе былі сядзібы памешчыкаў (Пружаны, Паставы і інш.)

Танцавальныя вечары Гродзенскага Шляхетнага Таварыства

Свецкія мерапрыемствы Гродзенскага Шляхетнага Таварыства ў часы губернатарства Івана Абрамавіча Шпеера (1856 – 1861 гг.) праводзіліся ў доме кн. Любецкага. Па чацвяргах і суботах былі клубныя вечарыны, калі гулялі ў карты, па аўторках – танцавальныя сямейныя вечарыны. Старшынёй

Шляхетнага Таварыства быў сам губернатар, яго замяшчалі Віцэ-Старшыні: губернскі маршалак шляхты Калікст Ажэшка і генерал-лейтэнант Урангель. Пачэснымі дырэктарамі былі абраны 5 чалавек, а дзяжурнымі – 31 (большасць з іх была мясцовымі памешчыкамі або расійскімі чыноўнікамі высокага рангу). Напалеон Іванавіч Янцэвіч быў абраны дырэктарам па распарадчай частцы, ён меў вельмі шырокія паўнамоцтвы і непасрэдна адказваў за правядзенне балоў. Для ўдзелу ў вечарынах пастаянным членам таварыства трэба было заплаціць па 10 руб. ад сям'і, або па 5 руб. ад тых, хто сям'і не меў. Пры ўваходзе пастаянныя члены дэманстравалі спецыяльны білет, які даваў права вольнага ўваходу. Наведванне клуба каштавала госцю 30 кап., а танцавальнага вечара – 1 руб.

Правядзенне вечара было рэгламентавана, існавалі пісаныя правілы, якія тычыліся гульні ў карты, адзення, мераў супраць пажараў, арганізацыі паліцэйскага нагляду, фінансавых пытанняў, правядзення канцэртаў і латарэі, утрымання буфета [4, с. 1–4].

Балы і прыёмы ў Ваўкавыскім павеце ў пачатку XX ст.

У пачатку XX ст. і да Першай сусветнай вайны, як і ў XIX ст., памешчыкі праводзілі лета ў сваіх маёнтках або выязджалі ў госці на некалькі тыдняў, а нават і месяцаў. Шматлікія госці летам былі звычайнай з'явай. Вось як апісвае Цэцылія Цішэўская з роду Талочкаў быт у маёнтку Магілёўцы Ваўкавыскага павета Гродзенскай губерні сваёй роднай цёткі Стэфаніі Дзяконскай з Талочкаў: "Госці, калі былі, сыходзіліся каля дзевяці ў сталовай да багата застаўленага стала… Абеды і вячэры мелі заўсёды той самы стыль, ці дзядзя з цёцяй былі адныя, ці былі госці. Ніколі нічога не змянялася, толькі Уладзіслаў (кухар) ведаў, што калі хтосьці заехаў, павінна быць больш, але таго самага, а што запасы ў той гаспадарцы цёці былі вялізнымі, так што не было клопату. Слугі былі так выдрэсіраваны, што цёця не павінна была ўставаць з крэсла" [6, с. 27].

Падчас такіх працяглых візітаў гаспадары забаўлялі гасцей рознымі вясковымі справамі – гулялі па лесе, хадзілі па грыбы і ягады, ездзілі вярхом. Вечары часцей за ўсё прысвячаліся музыцы. Добрае валоданне музычнымі інструментамі было вельмі папулярна сярод шляхты – і мужчын, і жанчын. Сярод родзічаў Ц. Цішэўскай было шмат выдатных музыкантаў. Абедзьве родныя яе цёткі былі цудоўнымі піяністкамі, дзядзька К. Дзяконскі іграў на скрыпцы і аргане. Часта для гасцей наладжваліся цэлыя канцэрты.

Каля 19 гадоў пачалася сур'ёзная падрыхтоўка Цэцыліі да ўдзелу ў свецкім жыцці. Летам прыблізна 1911 г. яна, яшчэ не ўведзеная ў свет дзяўчына, прыняла ўдзел у дзвух балах, арганізаваных падчас сельскагаспадарчай выставы ў Ваўкавыску. Выстава працягвалася два дні, кожны з іх заканчваўся балам у плябаніі, таму што іншага прыдатнага памяшкання ў павятовым Ваўкавыску не было. Пад балы былі адведзены тры пакоі, а гаспадары бліжэйшых да горада сядзіб былі павінны забяспечыць гэтыя мерапрыемствы снеданнем.

На выставе памешчыкі дэманстравалі дасягненні ў галіне сельскай гаспадаркі, у розных павільёнах былі прадстаўлены жывёла, птушкі, расліны.

Сама Цэцылія была занята ў павільёне кветак. Атракцыяй гэтага мерапрыемства быў аўтамабіль кн. У. Друцкага-Любецкага, які, відаць быў першым цудам аўтамабільнай тэхнікі ў павеце. Князь меў дрэнны зрок, таму ў яго нагах сядзеў шафёр. Не гледзячы на адсутнасць аўтамабільнага руху ў горадзе і малую хуткасць, у дзень выставы князь ледзьве пазбег выпадка – амаль не сутыкнуўся са шлагбаумам на чыгуначным пераездзе.

Успаміны Ц. Цішэўская захавалі падрабязнае апісанне ўсіх дробязей падрыхтоўкі дзяўчыны да ваўкавыскіх балоў – не толькі сукенкі, у якіх яна была, слёзы служанкі, якая недаглядзела нешта падчас збораў, але і першы няўдалы танец, кавалеры, якія звярнулі на яе ўвагу і свой узняты, не гледзячы на ўсе няўдачы, настрой: “Я збіраюся апрануць сваю батыставую ружовую сукенку, і тады адбываецца драма, бо служанка забылася спакаваць ружовы станічак. Што тут рабіць? Мама сварыцца, служанка плача, я ціхая, але ў роспачы, бо мне няма ў чым паказацца, а таму натуральным ходам спраў застануся ў заезджым доме вечарам адна. Але ўсё ж такі ёсць цёця Стэфця, яна са сваёй служанкай пачынаюць – таму што блузка з густымі зборкамі – нацягваць фалды адную на другую, каб не было відаць розніцы ў колеры, што спадніца ружовая, а блузка амаль белая. На нагах у мяне маміны чорныя, высокія боцікі з лакіраваным наском. Цёця мяне прычэсвае, робіць мне вялікі бант з тылу галавы, так, каб гэта неяк нармальна выглядала і тлумачыць мне, што там напэўна будзе цёмна, таму што лямпы будуць старыя, значыць ніхто недахопаў не ўбачыць. Мне ўжо справа няма да недахопаў, самае важнае, каб пайсці на гэты першы баль і ўбачыць танцуючых” [6, с. 82].

Бліжэй да свайго паўналецця бацькі Цэцыліі вырашаюць выправіць хібы ў яе выхаванні. Пасля свята Раства Хрыстова разам з гувернанткай яна паехала ў Кракаў, дзе наведвала заняткі ў знакамітага мэтра танца пана Далінскага [6, с. 84]. Першы афіцыйны выхад у свет Цэцыліі адбыўся ў Палацы Красінскіх у Варшаве зімой 1911–1912 гг.*

У ліпені 1912 г.** Цэцыліі спаўнялася 20 гадоў, яна павінна была стаць паўналетняй. Бацькі прынялі рашэнне адзначыць гэтую падзею вялікім балам у сваім маёнтку Вердамічы. Пачаліся шматлікія візіты з запрашэннямі. Большасць гасцей было запрошана асабіста, не гледзячы на тое, што яны жылі даволі далёка адзін ад аднаго. У дзень нараджэння Цэцыліі быў арганізаваны конкурс па стральбе па галубах. За садам быў пабудаваны спецыяльны навес для журы, трыбуны для гледачоў. Лепшыя стралкі атрымлівалі ўзнагароды. Спецыяльна для гэтай падзеі былі заказаны балёвыя запісныя кніжкі з датай балу, намаляваныя ўручную.

Усе падрабязнасці падрыхтоўкі да гэтага балу мы ведаем з успамінаў Ц. Цішэўскай. Для частавання гасцей былі куплены 100 бутэлек шампанскага і 100 бутэлек віна Griesshubler. Святочную вячэру гатавалі чатыры кухары з Варшавы. У суседзяў пазычылі слуг, посуд, срэбра, тазікі, ложкі – у Вердамічах начавала каля 70 чалавек, некаторыя госці размяшчаліся ў

* Зараз у гэтым будынку знаходзіцца аддзел спецыяльных калекцый Нацыянальнай бібліятэкі Польшчы, дзе захоўваецца рукапіс успамінаў Цэцыліі.

** Цішэўская рэдка датуе падзеі, вызначыць год, пра які ідзе размова часам можна толькі ўскосна.

суседскіх сядзібах. Імянінніца атрымала ў падарунак ад бацькі “маленькі залаты гадзіннік на залатым бранзалеце з выгравіраванай датай балу”. Сама Цэцылія была апранута ў белую сукенку з чорным бурштынам, заказаную ў лепшым варшаўскім салоне, у Хэжы, белыя бальныя пантофлікі заказвалі ў Гішпанскага.

Баль пачаўся ў дзевяць гадзін вечара, у зімовым садзе іграла музыка. Не гледзечы на некалькі месяцаў падрыхтоўкі, гаспадары не ўлічылі ўсіх акалічнасцей. Вось што пісала Цэцылія: “Танцы распачынае заўсёды распарадчык з гаспадыняй, а значыць пан Сегень са мной, пасля вальсу контраданс. Нас 25 пар, а бальная зала магла б размясціць яшчэ столькі. Што ж, калі не прадугледжана адная рэч – яшчэ няма электрычнасці. Стары жырандоль са свечкамі, трохі за гады скрыўлены, і свечкі капаюць на тыя пары, якім як раз выпала стаяць пад жырандолем. Сітуацыю выратоўваюць Сегені: на драбіну падымаюць сваю сястру Жанцу Хшаноўскую, і яна з каляровых прамакатак робіць вельмі зграбныя рамкі для жырандолі – і свечкі ўжо не капаюць на нас” [6, с. 95–98].

Танцавалі да раніцы. Для таго, каб ранішняе святло не перашкаджала гасцям, былі пашыты спецыяльныя шторы – крэмавыя ад бальнай залі, чорныя ад вуліцы. Баль працягваўся тры дні, госці ад’ехалі на чацвёрты. Усяго на балі прысутнічала каля 100 чалавек. Усё жыццё Цішэўская захоўвала гэтыя ўспаміны і маленькія дробязі, якія засталіся пасля гэтага балю – запісную кніжку.

Свецкае жыццё правінцыі адлюстроўвалася ў губернскіх газетах. Рэдкія балі ў 1858 г. даваў толькі што прызначаны тады мінскі генерал-губернатар граф Келер. Вось як апісвала ў 1859 г. карнавальнае жыццё губернскай сталіцы газета “Минские губернские ведомости”: “На трэці дзень свята (Нараджэння Хрыстова) быў бліскучы вечар у добрага і паважанага начальніка Мінскай губ. Эдуарда Фёдаравіча Келера. Вечар гэты адрозніваўся ўвагай гаспадароў, роўнай для ўсіх гасціннасцю, вялікім зборам і прыгажосцю дамскіх туалетаў. Для тых, хто не бываў у тутэйшым грамадстве, было вельмі дзіўна ўбачыць у аддаленасці ад сталіц такія свежыя, прыгожыя ўборы дам, што адрозніваліся модаю і асаблівым густам” [3, с. 456].

У тым жа артыкуле старанна пералічваюцца ўсе цікавыя балы таго карнавалу – сустрэча Новага года ў доме мясцовага чыноўніка, снеданне ў праваслаўнага архіепіскапа Міхаіла 1 студзеня, сямейныя вечары з танцамі, самыя шматлікія прыёмы і маскарады – па суботах. Журналіст са шкадаваннем адзначаў, што “у маскарадныя дні танцуюць мужчыны і дамы без маскарадных касцюмаў, масак збіраецца вельмі мала” [3, с. 456]. Асобна згадваецца так званы “рэсурс” – танцавальныя вечары, якія арганізоўваў купец Дэльпас. Уваход быў платны, але каштаваў танна – 60 кап., затое без аніякай рэкамендацыі, людзей збіралася шмат.

Тэма балоў і прыёмаў у культуры беларускай шляхты з’яўляецца дастаткова спецыфічнай і патрабуе міждысцыплінарнага падыходу ў яе вывучэнні. У першую чаргу таму, што асноўнымі крыніцамі для даследавання

могуць з’яўляцца жаночыя мемуары, публікацыі ў прэсе XIX ст., працы па гісторыі моды і этыкету, старыя здымкі, якія вывучаны вельмі мала.

ДАДАТАК
Постановление Гродненского Дворянского Благородного Собрания об организации танцевальных и клубных вечеров (1856 – 1861).

Гродненское Дворянское Благородное Общество, с согласия Его Превосходительства, Господина Гражданского Губернатора, Действительного Статского Советника и Кавалера, Ивана Абрамовича Шпеера, по словесному постановлению своему, состоявшемуся в Общем Собрании, в 31 день истекающего октября месяца, открыть в городе Гродно, в доме Князя Любецкого, семейные или танцевальные вечера, один раз в неделю по Вторникам, и клубные два раза в неделю, по Четвергам и Субботам.

Звание Председателя Благородного Общества, по единодушному его желанию, угодно было принять на себя Его Превосходительству Господину Начальнику Губернии Ивану Абрамовичу Шпееру; на звание же Вице-Председателей, по желанию того же Общества изъявили своё согласие Гродненский Губернский Предводитель Дворянства Оржешко и Его Превосходительство Генерал-Лейтенант Врангель.

Почётными Директорами Общества избраны:

1. Генерал-Майор Броневский
2. Генерал-Майор Броссе
3. Действительный Статский Советник Веленин
4. Гродненский Уездный Предводитель Дворянства Ляхницкий
5. Вице-Губернатор Статский Советник Рожнов

Для наблюдения за порядком, во время собраний и для приёма гостей, избраны Дежурными Директорами следующие из Членов Общества:

1. Арнольд Густав Иванович
2. Богатко Франц Фомич
3. Белозерский Осип Яковлевич
4. Вашкелевич Валезий Ефимович
5. Вержбицкий Константин Францевич
6. Видацкий Константин Иванович
7. Ганн Густав Алексеевич
8. Дворжицкий Иван Осипович
9. Забелло Казимир Степанович
10. Зенгбуш Карл Иванович
11. Кажевников Андрей Львович
12. Керсновский Никодим Иванович
13. Козаковский Осип Карлович
14. Константинов Иван Константинович
15. Климашевский Николай Михайлович
16. Лозовский Владимир Иванович
17. Максимов Ефим Васильевич
18. Миронович Иван Герасимович
19. Монтович Рудольф Иванович
20. Насакен Михаил Романович
21. Прасолов Егор Афанасьевич
22. Петров Фёдор Иванович
23. Проневич Андрей Михайлович
24. Прушинский Степан Викентьевич
25. Рагоза Адам Игнатьевич
26. Соколов Фёдор Кузмич

27. Сакович Евгений Иванович
28. Товянский Людвиг Андреевич
29. Хомотьянов Леонтий Пафитович
30. Черняев Михаил Григорьевич
31. Щерба Михаил Павлович

По части распорядительной постоянным Директором назначается Наполеон Иванович Янцевич, для ведения же расчётов, записки сумм в приход и расход и для хранения оных Общество избирает Осипа Семёновича Цытовича, которого для сей цели снабдить шнуровою книгою за подписью и печатями Председателя, Вице-Председателя и Почётного Директора.

За очередью Дежурных Директоров наблюдает Директор распорядительной части, который и извещает их о том заблаговременно, а для всеобщего сведения вывешивается в Зале Собрания особое объявление.

Расход на сии вечера производить из сумм, собираемых на сей предмет из семейных домов единовременно по 10 руб., а с не семейных по 5 руб. сереб.; – гости же за каждое посещение танцевального вечера платят по 1 руб., а за каждое посещение клуба по 30 коп. серебром.

Таковые вечера начать с будущего 5 числа Ноября месяца и продолжать до великого поста, за исключением времени с 1 по 25 Декабря, в которое танцевальные вечера заменяются в клубные.

На каждый вечер Директор распорядительной части назначает одного из Членов для раздачи гостям билетов, и для записки таковых в особую книгу с означением № билета и имени гостя.

В приём выручаемых от раздачи билетов денег в сей книге расписывается Казначей и потом вносит их в общую шнуровую книгу.

Карты употреблять отборные и разборные, цена отборным 2 руб., а разборным 1 руб. 50 коп. серебром.

На картах, кроме казённой, должна быть бандероль Благородного Собрания с печатью Директора по части распорядительной, а потому просить играющих в эти карты, для сохранения интереса общества, других карт не принимать.

Приход денег от карт должно показывать по денежной шнуровой книге.

Наём прислуги, их удаление, наблюдение за целостным сохранением собственности Общества, возлагается на постоянного Директора распорядительной части; для записки имущества Общества иметь особую шнуровую книгу.

Вечера начинать с 8 часов по полудни, продолжаться же они могут до 2 часов по полуночи.

Дежурные Директора должны оставлять залу последними.

Члены и гости сами собою не делают никаких распоряжений, но желания свои объявляют Директорам.

Все Члены, за сохранение платья, должны внести единовременно по 50 коп. серебром.

Для сохранения порядка в танцах всякий раз выставляется в Зале реестр оным за подписью Директора распорядительной части, таковый же реестр даётся и музыкантам, за тем музыкою никто не вправе распоряжаться, всякий же танец начинает Дежурный Директор или вместо себя избирает другое лицо.

Правила вежливости и приличия считается излишним поставлять на вид Благородному Собранию, но каждое лицо о неудовольствии своём доводит до сведения Дежурных Директоров. Если бы кто-либо из Членов или гостей, чего нельзя ожидать, поведением своим оскорбил общество, таковый Член или гость по приговору всех Членов, под Председательством Председателя, исключается из общества; в случае же разногласия о том дело решается большинством голосов.

Члены и гости на обыкновенные танцевальные вечера Собрания являются во фраках; в Высокоторжественные же дни должны прибывать в полной форме, кто имеет право носить оную, а прочие во фраках; но об этом, на последнем Собрании, Директор делает

объявление, которое и выставляется в Залах Собрания; на клубные вечера Члены и гости могут являться в сюртуках.

Для предупреждения несчастных случаев от пожара нанять трубочистов и назначить на дежурство одну бочку с водою, о чём просить Г. Начальника Губернии.

Для наблюдения за порядком у подъезда на семейные вечера просить Г. Полковника Корпуса Жандармов Егора Афанасьевича Просолова и Гродненского Полицмейстера Полковника Фон-Зенгбуша о назначении нужного числа жандармов и Полицейского чиновника с двумя нижними чинами, а из общих сумм уплачиваться будет, по общему положению 1 руб. 50 коп. жандармам и двум полицейским по 15 коп. всего 30 коп. сереб., а также и дежурному от пожарной команды 25 коп.

По окончании времени семейных вечеров и клубов составляется общий счёт о приходе и расходе суммы и представляется для рассмотрения и поверки Членам в полном Собрании, которое и делает распоряжение как о назначении остаточных сумм, так и о передачи имущества на хранение; постановление сие вписывается в шнуровую книгу.

Члены вписываются в шнуровую книгу с показанием, сколько каждым внесено денег, на что и выдаётся каждому номерной билет за подписью Директора распорядительной части, каковый билет каждый при входе должен иметь при себе и предъявлять по требованию.

Форма Билета

Предъявитель сего N.N. Член Гродненского Благородного Собрания внёс « » руб., которые и записаны на приход по кассовой книге Общества под № ; в следствие чего он N. імеет право посещать Собрание Общества без особой платы.

Предварительно выдачи Гг. Членам билета должны быть внесены в кассу подписанные деньги, так как сумма поступать имеет в ведение Казначея, обязанного отчётностию.

На случай прибытия в город Гродно артистов – музыки, пения и тому подобных искусств, Благородное Собрание может, по условию посредством Директоров своих с таковыми артистами, уступать им занимаемое Обществом помещение с особенною за то платою в пользу Общества.

Покорнейше просить Его Превосходительство Господина Губернского Предводителя Дворянства Каликста Никодимовича, пригласить соседних помещиков участвовать в сем Собрании.

Для соединения приятного с полезным не возбраняется Обществу, с разрешения Его Превосходительства Ивана Абрамовича, учреждать лотереи аллегри, в пользу бедных с платою за билет по 30 коп. сереб. – Распорядителем таковой лотереи избирается один из Директоров по назначении Г. Председателя. Кроме того в одной из зал прибить к стене кружку, за ключом и печатью Председателя, для добровольных пожертвований в пользу бедных.

В особой при Собрании Зале учредить вольный буфет, по договору с выгодою для Общества, в котором всё должно продаваться по ценам, утверждённым Директором по распорядительной части, для чего буфетчик должен иметь таксу, утверждённую сим же директором.

Копию с постановления сего вывесить в Зале для надлежащего сведения каждому из находящихся в Собрании лицу, и кроме того, отпечатать оной нужное число экземпляров, разослать всем Членам.

На подлинном подписано: Гродненский Гражданский Губернатор, Действительный Статский Советник и Кавалер ***Шпеер***

С подлинным верно: Директор распорядит. части Подпись

Спіс крыніц і літаратуры

1. Захарова, О.Ю. Власть церемониалов и церемониалы власти в Российской империи XVIII – начала XX века . – М.: АиФ принт, 2003. – 398 с.
2. Костюмированный бал в Зимнем дворце / автор-составитель Р. Гафифуллин. [Т. 1]: Исследования, документы, материалы. – 126 с.
3. Памяць: Гіст.-дакум. хроніка Мінска. У 4 кн. – Кн. 1. – Мн.: БЕЛТА, 2001. – 576 с.
4. Постановление Гродненского Дворянского Благородного Собрания об организации танцевальных и клубных вечеров (1856 – 1861) // Фонды Гродненского государственного историко-археологического музея. – 4 с.
5. Янушкевіч Я. Дыярыюш з XIX стагоддзя: Дзённікі М. Галубовіча як гіст. крыніца. – Мн.: Хурсік, 2003. – 350 с.
6. Ciszewska, C. Gawęda o tym, co było… Wspomnienia. – Kazimierza Wielka:Nowa Nidzica, 2009. – C. 27.
7. Puzyna, G. W Wilnie i dworach litewskich. Pamiętnik z lat 1815–1843. – Kraków: Krajowa Agencja Wydawnicza, 1990. – 290 c.

Папко Вольга Мікалаеўна – кандыдат гістарычных навук, дацэнт, дацэнт кафедры філасофіі і культуралогіі Брэсцкага дзяржаўнага тэхнічнага універсітэта. Аўтар манаграфіі “Род Дзяконскіх і іх маёнткі на Брэстчыне ў XIX – пачатку XX стст.” (Брэст, 2009), больш за 60 навуковых артыкулаў і матэрыялаў канфэрэнцый.

Вольга Мікалаеўна Папко, кандыдат гістарычных навук, дацэнт кафедры філасофіі і культуралогіі Брэсцкага дзяржаўнага тэхнічнага універсітэта.

УДК 930.85(476.6)

Раманаў Сяргей (Гродна)

ФЕНОМЕН ШМАТКУЛЬТУРНАСЦІ МЯСТЭЧКА СВІСЛАЧ (XIX – ПЕРШАЯ ПАЛОВА XX СТ.)

Данная статья посвяшена изучению уникальной черты белорусских городов и местечек: мультикультурности. Автором изучаются процессы создания культурно-исторического наследия в полиэтническом и поликонфессиональном местечке Свислочь в XIX – первой половине XX в. В ходе исследования анализируются проявления этно-религиозной детерминации в таких культурных формах как образование, литература, театр, музыка, архитектура, живопись.

Паводле меркавання шэрагу гісторыкаў галоўным і непасрэдным вынікам гістарычнага развіцця з’яўляецца культура. Так, у прыватнасці, гісторык Якаб Буркхард пісаў, што для сусветнай гісторыі кніга Руссо больш значная чым уся Трыццацігадовая вайна. Тэадор Момзен мэтай гістарычнага працэсу лічыў культуру, а зместам гэтага ж працэсу – барацьбу і супрацьстаянне. У гэтым сэнсе культура ў Момзена з'яўляецца вынікам адбора. У сучаснай гістарыяграфіі ў кантэксце сінтэзных даследаванняў не прынята надаваць першараднага значэння культуры, ці, прынамсі, прынята ставіць культуру ў непасрэдную залежнасць ад фактараў эканамічнага і палітычнага развіцця. Аднак такая сітуацыя ў гістарычнай навуцы панавала не заўсёды: нямецкі гісторык

Эберхард Готхайн, напрыклад, лічыў эканоміку складаючай часткай культуры. Найбольш верагодна, што такое сведчанне Готхайна зыходзіла з яго шырокага разумення культуры як сукупнасці ўсіх матэрыяльных і духоўных каштоўнасцяў, створаных чалавекам.

Натуральна, што ў мульцікультурным горадзе ці мястэчку культура будзе з'яўляцца вынікам існавання і дзейнасці адразу некалькіх этнаканфесійных груп. Патрэбна адзначыць, што дадзены феномен з'яўляецца асаблівасцю мясцовага развіцця, і нехарактэрны для Заходняй Еўропы, гарадское насельніцтва якой у даследуемы перыяд было пераважна монаэтнічным [15, с. 307]. З аднаго боку, шматкультурнасць ёсць першаз'ява і аснова спецыфікі гарадоў і мястэчак Вялікага Княства Літоўскага і Рэчы Паспалітай, з другога боку, шматкультурнасць – гэта вынік палітыкі ўладаў гэтых дзяржаўных утварэнняў.

Мульцікультурнасць мястэчка Свіслач, у сваю чаргу, з'яўляецца вынікам поліэтнічнасці і поліканфесійнасці свайго насельніцтва. Пачынаць разгляд усіх гэтых пытанняў неабходна з аналізу этнічнага складу мястэчка, паколькі менавіта этнас з'яўляецца асновай соцыума, носьбітам культуры і рэлігіі. Найбольш поўна этнічнае і канфесійнае становішча адлюстравана ў крыніцах XIX ст. Тагачасная Свіслач была даволі вядомым эканамічным і культурным цэнтрам, што спрыяла фарміраванню тут талерантнай шматэтнічнасці.

Асаблівую ўвагу даследчыкаў прыцягвае пытанне аб свіслацкім «штэтле». Пад тэрмінам «штэтл» трэба разумець яўрэйскую фізічную і духоўную прастору ў беларускім, польскім, літоўскім або ўкраінскім мястэчку. Прыярытэт увядзення гэтага паняцця ў беларускую урбаністыку належыць даследчыцы І. Соркінай. Увядзенне тэрміна «штэтл» у навуковы зварот было абумоўлена існаваннем і пашырэннем ва ўсходнееўрапейскіх гарадах і мястэчках яўрэйскага этнічнага элемента. На прыкладзе Свіслачы гэта магчыма прасачыць наступным чынам. На 1816 г. суадносіны хрысціян і іудзеяў (яўрэяў) у мястэчку складалі адпаведна 337 і 277 чал., у 1829 г. – 456 і 805 чал., у 1857 г. – 935 і 893 чал. [21, с. 52]. З вышэйпазначанага магчыма канстатаваць, што для першай паловы XIX ст. характэрны пэўны парытэт паміж колькасцю хрысціянскага і яўрэйскага насельніцтва, з невялікай перавагай у бок хрысціян. Карэнным чынам сітуацыя змянілася ў другой палове XIX – пачатку XX ст., калі суадносіны этнаканфесійнага складу мястэчка зафіксавалі ў 1890 г. – 538 хрысціян і 1420 яўрэяў, у 1897 г. – 1013 хрысціян і 2086 яўрэяў, у 1901 г. – 760 хрысціян і 2300 яўрэяў [6, с. 45; 16, с. 84]. Статыстыка насельніцтва другой паловы XIX – пачатку XX ст. больш чым пераканаўча сведчыць аб колькаснай перавазе яўрэяў над хрысціянамі.

Вядомы гісторык Марк Блок, разважаючы над сэнсам гісторыі, пісаў: «Иногда говорят: «История — это наука о прошлом». На мой взгляд, это неправильно. Ибо, во-первых, сама мысль, что прошлое как таковое способно быть объектом науки, абсурдна. Как можно, без предварительного отсеивания, сделать предметом рационального познания феномены, имеющие между собой лишь то общее, что они не современны нам ?... В самом деле, великие наши наставники, такие как Мишле или Фюстель де Куланж, уже давно научили нас это понимать: предметом истории является человек. Скажем точнее — люди…

Кто этого не усвоил, тот, самое большее, может стать чернорабочим эрудиции. Настоящий же историк похож на сказочного людоеда. Где пахнет человечиной, там, он знает, его ждет добыча» [8, с. 18-19]. Такім чынам, калі прадметам гісторыі з'яўляецца грамадства, то гісторыя Свіслачы ў другой палове XIX – пачатку XX ст. – ёсць пераважна яўрэйская гісторыя, паколькі тагачаснае грамадства мястэчка на 75% складалася з яўрэяў. Падобная сітуацыя была характэрна для большасці гарадоў і мястэчак Беларусі гэтага перыяду. Анамалія заключаецца як раз у тым, што айчынная гістарыяграфія амаль поўнасцю выкрэсліла яўрэяў з гісторыі мястэчка: спецыяльным даследаваннем свіслацкага штэтла не займаўся ні адзін гісторык, дадзенай праблеме не прысвечана ніводнага грунтоўнага артыкула.

Пэўнае месца ў этнакультурным самавызначэнні местачковага насельніцтва займае і беларускасць. Свіслач дае адзін з нешматлікіх прыкладаў, калі на ўзроўні лакальнай гісторыі магчыма прасачыць развіццё беларускага нацыянальнага руху. У пачатку XX ст. беларусы ўзняліся над сваёй лакальнай свядомасцю і ўсвядомілі сябе нацыяй. Менавіта ў 1916 – 1918 гг., у час існавання ў Свіслачы беларускай настаўніцкай семінарыі, прафесарам філалогіі Брэслаўскага універсітэта Рудольфам Абіхтам быў распрацаваны ў Свіслачы і выдадзены ў 1918 г. у Вроцлаве адзін з першых беларускіх букваро́ў, які друкаваўся лацінкай і атрымаў назву «Просты спосаб стацца ў кароткім часе граматным». Пазней дырэктарам семінарыі і выкладчыкам беларускай мовы тут працаваў вядомы беларускі дзеяч Баляслаў Пачобка. Ён стаў аўтарам першай, выдадзенай у пачатку 1918 г. «Граматыкі беларускай мовы» [16, с. 87]. Нельга не пазначыць і тое, што адкрыццё семінарыі ў Свіслачы з’явілася перадумовай да выдання беларускай газеты «Гоман». Звяртаючы ўвагу на спробы гэтых жыхароў Свіслачы стварыць беларускую граматыку яшчэ да Станкевіча і Тарашкевіча, неабходна згадаць пра яшчэ адну асобу. Гэтай асобай з’яўляецца архібіскуп усіх рыма-каталіцкіх цэркваў у Расійскай імперыі, ураджэнец прадмесця Свіслачы – Занкаў, Станіслаў Богуш-Сестранцэвіч. У 1776 г. Сестранцэвіч прасіў дазволу ўрада на друкаванне каталіцкіх рэлігійных кніг на «рускай» мове, на што сенат не пагадзіўся. Богуш-Сестранцэвіч з'яўляецца таксама аўтарам нявыдадзенай «Беларускай граматыкі» [16, с. 41]. Акрамя гэтага, са Свіслачу і Свіслаччынай звязаны лёс шэрагу дзеячаў беларускага нацыянальнага руха: К. Каліноўскага, А. Станкевіча, В. Гадлеўскага, К. Сваяка, А. Каўша, Т. Вернікоўскага, М. Краўцова, А. Якубецкага, А. Грыкоўскага, У. Шалешкі, В. Мурашкі, М. Дзямідава і інш.

Цікавую акалічнасць згадвае ў сваёй манаграфіі В. Карпыза: у 30 – я гг. на пасадзе вознага ў Свіслачы працаваў нейкі беларус Малафей, які польскай мовы ня ведаў, а ў працы і асабістым жыцці выкарыстоўваў выключна беларускую [2, с. 142].

Беларуская нацыянальная ідэя знаходзіла сваё праяўленне перадусім у адукацыйнай сферы. 23 кастрычніка 1921 г. да школьнага інспектара ваўкавыскага павета паступіла заява наступнага зместу: «Мы, гаспадары мястэчка Свіслач і вёсак Занкі, Ражкі, Пацуі, Рудаўка, Ранявічы, Ганчары, Кавалі, якія падпісаліся ніжэй, просім пана інспектара народных школ дазволіць нашым дзецям ву-

чыцца на роднай беларускай мове з вывучэннем польскай мовы». Пад заявай мелася 56 подпісаў і спіс 110 вучняў. Хадайнічаў за навучанне дзяцей на беларускай мове і пісаў заяву ад імя жыхароў Свіслачы і пералічаных вёсак, тагачасны дырэктар Свіслацкай пачатковай школы Тодар Вернікоўскі. Школьнае кіраўніцтва аднак адмовіла ў адкрыцці беларускай школы, што з'яўлялася прамым парушэннем міжнароднай канвенцыі, устаноўленай яшчэ Версальска-Вашынгтонскай сістэмай.

Сталым кампанентам этнаканфесійнай разнастайнасці насельніцтва Свіслачы былі татары-мусульмане. Леан Патоцкі ў сваіх мемуарах згадвае, што на пачатку XIX ст. вуліца Варшаўская ў Свіслачы была заселена татарамі, якія займаліся гарбарным рамяством [17, с. 24]. У мястэчку таксама існаваў цэлы раён, які знаходзіўся ў непасрэднай блізасці ад ракі Свіслач, і насіў назву «Татарскія агароды». Верагодна, што агародніцтва грала вялікую ролю ў занятках местачковых татар. Мячэці тут ніколі не было, а бліжэйшая ісламская святыня ў Ваўкавыскім павеце знаходзілася ў Крушынянах.

У местачковым этнічным асяроддзі былі прадстаўлены таксама заходнееўрапейскія народы. Так, даследчык В. В. Швед піша, што на Успенскі кірмаш у мястэчка прыязджалі гандляры з украінскіх і рускіх гарадоў, Каралеўства Польскага, Аўстрыі, Прусіі, Даніі, Францыі, Італіі і інш. [25, с. 23]. Якую ж спадчыну пакідалі гэтыя этнасы ў жыцці мястэчка? Шэраг іншаземцаў былі задзейнічаны ў эканамічнай сферы: напрыклад, уладальнік папяровай фабрыкі ў Свіслачы Іаган Ральф паходзіў з Галандыі, а майстрам на гарбарным прадпрыемстве Пінкаса Бярэзніцкага працаваў немец [6, с. 51]. Цікавым чынам выглядае сітуацыя з грамадскай пазіцыяй і культурным самавызначэннем іншаземцаў. У прыватнасці, на пачатку XIX ст. акруговым ляснічым у Белавежскай пушчы працаваў жыхар Свіслачы, швейцарац Яўген дэ Ронк. На старонках сваёй працы В. Калінка выказвае шчырае здзіўленне таму факту, што дэ Ронк прымаў актыўны ўдзел у паўстанні 1830 – 1831 гг. – па сутнасці, чужым яму руска-польскім канфлікце. Той жа даследчык адзначае вялікую ролю дэ Ронка ў паўстанні, паколькі ляснічы добра ведаў сваю пушчу, падрыхтаваў для паўстанцаў склад харчавання, стрэльбы, падрабязныя планы лясоў і яшчэ прывёў з сабою 80 стралкоў [1, с. 146]. Даследчык А. Радзюк піша, што атрад дэ Ронка вясной 1831 г. налічваў да 500 чал. [20, с. 9]. Патрэбна дадаць, што рускія войскі ўсе ж «разлічыліся» са швейцарцам: ноччу напалі на яго дом, забілі жонку і дзяцей, спалілі хату, а гаспадарку зруйнавалі. З усёй сям’і дэ Ронка жывымі засталіся толькі бацька і дачка-немаўля [1, с.146].

У той жа час неабходна згадаць яшчэ адну культурна-гістарычную калізію. У 1810 – 1824 гг. у Свіслацкай гімназіі працаваў выкладчыкам француз Жан дэ Нявіль. Дэ Нявіль нарадзіўся ў 1779 г. і паходзіў з сям’і французскіх эмігрантаў часоў Вялікай рэвалюцыі, вучыўся ў Пецярбургскай акадэміі мастацтваў і Віленскім універсітэце. Парадокс заключаецца ў тым, што ў гімназіі дэ Нявіль выкладаў малюнак і, як гэта не дзіўна, рускую мову [13, с. 103]. Дэ Нявіль быў адным з вучняў славутага мастака Францішка Смуглевіча і, у сваю чаргу, настаўнікам не менш вядомага Напалеона Орды. Пасля сябе Жан дэ Нявіль пакінуў шэраг унікальных малюнкаў мястэчка Свіслач з пачат-

ку XIX ст., такіх як «Свіслач. Вуліца Рудаўская», «Свіслач. Старыя дворыкі на рынку», «Гарадская брама ў Свіслачы», «Свіслач. Будынак гімназіі» і інш. Звычайна аўтарства гэтых малюнкаў прыпісваецца Напалеону Орда, што не адпавядае рэчаіснасці, паколькі Орда заўсёды падпісваў малюнкі і маляваў свае эскізы Свіслачы ў 60-я гг. XIX ст., а на дадзеных выявах падаецца мястэчка з пачатку XIX ст. Адносна нядаўна ўдалося знайсці літаграфію з малюнка дэ Нявіля «Траецкі касцёл у Свіслачы», на якой справа ў нізе пазначаны ініцыялы аўтара: «J. Nieuville» [4]. Акрамя гэтага, сваё бачанне мястэчка ў 30-я гг. XX ст. пакінуў у шэрагу малюнках вядомы гісторык і мастак В. Карпыза.

Французскі кампанент мястэчка быў прадстаўлены яшчэ шэрагам сем'яў, сярод якіх асабліва можна вылучыць Перонаў і Понсе дэ Садонаў, якія таксама не засталіся ў баку ад грамадска-палітычных падзей. Вядома, што браты Сабеслаў і Роберт Понсе дэ Садоны працавалі ўрачамі ў Свіслачы і Ваўкавыску і прымалі непасрэдны ўдзел у паўстанні 1863 – 1864 гг. Бацька братоў быў французам па нацыянальнасці, выхадцам са Швейцарыі. Пасля завяршэння вайны 1812 г. ён застаўся ў Расійскай імперыі і працаваў настаўнікам у Вільна, Слуцку, Навагрудку і, нарэшце, асеў у Свіслачы. У часы паўстання 1863 – 1864 гг. старэйшы брат Сабеслаў Понсе дэ Садон прыняў ад М. О. Гліндзіча пасаду кіраўніка паўстаннем у Ваўкавыскім павеце, за што пазней быў высланы разам з братам у Сібір. Сабеслаў быў сасланы ў Табольск, дзе і памер 16 мая 1864 г., аб чым ваўкавыскі паліцэйскі спраўнік паведаміў яго бацькам у Свіслачы. Малодшы брат Роберт быў сасланы ў Казанскую губерню, дзе з 1864 г. працаваў урачом у Цывільскім павеце. Нават знаходзячыся пад наглядам паліцыі, неаднаразова выступаў з крытыкай мясцовых улад за нізкі ўзровень медыцынскай дапамогі і прыгнятанне нярускіх народнасцяў. Затым у 1874 г. пераехаў у Казань, дзе працаваў да 1893 г. Пазней перасяліўся ў Польшчу і яшчэ ў 1905 г. працаваў прыватным лекарам у пасёлку Цэглаў пад Варшавай [11, с. 136]. Аб тым, што французы складалі сталы этнічны элемент мястэчка, сведчыць той факт, што па сённяшні дзень на Старых могілках захаваліся надмагільныя помнікі Перонаў і Понсе дэ Садонаў з надпісамі на французскай мове.

Аднак не заўсёды такая поліэтнічнасць мела станоўчы ўплыў на мястэчка. Напрыклад, у часы вайны 1812 г. мястэчка неаднаразова было захоплена VII корпусам французскай «Вялікай арміі». Другая назва VII корпуса гучала як «саксонскі», таму што ён цалкам складаўся з рэкрутаў, набраных у нямецкіх княствах, а бадай што адзіным французам у ім быў сам камандуючы корпусам, паплечнік Напалеона, генерал Жан Рэнье. Гісторыкі У. С. Данскіх і В. В. Швед падаюць пра яго наступныя звесткі.

Камандуючы VII (саксонскім) корпусам «Вялікай арміі» дывізіённы генерал, француз, граф імперыі Жан Луі Эбенезэр Рэнье (1771-1814) меў багаты баявы вопыт. Ён ваяваў у Егіпце (1799-1801), Італіі (1805-1806), Аўстрыі (1809), Іспаніі (1808-1811). Як ваенны ён быў даволі таленавіты і валодаў ваеннай інтуіцыяй. Гэты самаўпэўнены і гарачы генерал, зацяты дуэлянт, быў схільны да хуткіх і неразважлівых дзеянняў. Невыпадкова, што сябрам Рэнье быў такі ж самы шалёны храбрэц – славуты маршал Мішэль Ней [26, с. 117]. 6

лістапада 1812 г. корпус Рэнье заняў Свіслач, дзе на нейкі час затрымаўся яго штаб. Як падаюць вышэйзгаданыя даследчыкі, больш за ўсе ў мястэчку Рэнье спадабаліся вінныя пограбы графаў Тышкевічаў, дзе захоўвалася каля 300 бутэлек віна: вянгерскага, бардо, шампанскага [26, с. 152-154].

Гістарычна так склалася, што некаторыя народы атрымалі негатыўнае ўспрыняцце ў менталітэце местачкоўцаў. Да ліку такіх адносяцца шведы, якія захоплівалі і руйнавалі мястэчка ў часы «Патопа» 1655 г. і Паўночнай вайны 1700 – 1721 гг. Падобна на тое, што апошні раз Свіслач была імі спалена ў студзені 1708 г. падчас перахода войска Карла XII з Новага Двара на Гродна [2, с.6].

Вялікая этнаканфесійная разнастайнасць непасрэдным чынам уплывала на культурнае жыццё мястэчка. Так, напрыклад, у 1788 – 1789 гг. капельмайстарам тэатральнай капэлы ў Свіслачы быў італьянец Карм'е Чыпрыяні – вядомы у свой час кампазітар, скрыпач і дырыжор. У 1775 г. ён быў запрошаны князем Сапегам у Ружаны на пасаду капельмайстра, а ў верасні 1776 г. яго запрасіў да сябе ў Слонім у якасці скрыпача-саліста гетман Міхал Казімір Агінскі. Пазней Чыпрыяні па запрашэнні Вінцэнта Тышкевіча працаваў у Свіслачы. Як падае культуролаг І. Чуланава, праграма прыватнага тэатра Тышкевіча была арыентавана на заходнееўрапейскі рэпертуар. Аснову рэпертуару складалі камічныя оперы такіх кампазітараў як А.Э.М. Грэтры, Б. Блеза, Ж.Н. Меро, П.А. Мансіны і інш. Нотная бібліятэка Тышкевіча складалася з твораў Піхля, Плацыла, Сакіні, Камеле. Сярод сусветна вядомых кампазітараў фігурыравалі Й. Гайдн, І.С. Бах, Дж. Пазіэлла, Л. Бакерыні, Г. Пуньяні і шэраг менш вядомых: К. Абель, Э. Гофман, Ф. Хафмайстэр, Шустэр, Высоцкі і інш [24, с. 16].

У тэатры існаваў дастаткова прафесійны оперны калектыў, паколькі выкананне опер такіх вядомых мэтраў як П.А. Маньсіны (адзін са стваральнікаў камічнай оперы), А.Э. Грэтры (з яго імем звязаны росквіт французскай камічнай оперы XVIII ст.), І.А. Хасэ (адзін з вядучых майстроў оперы-sesia) і іншых, патрабавала ад вакалістаў пэўнага майстэрства і прафесійнай падрыхтоўкі. Да таго ж, у часы Грэтры камічная опера мела вялікі склад выканаўцаў: адзін толькі аркестр складаўся з 25 музыкантаў. Акрамя аўстранямецкай, італьянскай і французскай тэатральных школ, у свіслацкім тэатры, па сведчанні даследчыка А. Мілера, у пачатку XIX ст. была добра прадстаўлена польская школа: у мястэчку час ад часу працавалі гродзенская трупа Яна Шыманскага (1803), віленская трупа Мацея Кажынскага (1817 – 1819), сюды таксама прыязджалі і варшаўскія славутасці з «Teatra Narodowego» – І. Вяроўскі, Банавентура Кудліч і інш. [24, с. 18].

Пасля адкрыцця ў 1805 г. знакамітай Свіслацкай гімназіі ў мястэчку пачаў дзейнічаць яшчэ і школьны тэатр, у якім сіламі навучэнцаў ставіліся гістарычныя трагедыі В. Жэвускага і драмы Ю. Нямцэвіча, прымеркаваныя да свята 29 чэрвеня – заканчэння навучальнага года ў гімназіі. Вось як апісвае адно з такіх выступленняў Л. Патоцкі: «пад расцягнутым багатым шатром спачываў на ложы Канстанцін Астрожскі. Ён быў накрыты буркаю, навокал быў развешаны вайсковы рыштунак: зброя, шчыт, меч, коп'і, булава, харугвы – гетманская і здабытая ў непрыяцеля. Побач сядзела дачка. Малады збраяно-

сец каля ног, падыгрываючы на ліры, спяваў вядомую думу Ю. Нямцэвіча пра перамогу пад Оршаю» [17, с. 68 – 69].

Вядома, што тэатр таксама існаваў тут у 20-30-х гг. XX ст., калі быў адноўлены вучнямі мясцовай настаўніцкай семінарыі. У ім, між іншым, ставіліся больш сучасныя творы: «Блажэк апантаны» і «Яселек» Анчыца, «Варшавянка» Ст. Выспяньскага і інш. Выступленні семінарыстаў наведвалі нават мясцовыя яўрэі, а дэкарацыямі займаўся прафесар Павал Бялэк з вучнямі [2, с. 119]. Пры семінарыі таксама існаваў свой аркестр, якім кіраваў Банецкі, а пасля яго Леанард Хільман і Эдуард Гойлік – пазней вядомы кампазітар, прафесар вышэйшай школы ў Беластоку [2, с. 138]. Аркестр граў на ўсіх галоўных мерапрыемствах у семінарыі і мястэчку: на выступленні вучнёўскай дружыны скаўтаў, граў траурны марш Ф. Шапэна на пахаваннях былога дырэктара семінарыі Баляслава Борыса і грамадскага дзеяча Свіслачы, аптэкара Яна Стралкоўскага [2, с. 88]

Сапраўдным цэнтрам культурнага жыцця мястэчка на працягу амаль двух стагоддзяў з'яўлялася сфера адукацыі. Менавіта адукацыя ў вялікай ступені стымулявала эканамічны рост і палітычнае развіццё Свіслачы, а таксама ўплывала на ўзнікненне новых культурных форм у мястэчку. Вялікую ролю ў развіцці мястэчка мела заснаванне тут Вінцэнтам Тышкевічам у 1805 г. гімназіі – на той час адной з першых свецкіх навучальных устаноў такога тыпа ва ўсёй Расійскай імперыі. Гімназія на працягу першай паловы XIX ст. з'яўлялася адным з самых вядомых цэнтраў развіцця культуры і грамадска-палітычнай думкі на беларускіх землях. Вучні Свіслацкай гімназіі, як і студэнты Віленскага універсітэта, з'яўляліся ўдзельнікамі шэрагу існаваўшых тут патаемных таварыстваў: «Навуковага», «Маральнага», таварыства «Заран», падтрымлівалі сталыя сувязі з віленскімі філаматамі і філарэтамі, а таксама рухам дзекабрыстаў [9, с. 24 – 25]. У 1845 г. гімназія была пераўтворана ў прагімназію, і ў 1851 г. пераведзена ў Шаўлі ў Літве. Прагімназія працягвала існаванне да паўстання 1863 – 1864 гг., калі яе дзейнасць была часова прыпынена і канчаткова ліквідавана па рашэнні урада ад 15 чэрвеня 1865 г. Навучальныя ўстановы мястэчка вядомы сваімі выпускнікамі, такімі як Напалеон Орда, Восіп Кавалеўскі, Юзаф Крашэўскі, Кастусь Каліноўскі, Рамуальд Траўгут.

Гэта як раз адзін з тых выпадкаў, калі культура абумоўлівала эканамічнае і палітычнае развіццё, а не наадварот. Гэту тэндэнцыю цікавым чынам адлюстроўвае наступны прыклад. У жніўні 1850 г. «по произведенным торгам питейная продажа в местечке Свислочи была взята в 4-х летнее содержание с 1 января 1851 г. с платежом в казну 1745 руб. сер. в год мещанами евреями Ратнером и Гольдбергом». Аднак яны па невядомых прычынах (магчыма мелі дакладныя звесткі, ці проста адчулі што не атрымаюць выгады) «переступили право свое на сию продажу купцу Бульковштейну из г. Белостока и мещанину Ахноху из м. Берестовицы». И трэба адзначыць, што свіслацкія мяшчане зрабілі гэта як раз своечасова, бо з 1 верасня 1851 г. гімназія ў Свіслачы была зачынена і пераведзена ў Шаўлі, што рэзка скараціла прыбыткі ад утрымання піцейнага продажу. Расчараваныя Бульковштейн і Ахнох звярнуліся ў

красавіку 1853 г. у Сенат з прашэннем «об освобождении их от содержания питейной продажи в м. Свислочи по случаю ветхости корчем и убытка от сокращения продажи питей за уменьшением народонаселения по случаю вывода из м. Свислочи гимназии». Сенат «не находя законных оснований к освобождению их от содержания пропинации в местечке просьбу их оставил без уважения» [21, с. 56 – 57].

Існаванне гімназіі абумовіла таксама змяненні ў палітычным становішчы мястэчка. У прыватнасці, з гэтай нагоды Свіслач было вызвалена ад адной з самых цяжкіх местачковых павіннасцяў: вайсковага пастою. Мястэчка было канфіскавана ў генерала Т. Тышкевіча за ўдзел у паўстанні 1830 – 1831 гг. [18]. У 1837 г. Гродзенская казённая палата знайшла магчымым пераўтварыць у гарады мястэчкі Дзятлава, Ружаны і Свіслач. Адносна Свіслачы такая ініцыятыва тлумачылася існаваннем тут гімназіі і вялікага кірмаша. Аднак гродзенскі губернатар не падтрымаў ініцыятывы казённай палаты, паколькі заснаванне новых гарадоў патрабавала пэўных матэрыяльных і арганізацыйных намаганняў, на што не ў стане была даць своечасовы адказ бюракратычная сістэма Расійскай імперыі.

Акрамя гімназіі і прагімназіі ў мястэчку існаваў таксама шэраг пачатковых навучальных устаноў. Першыя сведчанні аб існаванні школы ў мястэчку адносяцца да другой паловы XVII ст., калі ў 1668 г. тагачасны уладальнік Свіслачы Крышпін-Кіршанштэйн надаў ёй невялікую грашовую і зямельную фундацыю [3, с. 43]. Пазней у мястэчку існавалі народнае вучылішча і царкоўнапрыходская школа, якой кіраваў мясцовы праваслаўны святар. Жаночая адукацыя ў XIX ст. была прадстаўлена прыватным дзявочым пансіёнам Арлоўскіх і царкоўнай школай для дзяўчынак. Адукацыйныя патрэбы яўрэйскай моладзі задавальнялі два хедэра і адна талмуд-тора.

У другой палове XIX – пачатку XX ст. тут існаваў цэлы шэраг педагагічных навучальных устаноў: «Расійская» (1876 – 1915 гг.), «Беларуская» (1916 – 1918 гг.) і «Польская» (1922 – 1934 гг.) настаўніцкія семінарыі і гімназія імя Рамуальда Траўгута (1935 – 1939 гг.). Гісторыя гэтых навучальных устаноў і лёсы іх выпускнікоў ствараюць вялікі пласт у беларускай, расійскай і польскай культурах, вынікам чаго з’яўляецца імкненне асобных нацый «прысвоіць» сабе гістарычнае мінулае мястэчка праз пэўныя нацыянальныя сімвалы і культурныя знакі.

Мульцікультурнасць знаходзіла свае праявы і ў іншых галінах творчасці, такіх як, напрыклад, архітэктура. Архітэктура можа падказаць даследчыку асабліва шмат, паколькі яна не толькі адлюстроўвала знешняе аблічча мястэчка, але і сведчыла аб яго пэўнай культурна-цывілізацыйнай прыналежнасці. Пасля перабудовы мястэчка Тышкевічам у 1782 г. планіровачная структура Свіслачы адпавядала гатычнаму стылю: у забудове пераважаў лінейны характар, вуліцы прымыкалі да плошчы па датычнай і сыходзіліся да рагоў рынка такім чынам, што працягам аднаго з бакоў вуліцы з’яўлялася адна з ліній забудовы рынку [22, с. 313; 23, с. 28]. Як піша даследчык архітэктурнага і садова-паркавага мастацтва А. Федарук, свіслацкі парк Вінцэнта Тышкевіча быў разбіты ў стылі галандскага барока. У стылі барока ў мястэчку таксама быў

збудаваны драўляны Траецкі касцёл з XVII ст. У другой палове XIX – пачатку XX ст. на культурным фоне паселішча быў адчувальны ўплыў расійскіх архітэктурных традыцый, прыкладам чаму з'яўляецца збудаваная ў 1884 г. архітэктарам П.І. Залатаровым у псеўдарускім стылі Крыжаўзвіжанская царква [4, с. 193]. Аднак дамінуючым мастацкім стылем у архітэктуры Свіслачы канца XVIII – XIX ст. быў класіцызм. У гэтым стылі быў збудаваны ў мястэчку архітэктарамі Я. Шантарам і К. Падчашынскім комплекс гімназічных будынкаў. Класіцызм таксама стаў вызначальным у абліччы вялікіх уязных брам на кожнай з вуліц мястэчка, і ў выглядзе гандлёвых радоў на рынкавай плошчы. Замкнёная кампазіцыя гандлёвых радоў складалася з чатырох аднапавярховых крылаў пад двухсхільнымі гонтавымі дахамі, утварала прамавугольны ў плане двор. Рады складаліся з 40 аднатыпных ячэек-крам і трох вуглавых складскіх памяшканняў. У цэнтры двух даўжэйшых крылаў былі зроблены арачныя праезды ў двор. Над адным з праездаў змяшчалася зала купецкага сходу, афармленая на бакавым фасадзе драўлянай балюстраднай галерэяй на мураваных слупах.

Этнакультурная дэтэрмінацыя гісторыі мястэчка добра прасочваецца таксама праз творы літаратуры і навуковыя працы. Кожная значная этнічная група пакідала пасля сябе культурную спадчыну, якая пазней служыла сродкам атаясамлення самой сябе ў жыцці мястэчка і стварэнню вобраза «свайго» мястэчка, своеасаблівай ментальнай «прыватызацыі». Стварэнню «польскай ідэнтычнасці» ў мястэчку спрыялі творы Юзафа Крашэўскага. Як вядома, знакаміты пісьменнік, пачынальнік рэалізму ў польскай літаратуры, Крашэўскі пэўны час жыў у Свіслачы і скончыў мясцовую гімназію. У прыватнасці, у яго творы «Obrazy z życia i podróży» асобная глава прысвечана Свіслачы. Яшчэ адзін мемуарны твор – «Wieczory Lacha z Lachów, czyli opowiadania przy kominku starego literata polskiego» прысвяціў Свіслачы іншы вучань гімназіі – Леан Зянковіч. Свае «Успаміны аб тышкевічавай Свіслачы, Дзярэчыне і Ружане» пакінуў нам Леан Патоцкі. Тагачасны ўладальнік мястэчка Тышкевіч прафінансаваў выданне Самуэлем Багумілам Ліндэ «Słownika ęzyka polskiego» – фактычна першага польскамоўнага тлумачальнага слоўніка. Асабістым сябрам рэферэндарыя Тышкевіча і частым госцем у мястэчку быў знакаміты паэт Францішак Карпіньскі. Зорка польскага сентыменталізму, Карпіньскі жыў у сваім фальварку Хараўшчызна на Свіслаччыне, дзе напісаў шэраг твораў, у тым ліку «Размову Платона са сваімі вучнямі», якая была выдадзена ў Гродна ў 1804 г. [2, с. 1, 13]

Сваё бачанне мястэчка пакінуў таксама рускі этнічны кампанент. Напрыклад, пра Свіслач неаднаразова пісаў шырокавядомы і надзвычай папулярны ў дарэвалюцыйны час расійскі пісьменнік Усевалад Крэстоўскі. У сваёй кнізе «Очерки кавалерийской жизни», выдадзенай у 1892 г., пісьменнік асобную главу назваў «Базарный день в Свислочи» [12]. Аб мястэчку гэты пісьменнік распавядаў таксама ў рамане «Кровавый пуф», прысвечаным паўстанню 1863 – 1864 гг., і іншых сваіх творах. У працах Крэстоўскага прасочваецца выразнае непрыняцце яўрэйскай і польскай культурных традыцый. Разам з тым, руская культурная традыцыя знайшла адлюстраванне і ў тагачаснай навуцы. Так,

выкладчыкамі Свіслацкай настаўніцкай семінарыі працавалі вядомыя этнографы М.Я Нікіфароўскі і Д.Г. Булгакоўскі. 19 снежня 1900 г. пры семінарыі была адкрыта метэаралагічная станцыя, якая мела вытворчыя сувязі з вядучымі абсерваторыямі Санкт-Пецярбурга і Кіева. Кіраваў працай метэаралагічнай станцыі выкладчык матэматыкі С.В. Валасковіч. Пазней С.В. Валасковіч разам са сваім былым вучнем Ф.О. Лукашэвічам напісалі «Методику арифметики» – для свайго часу надзвычай прагрэсіўны падручнік па матэматыцы [7, с. 62]. Найбольш цікава тое, што рускія таксама лічылі мястэчка «сваім», і намагаліся знішчыць уплыў канкурыруючай польскай этнаканфесійнай групы. 28 сакавіка 1883 г. обер-пракурор сінода Канстанцін Пабеданосцаў пісаў да імператара Аляксандра III : «Гродненской губернии в Волковысском уезде есть местечко Свислочь, издавна известное как один из центров польской культуры, бывшее некогда для всего Полесья тем, чем Вильна для Литвы. Прежде русское, место это совсем ополячено в XVIII столетии графом Тышкевичем, его владельцем. Оттого и теперь там жители, хотя большею частью православные, значительно ополячены и грамотность между ними польская… Могущественным средством … для привлечения народа было бы проявление Высочайшего к ней внимания. Посему я осмеливаюсь просить Ваше Императорское Величество, не благоугодно ли будет в знак внимания Вашего и одобрения пожаловать Свислочской школе лично от Вас икону Божией Матери. Этот дар произвел бы на месте самое благодетельное действие и других усердных людей возбудил бы к подражанию» [19, с. 14].

Акрамя рускіх і палякаў «сваю» Свіслач намагаліся «стварыць» яўрэі. Паводле сведчання аднаго з іх, у бібліятэцы галоўнай сінагогі захоўваліся дакументы па гісторыі мястэчка, якія, аднак, згарэлі ў адным з пажараў [6, с. 45]. Даследаванню гісторыі паселішча прысвяцілі свае працы яўрэйскія пасляваенныя эмігранты Пауль Абрамсан і Абрахам Эйн [5; 6]. У 1984 г. на мове ідыш пабачыла свет праца Ліўшыца «Гісторыя Свіслачы і ваколіц» [14], а 1990-я гады ў Ізраілі была выдадзена мемарыяльная кніга свіслацкіх яўрэяў.

Такім чынам, у даследуемы перыяд для этнічнага і канфесійнага складу мястэчка характэрна вялікая стракатасць і разнастайнасць. Вынікам такога становішча з’явілася стварэнне унікальнай культурнай спадчыны, якая была прадуктам як асобнай дзейнасці шматлікіх этнаканфесійных груп, так і іх удалага культурна-гістарычнага сінтэзу. Багатае гістарычнае мінулае Свіслачы дазваляе лічыць яе «мястэчкам многіх народаў», своеасаблівай «культурнай Меккай», у стварэнні якой пакінулі частку сябе беларусы, палякі, рускія, яўрэі, татары, немцы, галандцы, французы, італьянцы, швейцарцы і інш. З іншага боку, шматкультурнасць Свіслачы на ўзроўні феномена спрыяе выхаванню спецыфічнай рысы беларускай нацыі: талерантнасці. Знішчэнне мульцікультурнасці на такім мікраўзроўні фактычна азначае «вымыванне беларускага з беларусаў», бо, як сведчыць філосаф Ігнат Абдзіраловіч, асноўнай адзнакай беларускага народа з’яўляецца ваганне паміж Усходам і Захадам і шчырая непрыхільнасць ні да аднаго, ні да другога. Падобныя думкі выказвае і Уладзімір Конан, называючы Беларусь «зонай сустрэчы цывілізацый». Шматкультурнасць беларускіх гарадоў і мястэчак з’яўляецца іх спецыфічнай рысай,

асаблівасцю гістарычнага развіцця, якая вылучае іх на асобнае месца і адрознівае як ад урбаністычных асяродкаў Расійскай імперыі, так і ад гарадоў і мястэчак Заходняй Еўропы.

Спіс крыніц і літаратуры

1. Kalinka, W. Żywot Tadeusza Tyszkiewicza / W. Kalinka. – Poznań, 1853. – 159 с.
2. Karpyza, W. Swisłocz. Część 4 / W. Karpyza // Kroniki Roskie. Gożów Wielkopolski, 1973. – 210 с. (машынапісная манаграфія ў архіве аўтара).
3. Wołyniak. Z przeszłości powiatu Wołkowyskiego / Wołyniak. – Kraków, 1905. – 125 s.
4. Zgliński, M. Kościół parafialny p.w.Trojcy w Świsłoczy Wielkiej / M. Zgliński / Kościoły i kłasztory rzymsko-katolickie dawnego województwa nowogródzkiego / Red. nauk. M. Kałamajska-Saeed. – Cz.II, T.2. – Kraków, 2006. – S. 281 – 311.
5. Абрамсон, П. Эмигрантский журнал. – Лондон, 1969. (пераклад з англ. мовы) / П. Абрамсон // Матэрыялы Свіслацкага гісторыка-краязнаўчага музея.
6. Айн, А. Свислочь / А. Айн // Ваўкавышчына, 2008. – № 4 (14). – С.45 – 52.
7. Андрыенка, А., Вялічка М. З гісторыі Свіслацкай настаўніцкай семінарыі і метэаралагічнай станцыі пры семінарыі / А. Андрыенка, М. Вялічка // Свежий ветер: сборник материалов конференции. – Гродно, 1997. – С. 59 – 62.
8. Блок, М. Апология истории [Электронны рэсурс] – Рэжым доступу: http://historic.ru/books/item/f00/s00/z0000028/index.shtml – Дата доступу: 20.10.2010.
9. Вильна 1823 – 1824: Перекрёстки памяти / Сост. Федута А.И.; вступ. ст., коммент. Лаврынец П.М., Рейтблат А.И., Федута А.И. – Минск: Лимариус, 2008. – 244 с.
11. Игнатович, Ф.И. Медики – участники восстания 1863 года и их судьбы / Ф.И. Игнатович // Ваўкавышчына: з гісторыі краю і лёсу людзей. – Ваўкавыск, 1997. – С. 135 – 137.
12. Крестовский, В.В. Очерки кавалерийской жизни / В.В. Крестовский. – Москва. – 1998 г. – 287 с.
13. Куль-Сяльверстава, С. Я. Культурнае жыцце Ваўкавышчыны ў першай палове XIX ст. / С. Я. Куль-Сяльверстава // Ваўкавышчына: з гісторыі краю і лёсу людзей. – Ваўкавыск, 1997. – С. 95 – 104.
14. Ліўшыц, Е. Гісторыя Свіслачы і ваколіц / Е. Ліўшыц (на іўрыце). – 1984. – 410 с. // Матэрыялы Свіслацкага гісторыка-краязнаўчага музея.
15. Нікжэнтайціс, А. Нацыянальны сімвал у шматкультурным горадзе / Homo historicus 2009. Гадавік антрапалагічнай гісторыі / А. Нікжэнтайціс. – пад. рэд. А.Ф. Смаленчука. – Вільня: ЕГУ, 2010. – С. 306 – 320.
16. Памяць: Свіслацкі р-н.: Гіст.-дак.хронікі гарадоў і р-наў Беларусі / Рэдкал. І.І.Варанец і інш. – Мінск: Беларусь, 2004. – 526 с.
17. Патоцкі, Л. Успаміны пра Тышкевічаву Свіслач, Дзярэчын і Ружану / Л. Патоцкі; укл., прадмова, камент. А.М. Філатавай; пер. з польскай І.У. Саламевіча. – Мінск, 1997.
18. Переписка с правительствующими учреждениями о претензиях на конфискованное имущество участника восстания 1830-1831 гг. графа Фадея Тышкевича // НГАБ ў г.Гродна. – ф.5. – воп.1. – спр. 9.
19. Победоносцев, К. Письма к Александру III [Электронны рэсурс] – Рэжым доступу: http://www.hrono.ru/libris/lib_p/pobed_pisma.html – Дата доступу: 20.10.2010.

20. Радзюк, А. Паўстанне 1831 г. на Ваўкавышчыне / А. Радзюк // Ваўкавышчына. – 2007. – № 3. – С. 7 – 12.
21. Соркіна, І. Мястэчка Свіслач у першай палове XIX ст. / І. Соркіна // Старонкі гісторыі Свіслацкага краю: Матэрыялы навукова-практычнай канферэнцыі / Пад рэд. І.П. Крэнь. – Гродна: ГрДУ, 2001. – С. 48 – 61.
22. Соркіна, І. Мястэчкі Беларусі ў канцы XVIII – першай палове XIX ст. / І. Соркіна. – Вільня: ЕГУ, 2010. – 488 с.
23. Татаринов, Ю. Города Беларуси в некоторых интересных исторических сведениях. Гродненщина / Ю.Татаринов. Минск, 2009. – 198 с.
24. Чуланава, І. У. Музычна-тэатральная культура Свіслачы канца XVIII – першай паловы XIX ст. / І. У. Чуланава // Ваўкавышчына. – 2009. – № 5 (15). – С. 16 – 18.
25. Швед, В.В. Торговля в Беларуси в период кризиса феодализма (1830 – 1850-е годы) / В.В. Швед. – Гродно: ПКФ «Орбикс» 1995. – 195 с.
26. Швед, В.В., Данскіх С.У. Заходні рэгіён Беларусі ў часы напалеонаўскіх войнаў (1805 – 1815 гады) / В.В. Швед, С.У. Данскіх. – Гродна, 2006. – 252 с.

Сяргей Львовіч Раманаў, студэнт 5 курса факультэта гісторыі і сацыялогіі ГрДУ ім. Я. Купалы. Сфера навуковых інтарэсаў: гісторыя мястэчак Ваўкавыскага павета; айчынная гістарыяграфія і філасофская думка. Навуковы кіраўнік: кандыдат гістарычных навук, дацэнт І.В.Соркіна.

УДК 303.446.4: 94(976)

Аляксей Загідулін (Гродна)

АСАБЛІВАСЦІ РАЗВІЦЦЯ ГАРАДСКОЙ КУЛЬТУРЫ Ў ЗАХОДНЯЙ БЕЛАРУСІ (1921–1939 ГГ.)

В статье анализируется состояние городской культуры и условия ее развития в Западной Беларуси в межвоенный период. Определяется место городской культуры в системе ценностей. Отмечается ее многонациональный характер и зависимость от польской государственной политики.

Вывучэнне Заходняй Беларусі ў айчыннай савецкай і постсавецкай гістарыяграфіі канцэнтравалася ў асноўным вакол вераломнай нацыянальнай і сацыяльнай палітыкі польскіх улад у адносінах да беларусаў і распачатага ў адказ на гэту палітыку нацыянальна-вызваленчага руху, што ўзначальвалі, у асноўным, камуністы. Заходняя Беларусь расцэньвалася як аграрна-сыравінны прыдатак Польшчы і адсталы ва ўсіх сэнсах, у тым ліку і культурным, рэгіён. Культура Заходняй Беларусі ў савецкай гістарыяграфіі разглядалася з пазіцый барацьбы за нацыянальнае і сацыяльнае вызваленне беларускага народа. Вывучалася літаратура, творчасць пісьменнікаў-рэвалюцыянераў, напрыклад М. Танка, В. Таўлая, П. Пестрака. Удзячнай тэмай была беларуская адукацыя, якая падвяргалася ганенням з боку польскіх улад, што знайшло адлюстраванне ў абагульняльнай працы «Нарысы гісторыі народнай асветы і педагагічнай думкі ў Беларусі» [1].

Увогуле гарадская культура спецыяльна не разглядаецца беларускімі вучонымі і ў дачыненні да заходнебеларускага перыяду не выдзяляецца з культуры ўвогуле. Пра гарадскую культуру згадвае ў сваім «Курсе лекцый» Захар Шыбека і канстатуе слабы беларускі культурны патэнцыял гарадоў, які ва ўмовах полікультурнасці лёгка замяняўся польскім элементам [2, с. 133].

У айчыннай гістарыяграфіі існуюць два супрацьлеглыя погляды на ўмовы развіцця заходнебеларускай міжваеннай культуры. А.М.Вабішчэвіч адзначае, што «беларусы, яўрэі, рускія, украінцы, літоўцы, іншыя этнічныя супольнасці не атрымалі магчымасці для паўнапраўнага нацыянальна-культурнага разіцця. Яны спрабавалі сумеснымі намаганнямі супрацьстаяць паланізацыі. Але вынік быў мізэрным. Польская палітыка негатыўна адбівалася на стане культуры нацыянальных меншасцей» [3, с. 216].

С. Харэўскі ў сваім падручніку «Гісторыя мастацтва і дойлідства Беларусі» наадварот падкрэслівае пазітыўныя тэндэнцыі для развіцця мастацтва і называе Заходнюю Беларусь «спецыфічным рэгіёнам, дзе працягвалі развівацца нацыянальныя беларускія традыцыі і апрабоўвацца новыя еўрапейскія стылі. Высокага ўзроўню ў Заходняй Беларусі дасягнула архітэктура, літаратура, тэатр, музычная культура. Адкрыццё міжнародных кантактаў садзейнічала шырокаму знаёмству беларускай культуры з дасягненнямі заходняй літаратуры, мастацтва, архітэктуры. Сотні беларускіх навукоўцаў і дзеячаў мастацтва працавалі і вучыліся за мяжой, у першую чаргу ў Празе, Кракаве, Берліне, Парыжы» [4, с. 196].

У Заходняй Беларусі з яе невысокай канцэнтрацыяй вытворчасці і ў выніку эканамічнай палітыкі польскага ўрада склаўся так званы непрамысловы варыянт урбанізацыі, як у сярэднявеччы, калі горад выконваў адміністрацыйную, культурную, адукацыйную функцыі. Для горада характэрны высокая канцэнтрацыя насельніцтва, гетэрагеннасць насельніцтва ў адносінах да сацыяльнага і тэрытарыяльнага паходжання, большая прафесійная дыферэнцыяцыя, канцэнтрацыя функцый, звязаных з грамадскай арганізацыяй (горад – месца знаходжання палітычных і ваенных улад, звышлакальных культавых і культурных устаноў, сацыяльных інтстытутаў, што абслугоўваюць насельніцтва не толькі дадзенага горада, але і навакольнага рэгіёна [5, с. 11]. Больш за 80% насельніцтва Заходняй Беларусі займалася сельскай гаспадаркай, удзельная вага гарадскога насельніцтва складала 12% ад агульнай колькасці (у БССР на 1926 г. – 13%) [6, с. 44]. У Навагрудскім ваяводстве ў 1935 г. была самая нізкая колькасць сярод ваяводстваў Польшчы работнікаў разумовай працы – 10,5 тысяч. Перадапошняе месца займала Палескае ваяводства – 12,4 тыс. У Віленскім ваяводстве быў самы высокі паказчык з заходнебеларускіх ваяводстваў – 23,1 тыс. Для параўнання: Варшаўскае ваяводства – 102,7 тыс., Львоўскае – 62,4 тыс., Тарнопальскае – 16,5 тыс. чалавек, што займаліся разумовай працай [7, с. 258]. У пэўнай ступені дасягненнем гэтага перыяду з’яўляецца прагрэсуючае развіццё сістэмы адукацыі ў Польшчы. Сярэднія агульнанадукацыйныя школы ў 1937/1938 навучальным годзе наведвалі 220 тыс. вучняў, з якіх прыблізна палову складалі дзяўчаты. У школах прафесійнага навучання навучалася каля

110 тыс. вучняў. У 1938/1939 навучальным годзе ў Польшчы налічвалася 28 ВНУ, у якіх навучалася звыш 50 тыс. студэнтаў [5, с. 11]. Развіццё народнай асветы, навукі, культуры, аховы здароўя, транспарту, прадпрыемстваў сувязі, сацыяльнай і эканамічнай інфраструктуры павялічвала патрэбу ў высока- і сярэднекваліфікаванай рабочай сіле, што прывяло да павелічэння занятасці ў групе работнікаў разумовай працы. Вясковая моладзь атрымоўвала адукацыю і авалодвала несельскагаспадарчымі прафесіямі. Спецыфікай Заходняй Беларусі было тое, што вышэйшую адукацыю атрымлівалі адзінкі. Бліжэйшай ВНУ быў Віленскі універсітэт імя Стэфана Баторыя.

Дзяржава не спрыяла развіццю гарадской культуры нацыянальных меншасцей пры ўсебаковай падтрымцы іх традыцыйнай культуры. Беларускія. народныя промыслы польская дзяржава падтрымлівала і развівала. Як сцвярджае мастацтвазнаўца В. Лабачэўская, беларускае народнае мастацтва вызначалася некранутым цывілізацыяй пачуццём форм, прыгажосці, гармоніі, сваёй выразнай архаічнасцю, чым адрознівалася ад знакамітых гуральскіх і гуцульскіх вырабаў, мастацкай культуры цэнтральнай Польшчы [8, с. 184]. Папулярызацыяй беларускага народнага мастацтва займаліся таварыствы дапамогі народным промыслам. З 10 існуючых на той час у II Рэчы Паспалітай 4 дзейнічалі на тэрыторыі Заходняй Беларусі – у Вільні, Брэсце, Навагрудку, Беластоку. Погляды на народнае мастацтва як на падмурак агульнапольскай нацыянальнай культуры былі падмацаваны ідэалогіяй польскага рэгіяналізму, які ў міжваенны перыяд стаў крэдам грамадска-культурнай і палітычнай дзейнасці польскай інтэлігенцыі і якому надавалася дзяржаўная ўвага. У праграме польскага рэгіяналізму, апублікаванай у 1926 г., значнае месца адводзілася народнай культуры і фальклору, у тым ліку народнаму мастацтву ў розных яго праявах, якія разглядаліся як рэгіянальныя і разам з тым агульнапольскія каштоўнасці. Прыхільнікі рэгіяналізму лічылі, што чым большая розніца паміж рэгіёнамі, тым багацейшае культурнае аблічча нацыі. Сярод іншых прычын падтрымкі польскай дзяржавай беларускіх народных промыслаў В. Лабачэўская называе складанае сацыяльна-эканамічнае становішча ў Заходняй Беларусі, а таксама жаданне палітычных улад утрымаць становішча спраў у вёсцы на традыцыйным узроўні без грунтоўных сацыяльна-эканамічных рэформаў. 31 ліпеня 1924 г. сейм Рэчы Паспалітай прыняў Закон аб народных промыслах у Польшчы. На яго падставе гэта галіна культуры і народнай гаспадаркі пачала атрымліваць урадавыя фінансавыя субсідыі. Закон заклаў прававыя асновы для разгортвання дзейнасці таварыстваў дапамогі народным промыслам [8, с. 187]. Польская дзяржава і польскае грамадства былі зацікаўлены ў стварэнні спрыяльных умоў для развіцця беларускіх народных промыслаў і народнага мастацтва. Праўда, беларуская нацыянальная самабытнасць у гэтым плане разглядалася як адно з праяўленняў багатай і разнастайнай польскай культуры.

Значная ўвага дзяржаўнымі ўладамі ва ўсходніх ваяводствах надавалася краязнаўству. Даследаванне і папулярызацыя гісторыі, культуры, этнаграфіі, народнага мастацтва, прыродных багаццяў павінны былі адыграць значную ролю ў ідэалагічным выхаванні грамадзян II Рэчы Паспалітай. Рэгіянальныя

гістарычныя асаблівасці павінны былі падкрэсліваць веліч агульнай дзяржавы і выклікаць гонар усіх яе жыхароў, такім чынам уплываючы на нацыянальную свядомасць нацыянальных меншасцей. Вывучэннем заходнебеларускіх земляў актыўна займаліся дзяржаўныя ўстановы, грамадскія таварыствы і асобныя даследчыкі. Вядучыя пазіцыі займала Польскае краязнаўчае таварыства, якое мела свае аддзелы шмат у якіх паветах і карысталася дзяржаўнай падтрымкай. У 1924 г. у Пінску было створана Палескае краязнаўчае таварыства, якое павінна было займацца пашырэннем і прапагандай краязнаўчага турызму на Палессі. Таварыства ў 1924 г. заснавала краязнаўчы музей, які пасля актыўнага збору культурных і прыродных экспанатаў з усяго Палесся адчыніў свае дзверы для наведвальнікаў у Пінску ў 1926 г. [9 , с. 74].

Міжваенная заходнебеларуская культура сапраўды арыентавалася на традыцыйныя народныя ўзоры. У якасці прыкладу можна прывесці мастацкую самадзейнасць. Тэмы народнага жыцця пераважалі ў рэпертуары Беларускай драматычнай майстроўні Л. Родзевіча, тэатральных і харавых беларускіх гурткоў ТБШ БІГіКа. Народныя матывы дамінавалі ў драўляным дойлідстве Льва Вітан-Дубейкоўскага. Гаварыць пра гарадскую культуру Заходняй Беларусі ў чыстым выглядзе досыць цяжка. Складана правесці мяжу паміж гарадской культурай і культурай народнай, традыцыйнай, вясковай. У Заходняй Беларусі праслойка гараджан пачала толькі фарміравацца, і яна не магла яшчэ паўнавартасна выступіць у якасці рэцыпіента культуры. Такім чынам, у Заходняй Беларусі на аснове традыцыйнай фарміравалася прафесійная элітарная культура, якая не паспела перарасці ў масавую. Адзін з ідэйных накірункаў беларускай культуры ў Польшчы заключаўся ў імкненні да ўз’яднання з БССР. Шмат беларусаў па паходжанні дзейнічала таксама на ніве польскай культуры. Гарады імкнуліся рэалізаваць функцыю цэнтраў беларускай культуры, але ім у гэтым перашкаджала польская нацыянальна-культурная палітыка.

Тым не менш досыць многа прыкладаў заходнебеларускага прафесійнага «высокага» мастацтва. Гарадская культура прадстаўлена творчасцю заходнебеларускіх мастакоў у стылі неарамантызму і неакласіцызму ў іх гісторыка-рамантычных і алегарычных творах. Жанравыя і стылістычныя асаблівасці ў выяўленчым мастацтве былі вызначаны працэсамі нацыянальна-культурнага адраджэння. Аграрна-патрыярхальны характар заходнебеларускага грамадства вызначаў значнае месца сацыяльнага фактару ў жывапісе. Рэалістычная манера з рамантычнымі элементамі рэалізавана ў творах П. Сергіевіча, М. Сеўрука, П. Южыка, У. Стрэмінскага, Р. Семашкевіча і інш. [10]. Разам з традыцыйнымі ў заходнебеларускім жывапісе прысутнічаюць і наватарскія тэматычна-сюжэтныя напрамкі. Рамантычныя матывы і філасофскае асэнсаванне рэчаіснасці яскрава прасочваюцца ў творасці Я. Драздовіча («Нірвана», «касмічныя» цыклы) [11]. Да гарадскога мастацтва неабходна аднесці і сатырычную карыкатуру Я. Горыда. Цэнтрам заходнебеларускага выяўленчага мастацтва, дзе было выхавана шмат творцаў, можна назваць мастацкі факультэт Віленскага ўніверсітэта імя Стэфана Баторыя. Выкладчыкамі тут былі таленавітыя творцы і педагогі Ф. Рушчыц, С.

Богуш-Сестранцэвіч, Я. Булгак, А. Штурман, Б. Кубіцкі, Л. Сляндзінскі, Б. Ямант і інш. Многія з іх выпускнікі Пецярбургскай акадэміі, што павышалі сваю адукацыю ў Мюнхене і Парыжы, рыхтавалі сваіх вучняў на аснове прынцыпаў традыцыйнай акадэмічнай школы, а таксама знаёмілі іх са здабыткамі і дасягненнямі сучаснага заходнееўрапейскага мастацтва [12, с. 76–77].

У Заходняй Беларусі адбываеца станаўленне і развіццё такога несумненна гарадскога віду мастацтва, звязанага з развіццём цывілізацыі і тэхнікі, як мастацкай фатаграфіі, прадстаўленай творчасцю Яна Булгака, Сяргея Вішнеўскага, Міхала Зубея і іншых.

У архітэктуры адзначаецца стылістычная разнастайнасць. Неакласіцызм у архітэктуры прадстаўлены Пакроўскім саборам у Баранавічах – адным з нешматлікіх праваслаўных храмаў, пабудаваных у міжваенны перыяд. Стварэнне яго ў 1924–1931 гадах па праекту варшаўскага архітэктара М.А. Абалонскага ў стылі, падобным да пецярбургскай архітэктурнай школы класіцызму другой паловы XVIII – першай чвэрці XIX стст., размяшчэнне ў ім мазаік з разабранага сабора Аляксандра Неўскага ў Варшаве выглядае спробай захаваць традыцыю праваслаўнага храмабудаўніцтва ў Заходняй Беларусі ва ўмовах разбурэння цэркваў у Польшчы і Савецкай Расіі [13, с. 8]. Унікальнасць дадзенай сітуацыі і ў тым, што на фоне неспрыяльнай для развіцця праваслаўя канфесійнай палітыкі польскага ўрада, калі праваслаўныя цэрквы закрываюцца і пераасвячаюцца на касцёлы, на будаўніцтва Пакроўскага сабора выдзяляюцца дзяржаўныя датацыі і велічны праваслаўны храм становіцца архітэктурнай дамінантай актыўна развіваючагася прамысловага горада.

Значная колькасць заходнебеларускіх касцёлаў збудавана ў стылі неаготыкі, неабарока. 20–30-я гады – час стварэння вялікай колькасці будынкаў адміністратыўнага і грамадскага прызначэння – вакзалаў, паштамтаў, упраўленняў, шпіталяў і г.д. Будуюцца таксама даходныя дамы і асабнякі прадпрымальнікаў. Для іх будаўніцтва выкарыстоўваліся вышэйзгаданыя стылі, а таксама модны і пашыраны ў той час стыль – канструктывізм. У будаўніцтве не толькі шматкватэрных многапавярховых дамоў пачынаюць выкарыстоўваца жалезабетонныя канструкцыі [14, с. 420]. Так ці інакш, але выгляд заходнебеларускіх гарадоў, якія адбудоўваліся пасля ваенных ліхалецця́ў, паступова змяняўся. Гарады забудоўваліся хаатычна, што пакідала непаўторнасць, непарушнасць гарадскога арганізму, пераемнасць гарадскіх традыцый. Калі будынкі і прадпрыемствы аднаўляліся (а далёка не ўсе яны былі адбудаваны) і будаваліся новыя, то гэта не прыводзіла да змены гарадскога рэльефу. У Заходняй Беларусі на гэта проста не ставала сродкаў. Мастацтвазнаўца С. Харэўскі лічыць развіццё разнастайных стылістычных асаблівасцей у творчасці мясцовых архітэктараў, такіх як Л. Вітан-Дубейкоўскі, К. Дуж-Душэўскі, А. Дубянецкі, станаўленнем беларускай нацыянальнай школы архітэктуры ў Заходняй Беларусі [4, с. 201].

У айчыннай абагульняльнай літаратуры па гісторыі архітэктуры лёс гэтага віду мастацтва ў Заходняй Беларусі абыдзены бокам, нібы ў Гродна,

Брэсце, Навагрудку і Слоніме ў 1918–1939 гадах ніхто не жыў і не будаваўся [15]. Савецкімі вучонымі і ідэолагамі створаны міф аб тым, што беларусы ў складзе Польшчы толькі выключна змагаліся за нацыянальнае і сацыяльнае вызваленне. Гэтай ідэалогіі былі падпарадкаваны ўсе сферы чалавечай дзейнасці: літаратура, друк, адукацыя (дакладней, яе адсутнасць). Архітэктура менш звязана з ідэалогіяй і прапагандай, яна накіравана выключна на стварэнне. Таму міф аб адсутнасці заходнебеларускага дойлідства да гэтай пары падтрымліваецца гісторыкамі. Такім чынам, гісторыкі мастацтва самі выключаюць заходнебеларускі перыяд з гісторыі нашай культуры, адмаўляючы беларусам у стваральнасці. Тым не менш, як сцвярджае С. Харэўскі, у Заходнюю Беларусь пераехалі з СССР і плённа працавалі многія архітэктары, напрыклад, Мар'ян Лялевіч з Пецярбурга, Уладзіслаў Казлоўскі з Масквы, Генрык Гай з Мінска і г.д. [4, с. 201].

Культура Заходняй Беларусі праяўляецца ў шматлікасці нацыянальных вектараў: польскі, яўрэйскі, беларускі, рускі, літоўскі, украінскі, татарскі. Ва ўмовах пастаянных абмежаванняў і ўціску культуры, мовы, адукацыі нацыянальных меншасцей замест дыялогу і ўзаемнага ўзбагачэння культур назіралася іх жорсткае супрацьстаянне. Польская дзяржаўная палітыка імкнулася кантраляваць іх развіццё і нівеліраваць іх нацыянальны характар. Цікава, што гэтая палітыка фактычна была фактарам, што кансалідаваў гэтыя культурныя напрамкі. Гарадская культура, у адрозненне ад традыцыйнай, вясковай культуры, звычайна больш адкрыта знешнім уплывам. Носьбітам гарадской культуры з'яўляецца інтэлігенцыя. Гарадская культура дазваляе ўвасабляць у сабе і акумуляваць нацыянальную свядомасць, сілкуючыся з крыніц: культур іншых народаў і традыцыйнай народнай культуры. Калі вёска з яе традыцыйнай культурай, беларускай мовай была захавальніцай культуры, то шматнацыянальны горад, убіраючы ў сябе сучасныя еўрапейскія культурныя тэндэнцыі і з'яўляючыся цэнтрам паланізацыі, стаў асяроддзем культурнай трансфармацыі.

Спіс літаратуры

1. Нарысы гісторыі народнай асветы і педагагічнай думкі ў Беларусі. – Мінск : Народная асвета, 1968. – 624 с.
2. Шыбека, З.В. Гарадская цывілізацыя: Беларусь і свет. Курс лекцый / Захар Шыбека. – Вільня : ЕГУ, 2009. – 372 с.
3. Вабішчэвіч, А.М. Нацыянальна-культурнае жыццё Заходняй Беларусі (1921 – 1939 гг.) / А.М. Вабішэвіч ; Брэсц. дзярж. ун-т імя А.С. Пушкіна. – Брэст : БрДУ, 2008. – 319 с.
4. Харэўскі, С.В. Гісторыя мастацтва і дойлідства Беларусі / С.В. Харэўскі. – Вільня : ЕГУ, 2007. – 240 с.
5. Стасяк, А. Анализ обусловленнсти и последствий миграций из села в город в Польше / А. Стасяк // Миграция и урбанизация населения (на материалах Украины и Польши) : сб. науч. трудов / АН Украины, Ин-т экономики ; отв. ред. А.У. Хомра, П. Эберхардт. – Киев : Наук. Думка, 1992 – С. 4–18.
6. Красовский, К.К. Урбанизация в Беларуси: экономико-географический анализ: монография / К.К. Красовский. – Брест : БрГУ, 2004. – 203 с.
7. Mały rocznik statystyczny. – Warzawa, 1939. – 424 s.

8. Лабачэўская, В.А. Зберагаючы самабытнасць: З гісторыі народнага мастацтва і промыслаў Беларусі / В.А. Лабачэўская. – Мінск : Беларуская навука, 1998. – 375 с.
9. Цітовіч, І.У. Дзейнасць Польскага краязнаўчага таварыства на тэрыторыі Палескага ваяводства (1921–1939 гг.) / І.У. Цітовіч // Веснік Брэсцкага універсітэта. Серыя гуманітарных і грамадскіх навук. – 2003. – № 2. – С. 71–81.
10. Гісторыя беларускага мастацтва: у 6 т. / Рэдкал.: С.В. Марцэлеў [і інш.]. – Мінск : Навука і тэхніка, 1990. – Т. 4 : 1917–1941 гг. / Рэд. тома Л.М. Дробаў, В.Ф. Шматаў. – С. 291–338.
11. Язэп Драздовіч : альбом-манаграфія / уклад. М. Купава. – Мінск : Беллітфонд, 2002. – 180 с.
12. Маліноўская-Франке, Н.А. Мастацкі факультэт Універсітэта імя Стэфана Баторыя ў мастацкім жыцці міжваеннай Вільні / Н.А. Маліноўская-Франке // Ян Булгак і культура заходнебеларускага рэгіёну ў канцы XIXс. і да Другой сусветнай вайны : зб. наук. арт. / ГрДУ імя Янкі Купалы ; рэдкал. В.В. Швед (адк. рэд.) [і інш.]. – Гродна : ГрДУ, 2009. – С. 74–83.
13. Ярашэвіч, А.А. Баранавіцкі Пакроўскі сабор: навукова-папулярнае выданне / А.А.Ярашэвіч, І.Р.Томашава. – Мінск : Беларусь, 2008. – 106 с.
14. Всеобщая история архитектуры. В 12 т. / Редкол.: А.В.Иконников (отв. ред.) [и др.] – Москва: Стройиздат, 1973. – Т.11. – 888 с.
15. Архітэктура Беларусі: нарысы эвалюцыі ва ўсходнеславянскім і еўрапейскім кантэксце. У 4 т. / Рэдкал.: А.І.Лакотка [і інш.]. – Мінск : Беларусь, 2005. – Т. 4, кн. 2. – 790 с.

Аляксей Мікалаевіч Загідулін, кандыдат гістарычных навук, дацэнт, дацэнт кафедры гісторыі Беларусі Гродзенскага дзяржаўнага універсітэта імя Янкі Купалы. Навуковыя інтарэсы: гісторыя Беларусі ў міжваенны перыяд.

УДК 325.111(476):27-558(476)

Сяргей Харэўскі (Мінск-Вільня)

АРХІТЭКТУРА І РЭЛІГІЙНАЕ ЖЫЦЦЁ Ў ЗАХОДНЯЙ БЕЛАРУСІ 1915 – 1939 гг.*

Исследуется эволюция архитектуры Западной Белоруссии с 1915 по 1940 г. в условиях несоветского государственного строя. Показаны наиболее яркие примеры апробации новых архитектурных стилей при создании административных центров, государственном и культовом строительстве. При этом основное внимание уделено культовому зодчеству, активное развитие которого было обусловлено интенсивной религиозной жизнью.

У верасні 1915 г. Заходняя Беларусь, што была акупавана нямецкімі войскамі, а затым увайшла ў склад Польшчы, засталася рэгіёнам, дзе працягвалі развівацца рэлігійнае жыццё, традыцыі культавага дойлідства і апрабіравацца новыя архітэктурныя стылі. У новых гістарычных умовах міжваеннага часу архітэктарам давялося вырашаць задачы па стварэнні новых адміністратыўных цэнтраў, дзяржаўнаму і культаваму будаўніцву.

* Ілюстрацыі да артыкула Сяргея Харэўскага змешчаныя ў Дадатку 4.

Вялікі матэрыял па гісторыі культавага будаўніцтва змяшчае рэлігійная перыёдыка розных канфэсіяў 1920-30-х гг. Апроч царкоўнай перыёдыкі, мы карысталіся польскімі навуковымі выданнямі па архітэктуры, урбаністыцы і інш., у прыватнасці працамі Гарушэўскага, Брандта, Рэвеньскай, выдадзенымі ў 1920–1930 гг. Матэрыялы аб найноўшым культавым будаўніцтве рэгулярна змяшчалі такія мясцовыя часопісы і газеты, як «Ziemie», «Wiadomosci geograficzne» ды інш., а таксама шэраг кніг, прысвечаных гісторыі архітэктуры Расіі, Польшчы і Літвы. Намі таксама ў архівах Літвы і Польшчы была выяўленая праектная дакументацыя 1930-х гадоў на пабудову культавых будынкаў у м. Крэва, Смаргонскага раёну, в. Дрысвяты і м. Відзы, Браслаўскага раёну ды інш.

Высокага ўзроўню ў Заходняй Беларусі дасягнула архітэктура, літаратура, тэатр, музычная культура. Ажывілася таксама і рэлігійнае жыццё. Эканамічны пад'ём пасля Першай сусветнай вайны, масавай эміграцыі з СССР святароў, неабмежаванасць рэлігійнай прапаганды і роўнасць культаў (замацаваных у арт. 110–116 і арт. 120 Канстытуцыі Польшчы 1925 г.), значная экзальтаванасць грамадскай думкі як вынік працяглага часу вайны (1914 – 1921 гг.), сацыяльных катаклізмаў, абвостранага адчування канфесіянальнага і этнічнага вызначэння садзейнічалі пашырэнню практыкі культавага будаўніцтва. Наяўнасць кваліфікаваных архітэктараў, будаўнікоў, магчымасць атрымання грунтоўнай адукацыі ў Еўропе прадстаўлялі дастаткова кадраў для рашэння розных задач у культавым дойлідстве. 2 лістапада 1926 г. распараджэннем міністра грамадскай адукацыі было абвешчана абавязковым вывучэнне ва ўсіх школах рэлігіі па 2 гадзіны на тыдзень. Была магчымасць і свабоднага выезду з мэтай паломніцтва і ўезду для місіянераў розных канфесій. Зняцце колішніх сегрэгацыйных абмежаванняў спрыяла імкліваму росту колькасці такіх субэтнічных і рэлігійных меншасцяў, як стараверы, якія ў міжваенны час збудавалі на тэрыторыі Беларусі 11 новых цэркваў і малельняў [44], мусульманаў, якія аднаўлялі старыя і ўзвялі 7 новых мячэцяў і малельных дамоў [35] ды інш. Паводле польскай статыстыкі 1930-я гг., канфесійны склад насельніцтва быў такі: у Беластоцкім ваяводстве католікаў было 58,6 %, праваслаўных – 16,1 %, іудзеяў – 14,7 %, іншых – 1,6 %; у Віленскім ваяводстве: католікаў – 61,2 %, праваслаўных – 26,8 %, іудзеяў – 9,4 %, іншых – 2,6 %; у Навагрудскім ваяводстве: католікаў – 39,5 %, праваслаўных – 51,2 %, іудзеяў – 9 %, іншых – 0,3 %; у Палескім ваяводств: католікаў – 7,8 %, праваслаўныя – 79,2 %, іудзеі – 12,6 %, іншыя – 0,4 % [46].

Пры тым рэзка ўзмацніліся пазіцыі каталіцкай канфесіі. У выніку працэсу рэвіндыкацыі вярталіся культавыя будынкі і землі, якія раней належалі каталіцкай царкве лацінскага і ўсходняга абрадаў. Так былі вернутыя колішнія касцёлы ў Гродна, Брэсце Пінску, Стоўбцах, Навагрудку, Быцені ды інш. Часам гэта адбывалася ў аднабаковым парадку, без адмысловых працэсуальных працэдураў. Так, напрыклад, у сакавіку 1920 г. была вернута католікам былая уніяцкая Святадухаўская царква ў вёсцы Беліца Лідскага раёну. Падчас службы ў царкву ўвайшоў аддзел польскіх легіянераў з афіцэрам у суправаджэнні тутэйшых католікаў. Афіцэр абвясціў, што царква

ператвараецца ў касцёл, і запатрабаваў неадкладнага спынення набажэнства. Святар М. Валкоўскі скончыў службу і прычасціў адспавядаўшыхся. Пазней, у 1928 г., у Беліцы была пабудавана новая царква на праваслаўных могілках [37]. Разам з тым, працэс рэвіндыкацыі пасадзейнічаў інтэнсіўнаму новаму царкоўнаму будаўніцтву, бо замест аддадзеных каталікам храмаў, праваслаўным вернікам даводзілася часта будаваць новыя цэрквы.

У Заходняй Беларусі, што ў 1921 г. адышла да Польшчы, каталіцызм развіваўся ў польскім нацыянальным духу. Пакуль Віленскім біскупам быў Ю. Матусевіч (1918 – 1925), а ў Пінску – З. Лазінскі (да 1933 г.), антыбеларускія выступы польскага духавенства мелі прыватны характар. Аднак падчас падпісання канкардату паміж Ватыканам і Польшчай (10 лютага 1925 г.) былі ўключаны пункты, у якіх гаварылася, што ўжыванне беларускай мовы ў набажэнствах і катэхізацыі дзяцей павінна ўзгадняцца з польскім епіскапатам.

Істотным фактарам фарміравання архітэктуры 1920–1930 гг. з’яўляюцца багатыя нацыянальныя традыцыі дойлідства. Менавіта ў гэты перыяд зараджаецца практыка рэстаўрацыі і кансервацыі помнікаў на строга навуковай аснове. Так, да прыкладу, быў узноўлены воблік Фарнага касцёла ў Гродне (XV ст.), касцёла ў Гнезна (XV–XVI стст.), праведзена кансервацыя Лідскага, Крэўскага і Навагрудскага замкаў. Адначасова працягваюць плённа і паўнакроўна развівацца рэгіянальныя школы народнага драўлянага дойлідства (асабліва на Палессі), працягваючы шматвяковыя мясцовыя традыцыі. Гэта паўплывала і на фарміраванне нацыянал-рамантычнай плыні ў заходнебеларускіх землях: намеціўся пераход ад умоўна-рэтраспектыўных прыёмаў перыяду мадэрна да стварэння вобраза храма, які найбольш поўна і магутна ўвасабляе мясцовыя гістарычныя і мастацкія традыцыі. Паралельна нарастаюць тэндэнцыі функцыянальнага кшталту, якія са сферы свецкага грамадскага і жыллёвага будаўніцтва (казармы, банкі, віллы і г.д.) пранікаюць у культавую архітэктуру. Узаемадзеянне спецыфічных рыс розных культаў з канструктывізмам прыводзіла да стварэння ўразлівых вобразаў новага стылю. У новых храмах увасаблялася квінтэсенцыя не толькі таго або іншага рэлігійнага вучэння, але і архітэктурнага вобраза, перададзенага праз канструкцыю, якая максімальна адказвала духу найноўшага часу. Канструктывізм пакінуў заўважны след у архітэктуры 1920–1930 гг., у канцы 1930-х гг. дамінуючы ў грамадзянскім будаўніцтве. У 1920–1930 гг. у Заходняй Беларусі жылі, альбо стваралі праекты для нашага краю многія архітэктары, такія, напрыклад, як Антоні Вівульскі, Юзэф Дзэконьскі, Мар'ян Лялевіч, Гэнрык Гай ды інш. Разнастайнасць задач, якія стаяць перад архітэктарамі пачатку XX ст., прадвызначыла разнастайнасць іх творчых почыркаў: так, у рэчышчы неакласіцызму працаваў Філісевіч, неабарока – Жаландкоўскі, Вакер, Шлютэр і інш. Заснавальнікам беларускага нацыянальнага стылю ў дойлідстве стаў Леў Вітан-Дубейкаўскі [9, с. 38; 29 с. 32 –51].

Калі беларуская інтэлігенцыя (як і заходнеўкраінская і літоўская) угледжвала ў сваёй дзейнасці шлях да стварэння нацыянальнай культуры, то польская змагалася з расійскай спадчынай, нарошчвала асабісты экспансіянізм. Як пісала даследчыца Рэвеньская, цытуючы польскага урбаніста Брандта:

«...праз гарады і мястэчкі паўночна-ўсходняй Польшчы прайшло выразнае дыханне Масквы» [34, с.12]. Значыцца, мэта – «ачышчэнне» паўночна-ўсходняй Польшчы (паўночна-заходняй Беларусі) ад «маскоўскіх» уплываў, г.зн. хутчэйшае надданне ёй чыста польскага выгляду.

Галоўным клопатам адміністрацыі, як сведчаць дакументы, стала праблема размяшчэння староства, яго аддзелаў, іншых устаноў, раскватаравання служачых і іх сем'яў. Грамадскіх будынкаў амаль не было, а дамы местачкоўцаў па памерах саступалі часам вясковым хатам. З падобнымі праблемамі сутыкаліся павятовыя і ваяводскія ўлады і ў некаторых іншых паселішчах усходніх ваяводстваў.

Вырашыць праблему прызвана была дзяржаўная акцыя па ўзвядзенні спецыяльных комплексаў адміністрацыйных і жылых будынкаў – так званых калоній дзяржаўных дамоў. Акцыя пачала рыхтавацца ў 1923 г. Калоніі меркавалася ўзвесці ў 44 паселішчах Навагрудскага, Палескага, Валынскага і Віленскага ваяводстваў, прычым на Віленшчыну прыходзілася 16 паселішчаў. [34]. Да ўдзелу ў акцыі былі прыцягнуты архітэктары з Варшавы, некаторых іншых гарадоў Польшчы. Архітэктарам давалася замова на распрацоўку тыпаў дамоў для забудовы, сітуацыйных планаў (урбаністычных праектаў), даручаўся нагляд за ажыццяўленнем праектаў. Сярод групы архітэктараў, прыцягнутых да працы, быў і прафесар Ю. Клос. Ён распрацаваў праекты двух тыпаў жылых дамоў (усяго над 33 тыпамі будынкаў працавалі 14 архітэктараў) [45, ст.28]. 19 іншых архітэктараў выконвалі урбаністычныя праекты. Існавалі прынцыповыя патрабаванні да ўсіх распрацоўшчыкаў гэтых праектаў – новыя калоніі павінны былі гарманічна спалучацца з мясцовымі забудовамі і адпавядаць сучаснаму ўзроўню урбаністыкі. Чакалася, што акцыя паспрыяе не толькі канкрэтнаму рашэнню праблем з будынкамі, але будзе карыснай і ў ідэалагічным сэнсе – адлюструе трываласць і стабільнасць новай ўлады, пасадзейнічае развіццю культуры [40, с.12].

У межах нацыянал-рамантызму развіваліся ў 1920–1930 гг. інтэрпрэтацыі барока. Тут архітэктары адыйшлі ад фармальнага разумення марфалагічных прыкмет стылю XVI–XVIII стст. Да 1920-х гг. з'явілася разуменне яскравых асаблівасцей беларускага барока (у тым ліку і «віленскага» барока), адрозненне архітэктурных школ Беларусі ад школ іншых рэгіёнаў Еўропы. У літаратуры гэтыя павевы знайшлі свае назвы: «кшталт дваркоў шляхецкіх», «тарапольскі кшталт» альбо «старапанскі» [34]. Новая хваля «неабарока», абапіраючыся на дэкаратыўна-пластычныя формы ўласнай архітэктурнай спадчыны, актыўна іх прапагандавала, найперш у грамадскім будаўніцтве (ваяводскія канторы, паштамты, вакзалы, напрыклад, у Слоніме, Смаргоні і г.д.). Тут выявілася тэндэнцыя да падкрэслення «крэсовых» традыцый, што цалкам адпавядала мясцовым патрыятычным настроям. На Браслаўшчыне гэтую плынь стылю «шляхецкіх дваркоў» плённа развіў Юліюш Клос. У духу «крэсовага» барока ён спраектаваў цэлы ансамбль «калоніі для ўраднікаў» для Браслава. Барочны неарамантызм характэрны, прыкладам, для будынкаў ваеннага ведамства ў Слоніме, пабудаваных у пачатку 1920-х гг. паводле праекта архітэктараў В. Векера і З. Тарасіна. Гэтыя

будынкі створаны паводле новай канструктыўнай схемы [16].

Рацыянальная свабодная планіроўка спалучалася ў іх з рэтраспектыўнымі архітэктурнымі элементамі, запазычанымі са спадчыны XVII–XVIII стст. Касцёлы ў духу новага барока паўсталі ў Солах, Баранавічах, Анжадова і ў іншых мясцовасцях. Яркім прыкладам неабарока можа служыць касцёл Найсвяцейшага Сэрца Ісуса ў в. Пелішчы Камянецкага раёна. Ён быў пабудаваны ў 1934 г. і рэпрэзентуе сабой стылізатарскі накірунак гістарызму. Рознавялікія аб'ёмы касцёла – малельная зала, бакавыя сакрысціі і алтарная частка – перакрытыя агульным чарапічным дахам. Галоўны фасад вылучаецца вежай-званіцай, што таксама лучыцца з асноўным аб'ёмам суцэльным дахам. Уваход у храм, на галоўным фасадзе, афармлены ў выглядзе манументальнага парталу з барочным картушам. Стылістыка гэтага касцёла ў Пелішчы – адзін з найбольш удалых прыкладаў ансамблевага вырашэння мастацкіх задач. Гэтаму ў значнай ступені садзейнічае аўтэнтычная барочная скульптура, дэкаратыўная драўляная разьба XVII–XVIII стст., перанесеныя ў новы храм са старога, згарэўшага падчас вайны.

Найбольш паказальным прыкладам перапрацоўкі мастацкай спадчыны барока і яскравай індывідуальнасці можа паслужыць касцёл Маці Божай Ружанцовай у в. Солы (Смаргонскі раён). У 1915 г., у пару Першай сусветнай вайны, сольскі касцёл разам з усёй яго культавай маёмасцю спалілі расійскія казакі. Пэўны час сольскія парафіяне не мелі сталага месца для набажэнстваў. Імша правілася ў суседняй вёсцы Івашкаўцы ў драўляным касцёльчыку, які ўзнік пры тутэйшай капліцы. Будаўніцтва новага касцёла з каменя і цэглы распачалося ў 1926 г. Вуглавы камень будучай святыні быў асвечаны 24 чэрвеня 1928 г. ксяндзом-канонікам Каралем Любянцом. Узвядзенне касцёла ішло пад кіраўніцтвам інжынера Адама Дубановіча пры ўдзеле ксяндза-пробашча Уладзіслава Курпіса-Гарбоўскага, фундатара Баніфацыя Трахневіча, а таксама Юзафа Захарэўскага. Гэта была народная будоўля, бо практычна ўсе жыхары Солаў і навакольных вёсак бралі ўдзел у будаўніцтве касцёла і мелі вялікую радасць з той калектыўнай працы. Будаўніцтва святыні было завершана ў 1934 г. Будынак мае ярка выражаную асіметрычную кампазіцыю. Яго аб'ём актыўна разгортваецца ў прасторы і разлічаны на ўспрыняцце з розных кропак. Асновай кампазіцыі з'яўляецца аб'ём цэнтральнага нефа з высокай страхой з дахоўкі над алтарнай часткай храма. Адметную своеасаблівасць касцёлу надаюць нетрадыцыйныя галерэі-аркады, размешчаныя ўздоўж бакавых фасадаў асноўнага аб'ёму. Цэнтральны фасад абагачаны паўуваходным тамбурам-прытворам з невялікім парталам. Вертыкальную дамінанту касцёла фарміруе двух'ярусная (шасцярык на чацверыке) вежа-званіца са складанапрафіліраваным шатром і шпілем, крытым медзю. Званіцу кампазіцыйна падтрымлівае невялікая шасцігранная вежка светавога барабана, змешчанага над сярэднекрыжжам, таксама крытыя фігурным дахам з тонкім высокім шпілем. Фасады нефа і крылаў трансепта дэкараваныя магутнымі фігурнымі шчыпцамі з пульсуючымі карнізамі і валютамі ў стылі барока. Пластыку фасадаў падкрэсліваюць прыступкавыя контрфорсы, якія маюць чыста дэкаратыўную функцыю. Асіметрыю галоўнага

фасада падкрэсьлівае не толькі званіца, але і скульптура Марціна на пастаменце, які вянчае бакавы пілон, што фланкуе фасад злева. Дэкаратыўнае афармленне інтэр'ера сціплае: перакрыжаванне паўцыркульных, паўсферычных, ярка асветленых шматколькаснымі аконнымі праёмамі аб'ёмаў. Сцены часткова аспісаны дэкаратыўнымі фрэскамі, пераважна ў алтары. Паколькі касцёл мае тытул Маці Божай Ружанцовай, усе яго роспісы звязаны з тэмай Маці Божай, якія зрабіў выдатны беларускі мастак, майстар манументальнага жывапісу Пётр Сергіевіч. Дапамагаў Пятру Сергіевічу ў афармленні касцёла Фелікс Табер. Архітэктура касцёла ў Солах характарызуецца адыходам ад імітатарства эклектызму, выкарыстаннем з мэтай стварэння пластычнага вобраза новых матэрыялаў (бетон, сталь), свабодным іх спалучэннем з прыродным каменем і штукатуркай. Зварот да традыцыйных элементаў барочнай архітэктуры –адна з вызначальных рыс беларускага нацыянал-рамантызму 1920-х гг.

Яшчэ адным прыкметным помнікам неабарока 1920–1930-х гг. у Заходняй Беларусі ёсць драўляны касцёл Узвышэння Святога Крыжа ў Баранавічах. Гэты будынак быў пастаўлены ў 1924 г. паводле праекта архітэктара Ежы Жаландкоўскага. У ліпені 1923 г. у баранавіцкую парафію прыехаў кс. Люцыян Жаландкоўскі, які арганізаваў камітэт пабудовы касцёла. Па яго рашэнні каплічку адсунулі і на яе месцы ўзвялі драўляны касцёл вышынёй 15 м. 18 кастрычніка 1925 г. сам біскуп Зыгмунт Лазінскі асвяціў яго пад тытулам Узвышэння Святога Крыжа. Апрача касцёла Узвышэння Св. Крыжа, да ўз'яднання з СССР у Баранавічах былі яшчэ два касцёлы. Касцёл Маці Божай Каралевы Польшчы быў адчынены ў 1937 г. у раёне Баранавічы-Палескія. Другім быў вайсковы, гарнізонны касцёл св. Антонія Падуанскага, што існаваў ад пачатку 1920-х гг. У 1938 г. місіянеры закона Божага Слова – вербісты пачалі ў Баранавічах справу евангелізацыі. У тым жа годзе ў цэнтры мястэчка імі былі закладзены падмуркі новага касцёла і кляштара [43].

Пачынаючы з 1910-х гг. у архітэктуры Цэнтральнай Еўропы, у супрацьпастаўленні да «бесстылёвасці» эклектыкі і нарастаючай атэктанічнасці мадэрну, пачала крышталізавацца новая хваля класіцызму. Гэтае памкненне да гармоніі і яснасці вобразаў, замяшанае на боязі найноўшых тэхналогій, якія прынесла з сабою індустрыяльная рэвалюцыя, атрымала назву «неакласіцызм». Аднак неўзабаве высветлілася, наколькі бесперспектыўным апынуўся гэты зварот у мінулае (дарэчы, не такое і даўняе). Памкненне да «чысціні» дойліды, адпаведна свайму тэмпераменту і таленту, успрымалі па-рознаму. Для юнага француза Агюста Пэррэ класічныя прыёмы былі толькі прыступкай да авангарднага функцыяналізму. Для Пітэра Берэнса (якому пазней наследаваў Іосіф Лангбард) гэта было ўдалым супадзеннем, якое яшчэ больш падкрэслівала магутнасць яго канструктывізму. Для славутага аўстрыйскага архітэктара Ота Вагнэра неакласіка стала адной з фарбаў на яго непаўторнай палітры архітэктурных прыёмаў [4].

Напрыканцы 1920-х гг. і пачатку 1930-х гг. неакласіцызм атрымаў шырокае распаўсюджванне ў архітэктурных школах Італіі, Нямеччыны і СССР у выглядзе маштабных спарудаў, якія адлюстроўвалі таталітарныя ідэалогіі. У

другой палове 1920-х гг. неакласіцызм вярнуўся і ў Заходнюю Беларусь. Гэта была ўжо другая хваля беларускага неакласіцызму. У той час, пакуль сакральнае дойлідства па-ранейшаму кампілявала ў рэтраспектыўных стылях, класіцыстычныя формы прыйшлі на змену неабарока ў архітэктуры дзяржаўных устаноў, жылых дамоў і крам.

Таксама ў якасці прыкладу неакласіцыстычнага накірунку можна прывесці касцёл Найсвяцейшага Сэрца Ісуса і Святога Юзафа ў вёсцы Занявічы Гродзенскага раёна. Пабудаваны ён у 1917 г., паводле папярэдняга праекта 1908 г. [2].Прастакутны ў плане яго аб'ём акцэнтаваны чатырохкалонным порцікам на галоўным фасадзе. Апроч даволі грувасткіх калон тасканскага ордэру, што надаюць манументальны характар невялікаму храму, у яго аздобе выкарастаныя іншыя класіцыстычныя элементы – неглыбокая вуглавая рустоўка, рытмічна выкарыстаныя вертыкальныя цягі, бленды і прастакутныя нішы. Высокія паўцыркульныя аконныя праёмы, з квадратнымі панэлямі па цокалі, ствараюць цэласную кампазіцыю бакавых фасадаў і алтарнай часткі. Вельмі светлы інтэр'ер, аздоблены прасцейшымі дэкаратыўнымі элементамі з класічнага дэкору, робіць уражанне вялікай прасторы.

Шэдэўрам беларускага неакласіцызму стаў баранавіцкі Свята-Пакроўскі сабор. Ён быў пастаўлены на працягу сямі гадоў, з 1924 па 1931 г. Асноўны аб'ём бажніцы – чатырохслуповы ў плане куб з прымыкаючымі да яго трыма паўкруглымі апсідамі, пакрыты вялікім (найбольшым па тым часе ў краі) купалам з шасцю круглымі люкарнамі па ўсім дыямэтры, якія наскрозь асвятляюць пакупальную прастору інтэр'ера. Купал (у трэць сферы) сканструяваны ў дзве абалонкі, увянчаны шарам з крыжам. З заходняга боку, ад галоўнага фасада, працяглая, завужаная трапезная злучае асноўны аб'ём з квадратнай у плане трох'яруснай стромкай званіцай, якая заканчваецца чатырохгранным цыбулепадобным шатром з высокім шпілем.

Будаўніцтва сабора перацярпела шэраг істотных змен. Першапачаткова планавалася ўзвесці невялікую драўляную царкву па праекце архітэктара Ежы Жаландкоўскага. Але ў той самы час урад Польшчы вырашыў знесці ў цэнтры Варшавы расійскі кафедральны сабор Аляксандра Неўскага, які ўвасабляў сабой трыумф Расійскай імперыі над Польшчай. Гэтая каласальная бажніца ў псеўдарускім стылі была пабудавана ў 1902 г. па праекце славутага пецярбурскага архітэктара Лявонція Бенуа (які ў той самы час пабудаваў у Пецярбургу неараманскі касцёл у Ковенскім завулку). У 1923 г. было вырашана яго ліквідаваць. Але перад польскімі ўладамі паўстала праблема: як захаваць унікальныя мазаікі з гэтага сабора. Буйныя мазаічныя пано для варшаўскага сабора былі выкананы ў Пецярбургу, у буйнейшай у тыя часы мазаічнай майстэрні В. Фралова. Мазаікі былі выкананыя паводле кардонаў і пад кіраўніцтвам славутых расійскіх мастакоў: М. Бруні, В. Васняцова, М. Кошалева і В. Думітрашкі. Унікальны мастацкі твор вырашана было закансерваваць, зняўшы са сцен сабора. Для іх размяшчэння спатрэбілася іншае прыдатнае месца. Выбар выпаў на Баранавічы, дзе па патрабаванні праваслаўнага кліру было вырашана пабудаваць бажніцу выключных памераў

(з улікамі на веравызнанне большасці тутэйшага люду). Першапачаткова новая бажніца была задумана як паменшаная копія знесенага сабора ў Варшаве. Прыступілі да работы. Але, на шчасце, ад гэтай ідэі адмовіліся. Ад першага праекта засталіся толькі вялікія падземныя і цокальныя памяшканні. Шукаць стылістычных аналагаў Пакроўскаму сабору ўсё ж бессэнсоўна. Па-першае, у тыя гады, бадай, толькі на Заходняй Беларусі былі магчымасці разгарнуць такія работы для пабудовы праваслаўнага храма. Па-другое, спецыфічныя задачы (экспанаваць ацалелыя мазаікі) вымагалі ад будаўнікоў і спецыфічных архітэктурных прыёмаў.

На працягу 1926–1927 гг. карпатліва закансерваваныя мазаікі былі перавезены з Варшавы ў Баранавічы. Зробленыя ў сталіцы Расіі, адслужыўшы сваё ў сталіцы Польшчы, гэтыя шэдэўры мазаічнага рамяства знайшлі прыстанак у Беларусі. Мазаіка В. Васняцова «Маці Божая з малым Хрыстом», фрагмент некалі вялікай кампазіцыі «Пра цябе радуемся», змешчана ў канцы апсіды, у алтарнай частцы. Мазаіка «Спас з данатарам», у тымпане франтона паўднёвага портыка, і «Дэісус», у портыку з поўначы, выраблены па кардонах М. Кошалева. «Данатар» на каленях перад Хрыстом – партрэт архітэктара Бенуа з мадэллю варшаўскага сабора ў далонях. Па кардонах акадэміка М. Бруні зробленыя мазаікі «Маці Божая з анёлам» (у інтэр’еры над паўднёвым уваходам), а таксама фрагмент кампазіцыі «Сабор архістраціга Міхаіла» (у тымпане паўночнага портыка). У інтэр’еры сабора ёсць таксама яшчэ дзве мазаікі В. Думітрашкі: на паўночным стаўпе – выява мітрапаліта Алексія, на паўднёвым – Іосіфа Валоцкага. Мастацтва мазаікі было фактычна невядомае ў Беларусі да XX ст. Яго з’яўленне ў нашым краі – частка культурніцкага экспарту з Расіі. Ці то гэта тычыцца мазаікі на фасадзе капліцы-пахавальні Святаполк-Мірскіх у Міры (таксама з майстэрні Фралова), ці то на Кафедральным саборы ў Мінску, дзесяць гадоў таму прывезенай з Масквы, гэта ўсё ж толькі экспарт. Але сваімі маштабамі мазаічны цыкл у Баранавічах не мае сабе роўных у Беларусі (і не толькі), таксама ж як і сам праект – пабудаваць для ўжо існуючых мастацкіх работ спецыяльны сабор [36].

У інтэр’еры Пакроўскага сабора збярогся таксама адзін з найбольшых у Беларусі іканастасаў. Выкананы ў псеўдавізантыйскім духу паміж 1929–1930 гг., ён быў адмыслова прызначаны для абразоў з варшаўскага сабора. Абразы, напісаныя і ў акадэмічнай манеры, і ў «рускай», уяўляюць сабой унікальныя ўзоры афіцыйнага мастацтва, якія выканалі класікі расійскага жывапісу: Васняцоў, Бруні, Урубель. Сярод усёй архітэктуры Беларусі Пакроўскі сабор у Баранавічах застаўся найбуйнейшым помнікам неакласіцызму і самай значнай сакральнай пабудовай XX ст., давершанай ў 1932 г. [42]

У міжваенны час распаўсюдзілася мода на перабудовы аўтэнтычных будынкаў папярэдніх эпох у гістарычных стылях. Так, старасвецкі касцёл у Багданаве, моцна пашкоджаны ў вайну, быў адноўлены ў «спрадвечным духу» ў 1933 г. мастаком і дэкаратарам Фердынандам Рушчыцам, атрымаўшы больш суровае, больш фальклорнае афармленне. Тады ж былі пабудаваны бакавыя вежы на фасадзе. Значную рэканструкцыю ў 1934 г. перацярпеў касцёл у в. Ваверцы Лідскага раёна пад кіраўніцтвам дойліда Антонія Бейкі з Вільні.

Будынак значна пашырылі, разабралі дзве сцяны. Вонкава храм набыў рысы неабарока – было заменена пластычнае ўбранне дэкору, купалы на вежах. Цікавы прыклад культавай архітэктуры гэтай плыні – касцёл Пятра і Паўла ў в. Ражанка Шчучынскага раёна. Дзякуючы сваёй манументальнасці і чысціні стылізацыі гэты помнік можа лічыцца лепшым узорам нацыянал-рамантызму ў неагатычным стылі. Аснову пабудовы складае касцёл, узведзены ў 1674 г. Сучасныя рысы ён набыў у 1924–1925 гг. у выніку асноўнай рэканструкцыі.

Архітэктура Заходняй Беларусі прайшла няпростую эвалюцыю з 1915 па 1940 г., ва ўмовах несавецкага дзяржаўнага ладу. Тым больш цікавым і каштоўным падаецца нам традыцыя культавай архітэктуры, што пратрывала на нашых землях да сярэдзіны XX ст. Шматлікія храмы, што былі запраектаваныя яшчэ напярэдадні Першай сусветнай вайны і дабудоўваліся ва ўмовах нямецкай акупацыі, мелі відавочна рэтраспектыўны характар, пераважна неагатычны. Перыяд першай нямецкай акупацыі характарызаваўся адменаю шматлікіх бюракратычных бар’ераў для неправаслаўных рэлігійных суполак і, адпаведна, усплёскам храмавага будаўніцтва. Аднак ва ўмовах вайны і гаспадарчага крызісу яны вызначаліся даволі сціплымі памерамі і таннасцю матэрыялаў.

У выніку кампаніі рэвіндыкацыі ў праваслаўнай царквы былі аднятыя шматлікія храмы, што некалі належалі каталіцкай царкве (усходняга і рымскага абрадаў) і вернутыя першаўласнікам. З аднаго боку, гэта прывяло да часовага крызісу ў рэлігійным жыцці, а з іншага – стымулявала новае царкоўнае будаўніцтва праваслаўнай канфесіі.

Напрыканцы 1920-х гг. у сакральным дойлідстве імкліва пачаў ствараццa нацыянальны стыль у рэчышчы нацыянальнага рамантызму. Вялікая заслуга ў стварэнні ўласна беларускага нацыянальнага стылю належыць Льву Вітану-Дубейкаўскаму.

Крыніцамі пошукаў нацыянальных рамантыстаў была цікавасць да неабарока, што стала вельмі папулярным і ў цывільным, дзяржаўным будаўніцтве, імпарт прыёмаў гэтак званых *закапанскага*, *татранскага*, *старапольскага* стыляў, што ўжо склаліся ў Польшчы перад Першай сусветнай вайной. Прыблізна адначасова з пошукамі палякаў і ўкраінцаў была запачаткаваная і беларуская тэорыя нацыянальнага стылю ў драўляным будаўніцтве. Яе пачынальнікам стаў Леў Вітан-Дубейкаўскі, які з’яўляецца аўтарам спецыяльнай работы «Эвалюцыя і рэформа дзераўлянага будоўніцтва» [9, с. 40-44]. З 1930-х гг. малапамернае культавае будаўніцтва рымска-каталіцкай царквы, пры дзяржаўнай падтрымцы, пераважна драўлянае, набыло масавы характар. Стылістычна будынкі гэтай пары характарызуюцца ўмоўна-рэтраспектыўнымі рысамі, з вялікім уплывам традыцыйных мясцовых будаўнічых прыёмаў. Пэўнае развіццё ў 1930-я гг. у Заходняй Беларусі атрымаў і неакласіцызм. Гэтак, Свята-Пакроўскі сабор у Баранавічах стаў самым адметным збудаваннем у гэтым кірунку ў даваеннай Беларусі. Напрыканцы 1930-х гг. паўсталі храмы ў мадэрнізацыйным духу тагачаснага канструктывізму. Новыя тэхналагічныя прыёмы і матэрыяльныя магчымасці дазволілі ствараць іншыя, нетрадыцыйныя вобразы храмавых будынкаў.

Уз'яднанне Усходняй і Заходняй Беларусі ўзнавіла «рэлігійнае пытанне», бо ў Заходняй Беларусі да 1939 г. дзейнічала 446 касцёлаў, 542 царквы, 387 сінагог, 14 манастыроў. Святарскую паслугу выконвала 617 каталіцкіх, 606 праваслаўных святароў, 293 рабіны. Да 1939 г. у СССР налічвалася 50 тыс. каталікоў, пасля далучэння – 6,5 млн. Савецкая ўлада, адкрыта прапагандуючы атэізм, распачала бязлітаснае змаганне з вернікамі і клірам. Ужо да вайны новая ўлада адразу пачала з арышту святароў і закрыцця храмаў. Але ажыццявіць задуманае не паспелі: пачалася вайна. Масавы пасляваенны тэрор у адносінах да жыхароў Заходняй Беларусі, татальнае знішчэнне культавых цэнтраў, эміграцыя альбо фізічнае знішчэнне ўсёй даваеннай інтэлігенцыі нанеслі невяртальны ўрон беларускай культуры. На жаль, большасць храмаў 1920–1930 гг. да нас не дайшло, многія моцна перабудаваныя і прыстасаваныя да іншых мэтаў. Пасля Другой сусветнай вайны новая культавая архітэктура ў Беларусі як адзін з тыпаў сучаснага будаўніцтва перастала існаваць увогуле да 1991 г.

Спіс крыніц і літаратуры

1. Архітэктура Беларусі. – Мінск, 1993.
2. Вашкевіч, А., Нарэль Д., Паміж Ласоснай і Чорнай Ганчай / А. Вашкевіч, Д. Нарэль. – Мінск, 2006.
3. Vitan Kvetka. Liavon Vitan-Dubiajkoūski. – New York, 1954.
4. Wujek, Jakub. Mity i utopie architektury XX wieku / J. Wujek. – Arkady, Warszawa, 1986.
5. Габрусь, Т. В. Мураваныя харалы: Сакральная архітэктура беларускага барока / Т. В. Габрусь. – Мінск, 2001.
6. Габрусь, Т.В. Памяць. Докшыцкі раён / Т. В. Габрусь. – Мінск, 2004.
7. Гівойна, І. З гісторыі Крупскага касцёла / І. Гівойна // Лідскі летапісец. – № 16.
8. Гісторыя беларускага мастацтва. – Т. 3. – Мінск, 1989.
9. Глініік, В. Л. Вітан-Дубейкаўскі: старонкі бяграфіі / В. Глініік // Строительство и архитектура Белоруссии. – №5. – 1991.
10. Dzwonkowski, R. SAG. Kościół katolicki w ZSRR 1917–1939 / R. Dzwonkowski. – Lublin, 1997.
11. Дзярновіч, А.І. Лёс Крэва / А. І. Дзярновіч, А. А. Трусаў, М. Чарняўскі. – Мінск, 1993.
12. Życie Tatarskie. – Wilno, 1934
13. Збор помнікаў гісторыі і культуры Беларусі. Брэсцкая вобласць. – Мінск, 1984.
14. Збор помнікаў гісторыі і культуры Беларусі. Віцебская вобласць. – Мінск, 1985.
15. Збор помнікаў гісторыі і культуры Беларусі. Гродзенская вобласць. – Мінск, 1985.
16. Караткевіч, В.Б. Помнікі Слоніма / В.Б. Караткевіч, А.М. Кулагін. – Мінск, 1983.
17. Каталіцкія святыні. – Т.1. Pro Christo. – Мінск, 2003.
18. Keczynscy, E. i A. Drewniane cerkwie Bialostocczyzny. – Bialystok-Bialowieħa, 1999.
19. Klos, J. Wilno. Przewodnik krajoznawczy / J. Klos. – Wilno, 1937.
20. Korpus Poleski 1918–1928. – Brzeście, 1928.
21. Kudaba Ceslovas. Nerimi. – Vilnius; Mintis, 1985.
22. Kaiamajska-Saeed Maria. Kościóły i klasztory rzymskokatolickie dawnego wojewydztwa nowogrudzkiego.– Krakow, 2006.
23. Кулагін, А.М. Каталіцкія храмы на Беларусі / А.М. Кулагін. – Мінск, 2000.
24. Кулагін, А.М. Праваслаўныя храмы на Беларусі / А.М. Кулагін. – Мінск, 2002.
25. Кудаба, Ч. Па Віліі / Ч. Кудаба. – Мінск, 1992.
26. Лакотка, А. Беларусы: т. 2. Дойлідства / А. Лакотка. – Мінск,1997.

27. Лакотка, А. Пад стрэхамі прашчураў / А. Лакотка. – Мінск, 1995.
28. Лакотка, А. Нацыянальныя рысы беларускай архітэктуры / А. Лакотка. – Мінск, 1999.
29. Ляхоўскі, Ул. Рупіўся дзеля Бога і людзей. Жыццёвы шлях Лявона Вітан-Дубейкаўскага / Ул. Ляхоўскі // Наша Вера. – 1997. – № 4.
30. Mironowicz Eugeniusz. Polityczne uwarunkowania funkcjonowania Kościóła prawosławnego w Polsce w latach 1920-1939 // Białoruskie Zeszyty Historyczne. – nr 24, 2005.
31. Moroz, M. «Krynica». Ideolõgia i przywydcy białoruskiego katolicyzmu / M. Moroz. – Białystok, 2001.
32. Несцярчук, Л.М. Замкі, палацы, паркі Берасцейшчыны X–XX стагоддзяў / Л.М. Несцярчук. – Мінск, 2002.
33. Papierzyńska-Turek M., Między tradycją a rzeczywistością. Państwo wobec prawosławia 1918-1939. – Warszawa, 1989.
34. Rewienska, W. Rozmieszczenie miast i miasteczek w pyłnocno-wschodniej Polsce. – Wilno, 1938.
35. Rocznik Tatarski. – Wilno, 1932. – T. 1. – 364 p.
36. Свод памятников истории и культуры Белоруссии. Брестская область. – Минск, 1990.
37. Сліўкін, В. Крыж і капліца ў Цвермах / В. Сліўкін // Лідскі летапісец. – № 13-14-1.
38. Spis kościółów i duchowieństwa Diecezji Pinskiej w R.P. – Pinsk, 1935.
39. Харэўскі, С. Беларускі стыль у будаўніцтве 1921–1939 гг. (Лявон Вітан-Дубейкаўскі) / С. Харэўскі // Bialoruskie Zeszyty Historyczne. – № 18. – 2002.
40. Харэўскі С. Культавае дойлідства Заходняй Беларусі 1915–1940 гг. – Вільня, 2008.
41. Харэўскі, С. Сто твораў мастацтва XX стагодзьдзя: Лявон Вітан-Дубейкаўскі. Касьцёл Пятра і Паўла / С. Харэўскі // Наша Ніва. – № 36 (97). – 1997.
42. Харэўскі, С. Сто твораў мастацтва XX стагодзьдзя: Пакроўскі сабор у Баранавічах / С. Харэўскі // Наша Ніва. – № 42 (103). – 1997.
43. «Chrzescijanski kalendarz» – przewodnik Baranowicki na rok 1937. – Baranowicze, 1937.
44. Шыдлоўскі, К. Архітэктурная спадчына Браслаўшчыны / К. Шыдлоўскі. – Мінск, 1996.
45. Шыдлоўскі, К. Дзейнасць архітэктара Юліўша Клоса на Браслаўшчыне / К. Шыдлоўскі // Przeglad Wschodni. – t.VII – z.4(28). – 2001.
46. Хрысціянства ў гістарычным лёсе беларускага народу / Пад рэд. Марозавай С.В., Ярмусіка Э.С. – Гродна, 2008..

Сяргей Харэўскі (нар.1967), культуролаг, мастацтвазнаўца, гісторык архітэктуры, ст. выкладчык ЕГУ. Скончыў выкладчыцкае аддзяленне Мінскага мастацкага вучылішча імя А. Глебава, факультэт эогрыі і гісторыі мастацтваў Інстытута імя І. Рэпіна, АМ СССР (Пецярбург), аспірантуру Беларускай дзяржаўнай АМ. Выкладаў у Вільнюскім педагагічным універсітэце, Карлавым універсітэце (Чэхія), у Беларускай дзяржаўнай АМ.

УДК 27(476.6)

Святлана Сілава (Гродна)

БАРАЦЬБА З РЭЛІГІЯЙ І МЕНТАЛЬНАСЦЬ ГАРАДЖАН ГРОДЗЕНШЧЫНЫ Ў 50–60-Я ГАДЫ XX СТ. (НА ПРЫКЛАДЗЕ ПРАВАСЛАЎНАЙ ЦАРКВЫ)

В белорусской историографии период «хрущевской оттепели» еще недостаточно изучен и полон стереотипов и идеологических штампов. В статье автор анализирует

политику советского государства по отношению к Православной Церкви на территории Гродненщины, акцентирует внимание на отношение населения городов на закрытие храмов и ликвидацию общин в период 50–60-х г. XX века.

Ёсць стэрэатыпы ўспрымання эпох. Так, пры згадванні гадоў кіравання Хрушчова ў СССР большасць называюць XX з'езд КПСС, праграму будаўніцтва камунізму за дваццаць гадоў, першы палёт касманаўта. А між іншым менавіта гады кіравання Хрушчова сталі цяжкім выпрабаваннем для існавання Праваслаўнай Царквы ў савецкім грамадстве. Яшчэ ў 1944 г. пачаліся арышты гродзенскіх святароў, а вось акцыі па зачыненні храмаў і ліквідацыі манастыроў і духоўных навучальных устаноў прыйшліся на пачатак 60-х гадоў. Менавіта ў закрыцці храмаў савецкі партыйны лідэр бачыў самы лепшы сродак для барацьбы з Царквой.

Паводле дзяржаўнай палітыкі таго часу, рэлігійныя аб'яднанні не павінны былі існаваць у савецкай дзяржаве [2, с. 33]. Вырашальны ўплыў на ўзмацненне жорсткасці кантролю дзейнасці царквы і ўзмацненне навукова-атэістычнай прапаганды сярод насельніцтва аказала Пастанова ЦК КПСС ад 13 студзеня 1960 г. «О мерах по ликвидации нарушений духовенством советского законодательства о культах» і падобная Пастанова ЦК КПБ ад 3 лютага 1960 г.

З вясны 1949 да пачатку 1950 года Гродзенскую кафедру ўзначальваў владыка Паісій (Абразцоў). Аднак ўжо з красавіка па снежань 1951 яго змяніў архіепіскап Сергій (Ларын). У 1952 г. самастойная Гродзенская епархія была скасавана. Да 1992 г. яе акармлялі архіерэі Мінска-Беларускай епархіі. На 1 студзеня 1960 г. на тэрыторыі Гродзенскай вобласці было 176 цэркваў і малельных дамоў. Пасля далучэння ў пачатку лютага к вобласці Смаргонскага, Ашмянскага і Юрацішкаўскага раёна іх колькасць павялічылася да 197 [4].

Пасля вайны ўлады ўсталявалі без перабольшання антырэлігійны тэрор. За наведванне царквы, касцёла маглі звольніць з працы, выключыць з інстытута. Царкве рабіліся ўсе магчымыя перашкоды ў ажыццяўленні яе функцый. Уціск ішоў адразу па ўсіх накірунках: абкладалі велізарнымі падаткамі, не дазвалялі праводзіць святочныя богаслужэнні і хросныя хады, прыцягвалі да адказнасці вернікаў.

І усё ж людзі хадзілі ў храмы. У канцы 1940–1950-х гг. рэлігійныя святы праводзіліся ў Гродне пры вялікім наплыве вернікаў. У 40-х гадах шырока практыкаваліся Хросныя хады. Напрыклад, на Вадохрышча Хросны ход праходзіў праз увесь горад. Пачынаючыся ад сабора, ён працягваўся да Нёмана, дзе епіскап асвячаў ваду. У гэтым шэсці прымалі ўдзел 4–5 тысяч чалавек.

Пазней, нягледзячы на забароны Хросных хадоў і ўрачыстых набажэнстваў на вялікія святы, акрамя ўсяночных, напрыклад, у 1950 годзе на Вялікдзень вакол храма быў арганізаваны Хросны ход. Гэтая падзея выклікала абурэнне са боку савецкіх афіцэраў (хоць, дарэчы, зафіксаваны выпадкі, калі яны хрысцілі сваіх дзетак тут жа), тым больш што Дом афіцэраў стаяў насупраць. Потым кіраўніцтва горада за гэта зрабілі «разнос» настаяцелю. Яго не знялі з пасады, але сказалі, што калі бы такое адбылося ў нейкім перыферыйным прыходзе, яго хутчэй за ўсё бы зачынілі. Усё жа савецкая

ўлада баялася масавага абурэння праваслаўных. Гэта быў, дарэчы, першы год, калі вернікі абыйшлі сабор толькі адзін раз, а не тры, як раней, таксама ўпершыню не запускалі ракеты [5].

На навагоднюю службу 1952 г., якую праводзіў архіепіскап Менскі і Беларускі Піцірым, у сабор прыйшло 1 600 чалавек – амаль у 10 раз больш, чым звычайна. Цікава, што ў пачатку 50-х гадоў прыкладна 10–15 % усіх прысутных на ўрачыстых набажэнствах складалі чамусьці савецкія чыгуначнікі, якія прыходзілі ў сваёй параднай форме [5].

Аднак, пры ўсім гэтым менавіта 1955–1957 гады гісторыкі Царквы лічаць самымі спрыяльнымі для Праваслаўнай Царквы на тэрыторыі БССР, у тым ліку і на Гродзеншчыне. У канцы 1950-х гг. в г. Гродна дзейнічала тры праваслаўных храма: Свята-Пакроўскі кафедральны сабор, Свята-Уладзімірская (Занёманская) царква і прыпісная да сабора Свята-Марфінская царква на праваслаўных могілках [8, арк.43].

На Беларусі масавае зачыненне храмаў пачалося пасля прыняцця ЦК КПБ сакрэтнай Пастановы «О мерах по ликвидации нарушения духовенством советского законодательства» ад 3 лютага 1960 года. Асаблівую ролю ў гэтым адыгралі Упаўнаважаныя па справах Рускай Праваслаўнай Царквы і рэлігійных культаў, якія рэгістравалі святарства, выдавалі ім даведкі і рэгістрацыйныя карткі, без якіх немагчыма было весці службы. Пры выдачы даведкі упаўнаважаны вусна даваў інструкцыі святарам, што святар можа рабіць на прыходзе, а што не. Пры гэты адкрыта казалася – калі будуць парушэнні, святара пазбавяць рэгістрацыі. Пры чым усе рабілася у вуснай форме і без сведак, каб потым не можна было высоўваць абвінавачанні [2, с. 34]. Праводзілася работа і сярод членаў прыходскіх выканаўчых органаў і рэвізійных камісій. «…им внушалась мысль, что священник – враг, вор, неблагонадежный человек, враждебно относящийся к власти, что ему поэтому нельзя доверять, что он только норовит обмануть исполнительный орган, украсть. Поэтому священника на пушечный выстрел нельзя подпускать к церковному хозяйству, церковной кассе, даже нельзя позволять одному входить в здание церкви без членов исполнительного органа или его доверенных лиц…Священник зажат в тиски подозрений, прижимов и прямых издевательств. По инструкции уполномоченного исполнительный орган назначает священнику малую зарплату, чтобы таким образом создать человеку невыносимые условия существования и вынудить его уйти с прихода…» [2, с. 38]. Архіепіскап Ермаген (Голубеў) сумна заўважаў: «фактычна кіраўніком епархіі з’яўляецца не архіерэй, а ўпаўнаважаны; архіерэй жа з’яўляецца ў яго нібыта старшым благачынным… Архіерэй не мае права самастойна прызначаць на прыход, а толькі прадстаўляе свайго кандыдата ўпаўнаважанаму, ад намераў якога і залежыць прызначэнне… Звальненне святара (якое афіцыйна называецца зняцце з рэгістрацыі) часта для самаго архіерэя з’яўляецца поўнай нечаканасцю, сам святар не можа пасля звальнення ўладкавацца на працу – ні ў той епархіі, дзе служыў, ні ў якай іншай» [14, с. 150–151].

У фондзе 478 (Упаўнаважаны па справах РПЦ па Гродзенскай вобласці) Дзяржаўнага Архіва Гродзенскай вобласці захоўваецца справа аб зачыненні Гродзенскага жаночага манастыра [11, арк. 93–96]. У 1953 г. настаяцельніцай Гарадзенскага Свята-Раства-Багародзічнага жаночага манастыра стала ігуменння Гаўрыіла (Рысіцкая). Пры ёй тут была наладжана нармальнае манастырскае жыццё, змяніўся і вонкавы выгляд кляштара: ішло будаўніцтва і пераабсталяванне памяшканняў, былі адчыненыя прытулак для дзяцей-сірот, золаташвейная майстэрня, свячны цэх і інш [16, с. 238–246]. Больш-менш спакойнае жыццё працягвалася да 1960 г. Менавіта ў гэты год было прынята рашэнне аб зачыненні манастыра і перасяленні манахінь у Жыровіцы. З канца 50-х гадоў ў СССР ішло паступовае зачыненне манастыроў, восенню 1959 г. стала вядома і аб рашэнні зачыніць Гродзенскую абіцель. Пры гэтым Упаўнаважаным неабходна было высветліць настроі святароў і вернікаў, узровень уплыву манастыра на мясцовае насельніцтва, а таксама неабходна было нейтралізаваць асоб, якія б маглі праявіць супраціў.

Ужо 12 лістапада Упаўнаважаны па справах РПЦ па Гродзенскай вобласці прадставіў план зачынення манастыра, якому адразу далі грыф “Сакрэтна” [16, с. 238]. Сучасны дырэктар Дзяржаўнага музея гісторыі рэлігіі Гродна Л. А. Карнілава, у тыя гады жыла побач з манастыром. «З акна нашай кватэры, якая была на трэцім паверсе № 14 па вуліцы Замкавай, — прыгадвае Л. А. Карнілава, — былі бачны келейны корпус, купала царквы Раства Багародзіцы, царквы Прэпадобнага Сергія, двухпавярховы корпус і манастырскі двор. Менавіта там, на двары, дзе быў ідэальны парадак і стаяла асаблівая таямнічая цішыня, якая не парушалася шумам знешняга жыцця, можна было бачыць манахінь, якія ішлі па сваім справам, апранутых ў чорную вопратку. Здавалася, што іх рухі былі бясшумнымі і адпавядалі размеранаму рытму і цішыні» [6, с. 67].

Аднак улады сутыкнуліся са супрацівам манахінь. Яшчэ больш небяспечным сталі звароты вернікаў у савецкія органы улады з заявамі, што яны збіраюцца збіраць подпісы ў абарону манастыра, а збор грошаў для дэлегацыі ў Маскву ўжо пачаўся. І чыноўнікі перанеслі тэрмін высялення на пачатак ліпеня 1960 года, а не 14–18 мая, як планавалася спачатку.

Планам прадугледжвалася прыцягненне ў дзень перасялення працаўнікоў міліцыі, дружыннікаў з мэтай арганізацыі пастоў на подступах да манастыра. Упаўнаважаным быў дасланы чалавек, які наглуха забіў уваход на званіцу, каб не дапусціць звона і набата ў час зачынення. Для супакою ўлады каля званіцы выставілі пост.

А вось вернікам Гродна было вырашана растлумачыць, што будынак жаночага манастыра зачыняецца на рэстаўрацыю, таму манахіням ў Жыровічах будзе лепш [7, арк. 93]. Аднак гарадзенцы накіравалі тэлеграму пратэсту М.Хрушчову. Улады добра зразумелі, што можа быць не толькі маральны, але і фізічны супраціў. Гэтым і тлумачыцца вялікая колькасць аховы. У дзень перасялення манахінь, да пачатку вялікага руху ў горадзе, былі расстаўленыя пасты дружыннікаў і працаўнікоў міліцыі, што выключыла прасочванне вернікаў і непажаданых асоб да будынка манастыра.

У афіцыйных справаздачах сцвярджалася, што зачыненне манастыра не выклікала ў вернікаў супраціву. Між іншым, менавіта карныя мерапрыемствы з боку савецкіх улад не прывяло ў Гродне да шырокага супраціву. Манастыр быў ўзяты ў ачапленне.

Вельмі эмацыянальна прыгадвае Л.А. Карнілава само зачыненне манастыра: «У адзін з летніх вечароў наш невялікі пакой запоўнілі людзі. І іх было так шмат, што здавалася, паміж імі не мог ніхто ні прайсці, ні стаць. Людзі пастаянна мяняліся: на змену адным прыходзілі другія; і кожны хто прыйшоў абавязкова падыходзілі да акна, якое выходзіла на тэрыторыю манастыра, і штосьці перадавалі завернутае ў вузялках. Размаўлялі ціха, былі чуваць усхліпы, на вачах былі слёзы. Манастыр зачынялі. На вуліцы міліцыя нікога не падпускала да манастыра, і апошняй, адзінай магчымасцю для развітання з насельніцамі была магчымасць развітацца з імі з вокнаў нашага дома» [6, с. 67–68]. Ускосна пацвярджае гэта і манахіня Стефаніда (Ранжева): «З вечара брама агароджы манастыра была зачынена, і нікога з горада не пускалі… Міліцыя ўсю ноч дзяжурыла ў святых варот манастыра. Адна вельмі адданая манастыру бабуля пад парасонам ў такі лівень у шэсць гадзін раніцы прыйшла да варот, аднак міліцыя яе пусціла. Бабуля хацела развітацца з сёстрамі; стала здалёк і бачыла, як пад’ехала 30 грузавых машын ад Барыса-Глебскага манастыра да нашага манастыра» [6, с. 71–72].

18 студзеня 1961 г. гродзенскі ўпаўнаважаны даслаў старшыні Лідскага райвыканкама тав. І.С. Талака ліст: «Имеются такие сведения, что Лидский благочинный Чешик дает указание всем священникам района о ремонте церквей района без разрешения на это райисполкома и уполномоченного. Прошу дать указание председателям сельсоветов, где имеются церкви, проверить ремонт церквей в 1960 г. и сообщить мне. Одновременно сообщаю, что уполномоченный разрешений на ремонт не давал» [4].

У Гродна Свята-Уладзімірская царква «перашкаджала кіроўцам бачыць чыгуначны пераезд». Аднак вернікі адстаялі храм. У 1960 г. сабор застаўся адзіным праваслаўным храмам Гродна, дзе службы адбываліся штодзённа. Гродзенскі гарвыканкам 8 сакавіка 1961 г. прыняў Пастанову № 213 «О сносе аварийного здания военного костела на площади Советской». Была створана спецыяльная камісія ў складзе намесніка старшыні Тупоўскага У.І., начальніка міліцыі Назаркіна П.Г., загадчыка абласным прамыслова-транспартнага аддзела гаркома КПБ Пясецкага У.І., загадчыка абласным аддзелам па справам будаўніцтва і архітэктуры Макарава М.Ф., начальніка адзела капітальнага будаўніцтва гарвыканкама Ледухоўскага І.А., дырэктара абласнога музея Собаля. На акцыю было выдзелена 19,5 тысяч руб. (сярэдні заробак у той час – 80–90 руб.).

Захаваліся ўспаміны гарадзенцаў аб акцыі. «Нас папярэдзілі загадзя, што касцёл будуць узрываць. Мы нават заклеілі шыбы паперай, каб яны не разбіліся ад выбуху» – успамінае сталая жанчына [1]. Міліцыя ачапіла плошчу, з дому можна было выйсці толькі згодна спіса, зацверджанаму ў міліцыі. «Я прыняла навіну аб узрыве абыякава, хаця, канешне, палякі абураліся, асабліва,

хто веруючы быў. Але час тады быў іншы. Паспрабуй выйсці – мала не будзе», – прыгадвае жанчына далей [1].

Выбух ажыццявілі працаўнікі «Ленвыбухпрома» і мясцовыя вайсковыя сапёры. Раніцай салдаты ваеннай часткі № 51171 разбіралі завалы, якія пазней былі выкарыстаныя для будаўнічых прац – частковага пакрыцця падарожнай часткі вуліц, тратуараў і дарожак [1].

На 1 студзеня 1961 г. у Гродзенскай вобласці дзейнічала 143 царквы, з якіх кожны дзень дзейнічала толькі адна. У дзвюх раёнах – Астравецкім і Воранаўскім цэркваў не было [4]. За 1961 г. колькасць цэркваў скарацілася на 22 адзінкі. На 5 студзеня 1962 г. – 123 царквы (5 пры Жыровіцкім манастыры). На 1 студзеня 1963 года ў Гродзенскай вобласці дзейнічала 96 цэркваў. За 10 год савецкімі ўладамі была зачынена 121 царква, што складае 61,5 % ад іх пасляваеннай колькасці [4]. 57 з зачыненых храмаў выкарыстоўваліся пад гаспадарчыя патрэбы, прычым на многіх з іх крыжы не былі зняты. У 19 нават захавалася царкоўная маёмасць. Аднак большасць перастала існаваць.

Прыхаджане пісалі скаргі ў Маскву, бо лічылі, што вінаватыя ў зачыненні менавіта мясцовыя ўлады. «Мы всей общиной просим Вас, будьте добры в честь 50-летия Советской власти, не откажите нам в нашей просьбе, разрешите нам избрать Церковный совет и совершать богослужение в нашем храме. Мы хлопочем уже три года безрадостно, надеемся на Вас, что просьба, нас, стариков, не останется гласом вопиющего в пустыне. Просим удовлетворить нашу просьбу, как можно в скором времени разрешить совершить Богослужение в нашем храме, дабы могли мы помолиться за наших сыновей, братьев и мужей, сложивших свои головы за освобождение нашей Родины от фашистов и за Советскую Свободную Счастливую Жизнь», – пісалі Упаўнаважанаму члены двадцаткі адной з праваслаўных абшчын Гродзеншчыны ў кастрычніку 1966 г. [4]. Прыхаджане указвалі ў ліпені 1966 г.: «…мы люди религиозные и не можем порвать в один день с религией, тем, что было у нас веками» [4]. Скарг было шмат. З чэрвеня па лістапад 1965 года гродзенскаму упаўнаважаннаму паступіла 105 скарг і заяў ад вернікаў. На частку з іх адказвалі, на частку – не.

Асобна ў гэтым стаіць так званая «Смаргонская справа» – найбольш арганізаваны і накіраваны супраціў у Гродзенскай вобласці. Смаргонская царква была зачынена ў 1961 г., аднак вернікі не згадзіліся з гэтым [15]. У маі 1961 года у в. Сукеневічы адбыўся скандал. Вернікі «будучи возмущены действиями священника протоиерея Ровзо В.П. пытались избить его и остричь». Узнікае пытанне – чаму адбыўся такі пратэст? Упаўнаважаны па справам РПЦ па Гродзенскай вобласці Гашнікаў тлумачыў гэта тым, што Уладзімір Раўзо[8] быў «алчным к пастве», челавекам «грубо обходящемся с верующими, присваивавшем себе деньги». Аднак пры гэтым, папярэдні ўпаўнаважаны С.М. Галубкін характарызаваў благачыннага «как человека

[8]У. Раўзо быў святаром з 20-х гадоў, з таго часу ён служыў ў Смаргоні, менавіта ён адбудаваў гарадскую царкву пасля Вялікай Айчыннай вайны. Уладзімір Раўзо – бацька Віктара Раўзо – дырыжора, кіраўніка харавой капэлы (1956–65 гг.), галоўнага кіраўніка і дырыжора хора Белдзяржтэлерадыё (з 1965 г.). Пасля скандала святар з сям'ей пераехаў у Вільню.

систематически пользующегося районной библиотекой (брал книги по атеистической литературе), регулярно беседовавшего с молодежью на религиозные темы. Это характеризует В. Ровзо как целенаправленного человека, проводящего свою активную позицию среди населения» [15]. Аднак паства не зусім зразумела такую пазіцыю святара і выгнала яго з храма. З 1 чэрвеня 1961 года царква не дзейнічала. І абшчына пачала барацьбу за прызначэнне святара. Пачынаюцца збірацца подпісы і дасылаюцца скаргі упаўнаважанаму. Праз год такіх скарг ужо 200 [15]. Скаргі падпісывалі нават тыя, хто ў царкву не хадзіў. Даволі хутка людзі зразумелі, што ў Гродна такую справу не вырашыш. І былі пасланы чатыры дэлегацыі ў Маскву, у савет па справам РПЦ, у Савет Міністраў. Рэакцыя гродзенскіх улад звычайная для таго часу – яны абвінавацілі Смаргонскі райвыканкам ў слабой атэістычнай рабоце: «Работники Сморгонского райисполкома не препятствовали им (т.е. верующим) собирать толпы людей у церкви, которую они фотографировали и фотокарточки прикладывали к жалобам, а также самовольно собираться в церковь для обсуждения своих действий. За 1961–62 гг. было проведено только 3 беседы и 1 антирелигиозный вечер» [15]. Аднак і перакладванне адказнасці на мясцовы ўзровень не вырашыла праблему. У раёне назіраецца рэзкі ўздым рэлігійнасці – у царкву вёскі Кеўлы 7 чэрвеня сабралася 1,5 тыс. чалавек, раней хадзіла не болей 200 [15].

Улады рэальна зразумелі, што неабходна зменшыць напружанасць. У якасці кампенсацыі смаргонскай абшчыне быў аддадзены храм недалёка ад горада, у вёсцы Святляны, туды быў прызначан святар І. Вярсоцкі (які, прынамсі, 8 красавіка 1963 г. памёр). Здавалася, што праблема вырашана, аднак да новапрызначанага святара « …пришла … женщина Сморгонского прихода, с деревни Василевичи А.К. Хоручник. Повышенным голосом она заявила, что её прислали сморгонские прихожане предупредить меня строго, чтобы я совсем и не думал являться на Сморгонский приход, что у нас мол женщины очень разъярены… Мы добиваемся чтобы открыть церковь в городе Сморгонь, а вы нам стали впоперек дороги. Светлянская церковь нам не подходит» [15].

Пры перадачы вернікам храма ў Святлянах упаўнаважаны разрывае дагавор з Смаргонскім прыходзе. І як частая з’ява таго часу – з’яўляецца жаданне «трудящихся Сморгони» перадаць будынак царквы пад кінатэатр. Гэтае жаданне было падтрымана, пачалася перапіска з Масквой. Аднак, Масква адмаўляе, і царква засталася стаяць, а вернікі працягвалі пісаць скаргі ў Маскву, абвінавачваючы мясцовыя ўлады ў фактах разбою ў храме.

Улады пачынаюць узмацняць атэістычную прапаганду. У Пасхальны час 1965 г. у Смаргоні былі наладжаны антырэлігійныя сустрэчы ў клубах, у першую чаргу для дзяцей, «где показывались кинокартины, устраивались игры, читались лекции». Аднак за 1965 г. з Смаргоні паступіла 37 скарг. Людзі працягвалі пісаць лісты Л.І. Брэжневу і Патрыярху Алексію. У лісце ад 17.07.1966 г. гаварылася: «Единственная церковь была в городе Сморгонь. Она была отрадой для нас, верующих людей из 42 деревень и г. Сморгонь. С 1 июня 1961 г. нам не разрешено молиться в нашей церкви. В последнее время

сняли кресты и купола, разрушили колокольню. Потом крышу покрыли как амбар. Окна забили досками. А теперь при закрытых дверях как воры взрывают полы, те полы, на которые мы давали свои последние копеечки. Но мы не в силах оставить и забыть свой храм, попавший в такое бедствие. По-прежнему собираемся по воскресным и праздничным дням для молитвы у стен нашего храма. Среди нас есть и дряхлые старушки, у которых уже нет сил молиться под открытым небом, а особенно в дождь, ливень или холодную погоду. А также есть матери, которых сыновья отдали жизнь за Родину в ВОВ, вот им уж поистине не место стоять у стены своего храма в дождь, в мороз и слякоть…» [15]. Аднак, лісты не дапамаглі. Царква ў Святлянах працавала, частка вернікаў стала хадзіць туды, 1 чэрвеня 1968 г. Смаргонская царква была разабрана. Ужо пазней вернікі прыгадвалі, што гэта адбылося ўначы «под усиленной охраной милиции» [15]. Пазней на месцы царквы быў пабудаваны кінатэатр, жаданне «трудящихся Сморгони» было выканана.

Але існуе не толькі фармальны бок існавання рэлігіі. Ёсць унутраны свет, перажываемае хрысціянства, тое, што знаходзіцца па-за межамі матэрыяльнага свету. Як жа само грамадства змянілася пад уплывам атэістычнай прапаганды? Хто перамог у барацьбе? Які бок? Адразу сказаць адназначна немагчыма. Колькасць хрышчэнняў і вянчанняў змяншаецца, але не знікае зусім. Насельніцтва нават не палохае, што апарат упаўнаважанага збіраў дадзеныя на асоб, якія хадзілі ў царкву. У 1962 г. у святара Занёманскай царквы г. Гродна С.Голасава адабралі ключы і знізілі заробак за тое, што ён ахрысціў дзіця [10, арк. 45]. Бацькоў абвінавачвалі «в неправильном воспитании детей» [13, арк. 18].

Самым кантраліруючым бокам царквы былі казанні. Былі створаны «группы содействия», якія непасрэдна хадзілі ў храмы і слухалі казанні [9, арк. 6]. Першапачаткова святарства не ведала, што іх словы не толькі запамінаюцца, але і потым аналізуюцца і абварочваюцца супраць іх жа. Пасля таго, як гэта стала відавочна, святары амаль перастаюць прапаведваць у царкве. Як казаў настаяцель гродзенскага сабора а. А. Пятроўскі: «В соборе есть люди, при которых нельзя ничего сказать. Все идет к тому, что скоро закроют, и сейчас неудачно сказанное слово может погубить» [10, арк. 19]. Гэта прывяло да таго, што больш чым на дваццаць год спынілася практыка казанняў.

Дырэктарам школ было даведзена, што яны павінны браць на ўлік усе факты наведвання школьнікамі рэлігійных устаноў, пасля чаго праводзіць класныя і бацькоўскія сходы, мэта якіх стварыць грамадскую думку ў адносінах перш за ўсе бацькоў, якія выхоўваюць дзяцей у рэлігійным духу. У школах пачалі працаваць універсітэты атэізму для бацькоў [12, арк. 42]. Аднак асаблівых поспехаў гэтая барацьба не прынесла. Як і не спраўдзіліся надзеі савецкіх улад на паступовае сталенне вернікаў і фактычнае выміранне царквы.

Спіс крыніц і літаратуры

1. История Фары Витовта в Гродно // Режим доступа: http://s13.ru/archives/3794. – Дата доступа: 09.09.2010 г.

2. Баслык Евстафий, священник. Записки священника Евстафия / Е. Баслык. – Минск: Лучи Софии, 2005.
3. Боровиков, Ю. Убитая святыня / Ю. Боровиков // Режим доступа: http://www.razam.by.ru/n1213/7.html. – Дата доступа: 09.09.2010 г.
4. Гродненские епархиальные ведомости – февраль 2003.
5. Гродненские епархиальные ведомости – №10. – 2006.
6. Гродненский Свято-Рождество-Богородичный женский монастырь / Автор-составитель игумения Гавриила (Глухова). – М: из-во Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета, 2007.
7. Дзяржаўны архіў Гродзенскай вобласці (ДАГВ). – Фонд. 478. – Воп. 1. – Спр. 77.
8. ДАГВ. – Фонд 478. – Воп. 1. – Спр. 80. Переписка с Советом, уполномоченным Совета по БССР, православным духовенством и др. по вопросам, относящимся к церкви за 1960 г.
9. ДАГВ. – Фонд 478. – Воп. 2. – Спр. 37. Отчетно-информационный доклад, докладные записки и сообщения. .
10. ДАГВ. – Фонд 478. – Воп. 2. – Спр. 38. Докладные записки и отчетные доклады, справки и переписка по ним, нач. 5 янв.1962 г. окончено 11 октября 1962 г.
11. ДАГВ. – Фонд 478. – Воп. 1. – Спр. 112. Сведения о наличии и деятельности русских православных церквей области за 1963–64 гг.
12. ДАГВ. – Фонд 1171. – Воп. 3а. – Спр. 133. Переписка уполномоченного Совета по делам религиозных культов и православной церкви.
13. ДАГВ. – Фонд 1385. –Воп. 1. – Спр. 78. Переписка с Уполномоченным Совета по делам религий при Совете Министров СССР, БССР и другими вышестоящими учреждениями о деятельности культовых объединений Гродненской области 1 апреля 1964 – 7 февраля 1966 гг.
14. Кривонос Ф., священник. Белорусская Православная Церковь в XX столетии: спецкурс лекций для Минской Духовной Семинарии. / Ф. Кривонос. – Минск : ВРАТА, 2008. – С. 140.
15. Лютик, Д.В. Из истории Сморгонской православной общины в 1960-е гг. // Гродненские епархиальные ведомости. – Сентябрь 2003.
16. Черепица, В.Н. Очерки истории православной церкви на Гродненщине (с древнейших времен до наших дней)./ В.Н. Черепица. – Гродно : ГрГУ, 2000. – Часть 2.

Святлана Уладзіміраўна Сілава, кандыдат гістарычных навук, дацэнт, дацэнт кафедры гісторыі Беларусі. Навуковыя інтарэсы: гісторыя Праваслаўнай Царквы на Беларусі XX стагодзя.

УДК 352/354(1+21)

Юлия Никулина *(Минск)*

ВЛИЯНИЕ УРБАНИЗАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ НА СОЦИОКУЛЬТУРНУЮ СИТУАЦИЮ В СОВРЕМЕННОЙ БЕЛАРУСИ

Статья посвящена анализу социокультурных аспектов урбанизации. Показана неоднозначность и подвижность урбанизационных процессов в зависимости от экономического и социокультурного развития региона. Проанализирована специфика протекания процесса урбанизации в Беларуси; выявлены факторы, тормозящие распространение городского образа жизни и городской культуры.

Современная урбанизация — важная составляющая и одна из фундаментальных движущих сил мирового социокультурного процесса современности, глобализации человеческого сообщества. Это объективный процесс, затрагивающий все народы, нации и типы культуры. Выступая мощной исторически преобразующей силой, урбанизация приобретает в наши дни не только особую действенность в структурировании новых социокультурных, экономических, геополитических пространств, но и становится условием формирования новых социальных структур, новых систем отношений. Самым главным результатом современного урбанизационного процесса становится формирование урбанизированного общества и государства, а в целом − современной урбанистической цивилизации.

Традиционно урбанизация определяется как конкретно-исторический этап развития общества, характеризующийся интенсивным формированием городов, как особого типа поселений, с большим количеством населения, сосредоточенным на относительно небольшом пространстве [1, с.55]. Однако сегодня определение урбанизации только сквозь призму роста городов и увеличения доли городского населения относительно сельского не может быть признано удовлетворительным. Процесс этот намного сложнее, глубже по своей социальной сути и носит многоаспектный характер по перспективам развития в глобальном масштабе.

Безусловно, рост городов и урбанизация находятся в тесной взаимосвязи. Урбогенез играет роль основополагающей структурообразующей части процесса урбанизации. Он становится необходимым фактором развития общества. В городах получают оформление различные социальные институты − право, государство, религия, культура и другие. Однако количественный рост городов был и остается лишь предпосылкой качественных изменений в характере городских поселений. В англо-американской литературе уже в 50-е гг. XX в. урбанизация прежде всего связывалась с человеком, его социопсихологическим состоянием, образом жизни, трансформацией социальных контактов, видов деятельности. В таких определениях урбанизация трактуется как процесс «постепенного перехода от сельского к городскому социопсихологическому состоянию, от немногих постоянных первичных социальных контактов ко многим непостоянным вторичным контактам» [2, с. 24].

Такой подход к интерпретации урбанизационных процессов в современном мире представляется более правомерным и оправданным. Исходя из этого, урбанизацию можно определить как исторический процесс распространения механизмов городского устройства, который заключается не только в росте городов и в увеличении численности горожан, но и в расширенном воспроизводстве городского образа жизни, затрагивающем все без исключения территории и детерминирующем социокультурные процессы в современном мире. Урбанизация приводит к принципиальным изменениям в структуре занятости, в образе жизни, в характере социальных отношений. А это значит, что сквозь призму урбанизации можно рассматривать комплекс наиболее значимых и универсальных тенденций жизнедеятельности общества: социальных, психологических, технических, экономических, коммуникационных, духовных и

т.д., а, следовательно, − особенности протекания социальных процессов в современном мире. Под «урбанизацией», таким образом, в первую очередь следует понимать возникновение и развитие новых социально-экономических, политических, идеологических, психологических взаимосвязей.

Урбанизация общества способствует снижению роли и значимости традиционных социокультурных ценностей. Она усиливает процесс межэтнической интеграции и аккультурации. В урбанизированной среде этническая специфика культуры сохраняется и поддерживается в основном за счет сельских мигрантов. Социокультурная гетерогенность городского сообщества – историческая предпосылка возникновения сообщества принципиально нового – коммуникативного типа. Условием совместного проживания в городах изначально и впредь являлся непрерывный и всё усложняющийся процесс коммуникации, необходимость выработки интерсубъективных значений и смыслов как основы социокультурной интеграции. В процессе урбанизации кристаллизуется городской образ жизни с особой структурой общения, спецификой развития личности, семейных отношений. Его признаки: мобильность, повышение роли социально-профессионального общения, преодоление «локального» типа культуры [3, с. 87].

Поэтому в рассматриваемое понятие входит и формирование городского человека, члена новой городской общины, выполняющего ряд новых, по сравнению с сельской, функций, вырабатывающего новую ментальность. В городских условиях формируются новые типы взаимоотношений между людьми, теряющие личностный характер. Отношения становятся безличными: соседскими, правовыми, экономическими, социально-неравноправными, религиозно-идеологическими, административно-управленческими и др. [4]. Происходит формирование новой социокультурной системы, противоположной традиционной малой общине. Во-первых, родственные связи, межличностные отношения в целом, характерные для традиционной социальной организации, заменяются формальными, отчужденными отношениями, дающими индивиду новую степень свободы. Во-вторых, размеры, плотность и разнородность городского населения обеспечивают основу для сложного современного разделения труда. В-третьих, город становится средоточием современных политических, образовательных, культурных институтов и т.д. Как отмечается во многих исследованиях, такой урбанизм охватил и покорил не только крупные и большие города, но малые городки, изолированные поселения и деревушки [5, с. 186].

Но самым главным результатом современного урбанизационного процесса становится формирование новой социокультурной системы. Конец XX - начало XXI вв. показало, что все больше и больше осуществляется нивелировка социальных тел, стираются различия между представителями разных культур. Средства массовой информации, мода и т.п. формируют единый образец-канон тела человека, включенного в единое урбанизированное пространство. Богатый, избыточный семиотический материал аккумулируется в так называемых «глобальных» городах, которые являются основными проводниками урбанизационных процессов.

Современные глобальные города − это центры национальной и мировой жизни, места концентрации и интеграции производства, финансов и управления. Сущностью этого феномена является территориальная концентрация глобального контроля над социальными процессами и жизнью целых регионов. Это достигается не путём концентрации какого-либо вида ресурсов, а путём интеграции и взаимодействия ресурсов всех видов, что приводит к появлению особого системного качества – способности к глобальному контролю. Названное качество возникает не только в результате концентрации экономического, демографического и политического потенциала, но, главным образом, в результате процесса одновременной реализации таких феноменов как концентрация финансов и контроль над финансовыми потоками; организация экономической жизни, главным образом через создание новых организационно-управленческих технологий; создание новых видов услуг: консультативных, информационных, маркетинговых, финансовых; сосредоточение всех видов инноваций, новых технологий и организационно-управленческих систем. Основной «товар» современного города – посреднические услуги всех видов, причем зачастую не только в региональном, национальном, но и в глобальном масштабе [6, с. 134].

Современный этап урбанизационного процесса, таким образом, можно понимать как проявление определенного этапа социопространственной организации общества, основными признаками которого выступают: преобладание центростремительной тенденции в размещении производства и расселения людей, что приводит к концентрации экономической и социальной жизни в крупных городах; нарастающая замена природных компонентов среды обитания техногенными, «второй природой»; гетерогенность среды, где сосуществуют различные этнические, религиозные, статусные, группы; особые формы взаимодействий, мультикультурализм и т.д. Контрастность социокультурного пространства носит здесь такой же объективный характер, как и неоднородность природной среды. Она органически свойственна урбанизированному обществу.

Итак, урбанизация как цивилизационный процесс, характеризуется не только как перемена места жительства людей, но и как глубокие изменения во всех без исключения сторонах жизни человека и общества в целом. Урбанизация активно воздействует на все социальное пространство, преобразованию подвергаются и материальные субстраты географического пространства. Преобразуется также духовная сфера общества. Идеи и сложившиеся в городе формы общения, взаимодействия людей оказывают глубинное влияние на все общество. Таким образом, урбанизация выступает как продукт сложных преобразований, преобразований, «выводящих за рамки» определенного типа обществ на исторически новый уровень функционирования. Этот уровень, предполагающий новые принципы и формы организации жизнедеятельности нового урбанизированного общества, характеризует принципиально новое состояние цивилизации [4].

Урбанизация, «городские отношения» стимулируют культурные процессы, играют огромную роль в формировании новой социокультурной ситуации.

Большой выбор социальных контактов, развитие процессов общения в насыщенной городской среде способствуют социально-культурному сближению различных социальных слоев и групп общества, расширению кругозора, повышению уровня информированности, образования, общей культуры и т.д. Одним из важнейших признаков городского образа жизни является стремление человека к постоянному обновлению информации и контактов в сферах профессиональной деятельности, культуры, личностного общения и т.д. Особую роль в расширении сферы действия урбанизации, городской культуры играют средства транспорта, связи и массовой коммуникации, которые приобщают жителей периферийных районов, малых городских и сельских поселений к ценностям больших городов, меняют их культурную ориентацию. Возрастают различного рода миграции в районы крупных городских центров, усиливается процесс концентрации населения в агломерациях.

Развитие и специализация социальных потребностей, пространственная подвижность населения усиливают «транслокальные» тенденции городской культуры. Снижается значение местной деятельности в городе, «соседских» контактов. Повышается роль центров крупнейших городов и агломераций, являющихся средоточием социальной активности, центростремительные тенденции становятся одним из основных факторов интеграции социально-пространственного организма города. Современный урбанизм как образ жизни — это, прежде всего, повышенная степень экономической и социальной мобильности населения, обезличенный характер человеческих взаимоотношений (особенно, если это работа на компьютере), т.е. анонимность, подвижность, прагматизм и, в целом, урбанистический секулярный стиль жизни (желательно хорошего качества), постоянно усиливающий функционализм и профессионализм. Другими словами, сближение условий жизни в городе и деревне, внедрение в сельские районы элементов городской жизни и городских систем, услуг привело к распространению урбанизма, укреплению его воздействия и конкретных проявлений на всей территории планеты.

Урбанизационный процесс по-разному протекает в различных регионах. В развитых странах Запада уже достаточно давно завершены два основных этапа урбанизации, связанных, во-первых, с переселением в города основной массы населения, сменой занятий и концентрацией в крупных городах и т.д. (количественные стороны урбанистической эволюции), а во-вторых, с утверждением городского образа жизни как феномена культуры и современной цивилизации (качественная сторона). Конечно, как и всякий процесс такого масштаба, урбанизация, развитие городов, не может протекать без проблем. Концентрация больших масс населения на относительно ограниченной территории в пределах городской черты вызывает много трудностей, особенно, когда речь идет городах-миллионерах. Через эти трудности развития крупнейших городских центров не раз в своей истории уже проходили и еще будут проходить все развитые страны [7, с.176].

Экономически развитые страны в полной мере ощущают последствия стихийной урбанизации и неуправляемого роста сверхгородов. Кризис больших городов является закономерным следствием обострения социальных,

культурно-цивилизационных и расово-этнических противоречий. Поэтому современный тип урбанизации в развитых странах – это уже не столько быстрый темп роста доли городского населения, сколько особенно интенсивное развитие процессов субурбанизации и образования на этой основе новых пространственных форм городского населения – городских агломераций, мегалополисов.

В то же время в развивающихся странах, в большинстве постсоветских республик процессы адаптации сельских жителей к городскому образу жизни, овладения ими городской культурой, соответствующими системой ценностей, нормами поведения и т. д. еще очень далеки от своего завершения. Здесь кроется важнейшее отличие данного типа урбанизации от урбанизации западной.

Процесс урбанизации в развивающихся странах крайне противоречив: его вторичный характер по отношению к развитым странам Запада, приводит к ориентации и широкому заимствованию «образцов» созданных в этих странах и активной культурной диффузии. С одной стороны, это способствует прогрессу этих стран, приобщает новые миллионы людей к информационным и культурно-цивилизационным ресурсам современного мира; с другой – обостряет и без того очень серьезные социально-экономические проблемы, порожденные феноменом догоняющей модернизации и, что чрезвычайно важно, создает эффект демографического давления на большие города. Поэтому такой тип урбанизации, происходящий за счет притока огромного числа мигрантов и разрастания городских окраин – «трущоб» − зачастую именуют «псевдоурбанизацией». При этом типе урбанизации инкорпорирование вновь прибывших в городскую среду, принятие ими подлинно городской культуры и образа жизни, а не внешних их проявлений, происходит крайне медленно. Для рутинных практик этих «новых горожан» скорее характерно воспроизводство традиционного уклада.

Специфическое протекание процессов урбанизации характерно и для Беларуси. Наша страна является одной из наиболее урбанизированных не только на территории бывшего СССР, но и в Восточной Европе. В Беларуси теперь 111 городов и 98 поселков городского типа. Доля проживающего в городах страны населения составляет 73 %. По этому показателю из стран СНГ к Беларуси приближается только Россия, а из числа восточно-европейских стран — Чехия [8].

На урбанизацию в современной Беларуси, как и на всём постсоветском пространстве, оказали ощутимое воздействие принципы градостроительства, принятые в Советском Союзе. Именно они определили многие негативные особенности урбанизации. Высокие темпы роста городского населения в БССР в послевоенный период отражали стремление создать современную промышленность в преимущественно аграрной республике, сильно пострадавшей от войны. Поэтому огромные массы сельских жителей направлялись как в старые центры, так и во вновь создаваемые «социалистические» города. Последние, вместо преобразования в культурные центры, обычно превращались в большие общежития при промышленных предприятиях-гигантах. С одной стороны, такая политика способствовала быстрому количественному росту урбанизации.

Именно она позволила обеспечить значительную часть прироста всего городского населения и пополнение сети городских поселений в послевоенный период. С другой стороны многие города, по существу, были лишены полноценной городской среды в её современном понимании, необходимого социально-культурного потенциала, поскольку их создание и расширение не опиралось обычно на длительные традиции. При этом сформировались многие особенности урбанизации, связанные с низким уровнем жизни горожан, их культуры, качества городской среды, узкой монопрофильной специализацией городов, сращиванием в них социальной инфраструктуры с производственными предприятиями, ухудшением экологической ситуации, критическим состоянием малых городов и другими негативными явлениями. Это отражало отношение к урбанизации как к побочному продукту индустриализации, недооценку её как самостоятельного социального процесса большой важности [9].

Всё это во многом объясняет специфику советской урбанизации и ее преимущественно количественный характер. Поэтому основной итог развития урбанизации в советский период – очень большой разрыв между её количественными и качественными параметрами. Качественные характеристики урбанизации, и в первую очередь − концентрация разнообразия во всех сферах жизнедеятельности, а в конечном счёте – концентрация культуры, её высших достижений – обладают гораздо меньшей степенью проявления, в сравнении с количественными. Поэтому многие современные белорусские города, даже крупные, нередко сохраняют исторически сложившийся «местечковый» характер культуры.

Всё это напоминает тип развития, характерный для развивающихся стран, и даёт основание считать, что урбанизация в Беларуси, как и в других советских республиках носила черты квазипроцесса: она сохраняла внешние признаки урбанизации (рост городского населения, концентрация его в больших городах и агломерациях и т. д.), но при этом во многом не соответствовала сложившимся мировым нормам и представлениям об образе и качестве жизни горожан. Ведь, в отличие от городов Европы, основанных на вековых традициях городской общины и самоуправления влияние идеологии «человек при производстве» и, как следствие, «город при заводе» произвольное, без учёта потенциала территорий, массовое по своим масштабам переселение сельских жителей создали сложнейшие социальные, экономические, культурные проблемы, что тормозило развитие общества в самых различных сферах.

Незавершённый характер урбанизации сегодня проявляется в том, что далеко не всё городское население и поныне включено в городской образ жизни по характеру занятости, уровню обслуживания, разнообразию досуга и. т.д. В общем приросте городского населения страны примерно 70 % составляли вчерашние сельские жители [9]. Низкое качество городской среды – прямое следствие сказанного выше. Оно связано во многом со слишком высокими темпами роста городского населения страны и низкими доходами горожан. Недостаточное развитие социальной сферы, уровня благоустройства городов, однообразие, а порой унылость архитектурного облика, неразвитость городской культуры – всё это характерно не только для подавляющего большинства малых

городов, но и для многих крупных центров с населением свыше 100 тыс. жителей.

Свое негативное воздействие на распространение городского образа жизни оказала и политика ограничения роста больших городов, которые являются основными очагами урбанизации и развития малых и средних, в большинстве не располагавших для этого необходимыми ресурсами. Естественный для нормального хода урбанизации приоритет исторически сложившихся культурных центров – больших городов – практических не учитывался. Их социально-культурный потенциал произвольно, без учёта длительности его воспроизводства и реализации на новом месте долгие годы неразумно перекачивался в районы нового освоения, в том числе и в новые города. Такая политика означала сдерживание процесса урбанизации, особенно качественных параметров его развития, и во многом способствовала нарастанию негативных особенностей советской урбанизации. Одностороннее функциональное развитие, индустриальная доминанта в ущерб социальной сфере, недостаточность социально-культурного потенциала, низкое качество городской среды, плохая экологическая обстановка и другие проявления недостаточного внимания к человеку в городе – определили неоднозначность «урбанизации по-советски».

Таким образом, в советский период массированный рост городского населения с одной стороны и доминирование сельских традиций, с другой, привели к формированию среди городского населения особого типа ментальности, которую известный белорусский историк З. Шибеко назвал «недоурбанизированной ментальностью». Носителями последней являлись «горожане в первом поколении» [10]. Этот же автор называет и еще одну причину консервации сельской ментальности в городской среде, а именно – преобладание малых и средних городов в Беларуси. Здесь степень приближенности городской ментальности к сельской наиболее высока. Для самосознания жителей небольших городских центров, отмечает З. Шибеко, характерны провинциализм, невысокие требования к качеству жизни, сервилизм и т.п. [10]. Такая среда не несет в себе потенциала для формирования стабильной городской идентичности, городского образа жизни, развития местного самоуправления и демократических институтов.

Таким образом, в советское время сформировался своеобразный тип белоруса как «временного горожанина», тесно связанного с селом и сельской культурой, который свои выходные, праздники и отпуска обязательно проводит у родственников в деревне. Все это самым непосредственным образом сказывается на образе жизни и социально-культурном облике современного белорусского горожанина. До сих пор проявляется «пасторализация» горожан, наблюдается ярко выраженная «фольклорная» эстетика. Это объясняется тем, что большинство горожан – горожане в первом поколении. Поэтому самосознание современного белорусского горожанина рассматривается сегодня некоторыми авторами через понятие «креольство». Для «креола» полная индентификация с культурой метрополии невозможна по причине его укорененности в «иное пространство» [11, с. 128-130]. Среди факторов «креолизации» называют, во-первых, радикальные действия советской власти;

во-вторых, отсутствие общепринятых национальных городских центров (ранее − Смоленск, Вильно, Рига, но не Минск, Витебск, Брест); в-третьих, самоопределение «тутэйшими» вплоть до начала XX в. [12, с. 186]. Поэтому очень сложно разграничить, что является специфическим для белорусских городов, городским стилем жизни или городской культурой, а что − привнесенным извне в городскую среду.

Противоречия советского периода урбанизации, порождают проблемы, которые не получили своего полного разрешения и на современном этапе. В связи с этим, сегодня на первый план отчётливо выступает другая – качественная – сторона городского роста, которая раньше недооценивалась, а иногда просто «не замечалась». На повестку дня выдвигаются вопросы создания полноценной городской среды и необходимого социально-культурного потенциала. Ведь городской образ жизни является основанием для современного общественного развития.

Сегодня городское развитие связано, прежде всего, с развитием нового типа социально-экономического устройства, базирующемся на использовании высоких технологий, высокоинтеллектуальной и высококвалифицированной рабочей силы. Как отмечает Л.Б. Коган, «ранее города завлекали промышленность, теперь завлекают людей высокой квалификации. Раньше поддерживали предприятия, теперь зовут инвесторов, предпринимателей, менеджеров, ученых, преподавателей, артистов, врачей, т.е. тех, кто составляет «человеческий капитал» [7, с. 180]. Это справедливо и для нашей страны. Сегодняшние белорусские города привлекают к себе наиболее активную, мобильную часть населения. Однако, таких городов сегодня крайне мало. Отличие, свойственное белорусскому процессу урбанизации заключается в том, что если в Восточной Европе и Центральной Азии миграция идет из сельских районов в города как таковые, то Беларуси свойственно переселение не только из деревень, поселков, но и явное устремление даже из крупных областных городов переехать именно в столицу. Минск концентрирует в себе 2/3 всех ресурсов и манит возможностями и перспективами жителей иных городов [8].

Поэтому процессы урбанизации в стране развиваются неравномерно: прирост городского населения в большей степени обеспечивает Минск и западные регионы Беларуси. В стране сложилась весьма специфическая городская культура, проявляющаяся в консервации сельской ментальности, патерналистских настроениях, отсутствии действенных механизмов самоуправления, инициативы со стороны, как граждан, так и городских властей. Специалисты отмечают неразвитость или даже отсутствие в белорусских городах более или менее сформированных и проявленных субъектов городского развития. Практика строительства советского общества была нацелена на нивелировку субъектов городского развития и замену их на исполнительские структуры централизованной системы управления. В сегодняшней Беларуси эта практика воспроизводится и является одним из главных факторов, препятствующих развитию городов [13, с. 11]. Поэтому сложно говорить, что урбанизация в Беларуси уже произошла. Скорее можно говорить о том, что она происходит, урбанистическая культура и сам образ жизни горожанина в Беларуси только складываются.

Поэтому речь сегодня должна идти не просто о том, что Беларусь нуждается в городах с развитой экономикой, но и достойным уровнем жизни и современной городской культурой. Особого внимания требует проблема формирования самоидентичности городских жителей, развитие городской ментальности, что будет способствовать распространению городского образа жизни, и как следствие − активизации общественной жизни, повышению гражданской ответственности, развитию институтов гражданского общества и самоуправления в современной Беларуси.

Список использованной литературы:

1. Лопатенко, В.М. Урбанизация как глобальный процесс современности: специфика и формы / В.М. Лопатенко // Ломоносовские чтения 2004: сб. ст. / МГУ, ф-т социологии, 2004. − М., 2004. − 54-60.
2. Красовский, К.К. Урбанизация в Беларуси: экономико-географический анализ / К.К. Красовский. − Брест: Изд-во БрГУ, 2004. − 203 с.
3. Вагин, В.В. Городская социология / В.В. Вагин. – М., 2000. − 169 с.
4. Тыхеева, Ю.Ц. Человек в городском пространстве (Философско-антропологические основания урбанологии) / Ю.Ц. Тыхеева // Московский гуманитарный университет [Электронный ресурс]. – 2007. – Режим доступа: http://www.mosgu.ru − Дата доступа: 09.12.2009.
5. Галич, З.Н. Особенности урбанизации на рубеже XX–XXI вв. Запад. Восток. Россия / З.Н. Галич // Урбанизация в формировании социокультурного пространства / Э.В. Сайко [и др.]; под ред. Э.В. Сайко. – М.: Наука, 1999. – 285 с.
6. Пирогов, С.В. Социология города. Конспект лекций. / С.В. Пирогов. − Томск, 2003. − 211 с.
7. Коган, Л.Б. Города и политика: российские уроки / Л.Б. Коган − М.: Ин-т муниципального управления, 2003. − 216 с.
8. Беларусь — самая урбанизированная страна в Восточной Европе // Naviny.by [Электронный ресурс]. – 2007. – Режим доступа: http://naviny.by − Дата доступа: 03.10.2010.
9. Мировая урбанизация на пороге XXI века // [Электронный ресурс]. – 2010. – Режим доступа: http://works.tarefer.ru − Дата доступа: 10.10.2010.
10. Шыбека, З. Гарадскі камфорт: гісторыя і праблемы сучаснасці / З. Шыбека // Беларускі Калегіюм [Электронный ресурс]. – 2010. − Режим доступа: http://bk.baj.by – Дата доступа: 10.10.2010.
11. Абушенко, В.Л. Креольство как иномодерность Восточной Европы (возможные стратегии исследования) / В.Л. Абушенко // Перекрестки. − 2004. − №1-2. – С. 124-161.
12. Донских, С.В. В тени большого города. Народ и город в Беларуси / С.В. Донских // Этносоциальные и конфессиональные процессы в современном обществе: Материалы междунар. науч. конф. − Гродно, 2005. – С. 186-187.
13. Игра в города: по материалам экспедиций в малые города Беларуси / Науч. ред. и составитель Т.В. Водолажская. – Минск: И.П. Логвинов, 2009. – 218 с.

Юлия Владимировна Никулина, кандидат философских наук, доцент, заместитель заведующего кафедрой теории и практики государственного управления Академии управления при Президенте Республики Беларусь.

УДК 314.17

Екатерина Бабосова (Минск)

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ФАКТОРЫ УГЛУБЛЕНИЯ УРБАНИЗАЦИИ В СОВРЕМЕННОМ БЕЛОРУССКОМ ОБЩЕСТВЕ

В данной статье характеризуются социально-экономические и социокультурные факторы, влияющие на углубление урбанизации в современном белорусском обществе. На основе обобщения статистических данных и материалов социологических исследований, проведенных в академических исследовательских организациях Национальной академии наук Беларуси, показано, что основными факторами углубления урбанизации в Беларуси являются наука и высшее образование. Именно они влияют на миграцию из сельской местности в крупные города, так как там существует больше возможностей и перспектив получить образование и найти работу, которая отвечала бы квалификации и интересам людей. Подчеркивается, что анализ и выявление интенсивности углубления урбанизации являются чрезвычайно важными для оценки перспектив развития современного белорусского общества.

Результаты социологических исследований, анализирующих происходящие в стране демографические процессы, свидетельствуют о том, что в связи с естественной убылью населения Беларуси в ближайшем будущем почти единственным источником пополнения трудовых ресурсов страны станет миграция. Оказывая огромное влияние на общую численность и структуру населения страны, миграция превращается в основополагающую составляющую политического, социально-экономического и культурного развития общества. Именно поэтому анализ миграционных процессов и их последствий являются чрезвычайно важными для оценки перспектив развития белорусского общества. Одним из таких процессов является урбанизация, характеризующаяся ростом городского населения, увеличением числа городов и их укрупнения, возникновением систем городов, а также повышением роли городов в современном мире. Для этого процесса характерны приток в города сельского населения, а также возрастающее маятниковое движение населения из сельского окружения и ближайших малых городов в крупные города.

Урбанизация представляет собой глобальный процесс, обусловленный развитием производительных сил и форм социального общения, который вызывает глубокие преобразования городов и селений на основе роста индустрии, увеличения количества транспорта, ускорения жилищного строительства и повсеместного распространения городского образа жизни. Для Беларуси характерен высокий уровень урбанизации населения, находящийся на уровне крупнейших европейских государств. За десятилетие, которое предшествовало переписи населения, численность горожан возросла на 103 тыс. человек, причем удельный вес городских жителей вырос в каждой области республики.

В целом по республике по состоянию на 2009 г. доля городского населения в общей численности составила 72,5% или 7064,5 тыс. человек, а доля сельского населения – 2439,2 тыс. человек. Несмотря на то, что общая численность населения за период с 1994 по 2006 гг. сократилась с 10243,5 тыс. чел до 9503,8 тыс. человек, количество людей, проживающих в городах, продолжает

стабильно увеличиваться. Следует подчеркнуть, что эта тенденция характерна для всех областей Беларуси. Так, в Брестской области доля городского населения с 1985 по 2006 гг. возросла с 51,8% до 65,6% и составила 918,5 тыс. человек. В Витебской области за тот же период эта доля возросла с 60,8% до 72,9%, и численность горожан достигла 897,0 тыс. человек. В Гомельской области количество горожан возросло с 58,9% до 72,9% (1050,7 тыс. человек), в Гродненской области – с 51,4% до 69,0% (740,6 тыс. человек), в Могилевской области – с 62,4% до 75,8% (833,8 тыс. человек), в Минской области (без г. Минска) – с 42,2% до 55,4% (788,7 тыс. человек). За период с 1989 по 2009 гг. средний прирост населения областных центров республики составил 7%. [1]

При этом самые высокие показатели прироста за эти годы зафиксированы в крупных городах западной части Беларуси: в Гродно – 18,08%, в Бресте – 17,73%. В Гомеле число городских жителей напротив снизилось с 497,5 тыс. человек до 481,5 тыс. человек (– 3,22%). Такие значительные различия в показателях прироста городского населения объясняются рядом факторов. Например, по результатам социологических исследований, проведенных Институтом социологии Национальной Академии Наук Беларуси, «более высокий уровень деловой активности населения Брестской и Гродненской областей способствует привлечению и закреплению экономически активных и высококвалифицированных специалистов из других регионов Беларуси. Что касается сокращения числа жителей Гомеля, то тут сыграл важную роль чернобыльский фактор» [2, с. 2].

Существенными факторами углубления урбанизации в Беларуси являются наука и высшее образование. Именно они влияют на миграцию из сельской местности в крупные города, так как там существует больше возможностей и перспектив получить образование и найти работу, которая отвечала бы квалификации и интересам людей. Об этом свидетельствуют результаты ряда социологических исследований среди трудоспособного населения страны по вопросам внешней и внутренней миграции, проведенных Институтом социологии НАН Беларуси в 2007–2009 гг. Объем республиканской выборки составил 1485 респондентов, из них 695 (46,8%) мужчин и 789 (53,1%) женщин. Молодежь в возрасте до 30 лет составила 24,2%, население в среднем возрасте (30–49 лет) – 53,0%, в пожилом (50 лет и старше) – 22,8% опрошенных. Среди опрошенных 82,6% составили жители городов и поселков городского типа, 17,4% — сельской местности. По результатам исследования 2008 г. одной из важных причин, по которым большинство жителей Беларуси могли бы принять решение о смене места жительства, является возможность найти более подходящую работу (3,1% опрошенных), а также учеба и распределение после окончания учебного заведения (1,9% и 0,7% респондентов). Кроме того, на решение о переезде оказывают влияние семейные обстоятельства (4% респондентов), решение жилищной проблемы (2,3%), неблагоприятная экология (0,4%), а 1,7% опрошенных указали другие причины. При этом рейтинг ответов городских и сельских респондентов на этот вопрос по первым четырем позициям практически одинаков (табл. 1).

Таблица 1 – Рейтинг ответов городских и сельских жителей на вопрос «Назовите основные причины переезда»

	город			село		
	Место	Кол-во	%	Место	Кол-во	%
По семейным обстоятельствам	1	55	3,8	1	27	4,2
Нашел подходящую работу	2	44	3,1	2	18	2,8
Для решения жилищной проблемы	3	33	2,3	3	17	2,6
На учебу	5	24	1,7	2	18	2,8
По распределению после окончания учебного заведения	6	11	0,7	5	4	0,6
Из-за неблагоприятной экологической обстановки	7	8	0,5	6	1	0,1
Другое	4	26	1,8	4	9	1,5
Нет ответа		1247	86,9		561	86,4

Наиболее мобильной с точки зрения готовности переехать в другой населенный пункт является группа респондентов в возрасте до 30 лет. Их оказалось 18,3% от общего числа опрошенных (лиц в возрасте 30–49 лет, планирующих переезд только 4,5%, а тех, кому 50 лет и старше – всего 2%). Это подтверждается статистическими данными – основной миграционный отток из сельской местности в город происходит за счет молодежи в возрасте от 18 до 35 лет, удельный вес которой в сельском населении сокращается. Данное явление нельзя недооценивать, поскольку именно эта часть населения является наиболее трудоспособной и образованной, строит семью, на нее приходится три четверти рождающихся детей.

Надо иметь в виду, что молодежь, как правило, стремится получить достаточно высокий уровень образования, повысить свою квалификацию, получить продвижению по службе. Именно поэтому многие молодые люди собираются продолжить образование в ВУЗах и среднеспециальных учебных заведениях и устремляются в большие города. Это говорит о высокой значимости для них профессионального образования и стремлении к реализации своих амбициозных жизненных планов. Получив профессиональное образование, большинство из них старается любыми путями найти работу в городе и остаться там жить, что связано с тем, что в городах больше возможностей для образовательного и карьерного роста, чем в сельской местности. Чаще всего нежелание вернуться в родные места связано с различиями социально-экономических условий жизни города и села. В селе существует гораздо меньше возможностей профессионально реализоваться, что в большей степени связано со спецификой сельского рынка труда. Это, прежде всего, проблема поиска желаемой работы, ввиду ее ограниченного разнообразия, а также низкий уровень оплаты труда.

По результатам социологического исследования большинство опрошенных планируют сменить место жительства в ближайшем будущем, при этом

основные миграционные потоки будут направлены из сельской местности в города и поселки городского типа. «Так, в целом по республике из общего количества потенциально возможных мигрантов 3% опрошенных респондентов хотят перебраться в г. Минск; 2,6% – в областные центры; 1,5% – в районные центры; 0,5 – в города районного подчинения; 0,5% – в агрогородки; 0,4% – в поселки городского типа. Что касается предпочтений городских и сельских жителей, то для сельчан наиболее вероятны перемещения в областные центры, а также г.Минск и районные центры; для горожан – в г.Минск и областные центры» [3, с. 58].

Способствуют принятию решения о смене места жительства у большинства опрошенных следующие факторы: более высокая заработная плата на новом месте жительства (11,5%); лучшие социально – бытовые условия (7,7%); возможность получения жилья (6,3%); возможность иметь личное подсобное хозяйство (4,7%); желание быть ближе к родственникам (3,4%); полная оплата расходов на переезд и обустройство на новом месте (3,1%); наличие работы по специальности (2,9%); гарантии трудоустройства остальных членов семьи (2,6%) (рис. 1).

Если бы была возможность переехать из сельской местности в город, практически треть опрошенных (38%) не переехали бы ни при каких условиях; 13,9% переехали бы при определенных условиях; 21,8% жителей переехали бы, не задумываясь; 18% затруднились с ответом, а 32,6% не ответили на данный вопрос. В свою очередь, большинство горожан (около 50 %) не переехали бы в деревню ни при каких обстоятельствах. Допускают такую возможность при наличии определенных условий 14,6% и только 4,4% респондентов переехали бы, не задумываясь.

1. Более высокая заработная плата по сравнению с городом
2. Возможность иметь личное подсобное хозяйство
3. Возможность решить жилищные проблемы
4. Гарантии трудоустройства остальных членов семьи
5. Желание быть ближе к родственникам

6. Лучшие социально-бытовые условия, чем в городе
7. Наличие работы по специальности
8. Полная оплата расходов на переезд и обустройство на новом месте
9. Другое
10. Затрудняюсь ответить

Рисунок 1 – Распределение ответов на вопрос «При каких условиях Вы могли бы принять решение о смене места жительства?» (город-село)

Среди главных условий переезда городские респонденты называют: предоставление хорошего жилья, подходящая работа и высокая заработная плата, гарантии трудоустройства на новом месте членов семьи. Причины, по которым переехали бы в город сельские жители – хорошие социально-бытовые условия и широкие возможности выбора работы, более насыщенная культурная жизнь, а также лучшие условия для получения образования. Распределение ответов на вопрос «При каких условиях Вы согласились бы на переезд в сельскую местность (для городских жителей) или в город (для сельских жителей)?» выглядит следующим образом. Из числа опрошенных горожан (16,3%) согласились бы переехать в сельскую местность при обеспечении высокой заработной платы, при предоставлении подходящей работы (10,9%), при обеспечении жильем на новом месте (10,4%), при полной оплате расходов на переезд и обустройство на новом месте (4,5%), при гарантии трудоустройства остальных членов семьи (3,8%). Для сельских жителей ответы распределились следующим образом: в городе лучше социально-бытовые условия (19,8%), проще найти подходящую работу (16,8%), более насыщенная культурная жизнь (10,8%), хотели бы вырастить детей в городе (6,8%), хотели бы переселиться поближе к родственникам (5,0%), лучше условия для получения образования (0,9%).

Все эти обстоятельства оказываются достаточными для того, чтобы определенная часть как сельских (18,2%), так и городских жителей (22,5%) предприняла попытку улучшить качество своей жизни, сменив место работы. По данным исследования, сменили бы место жительства, если бы нашли более подходящую работу и жилье 40% горожан и 43,8% сельских жителей.

Таким образом, урбанизация является доминирующей тенденцией социально-экономической и социально-бытовой динамики современного белорусского общества и обусловлена рядом социально-экономических причин. Среди них главными являются возможность получения желаемого профессионального образования, более широкие перспективы трудовой занятости и карьерного роста, высокий уровень развития различных форм социальной защиты и обслуживания, развитое жилищное строительство. В решающей степени детерминацией именно такой жизненной ориентации многих людей, в первую очередь молодежи, является тот факт, что крупные города в современной Беларуси предоставляют больше возможностей для социальной реализации.

Список источников и литературы

1. Национальный статистический комитет Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – 2010. – режим доступа: http://www.belstat.gov.by. – Дата доступа: 06.11.2010.
2. Кобяк, О.В. Урбанизация в Республике Беларусь в зеркале статистики [Электронный ресурс]. – 2007. – режим доступа: http://un.by/f/file/urbanization_belarus_2007.pdf. – Дата доступа: 06.11.2010.
3. Миграция населения Республики Беларусь / М.И. Артюхин [и др.] ; НАН Беларуси, Ин-т социологии ; под общ. ред. Г.М. Евелькина. – Минск : Бел. наука, 2008. – 182 с.

Екатерина Сергеевна Бабосова, кандидат социологических наук, научный сотрудник Института социологии Национальной академии наук Беларуси.

УДК 008: 323.15(476)

Алена Макрушыч (Гродна)

ЭТНАКУЛЬТУРНАЕ РАЗВІЦЦЁ ГАРАДОЎ ГРОДЗЕНШЧЫНЫ Ў 1990-Х ГГ.

В статье рассматриваются вопросы формирования этнокультурной ситуации в городских поселениях Гродненской области в 1990-х гг. Начало 1990-х гг. стало временем повышения общественного внимания к возрождению этнической культуры белорусов. Деятельностью по её сохранению занимались преимущественно государственные органы и учреждения культуры. Развитие культуры национальных меньшинств являлось прерогативой созданных их представителями общественных организаций и активизировалось со второй половины 1990-х гг. Наиболее активно действовали в этом направлении польские общественные объединения. Основными трудностями, с которыми сталкивались государственные и общественные организации при создании этнокультурной среды в городах, были недостаток финансирования, помещений для проведения различных мероприятий, отсутствие научной информации о фольклоре, обрядах и др. В итоге был сделан вывод о поликультурном характере городов Гродненщины в 1990-х гг.

Пачатак 1990-х гг. стаў часам адраджэння нацыянальнай самасвядомасці ў Беларусі. Цэнтрамі развіцця новых тэндэнцый у культурным жыцці сталі гарады, дзе найбольш актыўна развівалася грамадская ініцыятыва, ствараліся новыя культурныя установы і творчыя калектывы. Асаблівасці этнакультурнага жыцця ў кожным рэгіёне Беларусі залежалі ад этнічнай структуры насельніцтва, зацікаўленасці той ці іншай этнічнай групы ў развіцці уласнай культуры. Мэтай дадзенага артыкулу з’яўляецца даследаванне спецыфікі этнакультурнага развіцця гарадскіх паселішчаў Гродзенскай вобласці ў 1990-х гг.

Пры даследаванні этнакультурнай сітуацыі неабходна вызначыць этнічны склад насельніцтва вывучаемага рэгіёну, яго дынаміку і адметнасці (табліца 1) [24, с. 20, 29].

Табліца 1. – Этнічны склад насельніцтва Гродзенскай вобласці паводле дадзеных перапісаў 1989 і 1999 гг.

Этнічная група	Гродзенская вобласць		Суадносіны 1999 да 1989, %
	1989	1999	
Беларусы	390729	456878	+16,93
Рускія	108153	101827	-5,85
Палякі	137696	156326	+13,53
Украінцы	19765	17445	-11,74
Яўрэі	2167	910	-58,01
Армяне	372	744	+100,00
Татары	2161	1863	-13,79
Цыгане	228	310	+35,96
Літоўцы	959	1008	+5,11
Азербайджанцы	420	466	+10,95
Немцы	290	378	+30,34
Малдаване	362	255	-29,56
Грузіны	199	239	+20,10
Чувашы	254	236	-7,09
Латышы	163	148	-9,20
Мордва	214	142	-33,64
Узбекі	189	103	-45,50
Казахі	105	79	-24,76
Башкіры	75	63	-16,00
Іншыя нацыянальнасці	1132	996	-12,01
Усяго	665634	741053	+11,33

За 10 гадоў з часу перапісу 1989 г. ў гарадах Гродзеншчыны на 17 % ўзрасла колькасць беларусаў, на 13 % - колькасць палякаў. Павялічылася колькасць выхадцаў з краін Каўказа: грузін, армян, азербайджанцаў. Гэта тлумачылася ростам напружанасці у гэтым рэгіёне ў перыяд канца 80-х – пачатку 90-х гг. і з'яўленнем міжэтнічных канфліктаў (Карабах, Абхазія і г.д.). У пошуках паратунку людзі з'язджалі ў спакойныя рэгіёны былога Саюза, адным з якіх была Рэспубліка Беларусь. У Гродзенскай вобласці сярод гарадскога насельніцтва нязначна павялічылася колькасць цыган, літоўцаў, немцаў. Найбольш моцна скарацілася колькасць яўрэяў. Гэтыя змены ў этнічнай структуры абумоўлены шэрагам фактараў. Па-першае, пасля распаду СССР адбывалася міграцыя яўрэяў у Ізраіль і ЗША. Дынаміка колькасці большасці этнічных груп адбывалася за кошт змянення ідэнтыфікацыі грамадзян, асабліва дзяцей са змешаных шлюбаў, якія ва ўмовах незалежнай Беларусі выбралі прыналежнасць да тытульнага этнасу. Таксама пэўную ролю ў павялічэнні лічбы палякаў і беларусаў адыграла міграцыя насельніцтва з вёскі.

У пачатку 1990-х гг. развіццё этнічнай беларускай культуры ў гарадах Гродзеншчыны адбывалася пры значным дзяржаўным удзеле. У параўнанні з папярэднім перыядам больш увагі стала надавацца папулярызацыі беларускага фальклору і абрадаў. Аднак выкарыстоўваліся раней апрабаваныя на самадзейнай мастацкай творчасці формы работы. Як і раней, асноўнымі цэнтрамі такой дзейнасці з'яўляліся клубныя установы (Дамы і Палацы

культуры, клубы пры прадпрыемствах, навучальных установах). Дзейнасць клубных устаноў па развіццю беларускай традыцыйнай культуры каардынавалі аддзелы культуры гар- і райвыканкамаў [3, л. 15].

Акрамя таго, у пачатку 1990-х гг. у гарадах пачалі ствараццa новыя установы культуры, якія займаліся развіццём беларускай традыцыйнай культуры. У 1991 г. у Гродна быў створаны гарадскі навукова-метадычны цэнтр (ГНМЦ) [3, арк. 13]. Асноўнымі напрамкамі дзейнасці ГНМЦ былі: 1) развіццё традыцыйнага народнага мастацтва, рамёстваў і народных промыслаў; 2) стварэнне фальклорных калектываў, прапаганда аўтэнтычнага рэгіянальнага фальклору, адраджэння народных свят і абрадаў [4, арк. 5]. Таксама ён стаў цэнтрам каардынацыі дзейнасці іншых арганізацый горада ў гэтым накірунку. У 1992 г. у Гродна адкрыўся першы ў вобласці Дом рамёстваў [22]. У 1999 г. падобная установа адчынілася ў Ваўкавыску. У іншых рэгіёнах краіны колькасць Дамоў рамёстваў была значна большай (асабліва вызначалася ў гэтым плане Віцебшчына).

Цяжкае фінансавае становішча пачатку 1990-х гг., якое негатыўна адбілася на развіцці культурнай сферы ў краіне, не абмінула і гарады Гродзеншчыны. Так, на 1993 г. у г. Гродна на 15 адзінак зменшылася колькасць клубных устаноў, і на 174 адзінкі – колькасць гурткоў і самадзейных калектываў. Гэта было выклікана змяншэннем фінансавання, цяжкім становішчам прадпрыемстваў, на базе якіх дзейнічалі клубныя установы і аматарскія аб’яднанні. Ва ўмовах рыначных адносін прадпрыемствы былі не зацікаўлены ў развіцці мастацкай самадзейнасці [3, арк. 16].

У пачатку 1990-х гг. гарадскія аддзелы культуры накіроўвалі работу устаноў культуры на адраджэнне беларускіх нацыянальных традыцый, свят і абрадаў, захаванню іх самабытнасці [3, арк. 9, 15]. Іх супрацоўнікі распрацоўвалі сцэнарыі святаў і абрадаў, кіравалі фальклорнымі калектывамі, былі праваднікамі дзяржаўнай культурнай палітыкі ў дадзенай сферы. У гэтай дзейнасці прасочваліся два асноўныя накірункі: правядзенне гарадскіх святаў беларускага каляндарна-абрадавага цыклу і праца фальклорных калектываў на аснове беларускага фальклору.

У гарадах Гродзеншчыны арганізоўваліся Каляды (праваслаўныя і каталіцкія), Купалле, Радуніца, Вялікдзень, Дзяды, Масленіца [3, арк. 9; 4, арк. 1; 8, арк. 17, 18]. Гэтыя святы праводзіліся па сцэнарыям, распрацаваным работнікамі культуры на аснове даследаванняў фалькларыстаў і этнографаў. Распрацоўку сцэнарыяў свят, абрадаў рабілі супрацоўнікі ГНМЦ [4, арк. 18].

На гарадскіх святах, што праводзіліся па матывах народнага каляндара, прысутнічаў падзел на гледачоў і артыстаў, якія забаўлялі наведвальнікаў, прыцягвалі іх да ўдзелу ў гульнях і спаборніцтвах [6, арк. 10, 11]. У гэтым было асноўнае адрозненне ад сапраўдных аўтэнтычных свят, дзе кожны прысутны з’яўляўся удзельнікам і дзейнічаў згодна з традыцыяй. Не да канца ўрэгуляванымі былі адносіны да рэлігійнага кантэксту свят. Так, пры святкаванні у 1994 г. у Гродне «Купалля» акцэнт рабіўся на язычніцкую складаючую.

Аднак у другой палове 1990-х гг. цікавасць да дадзеных святаў пачала змяншацца [4, арк. 20]. Гэта было выклікана шэрагам фактараў. Па-першае, у адрозненні ад этнакультурных працэсаў у сельскай мясцовасці ў гарадах менш цікавасці выклікала беларуская традыцыйная культура як земляробчая ў сваёй аснове і мала звязаная з духоўным жыццём сучасных гараджан. Пры пераносе на гарадскую глебу, наданні ім забаўляльнага зместу губляўся аўтэнтычны сэнс дадзеных свят, што часам пераўтварала іх у простыя народныя гулянні. Па-другое, ініцыятыва правядзення такіх свят належала пераважна не грамадзянам, а выступала як выкананне дзяржаўнымі ўстановамі культуры пастаноў цэнтра. Удзел гараджан Гродзеншчыны ў этнакультурным жыцці ў большасці абмяжоўваўся прысутнасцю на святах і мерапрыемствах (роля гледача і слухача), хаця і ў такім выпадку жыхары горада мелі магчымасць далучыцца да скарбаў беларускай этнічнай культуры.

Акрамя гарадскіх святкаванняў, у гарадах Гродзеншчыны ў пачатку 1990-х гг. пачалі праводзіцца разнастайныя фальклорныя фестывалі. Гродзенскім абласным навукова-метадычным цэнтрам народнай творчасці арганізоўваліся абласныя фестывалі і вечарыны фальклору і народна-сцэнічнага танца, выставы твораў народных майстроў, аўтэнтычных народных строяў і інш. [11, арк. 46, 47; 10; 12; 13]. У 1992 г. у Гродна прайшоў фестываль фальклору, які суправаджаўся выставай народных майстроў [3, арк. 15]. У 1994 г. у Гродне прайшло гарадское свята сямейнай творчасці (20 сямейных творчых калектываў горада), паказвалі фальклор і народныя абрады, пераможца паехаў на Рэспубліканскі фестываль у Слонім [4, арк. 10]. Апошні з названых мерапрыемствах быў найбольш значным фестывалем фальклорнай накіраванасці, што адбыўся ў гарадах Гродзеншчыны (г. Слонім, 1994, 1997) [19, с. 721]. З 1994 г. у Гродна праводзіліся фестывалі нацыянальных свят і абрадаў. У першым удзельнічала 13 калектываў мастацкай самадзейнасці (з іх 3 сярэднія школы), то ў 4-м (1997 г.) – 28 (з іх 20 сярэдніх школ) [4, арк. 16].

Цікавасць да беларускага фальклору праявілася ў стварэнні фальклорных калектываў пры клубных установах. Так, калі на 01.01.1990 г. такіх калектываў у Гродна не было, то на 01.01.1993 г. іх з'явілася 16 адзінак [3, арк. 16]. Яны існавалі пры навучальных установах і прадпрыемствах, установах культуры. Найлепш адраджалі народныя абрады і традыцыі фальклорныя калектывы пры камбінаце будаўнічых матэрыялаў, Заводзе карданных валаў, Гродзенскім дзяржаўным універсітэце імя Я. Купалы, прафесійна-тэхнічным вучылішчы № 74, 120, аўтапарку № 1, мэблевай фабрыцы, палацах культуры [4, арк. 2]. Рэпертуар такіх калектываў складаўся з апрацаваных твораў беларускага фальклору, не было сувязі з носьбітамі традыцыі, што пагаршала якасць творчасці. Праблемай было выкарыстанне ў творчасці калектываў мастацкай самадзейнасці рэгіянальнага фальклору Гродзеншчыны. У ГНМЦ, які павінен быў быць каардынацыйным цэнтрам, не было базы для фальклорных экспедыцый з мэтай вывучэння фальклору рэгіёну [4, арк. 4].

У гарадах Гродзеншчыны дзейнічалі народныя майстры (майстры па вышыўцы, саломапляценню, ткацтву, кераміцы, коўкі па металу [7, арк. 6]. У Гродна працавала каля 60 народных майстроў, больш за палову з іх складалі

самадзейныя мастакі [3, арк. 12]. Улады выдзялялі ім памяшканні для працы [3, арк. 2]. У 1993 г. у Гродна такіх памяшканняў было выдзелена каля 10 [3, арк. 6]. Таксама ў гэтым годзе ў Гродна паўстала гарадское аддзяленне таварыства майстроў народнай творчасці. З 1987 г. у Гродна ў апошнюю нядзелю мая праводзіліся дні народнага майстра [3, арк. 3]. Гарадскі аддзел культуры з пачатку 1990-х гг. устанавіў гадавую стыпендыю для народных майстроў ў памеры 1,5 млн. руб. [7, арк. 7].

У канцы 1980-х – пачатку 1990-х гг. у Беларусі з'яўляюцца грамадскія аб'яднанні нацыянальных меншасцяў. У гарадах Гродзеншчыны найбольш актыўна ствараліся польскія грамадскія аб’яднанні. Самым уплывовым і масавым з іх быў «Саюз палякаў Беларусі», створаны ў 1988 г. [9, арк. 11]. Аддзелы гэтага грамадскага аб’яднання месціліся амаль ва ўсіх раённых цэнтрах і г. Гродна. У Лідзе з 1990 г. пачало дзейнічаць «Таварыства польскай культуры на Лідчыне» [23, с. 41]. Большасць грамадскіх аб’яднанняў іншых нацыянальных меншасцей былі створаны ў гарадах Гродзенскай вобласці ў другой палове 1990-х гг. У гарадах дзейнічалі 3 літоўскіх аб’яднанні: «Тэвіне» (г. Гродна), «Рута» (г. Ліда) і «Гінтарас» (г.п. Радунь), татарскае і украінскае грамадскае аб’яднанне (г. Гродна), таварыства «Польска мацеж школьна» (Гродна) [23, с. 34, 41; 16, с. 35, 38; 9, арк. 11]. Яўрэйскія арганізацыі былі заснаваны у Гродне і Лідзе [16, с. 39–41].

Дадзеныя грамадскія арганізацыі бачылі сваё асноўнае прызначэнне ў захаванні культуры нацыянальных меншасцяў і яе папулярызацыі. З гэтай мэтай ствараліся калектывы мастацкай самадзейнасці, праводзіліся разнастайныя культурныя мерапрыемствы. З боку мясцовых органаў улады яны атрымлівалі дапамогу ў прадастаўленні памяшканняў для заняткаў, аплачвалася праца кіраўнікоў такіх калектываў [18, с. 28]. Пры гарадскім Доме культуры у Гродне працавалі ансамблі польскай песні і танца «Лехіці», «Хабры», праводзіў рэпетыцыі хор украінскай песні [8, л. 21]. У Лідзе польскія творчыя калектывы мелі магчымасць праводзіць рэпетыцыі пры Лідскім музычным вучылішчы і музычным цэнтры «Панарама» [18, с. 28].

Падобныя калектывы выступалі як на фестывалях у краіне паходжання, так і ў Беларусі. Пачынаючы з 1991 г., у гарадах Гродзеншчыны праводзіліся фестывалі польскай песні, конкурсы польскіх калядных груп [14, арк. 85]. У 1993 г. адбыліся першыя артыстычныя сустрэчы «Гродна-Беласток» і «Беласток-Гродна», у якіх бралі ўдзел польскія артысты з Гродзенскай вобласці і беларускія калектывы з Беласточчыны. Яўрэйскія арганізацыі рэгіёну адзначалі традыцыйныя святы (Пурым, Ханука), праводзілі мерапрыемствы па ўшанаванню памяці загінуўшых падчас Халакосту. На базе Гродзенскага гарадскога Дома культуры ў канцы 1990-х гг. праводзіліся вечары польскай культуры, мерапрыемствы па папулярызацыі яўрэйскай культуры [8, арк. 21].

Большасць арганізацый нацыянальных меншасцей звычайна арганізоўвалі культурныя мерапрыемствы для сваіх членаў. Гэта не дзіўна, калі улічваць, што этнакультурныя аб’яднанні не займаліся гаспадарчай дзейнасцю і мелі пэўныя абмежаванні ў сродках.

Для таго, каб пазнаёміць шырокае кола людзей з культурай розных этнічных супольнасцяў, у 1995–1996 гг. быў арганізаваны фестываль нацыянальных культур. Арганізатарамі мерапрыемства сталі Міністэрства культуры і друку, Рэспубліканскі цэнтр нацыянальных культур, упраўленне культуры і друку Гродзенскага аблвыканкама і аддзел культуры Гродзенскага гарвыканкама. Значную частку грашовых сродкаў выдзеліла Міністэрства культуры Рэспублікі Беларусь [1, арк. 17]. Творчыя праграмы 11 аб'яднанняў: азербайджанскага, армянскага, карэйскага, літоўскага, малдаўскага, нямецкага, польскага, рускага, татарскага, украінскага і яўрэйскага, былі прадстаўлены на завяршальных мерапрыемствах 24–26 мая 1996 г. у Гродна. II Рэспубліканскі фестываль нацыянальных культур адбыўся ў 1997–1998 гг. У межах падрыхтоўкі да фестывалю прайшоў шэраг культурных імпрэз, з іх у заходнім рэгіёне Беларусі адбыліся мерапрыемствы па святкаванню 600-годдзя асадніцтва татар на Беларусі (Навагрудак, Іўе), VI фестываль польскай песні (Брэст, Воранава, Ваўкавыск) і г.д. [21, с. 3]. Заключныя падзеі фестывалю прайшлі 22–24 мая 1998 г. у г. Гродна, стаўшым ужо яго традыцыйнай сталіцай. У іх бралі ўдзел 26 мастацкіх калектываў 15 этнічных супольнасцяў Беларусі, у агульнай колькасці каля 800 чалавек.

У пачатку 1990-х гг. бібліятэкі Гродзеншчыны уключыліся ў кампанію па пашырэнню выкарыстання беларускай мовы [11, арк. 13]. У хуткім часе ў бібліятэках выдача выданняў на беларускай мове пачала складаць чацвёртую частку ад агульнай кнігавыдачы. У кожнай бібліятэцы ладзіліся прэзентацыі, прэм’еры, чытацкія канферэнцыі, гістарычныя вандроўкі, прысвечаныя гісторыі Беларусі [15, с. 10]. Гарадскія бібліятэкі таксама прынялі ўдзел у руху па адраджэнню традыцыйнай культуры, што адбываўся ў пачатку 1990-х гг. Гэта выявілася ў форме аздаблення інтэр’ера вырабамі народных рамёстваў, правядзенні народных свят і абрадаў [2, арк. 16; 5, арк. 4]. Гарадскія бібліятэкі Гродзеншчыны з 1992 г. сталі ўдзельнічаць у рэспубліканскім конкурсе «Бібліятэка – асяродак нацыянальнай культуры», мэтай якога была папулярызацыя беларускай мовы і культуры ў грамадстве [5, арк. 3; 7, арк. 2, 4].

Доступ да літаратуры на роднай мове з’яўляецца важным фактарам для прадстаўнікоў нацыянальных меншасцей, бо дазваляе не толькі палепшыць веданне мовы, але і расчыняе дзверы ў свет культуры краіны паходжання. Да таго ж, бібліятэка з’яўляецца зручным месцам для сустрэч і правядзення культурных мерапрыемстваў. З 1992 г. пры аддзяленні Саюза палякаў на Беларусі ў г. Гродна пачала працаваць польская бібліятэка, якая ўваходзіла ў склад Гродзенскай гарадской цэнтральнай бібліятэчнай сістэмы. Яе фонд у канцы 1990-х гг. складаў 16,5 тыс. экземпляраў [9, арк. 3]. У 1997 г. гарадская бібліятэка № 10 г. Гродна стала супрацоўнічаць з грамадскім аб’яднаннем ўкраінцаў «Барвінак». У рамках супрацоўніцтва была арганізавана пастаянная кніжная выстава «У сердцы рідна Украіна», створаны фонд украінскай літаратуры [17]. У 1998–1999 гг. кожны квартал у бібліятэцы ладзіліся вечарыны, на якіх дэманстраваліся вырабы народных рамёстваў, абмяркоўвалася творчасць украінскіх пісьменнікаў [9, арк. 10]. З 1998 г.

Цэнтральная гарадская бібліятэка імя А. Макаёнка ў г. Гродна пачала працаваць з грамадскім аб'яднаннем «Гродненский еврейский дом «Менора»» [17]. У рамках супрацоўніцтва ў 1999 і 2000 гг. былі арганізаваны абшчынныя фестывалі яўрэйскай кнігі [20].

Такім чынам, можна зрабіць выснову, што развіццё этнічных культур, складванне этнакультурнага асяроддзя ў гарадах Гродзенскага рэгіёну актывізавалася ў пачатку 1990-х гг., пасля набыцця краінай суверэнітэту. Гэта было звязана з абуджэннем этнічнай свядомасці ў людзей, іх імкненнем да развіцця культуры свайго этнасу, а таксама рэакцыяй дзяржавы на дадзеныя тэндэнцыі. Дзейнасцю па захаванні традыцыйнай культуры беларусаў займаліся пераважна дзяржаўныя органы і ўстановы культуры. Развіццё культуры нацыянальных меншасцяў з'яўлялася прэрагатывай створаных іх прадстаўнікамі грамадскіх арганізацый і актывізавалася з другой паловы 1990-х гг. Найбольш актыўна дзейнічалі ў гэтым кірунку польскія грамадскія аб'яднанні. Асноўнымі цяжкасцямі, з якімі сутыкаліся дзяржаўныя і грамадскія арганізацыі пры стварэнні этнакультурнага асяроддзя ў гарадах, былі: недахоп фінансавання і памяшканняў для правядзення розных мерапрыемстваў, адсутнасць навуковай інфармацыі пра фальклор, абрады і інш.

Спіс крыніц і літаратуры

1. Архіў Міністэрства культуры Рэспублікі Беларусь. – Фонд 974. – Воп. 1. – Спр. 18. Документы об организации и проведении конкурсов, фестивалей, дней культуры и праздников (протоколы, приказы, планы, переписка) (1995 г.) – 233 арк.

2. Дзяржаўны архіў Гродзенскай вобласці (ДАГВ). – Фонд 471. – Воп. 2. – Спр. 453. Протоколы № 1–4 заседания Совета отдела культуры и документы к ним (1993 г.). – 107 арк.

3. ДАГВ. – Фонд 471. – Воп. 2. – Спр. 455. Справки и информация о работе отдела и подведомственных организаций за 1993 г. – 19 арк.

4. ДАГВ. – Фонд 471. – Воп. 2. – Спр. 457. Справки и информация о работе городского научно-методического центра народного творчества и культпросветработы за 1993–1994 гг. – 20 арк.

5. ДАГВ. – Фонд 471. – Воп. 2. – Спр. 458. Документы о работе библиотек города. – 17 арк.

6. ДАГВ. – Фонд 471. – Воп. 2. – Спр. 465. Программы, сценарии, план проведения праздников и недели белорусской письменности и печати. – 19 арк.

7. ДАГВ. – Фонд 471. – Воп. 2. – Спр. 466. Справка, информация, сведения о работе отдела и подведомственных организаций за 1994–1995 гг. – 17 арк.

8. ДАГВ. – Фонд 471. – Воп. 2. – Спр. 504. Документы о работе клубных учреждений города за 1998 – 2000 гг. – 75 арк.

9. ДАГВ. – Фонд 471. – Воп. 2. – Спр. 504а. Документы о работе библиотек города (планы, справки, информации) за 1998–2003 гг. – 38 арк.

10. ДАГВ. – Фонд 516. – Воп. 2. – Спр. 220. Текстовой отчёт о работе областного научно-методического центра народного творчества и культпросветработы за 1992 г. – арк. 1.

11. ДАГВ. – Фонд 1266 – Воп. 3. – Спр. 130. Справки, информации и другое о работе Управления культуры Гродненского облисполкома и подведомственных организаций за 1992–1993 гг. – 59 арк.

12. ДАГВ. – Фонд 1266. – Воп. 3. – Спр. 129. Комплексный перспективный план работы Управления культуры Гродненского облисполкома на 1992 г. – Арк. 3, 4.

13. ДАГВ. – Фонд 1266. – Воп. 3. – Спр. 147. Комплексный перспективный план работы Управления культуры Гродненского облисполкома на 1993 г. – Арк. 2, 3.

14. Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь. – Фонд 968. – Воп. 12. – Спр. 207. Обращения и письма общественно-культурных объединений о соблюдении законодательства о национальных меньшинствах и языке, содействии государства в их общественно-культурной жизни (22.01.1993–12.12.1993 г.). – 149 арк.

15. Бібліятэкі Гродзеншчыны: стан, праблемы, перспектывы / Гродзен. абл. нав. бібліятэка імя Я. Карскага. – Гродна, 1996. – 45 с.

16. Грамадскія арганізацыі нацыянальных супольнасцей Рэспублікі Беларусь, якія зарэгістраваны органамі юстыцыі // Аператыўная інфармацыя па праблемах культуры і мастацтва : інфарм.-аналіт. зб. / Нац. б-ка Беларусі. – Мінск, 1999. – Вып. 5. – С. 33–41.

17. Мальцава, Л. Узаемадзеяннем вызначаюцца стасункі бібліятэк і нацыянальных аб'яднанняў Гродзеншчыны / Л. Мальцава // Голас Радзімы. – 2006. – 8 чэрв. – С. 10.

18. О работе с польскими общественными объединениями в Республике Беларусь // Аператыўная інфармацыя па праблемах культуры і мастацтва : інфарм.-аналіт. зб. / Нац. б-ка Беларусі. – Мінск, 1999. – Вып. 5. – С. 26–29.

19. Сивурова, Л.П. Любительское художественное творчество / Л.П. Сивурова // Современная Беларусь : энциклопед. справ. : в 3 т. – Минск : Белорусская наука, 2006–2007. – Т. 3. Культура искусство. – С. 685–729.

20. Сотнікава, І. Бібліятэкі – нацыянальным суполкам, суполкі – бібліятэкам // І. Сотнікава // Гродзенская праўда. – 2002. – 20 крас. – С. 11.

21. Стружэцкі, Т. Суквецце нацыянальных культур / Т. Стружэцкі // Мастацтва. – 2004. – № 5. – С. 3–4.

22. Храмкова, А. З нагоды 10-годдзя Дома рамёстваў / А. Храмкоў // Аркуш. – 2002. – 13–19 ліст. – С. 1.

23. Нацыянальныя культурна-асветныя аб'яднанні Рэспублікі Беларусь / Каардынац. савет па справах нац. меншасцей пры Кабінеце Міністраў Рэсп. Беларусь [і інш.]. – Мінск, 1996. – 48 с.

24. Национальный состав населения Республики Беларусь и распространённость языков: итоги переписи населения 1999 г. : стат. сб. : в 2 т. / М-во статистики и анализа Респ. Беларусь. – Минск, 2001. – Т. 1. – 451 с.

Алена Мікалаеўна Макрушыч, выкладчык кафедры гісторыі Беларусі факультэта гісторыі і сацыялогіі ГрДУ ім. Я. Купалы. Сфера навуковых інтарэсаў: этнакультурнае развіццё Беларусі, гісторыя гарадоў заходняга рэгіёну Беларусі ў канцы XX ст.

УДК 025.173 (476.6)

Марина Колоцей, Наталья Улейчик (Гродно)

ПОЛЬСКОЕ НАЦИОНАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ НА ГРОДНЕНЩИНЕ В 1990 – НАЧАЛЕ 2000-Х ГОДОВ: ДОСТИЖЕНИЯ, ПРОБЛЕМЫ, ПЕРСПЕКТИВЫ

Предметом исследования является развитие польского национального образования на Гродненщине в 1990 – начале 2000-х годов, его достижения, проблемы и перспективы. В статье определяются условия и правовая база возрождения и развития польского национального образования, анализируются его основные формы, раскрываются их особенности. Изучение опыта национального образования польской этнической общности

позволяет выбрать в каждом конкретном случае наиболее приемлемый, действенный вариант дальнейшего развития, исходя из потребностей и интересов диаспоры и государства.

Становление Республики Беларусь как суверенного государства в 1990-е годы, масштабность задач социально-экономического развития и национально-государственного строительства выдвинули на первый план необходимость создания национальной системы образования, которая является одним из гарантов социальной стабильности, основой экономического развития общества, источником интеллектуального и духовно-нравственного потенциала нации. Национальная государственная политика Республики Беларусь в области образования отражает процесс национально-культурного развития не только белорусского народа, но и других этносов, проживающих в республике. Исследовательский интерес к проблеме национального образования этнических меньшинств, как принципиально новой в современной отечественной историографии, связан с созданием суверенного государства Республики Беларусь и развитием титульной нации – с одной стороны, и национальных меньшинств, представленных на территории государства, имеющих давнюю историко-культурную традицию на белорусской земле, с другой.

В этом плане несомненный интерес представляет развитие польского образования на Гродненщине, имеющей свои специфические черты, продиктованные как особенностями исторического развития края, так и своеобразием современного этнического состава населения.

Материалы прошедшей в октябре 2009 года переписи населения Республики Беларусь предоставили подробную характеристику национальностей, населяющих нашу страну. По данным переписи населения на территории Республики Беларусь постоянно проживают представители около 140 национальностей и народностей. Поляки образуют третью по численности этническую группу Беларуси (после белорусов и русских) – 294 549 чел., или 3,1 % от общей численности населения страны. Основная их часть сосредоточена в Гродненской области (230 810 чел., или 78,3% от общего числа поляков). В рамках национального состава Гродненской области лица польской национальности составляют 21,5 % от общего состава населения области [1].

Если рассматривать состав населения в районах, непосредственно граничащих с Польшей, то этот показатель еще выше. Так, в Гродненском районе доля польского населения составляет около 40%, в Щучинском – около половины населения, в Вороновском – 83% [2]. Такие этнические особенности должны учитываться при организации общеобразовательных школ.

В июле 1989 г. при Верховном Совете БССР была создана комиссия по национальной политике и межнациональным отношениям с целью подготовки предложений о законодательном урегулировании статуса белорусского, русского и других языков, которыми пользуется население республики. Принятие закона «Аб мовах ў Беларускай ССР» 26 января 1990 г., а также Государственной программы развития белорусского языка и других национальных языков в Белорусской ССР в сентябре 1990 г. стали отправной точкой в формировании

государственной политики Республики Беларусь в области национального образования.

К середине 1990-х годов в Республике Беларусь была создана законодательная база возрождения белорусского языка и языков национальных общностей Беларуси. В настоящее время национальное образование регламентируется программами Министерства образования, Законом «Об образовании в Республике Беларусь» (1991 г., с изменениями и дополнениями 2004 и 2005 гг.), которые разработаны на основе Конституции Республики Беларусь, Законами «О языках в БССР» (1990 г.), «О культуре в БССР» (1991 г.), «О национальных меньшинствах в Республике Беларусь» (1992 г.), постановлением Министерства образования и науки РБ «Об удовлетворении образовательных потребностей национальных меньшинств в Республике Беларусь» (1995 г.), Законом «О правах ребенка» (2000 г.) и др.

При этом государственные гарантии не являются единственным условием для развития национального образования. Исходным пунктом развития национального образования является определение потребности со стороны диаспоры, затем – согласование интересов диаспоры и государственных структур, наличие законодательно-правовой базы и государственных гарантий, а также, что весьма важно, помощь исторической родины диаспоры. Только при соблюдении этого триединого условия возможно развитие национального образования этнических меньшинств.

Постепенное возрождение польского национального образования в Беларуси (последняя польская школа в БССР была закрыта в 1948 г.) началось в конце 1980-х годов. В 1987/88 учебном году 11 учеников Лососновской средней школы Гродненского района факультативно начали изучать польский язык. Динамику развития польского образования можно проследить по статистическим данным Управления образования Гродненской области, а также по материалам отдела образования Союза поляков Беларуси. Если в 1989/90 учебном году в Гродненской области польский язык изучался 6 524 учениками, то в 1998/99 учебном году 9 092 учащихся 169 школ области на разного вида занятиях (кружки по интересам, факультативы, польский язык как предмет, классы с польским языком обучения) изучали польский язык [3]. В 2000/2001 учебном году польский язык изучали 11 158 учащихся 182 школ Гродненщины, что составляло 53% всех учащихся Беларуси, охваченных польскоязычным обучением [4]. Только в Гродно в 2004/2005 учебном году польский язык как предмет изучали 548 учеников в 17 общеобразовательных школах, трех гимназиях, лицее № 1; факультативно – 441 ученик в 8 школах и 2 гимназиях; на занятиях по интересам – 316 учеников в 10 школах и гимназии № 4; на занятиях по выбору – 400 учеников в 9 школах, гимназии № 1 и лицее № 1; в кружках – 75 учеников гимназии № 2. Всего 1232 ученика. Польский язык изучался и в 20 детских дошкольных учреждениях [5].

По данным официального сайта посольства Республики Беларусь в Польше в 2005 г. в целом в республике функционировали 2 школы с польским языком обучения (в Гродно и Волковыске), классы с польским языком обучения (5 школ в Минске, Бресте, Гродно). Польский язык изучали более 22 тысяч

человек, из них в государственных школьных и дошкольных учреждениях – более 12 тысяч человек.

Наиболее эффективной формой польского образования являются классы по изучению национального языка как предмета и начальные классы с польским языком обучения. Ведь знания, полученные на кружках и факультативах, в силу ряда обстоятельств (малое количество времени, уровень подготовки учителей) носили весьма ограниченный характер.

В 1990/91 учебном году были открыты два польских класса в средних школах № 3 и 23 г. Гродно, в которых обучалось 45 детей. В этих классах преподавали учителя, приехавшие из Польши, а воспитательную работу вели гродненские учителя, получившие образование в вузах Польши. В следующем учебном году были открыты еще четыре класса в (СШ № 3, 17, 21, 23), где преподавание предметов велось на польском языке.

В Волковыске первый класс с польским языком обучения (16 учеников) начал свою работу в СШ № 2 на базе детского сада № 1 с 1 сентября 1992 г. именно в этой школе в 1946 г. прекратили свою работу учителя польского языка в связи с переводом ее на русский язык обучения. В 1998/1999 учебном году в польских классах Волковысского района обучалось уже 112 учащихся. Всего в районе изучали польский язык 388 человек. В 2000/2001 учебном году в Волковысском районе изучали польский язык 750 учащихся [6].

Тем не менее, о полноценном национальном образовании можно говорить только в рамках общеобразовательной школы с польским языком обучения. Мотивы изучения польского языка и обучения в польской школе разнообразны и колеблются от желания узнать культуру своей (соседней) нации, сохранить традиции семьи до перспектив получения высшего образования в Республике Польша. В настоящее время польский язык является не только и не столько языком национального меньшинства, сколько языком, который открывает перспективы в получении высшего образования и трудоустройстве Знание польского языка дает возможность поступать в польские высшие учебные заведения.

Средняя школа № 36 с польским языком обучения в г. Гродно является первой школой в Республике Беларусь, открытой на социальный запрос этнических поляков 21 сентября 1996 г. Строительство школы финансировалось через «Союз поляков Беларуси» общественной организацией помощи полякам за границей «Вспульнота Польска». На торжество по случаю открытия школы прибыли делегации республиканских и местных органов власти, делегация польской сенаторской комиссии во главе с сенатором Романчуком, делегация «Вспульнота Польска» с профессором Стельмаховским, делегация Министерства образования Республики Польша с министром образования Д. Грабовской и др. [7]. Директором новой школы стала Р.Э. Гулецкая, до этого времени работавшая директором школы-гимназии № 30 г. Гродно. Школа была рассчитана на 540 учащихся.

30 сентября 1999 г. в Волковыске была открыта вторая в Беларуси школа с польским языком обучения на 198 мест. Символически она уже стала школой дружбы, хотя бы по принципу решения вопросов финансирования: в строи-

тельство деньги инвестировала также «Вспульнота Польска», а весь учебно-воспитательный процесс осуществляется за счет местного бюджета. Это является подтверждением, насколько важно в вопросах национального образования совпадение не только интересов государства и диаспоры, но и интересов диаспоры и ее исторической родины. И дело не ограничивается только материальной помощью и образовательной инициативой. Важно методическое обеспечение учебниками, учебными пособиями, учительскими кадрами, предоставление возможности выпускникам школ получать высшее образование на исторической родине.

Польские школы на Гродненщине (СШ № 36 в г. Гродно и СШ № 8 в г. Волковыске) действуют в рамках государственной системы образования Республики Беларусь, что нашло свое отражение в учебных планах и программах Министерства образования Республики Беларусь. Все предметы в обеих школах изучаются на польском языке, за исключением белорусского языка и литературы, русского языка и литературы, истории и географии Беларуси. Основная программа обучения – программа базовой школы Министерства образования Республики Беларусь с обучением на языке национального меньшинства.

Главная задача польских школ – создание благоприятных условий для развития личности, поддержания и развития польского национального и этнического самосознания путем формирования уважения к представителям другой национальности. Школы являются культурно-просветительными центрами польского национального меньшинства, активным носителем польской и белорусской культуры. Постоянно поддерживаются связи с польскими общественными объединениями в Республике Польша в культурном и образовательном плане.

Опекуном СШ № 36 является гражданин Республики Польша Леслав Скиндер, уроженец Гродно, бывший редактор Варшавского радио, польский комментатор XIII Олимпийских игр, кавалер детского ордена «Улыбка». На средства людей доброй воли Л. Скиндер приобретал оборудование для школы [8].

В 2008/2009 учебном году в школе обучалось 302 учащихся. Школа воспитала 10 призеров и победителей международных олимпиад по польскому языку и литературе, а также четырех дипломантов и призеров международного математического конкурса среди учащихся Беларуси, Литвы, Латвии, Украины и Польши. В школе организовано изучение английского языка и математики на повышенном уровне, функционируют классы с музыкальным уклоном [9].

Важной частью воспитательной работы являются школьные традиции (экологическая акция «Чистый мир», «Студнювка», День Благодарения, Рождественские встречи, Дни польской и белорусской культур и др.). В организации и подготовке данных мероприятий большую помощь оказывает родительская общественность. Школа тесно сотрудничает с семьей в решении социально-педагогических вопросов воспитания, в оказании помощи семьям в решении проблем воспитания детей. В школе сформировался свой стиль жизнедеятельности, благоприятный климат, что, несомненно, способствует воспитанию и обучению подрастающего поколения.

За 13 лет своей деятельности СШ № 36 выпустила 280 учащихся. Из них 44 человека поступили в высшие учебные заведения Республики Беларусь, 179 – в вузы Республики Польша, 5 – в вузы России, 1 человек – в Австрию. Из 107 выпускников Волковысской СШ № 8 поступили в вузы Республики Беларусь 11 человек, в вузы Польши – 67 [10]. Это подтверждает мотивацию польскоязычного образования, связанную в основном с получением профессионального высшего образования в Республике Польша.

В 1990-е годы развитие польскоязычного обучения было сопряжено с серьезными трудностями. Это, прежде всего, обеспечение образовательных учреждений квалифицированными педагогическими кадрами. В конце 80-х годов в Гродненскую область на работу из Польши прибыли 14 человек. В основном же работали учителя-энтузиасты (поляки по национальности), владеющие польским языком. Одновременно в области началась подготовка учительских кадров. В 1991/1992 учебном году в Гродненском государственном университете им. Я.Купалы было открыто отделение польской филологии, в 2003 г. начата подготовка учителей истории с дополнительной специальностью «польский язык». В Гродненском и Волковысском педагогических колледжах появилась специализация «польский язык» (в 1997 г. в Волковысском педколледже она была отменена).

Со второй половины 1990-х годов в школах области стали работать выпускники Гр ГУ, вузов Польши. В 1997/98 учебном году в СШ № 36 в г. Гродно из 54 учителей только 2 учителя начальных классов работали по приглашению из Польши. Однако в целом в Гродненской области из 290 учителей польского языка было только 66 штатных преподавателей, остальные работали по совместительству. Чтобы выйти из создавшегося положения, в Гродненском областном институте повышения квалификации учителей были организованы курсы учителей польского языка. Ежегодно по линии Министерства образования РБ в соответствии с договоренностями 80 учителей направлялись на курсы в Польшу. Одновременно Министерство образования Республики Польша финансировало подготовку 70–80-ти учителей в Полонийском учительском институте в Люблине им. М. Складовской-Кюри. Кроме того, на базе этого же центра учителя совершенствовали свое педагогическое мастерство в образовательных центрах в Белостоке, Кошалине, Ольштыне.

В 2000/2001 учебном году СШ № 36 г. Гродно была полностью обеспечена педагогическими кадрами. В настоящее время в ней работает 53 учителя. Из них высшую категорию имеют 9 чел., первую – 25, вторую – 15, без категории – 4, звание «Отличник образования» – 1 чел. 41,5% учителей СШ №36 г. Гродно имеют звание магистра. Один из учителей математики и физики является гражданином Республики Польша. Педагоги школы принимают активное участие в переводе учебников на польский язык, которые поэтапно издаются в государственном издательстве «Народная асвета».

В Волковысской СШ № 8 по приглашению из Польши работали 4 учителя – один учитель польского языка, литературы и истории и три учителя начальных классов. Остальные учителя прошли подготовку в педагогических колледжах Гродненской области или переподготовку в вузах Польши.

В целом, если в 2000/2001 учебном году в польских образовательных учреждениях Гродненщины работали 349 учителей, из них 105 – в польских школах с польским языком обучения, то в 2004/2005 учебном году – 103 учителя польского языка, 163 учителя с высшим педагогическим образованием, владеющих польских языком, работали по совместительству.

В рамках подписанного соглашения о сотрудничестве на 2003–2005 гг. активизировалось связи учителей и органов образования Гродненской области с кураторией образования в г. Белостоке. В 2004 г. был проведен совместный конкурс между учителями белорусского языка Гродненской области и Подлясского воеводства, а в 2005 г. прошел совместный конкурс «Учитель польского языка – 2005» [5].

Союз поляков Беларуси ежегодно направляет около 50 выпускников общеобразовательных школ из Беларуси на учебу в Польшу. Однако в последние годы в связи с финансовыми трудностями и проблемой дальнейшего трудоустройства по сравнению с 1990 г. число поступающих в вузы Польши сократилось втрое. Примечателен и тот факт, что в СШ д. Сопоцкин, где 80% населения составляют поляки, в 1997–1998 годах не было набора в первые классы с польским языком обучения. Тем не менее, ученики польских школ попрежнему ориентированы на получения высшего образования в польских вузах. Как видим, нерешенных вопросов много…

В целом, проанализировав нынешнее состояние польского национального образования на Гродненщине, можно прийти к следующим выводам. Во-первых, польское образование получило свое развитие от факультативов и кружков по изучению польского языка через классы с изучением польского языка как предмета к общеобразовательной школе с польским языком обучения. Во-вторых, постепенно укрепляется учебно-материальная база польских учебных заведений, растут квалифицированные педагогические кадры, совершенствуется учебно-воспитательный процесс. В-третьих, в связи с проблемой дальнейшего трудоустройства выпускников польских школ родители многих учеников предпочитают изучение польского языка как предмета. В последние годы особую популярность среди учащейся молодежи получило общественно-культурное объединение «Polska Macierz Szkolna na Bialorusi» (Польская школа Отечества в Беларуси»), после окончания которой многие уезжают учиться в Польшу. Поэтому в национальном образовании приоритетное направление, на наш взгляд, должно получить углубленное изучение польского языка или изучение польского языка как второго иностранного. Все эти обстоятельства следует учитывать при определении дальнейших путей развития польского национального образования в регионе.

Список источников и литературы

1. http://belstat.gov.by/homep/ru/perepic/2009/vihod_tables/5.8-4.pdf.
2. Итоги переписи населения Республики Беларусь. Национальный состав населения Республики Беларусь и распространенность языков : стат. сб. / М–во стат. и анализа Респ. Беларусь. – Минск, 2001. – 452 с.
3. Колоцей, М.Я. Возрождение национального образования этнических меньшинств на Гродненщине в конце 80-х – 90-е гг. / М.Я. Колоцей, Н.Л. Улейчик // Чалавек. Этнас.

Тэрыторыя : матэрыялы міжнар. навук.-практ. канф., Брэст, 23–24 крас. 1998 г. : у 2 ч. – Брэст, 1998. – Ч.II. – С. 255–260.
4. Текущий архив отдела образования Союза поляков Беларуси.
5. Тусевич, Е. Живем без оглядки на национальность / Е. Тусевич // Республика. – 2005. – 16 августа. – С. 6–7.
6. Текущий архив СШ № 8 г.Волковыска.
7. Karaczun, R. Odrodzona szkola / R. Karaczun / Wydawnictwo S. Lawrowa. – Grodno, 1998. – C. 45.
8. Макушина, Н. Время склок в Союзе поляков Беларуси ушло / Н. Макушина // Белорусская деловая газета. – 2005. – № 1151.
9. Chudiak, R. Renomovana shkola / R. Chudiak // Glos znad Niemna. – 2000. – 1 wreznia. – S. 1, 5.
10. Статистические данные Управления образования Гродненского областного исполнительного комитета. Текущий архив.

Марина Яцековна Колоцей, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории славянских государств ГрГУ им. Я. Купалы

Наталья Леонидовна Улейчик, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории славянских государств ГрГУ им. Я. Купалы

УДК 94(476) (XX – XXI ст.)

Іван Сацукевіч (Мінск)

ПРАБЛЕМЫ РАЗВІЦЦЯ УРБАНАНІМІІ ГРОДНА У XX – XXI СТСТ.

Статья посвящена анализу гродненской урбанонимии в XX – XXI столетии. Немалое место уделено проблемам развития внутригородских названий Гродно этого периода. Предложен проект регенерации исторической урбанонимии центра города.

Гродна – унікальны для Беларусі горад з найвышэйшым узроўнем захаванасці гарадской забудовы і планіровачнай структуры. Назвы вуліц і плошчаў таксама з'яўляюцца неад'емнай часткай гарадской гісторыка-культурнай спадчыны. На жаль, урбананіміі Гродна, у адрозненне ад архітэктуры і забудовы, увага даследчыкаў надавалася даволі рэдка. Найбольш грунтоўнай працай па тапаніміцы Гродна з'яўляецца артыкул Юрыя Гардзеева «Да пытання фарміравання Гродзенскай урбананімікі» [4]. Хоць гродзенскія гісторыкі і краязнаўцы Алесь Госцеў, Янка Лялевіч [6], Ігар Трусаў, Андрэй Чарнякевіч [18], Вячаслаў Швед [19] часта закраналі тэматыку урбананіміі роднага горада, але гэтая праблема застаецца далёкай ад вырашэння.

Урбананімія Гродна зведала ў XX стагоддзі некалькі кардынальных зменаў. Першая хваля перайменаванняў адбылася ў 1919–1920-х гадах, калі польскія ўлады Гродна кардынальна змянілі тапанімічнае аблічча горада. На жаль, пакуль не знойдзены і не апублікаваны спіс тагачасных перайменаванняў Гродна. Тое, што яны былі, не выклікае аніякіх сумненняў. Напрыклад, у Мінску спатрэбілася меньш месяца, каб падрыхтаваць і ажыццявіць праект перайменавання вуліц горада [13, с. 189]. Урбананімія

Гродна стала арэнай ідэалагічнай барацьбы: былі перайменаваны дзясяткі вуліц, горад ператвараўся з расійскага ў польскі. Так, вуліца Мураўёўская (цяпер Ажэшкі) стала вуліцай Ажэшкі, Сафійская (Леніна) – Пілсудскага, Суворaўская (Міцкевіча) – Міцкевіча, Аляксандраўская (Будзённага) – Варшаўскай. Разам з тым трэба заўважыць, што пры гэтым перайменаванні былі вернуты многія гістарычныя найменні вуліц, скасаваныя расійскімі ўладамі пасля паўстання 1863–64 гадоў: Саборная (Савецкая) зноў стала Дамініканскай, Кутузаўская (Маркса) – Брыгіцкай, Карэтны завулак (Парыжскай Камуны) – Бернардзінскай.

Гродзенскім уладам спатрэбілася 10 год, каб зразумець, што ўрбананімныя праблемы растучага горада трэба вырашаць сістэматычна і структурна. І ў 1931 г. пры Гарадской Радзе ствараецца Камісія для ўпарадкавання назваў вуліц горада. Выключную ролю ў гэтай Камісіі выконваў археолаг і краязнаўца Юзаф Ядкоўскі. Дзякуючы дзвюм брашурам Ядкоўскага пра ўрбананімію Гродна, якія выйшлі ў 1931–32 гадах, мы можам зразумець, якія былі ўрбананімныя праблемы тагасанага горада: «Гродна хутка расце, у ім шмат вуліц, што не маюць назваў: 6 каля Рэзніцкай, 5 пры Збожавай, 5 пры Млынарскай, усяго 170(!)» [2, с. 3]. Заўважым, што Камісія акрамя гэтай, вырашала і іншую задачу – упарадкаванне урбананімнага ландшафту гістарычнага цэнтра Гродна. Так, былі перайменаваны многія назвы ў гістарычным цэнтры горада, паспешліва змененыя ў 1919–20 гадах: Фарная плошча (Савецкая) стала плошчай Баторыя, Варшаўская вуліца – Ягелонскай, Касцёльная (Акадэмічная) – Акадэмічнай. Вуліцы Калажанскай вярнулі скажонае ў расійскія часы імя і яна зноў стала Калючынскай, а Паштовая вуліца была названа ў гонар князя Вітаўта [1, с. 7]. Неабходна заўважыць, што Камісія здолела правесці сістэмныя змены і ўпарадкаваць урбананімную прастору Гродна.

Другая хваля пераменаў ва ўрбананіміі Гродна адбылася пасля далучэння ў 1939 годзе да БССР і СССР. Савецкія ўлады Гродна таксама разглядалі назвы вуліц і плошчаў як сродак ідэалагічнага ўздзеяння на насельніцтва, таму падрыхтавалі новае, «савецкае» перайменаванне вуліц Гродна. Спіс савецкіх перайменаванняў пакуль не знойдзены і не апублікаваны. Але з упэўненасцю можна сцвярджаць, што перайменаванні прайшлі ў пачатку 1940 года. Справа ў тым, што 24 красавіка 1940 г. адбыліся выбары ў Вярхоўны Савет БССР і СССР. Адмыслова для гэтага ў гарадах і пасёлках Заходняй Беларусі праходзілі падрыхтоўчыя мерапрыемствы, сярод якіх важная роля адводзілася перайменаванню вуліц. У 1940 г. Гродна ўваходзіў у склад Беластоцкай вобласці. Перайменаванне вуліц Беластока адбылося 10 студзеня 1940 года [9], Скідзеля – 17 лютага 1940 г. [12]. Такім чынам, найбольш верагодны час гродзенскіх перайменаванняў – студзень-люты 1940 г.

Не паспелі жыхары Гродна прызвычаіцца да новых вулічных шыльдаў, як пачалася Вялікая Айчынная вайна. Разам з «новым парадкам» нацысты прынеслі і новыя назвы вуліц. У Дзяржаўным архіве Гродзенскай вобласці захаваўся спіс нямецкіх перайменаванняў вуліц Гродна, якія адбыліся ў 1942 г.

[15]. Што цікава, нацысты змянілі не савецкія назвы, якія яшчэ не паспелі замацавацца, а польскія найменні гродзенскіх вуліц. Былі перайменаваны сотні вуліц і завулкаў горада. Прывядзем толькі перайменаванне найгалоўнейшых вуліц: Дамініканская стала Гіндэнбургскай, Пілсудскага – Кёнікзбергскай, Ажэшкі – Адольфа Гітлера. Здзіўляе педантызм і дакладнасць, з якімі акупанты падыйшлі да гэтага перайменавання вуліц Гродна. У адрозненне, напрыклад, ад Мінска, дзе таксама былі перайменаваны вуліцы. Але толькі 135 з 350. І пры гэтым немцы адносіліся да перайменавання даволі фармальна [14]. Гэта можна растлумачыць хіба толькі тым, што Мінск увайшоў у склад акругі «Беларусь», а Гродна – Беластоцкай акругі, што было значна бліжэй да Германіі.

Безумоўна, вызваленне Гродна ў 1944 г. ад нацысцкіх акупантаў ачысціла гарадскія вуліцы ад нямецкіх назваў. Як гэта адбывалася, можна зразумець з дапамогай дакумента, які захоўваецца ў Дзяржаўным архіве Гродзенскай вобласці. Апублікаваны ён быў у кнізе «Памяць», прысвечанай гораду Гродна. 5 жніўня 1944 г. Выканком Гродзенскага гарадскога савета прымае рашэнне «…захаваць найменні вуліц і плошчаў г.Гродна, усталяваныя ў 1940 годзе» [7]. Дыпламатычная стылістыка дакумента паказвае, што Выканком гарсавета не хацеў быць заўважаным у прызнанні нямецкіх назваў вуліц (выкарыстана слова «захаваць», а не «перайменаваць»!). Самае цікавае, што самаго спіса савецкіх назваў вуліц Гродна ў дакуменце няма, нібыта кожны чыноўнік ведаў яго на памяць.

Такім чынам, з 1944 г. вулічныя шыльды Гродна зноў пачалі праслаўляць Леніна (цяпер вуліца Ажэшкі), Сталіна (Леніна), Чапаева (Васілька), Энгельса (Гараднічанская), Цэткін (Дамініканская), Крупскую (Стэфана Баторыя), Пасіянарыі (Калючынская; псеўданім Далорас Ібабуры!), Арцёма, Астроўскага, Будзёнага, Гарнавых, Горкага, Дзяржынскага, Катоўскага, Кірава, Карла Маркса, Свярдлова, Тэльмана, Урыцкага, Ціміразева, Чкалава, Шчорса. Многія вуліцы былі названы ў гонар савецкіх арганізацый, лозунгаў і святаў: Пралетарская, Авангардная (зараз Белуша), Сацыялістычная, Камінтэрна (Карбышава), Камсамольская, Савецкая, Камунальная, Кастрычніцкая, Парыжскай Камуны, Чырвонаармейская, 1 Мая, 17 Верасня. Разам з тым многія назвы вуліц, усталяваныя ў “польскія часы”, засталіся на карце савецкага Гродна: Каліноўскага, Касцюшкі, Манюшкі, Міцкевіча, Рэйманта, Славацкага, Сыракомлі і г.д. Заўважым, што за выключэннем Каліноўскага і Касцюшкі – гэта вядомыя дзеячы польскай (як тады лічылася) культуры. У гэтым можна заўважыць адлюстраванне спецыфікі савецкай палітыкі ў дачыненні да Гродна, як горада на савецка-польскім сумежжы.

Нягледзячы на тое, што маштабнае савецкае перайменаванне 1940-га і 1944-га гадоў амаль поўнасцю змяніла ўрбананімны ландшафт горада, кропачныя перайменаванні адбываліся і надалей. Так, у 1950 г. вуліца Беластоцкая змяніла назву на Суворава (ці не для таго гэта было зроблена, каб жыхары Гродна хутчэй забылі, што Беласток быў калісці беларускім горадам?) [11]. У 1952 г. вуліца Красінскага стала Бялінскага, Снядэцкіх – Серафімовіча,

Бянецкага – Маладзёжнай, Пераца – Кашавога (цяпер Вялікая Траецкая), Жэромскага – Ватуціна, Ясінскага – Паўліка Марозава [17]. У 1961 г. па ўсяму СССР прыбралі з вулічных шыльдаў імя Сталіна. Цікава, што вуліца Сталіна ў Гродна была перайменавана ў Леніна, а былая Леніна была названа ў гонар польскай пісьменніцы Элізы Ажэшка. З размахам у Гродна адзначылі пачатак касмічнай эпохі, калі Скідзельскі тракт пераназвалі ў 1962 г. у праспект Касманаўтаў [10]. Гродна з'яўляецца рэкардсменам сярод гарадоў Беларусі па колькасці вуліц, названых у гонар савецкіх касманаўтаў. Іх у горадзе 5: Гагарына, Мікалаева, Паповіча, Церашковай і Цітова.

У 1965 г. адзначаўся 20-гадовы юбілей перамогі ў Вялікай Айчыннай вайне. Да гэтай падзеі прымеркавалі перайменаванне Авангарднай вуліцы ў вуліцу Белуша, Артылерыйскай – Захарава, Індурскай – Перамогі, Камінтэрна – Карбышава [8]. У новых мікрараёнах Дзевятоўка, Форты, Фолюш, Прынёманскі ў 1970-ыя гады «прапісаліся» савецкія партыйныя і рэвалюцыйныя дзеячы, вучоныя і ўдзельнікі Вялікай Айчыннай вайны Багуцкі, Болдзін, Брыкель, Гай, Даватар, Камароў, Курчатаў, Соламава, Чайкіна. Не забывала гродзенская бюракратыя і пра польскую «спецыфіку»: знайшлося месца ў новых мікрараёнах і для ўдзельнікаў паўстання 1863–64 гадоў Дамброўскага і Урублеўскага. А вось месца для беларускіх дзеячаў ў прыгожых мікрараёнах амаль не было, пашанцавала толькі Піліпу Пестраку, якому знайшлі вуліцу ў Прынёманскім. Вуліцу, на якой пражыў у Гродна чатыры гады Максім Багдановіч, назвалі ў яго гонар. Якуба Коласа і Янку Купалу «выслалі» на ўскраіну горада ў прыватны сектар. І яшчэ адна цікавая тэндэнцыя адрозніваe Гродна ад іншых абласных цэнтраў Беларусі: у 1970-80-я гады былі ўшанаваны найменаваннем новых вуліц былыя кіраўнікі Гродзенскага аблвыканкама Кабяк, Фамічоў, а некалькі год таму, – і Кляцкоў.

У другой палове 1980-х гадоў у СССР наступіў час «перабудовы». Прапанова грамадскасці ў 1989 годзе выправіць ідэалагічны ўхіл урбананімнай прасторы, штучна створаны ў сярэдзіне XX стагоддзя, была адхілена гарадскімі ўладамі. Але ўжо ў 1991 г. на старонках гродзенскіх газет пачалося бурлівае абмеркаванне магчымых пераменаў, якое працягвалася амаль год: з пачатку 1991 да пачатку 1992 года [5; 16]. Гарадскім уладам былі пададзены 33 прапановы аб перайменаванні, з якіх толькі 11 трапілі на разгляд Гарсавета і толькі 8 былі зацверджаны гродзенскімі дэпутатамі. Так, у пачатку лютага 1992 г. былі вернуты назвы 5 вуліцам гістарычнага цэнтра: Кашавога зноў стала Вялікай Траецкай, 8 Сакавіка – Малой Траецкай, Пасіянарыі – Калючынскай, Энгельса – Гараднічанскай, Крупскай – Баторыя (у гэтым выпадку адбылося вяртанне да вельмі ўдалага найменавання вуліцы 1930-х гадоў). Гістарычнай частцы плошчы Леніна вярнулі назву плошча Антонія Тызенгауза (таксама назва 1930-х), пакінуўшы Леніну суседнюю, большую па тэрыторыі плошчу, створаную ў 1970-х гадах. Спрэчным выглядае перайменаванне вуліцы Цэткін у Дамініканскую, бо хоць у сваёй гісторыі яна і была Дамініканскім завулкам, усё ж больш каштоўным для ўрбананіміі Гродна з'яўляецца яе гістарычная назва Званарская. А вось перайменаванне вуліцы Новазамкавай, траса і назва якой сфармаваліся ў сярэдзіне XX ст. і не маюць

гістарычнай каштоўнасці, у гонар Давыда Гарадзенскага трэба прызнаць вельмі ўдалым [3].

Пасля гэтага вяртанне спрадвечных назваў вуліц і плошчаў Гродна спынілася. За апошнія 18 год адбыліся адзінкавыя перайменаванні. Так, вуліца Чапаева была перайменавана ў гонар паэта Васілька, а Вучгасаўская – настаўніка і стваральніка гродзенскага заапарку Каханоўскага. Цяпер Гродна можа пахваліцца 7-мю вуліцамі, названымі ў гонар вядомых людзей, што пражывалі ці працавалі на іх: Антонава, Багдановіча, Васілька, Карбышава, Каханоўскага, Найдуса і Паўлоўскага. Для параўнання, ў Мінску такіх вуліц толькі 4: Багдановіча, Максіма Танка, Мулявіна і Янкі Купалы. Цікавае перайменаванне адбылося некалькі год таму, калі бульвар 60-годдзя Кастрычніка (якая груваcткая назва!) пераназвалі ў праспект Янкі Купалы, старая вуліца Янкі Купалы пры гэтым стала Купальскай. Адначасова праспект 40-годдзя Перамогі стаў праспектам чыноўніка Кляцкова.

Новыя вуліцы ў мікрараёнах Вішнявец і Дзевятоўка ў апошнія гады атрымалі вельмі рознапланавыя назвы. Прыемна ўбачыць вуліцу, названую ў гонар паэта Валянціна Таўлая. Або вуліцы Вішнявецкую і Малышчынскую, названыя так па вёсках, размешчаных непадалёк. А чаго каштуе вуліца Белыя Росы, названая ў гонар славутага кінафільма, здымкі якога адбываліся на тым месцы! А вось назва вуліца Хімікаў выклікае здзіўленне, бо з'яўляецца неэстэтычнай як з боку формы, так і зместу. Яшчэ большыя пытанні выклікаюць Паўднёвая вуліца і Паўднёвы завулак у мікрараёне Вішнявец. Паруску (а менавіта на гэтай мове найчасцей падпісваюцца дакументы і шыльды) яны гучаць як «Южные», што парушае міжнародныя нормы аб напісанні геаграфічных аб'ектаў на нацыянальнай мове. Правільна было б іх пісаць як «Полднёвые». Акрамя таго, рознае гучанне такіх назваў у беларускай і рускай мовах спараджае блытаніну тых, хто слаба валодае імі. А яшчэ адной вуліцы ў Вішняўцы спачатку запланавалі назву 83-й Стралковай дывізіі! Праўда, потым гэта вельмі складанае і немілагучнае найменне трансфармавалася ў Стралковую, з чым быў поўнасцю страчаны змест, які хацелі ўкласці аўтары гэтай няўдалай назвы. Ці не прасцей было назваць у гонар 83-й Стралковай дывізіі школу ці ўсталяваць мемарыяльную дошку, а назву пакінуць у спакоі?

Тапаніміка гарадоў павінна адпавядаць чатыром асноўным прынцыпам: ***арыенціровачнаму*** (дапамагаць людзям арыентавацца ў прасторы), ***гістарычнаму*** (апавядаць пра гісторыю вуліцы, раёна), ***выхаваўчаму*** (назвы вуліц павінны выхоўваць у людзях любоў да Радзімы, гонар за родны горад, павагу да гістарычных асобаў і падзей) і ***эстэтычнаму*** (назвы павінны быць нескладанымі, прыгожымі і мілагучнымі).

На жаль, значная, калі не абсалютная большасць назваў вуліц Гродна па аб'ектыўных прычынах сёння не адпавядае гэтым прынцыпам. Сярод асноўных хібаў унутрыгарадскіх назваў Гродна трэба назваць наступныя. Папершае, вялізарная колькасць тапонімаў была штучна зменена ў савецкі перыяд і праслаўляе тагачасныя святы, лозунгі і дзеячаў савецкай гісторыі, якія ніякіх адносінаў да Беларусі і канкрэтна Гродна не мелі. Па-другое, у горадзе існуе значная колькасць аднолькавых ці дубліруючых тапонімаў (ёсць

па вуліцы і 2 завулка Белуша, Дзяржынскага і Фабрычнай; па вуліцы і 3 завулка Асенняй, Куйбышава і Соламавай; ажно 7 Дальніх завулкаў), што зусім нязручна і спараджае блытаніну. Па-трэцяе, гучанне многіх назваў па-беларуску і па-руску адрозніваецца, што яшчэ больш паглыбляе моўную праблему нашага грамадства. Таму пажадана такіх назваў (Чыгуначная – Железнодорожная, Паўднёвая – Южная, Кветкавая – Цветочная) пазбягаць, а калі яны існуюць – патрабаваць беларускага напісання ў рускай мове: Чигуночная, Полднёвая, Кветковая і г.д. І чацвёртае. У Гродна ёсць назвы вуліц з лічыльнікамі ў аснове (1 Мая, 8 Сакавіка, 17 Верасня, 11 Ліпеня), што нетрадыцыйна для беларускай тапанімікі. Чаму б не напісаць «вуліца Першамайская»? Чаму б не ўсталяваць помнік, прысвечаны уз'яднанню Беларусі, а нетрадыцыйную назву прыбраць? Большасць такіх назваў – назвы-лозунгі, якія не маюць сёння сэнсу і не дапамагаюць арыентавацца жыхарам горада.

Для вырашэння тапанімічнай дысгармоніі, вяртання гістарычнай урбананіміі ці найменавання новых вуліц існуе некалькі асноўных метадаў.

1. ***Метад рэстаўрацыі.*** Прадугледжвае вяртанне першапачатковай назвы вуліцы. Безумоўна, найбольш каштоўнымі для горада з'яўляюцца першапачатковыя назвы, якія адлюстроўвалі ўмовы сацыяльна-эканамічнага або канфесійна-рэлігійнага развіцця, падкрэслівалі асаблівасці ландшафту і мясцовасці, указвалі на аб'екты гарадской інфраструктуры, якія сёння не існуюць. Такія назвы трэба вяртаць у першую чаргу (прыклад: Урыцкага – Залатарская, Свярдлова – Дзям'янаўская, Парыжскай Камуны – Курганная). Але магчымыя і выключэнні. Па-першае, калі ў іншым раёне горада такая назва ўжо ёсць (прыклад: першапачатковая назва вуліцы Савецкай – Віленская, а такая вуліца цяпер знаходзіцца ў іншым месцы; другая – Дамініканская – таксама цяпер занятая). Па-другое, першапачатковая назва можа мець ненатуральны, штучны характар, асабліва калі яна ўзнікла ў XIX – пачатку XX стагоддзя, калі чыноўнікі часта давалі назвы новым вуліцам (Новая, Загарадная, Іванаўская або Аляксандраўская; так, для Будзённага найбольш каштоўнай з'яўляецца не першая гістарычная назва – Аляксандраўская, а другая – Ягелонская). Метад рэстаўрацыі нельга ўжываць для найменавання новых вуліц, а вось іншыя метады, несумненна, можна.

2. ***Метад рэканструкцыі.*** Гэты метад выходзіць на першы план, калі нельга вярнуць першапачатковую або гістарычную назву ці трэба даць імя новай вуліцы. Для вуліцы падбіраецца назва прадмесця, у якім яна знаходзіцца, вёскі, слабады, вуліцы ці фальварка, якія тут размяшчаліся. Напрыклад, у гісторыі ўрбананіміі Гродна ёсць каштоўная назва, якая пакуль ніяк не выкарыстоўваецца – Раскоша. Чаму б яе не надаць вуліцы Савецкай, чые гістарычныя назвы Віленская і Дамініканская зараз занятыя, а вуліца з'яўляецца лагічным працягам вуліцы Ажэшкі (якая калісьці была Раскошай)? Ці надаць вуліцы Астроўскага гістарычнае імя гэтага прадмесця – Залатая Горка?

3. ***Геаграфічны метад.*** Мае даўнія традыцыі: у Беларусі часта называлі вуліцы па найменнях населеных пунктаў, да якіх яны вялі. У Гродне

ёсць вуліцы Азёрская шаша, Беластоцкая, Брэсцкая, Віленская, Гожская, Гараднічанская, Грандзіцкая, Друскеніцкая, Індурская шаша, Лідская, Панёмуньская, Сокальская. Неабавязкова вуліца павінна непасрэдна весці да гэтага населенага пункта, дастаткова таго, што яна знаходзіцца ў частцы горада, накіраванай на той горад або вёску.

4. ***Метад персаніфікацыі (патранімічны).*** Самы непажаданы для нашых рэалій, бо называць вуліцы ў гонар канкрэтных асоб не з'яўляецца традыцыйным для Беларусі. Мода на падобныя назвы пайшла ў пачатку XX стагоддзя, асабліва з прыходам савецкай улады. Трэба заўважыць, што абыйсціся без гэтага метаду сёння нерэальна: узнікае шмат новых вуліц і падабраць ім назвы метадам рэканструкцыі ці геаграфічным не заўсёды атрымліваецца. Але падыходзіць да персаніфікацыі назвы вуліцы трэба вельмі асцярожна: імя чалавека павінна быць абавязкова "прывязана" да вуліцы, дома, раёна, дзе ён жыў, быў пахаваны, ці, да горада, з якім было звязана жыццё і дзейнасць нейкага чалавека. Напрыклад, як ушанаваць памяць у назве вуліцы пра каталіцкага патрона Гродна Святога Губерта? Назваць вуліцу на ўскраіне горада – несалідна, тым больш, што гэта імя – гарадскі брэнд, якому патрэбна знайсці прымяненне ў цэнтры горада. Адзіная вуліца ў гістарычным цэнтры, якая не мае каштоўнай першаснай назвы – Тэльмана. Чаму б не назваць яе вуліцай Святога Губерта?

За апошнія гады колькасць вуліц у Гродна рэзка ўзрасла ў выніку бурлівага росту катэджных мікрараёнаў і далучэння ў 2008 г. прыгарадных вёсак. Перад гродзенскімі ўладамі паўстала новая праблема – даць назвы гэтым вуліцам, з якой яны, хоць і не без памылак, але справіліся. Але іншыя праблемы гродзенскай урбананіміі яшчэ чакаюць свайго вырашэння, без чаго, на жаль, не будзе гарманічнага адзінства архітэктуры, гісторыі і планіровачнай структуры ўнікальнага для Беларусі горада Гродна. Тым болей, што перад ім на бліжэйшыя гады стаіць задача якаснага развіцця турыстычнай галіны.

Табліца 1 – Праект рэгенерацыі ўрбаніміі Гродна ў цэнтральнай частцы горада.

№	Існуючая назва	Прапануемая назва	Метад перайменавання
1.	Савецкая плошча	плошча Стары Рынак	рэстаўрацыя
2.	Савецкая вуліца	вуліца Раскоша	рэканструкцыя
3.	Урыцкага	Залатарская	рэстаўрацыя
4.	Кірава	Мірсніцкая	рэстаўрацыя
5.	Маркса	Брыгіцкая	рэстаўрацыя
6.	Тэльмана	Святога Губерта	патранімічны
7.	Свярдлова	Дзям'янаўская	рэстаўрацыя
8.	Парыжскай Камуны	Курганная	рэстаўрацыя

9.	Сацыялістычная	князя Вітаўта	рэстаўрацыя + патранімічны
10.	Леніна	Сафійская	рэстаўрацыя
11.	Будзённага	Ягелонская	рэстаўрацыя + патранімічны
12.	1-я Працоўная	Крывая	рэстаўрацыя
13.	2-я Працоўная	Цесная	рэстаўрацыя
14.	Кастрычніцкая	Плябанская	рэстаўрацыя
15.	Маладзёжная	Навікоўская	рэстаўрацыя
16.	Дзяржынскага	Дзевятоўская	геаграфічны
17.	Ціміразева	Станіславаўская	рэстаўрацыя
18.	Астроўскага	Залатая Горка	рэканструкцыя
19.	17 Верасня	Новы Свет	рэканструкцыя
20.	Агародная вуліца	Францішканскі завулак	рэстаўрацыя
21.	Касманаўтаў праспект	Скідзельскі тракт	рэстаўрацыя

Спіс крыніц і літаратуры

1. Jodkowski, J. Nazwy placow i ulic grodzienskich, dawne i dzisiejsze. / J. Jodkowski. – Grodno, 1932. – 16 s.
2. Jodkowski, J. Ulice grodzienskie w swietle historii i topografii. / J. Jodkowski. – Grodno, 1931. – 12 s.
3. Болотевич, К. Улицы меняют названия / К. Болотевич // 7 дней. – 1992. – 3–9 февр. – С. 8.
4. Гардзееў, Ю. Да пытання фарміравання Гродзенскай урбананімікі (канец Х – 30-я гады ХХ ст.) / Ю. Гардзееў // З глыбі вякоў. Наш край : гіст.-культурал. зб. – Мінск : Беларуская навука, 2002. – Вып. 2. – С. 68–78.
5. Гордеев, Ю. Старые улицы Гродно / Ю. Гордеев // Гродненская правда. – 1991. – 30 янв. – С. 4.
6. Лялевіч Я., Трусаў І., Чарнякевіч А. Ад Каложы да фартоў: гістарычная спадчына Гродна / Я. Лялевіч, І. Трусаў, А. Чарнякевіч. – Мінск : Лімарыус, 2008. – 92 с.
7. Дзяржаўны архіў Гродзенскай вобласці (ДАГВ). Фонд 484. – Воп. 1. – Спр. 119. О наименовании улиц и площадей г. Гродно. — Арк. 10.
8. ДАГВ. – Фонд 484. – Воп. 1. – Спр. 339. О переименовании отдельных улиц в ознаменование 20-й годовщины победы ВОв. – Арк. 90–91.
9. О переименовании улиц г. Белостока // Вольная праца. – 1940. – 12 студз. – С. 4.
10. ДАГВ. – Фонд 484. – Воп. 1. – Спр. 309. О переименовании улиц Скидельской и Экономической. – Арк. 198.
11. ДАГВ. – Фонд 484. – Воп. 1. – Спр. 183. О переименовании улицы Белостокской на улицу Суворова // Дзяржаўны архіў Гродзенскай вобласці. – Арк. 249.
12. Перайменаванне вуліц // Вольная праца. – 1940. – 17 лют. – С. 4.
13. Сацукевіч, І. Перайменаванне вуліц Мінска ў час савецка-польскай вайны 1919–1920 гг. / І. Сацукевіч // Стратегическое планирование и управление развитием городов : материалы Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 7–8 окт. 2004 г. – Минск, 2004. – Ч. 2. – С. 189–193.
14. Сацукевіч, І. Перайменаванне вуліц Мінска як састаўная частка Германскай акупацыйнай палітыкі ў Беларусі (1941–1944) / І. Сацукевіч // Актуальные проблемы

Германской истории, политики, экономики, культуры : материалы Междунар. науч. конф., Брест, 2003 г. – Брест, 2003. – С.44–46.
15. ДАГВ. Фонд 2. – Воп. 1. – Спр. 50. Списки немецких и польских названий улиц г. Гродно. – Арк. 23–28.
16. Трусов, И. Улицы Гродно: история и день сегодняшний / И. Трусов // Гродненская правда. – 1991. – 9 окт. – С. 3.
17. ДАГВ. – Фонд 484. – Воп. 1. – Спр. 200. Улицу Красинского именовать улицей Белинского. – Арк. 273.
18. Чернякевич, А. «Новый свет» и его окрестности / А. Чернякевич. – Мінск : Лімарыус, 2009. – 68 с.
19. Швед, В.В. Губернскі Гродна: аповяды з гісторыі горада (канец XVIII – пач. XX ст.) / В.В. Швед. – Баранавічы : Баран.узб. друк., 2003. –168 с.

Іван Сацукевіч, асістэнт кафедры эканамічнай гісторыі Беларускага дзяржаўнага эканамічнага універсітэта. Сфера навуковых інтарэсаў – урбаністыка, урбананімія, краязнаўства, гісторыя культуры Беларусі XIX – XX стст.

УДК 94(476) (XX – XXI ст.)

Сяргей Раманаў (Гродна)

СІСТЭМА УРБАНІМІІ, ГІСТОРЫКА-КУЛЬТУРНЫХ ПОМНІКАЎ І МЕМАРЫЯЛЬНЫХ МЕСЦАЎ СВІСЛАЧЫ Ў КАНЦЫ XX – ПАЧАТКУ XXI СТ.

Статья посвящена изучению системы урбанимии, историко-культурных памятников и мемориальных мест города Свислочь в конце XX – начале XXI в. Новизна метода исследования заключается в том, что эти три составляющие городского пространства рассматриваются в тесной взаимосвязи друг с другом, и осмысляются через концепцию «национальных символов» и «культурных знаков» А. Никжентайциса. В работе ставятся вопросы об отражении исторического и культурного прошлого города Свислочь в конкретных проявлениях и элементах его структуры. Статья оригинальным образом интерпретирует содержание, форму и судьбу исторического наследия в современном белорусском городе.

Вядома, што гісторыка-культурныя помнікі, мемарыяльныя месцы і ўрбанімія нясуць у сабе вялікі культурны, палітычны і ідэалагічны сэнс. Больш таго, яны ствараюцца і ахоўваюцца дзяржавай з мэтай фарміраваць светапогляд і сістэму каштоўнасных арыентацый грамадзян. Гэта, разам са сродкамі масавай інфармацыі, адзін з інструментаў шырокага ўплыву на свядомасць грамадства. Менавіта глыбокі аналіз гэтага інструмента можа даць адказы на пытанне аб тым, якія культурна-гістарычныя і ідэалагічныя тэндэнцыі культывуе дзяржава ў сваім грамадстве, і чые нацыянальныя сімвалы і культурныя знакі маюць прыярытэт у сучасным беларускім горадзе. У якасці тэарэтычнай асновы для дадзенага даследавання выкарыстоўваецца канцэпцыя «нацыянальных сімвалаў» і «культурных знакаў» вядомага літоўскага гісторыка Альвідаса Нікжэнтайціса. Паводле меркавання даследчыка, сучасны усходнееўрапейскі горад нясе ў элементах сваёй структуры шэраг семантычных значэнняў, якія часцей за ўсё праяўляюцца ў якасці нацыянальных

сімвалаў і культурных знакаў. Аўтарам гэтых тэрмінаў з'яўляецца нямецкі гісторык Людвіг Штайндорф, які разумее пад імі інстытуты ўлады (гарадская ратуша, парламент), навуковыя і культурныя установы (музей, універсітэт, тэатр), сакральныя месцы (могілкі), помнікі і г. д. [8, с. 310].

Часам можа скласціся ўяўленне, што вывучэнне гісторыка-культурных помнікаў, мемарыяльных месцаў і урбаніміі мае больш агульнага з далёкім мінулым, чым з даследуемай намі сённяшняй рэчаіснасцю горада. Гэтая ілюзія падмацоўваецца давядзеннем да нашай свядомасці таго факту, што помнікі і назвы вуліц нібыта арганічна адлюстроўваюць гістарычнае мінулае паселішча. Гэта, аднак, не адпавядае рэчаіснасці, паколькі сістэма гісторыка-культурных помнікаў і урбаніміі створана штучна і адлюстроўвае як раз сучаснасць горада, а дакладней тыя элементы гістарычнага мінулага, якія сучасныя дзяржава і грамадства свядома мадэрнізавалі і выкарысталі ў якасці ідэалагічнага інструмента.

Аналіз усіх вывучаемых з'яў лагічна было б пачаць з вывучэння працэсаў складвання тапаграфічнай сеткі мястэчка Свіслач у XVI – XVIII ст. Аднак зрабіць гэта будзе даволі складана і шмат у чым немэтазгодна, паколькі ў 1782 г. Вінцэнт Тышкевіч нанова перабудаваў Свіслач, кардынальна змяніўшы яе планіроўку і вулічную сетку [11, с. 28]. Таму найбольш правільным падаецца рэтраспектыўнае асвятленне працэсаў узнікнення і развіцця структуры урбаніміі і мемарыяльных месцаў у кантэксце іх сучаснага стану.

На падставе шэрагу крытэрыяў у гэтым даследаванні складзена матрыца кадзіравання назваў вуліц Свіслачы. Падрабязны аналіз урбаніміі дапаможа зразумець, нацыянальныя сімвалы і культурныя знакі якой эпохі і якога народа ўтрымліваюць у сабе вуліцы горада. Акрамя гэтага, вынікі аналізу павінны вырашыць пытанне аб дамініруючых нацыянальна-культурных сімвалах горада, ці увогуле аб адсутнасці якога-небудзь дамініравання. Паводле крытэрыяў уся урбанімія Свіслачы падзелена наступным чынам: «Дзеячы, сімвалы і назвы савецкага горада», «Дзеячы, сімвалы і назвы польскага горада», «Дзеячы, сімвалы і назвы беларускага горада», «Мясцовыя геаграфічныя і прыкметавыя характарыстыкі». Для зручнасці вынікі аналіза урбаніміі змешчаны ў табліцу.

Урбанімія Свіслачы*

Катэгорыі	**Коль-**
Дзеячы, сімвалы і назвы «польскага» горада Вул. Крашэўскага, завул. Крашэўскага	2

Дзеячы, сімвалы і назвы савецкага горада Вул. Будзенага, вул. Варановіча, завул. Варановіча, вул. Гагарына, вул. Горкага, завул. Горкага, вул. Гарбатага, вул. Дзяржынскага, вул. Чырвонаармейская, вул. Камсамольская, вул. Кірава, вул. Леніна, вул. Мельнова, вул. Масонава, вул. Мічурына, вул. Пагранічнікаў, вул. Першамайская, завул. Першамайскі, вул. Перамогі, вул. Пралетарская, вул. Савецкая, вул. Свярдлова, завул. Свярдлова, вул. Кастрычніцкая, вул. Чкалава, завул. Штабны, вул. Юбілейная, вул. Калініна, вул. Маладзежная, вул. Меліяратараў, вул. Урбановіча, вул. Астапчыка, вул. Васіленка, вул. Цагельнік, вул. 17 верасня	35
Дзеячы, сімвалы і назвы беларускага горада Вул. Каліноўскага, вул. Янкі Купалы, вул. Якуба Коласа, вул. Караткевіча, вул. Францыска Скарыны.	5
Мясцовыя геаграфічныя і прыкметавыя характарыстыкі Вул. Зарэчная, завул. Зарэчны, вул. Лугавая, завул. Лугавы, вул. Новая, вул. Паўночная, вул. Садовая, вул. Чыгуначная, завул. Чыгуначны 1, завул. Чыгуначны 2, вул. Кветкавая, вул. Палявая, завул. Палявы, вул. Зялёная, вул. Ціхая, вул. Школьная.	16

*Састаўлена па дадзеных: Аддзел статыстыкі ў г. Свіслач; Гайдучек, М. Свислочь и её улицы / М. Гайдучек // Свіслацкая газета. – 2008. – 26 ліпеня. – С. 3.

На аснове гэтых дадзеных можна зрабіць шэраг высноў. Усяго сучасная Свіслач налічвае 58 элементаў урбанімістычнай структуры (48 вуліц і 10 завулкаў), якія маюць агульную даўжыню каля 25 кіламетраў і займаюць 425 гектараў плошчы [6, с. 3]. У агульнай колькасці элементаў урбаніміі менш за астатнія прадстаўлена «польскасць» – усяго 3 % (вуліца Крашэўскага і аднайменны завулак). «Беларускасць» Свіслачы ў вулічнай сетцы займае 9 %, мясцовыя геаграфічныя і прыкметавыя характарыстыкі – 28 %, а савецкае мінулае рэпрэзентуе 60 % назваў вуліц. Такім чынам, можна зрабіць выснову аб тым, што на сённяшні дзень паводле урбаніміі Свіслач працягвае заставацца пераважна савецкім горадам.

Неабходна звярнуць увагу на тое, што урбанімія не проста статычна асвятляе культурна-гістарычныя эпохі і этнаканфесійныя групы ў лесе паселішча, але і паказвае іх дынаміку і неаднароднасць развіцця. Так, напрыклад, з 11-ці даваенных вуліц горада: Леніна, Сталіна, Першамайскай, Чырвонаармейскай, Пралетарскай, Чкалава, Дзяржынскага, Горкага, Камсамольскай, Новай і Садовай ў сучаснай Свіслачы мы сустрэнем усе гэтыя назвы за выключэннем

вуліцы Сталіна [6, с. 3]. Назва вуліцы была зменена яшчэ ў савецкі час у гады барацьбы з культам асобы. Тады ж, у 1956 г., з гарадской плошчы знік помнік Сталіну. Відавочна, што тагачаснае савецкае грамадства і партыйнае кіраўніцтва не жадалі, каб іх эпоха асацыіравалася з імем гэтага дзеяча. Парадокс заключаецца ў тым, што ў пачатку 2000-х гг. гэты помнік ў Свіслачы быў адноўлены і зараз займае сваё месца на т. зв. «Алеі герояў». Пасля падзей XX з'еда КПСС і распаду СССР гэта быў другі па ліку помнік Сталіну, пасля помніка, ўстаноўленага на радзіме гэтага дзеяча ў грузінскім гарадку Горі. Дарэчы, помнік у Горі таксама быў знесены летам 2010 г. па загаду прэзідэнта Саакашвілі, а на яго месцы ўстаноўлены помнік ахвярам т. зв. «рускагрузінскай вайны 2008 г.». Як бачна, адлюстраваная ў сістэме гісторыка-культурных помнікаў і урбаніміі Свіслачы «савецкасць» нясе ў сабе ўсю неадназначнасць эпохі. Гэта рыса характэрна таксама для адлюстравання нацыянальных сімвалаў і культурных знакаў іншых гістарычных эпох і этнаканфесійных перыядаў [12, с. 3].

Так, у прыватнасці, беларуская складаючая урбаніміі горада прадстаўлена 5-цю вуліцамі, якія рэпрэзентуюць розныя віды «беларускасці». Вуліцы К. Каліноўскага, Я. Коласа і Я. Купалы атрымалі свае назвы яшчэ ў перыяд БССР, і адлюстроўваюць сваю пераемнасць з савецкай Беларуссю. У той жа час вуліцы Францыска Скарыны і Уладзіміра Караткевіча паўсталі ў больш позні час, і атрымалі назвы з апорай на традыцыі суверэннай Беларусі 90-х гг. XX ст. Менавіта ў 90-я гг. вуліцы імя Ф. Скарыны з'яўляюцца ў многіх гарадах Беларусі як сімвал новай, ўжо не савецкай Беларусі. Адсюль вынікае, што старая «савецкая беларускасць» падмацоўваецца абсалютна іншымі знакамі і сімваламі, пры чым яна не «адштурхоўвае» іх, а цалкам арганічна сумяшчаецца з імі, што ў сваю чаргу стварае гэты унікальны феномен, характэрны для сучаснай Рэспублікі Беларусь. Цікавым чынам гэту акалічнасць ілюструе прыклад з выкарыстаннем архетыпа Кастуся Каліноўскага, чый лёс цесна звязаны са Свіслаччынай. Помнік Каліноўскаму быў пастаўлены ў Свіслачы яшчэ ў лістападзе 1958 г., і знаходзіцца на сваім месцы па сённяшні дзень [10, с. 14]. Аўтарам гэтай скульптуры з'яўляецца шырокавядомы Заір Азгур. Пазней, у 70-я гг. XX ст. у горадзе з'явілася вуліца імя Каліноўскага. Сёння не выклікае сумненняў той факт, што асоба Кастуся Каліноўскага з'яўляецца знакавай і вызначальнай у беларускай гісторыі. Таму і ў сучаснай Беларусі вобраз гэтага дзеяча надзвычай папулярны. Але ж неабходна разумець тую акалічнасць, што сённяшнім грамадствам запатрабавана выкарыстанне яго нацыянальных ідэй і поглядаў, выкарыстанне яго асобы як нацыянальнага сімвала, сімвала барацьбіта за беларускую ідэю. У той жа час савецкая ідэалагічная сістэма цікавілася пераважна рэвалюцыйна-дэмакратычнымі поглядамі і сацыяльнай складаючай вучэння Каліноўскага, ігнаруючы нацыянальны аспект. Тым не менш, сёння два гэтыя погляды на адну асобу ўтвараюць адзінае цэлае, у якім кожны бачыць тое, што яму хочацца там убачыць.

Такім чынам, урбанімія горада нясе ў сабе культурныя знакі і нацыянальныя сімвалы розных гістарычных эпох. Найбольшае адлюстраванне тут атрымала «савецкасць»: усе цэнтральныя вуліцы нагадваюць аб гэтым перыядзе,

галоўная плошча горада сёння носіць імя Карла Маркса. Вуліцы з беларускай семантыкай у назвах маюць у тапаграфічнай структуры Свіслачы пераважна другараднае значэнне, тады як урбанімія «польскасці» наогул выцеснена у нерэспектабельны раён горада. Поўнасцю сцёрта з вулічнай семантыкі памяць аб яўрэйскім і татарскім этнічных кампанентах. Ці заўсёды існавала такая сітуацыя? У міжваенны перыяд у вулічных назвах Свіслачы пераважала польская сімволіка: вул. Пілсудскага, Крашэўскага, Сенкевіча, Бітнера, Канстытуцыі 3 мая і інш. [6, с.3] Аднак у польскім горадзе ўсе ж знайшлося месца для яўрэйскай і татарскай ідэнтычнасці. Існавалі наступныя урбанімістычныя назвы: вул. Прышколак (там размяшчаўся двухпавярховы драўляны яўрэйскі хедэр), вул. Берка Еселевіча (яўрэя-літвака, які ўдзельнічаў у паўстанні 1794 г.), сінагагальны дворык і г.д. Існаваў таксама цэлы раён у непасрэднай блізасці ад ракі Свіслач, які меў назву «Татарскія агароды».

У сённяшняй вулічнай структуры яшчэ адну, даволі вялікую, групу назваў вуліц аб'ядноўваюць геаграфічныя і прыкметавыя прывязкі да мясцовасці. Некалі гэты геаграфічны прынцып у вулічнай лакалізацыі быў дамініруючым, і ў канцы XVIII – пачатку XX ст. вуліцы насілі назвы па геаграфічным напрамкам: Гродзенская, Варшаўская, Брэсцкая, Мсцібаўская, Рудаўская, Слонімская і г.д. [1, с. 49 – 50]. Жыхары Свіслачы ў «польскі» і «савецкі» перыяды працягвалі ўжываць старыя геаграфічна-прыкметавыя назвы вуліц. Па сутнасці, ужыванне гэтых назваў ёсць праява «тутэйшасці» – не правінцыйнасці і адсутнасці нацыянальнай свядомасці, а асобай формы гарманічнай знітаванасці чалавека з навакольным асяроддзем, у якім ён існуе на працягу ўсяго свайго жыцця. Генетычна гэты феномен звязаны з тым, што асяродкам захавання традыцыйнай беларускай мовы і культуры была вёска. Шырокае распаўсюджанне традыцыя «мясцовай лакалізацыі» атрымала ў горадзе разам з прытокам вясковых жыхароў адразу пасля Другой сусветнай вайны. Вядома ж, такі спосаб самаідэнтыфікацыі мясцовых жыхароў ў шматнацыянальным горадзе узнік не адразу, а быў выпрацаваны з часам як спосаб адаптацыі насельніцтва да змянення палітычных умоў існавання. Так, напрыклад, у 20-я – 30-я гг. вуліца Варшаўская атрымала назву імя маршалка Юзафа Пілсудскага. Аднак мясцовыя жыхары паміж сабой працягвалі называць яе Варшаўскай. У «польскі час» і ў гады БССР сучасную вуліцу Пралетарскую, не ўжываючы новых яе назваў, традыцыйна называлі «акопамі», што магчыма назіраць у асяродку старэйшых свіслачан і па сённяшні дзень. Гістарычныя абставіны і ўлады змяняліся, а мясцовая ідэнтычнасць у такіх дзіўных формах імкнулася захаваць свае нацыянальныя сімвалы і культурныя знакі ў супрацьстаянні з новымі тэндэнцыямі.

Гісторыка-культурныя помнікі Свіслачы часам выступаюць ў якасці сродку культурнай і нацыянальнай камунікацыі. Праз гэтыя помнікі можна прасачыць развіццё расійска-польскага этнакультурнага супрацьстаяння. Адным з першых у мястэчку ў 1911 г. з’явіўся помнік Аляксандру II, які, аднак, быў знесены польскімі войскамі ў 1919 г. [9, с. 260]. У 1928 г. у Свіслачы па ініцыятыве мясцовай польскай інтэлігенцыі быў пастаўлены помнік Рамуальду Траўгуту, які пасля падзей 17 верасня 1939 г. быў разбураны савецкімі войскамі. Гэты

помнік аднавілі ў 80-я гг. XX ст. Акрамя помніка, «польскасць» рэпрэзентуе мемарыяльная табліца на адной з гарадскіх вуліц, дзе указана, што з 1924 г. гэта вуліца насіла імя вядомага медыка Адольфа Бітненра. Большая частка помнікаў прысвечана савецкаму мінуламу і падзеям Вялікай Айчыннай вайны: Брацкая магіла савецкіх воінаў і партызан на вул.17 верасня, 14-ці метровая скульптура-абеліск «Асілак», помнікі Леніну і Сталіну і г.д. [10, с. 473]. Паказальна тое, што гэта тэндэнцыя пашыраецца і ў наш час: у 2008-2009 гг. у горадзе былі адчынены новыя помнікі: Герою Савецкага Саюза і ўдзельніку Вялікай Айчыннай вайны М.П. Масонаву, і воінам-інтэрнацыяналістам – удзельнікам вайны ў Афганістане.

Пытанне аб тым, якім чынам на прыкладзе помнікаў адбываецца выцясненне адных нацыянальных сімвалаў іншымі, цікава ілюструе наступная сітуацыя. На будынку сённяшняга гарадскога кінатэатра «Звязда» вісіць мемарыяльная дошка, якая распавядае аб тым, што 17 ліпеня 1944 г., ў дзень вызвалення Свіслачы, на гэтым будынку савецкімі воінамі быў узняты чырвоны сцяг. У той жа час тут няма ніводнай згадкі пра тое, што гэты будынак з'яўляецца былой харальнай сінагогай з XIX ст., часткай унікальнай архітэктурнай забудовы т. зв. «сінагагальнага дворыка». Яўрэйскае мінулае наогул сёння практычна поўнасцю «выцеснена» з горада. Сімвалічна ў гэтым сэнсе тое, што адзіны помнік яўрэям (на мове арыгінала «ахвярам фашызма») знаходзіцца па-за межамі Свіслачы, ў лесе званым Вішаўніком, дзе адбылася канчатковая ліквідацыя свіслацкага гета.

Акрамя помнікаў гісторыі і культуры А. Нікжэнтайціс звяртае ўвагу на памяць пра памерлых. Памяць пра памерлых належыць і да камунікатыўнай, і да культурнай памяці. У апошняй яны павінны мець спецыфічных носьбітаў гэтай памяці, інстытуцыі або рытуалы. Успамін пра памерлых належыць да такой катэгорыі памяці, якая выхоўвае пачуццё агульнасці. Гарадскія некропалі Свіслачы ў сувязі з гэтым перажылі шэраг трансфармацый. Першыя могільнікі знаходзіліся ў непасрэднай блізасці ад царквы і касцёла, якія былі знішчаны ў гады Вялікай Айчыннай вайны [4, с. 284]. У пасляваенны час на тэрыторыі праваслаўных могілак і царквы быў збудаваны дзіцячы садок, а на каталіцкім некропалі узнеслі будынак гаркама партыі. У 1782 г. у канцы вуліцы Гродзенскай былі закладзены новыя могілкі, якія функцыянуюць і сёння пад назвай «праваслаўных» або «Старых» могілак. Сучасны каталіцкі некропаль быў адчынены ў 1898 г., і ў свядомасці свіслачан атрымаў стэрэатыпнае акрэсленне як «польскія могілкі». Сёння цалкам знішчаны яшчэ некалькі сакральных месцаў, якія захоўвалі ў сабе нацыянальныя і культурныя знакі іншых этнасаў. Так, на паўднёва-заходнім ускрайку паселішча знаходзіліся нямецкія ваенныя могілкі часоў Першай Сусветнай вайны. На ўсходзе Свіслачы лакалізаваўся вялікі яўрэйскі некропаль, які быў зачынены ў 1970 г. [5, с. 45]. Паказальна, што будаўнічыя працы на гэтым некропалі пачаліся ўжо ў канцы 70-х гг. XX ст., і сёння на гэтым месцы размяшчаюцца некалькі прыватных жылых кварталаў у раёне паміж сучаснымі вуліцамі Першамайскай і Астапчыка.

Наша даследаванне не магло б прэтэндаваць на сістэмнасць, калі б у ім не ўзгадваліся сакральныя будынкі – храмы. Вядома, што рэлігія, так як і мова,

лічыцца адным з асноўных этнавызначальных гістарычных фактараў. Аднак, разам з тым, такая сітуацыя з'явілася прычынай узнікнення шматлікіх культурна-цывізацыйных штампаў і стэрэатыпаў.

Адносна свіслацкай сінагогі сітуацыя разглядалася вышэй: разам са знікненнем непасрэдных носьбітаў культуры і рэлігіі, яўрэйскі храм не стаў выкарыстоўвацца, напрыклад, у якасці музея: бо музей гэта інстытут захавання памяці. Былая сінагога сёння выкарыстоўваецца ў якасці кінатэатра, а мемарыяльная шыльда на ёй захоўвае памяць пра савецкае мінулае горада.

Даволі неадназначна выглядае сітуацыя з каталіцкім касцёлам у Свіслачы. Драўляны барочны будынак храма з XVII ст. быў знішчаны ў гады Другой сусветнай вайны. Кніга "Памяць" па Свіслацкаму раёну падае, што «акупанты спалілі каталіцкі касцёл Святой Тройцы» [10, с. 39]. Асабліва цікава даведацца, кім былі гэтыя «акупанты». Падрабязныя ўспаміны пра падзеі чэрвеня 1941 г. пакінуў ксёндз Альбін Горба, які знаходзіўся на парафіі ў Свіслачы ў 1927 – 1941 гг. Горба піша, што касцёл згарэў раніцай на чацвёрты дзень вайны ў выніку яго абстрэла савецкай артылерыяй. Запальваючы снарад трапіў у драўляную касцёльную вежу, што з'явілася непасрэднай прычынай знішчэння храма. Немцы ж з'віліся ў Свіслачы каля 16:00 [2, с. 209 – 210]. З вышэйсказанага можна было б зрабіць вывад, нібыта асноўнай праблемай тут былі савецкія войскі, што таксама поўнасцю не адлюстроўвае ўсёй гістарычнай праўды. Справа ў тым, што нямецкі народ у выніку шматлікіх спарадычных канфліктаў з краінамі Цэнтральна-Усходняй Еўропы атрымаў надзвычай негатыўнае ўспрыняцце ў менталітэце жыхароў гэтых, большасцю славянскіх, краін. Таму савецкай ідэалагічнай сістэме было надзвычай лёгка выкарыстаць гэту асаблівасць беларускага менталітэта, і на хвалі пасляваеннай эйфарыі абвінаваціць ва ўсіх матэрыяльных стратах нямецка-фашысцкіх захопнікаў. Але ізноў жа, не ўсё абумовіла толькі савецкая ідэалогія. Менавіта гэта ментальная рыса спрыяла таму, што сведчанне аб спаленым касцёле да сённяшняга дня ніхто так і не ўзяўся па-іншаму асэнсаваць ці аспрэчыць.

Вядома, што каталіцкая рэлігія даволі часта стэрэатыпна атаясамляецца з «польскасцю». Аналагічная сітуацыя характэрна і для сучаснай Свіслачы, нягледзячы на тое, што каталіцкі храм тут узгадваецца ўжо з XV ст. [3, с. 38]. Але на стэрэатыпах выхоўваліся цэлыя пакаленні свіслачан, і яшчэ цяжэй знішчыць гэты стэрэатып стала таму, што пасля знікнення аўтэнтычнай беларускай каталіцкай парафіі ў Свіслачы ў 1940-я гг., сучасны каталіцкі храм і парафія ў Свіслачы былі адноўлены польскімі францысканцамі ў 2000 – 2004 гг. [4, с. 294].

Такім чынам, сістэма урбаніміі, гісторыка-культурных помнікаў і мемарыяльных месцаў Свіслачы ўтрымлівае ў сабе шэраг нацыянальных сімвалаў і культурных знакаў розных этнасаў і гістарычных эпох. Аднак пры іх вывучэнні мы сутыкаемся з шматлікімі недарэчнасцямі і анамаліямі. Адной з асноўных праблем з'яўляецца тое, што некаторыя этнасы і створаная імі культурна-гістарычная спадчына ўвогуле не знайшлі свайго адлюстравання ў сістэме гісторыка-культурных помнікаў і урбаніміі Свіслачы. Да ліку такіх магчыма аднесці мясцовых яўрэяў і татар, не кажучы ўжо аб некалі жыўшых

тут французах, галандцах, швейцарцах, немцах, італьянцах і г.д. Адной з галоўных прычын такога становішча з'явілася фізічнае знікненне гэтых этнасаў з карты паселішча. Пры гэтым патрэбна адзначыць, што разам са знікненнем пэўнай этнаканфесійнай групы яе культурна-гістарычная спадчына нівеліравалася ці «прысвойвалася» іншымі групамі. Гэтую сітуацыю добра адлюстроўвае прыклад з яўрэямі, якія эканамічна і дэмаграфічна дамініравалі ў жыцці мястэчка ў другой палове XIX – пачатку XX ст., але памяць пра якіх была амаль поўнасцю выкрэслена пасля знішчэння яўрэйскага кампанента ў часы Другой сусветнай вайны. У той жа час некаторыя этнаканфесійныя групы, якія мелі высокую ступень этнічнай свядомасці і сталую сувязь са сваёй Радзімай, змаглі перажыць шматлікія катаклізмы XX стагоддзя і працягнуць культурна-гістарычную пераемнасць сваёй этнаканфесійнай групы. Да ліку такіх магчыма аднесці палякаў. Сёння ў горадзе і раёне існуе некалькі аддзелаў «Саюза палякаў», якія якраз займаюцца ўмацаваннем свайго нацыянальнага адзінства праз шматлікія культурныя і грамадскія мерапрыемствы. Існаванне палякаў у этнічным складзе горада абумовіла таксама іх прэтэнзіі на гісторыка-культурную спадчыну мястэчка, у выніку чаго польскі этнічны элемент атрымаў адлюстраванне ў гарадской прасторы.

На самой жа справе Свіслач і сёння працягвае несці ў сабе гэты адбітак этнагістарычнага сінтэзу і ўздзейнічаць на выхаванне і развіццё нацыі. Цікавым чынам заўважае гэту акалічнасць вядомы краязнаўца і публіцыст Алесь Карлюкевіч: «Як толькі удасца патрапіць вам у Свіслач, адразу агледзьце алею ў цэнтры горада, дзе ў адзін рад выстраіліся Каліноўскі, Траўгут, Ленін, Сталін… Помнікі з розных часоў – сімвал гістарычнай шматаблічнасці. Яна, шматаблічнасць, між іншым, фарміравала іх характары, праектавала лёсы сыноў і дачок Свіслаччыны» [7, с. 148 – 149].

Сучасная гісторыка-культурная памяць жыхароў Свіслачы арыентавана ў бок савецкай спадчыны, якая рэпрэзэнтуецца большасцю сучаснай гарадской урбаніміі, памятнымі і мемарыяльнымі месцамі, звязанымі з пахаваннямі загінуўшых у Другой сусветнай вайне, экспазіцыяй мясцовага краязнаўчага музея і г. д. І хоць за апошнія гады адбываецца павольны зварот да беларускай гістарычнай спадчыны, на сённяшні дзень большасць крытэрыяў пераканаўча сведчаць аб тым, што паводле гістарычнай памяці Свіслач працягвае заставацца пераважна савецкім горадам.

pawet.net

Спіс крыніц і літаратуры

1. Karpyza, W. Swisłocz. Część 4 / W. Karpyza // Kroniki Roskie. Gożów Wielkopolski, 1973. – 210 с. (машынапісная манаграфія ў архіве аўтара).
2. Krachel, T. Doświadczeni zniewolieniem: duchowni archidiecezji wilieńskiej represjowani w latach okupacji sowieckej (1939-1941) / T. Krachel. – Białystok, 2005. – 210 s.
3. Maliszewski, E. Pszewodnik po gubernii Grodzieńskiej / E. Maliszewki. Warszawa, – 1919. – 39 s.

4. Zgliński, M. Kościół parafialny p.w.Trojcy w Świsłoczy Wielkiej / M. Zgliński / Kościoły i kłasztory rzymsko-katolickie dawnego województwa nowogródzkiego / Red. nauk. M. Kałamajska-Saeed. – Cz.II, T.2. – Kraków, 2006. – S. 281 – 311.
5. Айн, А. Свислочь / А. Айн // Ваўкавышчына, 2008. – № 4 (14). – С.45 – 52.
6. Гайдучек, М. Свислочь и её улицы / М. Гайдучек // Свіслацкая газета. – 2008. – 26 ліпеня. – С. 3.
7. Карлюкевіч, А.М. Радзімазнаўства: Мясціны. Асобы: краязнаўчыя нарысы / Алесь Карлюкевіч. – Мінск: Літаратура і Мастацтва, 2010. – 352 с.
8. Нікжэнтайціс, А. Нацыянальны сімвал у шматкультурным горадзе / Homo historicus 2009. Гадавік антрапалагічнай гісторыі / А. Нікжэнтайціс. – пад. рэд. А.Ф. Смаленчука. – Вільня: ЕГУ, 2010. – С. 306 – 320.
9. Палубінскі, А. С. На дарогах часу: помнікі гісторыі і культуры на Свіслаччыне // А. С. Палубінскі / Старонкі гісторыі Свіслацкага краю: Матэрыялы навукова-практычнай канферэнцыі / Пад рэд. І.П. Крэнь. – Гродна: ГрДУ, 2001. – С. 259 – 266.
10. Памяць: Свіслацкі р-н.: Гіст.-дак.хронікі гарадоў і р-наў Беларусі / Рэдкал. І.І.Варанец і інш.- Мінск.: Беларусь, 2004. – 526 с.
11. Татаринов, Ю. Города Беларуси в некоторых интересных исторических сведениях. Гродненщина / Ю.Татаринов. Минск, 2009. – 198 с.
12. Што ў вашым імені, вуліцы Свіслачы ? // Свіслацкая газета. – 2006. – 29 верасня. – С. 3.

Сяргей Львовіч Раманаў, студэнт 5 курса факультэта гісторыі і сацыялогіі ГрДУ ім. Я. Купалы. Сфера навуковых інтарэсаў: гісторыя мястэчак Ваўкавыскага павета; айчынная гістарыяграфія і філасофская думка. Навуковы кіраўнік: кандыдат гістарычных навук, дацэнт І.В.Соркіна.

УДК 94(476.6)=411.16

Аляксандр Паняеў, Юлія Фядосава (Гродна)

ГАРОДНЯ: СЛЯДЫ ЯЎРЭЙСКАГА ЖЫЦЦЯ.

В данной статье рассматриваются некоторые места в г. Гродно, исторически связанные с жизнью гродненской еврейской общины. Авторы обращают внимание как на сохранившиеся, так и на несохранившиеся памятники истории и архитектуры. Материал может быть полезен при составлении и проведении экскурсионных маршрутов по историческому центру Гродно.

Першая згадка пра яўрэяў Гародні адносіцца да другой паловы XIV ст. Згодна прывілею Вялікага князя Вітаўта (пра сапраўднасць якога дагэтуль спрачаюцца гісторыкі) яўрэям Гародні былі дараваны пэўныя правы: была вызначана тэрыторыя, дзе яны маглі сяліцца, будаваць сінагогу і засноўваць могілкі [1].

На працягу стагоддзяў колькасць яўрэяў у Гародні ўвесь час узрастала, а перад пачаткам Другой сусветнай вайны кожны другі жыхар горада быў яўрэем [1]. Знішчэнне гарадзенскай яўрэйскай супольнасці пачалося з нямецкай акупацыяй у чэрвені 1941 года. З 25 тысяч яўрэяў Гародні Халакост перажылі менш за 200 чалавек. Большая частка выжыўшых пасля вайны з’ехала ў эміграцыю [1]. Сёння ў Гародні жывуць каля трох тысяч чалавек, якія прызнаюць свае яўрэйскія карані. У жыцці яўрэйскай супольнасці прымаюць удзел да 600 чалавек [1].

Але засталіся маўклівыя сведкі колішняй значнай яўрэйскай прысутнасці –будынкі, месцы, звязаныя з гісторыяй яўрэяў Гародні. Аднымі з такіх найбольш значных месцаў з'яўляюцца былыя сінагогі і яўрэйскія могілкі.

Сінагогі Гародні

У канцы 30-х гадоў XX стагоддзя ў Гародні дзейнічалі 43 сінагогі [2]. Ніжэй прадстаўлены некаторыя сінагогі з гэтага спісу. Будынкі пяці з іх захаваліся да нашага часу.

1. Вялікая харальная сінагога (вуліца Вялікая Траецкая, 59а)

У 1578 г. на тым месцы, дзе цяпер знаходзіцца сінагога, была пабудавана новая яўрэйская сінагога. Галоўны рабін, Мардэхай Яфэ, запрасіў вядомага італьянскага архітэктара Санці Гучы, каб ён пабудаваў сінагогу для 2000 яўрэяў, якія жылі ў той час у Гародні. Будынак заставаўся неперабудаваным да 1899 г., калі ў Гародні здарыўся пажар, які разбурыў не толькі дах і фасад сінагогі, але і вялікую частку будынкаў, у тым ліку малітоўныя дамы яўрэяў у цэнтры горада і яўрэйскі сіроцкі дом. У 1902–1905 гг. сінагогу перабудавалі пры фінансавай падтрымцы губернатара. Дабудаваныя бакавыя флігелі значна змянілі яе аблічча. Пры пабудове выкарыстоўваліся элементы бажніцы XVI ст., а галоўны фасад і флігелі былі вытрыманы ў стылі расійскага мадэрну. Аўтары выдання пра гісторыю архітэктуры Гародні пішуць: «Мабыць, рамантаваў сінагогу той самы архітэктар, які пабудаваў дом для купца Мураўёва на Савецкай плошчы» [3, с. 32]. Сінагога да вайны мела хор і свайго кантара. Вялікая харальная сінагога была зачынена савецкай уладай у 1940 годзе. Падчас нямецкай акупацыі была разрабавана і ператворана ў пункт для збору яўрэяў і іхнай наступнай дэпартацыі ў канцэнтрацыйныя лагеры. Пасля вайны сінагога выкарыстоўвалася як склад харчовых тавараў і медычных сродкаў, пазней пад мастацкія майстэрні. Толькі пасля 1990 года сінагогу вярнулі яўрэйскай рэлігійнай парафіі ў Гародні, і яна дагэтуль застаецца адной з самых важных падобных устаноў Беларусі і СНД [4, с. 21–30].

2. Драўляная сінагога на Фарштаце (вуліца Дарвіна)

Да Другой сусветнай вайны ў занёманскай частцы горада таксама знаходзілася сінагога — унікальны помнік драўлянай архітэктуры Беларусі. Яна была пабудавана ў 1760 годзе Бэйсам Хохесасам. Сінагога знаходзілася на ўзвышшы паміж сучаснымі вуліцамі Леванабярэжнай і Дарвіна. Архітэктура драўляных сінагог, пабудаваных у Рэчы Паспалітай у XVII—XVIII стст., грунтавалася на традыцыях барока. Не была выключэннем і гарадзенская, якая мела традыцыйную прастакутную форму. Асноўны аб'ём завяршаўся так званым ламаным дахам на некалькі ярусаў. Галоўны фасад фланкіравалі дзве вежачкі з чатырохскатнымі купаламі. Сінагога згарэла ў першыя дні вайны. [2]

3. Сінагога Хаей Адом (вуліца Вялікая Траецкая, 13)

Была пабудавана ў 1875 годзе. У гэтай малітоўнай школе магло адначасова змясціцца да 400 чалавек вернікаў абодвух палоў. У 30-я гг. XX ст. адміністратарам у ёй быў Гірш Фарбер. Цяпер тут знаходзіцца спартыўная зала па барацьбе [5].

4. Сінагога Фрумкіна (малітоўная школа Кадыш; вуліца Урыцкага, 9)

У 30-я гг. XX ст. адміністратарам гэтай сінагогі быў Файвел Готкін. Цяпер гэта прыватны жылы дом [2].

5. Сінагога Орах Хаім («Бенахім»; вуліца Сацыялістычная, 35)

Будынак паўстаў у 1856 годзе замест лядашчай драўлянай яўрэйскай малітоўнай школы. Прашэнне аб будаўніцтве падаў Арон Сокал, яго падпісалі яшчэ 32 чалавекі, якія жылі на прылеглых вуліцах. На пабудову сінагогі было выдаткавана 350 рублёў срэбрам. Першым кіраўніком сінагогі быў Гірш Моўшавіч Андрэс. У міжваенны перыяд сінагогу адміністраваў Шмуэль Зелікавіч. [6]

6. Сінагога на Слабодцы (праспект Касманаўтаў, 1)

Пабудавана ў пачатку XX ст. У міжваенны перыяд сінагогай кіраваў Вольф Рыбак, які пражываў пры ёй. У 2008 годзе перабудавана ў банкаўскі разліковы цэнтр. [2]

Яўрэйскія могілкі Гародні

Старыя могілкі (вуліца Вялікая Траецкая)

З гістарычных крыніц вядома, што ў перыяд з XV да сярэдзіны XX ст. у Гародні існавалі трое яўрэйскіх могілак. Найбольш старажытныя могілкі займалі абшар уздоўж вуліцы Крывой (цяпер на гэтым месцы знаходзяцца аўтасэрвіс і дзіцячы садок). Досыць складана вызначыць дакладны час іхнага з'яўлення. У наданым вялікім князем Вітаўтам (1389) прывілеі гарадзенскім яўрэям, сапраўднасць якога аспрэчваецца, агаворвалася між іншым, што ў яўрэяў ужо былі свае могілкі ў Гародні. Значыцца, хутчэй за ўсё, іх можна датаваць канцом XIV ст. У лісце ўправы яўрэйскай рэлігійнай супольнасці да камісара паліцыі ў Гародні ад 24 мая 1932 года паведамляецца: «*Старыя яўрэйскія могілкі па вуліцы Крывой, 1, якія ўяўляюць сабой гістарычную каштоўнасць вялікай значнасці (помнік XV ст.), сістэматычна апаганьваюцца. Мясцовыя жыхары выкарыстоўваюць іх як месца выпасу быдла, што не адпавядае належнаму да іх стаўленню, але, што яшчэ горш, вандалы рознага роду спраўляюць там оргіі, якія ні ў адным культурным грамадстве не практыкуюцца і не дазваляюцца; могілкі служаць ім і спартыўнай пляцоўкай, і месцам для азартных гульняў… Управа яўрэйскай рэлігійнай супольнасці просіць ужыць праўныя захады, якія б пакончылі з гэтымі варварскімі ўчынкамі і дапамаглі прыцягнуць вінаватых да судовай адказнасці…*» [7] На могілках таксама знаходзілася камяніца, якая належала гарадзенскай яўрэйскай грамадзе. Тут жа да Другой сусветнай вайны месцілася канцылярыя пахавальнага таварыства і вартоўня. У міжваенны перыяд кіраўніком Старых могілак быў Гілель Ставіцкі. [8] Падчас Другой сусветнай вайны Старыя могілкі ўваходзілі ў склад гета № 1 і там, згодна з успамінамі Р. Н. Хасіда, хавалі яўрэяў, памерлых у няволі.

Новыя могілкі (вуліца Горкага)

Хутчэй за ўсё, на Старых могілках ужо ў XVIII ст. практычна не засталося вольнага месца для пахаванняў, таму ўзнікла неабходнасць у стварэнні новых могілак. Яны былі закладзены паблізу ад горада, на месцы ранейшага выгану, каля Грандзіцкай дарогі (цяпер вул. Горкага). З дакументаў гарадзенскай гарадской Управы вынікае, што могілкі былі адкрыты ў 1791

годзе. Новыя яўрэйскія могілкі былі самыя вялікія па сваіх памерах, яны неадначасова пашыраліся за кошт суседніх земляў у 1869, 1883, 1905, 1923 гг. [9]. Тут была і камяніца, дзе месціліся морг і вартоўня [8]. На гэтых могілках было пахавана шмат вядомых рабінаў. Там жа была і магіла Лейбы Найдуса з помнікам у выглядзе анёла ў смутку. У архіве захавалася тры фотаздымкі, на якіх адлюстравана ўрачыстае адкрыццё помніка Яхе Грынберг (у дзявоцтве Брэгман), з мэтай ушанавання памяці і заслуг прадстаўнікоў сям'і Брэгман перад гарадзенскай яўрэйскай грамадой [10]. Могілкі зачынілі ў 1947 годзе. У 1958 годзе пачалося іх знішчэнне. Ужо ў 1963 годзе на месцы могілак пабудавалі стадыён «Чырвоны Сцяг» (сёння —«Нёман»). У 2003 годзе, нягледзячы на пратэсты яўрэйскай грамады, пачалася рэканструкцыя стадыёна, пры якой зноў былі ўскрытыя старыя пахаванні. У наш час на агароджы стадыёна ў знак павагі да памяці пахаваных там гарадзенцаў размешчана мемарыяльная шыльда. [4, с. 21–30].

Могілкі на Занёманскім Фарштаце (вуліца Паповіча)

Могілкі на Занёманскім Фарштаце заснавалі ў XVIII ст. для яўрэйскай грамады гэтай часткі горада. Гэта адзіныя яўрэйскія могілкі, якія захаваліся ў Гародні да нашых дзён. Цяпер тут можна ўбачыць больш за 2000 надмагільных помнікаў-мацэваў (некаторыя цяжка распазнаць, таму што яны з цягам часу пайшлі ў зямлю). Надпісы на камянях збольшага на іўрыце, але ёсць і на ідышы. На гэтых могілках пахаваны рабін Аляксандр Зыскінд, памерлы ў 5554 (1794) годзе. У 1990-я гг. на ягонай магіле быў усталяваны помнік. Перад смерцю рабін запаведаў на адлегласці ста метраў ад сваёй магілы не хаваць нікога, акрамя праведнікаў. Там заўсёды было вольнае месца. Паводле гэтай прыкметы і адшукалі ў нашыя дні тое месца, дзе ён знайшоў апошні прытулак. На гэтых могілках таксама пахаваны Шымон Шкоп — знакаміты гарадзенскі рабін. На левым баку могілак ёсць вялікія бясформавыя груды зямлі. Гэта тэрыторыя, куды звозілі змяшаныя з зямлёй ды пяском парэшткі з Новых яўрэйскіх могілак падчас іхнага разбурэння [4, с. 21–30]. У міжваенны перыяд Фарштацкімі могілкамі загадваў Лейб Арловіч. На могілках ёсць таксама камяніца-вартоўня (захавалася да нашага часу) [8]. Могілкі былі зачынены савецкай уладай у 1968 годзе.

Міква (завулак Віленскі)

Як і кожная яўрэйская грамада, гарадзенская валодала рытуальнай лазняй з міквай для рытуальнага мыцця. Міква ўяўляла з сябе вялікую ванну прыкладна паўтара на паўтара метра, углыбкі каля 1 метра 20 сантыметраў. Міква выкарыстоўвалася не толькі жанчынамі, але і мужчынамі. Папарыцца, а затым акунуцца ў басейн з праточнай вадой павінен быў кожны мужчына напярэдадні суботы, а таксама перапісчык сувоя Торы перад пачаткам працы. Гарадзенская лазня была ўласнасцю грамады. Яна здавалася ў арэнду прыватным асобам тэрмінам на пяць гадоў. Для яўрэяў рысы аселасці лазня сталася сапраўдным клубам. Тут можна было скарыстацца з паслугаў фельчара. У Гародні былі дзве міквы: адна пры Галоўнай сінагозе, другая – у будынку лазні па Віленскім завулку [12].

Грамадская яўрэйская лазня ў 1920-я гг. была адзінай у горадзе, таму палову яе наведнікаў складалі вайскоўцы, якія плацілі за ўваход усяго 1/5 кошту білета. Значная была і колькасць цывільных асобаў. Лазня ўтрымлівалася выключна на сродкі яўрэйскай грамады. Сумны фінансавы стан не даваў мажлівасці ўтрымліваць гэтую ўстанову на патрэбным гігіенічным узроўні, своечасова рабіць рамонт [11, с. 128–129]. Пасля ваенных дзеянняў і акупацыі горада лазня заняпала. У 1923 годзе кацельня была пажаранебяспечнай, фарба на лесвіцах аблупілася, столь была ўся ў пацёках, а сцены ў цвілі. Асаблівую небяспеку выклікаў стан каналізацыі, якая скідвала сцёкі наўпрост у рэчку Гараднічанку ледзь не ў самым цэнтры горада. Праз некалькі гадоў грамада ўсё ж знайшла сродкі для рамонту. Усталявалі новыя эмаляваныя ванны, паправілі катлы, што каштавала каля 10 млн. марак. У 1937 годзе у лазні адбыўся пажар. Страты, што склалі 2535 злотых, аплаціла страхавое таварыства, а лазню аднавілі [12]. Будынак яўрэйскай лазні разабралі ў 70-я гг. XX ст.

Рэзня (вуліца Камунальная, 32)

У іўдаізме прысутнічае патрабаванне кашэрнасці мяса. Слова «кашрут» на іўрыце азначае «прыдатны». Яно звычайна ўжываецца да ежы і напояў, прыгатаваных згодна з яўрэйскімі законамі. У 1921—1939 гг. у Гародні былі тры рэзні для забою буйной і дробнай рагатай жывёлы, а таксама дзве для птушак. Пасада рэзніка была ганаровая, займаць яе можна было толькі з дазволу рабіна. Штат цэнтральнай гарадзенскай рэзні, якая знаходзілася на вуліцы Рэзніцкай (цяпер гэта вуліца Камунальная, 32) налічваў дзевяць чалавек. Два рабіны сачылі за правільнасцю забою. Непасрэдна забоем займаліся пяць рэзнікаў. Быў таксама бухгалтар і даглядчык, які сачыў за кашэрнасцю мяса. Умовы працы на гарадзенскіх яўрэйскіх рэзнях былі цяжкія. Грамада не заўсёды магла плаціць заробак іхнаму персаналу. Таму кіраўнік рэзні засыпаў управу яўрэйскай грамады лістамі. Ён скардзіўся, што «працоўныя часта працуюць у брудных, парваных ды нямытых фартухах», і патрабаваў выдаць сваім падначаленым па тры фартухі і ручнікі, а таксама забяспечыць іх своечасовае пранне [13].

Цэны на забой быдла ўзгадняліся з магістратам. Калі ў выніку сусветнага эканамічнага крызісу 1929 года мяса патаннела, а цэны засталіся ранейшыя, гандляры прасілі магістрат знізіць цану забою. Наступны выпадак рэзкага ўздыму цэнаў на кашэрнае мяса быў адзначаны ўжо ў 1937 годзе. Цяпер ужо яўрэйская грамада прасіла магістрат аказаць дапамогу, таму што «рост цэнаў на мяса адбіваўся на бедным яўрэйскім насельніцтве нашага горада» [13].

Рынак на плошчы Стэфана Баторыя (плошча Савецкая)

Рынак на плошчы Стэфана Баторыя (цяпер – Савецкая плошча) у XIX — пачатку XX ст. быў цэнтрам яўрэйскага гандлю ў горадзе. Проста каля крамаў выстаўляліся яткі, на якіх раскладалі небагаты тавар: селядзец, абаранкі, розную драбязу, галантарэю, металічныя прылады працы, старызну. Такім гандлем займаліся жанчыны, часцей за ўсё старэйшыя дочкі, тым часам як маці сем’яў падзараблялі падзённым мыццём ці сядзелі ў краме. Большасць яўрэяў гандлявала ўразнос з латкоў, але было нямала і тых, хто ўтрымоўваў крамкі.

Яны месціліся пераважна ў цэнтры горада — на Рынку [11, с. 168–169]. Дакументы паведамляюць, што ў 1834 годзе гарадзенскія яўрэі арандавалі ў магістрата 83 гарадскія крамы [14]. Яны адрозніваліся ад крам хрысціянскіх купцоў меншымі цэнамі. Капітал, які знаходзіўся ў абароце ў крамнікаў-яўрэяў, быў мізэрны. Паводле дакументаў архіва, у 1819 годзе 17 з 22 уладальнікаў крам мелі не больш чым 50 рублёў. Досыць шмат гарадзенцаў-яўрэяў займалася вырабам і продажам спіртных напояў [15]. Багата шынкоў і корчмаў месцілася ў цэнтры горада, а таксама на занёманскім Фарштаце. У міжваенны перыяд гарадзенскія яўрэі па-ранейшаму заставаліся крамнікамі, а таксама дробнымі і сярэднімі рамеснікамі. На плошчы С. Баторыя знаходзілася крама Вінніка, дзе прадавалі модныя тады патэфоны і радыёпрымачы. Побач была крама Крэмэра, дзе можна было купіць фарбу. Яўрэйскія крамкі працавалі ад ранку да ночы, часта нават да таго часу, калі з вуліц знікалі апошнія мінакі [11, с. 158].

Рамеснае вучылішча імя Элізара Брэгмана (вуліца Вялікая Траецкая, 2)

Будынак рамеснага вучылішча імя Элізара Брэгмана па вул. Вялікай Траецкай, 2, спраектаваны варшаўскім архітэктарам Н. Гарціцье (Gartitier) у 1899 годзе. Гэтую ўстанову з трохгадовым курсам навучання заснавалі ў 1902 годзе на сродкі, пакінутыя паводле тэстаменту Э. Брэгмана, пры ўдзеле таварыстваў, якія ставілі сабе за мэту распаўсюд рамяства сярод яўрэяў. З гэтага вучылішча выходзілі кваліфікаваныя слесары, кавалі і механікі, а з сярэдзіны 1920-х гг. тут дзейнічала аддзяленне кроення і пашыву для яўрэйскіх дзяўчат [16]. Агульная колькасць навучэнцаў дасягала ста чалавек. З фінансавымі цяжкасцямі вучылішчу дапамагалі даць рады гарадзенскі кагал і Арганізацыя падтрымкі рамеснай і сельскагаспадарчай працы яўрэяў Польшчы [17].

У 1925 годзе пры рамеснай школе адкрыліся прафесійныя курсы для дарослых, дзе рыхтавалі сталяроў, слесараў і электратэхнікаў. Кіраўніком курсаў быў прызначаны дырэктар рамеснай школы М. Гажанскі [18]. На курсы прымалі асобаў мужчынскага полу, старэйшых за 16 гадоў, якія скончылі прынамсі пяць класаў агульнаадукацыйнай школы [19]. Выкладанне вялося на ідышы, навучанне доўжылася два гады і складалася з тэарэтычнага і практычнага курсаў. Пасля заканчэння заняткаў здаваўся іспыт [20]. Якія прадметы праходзілі навучэнцы курсаў? Гэта былі польская мова, стылі гандлёва-прамысловай карэспандэнцыі, краязнаўства і гаспадарчая геаграфія Польшчы, грамадазнаўства, іудаіка (рэлігія і мова), арыфметыка і алгебра, рахункаводства і калькуляцыя, агульная і прафесійная гігіена, эскіз, геаметрычнае красленне і праектаванне, красленне, прамысловая фізіка і прафесійная тэхналогія. Падобныя рамесныя вучылішчы знаходзіліся таксама ў Беластоку і Дзвінску (Даўгаўпілсе) [11, с. 259–260].

Такім чынам, лёс не пашкадаваў мясцін, звязаных з гісторыяй яўрэяў Гародні. У наш час ужо не існуюць Старыя і Новыя яўрэйскія могілкі, большасць сінагог, а некаторыя захаваўшыеся будынкі сінагог і іншыя аб’екты, звязаныя з жыццём даваеннай гарадзенскай яўрэйскай грамады,

змянілі сваё першаснае функцыянальнае прызначэнне. Сярод захаваўшыхся аб'ектаў варта адзначыць Галоўную сінагогу і яўрэйскія могілкі на Фарштаце.

Жыццё сённяшняй гарадзенскай яўрэйскай суполкі ў асноўным сканцэнтравана вакол Галоўнай сінагогі і дабрачыннай арганізацыі «Хэсэд Нохум». Нядаўна з'явілася надзея на спонсарскую дапамогу ў аднаўленні Галоўнай сінагогі. Таксама рыхтуюцца патрэбныя дакументы на ўключэнне яўрэйскіх Фарштацкіх могілак у спіс гісторыка-культурных каштоўнасцей Рэспублікі Беларусь.

Спіс крыніц і літаратуры

1. Сабалеўская, В. Гародня: сляды яўрэйскага жыцця / В. Сабалеўская, А. Паняеў, Ю. Фядосава, М. Баціс, У. Буцько, Н. Крапівіна, Г. Шлёгель, Э. Ханф // ARCHE. – 2010. – №6. – С. 352–357.
2. Кемеров, М. Гродненские синагоги / М. Кемеров // Мишпоха. – 2000. – № 6.
3. Лялевіч, Я. Ад Каложы да Фартоў / Я. Лялевіч, І. Трусаў, А. Чарнякевіч. – Мінск : Лімарыус, 2008. – 91с.
4. Карпенко, И. Королевский город / И. Карпенко // Лехаим: ежемесячный литературно-публицистический журнал. – 2007. – №4. – С. 21–30.
5. Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі (НГАБ) ў Гародні. – Фонд 21. – Воп. 32. – Спр. 1657.
6. НГАБ у Гародні. – Фонд 2. – Воп. 12. – Спр. 470.
7. Дзяржаўны архіў Гродзенскай вобласці (ДАГВ). – Фонд. 56. – Воп. 1. – Спр. 82. – Арк. 67.
8. ДАГВ. – Фонд 56. – Воп. 1. – Спр. 16.
9. НГАБ у Гародні. – Фонд 17. – Воп. 1. – Спр. 319. – Арк. 22.
10. ДАГВ. – Фонд 56. – Воп. 1. – Спр. 130 (фотаздымак).
11. Соболевская, О.А. Евреи Гродненщины: жизнь до Катастрофы / О.А. Соболевская, В.В. Гончаров. – Донецк: Норд-Пресс, 2005. – 389 с.
12. ДАГВ. – Фонд 56. – Воп. 1, – Спр. 17, – Арк. 34.
13. ДАГВ. – Фонд 56. – Воп. 1, – Спр. 78.
14. НГАБ у Гародні. – Фонд 1. – Воп. 4. – Спр. 236.
15. НГАБ у Гародні. – Фонд 1. – Воп. 4. – Спр. 1422, – Арк. 13.
16. ДАГВ. – Фонд 56. – Воп. 1. – Спр. 1. – Арк. 1.
17. ДАГВ. – Фонд 56. – Воп. 1. – Спр. 14. – Арк. 35.
18. ДАГВ. – Фонд 56. – Воп. 1. – Спр. 28. – Арк. 136.
19. ДАГВ. – Фонд 56. – Воп. 1. – Спр. 47. – Арк. 4.
20. ДАГВ. – Фонд 56. – Воп. 1. – Спр. 54.

Аляксандр Віктаравіч Паняеў, магістрант кафедры сацыялогіі і спецыяльных сацыялагічных дысцыплін ГрДУ ім. Я. Купалы. Сфера навуковых інтарэсаў: сацыялогія рэлігіі, этнасацыялогія.

Юлія Анатольеўна Фядосава, магістрант кафедры паліталогіі ГрДУ ім. Я.Купалы. Сфера навуковых інтарэсаў: прыкладная сацыялогія, палітычная сацыялогія, піяр.

ДАДАТКІ

ДАДАТАК 1

Ілюстрацыі да артыкула Артура Маркоўскага

Рис. 1. Место начала погрома. Перекресток Александровской и Институтской улиц. 1 (14) июня 1906 г.

Источник: Кровавая политика и Белостокский погром. – Москва, 1906 // http://szlak.uwb.edu.pl/pobierz/plan_carski.jpgб

Рис. 2. Зона смерти. Некоторые убийства и их локализация в пространстве Белостока.

Источник: Кровавая политика и Белостокский погром. – Москва, 1906 // http://szlak.uwb.edu.pl/pobierz/plan_carski.jpgб

Рис. 3. Пространства грабёжей во время погрома в Белостоке.

Источник: Кровавая политика и Белостокский погром. – Москва, 1906 // http://szlak.uwb.edu.pl/pobierz/plan_carski.jpgб

Рис. 4. Места важных событий во время погрома в Белостоке в 1906 г.

Источник: Кровавая политика и Белостокский погром. – Москва, 1906 // http://szlak.uwb.edu.pl/pobierz/plan_carski.jpgб

ДАДАТАК 2

Ілюстрацыі да артыкула Таццяны Вароніч

Рис. 1. Плакаты МЧС

Рис. 2. Реклама автокредитов Белросбанка

Рис. 3. Рекламе тарифного плана Велком «Дела семейные»

Рис. 4. Социальные плакаты Госавтоинспекции МВД

Рис. 5. Социальная реклама, нацеленной против распространения ВИЧ-инфекции

Рис. 6. Социальные плакаты Министерства здравоохранения, направленные на пропаганду и формирование здорового активного образа жизни

Рис. 7. Рекламе банковских и страховых учреждений

Рис. 8. Реклама Нового радио

Рис. 9. Реклама окон и газетной рубрики

Рис. 10. Реклама немецких энергосберегающих насосов

Рис. 11. Реклама кваса «Лидский», ресторана «7 тонн», тарифного плана Велком

Рис. 12. Реклама минских клубов НЛО, Африка, Next

ДАДАТКІ

ДАДАТАК 3
Ілюстрацыі да артыкула Майі Пташак

Рис. 1. План Вильно 1840 г. Радиальная схема Старого города

Рис. 2. Литография Э.Цицери по А.Чапскому из альбома Вильчинского 1846 г.

Рис. 3. План Вильно конца XIX в.
(CVIA (Центральный государственный исторический архив), 938 – 4 – 145)

Рис. 4. План парцеляции Зверинца 1902 г.

Рис. 5. Неовизантийская Знаменская церковь на улице Витауто

Рис. 6. Неоготический костел на ул. Селю

Рис. 7. Караимская кенесса в мавританском стиле на улице Любарто

Рис. 8. Модерн доходного дома на ул. Кястуче

Рис. 8 А. Фрагмент характерного декора модерна

Рис. 9. Жилой дом на улице Витауто

Рис. 9 А. Жилой дом на улице Витауто

Рис. 10. Угловой дом на ул. Витауто /Тряниотос

Рис. 11. Жилой дом в закопанском стиле на ул. Кястуче

Рис. 11 А. Фрагмент характерного «солнца» на фронтоне

Рис. 12. План охранной зоны части Зверинца и деревянное наследие

ДАДАТАК 4

Ілюстрацыі да артыкула Сяргея Харэўскага

Нясвіж. Урадавая калонія.
Архітэктар Тодар Буршэ, цывільны інжынер Юзаф Крупа. 1934 г.

Свята-Пакроўскі сабор у Баранавічах

Фрагмент мазаікі Свята-Пакроўскага сабора ў Баранавічах

ЗМЕСТ

ПРАДМОВА……3

1. **УРБАНІЗАЦЫЯ І ДЭМАГРАФІЧНЫЯ ПРАЦЭСЫ**……....4

Шыбека З. МЕНТАЛІТЭТ БЕЛАРУСКІХ ГАРАДЖАН У КАНТЭКСЦЕ ФАРМАВАННЯ ГРАМАДЗЯНСКАЙ НАЦЫІ…… 4

Ридевский Г. УРБАНИЗАЦИЯ И ПРОЦЕССЫ РЕГИОНАЛИЗАЦИИ В БЕЛАРУСИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XXI вв. ……...15

Соркіна І. РОЛЯ МЯСТЭЧАК У ПРАЦЭСАХ УРБАНІЗАЦЫІ Ў БЕЛАРУСІ Ў КАНЦЫ XVIII – ПАЧАТКУ XX СТ. (НА ПРЫКЛАДЗЕ ГРОДЗЕНСКАЙ ГУБЕРНІ)……..24

Мароз М. ДА ПЫТАННЯ АБ ЗМЕНАХ У ПРОЗВІШЧАХ МЯШЧАН-ХРЫСЦІЯН КАПЫЛЯ Ў ПЕРШАЙ ТРЭЦІ XIX СТ. ……....34

Зиневич Н. ЧАСТНОСОБСТВЕННЫЕ ГОРОДА ЗАПАДНОГО КРАЯ В ПРОЦЕССЕ ИНТЕГРАЦИИ В СОСТАВ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В XIX В. ……..36

Шимукович С. ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ В УЕЗДНЫХ ГОРОДАХ БЕЛАРУСИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX В. КАК ФАКТОР, ВЛИЯЮЩИЙ НА УПРАВЛЕНИЕ РЕГИОНОМ (НА ПРИМЕРЕ УЕЗДНОГО ГОРОДА ДИСНА ВИЛЕНСКОЙ ГУБ.)…….....41

Онищук А. УРБАНИЗАЦИЯ БЕЛОСТОКА: ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ НА ОСНОВЕ ПЕРВОЙ ВСЕОБЩЕЙ ПЕРЕПИСИ НАСЕЛЕНИЯ 1897 г.……50

Марковски А. ПРОМЫШЛЕННЫЙ ГОРОД КАК ПРОСТРАНСТВО СОБЫТИЙ, СВЯЗАННЫХ С ЕВРЕЙСКИМ ПОГРОМОМ: БЕЛОСТОК 1906 г. ……...59

Вавренюк И. АНТИСЕМИТИЗМ КАК ПРОБЛЕМА РАЗВИТИЯ ЕВРЕЙСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ПОЛЕССКОГО ВОЕВОДСТВА (1921-1939 гг.) ……....63

Вайцешчык Г. МЕСЦА МЯСТЭЧАК У СТРУКТУРЫ ПАСЕЛІШЧАЎ ЗАХОДНЯЙ БЕЛАРУСІ Ў 1921 – 1939 гг. ……....74

Раманава І. ТРАНСФАРМАЦЫЯ САЦЫЯЛЬНАЙ СТРУКТУРЫ ГАРАДСКОГА НАСЕЛЬНІЦТВА Ў БССР У 1920 – 1930-я гг..……....82

Носова А. СОЦИАЛЬНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ РЕПАТРИАНТОВ НА ПРИМЕРЕ ГОРОДОВ ГРОДНЕНСКОЙ ОБЛАСТИ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА 1940-х гг.) ……89

Дзярновіч А. “НОВЫЯ ГАРАДЖАНЕ” МЕГАПОЛІСА: ТРАНСФАРМАЦЫЯ САЦЫЯКУЛЬТУРНАГА АСЯРОДДЗЯ МІНСКА Ў 1950-я – 1980-я гг.: ПАСТАНОЎКА ПРАБЛЕМЫ ……..…96

Воронич Т. ГЕНДЕРНЫЕ СТЕРЕОТИПЫ В ГОРОДСКОЙ РЕКЛАМЕ ……..101

Бабосов Е. ВЛИЯНИЕ УРБАНИЗАЦИИ НА ДЕМОГРАФИЧЕСКУЮ СИТУАЦИЮ В БЕЛАРУСИ ……..112

Кривощёкий Г. УРБАНИЗАЦИЯ И СОЦИАЛЬНЫЕ ПРИОРИТЕТЫ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ В НАЧАЛЕ XXI В. ……..…117

Змитрукевич А. ГОРОДСКАЯ ИСТОРИЯ (STADTGESCHICHTE) И ПРОЦЕССЫ УРБАНИЗАЦИИ БЕЛАРУСИ В XX в. В

ЗАПАДНОГЕРМАНСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ
(50-е ГОДЫ XX В. – НАЧ. XXI В.) ……..…125
Карева А. БЕЛАРУСЬ ЭПОХИ МОДЕРНИЗАЦИЙ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ
XIX – XX ВВ. В БЕЛОРУСОВЕДЕНИИ ВЕЛИКОБРИТАНИИ
(ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XX – НАЧАЛО XXI ВВ.) ……133

2. УРБАНІЗАЦЫЯ І ЭКАНОМІКА……138

Киштымов А. ПУТИ СООБЩЕНИЯ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА УРБАНИЗАЦИЮ
БЕЛАРУСИ (КОНЕЦ XVIII – НАЧАЛО XX В.) ……..138
Грузицкий Ю. ГОРОДСКИЕ ОБЩЕСТВЕННЫЕ БАНКИ ДОСОВЕТСКОЙ
БЕЛАРУСИ…….....143
Кітурка І. ГАРАДЫ ГРОДЗЕНСКАЙ ГУБЕРНІ Ў СФЕРЫ
ПРАДПРЫМАЛЬНІЦТВА
Ў ДРУГОЙ ПАЛОВЕ XIX – ПАЧАТКУ XX СТ. ……151
Івашчанка Н. МЯШЧАНЕ-ЧЫНШАВІКІ Ў ДРУГОЙ ПАЛОВЕ XIX –
ПАЧАТКУ XX ст. (НА ПРЫКЛАДЗЕ ГРОДЗЕНСКАЙ ГУБЕРНІ) ……..165
Полетаева Н. ЧАСТНЫЕ КРЕДИТНЫЕ УЧРЕЖДЕНИЯ В ГОРОДАХ
БЕЛАРУСИ В ГОДЫ НЭПА ……...……173
Лаўрэш Л. ПРАМЫСЛОВАСЦЬ ГОРАДА ЛІДА Ў 1920-30-я гг. …….……181
Вайцешчык Г. РАМЕСНІЦКІЯ ЗАНЯТКІ МЕСТАЧКОЎЦАЎ
ЗАХОДНЯЙ БЕЛАРУСІ Ў 1921 – 1939 гг. …….……..188
Белазаровіч В. ЭКАНАМІЧНАЯ РОЛЯ ГАРАДОЎ ЗАХОДНЯГА РЭГІЁНА
БЕЛАРУСІ Ў ДРУГОЙ ПАЛОВЕ XX СТ. ……...198
Тимофеев Р. ВЛИЯНИЕ ПРОЦЕССОВ УРБАНИЗАЦИИ НА РАЗВИТИЕ
ТРАНСПОРТА БЕЛАРУСИ В 1970-80-е гг. ……...205
Хамутовская С. ВЛИЯНИЕ УРБАНИЗАЦИИ НА ОЦЕНКУ
БЕЛОРУССКИМ ЭЛЕКТОРАТОМ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ И
ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ В СТРАНЕ……...211
Крэнь І. ГОРАД ГРОДНА: АСНОЎНЫЯ ВЕХІ ГІСТОРЫІ,
СУЧАСНЫ СТАН І ПЕРСПЕКТЫВЫ РАЗВІЦЦЯ…….…215

3. УРБАНІЗАЦЫЯ І КУЛЬТУРА……....227

Куль-Сяльверстава С. КАМЕРЦЫЯЛІЗАЦЫЯ КУЛЬТУРЫ ЯК КАМПАНЕНТ
УРБАНІЗАЦЫЙНЫХ ПРАЦЭСАЎ У БЕЛАРУСІ
(КАНЕЦ XVIII – ПЕРШАЯ ПАЛОВА XIX СТ.)……..…227
Трусов И. АРХИТЕКТОРЫ И СТРОИТЕЛИ ГРОДНО: XII – XVIII ВВ. ……232
Федоров И. ФОРМИРОВАНИЕ ГРАЖДАНСКОЙ ЗАСТРОЙКИ
В ГРОДНО ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В. ……..…249
Пташек М. СПЕЦИФИКА УРБАНИЗАЦИИ РАЙОНА ЗВЕРИНЕЦ
(ЖВЕРИНАС) В ВИЛЬНЮСЕ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX В. ……258
Ясэк А. ДАБРАЧЫННАЯ ДЗЕЙНАСЦЬ ГАРАДЖАН У ДРУГОЙ
ПАЛОВЕ XIX – ПАЧАТКУ XX СТ. (НА ПРЫКЛАДЗЕ АПЕКІ НАД
ДЗЕЦЬМІ-СІРОТАМІ Ў ГРОДНЕ) ……...263
Папко В. СВЕЦКАЕ ЖЫЦЦЁ ГАРАДОЎ БЕЛАРУСІ
Ў XIX – ПАЧАТКУ XX СТСТ. …….…..…274
Раманаў С. ФЕНОМЕН ШМАТКУЛЬТУРНАСЦІ МЯСТЭЧКА СВІСЛАЧ

(XIX – ПЕРШАЯ ПАЛОВА XX СТ.) ……..283
Загідулін А. АСАБЛІВАСЦІ РАЗВІЦЦЯ ГАРАДСКОЙ КУЛЬТУРЫ
Ў ЗАХОДНЯЙ БЕЛАРУСІ (1921–1939 гг.) ……..…294
Харэўскі С. АРХІТЭКТУРА І РЭЛІГІЙНАЕ ЖЫЦЦЁ Ў ЗАХОДНЯЙ
БЕЛАРУСІ 1915 – 1939 гг. ……300
Сілава С. БАРАЦЬБА З РЭЛІГІЯЙ І МЕНТАЛЬНАСЦЬ ГАРАДЖАН
ГРОДЗЕНШЧЫНЫ Ў 50–60-Я ГАДЫ XX СТ.
(НА ПРЫКЛАДЗЕ ПРАВАСЛАЎНАЙ ЦАРКВЫ) ……...310
Никулина Ю. ВЛИЯНИЕ УРБАНИЗАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ НА
СОЦИОКУЛЬТУРНУЮ СИТУАЦИЮ В СОВРЕМЕННОЙ БЕЛАРУСИ …….318
Бабосова Е. СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ
ФАКТОРЫ УГЛУБЛЕНИЯ УРБАНИЗАЦИИ В СОВРЕМЕННОМ
БЕЛОРУССКОМ ОБЩЕСТВЕ ……..…..328
Макрушыч А. ЭТНАКУЛЬТУРНАЕ РАЗВІЦЦЁ ГАРАДОЎ
ГРОДЗЕНШЧЫНЫ Ў 1990-х гг. ……..…...333
Колоцей М., Улейчик Н. ПОЛЬСКОЕ НАЦИОНАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ
НА ГРОДНЕНЩИНЕ В 1990 – НАЧАЛЕ 2000-х гг.: ДОСТИЖЕНИЯ,
ПРОБЛЕМЫ, ПЕРСПЕКТИВЫ ……..……340
Сацукевіч І. ПРАБЛЕМЫ РАЗВІЦЦЯ УРБАНАНІМІІ ГРОДНА
Ў XX – XXI СТСТ. ……...….347
Раманаў С. СІСТЭМА УРБАНІМІІ, ГІСТОРЫКА-КУЛЬТУРНЫХ
ПОМНІКАЎ І МЕМАРЫЯЛЬНЫХ МЕСЦАЎ СВІСЛАЧЫ
Ў КАНЦЫ XX – ПАЧАТКУ XXI СТ. ……..355
Паняеў А., Фядосава Ю. ГАРОДНЯ: СЛЯДЫ ЯЎРЭЙСКАГА ЖЫЦЦЯ ……...363
ДАДАТКІ …….....370

pawet.net